НАУЧНО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

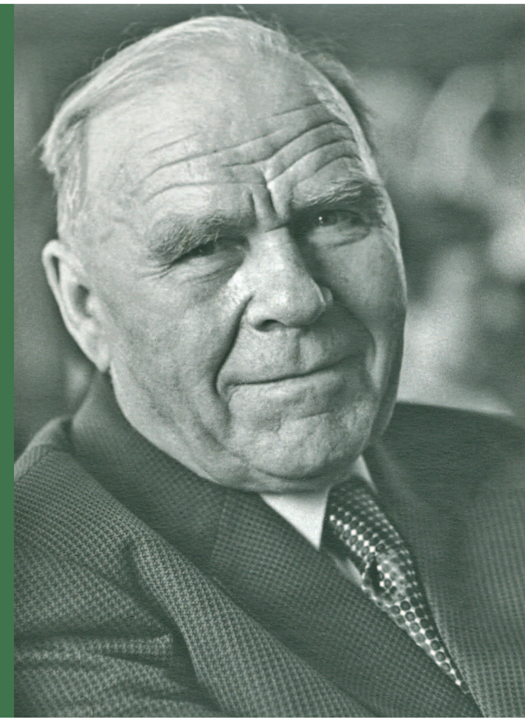
Гавриил Иванович Горецкий (1900-1988) – выдающийся геолог-четвертичник, палеогеограф, стратиграф и археолог. Ровесник века он своей судьбой и талантом выразил все противоречия эпохи. В 28 лет избран в первый состав Белорусской академии наук как экономист-географ и демограф, активный участник национального возрождения. Через два года репрессирован, исключен из состава академиков как "враг пролетарской диктатуры". С 1931 г. в лагерях в Карелии и на Кольском полуострове, на строительстве Беломорско-Балтийского канала. Досрочно освобождённый в 1934 г. продолжил работу на гидрообъектах НКВД на севере России. Благодаря таланту исследователя и замечательной трудоспособности сформировался как специалист по инженерной геологии, участвовал в проектировании и строительстве десятков гидросооружений, был главным геологом оборонных работ под Ленинградом и Москвой. В дальнейшем работал в системе Гидропроекта на Каме, Волге, Дону, Маныче, Днепре. Его инженерно-геологические изыскания легли в основу строительства многих гидросооружений. Собрал уникальнейший материал по аллювию рек Восточно-Европейской равнины. На протяжении года (1945-1946) защитил кандидатскую и докторскую диссертации. Создал актуальный до сих пор грандиозный проект, посвященный великим пракекам Русской равнины, удостоенный Государственной премии СССР. Вернувшись на родину после реабилитации и восстановления в Академии наук, организовал масштабные исследования антропогена Беларуси, сформировал научную школу геологов-четвертичников, обосновал новую науку – палеопотамологию. Много сил отдал реабилитации погибшего в заключении брата Максима Горецкого – классика белорусской литературы, и возвращению его литературного наследия.

Р.Г. Гарецкий,
В.И. Оноприенко

Гавриил Иванович ГОРЕЦКИЙ

НАУЧНО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Р.Г. Гарецкий
В.И. Оноприенко

Гавриил Иванович ГОРЕЦКИЙ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

НАУЧНО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕРИЯ «НАУЧНО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Основана в 1959 году

Р.Г. Гарецкий
В.И. Оноприенко

Гавриил Иванович
ГОРЕЦКИЙ
1900 – 1988

Ответственный редактор
член-корреспондент НАН Белоруси
А.К. Карабанов

КИЕВ 2012

УДК 929:[624.131.1+551.7/.8](476)
ББК 26.3г(4Бел)
Г 20

Рецензенты:

член-корреспондент НАН Украины А.Ю. Митропольский,
доктор исторических наук С.П. Рудая

Гарецкий Р. Г.

Гавриил Иванович Горецкий / Радим Гаврилович Гарецкий, Валентин Иванович Оноприенко ; отв. ред. А.К. Карабанов. – К. : Информ.-аналит. агентство, 2012. – 545 с., ил. – (Научно-биографическая литература).

ISBN 978-617-571-059-3

Книга посвящена – выдающемуся геологу-четвертичнику, палеогеографу, стратиграфу и археологу Гавриилу Ивановичу Горецкому (1900-1988). Ровесник века он своей судьбой и талантом выразил все противоречия эпохи. В 28 лет избран в первый состав Белорусской академии наук как экономист-географ и демограф, активный участник национального возрождения. Через два года репрессирован, исключён из состава академиков как “враг пролетарской диктатуры”. С 1931 г. в лагерях в Карелии и на Кольском полуострове, на строительстве Беломорско-Балтийского канала. Досрочно освобождённый в 1934 г. продолжил работу на гидрообъектах НКВД на севере России. Благодаря таланту исследователя и замечательной трудоспособности сформировался как специалист по инженерной геологии, участвовал в проектировании и строительстве десятков гидросооружений, был главным геологом оборонных работ под Ленинградом и Москвой. В дальнейшем работал в системе Гидропроекта на Каме, Волге, Дону, Маныче, Днепре. Собрал уникальнейший материал по аллювию рек Восточно-Европейской равнины. На протяжении года (1945-1946) защитил кандидатскую и докторскую диссертации. Создал грандиозный проект, посвященный великим пракекам Русской равнины, удостоенный Государственной премии СССР. Вернувшись на родину после реабилитации и восстановления в Академии наук, организовал масштабные исследования антропогена Беларуси, сформировал научную школу геологов-четвертичников, обосновал новую науку – палеопотамологию. Много сил отдал реабилитации погибшего в заключении брата Максима Горецкого, классика белорусской литературы, и возвращению его литературного наследия.

ISBN 978-617-571-059-3

Предисловие

Гавриил Иванович Горецкий – выдающийся геолог-четвертичник, основатель новой отрасли геологической науки – палеопотамологии. Изучению истории развития прошлого рек и речных долин был посвящен целый ряд его работ, которые признаны классическими. Как председатель Комиссии АН СССР по изучению четвертичного периода, председатель советской секции Международной ассоциации по изучению четвертичного периода, председатель Белорусской антропогеновой комиссии поставил ряд актуальных проблем и задач исследования геологии антропогена и внёс конкретный вклад в их разработку.

Еще юношей он издал вместе с братом Максимом “Русско-белорусский словарь”. Студентом Петровской сельскохозяйственной академии организовал Белорусскую культурно-научную ассоциацию студентов, Белорусский клуб и библиотеку. В этом же плане следует расценивать его ранние статьи, например, “Изучение Белоруссии как фактор ее возрождения”. Он принял участие в теоретическом и экономическом обосновании необходимости расширения административных границ БССР. Вопросы рационального использования природных ресурсов и комплексного формирования эффективной хозяйственной политики нашли отражение в монографии Г.И.Горецкого “Национальный доход Беларуси” (Минск, 1926). Еще одна монография Г.И.Горецкого “Межы Заходняй Беларусі ў Польшчы (нацыянальны склад насельніцтва Заходняй Беларусі)” (Минск, 1928) была издана на белорусском и английском языках и привлекла внимание учёных как Советского Союза, так и западных стран. Г.И.Горецкий был приглашен в Кембриджский университет Англии для доклада по вопросам этнических границ Беларуси. В дальнейшем Гавриил Иванович возвращался к этой теме, в частности в связи с актуальным на то время вопросом отношения Польши и Западной Беларуси, состояния экономики последней. Проанализи-

ровав тенденции развития Западной Беларуси, он пришел к выводу, что она является самостоятельным хозяйственным регионом со своей специализацией, а потому, на его взгляд, попытки польского правительства превратить в колонию западные территории, превратить их в аграрный придаток являются напрасными.

В 28 лет Г.И.Горецкий был избран в первый состав действительных членов Белорусccкой Академии наук как экономист-географ, что явилось признанием его заслуг в области возрождения белорусской культуры, организации работ в области сельскохозяйственной, мелиоративной и лесной наук, в создании многих опытных станций и передовой постановки научно-исследовательской деятельности.

В 1930 г. Г.И.Горецкий арестован, приговорен к 10 годам лишения свободы, лишен звания академика. Досрочно освобожден в 1934 г. Был вновь арестован в 1937 и 1938 гг.

Работая в ссылках на Беломорканале, Г.И.Горецкий самоучкой стал квалифицированным геологом. В 1931–1941 гг. он работал в инженерно-геологических экспедициях Беломорстроя и Туломстроя НКВД, в 1941–1942 гг. – главный геолог Главоборонстроя на оборонных работах под Москвой и Ленинградом, в 1943–1968 гг. заместитель главного геолога, главный геолог в организациях Гидропроекта. Выдающимся является вклад Гавриила Ивановича как специалиста в области инженерной геологии. Он участвовал в строительстве Волжской, Саратовской, Каневской, Каховской, Чебоксарской и других ГЭС, Волго-Донского, Сальского, Азовского, Пролетарского и других каналов, Доно-Сальского (Мартыновского) туннеля, Волго-Сарпинской обводнительной и оросительной системы, Чограйского водохранилища, Рыбинского и Соликамского гидроузлов, шлюзовых систем низовьев Дона.

Многолетняя работа на инженерно-геологических изысканиях под разнообразные крупные строительства, несомненно, была плодотворной и дала ему большой научный опыт. Г.И.Горецкий собрал огромный фактический материал по четвертичной геологии, палеонтологии, палеогеографии, геоморфологии, археологии, оценить который, проанализировать и систематизировать мог только неординарный исследователь. В течение года (1945–1946 гг.) он защитил в Геологическом институте АН СССР в Москве две диссертации: кандидатскую и докторскую.

После реабилитации (1958) и восстановления в звании академика АН БССР (1965) Г.И.Горецкий снова в Беларуси, где создаёт и возглавляет отдел (лабораторию) геологии и палеопотамологии антропогена Института геохимии и геофизики АН БССР. Развёртывает

систематические исследования по геологии антропогена в Беларуси, Прибалтике и Украине. Под его руководством сформировалась плодотворная школа белорусских геологов-четвертичников, работы которой получили признание среди специалистов. Многое сделал Гавриил Иванович в эти последние счастливые два десятилетия жизни на родине в области белорусской культуры, в частности для восстановления памяти о брате Максиме, одном из основоположников белорусской литературы, погибшем в сталинских застенках.

Жизнь и судьба ровесника века Гавриила Ивановича Горецкого, вобрали в себя все взлёты, надежды и противоречия XX столетия. Он был окрылён и одухотворён революционными ветрами обновления, национального и социального возрождения родной Беларуси. Всю молодую энергию талантливый самородок направил на реализацию этих великих целей и рано добился признания и доверия на родине. Он обрёл духовное единство с лучшими представителями белорусской культуры, нашёл своё место и дело большой государственной важности в их рядах, его интеллектуальный потенциал был замечен, идеи и планы получили поддержку, ему было поручено выполнения существеннейших функций на пути государственного и экономического строительства.

К Гавриилу Ивановичу неприменим словесный штамп “он вышел из народа”, потому что он никогда из него не выходил. Это единство с народом не было поколеблено даже в десятилетия насильственной разлуки с Беларусью. Он буквально “дышал” своей родиной, находясь далеко от неё. Весь его дух и менталитет были пронизаны чувством родства с белорусским народом, болью за его историческую судьбу и потери, гордостью за стойкость в годы Великой Отечественной войны.

В годы сталинских репрессий родина была с Г.И.Горецким в образе его семьи, которая помогла ему выстоять, не сломаться, найти силы для новых свершений, состояться как выдающемуся специалисту в области инженерной геологии. Пожалуй, это редкий случай, когда несправедливо осужденный, униженный и оскорблённый человек, обрёл новую профессию, состоялся как видный исследователь в совершенно иной области.

В Гаврииле Ивановиче с молодых лет и до последних дней без остановки действовала могучая “исследовательская пружина”, которая свидетельствует о нём как исследователе по призванию. Для него наука не была карьерой, но способом жизни. Эпохальный замысел “Великие прареки Русской равнины” мог быть осуществлён только масштабно мыслящим и волевым исследователем.

На протяжении жизни судьба сталкивала Гавриила Ивановича с множеством людей от простолюдинов и заключённых сталинских лагерей до маститых учёных и руководителей «великих строек коммунизма». Все они замечали не только его профессионализм и скромность, но присущий ему высокий человеческий дар, способность к сопереживанию и общению. Как настоящий исследователь он всю жизнь собственноручно творил обширнейшую сеть коммуникаций, которая многое дала ему самому и его коллегам.

В Беларуси имя Гавриила Горецкого превратилось в легенду. Тем не менее задача восстановления биографии и вклада учёного в науку остаётся актуальной.

В основу книги положен большой фактический материал из государственных архивов и архива семьи Горецких. Г.И.Горецкий всю жизнь писал и получал много писем. Этот уникальный эпистолярный материал сохранён его потомками и вместе с архивом семьи частично передан на хранение в Национальный архив Республики Беларусь и Центральную научную библиотеку НАН Беларуси. Он использован и в этой книге, написанию которой способствовало также то, что в последние годы опубликовано множество статей и воспоминаний о Г.И.Горецком, а также несколько уникальных книг и сборников: *Гарэцкі Радзім.* Ахвярую сваім "Я". Мінск, 1998. – 287 с.; Акадэмік Гаўрыла Гарэцкі. Успаміны, артыкулы, дакументы. Да 100-годдзя з дня нараджэння / Пад рэд. Р.Г.Гарэцкага. Мінск: Тэхналогія, 2000. – 420 с.; *Гарэцкі Гаўрыла*. Выбранае. Мінск: Беларускі кнігазбор, 2002. – 544 с.; *Гарэцкі Р.* Акадэмік Гаўрыла Гарэцкі і Украіна. Мінск: Тэхналогія, 2009. 98 с.; *Гарэцкі Радзім.* Браты Гарэцкія. Мінск. "Медысонт". 2008. – 344 с. и др.

Нам хотелось, чтобы в книге был представлен широкий спектр исследовательских и культурных увлечений Гавриила Ивановича. Поэтому в текст книги включён блок его воспоминаний и очерков об учёных, в тесной коммуникации с которыми ему пришлось работать, фрагменты его эпистолярного наследия, а также наиболее яркие воспоминания о нём его коллег и учеников.

Несмотря на обилие документального и фактического материала, работа над книгой потребовала большого напряжения и усилий. Особенно велика роль в завершении работы Натальи Романовны Рудковской. Ряд замечаний по тексту и помощь в переводе сделала Татьяна Васильевна Якубовская. Часть материалов отсканировал Михаил Валентинович Оноприенко. Большой объём работ по вёрстке и макетированию текста, улучшению качества иллюстративного материала выполнила Надежда Ивановна Жабина. Мы

признательны редколлегии «Научно-биографическая литература» за поддержку нашей заявки на подготовку книги. Всем им, а также ответственному редактору Александру Кирилловичу Карабанову, директору Института природопользования НАН Беларуси, члену-корреспонденту НАН Белоруси, доктору геолого-минералогических наук, профессору, и рецензентам книги Алексею Юрьевичу Митропольскому, члену-корреспонденту НАН Украины, доктору геолого-минералогических наук, профессору, Светлане Петровне Рудой, доктору исторических наук, профессору, мы выражаем искреннюю благодарность.

Радим Гарецкий
Валентин Оноприенко

16.01.2012 г.

Детство. Семья.

Гавриил Иванович Горецкий родился 29 марта 1900 года (по старому стилю[1]) в глухом месте Беларуси – в деревне Малая Богатьковка Мстиславского уезда Могилёвской губернии в семье крестьян. Отец Иван Кузьмич (1856–1945) – брюнет, невысокого роста, крепкого сложения, подвижный, вспыльчивый, мастер на все руки – в детстве и юности служил пастухом у пана из посёлка Курманово, а затем многие годы работал поваром у помещика Цекерта в поместье Лонница около посёлка Красное на Смоленщине. Мать – Ефросинья Михайловна Попова (1864–1935) – красивая блондинка с длинными русыми косами, выразительными голубыми глазами – дочь относительно зажиточного ткача из села Славное. Она имела спокойный покладистый характер, обладала красивым голосом, знала множество народных песен и сказок. Иван и Ефросинья Горецкие были неграмотные. Они поселились в доме, построенном отцом Ивана Кузьмой на берегу небольшой речки Виранки, по обе стороны которой и раскинулась небольшая деревушка, состоящая из двух десятков дворов. В деревянном доме, имеющем соломенную крышу, был земляной пол, большая печь, вдоль стены длинные нары – семейная кровать, а над ними под самым потолком – второй этаж нар, где спали дети. В углу висели тёмные иконы, а под ними один большой стол и вдоль стенки – лавки для сиденья. Три небольших окна слабо освещали помещение. Вечером светила лучина. Около дома – небольшой сад, огород. Жили бедно, каждый кусок хлеба был на счету. Работали много и тяжело.

У Ивана и Ефросиньи Горецких было четыре сына – Иван, Максим, Порфир, Гавриил – и одна дочка – Анна. Одно время семья Ивана жила вместе с его братом Яковом, его женой Кристёной и дочкой Гапкой – было очень тесно. Позднее Яков на другой стороне Виранки, которая так обмелела, что её стали называть просто Канавой, построил дом.

---

[1] Остальные даты даны по новому стилю.

Вспоминая своё детство, Гавриил считал его счастливым, несмотря на довольно бедную жизнь и постоянную работу всей семьи по домашнему хозяйству. Это чувство радости и счастья дети получили от матери и тётки Кристёны, которые были удивительно добрыми, ласковыми, всегда могли их защитить, пожалеть, научить, и за их заботой дети ощущали себя в полной безопасности. Гурика (так в семье звали Гавриила) все очень любили, как самого младшего из братьев. Да и был он послушный, крепкий и работящий – отлично умел косить, пахать огород, пасти лошадей, молотить снопы и всякую другую разнообразную крестьянскую работу. Любимый отдых для него – походы в лес по грибы и лесные орехи. Страсть охоты на грибы сохранилась у него на всю жизнь. А вокруг деревни были различные леса со своими названиями: светлый берёзовый – Богатьковщина; тёмный смешанный лес – Тёмный лес; преимущественно хвойный – Чертовщина; болотистый с глубокими поросшими мхом озёрами – Мох, в котором иногда тонули даже лошади; низколиственный с мелкими грязными болотами, на выходе из которого ноги казались одетыми в чёрные сапоги – Ботики и др. Как праздники были поездки с мамой на подводе за 80 км в гости к отцу в Лонницу.

Старший брат Иван – высокий красивый хлопец, очень работящий, любил всех своих родных, был самым главным в ведении хозяйства, что не дало возможности ему учиться дальше начальной школы. Максим – самый способный к учёбе – блестяще окончил образцовую двухклассную школу и Горе-Горецкое землемерно-агрономическое училище, заинтересовался литературой и сам стал писателем. Порфир был приветливый, немного несмелый, но старался всячески помогать всем родным и также должен был посвятить себя хозяйству. Гавриил больше всего был похож на маму, русые волосы, голубые глаза, спокойный, покладистый, скромный, работоспособный. От отца перенял кряжистую фигуру, подвижность и обидчивость. Он с детства стремился к знаниям. Анна – милая, весёлая, умница – была общей любимицей. В семье Горецких царила дружба, взаимопомощь, доброта.

Шестилетний Гурик начал ходить в школу грамоты в деревне Большая Богатьковка в 1,5 км от их деревни. Там малограмотный учитель Панасёнок заставлял зазубривать разные стишки и складывать цифры. Затем один год ходил в школу села Славное за 3 км и недолго в земском училище, которое открылось в Большой Богатьковке. В 11 лет Гурика отдали учиться в двухклассное училище в Старом Селе за 12 км, поэтому он жил в семье Шведовых за 3 рубля в месяц. Тут он подружился с одноклассником Лейбом

Крейнгаузеном. Гавриил так старательно учился, что когда в начале следующего учебного сезона их учитель Павловский собрал учеников обоих классов и сказал: "Ну вот, за хорошие успехи, за старания в учёбе я дарю от себя книгу Ивана Тургенева "Записки охотника" нашему лучшему ученику Гавриилу Горецкому, а вам, дурням, – ничего". В это время в селе Разделе, всего в 2,5 км от Малой Богатьковки открыли новое двухклассное земское училище, куда Гурик перешёл, несмотря на просьбу Павловского остаться у него в школе. В Разделе учителем был Пётр Платонович Максимов – очень добрый человек и способный педагог. Он многому научил Гавриила, который за способности и отличную учёбу стал его любимым учеником, и выпускное сочинение которого "Что посеешь, то пожнёшь" сохранял у себя всю жизнь.

На детей Горецких, особенно на Максима и Гавриила, огромное впечатление оставили чудесные народные песни их матери и сказки тётки Кристёны. Они на всю жизнь искренне полюбили кристальную поэзию белорусского фольклора, родной язык, работящий добрый народ и великолепный уголок своей Родины – до слёз бедную, но такую близкую и дорогую Богатьковку и всю Мстиславщину. На Гавриила большое влияние оказывал его старший брат Максим. Именно он привил ему страстную тягу к знаниям, любовь к чтению и литературе, стремление вырваться из однообразия деревенской жизни того времени.

В Горецком землемерно-агрономическом училище

Гавриил получил “Свидетельство” о том, что “окончилъ полный курсъ ученiя въ Раздзђельскомъ 2-хъ кл. зем. училищђ” – по всех предметах “успехи отличные (5) “и только “в пђнiи хорошiе (4)”. 5 июля 1914 года он аккуратным почерком написал “прошенiе”: “Его Высокородiю Господину Управляющему Горецкимъ Землемерно-агрономическимъ училищемъ” “крестьянина деревни Малой Богатьковки Шамовской волости, Мстиславского уезда, Могилевской губернии”: “Желая поступить в число учениковъ 1-го отделения приготовительного класса вверенного Вашему Высокородiю училища, честь имею покорнейше просить Васъ допустить меня къ экзаменамъ”.

К этому времени Максим окончил это училище, уже год отработал землемером-агрономом в Виленской губернии и был призван на военную службу. Он заехал в Богатьковку, откуда Иван повёз его через г.Горки для отъезда в артиллерийскую бригаду. Они взяли с собой и Гурика, чтобы он готовился для поступления в училище. Времени до экзаменов оставалось совсем мало, и Максим обратился к своему хорошему знакомому репетитору Крееру с просьбой помочь подготовиться его брату для сдачи экзаменов. Однако тот, увидев небольшого роста плохо одетого деревенского хлопца и учитывая короткий срок подготовки, всё же отказал в просьбе Максиму, хотя и было ему не совсем удобно это сделать. Гурику было очень обидно, но он тогда решил подготовиться самостоятельно. Упорно каждый день часами сидел за книжками – и хорощо сдал экзамены: из 140 человек по результатам он оказался вторым и ему даже дали стипендию. Креер был очень удивлён и жалел, что тогда отказал ему.

Гавриил с большим рвением начал учиться в училище. Только очень волновался за братьев, которых, в связи с начавшейся Первой мировой войной, мобилизовали в армию, а Максим уже был на фронте и участвовал в жестоких боях. Постепенно втянулся в учёбу, много читал Толстого, Достоевского, Гончарова, Гёте. Как

ранее Максим, он начал писать небольшие заметки в газеты "Наша ніва" и "Горецкий вестник". Гавриил вместе с другими студентами организовал белорусский ученический кружок, который позднее получил название "Белорусская секция учеников Горецких сельскохозяйственных школ", а с 1914 года – "Белорусская секция студентов Горецкого сельскохозяйственного института" (она существовала до 1924 года). При секции действовало несколько отделов: историко-экономический, литературный, театральный, музыкальный, художественный. Сам Горецкий особенно активно участвовал в работе театрального отдела, члены которого инсценировали поэму "Тарас на Парнасе"[2], ставили пьесы Ф.Алехновича[3], В.Голубка[4], В.Дунина-Марцинкевича[5] и др. На спектаклях нередко присутствовали более 500 человек. В.Голубку понравилась постановка его пьесы, и он подарил Гавриилу два своих фотоснимка с надписью "Г.Горецкому – на память – В.Голубок".

При первой возможности и в особенности летом, Гурик наведывал свою деревню, где всячески помогал по хозяйству родителям, которые с трудом справлялись с тяжёлой крестьянской работой без забранных на фронт сыновей. Гавриила мучили сомнения, какой путь выбрать в жизни. Максим в письмах советовал выбрать природоведческое или сельскохозяйственное направление, учить языки и не предаваться размышлениям, а Гурика тянуло к литературе, театру. Советы старшего брата подействовали, и он ещё активнее взялся за науку, изучил эсперанто и немецкий язык, а позднее выписал "Курс стенографии" по системе Ф.К.Габельсбергера и полностью освоил его. Кстати сказать, стенография всю жизнь помогала Горецкому в интенсификации его разнообразной работы. Февральскую революцию 1917 года Гавриил встретил в Горках. Большинство студентов охватила эйфория, они начали уничтожать портреты генералов и царя, устраивать манифестации. А тут пришла эпидемия тифа. Занятия отменили и всех студентов отпустили до октября по домам. Гавриил пешком за 33 км пошёл в Богатьковку. А в октябре в связи с революционными событиями училище в Горках совсем закрыли, и он решил поехать к Максиму, который в это время жил в Смоленске.

---

[2] "Тарас на Парнасе" – анонимная сатирико-юмористическая поэма, памятник белорусской литературы 19 века.

[3] Алехнович Франтишек (1883-1944) – белорусский драматург, театральный деятель.

[4] Голубок Владислав (1882–1937) – белорусский писатель, режиссёр, актёр, театральный деятель, художник, первый народный артист БССР.

[5] Дунин-Марцинкевич Винцент (1808–1884) – поэт, драматург, классик белорусской литературы.

Смоленск.
Русско-белорусский словарь
Максима и Гавриила Горецких

После ранения на фронте и лечения в различных госпиталях Максим в Смоленске прошёл медицинскую комиссию, которая признала его нестроевым. Он устроился на службу в жилищный отдел комендантом, а по совместительству начал работать в газете "Известия Смоленского Совета депутатов", куда вскоре перешёл на постоянную работу. Максим помог Гавриилу устроиться на работу в экономический отдел Смоленского Совета в качестве регистратора, а позже он стал секретарём-стенографистом. Через некоторое время Гавриил тяжело заболел сыпным тифом, долго лежал в больнице. Максим очень волновался за жизнь брата, ежедневно наведывал его, но в конце концов всё кончилось благополучно. На Пасху братья на несколько дней съездили в Богатьковку, где, наконец-то, первый раз после 1913 года собралась вся семья. Радость была большая.

В Смоленске тогда жил белорусский поэт Янка Купала с женой, с которыми Горецкие дружили, часто приходили к ним в гости. Были интересные разговоры о литературе, этнографии, нумизматике, истории. Оба писателя особенно заинтересовались "Словом о полку Игоревым" и позднее сделали его переводы на белорусский язык – Янка Купала в 1919 году, а Максим Горецкий – в 1920 г.

В то время произошли очень сложные и важные исторические события: Октябрьская революция; в Менску прошёл Первый Всебелорусский съезд, который большевики разогнали; с февраля 1918 по январь 1919 г. Беларусь была оккупирована немцами; 25 марта 1918 г. была объявлена независимая Белорусская Народная Республика. Из Петрограда приехали А.Червяков[6], Д.Жилунович[7] и другие белорусские политические деятели, которые решили

[6] Червяков Александр (1892–1937) – советский государственный деятель, один из руководителей правительства Советской Белоруссии.

[7] Жилунович Дмитрий (1887–1937) – государственный и общественный деятель БССР, историк, публицист, писатель (псевдоним Тишка Гартны), академик Белорусской академии наук.

организовать белорусскую секцию РКП. На Смоленском краевом съезде Гавриил Горецкий был стенографистом. Тогда шла жёсткая борьба между сторонниками образования БССР и их противниками. Тем не менее, в конце 1918 года I краевой съезд РКП Западной Коммуны в Смоленске переименовал себя в I съезд БКП и объявил образование БССР в этнографических границах. Большинство жителей поддержали решение съезда, поверили большевикам и надеялись на строительство новой республики Беларуси. Однако, вскоре они стали свидетелями страшных событий, которые принесла революция и большевистский режим: массовые расстрелы "представителей имущих классов". Списки этих представителей печатались в смоленских газетах – это были городовые, офицеры, врачи, учителя, студенты и т.д. Бесчинства на деревне, демагогия, хамство, страх угнетали… Разобраться во всей той путанице было трудно. Янка Купала писал, что весь трудный и жуткий 1918 год он был как в бессознании…

Ещё сразу по приезде в Смоленск Максим, а за ним и Гавриил решили создать русско-белорусский словарь. До тех пор подобных словарей не было. Ещё в 1870 году был издан известный "Словарь белорусского языка" И.И.Носовича – первый научный справочник по лексике белорусского языка. Однако это – не словарь перевода слова с одного языка на другой. Интенсивная работа завершилась в конце 1918 года изданием в Типографии Отдела народного образования Западной области "Руска-беларускага слоўніка" братоў М. і Г. Гарэцкіх. Это – небольшой на 110 страниц словарик. В предисловии авторы отметили: "Не оставляйте ж языка нашего белорусского, чтобы не умереть!" – завещал наш поэт Мацей Бурачок[8]. Для этого и мы по своему простому понятию, не имея филологического образования, для которого в Беларуси даже университета нет, только слушая и не обращая внимание на то, хвалить или ругать будут, – выложили горсть интереснейших слов к необходимому и хорошему употреблению молодыми людьми, которые по-московски читать-писать умеют, а по-белорусски не хотят".

Возникли большие финансовые трудности с изданием словаря. Максим Горецкий обращался с просьбой о поддержке к Жилуновичу, который в то время был заведующим издательским отделом Белорусского национального комитета: "[…] Чтобы выдать словарь мне не хватает рублей 1000; хорошо б было, если Вы вышлете мне […] сколько можете авансом". По-видимому, ответа не последовало, а помог Григорий Старобинец. Поэтому М.Горецкий после

[8] Бурачок Мацей – псевдоним Богушевича Франтишка (1840–1900) – белорусского поэта, прозаика, публициста.

титульного листа словаря написал посвящение: “Уважаемому другу Григорию Старобинцу с искренней благодарностью за помощь и поддержку и на память о тех днях на полях Восточной Пруссии, как сидели в ямах и грохот пушек слушали – посвящаю. М.Горецкий”.

В 1919 году вместо БССР была образована Литовско-Белорусская Советская Республика со столицей в г. Вильне, куда переехала и редакция газеты “Звезда”, а вместе с ней и Максим Горецкий. Здесь он в 1920 году издал второе издание словаря братьев Горецких под названием “Маскоўска-беларускі слоўнік” с исправлениями и большими дополнениями. В предисловии к этому изданию авторы написали: “Надеемся, что этот небольшой сборник слов познакомит читателя с важнейшими особенностями белорусского языка. Поэтому он не содержит слов, которые в своей основе очень похожие в обоих языках или имеют разницу только в падежах или спряжениях. Не помещены в нём также слова абстрактных понятий, взятых в московскую литературу с общеевропейского употребления, ибо чаще всего они есть и в белорусском языке, только произносятся на свой лад. Словарик […] понадобится белорусу, который читает по-московски, но не каждое слово так хорошо понимает, как по-своему”.

В книге “Гавриил Горецкий. Избранное”[9] (2002) почти полностью приведен “Московско-белорусский словарь”, а также слова, которые не вошли в него из “Русско-белорусского словаря” первого издания.

Как известно, старобелорусский язык был для своего времени высококультурным и имел статус государственного в Великом Княжестве Литовском. На нём белорусским и восточнославянским первопечатником Франтишком Скориной (1490–1551) были изданы переводы Библии, Апостол и др., а затем три свода законов – Статуты Великого Княжества Литовского (1529, 1566, 1588) и др. В дальнейшем белорусский язык был запрещён более чем на два столетия. Двуязычные переводные словари М. и Г. Горецких – первые словари такого типа, опубликованные после революции, имели большое значение, так как открывали серию словарей того же Максима Горецкого и многих других языковедов и литераторов, столь необходимых для развития и расширения белорусского литературного языка и его взаимоотношений с русским и иными языками.

Одновременно с отъездом Максима Горецкого из Смоленска вернулся в г. Горки для продолжения учёбы и Гавриил.

---

[9] *Гарэцкі Гаўрыла*. Выбранае. Мінск: Беларускі кнігазбор, 2002. 544 с.

Уфа. Москва.
Петровская (Тимирязевская) сельскохозяйственная академия. Первый арест

После возвращения из Смоленска в Горки Г.Горецкий одновременно с учёбой работал секретарём-стенографистом уездного исполкома и его президиума. Присутствовал на всех уездных съездах Советов как представитель Союза студентов Горецкого сельскохозяйственного училища. Уже 20 сентября 1919 года он получил диплом и был направлен в Уфу в качестве землемера-агронома и инструктора-ревизора по землеустроительству Уфимского губернского земельного отдела.

Горецкий так активно взялся за работу, что вскоре его избрали членом Президиума Государственного лугового фонда Уфимской губернии. Он стал и корреспондентом газеты "Известия Уфимского губернского революционного комитета", в которой регулярно публиковал статьи об улучшении сельского хозяйства, земельной политике Советов, постановках гарнизонного театра и т.д. Как знаток эсперанто вёл занятия по его обучению в специальных кружках. Тяга к знаниям была настолько неудержимой, что поступил в Уфимский институт народного образования, в котором прослушал второй курс природоведческого отделения. Считал, что должен стать гармонично развитым человеком и поэтому даже записался в школу художественной гимнастики, но туда без своих тапочек не принимали, а купить их не было за что…

Г.Горецкий очень хотел учиться дальше и поэтому, отработав после распределения необходимый срок в Уфимском губземотделе, он поехал в Москву, чтобы поступить в Петровскую сельскохозяйственную академию. В июле 1920 года он поступил инструктором в Центральный отдел землеустройства Наркомзема и вскоре даже без экзаменов был принят на экономический факультет академии.

До начала учёбы оставалось ещё некоторое время, и Горецкий навестил Богатьковку, где самый старший брат Иван построил для своей семьи новый дом, Порфир ещё был в армии. Гавриил немного помог родителям по хозяйству, а затем решил съездить в Вильню

к Максиму, о котором очень соскучился. Пока ехал, войска Красной армии покинули город и пришлось с большими трудностями пробираться через литовский кордон, тем более что вёз с собой литературу на белорусском языке, в том числе коммунистическую. Встреча с братом была радостной, Максим показал город, Белорусскую виленскую гимназию, в которой преподавал белорусский язык и литературу, познакомил с многими белорусскими культурными и общественными деятелями. Много было разговоров о путях национального возрождения Беларуси, причём Гавриил, в отличие от новых коллег, доказывал, что без экономического возрождения трудно добиться культурного и в целом национального возрождения – оно должно быть комплексным, интегральным. Семь дней пролетели незаметно, и когда Максим провожал брата, то на окраине Вильни, где стояли три высоких креста из белого мрамора, Гавриил забрался на один из них и по-белорусски и на эсперанто написал: "Пролетарии всех стран объединяйтесь! Пусть живёт Советская Беларусь!"

По возвращении в Москву Горецкого ждала неприятность: за самовольную отлучку из Центрозема он был посажен в тюрьму на 4 дня. Он думал, что раз зачислен студентом академии, то и отпрашиваться у начальника Центрозема не обязательно.

В Москве ещё больше чувствовался революционный подъём, который Горецкий воспринял с энтузиазмом, сразу вступил в Ассоциацию революционного студенчества – Асревстуд, тогда ещё совсем немногочисленную (около 200 чел.). Вскоре он стал членом президиума Асревстуда, заведующим культурно-просветительским отделом, председателем международного культурного бюро и редактором первой стенгазеты Петровской академии "Информатор". Однако мысли его всё время возвращались к родной Беларуси, которая должна стать передовой социалистической республикой, а это можно осуществить только с помощью культурной, образованной интеллигенции. Поэтому он решил организовать Белорусскую культурно-научную ассоциацию студентов Петровской сельскохозяйственной академии. Председателем ассоциации выбрали Г.Горецкого. Задачи организации обозначили так: изучение народнохозяйственной, общественно-политической, культурно-национальной и природно-исторической сторон жизни Беларуси; выявление путей и возможностей культурно-экономического возрождения Беларуси; пропаганда идей возрождения; борьба с шовинистическими и узконациональными течениями белорусского возрожденческого движения; проведение мероприятий, направленных на культурно-экономическое возрождение Беларуси; объеди-

нение и подготовка культурных специалистов для деятельности в научной, хозяйственно-технической, культурно-образовательной и других сферах; широкая культурно-просветительская работа; организация научных исследований, экспедиций и других мероприятий на территории Беларуси и т.д.

Работа ассоциации пошла очень активно. Собирались не реже раза в неделю, делали доклады, рефераты, как сами студенты, так и профессора академии и др. Организовали свою библиотеку, хороший хор, который пользовался большим успехом даже за пределами академии. Заведующей библиотекой, участницей хора и постоянным секретарём ассоциации была Лариса Иосифовна Парфенович – студентка агрономического факультета и будущая жена Гавриила.

14 ноября 1921 года прошло торжественное собрание Белорусской культурно-научной ассоциации студентов, посвящённое первому году её деятельности. На собрание приехал А.Червяков – председатель Совета народных комиссаров и Центрального исполнительного комитета БССР, все сотрудники белорусского представительства в РСФСР, представитель Наркомобразования БССР и др., которые придавали большое значение ассоциации, так как видели в ней источник будущих сознательных агрономических кадров для республики. Собрание произвело большое впечатление отличной организацией: собралась полная зала главного корпуса академии, хор пел мелодичные белорусские песни, было всё очень торжественно и воодушевлённо.

Открывая собрание, Г.Горецкий подчеркнул: “Мы начали работу по возрождению края, покинутого Богом и людьми! Нас объединило одно сильнейшее желание, один творческий порыв – стремление к Ренессансу Беларуси!”[10]. Затем он сделал доклад “Изучение Беларуси как фактор возрождения”. С большим вниманием и интересом прослушали выступление А.Червякова о современной ситуации на Беларуси.

В академии преподавали известные профессора: В.Р.Вильямс, А.Р.Дояренко, Я.В.Самойлов, И.А.Каблуков и др. Особенно близки Горецкому были выдающиеся экономисты А.В.Чаянов, Н.Д.Кондратьев, А.А.Рыбников, А.Ф.Фортунатов и др., с именами которых связано создание организационно-производственной школы, сделавшей очень много для прогресса мировой аграрной науки. А.В.Чаянов – директор Научно-исследовательского инсти-

[10] Первый год деятельности культурно-научной ассоциации студентов Петровской сельскохозяйственной академии. Материалы первого годичного собрания Ассоциации 14 ноября 1921 года. М., 1922. С. 4.

тута сельскохозяйственной экономии – был широко известен во многих странах как один из лучших специалистов по организации сельского хозяйства, в особенности по основным идеям и формам организации сельской кооперации. В своё время он был известен и как беллетрист, издавший серию фантастических повестей – свою “Гофманиаду”, под влиянием которых М.Булгаков создал свои замечательные творения “Мастер и Маргарита” и “Записки мертвеца”. Чаянов любил старательного студента Горецкого и подарил ему несколько книжек своей “Гофманиады”.

Я.В.Самойлов – крупный геолог, особенно много сделавший в области минералогии и биогеохимии, – прекрасно вёл занятия и заложил те основы по геологии, которые в дальнейшем так понадобятся молодому студенту.

Н.Д.Кондратьев – известный автор перспективного плана развития сельского и лесного хозяйства страны на 1923–1928 годы (“пятилетка Кондратьева”) – умел так интересно рассказать о казалось бы сухих экономических выкладках, что все с большим вниманием слушали профессора, особенно когда он говорил об американской экономике, с которой детально познакомился, проработавши в Америке больше года.

Непосредственными руководителями Г.Горецкого были А.А.Рыбников и А.Ф.Фортунатов – прекрасные знатоки экономики сельского хозяйства, особенно её статистики. А.Ф.Фортунатов позволял своему любимому студенту пользоваться своей большой домашней библиотекой, занимавшей шесть комнат.

Белорусское студенческое движение расширялось. Под влиянием Белорусской ассоциации, которая объединяла более 200 студентов, возникли близкие организации в Межевом институте, Свердловском университете, Горной академии, на медицинском факультете Военной академии и др. Была проведена первая конференция студентов-белорусов в Москве, образован белорусский студенческий клуб, кооперативное издательское товарищество “Молодая Беларусь”. Это издательство выпустило в свет под таким же названием научно-литературный сборник, который начинался статьёй Горецкого “На новый путь”. Он писал: “В экономически возрождённой Беларуси зацветёт искусство, наука, белорусский язык.. […] Для создания экономического фундамента Беларуси необходима своя техническая и разная другая интеллигенция. Создать эту новую интеллигенцию и есть задание молодых белорусов”[11].

[11] *Гарэцкі Г.* На новы шлях // Маладая Беларусь. Менск: Маладая Беларусь, 1922. С. 5–14. То же // *Гарэцкі Г.* Выбранае. Мінск: Беларускі кнігазбор, 2002. С. 52–64.

В газете "Савецкая Беларусь" Горецкий в 1922 году опубликовал ряд статей, связанных с проблемами национального возрождения "Всебелорусский студенческий съезд", "Российские коммунисты о белорусах", "Что нам должен дать Белорусский театр", "Где быть Белорусской сельскохозяйственной академии?" и др.

Горецкий активно участвовал в так называемых кружках общественной агрономии, которые должны были внедрять теоретические знания в практику сельского хозяйства и которые в то время пользовались большой популярностью. Летом большинство студентов-белорусов ехали в Беларусь работать в разных сельскохозяйственных организациях, в экспедициях по обследованиям сельских хозяйств и т.д. Гавриил во время этих работ, конечно, заезжал к родителям в свою родную Малую Богатьковку.

Летом 1922 года Горецкий по заданию Наркомзема провёл бюджетный анализ сельского хозяйства в Минской области и на Полесье. Его сестра Анна к этому времени закончила школу и решила вместе с братом ехать в Москву для поступления в Зоотехнический институт.

Ещё с весны 1922 года В.И.Ленин задумал щирокомасштабную акцию: выслать за границу всех представителей вольнодумной интеллигенции, которых он в письме к А.М.Горькому оценил "как интеллигентиков, лакеев капитала, мнящих себя мозгом нации. На деле это не мозг, а говно"[12]. В письме к Ф.Э.Дзержинскому от 19 мая 1922 года он предлагал обсудить все "меры подготовки", собрать письменные отзывы о некоммунистических изданиях, "собрать систематические сведения о политическом саботаже, работе и литературной деятельности профессоров и писателей". 17 июля он писал И.Сталину: "выслать за границу безжалостно", "всех их – вон из России", "арестовать несколько сот и без объяснения мотивов – выезжайте, господа!", "Очистим Россию надолго".

Тогда ликвидировали Асревстуд, еврейский агрономический кружок, начали критиковать Белорусскую культурно-научную ассоциацию за национальный характер её деятельности. Появились специальные люди, которые следили за студенчеством. В Петровской академии таким "специалистом" стал бывший работник Орловского управления НКВД. В последний день августа он подошёл к Горецкому и спросил: "Вы будете сегодня вечером у себя дома? Я хотел бы зайти к Вам поговорить". – "Конечно. Пожалуйста" – услышал в ответ. И действительно, поздно вечером подъехал "чёр-

---

[12] *Владимир Ильич Ленин*. Морали в политике нет // Комсомольская правда. 1992. 12 февраля.

ный ворон" и забрал Гавриила, а вместе с ним ещё двух студентов Жигалова и И.Артоболевского (последний в дальнейшем стал видным учёным в области теории машин и механизмов, академиком АН СССР). Их завезли на Лубянку, разместили в отдельных камерах, завели "дело № 15729 по обвинению Горецкого Гавриила Ивановича"[13].

В протоколе допроса в ГПУ от 4.09 на вопрос об его отношении к эмиграции Горецкий написал: *"Надо использовать лучшие силы российской эмиграции путём привлечения честных работников (особенно техников, агрономов и т.д.) обратно на Родину, желающую пойти возрождённой к Социализму. Надо привлечь эмиграцию к советскому строительству, поэтому на высылку за границу интеллигентов, которые не были реакционными контрреволюционерами, смотрю отрицательно: они помешают быстрому росту симпатий в рядах эмигрантов к Советской России. Лично себя считаю совершенно непричастным к каким-либо контрреволюционным деяниям (что может засвидетельствовать ком. ячейка Петровской Академии) и решительно отказываюсь выезжать за границу: Социалистическая Федерация, в частности Советская Белоруссия, требует для своего культурно-экономического возрождения много труда, энергии, творчества. Силы мои нужны здесь, а не за границей. По существу обвинения заявляю: ни одно обвинение не основано на фактах, протестую против подобных обвинений и требую расследования с привлечением к показаниям местной коммунистической организации (при Петровской Академии)"*.

Действительно в деле нет никаких фактов и даже намёка на антисоветскую деятельность арестованного. Тем не менее, работник IV отделения секретного отдела ГПУ Калугин с согласия начальника отделения Зарайского написал близкие по содержанию и установленной стандартной форме "Постановление и "Заключение", в которых утверждает: *"С момента Октябрьского переворота и до настоящего времени он не только не примирился с существующей в России в течение 5-ти лет Рабоче-крестьянской властью, но ни на один момент не прекращал своей антисоветской деятельности в моменты внешних затруднений для РСФСР. Всё это подтверждается имеющимися материалами. А посему на основании п. 2 лит. Е Положения о ГПУ от 6.II сего года полагаю: в целях пресечения*

[13] Этот арест и "дело" описаны в статье: *Гарэцкі Р.* Першы арышт// Літаратура і мастацтва. 1993. 27 жніўня, 3 верасня и сборниках: *Гарэцкі Р.* Ахвярую сваім "Я" (Максім і Гаўрыла Гарэцкія). Мінск: Беларуская навука, 1998; *Илькевич Н.Н.* Академик Гавриил Горецкий: первое столкновение с ГПУ. Смоленск: Посох, 1998.

антисоветской деятельности со стороны Горецкого Гавриила Ивановича выслать за пределы РСФСР за границу". Внизу "Постановления" Г.Горецкий написал: "С ним я не согласен и заявляю протест". В ответ на "Заключение" Горецкий написал заявление на имя начальника IV отделения: "Предъявленные мне обвинения в контрреволюционности считаю совершенно ложными. Как объективное доказательство, прошу запросить обо мне мнение Комячейки ПСХА. В случае подтверждения со стороны коммунистов Академии факта моей контрреволюционности (хотя бы в какой-нибудь из сфер моей деятельности) соглашаюсь на выезд за границу, но считаю высылку мою сплошным абсурдом и в смысле политического воздействия крайне отрицательным фактом".

Однако уже через два дня была готова "Выписка из протокола заседания Коллегии ГПУ от 6 сентября 1922 г." за подписью секретаря Коллегии Язерской. Согласно доклада тов. Калугина и согласно утверждения замсекретаря председателя ГПУ тов. Уншлихта принято постановление: "На основании п. 2 лит. Е Положения о ГПУ от 6.II с. г. – выслать под конвоем за пределы РСФСР за границу".

В это время 20-летняя Анна успешно сдала последний экзамен и была принята в Зоотехнический институт, а 15 сентября решила отнести своему брату передачу в тюрьму на Лубянку. Когда выходила из переполненного людьми трамвая, её кто-то подтолкнул, и она попала под трамвай. Через день это стало известно Гавриилу, и он с пометкой "Срочно!" написал заявление в ГПУ: *"Меня предложено выслать в четверг. Именем Революции и Социализма прошу отложить срок высылки на десять (10) дней. Причина: 15 сентября моя родная сестра Анна, только что поступившая в Зоотехнический институт, везла мне первую "передачу"; она попала под трамвай – отрезало ногу (с раздроблением ступни), помяло таз, позвоночник и желудок: положение почти безнадёжное. Никого родных здесь не имею, родители живут в Смоленской губернии, их невозможно вызвать, да и не на что ехать – живут с пяти (5) десятин земли; я лично не имею нисколько денег, и оставить сестру, умирающую без всякого призора, ухода и помощи было бы огромным преступлением с моей стороны. Могу представить поручительство о невыезде никуда от пяти (5) коммунистов. Выеду тотчас по заметном переломе болезни сестры или после её похорон. Надеюсь, что просьба моя будет уважена. Студент Гавриил Горецкий".*

В этот же день он написал подписку о невыезде: "Обязуюсь явиться в среду 20 сентября, к 14 часам дня во Внутреннюю тюрьму ГПУ. Обязуюсь за пределы Москвы не выезжать". На заявлении

виза Зарайского от 18 сентября: “Согласно телефонного распоряжения т. Ягоды дана отсрочка на 10 дней”.

Гавриил помчался к сестре в больницу, всячески старался облегчить её мучения, помочь, чем мог… 19 сентября Анна умерла. Хотел перевезти тело на Родину, но разрешение не дали. Похоронили около Головинского монастыря в Москве. Горе для братьев было бесконечным, особенно для Гавриила, которому всё время казалось, что именно он виноват: ведь передачу сестра несла ему… Максим посвятил памяти сестры вышедшую в Вильне книгу “Хрестоматия белорусской литературы. XI век – 1905 год”.

28 сентября в ГПУ был послан “Протокол представителей общестуденческих организаций Петровской С.-Х. Академии”, в котором сообщалось: *“Заявляем следующее: Тов. Горецкий как общественный работник всегда отличался аккуратностью, трудолюбием и выполнял все возлагавшиеся на него обязанности… Что касается обвинения его в пятилетней антисоветской агитации, то подобное утверждение совершенно не соответствует действительности. […] ярким доказательством революционности убеждений тов. Горецкого могут служить его доклады на дискуссионных вечерах и периодических бюллетеней в качестве статей… […] необходимо вернуть тов. Горецкого в ряды трудовых студенческих масс, работающих рука об руку с Советской властью”. На следующий день группа коммунистов из 7 человек прислала в ГПУ письмо, в котором написали, что “знают т. Горецкого как одного из честных, бескорыстных и идейных сторонников советской власти…, который защищал её от нападок со стороны правых элементов. […] Поэтому мы считаем, что факт высылки тов. Горецкого за пределы РСФСР является результатом неточного выяснения сути дела…”.*

3 октября за подписью заведующего Белорусским центральным бюро по просвещению Наркомпросвещения М.Лойки, инструктора и секретаря была послана характеристика тов. Горецкого Г.И.: *“Бюро… знает… как марксистски мыслящего человека и несомненного сторонника Советской власти. На публичных студенческих собраниях им неизменно выдвигались принципы социальной революции и борьбы с шовинистическими тенденциями, что нередко приводило к расколу студенчества на два резко враждебных лагеря: тов. Горецкий всегда шёл рука об руку с лагерем революционным. В личной жизни т. Горецкий известен Центральному бюро как честный и порядочный товарищ. Исходя из вышесказанного, Белорусское центральное бюро считает арест т. Горецкого следствием недоразумения”.*

В.Р.Менжинский, один из руководителей ГПУ НКВД РСФСР, вызвал Горецкого на допрос, который длился около полутора часов. Он внимательно прослушал молодого студента и сказал: “Я вас с большим интересом выслушал, и я вам советую никогда больше не заниматься никакими общественными организациями, так как у вас снова будут неприятности – занимайтесь только наукой”. 5 октября В.Р. Менжинский сделал на второй обложке “дела” резолюцию: *“Оставить в Академии и не трогать, так как считает для себя всю эту историю оскорбительной ввиду его прежней советской работы. Просил просмотреть его статьи в “Известиях” под ред. Преображенского и т.д.”.*

Уже на следующий день было составлено “Заключение”:

“Я, помощник нач. IV Отделения СО ГПУ Бахвалов, рассмотрев дело № 15729 гр-на Горецкого Г.И. 22 лет происхождения из мещан Смоленской губ., нашел, что Горецкий был арестован на основании агентурного материала, из которого усматривалась антисоветская деятельность Горецкого, что последний подлежал высылке за границу, но принимая во внимание, что антисоветская деятельность Горецкого следствием не доказана, а посему полагаю: Дело прекратить, Горецкого из-под стражи освободить и дело сдать в архив.

Пом. нач. отд. СО ГПУ Бахвалов

Согласен: нач. IV отд. СО ГПУ (З.Аранский)”

Красными чернилами резолюция: “Утверждаю. Ягода. 10.X.22 г.” 12 октября состоялось заседание Коллегии ГПУ, которое постановило: “Во изменение постановления от 6.09.22 г. освободить, дело прекратить и сдать в архив”.

В деле имеется интересная шифрованная телеграмма за подписью Председателя ГПУ Беларуси Ольского, датированная 19 октября: *“Постановлением ГПУ высылается за границу [в] числе антисоветской профессуры белорусский деятель Горецкий. Центральное бюро компартии через ГПУ просит высылку за границу заменить высылкой [в] одну из отдалённых губерний России. Появление Горецкого помешает начатой ЦК работе [по] разложению белорусов-шовинистов и, наоборот, усилит их контрреволюционные настроения”.*

Таким образом, студент Петровской академии Г.Горецкий тогда не был выслан за границу (предполагалась Германия). Неизвестно, что его спасло: или смерть сестры, что вызвало отсрочку высылки на 10 дней, а тем временем, возможно, ситуация изменилась; или те хорошие отзывы из академии; или просьба ЦК КП Беларуси, которой Горецкий мешал вести за границей разрушительную рабо-

ту против белорусов-шовинистов; или допрос у В.Р.Менжинского, которому понравился искренний юноша, и он его пожалел. Скорее всего, все события вместе повлияли на его судьбу, которая могла бы быть совсем иной…

Белорусская культурно-научная ассоциация студентов Петровской академии после этих событий и неблагоприятных условий для подобной работы в скором времени совсем распалась. Горецкий очень переживал несправедливый арест, донос одного из членов ассоциации, о чём позднее выяснилось, и в особенности ныло сердце по невозвратной потере любимой сестры. Он ещё с большим упорством взялся за учёбу, так как понимал, что поднять сельское хозяйство Беларуси до уровня близкой по природным условиям и одной из самых богатых в Европе Дании возможно только через знания.

Одновременно с учёбой Горецкий в конце 1922 г. начал работать инструктором Главного выставочного комитета Первой сельскохозяйственной и кустарнопромысловой выставки СССР, которая открылась на следующий год. Там же работала и активная участница Белорусской культурно-научной ассоциации студентка агрономического факультета Лариса Иосифовна Парфенович. Они давно симпатизировали друг другу, а совместная работа ещё больше сблизила их. Вскоре Лариса Парфенович стала женой Гавриила и верной спутницей на всю непростую его жизнь.

Осенью 1923 года Горецкий стал преподавать экономическую географию в Коммунистическом университете национальных меньшинств Запада. 5 июля 1924 года у него родился первенец – сын Всеслав, а в сентябре этого же года Г.И.Горецкий окончил экономический факультет Петровской (Тимирязевской) сельскохозяйственной академии и был оставлен аспирантом и научным сотрудником Научно-исследовательского института сельскохозяйственной экономии при Тимирязевской академии, продолжив работу в Коммунистическом университете.

Белорусская государственная сельскохозяйственная академия в Горках

Чтобы наметить пути выхода народного хозяйства Беларуси из глубокого состояния отсталости, Горецкий решил на огромном статистическом материале изучить фактическое положение с национальным доходом Беларуси, подсчитать его и понять тенденцию развёртывания народного хозяйства в начале XX столетия, в начальную стадию развития капитализма в Беларуси. Профессор Фортунатов предоставил ему для работы свою библиотеку, в которой были редкие книги земского издательства и издательства переселенческого правления. Он перебрал громадное количество книг, окунулся в океан цифр, собрал огромный материал и начал писать монографию “Национальный доход Белоруссии”. Горецкий так увлёкся этой работой, что запустил дела с аспирантурой и подготовкой диссертации. Он считал, что самое главное в науке – собирать новый фактический материал, обобщать и анализировать его, искать связи между явлениями и устанавливать закономерности их развития для достижения истины, а защита диссертации казалась ему второстепенным делом, которое иногда отвлекает от настоящей науки, а для последней и так не хватает времени. Чем больше он углублялся в свои исследования, тем ярче видел, как полное понимание национального дохода, экономики народного хозяйства и природных богатств Земли поможет перестройке белорусского государства и сделает его богатым и процветающим.

В 1924–1925 годах решались важные вопросы о присоединении к БССР тех губерний, которые ранее входили в её состав, а затем в состав РСФСР. Речь идёт о территориях в границах Могилёвской, Гомельской, Смоленской, Витебской губерний. Горецкого часто приглашали в Минск на различные заседания по этим вопросам. Особенно часто и тяжело решались проблемы Гомельской губернии, в которой Горецкий проводил серьёзные и глубокие исследования по сельскому хозяйству и демографии. Тесные связи у него сложились с Институтом белорусской культуры (Инбелкультом),

где на него уже начали смотреть как на будущего сотрудника и в январе 1925 года избрали действительным членом Инбелкульта, состав которого был утверждён постановлением Наркомпросвещения БССР.

Легкомысленное отношение Горецкого к защите диссертации не прошло даром. Нашлись "коллеги", которые добились исключения его из НИИ сельскохозяйственной экономии. Однако, как раз в это время (сентябрь 1925 года) его пригласили на работу в качестве доцента и заведующего кафедрой сельскохозяйственной экономики и экономической географии в Белорусскую государственную академию сельского хозяйства имени Октябрьской революции, которую перед этим в августе месяце постановлением Совнаркома БССР организовали в г. Горки. Дело в том, что ранее здесь был Горецкий сельскохозяйственный институт, который возглавлял молодой коммунист М.Козырев, боровшийся за единую русскую культуру, образование и науку и не признававший национальные интересы белорусского народа. Вместе с рядом крупных профессоров института он выступал за присоединение Могилёвской губернии и особенно Горецкого района к Смоленской губернии РСФСР. Почти все члены Инбелкульта, а вместе с ними и большая группа молодой белорусской интеллигенции выступила с резким протестом, и Горецкий район остался в составе БССР. Таким образом, в БССР оказалось два сельскохозяйственных института: Горецкий в Горках и Белорусский в Менске. Развернулась горячая дискуссия о том, оставлять ли оба института или объединить их в один и где тогда он должен быть – в Горках или Менске. В эту дискуссию включился и Гавриил Горецкий, который стал одним из наиболее активных деятелей "белорусской группы", а она добивалась, чтобы организовать одно сильное учреждение в Горках. Горецкий опубликовал на эту тему несколько статей, а одна из них ещё в 1922 году так и называлась "Где быть Белорусской сельскохозяйственной академии?", опубликованная в газете "Советская Белоруссия". Борьба завершилась победой "белорусского крыла" : постановлением СНК БССР от 5 августа 1925 года было решено объединить Горецкий и Белорусский институты сельского хозяйства в одну организацию – Белорусскую государственную академию сельского хозяйства имени Октябрьской революции с местонахождением в Горках.

Ректором академии стал профессор М.Козырев, и противостояние между "прорусской" группой, в которую входило большинство старых профессоров и руководителей кафедр, и "белорусской", которую составляли молодые преподаватели-белорусы, продолжалось с той же энергией. Первая группа имела мощную поддержку в

лице первого секретаря ЦК КП(б)Б А.И.Криницкого и заместителя наркома просвещения П.И.Волосевича. Во главе второй группы стал Г.Горецкий.

Особенно обострились отношения между этими группировками во время выборов в Правление академии, которое состояло всего из 7 человек и которое имело решающее влияние на жизнь учреждения. Обе группы ссылались на решение Всебелорусской партийной организации, которая обязывала проводить программу всеобщей белорусизации. Секретарь парторганизации академии Винокур поддерживал Козырева. Он созывал собрания представителей всей академии (количеством до тысячи человек), на которых всячески старался дискредитировать "белорусскую группу". Разгорались жаркие споры, в которых часто принимал участие Горецкий, причём он, хотя и был беспартийным, переубеждал собравшихся лучшим знанием постановлений партийной организации и более убедительной логикой, чем это получалось у партийцев. На собрания даже приезжал руководитель Окружной партийной организации известный деятель П.В.Саевич, который постепенно убедился в большей правоте "белорусской группы". В результате Г.И.Горецкий был выбран членом правления академии. Он разработал детальную программу белорусизации академии, которую передал в коммунистическую ячейку при Белорусской сельхозакадемии.

Наряду с преподавательской и общественной деятельностью, Горецкий интенсивно занимался научной работой. Вышла в свет его крупная монография "Народны прыбытак Беларусі (Национальный доход Белоруссии)", статьи "Население Гомельской губернии" и "Сельское хозяйство Гомельской губернии" (1926) и др. В этих статьях он убедительно доказал, что Гомельщина и по населению, и по характеру сельского хозяйства наиболее близка именно к Беларуси, а не России и Украине. Его аргументы были взяты за основу при доказательстве правомерности включения Гомельской губернии в состав БССР.

В статье "О белорусизации высших научных учреждениях БССР" (1926) Горецкий на примере Белорусского университета и Белорусской сельскохозяйственной академии описал состояние белорусизации и её динамику с 1919 по 1926 годы. Он проанализировал количество работников, которые владеют белорусским языком по категориям: профессоры, доценты, ассистенты, научные сотрудники, причём белорусизированным работником он считал каждого (независимо от национальности), кто владеет белорусским языком. Выводы такие: белорусизация проведена в небольшой

степени: в академии белорусским языком владеет $^1/_4$ часть работников, а в университете только $^1/_6$; наибольший процент белорусскоязычных (почти 50%) в белорусской группе, затем идут украинцы и евреи; наиболее белорусизированы средние группы (доценты и ассистенты), а наименее – самая младшая (нет белорусскоязычного научного молодняка); за эти годы белорусов было сокращено в 5 раз больше, чем российских сотрудников; нужно приглашать из России эмигрантов – учёных белорусов, количество которых довольно значительное и среди которых много видных специалистов. Главный тревожный вывод – нет белорусизированной научной смены.

От имени Правления Белорусской государственной сельскохозяйственной академии Горецкий приветствовал академическую конференцию по реформе белорусского правописания и азбуки. Он подчеркнул, что на пути дальнейшей белорусизации академии имеется большая преграда – это отсутствие у нас научной терминологии.

Летом Горецкий выезжал в экспедиции, которыми руководил ещё со времени работы в НИИ сельскохозяйственной экономии (Москва). Они проводили экономический профиль вначале в Московской области по линии Петровско-Разумовское–Дурыкино (1925), а затем в Беларуси по линии Слуцк–Мглин (март-апрель 1926 г.) и Минск–Могилёв–Рослав (июнь 1926 г.). Чтобы провести эту экспедицию пришлось в академии взять отпуск. По результатам первой экспедиции в 1927 году в Москве вышла книга Г.И.Горецкого, С.М.Малышева, А.А.Рыбникова “Экономическое влияние Москвы на организацию сельского хозяйства области”, в которой был раздел Горецкого “Экономический профиль Петровско-Разумовское – Дурыкино”. В предисловии к книге директор института профессор А.В.Чаянов писал: “*Экспедиция Горецкого, задуманная исключительно для проверки теоретических взглядов на границы районов, оказалась, однако, гораздо более плодотворной и дала нам целый ряд весьма ценных новых материалов для суждения о стандарте сельского хозяйства вообще и, благодаря новизне метода, как-то по-новому осветила давно изученное нами подмосковное пространство. [...] В своей работе Г.И.Горецкий весьма подробно остановился на тех возможностях, которые даёт исследователю применённый им метод экономического профиля, и намечающаяся им в ближайшее время экспедиция для зарисовки экономического профиля 54-й северной параллели на протяжении 300 вёрст через всю Белоруссию и часть РСФСР с несомненностью должна будет показать, насколько прав он в своих предположениях... Этот метод должен явиться одним из*

наиболее дешёвых и наиболее быстрых методов обследования ещё неизученных пространств" [14].

С большой радостью Гавриил Иванович встретил брата Максима, который в феврале 1926 года вместе с семьёй переехал в Горки, куда его пригласили возглавить кафедру белорусского языка и литературы Белорусской академии сельского хозяйства и преподавать эти предметы в качестве доцента. Максим, который имел большую семью (жена и двое детей), поселился в ту квартиру, где раньше жил Гавриил, а тот переехал в меньшую в другом доме.

В августе-сентябре 1926 года Г.Горецкий вместе с языковедом председателем отдела гуманитарных наук Инбелкульта С.Некрашевичем были в командировке в Польше и Германии, где собрал большой материал по экономике Западной Беларуси. К сожалению, часть материалов при пересылке из Польши была потеряна.

Тем временем подошли выборы руководителей большинства кафедр и лабораторий. В Наркомобразовании все кадровые вопросы взял в свои руки П.Волосевич. При его поддержке, пользуясь выборами, Козырев решил провести реформирование – объединить близкие по научному направлению кафедры и лаборатории в группы, в которых одна из ведущих кафедр будет главной. Это позволяло ректору держать руководство всех кафедр в своих руках. Особенно его беспокоило положение кафедр общественных наук, имеющих большое влияние на всю академию. Он добился объединения всех этих кафедр в группу под руководством кафедры политической экономии, во главе которой сам и стоял. Кафедра Горецкого также попала в эту группу. Своим заместителем Козырев назначил послушного ему способного администратора профессора Ю.А.Вейса, которому поручил составление для всех кафедр учебного плана. Планы составлялись так, что непослушные преподаватели получали минимальное количество часов, а отсюда и соответствующую зарплату. Так постепенно вытеснялись представители белорусского направления.

Руководство академии решило выбрать профессора по кафедре аграрной политики и экономии, который в дальнейшем и должен был стать заведующим кафедрой. Конкурсная комиссия обсудила две кандидатуры – Горецкого и Гринфельда. После долгих дебатов всё же дала согласие на Горецкого и подготовила на него соответствующие документы. Отвезти их в Менск попросили са-

---

[14] *Чаянов А.В.* Предисловие // Экономическое влияние Москвы на организацию сельского хозяйства области. Опыт профильных исследований. М.; Л.: Московский рабочий. 1927. С. 5-11.

мого кандидата, тем более, что у него имелись там и другие дела. Горецкий передал документы Волосевичу, который их рассмотрел самостоятельно и вернул в пакете. По приезде в Горки оказалось, что на документах была виза “отказать”, а в письме к Козыреву – согласие не утверждать результаты выборов заведующего кафедрой. Ю.А.Вейс составил такой учебный план, что Горецкому трудно стало прокормить семью…

В начале 1927 года встал вопрос о создании в Менск Белорусского научно-исследовательского института сельского и лесного хозяйства. Представители Инбелкульта, зная о событиях, происшедших в Горках, предложили назначить директором нового института Гавриила Ивановича Горецкого, которого вскоре вызвал к себе Н.Н.Голодед – председатель Совета народных комиссаров БССР – и сказал, что ЦК КП(б)Б и СНК БССР назначают его директором Белорусского научно-исследовательского института сельского и лесного хозяйства имени В.И.Ленина при СНК БССР, что мы Вам доверяем и знаем всю историю борьбы в Горках, не сдавайте своих позиций и начинайте работу.

Директор Белорусского научно-исследовательского института сельского и лесного хозяйства имени В.И.Ленина в Минске

На IV съезде Центрального исполнительного комитета БССР 7-го созыва, который состоялся в Менске 26 января 1927 года, было объявлено об открытии Белорусского научно-исследовательского института (БелНИИ) сельского и лесного хозяйства им. В.И.Ленина при СНК БССР, директором-организатором которого назначили Г.И.Горецкого. На основе выводов, которые были сделаны в ранее опубликованной монографии “Народная прибыль Беларуси (национальный доход Беларуси)”, Горецкий составил статут, направление деятельности, структуру Института, программу исследований, план работы.

Получив полную поддержку у руководителей ЦК КП(б)Б и правительства Беларуси, он решил так наладить работу Института, чтобы тот стал не только одним из лучших учреждений такого типа в республике, но получил авторитет в союзных научных кругах Москвы, Ленинграда и Украины. Главная задача его деятельности – реконструкция исследовательской работы в БССР, резкая смена её организационных форм в сравнении с прошлой. Если до сих пор и в республике, и в РСФСР оставался старый “земский” тип организации опытного дела – существование комплексных, неспециализированных опытных станций, как областных, так и районных, то Горецкий выдвинул принцип специализации опытного дела, что придавало этим станциям оригинальные самобытные черты. Он стремился подобрать лучшие научные кадры видных российских и белорусских учёных, а среди последних упор делал на молодёжь с тем, чтобы через 7-8 лет выпустить из Института 60-70 белорусских профессоров, причём старался создать сильное партийное ядро, которое должно занять руководящие должности. Добивался нужного финансирования для закупки новейшего иностранного оборудования для научной работы и перевода всей работы на стационарные и экспериментально-лабораторные методы. Нацелил коллектив Института на скорейшее достижение

таких научных результатов, которые дали бы сразу крупный экономический эффект в практическом строительстве. Важным считал форсирование изданий научных работ Института на белорусском языке с большими резюме на русском, английском или немецком языках и широкую рассылку этих книг не только в пределах БССР, но и далеко за её границы.

Позднее в своих показаниях 3-му Отделению СО ОГПУ от 21-23.IX.1930 г. Г.И.Горецкий писал: "*Гл. работой в 1926-30 гг. я считал деятельность по созданию и укреплению БНИИ сел. и лес. хоз. им. Ленина. Эта деятельность была реализацией тех организ. принципов, которые были положены мною в основу реконструкции опытного и научно-исслед. дела БССР. Эти принципы изложены в доклад. записке чл. Правительства БССР и были в сокращ. виде изложены в жур. "Сел. и лес. хоз." за 1927 г. № 1. Руководящей идеей этих орг. принципов было – поставить науку на службу строительства социализма. Из этой идеи вытекали следующие два начала: 1) в основу построения научно-исслед. дела д.б. положен производственный принцип – построение науч. учреждений не по отраслям с.-х. науки, а по отраслям с.-х. производства, 2) науч. учреждения д.б. специализированными. [...] Через 3 года при реконструкции опыт. дела СССР в основу реконструкции положены те же принципы производственного построения и специализации*"[15].

Почти все основные направления сельской и лесной науки были сконцентрированы в Институте. В его составе были созданы следующие отделы: сельскохозяйственной экономики и аграрной политики, растениеводства и прикладной ботаники, животноводства и прикладной зоологии, мелиорации и культуры болот, лесного хозяйства. При каждом отделе работали специализированные (центральная картофельная, болотная, торфяная, лесная, растениеводческая, охраны растений, лекарственных растений, свиноводческая, крупного рогатого скота и др.) и районные (Горецкая, Витебская, Туровская, Полесская, Борисовская, Могилёвская, Минская и др.) опытные станции, научные кабинеты, лаборатории, "Белгеофизика" с геофизической обсерваторией и многими метеорологическими станциями, Центральная химическая лаборатория и Бюро крестьян-исследователей. Институт издавал на белорусском языке научные работы и журнал "Сельское и лесное хозяйство Беларуси".

---

[15] *Гарэцкі Радзім.* "Ахвярую сваім "Я"… (Максім і Гаўрыла Гарэцкія). Мінск: Беларуская навука, 1998. С. 183-184.

В БелНИИ сельского и лесного хозяйства перешла сельскохозяйственная секция Института белорусской культуры и поэтому между двумя институтами было заключено соглашение “в целях концентрации, планового развития и взаимной связи научного изучения природы, хозяйства и культуры Беларуси”. В связи с этим Горецкого снова избрали действительным членом Инбелкульта, ввели в состав его Президиума и Научного совета.

К работе в Институте Горецкий привлёк многих видных учёных: будущих академиков-профессоров А.Д.Дубаха, Н.К.Малюшицкого, А.И.Кайгородова, В.И.Перехода, В.В.Шкателова, профессоров А.А.Смолича, С.П.Мельника, М.М.Пелехова, В.К.Захарова, Я.В.Яцентовского, Б.И.Бельского, И.А.Кислякова и др.

На VIII Всебелорусском съезде советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Горецкий выступил с докладом, в котором поблагодарил правительство за открытие БелНИИ сельского и лесного хозяйства, высказал свои мысли и идеи о необходимости эффективных научных исследований, интенсификации сельского хозяйства Беларуси, подготовку в ближайшее время белорусских молодых исследователей. На этом съезде Горецкого выбрали кандидатом в члены Центрального исполнительного комитета БССР.

В сентябре-октябре 1927 года Горецкий был в почти двухмесячной командировке в Германии и Дании, где смог познакомиться с разными направлениями организации науки и весьма эффективным производством сельского хозяйства.

По материалам предыдущей командировки в Польшу он издал обстоятельную монографию “Границы Западной Беларуси в Польше (национальный состав населения Западной Беларуси)” на белорусском языке с большим английским резюме. Критический пересмотр источников о национальном составе населения Западной Беларуси дал возможность показать, насколько далеки результаты польских переписей 1919 и 1921 годов от действительности и объективности. Он детально обозначил этнические границы Беларуси, в особенности западные. Монография вызвала большой резонанс общественности и её автор получил приглашение из Великобритании с просьбой прочитать серию лекций о демографии Беларуси в Кембриджском университете.

В конце каждого года БелНИИ сельского и лесного хозяйства выпускал детальный отчёт о результатах своей работы и планах на будущее. Уже через два года Институт стал одним из крупнейших научных учреждений, который высоко оценили не только в БССР, но и во всём Союзе. Несколько раз в Институт приезжал и такой авторитетный учёный как Н.И.Вавилов, который имел в Менске Белорусское отделение Всесоюзного института прикладной ботаники

и новых культур. Горецкий поддерживал работы этого отделения, которое, имея достаточное союзное финансирование, проводило очень интересные и важные исследования, весьма полезные и для Беларуси. Н.И.Вавилову понравился БелНИИ сельского и лесного хозяйства и его руководитель.

Жизнь Гавриила Ивановича и его семьи в Менске наладилась: была интересная работа, которой он отдавал все свои силы, ум и сердце. Институт стал на ноги, пользовался большим авторитетом, и все увидели его эффективность и пользу для науки и практики. Верилось в национальное возрождение родной Беларуси, за которое он готов пожертвовать всем и за которое боролся, как только мог, даже в мелочах. С женой Ларисой жили дружно, весело и радостно. Она тоже работала, но на общественных началах, так как было неудобно жене директора получать зарплату, работая в том же учреждении, где и муж. Она вела селекционные исследования на картофельной и болотной станциях по выведению новых сортов овощных культур. Были хорошие друзья-единомышленники, к которым ходили в гости. Чаще всего собирались у Янки Купалы[16], Якуба Коласа[17], Аркадия Смолича[18], Степана Некрашевича[19], Иосифа Лёсика[20], Ивана Кислякова[21].

В начале сентября 1928 года в Минск приехал и Максим Горецкий с семьёй. Он был назначен учёным специалистом Института научного языка Инбелкульта[22]. В эти годы из печати вышла его монография "История белорусской литературы" (4-е переработанное издание), "Практический российско-белорусский словарь" (вместе с Н.Байковым, 2-е издание, исправленное и переработанное), ряд повестей и рассказов, книга "На империалистической войне",

---

[16] Янка Купала (наст. Луцевич Иван Доминикович, 1882–1942) – классик белорусской литературы, академик Белорусской и Всеукраинской академии наук, народный поэт БССР.

[17] Якуб Колас (наст. Мицкевич Константин Михайлович, 1882–1956) – классик белорусской литературы, академик Белорусской академии наук, народный поэт БССР.

[18] Смолич Аркадий Антонович (1891–1938) – профессор, член Инбелкульта, экономист, географ, государственный и общественный деятель.

[19] Некрашевич Степан Михайлович (1883–1937) – языковед, академик БАН, председатель Инбелкульта, вице-президент БАН, директор Института языкознания, общественный деятель.

[20] Лёсик Иосиф Юрьевич (1884–1940) – языковед, писатель, политический деятель, член Инбелкульта, академик БАН, директор Института научного языка Инбелкульта.

[21] Кисляков Иван Андреевич (1895–1955) – аграрник, общественный деятель, член Инбелкульта, профессор Белорусской сельхозакадемии.

[22] *Дасаева Т.М.* Летапіс жыцця і творчасці Максіма Гарэцкага. Мінск: Навука і тэхніка. 1993. С. 54.

статьи о творчестве Якуба Коласа, Максима Богдановича и многих других белорусских писателей. Его жена Леонила Устиновна Чернявская – также писательница, опубликовала ряд повестей и рассказов как для взрослых, так и для детей. Оба сделали несколько переводов произведений известных писателей, в том числе М.Горького, А.П.Чехова, В.К.Арсеньева “В дебрях Уссурийского края” и др. В 1928 году литературный критик Антон Адамович опубликовал в ряде номеров журнала “Узвышша” первый наиболее полный и серьёзный критический обзор произведений писателя “Максим Горецкий (Попытка монографии о творчестве)”. Он определил Максима Горецкого как “основателя белорусской художественной прозы”[23].

Летом братья или их жёны с детьми, а иногда и все вместе навещали родителей в Малой Богатьковке, которые зимой приезжали на короткое время к сыновьям: мать Ефросинья Михайловна обычно останавливалась у Максима, а отец Иван Кузьмич – у Гавриила.

Максим Горецкий уже много лет собирал песни своей мамы. В горецко-минский период ему удалось доработать сборник “Народные песни с мелодиями”, который он начал подготавливать к печати вместе с композиторами Николаем Аладовым и Александром Егоровым ещё с начала 1925 года. В 1928 году сборник был издан Инбелкультом[24]. В него вошли 318 песен, записанных от Ефросиньи Михайловны Горецкой (у фольклористов она известна как Прося Горецкая). Среди этих песен – широкоизвестная “Кума мая кумачка”. Мелодию этой песни использовал Н.Аладов в опере “Тарас на Парнасе”, П.Подковыров – во Втором симфоничном концерте, Р.Пуст – во Второй симфонии. Песню “Па гарохаўю, па ячанню” использовал Е.Тикоцкий в опере “Міхась Падгорны”, Н.Аладов в финале “Квинтета” ; песню “Ты, чырвоная каліна” – М.Коршнер в балете “Соловей”, Е.Тикоцкий – в первой симфонии, Е.Глебов – в концерте для голоса с оркестром. Эта книга стала библиографической редкостью. Некоторые песни Проси Горецкой помещены в ряде сборников. Например, в “Антологии белорусской народной песни” (составитель Г.Цитович, 1975) приведено 6 песен. Известная белорусская этномузыковед Зинаида Можейко писала: “Сборник уникален благодаря множеству оттенков живой, почти зримо ощутимой документальности великого мастера жанра”[25].

---

[23] *Адамовіч Антон*. Максім Гарэцкі (Спроба манаграфіі аб творчасці) // Да гісторыі беларускае літаратуры. Мінск: Выдавецтва Коласа, 2005. С. 32.

[24] *Гарэцкі М., Ягораў А.* Народныя песні з мэлёдыямі. Менск, 1928.

[25] Белорусская этномузыкология / Под ред. З.Можейко. Минск: Тэхналогія, 1997. С. 71.

Недавно З.Я.Можейко обратила особое внимание ещё на одну песню “Дом-темница” Ефросиньи Горецкой из сборника “Народные песни с мелодиями”. “*Это уникальное произведение как бы стягивает в один узел все драматические мотивы сказового и лирико-эпического песнетворчества, поднимаясь до вершинных обобщений трагизма возвышенности человеческих стремлений в их реальном превращении. Показательная белорусскость легендарной баллады подтверждается и тем фактом, что сюжет её неизвестен в международных славянских каталогах, и тем, что записана она от представительницы выдающегося почвеннически-белорусского рода Горецких – знаменитой народной певицы Проси Горецкой. […] В балладной песне “Дом-темница” зачин бесплодной дубравы предопределённо ведёт к гибели светлых стремлений двух братьев-зодчих… Выдержанная в бесстрастном эпическом тоне кульминация: “Яны думалі святліца // Ажну цёмная цямніца”. […] Заключение баллады утверждает, что вместе со светлыми стремлениями гибнет и сущность человеческой жизни, которая через приметы поры года и времени суток, знаки светлых дней будет долетать до братьев-узников только из внешнего мира*”[26].

В этой балладе Ефросинья Горецкая удивительно предвидела судьбу своих сыновей – Максима и Гавриила. Ефросинья Михайловна имела большие способности лечить и заговаривать разные болезни и недомогания. Старший сын Гавриила Всеслав вспоминал, как он в деревне острым ножом глубоко до самой кости пырнул ногу немного выше колена. Кровь фонтаном полилась из раны. Он очень испугался и побежал к бабушке. Та спокойно осмотрела рану, чем-то её побрызгала, поводила руками вокруг, пошептала и очень скоро кровь перестала течь и меньше стала болеть нога. Только довольно большой шрам, который остался на всю жизнь, напоминает тот случай и вызывает благодарные воспоминания о любимой богатьковской бабуле.

Гавриил Горецкий интенсивно работал в самых разных направлениях: научных, научно-организационных, общественных. В журнале “Полымя” (1929, № 5) он опубликовал большую статью “Национальные особенности населения БССР и белорусского населения СССР согласно переписи 1926 г.” В отношении населения всего СССР автор пришёл к такому печальному выводу: *“… белорусы переживают процесс ассимиляции исключительной силы, который ставит белорусов на уровень (в этих отношениях)*

[26] *Мажэйка З.* Песенная лірыка. // Беларусы. Т. II. Музыка. Мінск: Беларуская навука, 2008. С. 123-124.

наиболее "некультурных" национальностей СССР, которые находятся на грани физического сокращения и вымирания (камчадалы, остяки и т.п.)" [27].

Рассмотрев положение сельского хозяйства БССР, Горецкий в брошюре "Опытное дело по сельскому и лесному хозяйству БССР" пришёл к выводу, что "*в ближайшие 25-30 лет БССР имеет вполне реальные основания, чтобы увеличить валовое производство сельского хозяйства в 4-5 раз, довести плотность населения до 70-75 человек на километр при общем населении современной БССР в 8,5-9 миллионов населения*" [28].

Горецкий в соответствии со своей программой реорганизации научно-исследовательского и опытного дела в сельском и лесном хозяйствах, несмотря на противодействие многих чиновников из Госплана, Наркомзема и некоторых учёных Белорусской сельхозакадемии, добился строительства ряда опытных станций: картофелеводства, центральной свиноводческой, прудово-озёрной, крупного рогатого скота, 4 лесных районных, гидролесомелиоративной, мелиоративно-гидротехнической, центральной агрономической лаборатории и др. Он также был уверен, что БССР должна иметь свою белорусскую геофизическую обсерваторию, тем более, что на всей западно-центральной части СССР вообще отсутствуют обсерватории. Белгеофиз, основанный НИИ сельского и лесного хозяйства, занимался не только метеорологическими работами, но и другими геофизическими исследованиями (земной магнетизм, сейсмология и др.). По мнению Горецкого, в дальнейшем он должен был перерасти в Гидрометеорологический институт.

Стремясь к ликвидации отсталости БССР в народном хозяйстве и культуре, он не только инициировал создание различных республиканских учреждений, но и всячески содействовал организации в БССР всесоюзных институтов: Болотного, Свиноводческого, Картофельного, Конопляно-пенькового, Интенсивного зернового хозяйства и др. Часть из них удалось основать.

Горецкого избрали членом совета Белорусского центрального союза сельскохозяйственных и промысловых обществ (Белсельсоюз), членом Президиума Комитета по химизации народного хозяйства при СНК БССР, Центрального бюро краеведения при Инбелкульте, экономической секции Научного общества при

---

[27] *Гарэцкі Г.* Нацыянальныя асаблівасьці насельніцтва БССР і беларускага насельніцтва СССР паводле перапісу 1926 г. // Полымя. 1929. № 5. С. 36.

[28] *Гарэцкі Гаўрыла.* Даследчая справа па сельскай і лясной гаспадарцы БССР. Менск: Выданне Наркамзему БССР, 1929. С. 25.

Белорусском государственном университете, Комиссии перспективного планирования Госплана БССР, Центрального Бюро секции научных работников БССР и др.

Горецкий активно участвовал в заседаниях СНК БССР, сессиях ЦИК и др. Он часто поднимал вопросы о необходимости создания "Белорусского центрально-промыслового района с центром в Менске", о проблемах труда и населения, рационального географического размещения промышленности, важности животноводства для сельского хозяйства, о политике создания белорусского индустриального пролетариата, расширения геологических исследований и поиска минерального сырья (в том числе агрономических руд), о капитальном строительстве научных учреждений, материально-технической базе сельского хозяйства и т.д. На IX Всебелорусском съезде Советов 15 мая 1929 года Гавриила Горецкого перевели из кандидата в члены Центрального исполнительного комитета БССР.

Белорусский институт культуры и основание Белорусской академии наук

После закрытия в 1863 году старейшего в России Горы-Горецкого земледельческого института из-за активного участия студентов в освободительном движении в Беларуси не осталось ни одного высшего учебного и научного учреждения. Поэтому после создания БССР, наряду с проблемой ликвидации безграмотности, развития системы образования, остро стал вопрос об организации высших научных учреждений. Уже в апреле 1919 года возобновилась деятельность Горецкого сельскохозяйственного института, в 1921 году в Минске открыт Белорусский государственный университет. Для развития народного хозяйства и национально-культурной жизни республики, разрушенных после мировой и гражданской войн, необходимо было создать местные научные учреждения. Это было время новой экономической политики, когда при значительной централизации руководства всех жизненных процессов, существовали некоторые возможности для проявления местной инициативы и национального возрождения. Белорусское национальное возрождение вылилось, прежде всего, в политику белорусизации, которую поддерживало государственное и политическое руководство республики. Белорусизация охватила культуру, просвещение, образование, науку, информацию, делопроизводство, различные области деятельности, в том числе партийно-государственные учреждения. Она проходила при широкой поддержке населения и особенно научной и творческой интеллигенции Беларуси.

Идея о создании научно-исследовательского центра, который должен объединить тогда ещё малочисленные научные и культурные силы республики, возникла в 1921 году, уже в феврале обсуждалась на 2-ой сессии Центрального Исполнительного комитета БССР. Первым шагом в этом направлении было создание Наркоматом просвещения БССР в составе своего научно-литературного отдела Научно-терминологической комиссии, которая состояла из гуманитарной, природоведческой и математической секций и в ко-

торой работало всего 15 человек. В июне 1921 года для разработки окончательного устава Института белорусской культуры (Инбелкульта) была создана комиссия в составе академика Е.Ф.Карского[29], И.Л.Дылы[30] и С.М.Некрашевича.

Согласно уставу Инбелкульт был создан как учреждение, основанное на двух принципах – научно-исследовательском и культурно-общественном. В его состав входили почётные и действительные члены, научные сотрудники и члены-корреспонденты. Действительные члены и научные сотрудники занимали штатные единицы, остальные – внештатные. Все они выбирались Научным советом института. Комиссия по штатам при Наркомате труда БССР утвердила штат Инбелкульта в количестве 45 человек. Однако, в связи с тем, что Наркомат просвещения БССР мог представить только 15 продуктовых пайков, постоянный штат составил 15 человек, а остальные работали по совместительству. Первое общее собрание Инбелкульта состоялось 30 января 1922 года. Эта дата и считается образованием Института белорусской культуры. Тогда же были созданы и две секции: этнографо-лингвистическая и природоведческая. Председателем Инбелкульта стал С.М.Некрашевич, а действительными членами Е.Ф.Карский, И.Ю.Лёсик, И.Д.Луцевич (Янка Купала), К.М.Мицкевич (Якуб Колас).

Журнал “Адраджэнне” (“Возрождение”), первый и единственный номер которого вышел в начале 1922 года и сразу же запрещённый из-за ряда публикаций, в том числе стихотворения Янки Купалы “Перед будущим”, поместил ряд поздравлений в связи с открытием Инбелкульта, от Российской академии наук, академика Е.Ф.Карского, Наркомата просвещения Украины и др. В том числе упомянута и телеграмма от объединённого собрания студентов белорусов Москвы за подписью Гавриила Горецкого и Михаила Мороза (представителя БССР при правительстве РСФСР)[31].

Если в начальный этап деятельности Инбелкульт в основном ограничивался научными исследованиями в гуманитарной области

---

[29] Карский Ефим Фёдорович (1861–1931) – филолог-славист, основатель белорусского языко- и литературоведения, этнограф, фольклорист, палеограф, педагог, академик Петербургской академии наук (1916), действительный член Инбелкульта.

[30] Дыла Иосиф Левонович (1880–1973) – писатель, общественный деятель, действительный член Инбелкульта, директор Института по изучению искусства Инбелкульта.

[31] *Скалабан Віталь, Токараў Мікалай*. Браты Гарэцкія і Інбелкульт. Новыя матэрыялы // XVIII Гарэцкія чытанні. Максім і Гаўрыла Гарэцкія. Жыццё і творчасць. Мінск. 11 чэрвеня 2010. Мінск, 2010. С. 26.

(литература, история, этнография, языкознание), то уже с 1924 года его интересы распространились на широкий круг наук в области природы и народного хозяйства. Образованы новые подразделения: географическая, медицинская, агрономическая секции. Институт начал приобретать характер настоящего комплексного научного учреждения – главного научного центра республики. Этому способствовало расширение территории БССР после включения в состав БССР части этнических площадей Витебщины, Могилёвщины, Смоленщины и Гомельщины.

В июле 1924 года ЦИК и СНК БССР утвердили "Положение об Институте белорусской культуры", обозначив его высшим государственным научным учреждением Беларуси. В новом уставе говорилось, что Институт "имеет своим заданием плановые исследования Беларуси со стороны её языка, литературы, этнографии, истории, природы, экономики, социально-общественного движения и др."[32]. Институт должен объединить работу всех отраслевых научных и культурных учреждений республики. Президиум Инбелкульта избирался Научным советом сроком на один год в составе пяти человек.

В октябре 1924 года на заседании Совнаркома БССР при обсуждении деятельности Инбелкульта впервые был поставлен вопрос о придании Институту белорусской культуры характера научно-исследовательского учреждения типа Академии наук[33]. Сессия ЦИК БССР, а затем и пленум ЦК КП(б)Б поддержали предложение правительства об укреплении Инбелкульта и о преобразовании его в учреждение типа Академии наук. Комиссия по реорганизации Инбелкульта, созданная при ЦК КП(б)Б, в декабре 1924 года рассмотрела структуру и штаты Института. 13 января 1925 года Наркомат просвещения утвердил состав действительных членов Инбелкульта в количестве 72 человек. В их число попали Максим и Гавриил Горецкие. Председателем Инбелкульта и его президиума был избран нарком просвещения БССР известный белорусский историк и общественный деятель Всеволод Макарович Игнатовский[34].

В 1925 году в составе Инбелкульта состояло 12 постоянных комиссий: диалектологическая, по составлению словаря бело-

---

[32] Інстытут беларускай культуры. Мінск: Навука і тэхніка. 1993. С.12.

[33] *Токарев Н.В.* Академия наук Белорусской ССР: годы становления и испытания (1929-1945). Минск: Наука и техника. 1988. – 136 с.

[34] Игнатовский Всеволод Макарович (1881–1931) – историк, общественный и политический деятель, академик Белорусской академии наук и Всеукраинской академии наук.

русского языка, правописания и терминологии, литературная, по изучению белорусской народной песни, историко-археологическая, по изучению революционного движения в Беларуси, по охране памятников искусства и природы, по изучению народного хозяйства, по изучению трудов В.И.Ленина, по изучению советского строительства, этнографическая, библиографическая, по изучению природных и производительных сил. Существовали еврейский и польский отделы, библиотека, издательство с типографией. При Инбелкульте работали секции: языковедческая, литературная, искусствоведческая, историко-археологическая, природоведческая, социально-экономическая, педагогическая, сельскохозяйственная, медицинская, этнографическая. На правах секций в Инбелкульт входила Ассоциация научной организации труда и всебелорусское объединение поэтов и писателей "Молодняк"[35].

В феврале 1926 года ЦИК БССР принял решение о выделении Инбелкульта из состава Наркомата просвещения БССР в самостоятельное учреждение, подчинённое непосредственно СНК БССР. 18 июня 1926 года Президиум ЦИК СССР по докладу о деятельности правительства принял резолюцию, в которой отмечалось, что Инбелкульт "в своём дальнейшем развитии должен стать Белорусской академией наук"[36].

В начале 1927 года комиссией из учёных Инбелкульта был разработан, а позднее утверждён Совнаркомом БССР новый устав, в основу которого был положен устав Академии наук СССР. В июле этого же года Президиум Госплана БССР на основе нового устава утвердил структуру Инбелкульта, в которую входили постоянные и специализированные научно-исследовательские кафедры, институты, комиссии, кабинеты, лаборатории. После чего Инбелкульт по формам и методам организационной деятельности стал подобным национальной академии наук. В Инбелкульте было два отдела – гуманитарных наук, природы и народного хозяйства, а также национальные секторы (еврейский и польский). Президиуму Инбелкульта подчинялась Комиссия по изучению Западной Беларуси, Комиссия по изучению производительных сил Беларуси, Центральное бюро краеведения, библиографическая комиссия, библиотека и типография.

Отдел гуманитарных наук подразделялся на классы: филологии и истории. Те в свою очередь имели ряд специализированных кафедр, комиссий, институтов. Отдел природы и народного хозяйства

[35] Институт белорусской культуры. 1993. С.13-14.
[36] *Токарев Н.В*. 1988. С. 9.

также подразделялся на два класса. В класс природы входил Геологический институт, кафедры (почвоведения, ботаники, географии, антропологии), зоологический музей, центральная химическая лаборатория, лаборатория экспериментальной биологии, ботанический сад. В классе хозяйственных наук было три комиссии: по изучению промышленности, домашних ремёсел, кооперации.

Белорусский институт сельского и лесного хозяйства тесно сотрудничал с Инбелкультом, заменив ранее существовавшие его подразделения (сельскохозяйственные и др.), а директора Института Г.Горецкого ввели в состав Президиума и Научного совета Инбелкульта как действительного члена с решающим голосом.

Максим Горецкий работал в разных секциях и комиссиях гуманитарного профиля: литературной, языковедческой, словарной.

В апреле 1927 года Научный совет Инбелкульта обратился в СНК БССР с ходатайством о переименовании Института белорусской культуры в Академию наук. Однако для такой реорганизации необходимо было не только решение руководства БССР, но и Академии наук СССР и самое главное – государственных и партийных органов СССР, что осуществить было не так просто.

27 октября 1927 г. вопрос о переименовании Института белорусской культуры в Белорусскую академию наук был рассмотрен на заседании Политбюро ЦК ВКП(б), о чём доложили Кнорин, Голодед, Игнатовский. На заседании присутствовали "члены ПБ ЦК ВКП: тт. Ворошилов, Калинин, Молотов, Рыков, Сталин, Томский. Канд. в члены ПБ: тов. Микоян"[37].

Инбелкульт продолжал организационно укрепляться, что привело к значительному росту результатов научных исследований по всем важнейшим областям науки. В конце 1927 года Инбелкульт совместно с Белорусским научно-исследовательским институтом сельского и лесного хозяйства и Наркоматом просвещения по заданию Госплана СССР впервые разработал пятилетний план развития научно-исследовательской работы на 1928/29 – 1932/33 годы.

"*К концу 1928 года Институт белорусской культуры явился организационно окрепшим научно-исследовательским учреждением… Наиболее значительными были достижения учёных Инбелкульта в области общественных наук. Довольно широкое развитие в институте, особенно в последние годы его деятельности, получили также исследования в области биологических, геологических, сельскохозяйственных и химических наук. Ежегодно*

[37] Інстытут беларусскай культуры. 1922–1928: дакументы і матэрыялы / В.У.Скалабан, М.У.Токараў. Мінск: Беларус. навука. 2011. С. 201.

проводились геологическая, геоботаническая, зоологическая и другие экспедиции. Только в 1927/28 г. было организовано 12 научных экспедиций"[38].

Г.И.Горецкий вспоминал о достижениях учёных Инбелкульта: "*Больших успехов Инбелкульт достиг в изучении палеолита. Неутомимые археологические поиски исследователей Инбелкульта завершились обнаружением двух классических позднепалеолитических стоянок. […] Эти стоянки – самые древние и пока что единственные поселения первобытного палеолитического человека Беларуси. Прошло более 50 лет, а новые позднепалеолитические стоянки так и не были найдены в Беларуси, несмотря на детальные поиски археологов, геологов и географов.*

Значительные достижения имел Инбелкульт в составлении словаря белорусского языка и белорусской научной терминологии. […] Были опубликованы первый академического типа белорусско-российский словарь Н.Байкова и С.Некрашевича, практический российско-белорусский словарь Н.Байкова и М.Горецкого, а также терминологический справочник по основным областям науки. Большая работа велась по составлению словаря живого белорусского языка. […] Пристальное внимание Инбелкульт уделял составлению исторического словаря белорусского языка, диалектических словарей, словаря белорусского литературного языка. […] Исключительно массовый характер носила в Инбелкульте работа по составлению краевых словарей…

[…] Активно работали в Инбелкульте историки: по истории Беларуси…, истории белорусских городов, просвещения, права…, народного хозяйства…, по истории белорусской литературы. При кафедре истории белорусского языка существовала комиссия по изданию произведений белорусских писателей"[39].

Далее Горецкий называет большие достижения Инбелкульта в широком круге наук в области природы и хозяйства. Была составлена первая предварительная карта почв Беларуси. Созданы почвенно-геологическая комиссия под руководством Николая Блиодухо[40], кафедра почвоведения под руководством Якова Афанасьева[41].

---

[38] а) XII з'езд КП(б)Б. Матэрыялы да справаздачы Цэнтральнага Камітэта КП(б)Б. Менск, 1929. С.109; б) *Токарев Н.В.* 1988. С. 11.

[39] *Гарэцкі Г.І.* Каля вытокаў беларускай савецкай навукі.// Весці АН БССР. Серыя гуманітарных навук. 1979, №1. С.16–21.

[40] Блиодухо Николай Фёдорович (1878–1935) – геолог, академик БАН, профессор, директор Института геологии Инбелкульта, директор Института геологии и гидрогеологии БАН.

[41] Афанасьев Яков Никитович (1877–1937) – почвовед, член Инбелкульта, академик БАН, профессор, директор Института агропочвоведения АН БССР.

"Н.Блиодухо организовал в БССР комплексную геологическую съёмку, соединённую с географическими исследованиями и бурением скважин в Минске, Полоцке, Бобруйске, на Полесье – в Домановичах и около Давыдовки. [...] В бассейне реки Сож были открыты залежи мела, мергеля и фосфоритов, на использовании которых был построен Кричевский цементный завод. [...] Анализируя химический состав подземных вод Бобруйска и северных районов Полесья, особенно хлоридно-натриево-кальциевых вод, Н.Блиодухо высказал соображения о возможности открытия залежей каменной соли и даже нефти на Полесье.

[...] Ф.Лунгерсгаузен[42] написал на белорусском языке первый справочник по геологии Беларуси – "Введение в геологию Беларуси", опубликованный позже в "Трудах Горы-Горецкого научного товарищества БАН", т. 7. 1930. [...] М.Громыко[43] опубликовал на белорусском языке первые учебники "Кристаллография" и "Минералогия" (1926), "Начальная география" (1923).

[...] Географы Инбелкульта составили первую дозиметрическую карту Беларуси (карту плотности населения), за которую Всесоюзное географическое общество наградило их золотой медалью.

Географы Инбелкульта изучали географию и Западной Беларуси, прежде всего изменения национального состава её населения под влиянием насильственной полонизации, основания поселений военных осадников, фальсификации переписи населения. Результаты исследований были опубликованы Инбелкультом в 1928 году: "Границы Западной Беларуси в Польше (Национальный состав населения Западной Беларуси)" на белорусском и английском языках.

Интересовали исследователей географии Беларуси и вопросы географии рек нашей республики, изучение их гидрологии, гидроэнергетических ресурсов. Особенно успешно работал в этом направлении профессор Александр Дубах[44], основатель советской потамологии, будущий белорусский академик, а также инженер-гидротехник К.Хржаневский, который подсчитал гидроэнергетические ресурсы Беларуси.

---

[42] Лунгерсгаузен Фридрих Вильгельмович (1884–1960) – геолог, профессор Белорусской сельскохозяйственной академии, член Инбелкульта.

[43] Громыко Михаил Александрович (1885–1969) – белорусский геолог, писатель, член Инбелкульта.

[44] Дубах Александр Давидович (1883–1942) – гидролог, член Инбелкульта, академик БАН, профессор.

В области исследования климата Беларуси по приглашению Инбелкультa работал профессор А.Кайгородов[45]*, будущий академик Белорусской академии наук; он начал составление "Климатического атласа Беларуси", который был опубликован совместно с Белорусским НИИ сельского и лесного хозяйства имени В.И.Ленина при СНК БССР в 1928 году; этот атлас был очень высоко оценен в СССР и за его границами*"[46].

Далее Г.И.Горецкий перечисляет достижения в области экономической географии: изучение современного состояния экономики и её изменение во времени, изучение материалов железнодорожных перевозок и их динамику, подсчёт национального дохода Беларуси, специальные экспедиции по изучению экономики мелиорации Полесья. Последняя проводилась совместно с БелНИИ сельского и лесного хозяйства. Александр Бурбис[47] написал интересный "Краткий очерк об экономической географии Беларуси" ("Народное хозяйство Белоруссии. № 4. 1922). Широкие исследования Инбелкульт проводил в области геоботаники, зоологии и др.

В заключение своей статьи Г.И.Горецкий написал: "*Просматривая деятельность Инбелкульта за всё прошедшее время, следует отметить то главное, что было достигнуто предшественниками Белорусской академии наук и сохранило своё значение до нашего времени. Это, во-первых, гармоничное сочетание научных исследований по всем основным областям науки; во-вторых, первостепенное развитие исследований по тем областям науки, результаты которых имели решающее значение для потребностей социалистического строительства БССР; в-третьих, был заложен фундамент белорусской советской науки как нераздельная часть всей советской науки при специфических национальных условиях, при широком использовании белорусского языка*".

4 октября 1928 года СНК БССР принял постановление о реорганизации Инбелкульта в Академию наук и обратился с просьбой к Совнаркому СССР одобрить это постановление. Н.М.Голодед, выступая с докладом о деятельности правительства на заседании СНК СССР 9 октября подробно изложил эту просьбу.

В это же время ЦК КП(б)Б обратился в ЦК ВКП(б) с повторной просьбой о переименовании Института в Белорусскую академию наук: "*[...] Бюро ЦК КП(б)Б просит рассмотреть этот вопрос*

---

45 Кайгородов Алексей Иванович (1881–1951) – климатолог, геофизик, академик АН БССР.

46 *Гарэцкій Г.І.* 1979. С. 16-21.

47 Бурбис Александр Лавринович (1885–1922) – политический и общественный деятель.

вторично ко времени празднования десятилетия существования БССР – в декабре месяце 1928 года. Секретарь ЦК КП(б)Б Василевич"[48]. 11 октября 1928 года состоялось заседание Политбюро ЦК ВКП(б) – было решено: "*[...] Постановили: Удовлетворить. Секретарь ЦК И.Сталин*"[49].

14 октября 1928 г. в центральных газетах Беларуси было опубликовано постановление ЦИК и СНК БССР "О реорганизации Института белорусской культуры в Белорусскую академию наук".

После решения о создании БАН достаточно остро обсуждался вопрос об организационной структуре и направленности будущей академии. Г.И.Горецкий написал специальную докладную записку "Об организационных принципах строительства Академии наук", в которой главные выводы сводились к следующему: БАН должна сконцентрировать и планировать всю научно-исследовательскую работу в БССР; состоять структурно не только из кафедр, но и из научно-исследовательских институтов как комплексного, так и специального типа; включать научные дисциплины не только в области культуры и природы, но и в области техники и хозяйства для того, чтобы наиболее полно обслуживать потребности социалистического строительства в БССР.

В декабре 1928 года у Гавриила Ивановича произошли два важных события: в начале месяца родился второй сын, которого в честь Радима – основоположника славянского племени радимичей, ставшего одним из предков белорусов, назвали Радимом, а в конце месяца принято постановление об утверждении первых академиков Белорусской академии наук. Поздно вечером Горецкого по телефону вызвал председатель СНК БССР Н.М.Голодед и сообщил, что на заседании ЦК КП(б)Б было решено включить в число кандидатов в академики – организаторы БАН Г.И.Горецкого, несмотря на его молодость, но учитывая его большие заслуги по организации БелНИИ сельского и лесного хозяйства, который уже стал одним из наилучших институтов республики. И добавил: "Так что Вы не удивляйтесь, дайте своё согласие, и я Вас заранее поздравляю". 26 декабря 1928 года ряд наиболее видных учёных БССР, главным образом из числа членов Инбелкульта, сначала были выбраны специально созданной комиссией, а затем постановлением СНК БССР утверждены в звании действительных членов Белорусской академии наук. Общее число академиков – 31. Из них 14 являлись

---

[48] Інстытут беларусскай культуры. 1922–1928: дакументы і матэрыялы / В.У.Скалабан, М.У.Токараў. Мінск: Беларус. навука. 2011. С. 243.

[49] Там же. С. 244.

до этого членами Инбелкульта, а 9 членов было выбрано из других академий.

Первыми академиками БАН стали следующие белорусские учёные, деятели культуры: почвовед Я.Н.Афанасьев, геолог Н.Ф.Блиодухо, философ С.Я.Вольфсон, эпизоотолог С.Н.Вышелесский, экономист-географ Г.И.Горецкий, правовед М.И.Гредингер, мелиоратор А.Д.Дубах, языковед Н.Н.Дурново, писатель и общественный деятель Д.Ф.Жилунович (Тишка Гартный), литературовед И.И.Замотин, историки В.М.Игнатовский и В.У.Ластовский, языковед И.Ю.Лёсик, народный поэт Беларуси И.Д.Луцевич (Янка Купала), агрохимик Н.К.Малюшицкий, историк С.Ю.Матулайтис, народный поэт Беларуси К.М.Мицкевич (Якуб Колас), языковед С.М.Некрашевич, экономист И.А.Петрович, историк В.И.Пичета, языковед Б.А.Тарашкевич, историк А.И.Ясинский.

В первый состав действительных членов БАН были избраны представители АН СССР: её президент – геолог А.П.Карпинский, академик-востоковед С.Ф.Ольденбург и лингвист-этнограф Н.Я.Марр, из Тимирязевской сельскохозяйственной академии – почвовед В.Р.Вильямс, председатель президиума Коммунистической академии историк М.Н.Покровский, от Всеукраинской академии наук – микробиолог Д.К.Заболотный, геолог П.А.Тутковский, от Института истории партии и Октябрьской революции на Украине – историки Н.А.Скрипник, М.И.Яворский[50].

Совнарком БССР президентом БАН утвердил В.М.Игнатовского, вице-президентом – С.М.Некрашевича, непременным секретарём – В.У.Ластовского[51].

1 января 1929 года, в день 10-летия БССР и Компартии республики, в здании Дома культуры (раньше синагоги, а теперь – Русского драматического театра имени А.М.Горького) торжественно провели учредительное собрании Белорусской академии наук. Его открыл председатель правительственной комиссии по реорганизации Инбелкульта в БАН секретарь ЦИК БССР А.И.Хацкевич. С поздравительной речью выступил Н.М.Голодед. Поздравительные телеграммы прислали более 80 учреждений и деятелей науки и культуры из разных мест СССР. Доклад о путях развития научной деятельности БАН сделал первый президент академии В.М.Игнатовский. В газете “Советская Беларусь” от 3 января было

[50] *Токарев Н.В.* 1988. С. 15. Из 22 первых академиков БАН – белорусских учёных в 30-е годы были арестованы 16, причём большинство из них расстреляно.

[51] Ластовский Вацлав Устинович (1883–1938) – историк, писатель, политический деятель, член Инбелкульта, академик БАН.

опубликовано Постановление СНК БССР об утверждении состава действительных членов и Президиума БАН. К сожалению, в академию не были избраны коллега Г.Горецкого экономист Аркадий Смолич, а также Максим Горецкий. Первый приложил очень много усилий, чтобы Инбелкульт стал БАН. Его поддерживали Янка Купала, Якуб Колас, ректор Белгосуниверситета Владимир Пичета[52]. Оба претендента ещё с 1926 года попали в "чёрный список" ГПУ Беларуси. Сквозь сито отбора не прошли в академики и такие известные учёные-белорусы как Е.Ф.Карский, М.В.Довнар-Запольский[53], И.Л.Дыла, А.К.Сержпутовский[54].

Вскоре после создания БАН стали усовершенствовать её структуру. Создали ряд новых научно-исследовательских институтов, главным образом путём объединения кафедр и комиссий. В течение 1929 года были созданы Институт исторических наук, Институт языкознания. Организована самостоятельная кафедра истории белорусской литературы, выделенная из класса философии, а также новая кафедра марксизма-ленинизма. В Отделе природы и народного хозяйства организован Институт высшей нервной деятельности и приступили к созданию Института химии, а также ряд новых кафедр: штандорта (теории размещения народного хозяйства), физиологии, математики, физики. Классы как промежуточные подразделения, были ликвидированы. Более серьёзная перестройка структуры Академии наук по принципу отдельных научно-исследовательских институтов, подчинённых Президиуму БАН, была осуществлена только в 1931 году.

Максим Горецкий возглавил диалектологическую комиссию БАН, участвовал в работе кафедры истории белорусской литературы, опубликовал ряд рассказов и пьес. Подготовил к изданию "Сборник рассказов", но книга не увидела свет[55]. Гавриил Горецкий одновременно с руководством БелНИИ сельского и лесного хозяйства организовал и возглавил кафедру штандорта БАН.

---

[52] Пичета Владимир Иванович (1878–1947) – историк, член Инбелкульта, академик БАН и АН СССР, первый ректор Белгосуниверситета.

[53] Довнар-Запольский Митрофан Викторович (1867–1934) – историк, экономист, этнограф, один из основателей национальной историографии, член Инбелкульта.

[54] Сержпутовский Александр Казимирович (1864–1940) – белорусский этнограф, фольклорист, член Инбелкульта.

[55] Причины этого недавно выяснила Т.С.Голуб в своей книге "В творческой мастерской классика" (Минск: Беларуская навука, 2002). Главная из них – отрицательный отзыв политредактора Будинского. Этот сборник с некоторыми изменениями был опубликован под названием "Прысады жыцця" ("Деревья жизни") – Минск: Мастацкая літаратура, 2003 (Составитель Т.С.Голуб).

Ещё в конце 1927 года съезд ВКП(б) наметил курс на коллективизацию сельского хозяйства и наступления социализма по всему фронту. На следующий год усилилась борьба против любых проявлений “антикоммунистической идеологии и немарксистских отклонений”, “буржуазной наццемовщины” и т.д. 1929 год стал годом “великого перелома”, сплошной коллективизации, новой “чистки” партии под знаком борьбы против троцкистов, правых оппортунистов, буржуазных националистов и др. Это был год перехода к диким тоталитарным методам руководства страной, когда, по словам Сталина “репрессии в области социалистического строительства являются необходимым элементом наступления”. Советский Союз превращался в настоящий “Архипелаг ГУЛАГ”.

В такой ситуации недовольство вызвала и созданная БАН, которая показалась чересчур национальной и не очень пролетарской, рабоче-крестьянской. Среди научных сотрудников БАН в 1929 году белорусов было 62.8%, евреев – 15,1%, русских – 13,9%, поляков – 3,5%, других национальностей – 4,7%. Выходцы из рабочего класса составляли только 10,5%, из крестьян – 37,2%, из служащих – 39,5%, дворян, духовенства и торговцев – 12,8%. Членов партии среди научных сотрудников было всего 18,6%[56].

Из Москвы прозвучал сигнал против “наццемов” в виде ряда статей, опубликованных в “Комсомольской правде”. Они имели выразительные заголовки: “Тени прошлого”, “Призрак Столыпина в стенах Наркомзема”, “Любимая мозоль национал-демократов”, “С камнем за пазухой”, “Под прикрытием национальных особенностей” и т.д.

В “Комсомольской правде” от 23 августа 1929 года в статье, подписанной инициалами А.И., отмечалось: “*О выхолащивании классового смысла национальной политики свидетельствует и то, как была создана Академия наук. Это было сделано в кабинетном порядке, без участия масс. Наметили и назначили! Теперь, правда, спохватились – слишком много имён, но чрезвычайно мало подлинных друзей диктатуры пролетариата, настолько мало, что белорусская ксендзовско-черносотенная газета “Крыніца”, выходящая в Польше, нашла для себя возможным писать об академии, созданной советской властью: “Наша акадэмія навук!”*

В статье в негативном контексте были упомянуты имена академиков Д.Жилуновича, И.Лёсика, С.Некрашевича, В.Пичеты,

[56] *Токарев Н.В.* 1988. С. 44.

наркома просвещения А.Балицкого[57], “бывшего деникинца” И.Замотина[58] и др. В статье “Кулацкая политика под советским флагом. Тайное стало явным” (“Комсомольская правда”, 3 сентября 1929 г.) помещалось обращение к Пленуму ЦК КП(б)Б *“сделать резкий поворот от того, что бросало тень на белорусскую партийную организацию. С национальным демократизмом, невзирая на лица, надо решительно покончить!*”

В газете “Звязда” (30 сентября 1929 г.) была опубликована статья “Новая национал-демократическая вылазка”, в которой критиковались М.Горецкий и коммунисты Я.Марук, И.Цвикевич[59], П.Ильючонок[60] и другие за то, что развернули систему национал-демократических антипартийных взглядов. Эта группа обвиняла партию в том, что борьба с национал-демократизмом является проявлением великодержавного российского шовинизма, является борьбой с белорусизацией. В результате их действия оценили как “вылазку классового врага”. Марук, Ильючонок, Жилунович были исключены из рядов партии, а Горецкого вызвали “для беседы” в ЦК КП(б)Б[61].

По указанию из Москвы началась борьба и против белорусских последователей учёных-экономистов А.В.Чаянова и Н.Д.Кондратьева. Эта компания затронула непосредственно и Гавриила Горецкого. Два сотрудника НИИ сельскохозяйственной экономии (Москва) опубликовали в “Комсомольской правде”, а затем и в газете “Звязда” статью “Какой-то, какого-то, какому-то…”, в которой издевательским тоном возмущались тем, что какой-то беспартийный Горецкий пробрался в командование исследовательским делом и руководит лесной и сельскохозяйственной наукой так, как ему хочется, без всякого партийного контроля… И вот его ещё выбирают и академиком. Официальное письмо написал также директор Российской ассоциации научно-исследовательских институтов С.Фриш, который отметил: как это так “недоучившегося аспиранта выбирают в академики”. До компании “подкопов” подключились и некоторые свои сотрудники (например, П.И.Пинчук).

---

[57] Балицкий Антон Васильевич (1891–1937) – нарком просвещения БССР, член Инбелкульта, ЦИК БССР, кандидат в члены ЦК КП(б)Б.

[58] Замотин Иван Иванович (1873–1942) – литературовед, член Инбелкульта, академик БАН, член-корреспондент АН СССР.

[59] Цвикевич Иван Иванович (1891–1938) – медик, писатель, член Инбелкульта.

[60] Ильючонок Пётр Викеньтьевич (1891–1945) – политический деятель, член Инбелкульта.

[61] *Платонаў Расціслаў*. Палітыкі. Ідэі. Лёсы. Грамадскія пазіцыі ва ўмовах нарастання ідэолага-палітычнага дыктату ў Беларусі 20–30-х гадоў. Мінск: БелНДІДАС, 1996.

В.Игнатовский на такие несправедливые нападки ответил резким письмом Фришу, отметив, что некоторых ответственных руководителей по разным мотивам, наоборот, не выбирают в академики (как раз в это время Фриша "завалили" при выборах в Российскую академию наук).

Очень многие возмущались шельмованием молодого академика, а его друг поэт Владимир Дубовка даже написал на эту тему сатирический стих. Поддержал Г.И.Горецкого и А.А.Сенкевич[62] – ректор Коммунистического университета нацменьшинств Запада в Москве, который хорошо знал Горецкого ещё по его работе в университете. Он привёл Горецкого к первому секретарю ЦК КП(б)Б Я.Б.Гамарнику, чтобы сказать, что такие пренебрежительные, бездоказательные письма нельзя публиковать в газете "Звязда", в которой обычно такого типа статьи помещаются только с согласия ЦК. Гамарник довольно сухо ответил, что они сами знают, как им делать, что от обиды нескольких интеллигентов ни тонны картофеля, ни тонны зерна не прибавится, что всё уже сделано и пускай так и остаётся.

В газетах отмечалось, что в БССР на протяжении многих лет делалась ставка на кулацкое хозяйство, на развитие хуторов, недостаточно учитывались интересы бедноты, проводилась политика затормаживания коллективизации. В результате такой критики в марте 1929 года Д.Ф.Прищепов[63] был освобождён от должности наркома земледелия БССР, а потом исключён из партии. В сентябре сняли с работы и исключили из партии А.В.Балицкого – наркома просвещения.

16 октября СНК БССР освободил С.М.Некрашевича от обязанностей вице-президента, а затем и В.У.Ластовского – непременного секретаря БАН. В декабре был исключён из БАН академик Н.Н.Дурново[64], а в начале 1930 года – академик М.И.Яворский (Украина)[65], которого там объявили авантюристом, немарксистским историком.

---

[62] Сенкевич Александр Антонович (1884–1938) – партийный и государственный деятель, нарком здравоохранения БССР, ректор Коммунистического университета, член Бюро ЦК КП(б)Б, ЦИК БССР.

[63] Прищепов Дмитрий Филимонович (1896–1940) – государственный и общественный деятель, нарком земледелия БССР, член Инбелкульта, член ЦК КП(б)Б, ЦИК БССР и СССР.

[64] Дурново Николай Николаевич (1876–1937) – филолог-славист и педагог, член Инбелкульта, академик БАН, член-корреспондент Российской АН, профессор, автор первого русского словаря лингвистических терминов.

[65] Яворский Матвей Иванович (1884–1937) – историк, академик БАН и Всеукраинской АН, профессор.

Чувствуя такую удушливую атмосферу, братья Горецкие решили, пока есть возможность, отдохнуть. Максим поехал в Крым, а Гавриил несколько позже – в Хосту на Кавказ, в дом отдыха учёных.

Несмотря на такие события, правительство БССР в 1930 году наградило Г.И.Горецкого орденом Трудового Красного знамени БССР. Однако, орден вручить не успели (“ордена заменили на ордера”), и об этом факте награждённый так и не узнал. Благодаря публикации Н.Н.Илькевича[66], стало известно, что в работе А.Н.Куценко и Ю.Д.Смирнова[67] (1996) сообщается о таком награждении Горецкого.

[66] *Илькевич Н.Н.* Академик Гаврил Горецкий: первое столкновение с ГПУ. К истории высылки за границу отечественной интеллигенции в 1922 году. Смоленск: Посох, 1998. С. 58.

[67] *Куценко А.Н., Смирнов Ю.Д.* Ордена Советских республик. Донецк.: Лебедь, 1996. С. 247.

Деятель Белорусского возрождения

Как уже отмечалось, Гавриил Горецкий с детских лет страстно полюбил свой родной уголок, свою Богатьковку, милых небогатых, но доброжелательных и трудолюбивых людей, их чудесные песни, танцы, великолепный фольклор и мелодичный язык, прекрасную природу. Позднее эта любовь перекинулась на всю Беларусь, на весь белорусский народ. Он гордился многовековой, очень сложной историей своей страны.

Уже в VIII веке возникли межплеменные сообщества – кривичи, дреговичи и радимичи. В конце X века кривичи создали первое государство – Полоцкое княжество, а в середине XIII века возникло новое крупное государство – Великое Княжество Литовское (ВКЛ), которое просуществовало более чем 500 лет, и на территории будущей Беларуси здесь сформировалась этническая общность – литвины. Это название стало историческим этнонимом белорусов, которые составляли большую часть населения ВКЛ. В княжестве жили и предки современных литовцев (летувисов) – балтское население (жамойты и аукштайты).

Полоцкое княжество на востоке граничило со Смоленским княжеством, также основанном кривичами. Они же участвовали в создании Псковской республики и Тверского княжества. На юге располагались Туровское и Черниговское княжества, возникшие на землях дреговичей и частично радимичей. В период феодальной раздробленности существовал ряд более мелких княжеств: Минское, Новоградское, Пинское, Витебское, Мстиславское и др.

После вхождения в ВКЛ Полоцкого княжества (1307 г.) оно постепенно стало мощным европейским государством, территория которого простиралась от Балтики до Чёрного моря и от Брестщины до Оки. Тогда к ВКЛ была присоединена Жамойтия (историческая территория современной Литвы) и государство получило название – Великое Княжество Литовское, Русское и Жамойтское. Оно было полиэтничной страной. Кроме белорусов (на востоке и юге

страны их, как и украинцев, часто называли русинами, русскими), здесь жили жамойты, украинцы, поляки, позднее татары, евреи и др. Государственным языком ВКЛ был старобелорусский, на котором первый восточнославянский печатник и просветитель Франтишек Скорина издал Библию (1512–1519 гг.). На ней же были опубликованы Статуты ВКЛ 1529, 1566 и 1588 гг. Общеизвестно, что последний Статут являлся самым передовым сводом законов в тогдашней Европе. Он действовал на протяжении двух с половиной столетий, до 1840 г. и был переведён на польский, русский, немецкий и другие языки. Делопроизводство ВКЛ также велось на белорусском языке, о чём свидетельствует Метрика ВКЛ (документы архива Княжества).

ВКЛ вместе с соседними странами отстояло свои земли от захвата крестоносцами Тевтонского ордена (Грюнвальдская битва) и монголо-татарских орд. Московское государство, освободившееся от монголо-татар, начало расширять свои территории за счёт захвата более западных земель Республики Великого Новгорода и ВКЛ. Последнее для укрепления военной силы вынуждено было заключить на конфедеративной основе Люблинскую унию (1569 г.) с Польским Королевством, создав новое союзное государство – Речь Посполитую. Это привело вначале к сокращению пользования белорусским языком, а затем и к интенсивному процессу полонизации, а в 1696 г. белорусский язык в делопроизводстве ВКЛ был заменён на польский.

В результате трёх разделов Речи Посполитой между Россией, Австрией и Пруссией, белорусские земли полностью вошли в состав Российской империи, а царские власти проводили политику тотальной русификации. За землями литвинов вначале закрепили название “Белая Русь” (или “Беларусь”), которая раньше применялась только к восточной части этих земель. В 1840 г. специальным царским указом названия “Беларусь” и “Литва” были запрещены и заменены наименованием “Северо-Западный край”.

Во второй половине XIX века национальная интеллигенция, выступавшая за возрождение своего народа и его государственности, вернула название “Беларусь” и “белорусы”. На границе XIX–XX веков белорусское революционное, демократическое и национальное возрожденческое движение набрало силы. Большую роль сыграли издававшиеся в Вильне белорусские газеты “Наша доля” и особенно “Наша Ніва” – символ белорусского национального возрождения, которая дала название короткому, но важному этапу истории Беларуси – “нашанивский” (1906–1915 гг.). Это было время становления белорусской национальной идеи, новой бело-

русской литературы и современного белорусского языка. Вокруг газеты сконцентрировались лучшие деятели национального культурного движения: братья Иван и Антон Луцкевичи[68], Александр Власов[69], Алоиза Пашкевич[70] (основатели газеты), Янка Купала, Якуб Колас, Змитрок Бядуля[71], Вацлав Ластовский и др.

Первый свой рассказ Максим Горецкий опубликовал именно в "Нашей Ніве", а в последующем активно с ней сотрудничал. Позднее и Гавриил помещал в ней различные заметки и статьи.

Белорусская земля вновь стала ареной боевых действий в Первую мировую войну, в которой погиб каждый пятый её житель. Крах российского самодержавия открыл перспективы возрождения собственной государственности Беларуси. В декабре 1917 прошёл первый Всебелорусский конгресс, который был разогнан большевиками. Однако он успел выбрать Совет и Исполнительный комитет, который объявил страну – Белорусскую Народную Республику (БНР), а позднее, после преобразования его в Совет БНР, последний 25 марта 1918 г. издал Третью Учредительную грамоту, где Белорусская Народная Республика объявлялась независимым государством в этнических границах.

В ответ на создание БНР и благодаря усилиям белорусских деятелей-коммунистов (А.Червякова, Д.Жилуновича, В.Игнатовского и др.) большевистские власти 1 января 1919 г. в Смоленске объявили Белорусскую Советскую Социалистическую Республику (БССР) также в этнических границах. Совет БНР тогда эмигрировал в Литву и с тех пор находился в разных странах[72].

Этнографические границы белорусских земель были достаточно точно установлены работами Е.Карского (1903), М.Довнар-Запольского (1919), Е.Канчара (1919)[73]. Однако власти большевиков устроили территориальные игры вокруг белорусских земель в зависимости от смены политической ситуации. Уже 27 февраля 1919 г. была создана Советская Социалистическая Литовско-Белорусская

---

[68] Луцкевич Иван Иванович (1881–1919) – белорусский политический деятель, археолог, этнограф, публицист.
Луцкевич Антон Иванович (1884–1946) – белорусский политический и общественный деятель, историк, публицист, литературный критик.

[69] Власов Александр Никитович (1874–1941) – белорусский общественный и культурный деятель, издатель, публицист.

[70] Тётка (наст. Пашкевич Алоиза Степановна) (1876–1916) – белорусская поэтесса-революционерка.

[71] Бядуля Змитрок (наст. Плавник Самуил Ефимович) (1886–1941) – белорусский писатель.

[72] В настоящее время Президент БНР Ивонка Сурвилла живёт в Канаде.

[73] Канчар Евсей Степанович (1882–1979) – белорусский политический деятель, историк, публицист, учёный в области экономической географии.

Республика (ССЛБР – Лит-Бел) со столицей в Вильне. В её состав вошли Минская, Виленская, Гродненская и частично Ковенская губернии. 28 апреля правительство Лит-Бела переехало в Минск, а Вильню захватили поляки. В 1920 г. большевики дарят часть Беларуси, в основном населённую белорусами, Литве и Латвии. Первой передали большую часть Виленской губернии, Вильно и Гродно. Латвии отдали Двинский, Режицкий и Люцинский поветы. В 1920 г. обновлённая БССР состояла только из 6 поветов бывшей Минской губернии. Настоящей драмой для белорусского народа стали результаты Рижского мирного договора 1921 года между Советской Россией и Польшей, когда Западная Беларусь оказалась под польским владычеством. 7 марта 1924 г. БССР получила ещё 15 поветов в том числе города Полоцк, Витебск, Могилёв. В декабре 1926 г. вернули Речицу и Гомель. В сентябре 1939 г. западно-белорусские земли стали частью СССР, но уже в октябре Сталин по так называемому пакту Молотова–Рибентропа передал Виленщину с Вильней Литве.

Ещё будучи студентом Землемерного агрономического училища в Горках, Горецкий начал близко воспринимать идеи белорусского национального возрождения. Тогда многие сознательные белорусы, и он в их числе, находились под влиянием газеты "Наша Ніва", которая выходила в Вильне.

В ответ на статью преподавателя Гори-Горецкого сельскохозяйственного училища С.Г.Цитовича "Белорусское течение", носящую русификаторское содержание, Горецкий написал статью "Белорусское течение и "тоже белорусы", которую опубликовал в "Вестнике Горецкого уездного земства" (1917, № 23) с характерной подписью "Сын матери Беларуси". Он писал: "*В статье "Белорусское течение" г. Цитович удивляется, как могут белорусы приравнивать себя к "другим народам", полякам, финляндцам, украинцам. Цитович, я думаю, знает, что белорусы – чистейшие представители тех славян, которые пришли с Дуная, что теперешние великороссы когда-то назывались "московцами" и только белорусы – "русскими".*

Слышал он, вероятно, и о том, что белорусы имели своих князей, своё войско, своё государственное устройство, что они оказывали громаднейшее влияние на ход общественной жизни Литовского княжества, в котором даже князья говорили на языке белорусском. Слышал он, вероятно, и о Статуте Литовском, и о Библии белорусской, переведённой Ф.Скариной в 1517 году. […] И если г. Цитович знает это, то надо удивляться, зачем он отрицает белорусов…

[...] Белорусское движение, начавшись в конце XIX века, растёт и ширится. К нему прибывают всё новые и новые силы. И тем отчаяннее вопят “тоже белорусы”, которые видят в этом гибель России.

Г.Цитович кричит, что у белорусов нет ни литературы, ни языка.

Если бы он прочёл новых белорусских писателей Я.Купалу, Я.Коласа, Т.Гущу[74], З.Бедулю и др., он сказал бы, что у нас литература есть, что она пышно расцветёт и даст миру своих Пушкиных, Лермонтовых, Толстых. Раньше мы, белорусы, работали для чужой литературы и дали русским и полякам Достоевского[75], Мицкевича[76], Сырокомлю[77], Костюшко[78], Смотрицкого[79], Полоцкого[80] и др.

[...] Господа русификаторы, если вы уважаете Ушинского[81], то обратите внимание на его слова: “Только на национальной почве может успешно вестись образование”.

[...] Ведь мы боремся за культурно-национальное возрождение нашего края. Мы боремся за федерацию.

[...] Никакого сепаратизма в движении белорусов нет. Мы, белорусы, стремимся к организации белорусской демократии на национальной почве. Нам дорога Россия, нам дороги завоевания революции. И стремлением организовать демократию белорусов, мы только укрепим завоевания революции, ибо в организации – сила. И никаких палок в колёса общерусской культуры (вернее – русской) мы не думаем ставить”[82].

С молодых лет Горецкий был человеком конкретных дел, поэтому свои стремления о национальном возрождении Беларуси

---

[74] Тарас Гуща – псевдоним Якуба Коласа в то время.

[75] Достоевский Фёдор (1821–1881) – русский писатель.

[76] Мицкевич Адам (1798–1855) – польский поэт белорусского происхождения, общественный деятель, публицист.

[77] Сырокомля Владислав (1823–1862) – белорусский и польский поэт, прозаик, публицист.

[78] Костюшко Андрей Тадеуш Банавентура (1746–1817) – политический и военный деятель Речи Посполитой, руководитель национально-освободительного восстания 1794 г., национальный герой Беларуси, Польши, США, почётный гражданин Франции.

[79] Смотрицкий Мелетий ((1578–1633) – общественно-политический и церковный деятель, писатель.

[80] Полоцкий Семеон (1629–1680) – белорусский и русский поэт, драматург, просветитель, общественный и церковный деятель.

[81] Ушинский Константин (1824–1870) – русский педагог-демократ, основатель научной педагогики.

[82] *Гарэцкі Гаўрыла*. Выбранае. Мінск: Беларускі кнігазбор, 2002. С. 27–29.

старался самыми разнообразными способами претворить в жизнь. Когда он оказался у брата Максима в Смоленске, то всячески помогал ему создать первый белорусско-русский словарь. Критерием в оценке различных политических партий, которых в то время было достаточно много (эсеры, кадеты, меньшевики, большевики и др.), он подходил с точки зрения решения той или иной партией национального вопроса. Когда в конце 1918 года Первый краевой съезд Российской компартии Западной Коммуны в Смоленске переименовал себя в Первый съезд Белорусской компартии и объявил создание БССР в этнических границах, Горецкий был бесконечно рад и увидел, что именно большевики на деле решают национальный вопрос, причём так радикально, как ни одна другая партия. Однако его вскоре ждало глубокое разочарование, так как от БССР в этнографических границах отделили Смоленщину, затем Могилёвщину и Витебщину, и осталась совсем куцая ССРБ в составе одной Минщины. В Горках одновременно с учёбой он активно занялся культурно-просветительской деятельностью, организовав Белорусскую секцию Союза студентов Горецких сельскохозяйственных школ и серию первых белорусских спектаклей и т.д.

В Москве Горецкий организовал Белорусскую культурно-научную ассоциацию студентов Петровской (Тимирязевской) сельскохозяйственной академии. Во вступительном слове в первую годовщину работы Ассоциации он отметил: “*Сегодня ровно год, как здесь, в Петровской академии, мы начали работу по возрождению края, “заброшенного Богом и людьми”. Нас объединило одно сильнейшее желание, единый творческий порыв к ренессансу Белоруссии. [...] И близко уже возрождение хозяйства и культуры Белоруссии. Но для него нужны закалённые, сознательные и преданные своим идеалам творцы. Часть из них сможет подготовить и дать Ассоциация*”[83].

Горецкий сделал доклад на тему “Изучение Белоруссии как фактор её возрождения”, в котором показал, что Беларусь совсем слабо изучена со всех точек зрения (“забытый и заброшенный край” – Е.Ф.Карский; “самый забытый народ в России” – А.М.Горький). Не изучены почва, растительность, недра и т.д. “*Причин такой поразительной неизученности Белоруссии много: главная из них и основная – это бедность белорусского народа, затем отсутствие культурного, социального и политически независимого “Я” у белорусов.*

[83] Там же. С. 29–30.

[...] Итак, белорусы не знают своей страны: её особенности кажутся мелкими, незначительными. Изучение края переубедит их в этом и заставит более настойчиво искать новых путей к лучшей жизни не на стороне, а у себя дома. Изучение Белоруссии положит прочную базу, научно обоснованную, под всё народное хозяйство Края и таким образом сыграет решающую роль в экономическом возрождении страны. Изучение Белоруссии научит белорусов той азбуке, без знания которой нельзя читать Великую Книгу Ренессанса"[84].

В 1922 году Г.Горецкий в газете "Савецкая Беларусь", в сборниках "Младость" и "Маладая Беларусь" опубликовал ряд статей, посвящённых различным сторонам проблемы национального возрождения.

В статье "Регрессивность и прогрессивность национальных возрождений" он писал: "*История XIX века была историей национальных возрождений. Европа пережила ренессанс Чехии, Болгарии, Сербии, Кроатии, Дании, Ирландии, а от этих стран национальные движения, шествуя с запада на восток, через Польшу, докатились до Украины, Белоруссии, Литвы, – [...] центральное место занимает язык как главнейший признак нации, наряду с территорией, национальным характером, психологией, бытом, естественными условиями, историческими судьбами и т.д. Язык главным образом придаёт национальные формы культурным ценностям. Со смертью языка умирает народ, умирает национальная культура*"[85]. Далее Горецкий рассмотрел пути человечества в будущем. Единый народ с единым языком: путём слияния всех наций и языков в большие три-четыре языка, а затем и в единый язык или путём создания искусственного международного языка. Однако он поддержал более реальный путь, когда "*всемирная культура более красива, многоколоритна, многообразна лишь при многонациональном составе её творцов*"[86]. Он пришёл к следующему выводу: "*Идеал этих возрождений вполне рационален, сами движения в этом смысле прогрессивны, создают общий народный подъём, связывают широкие демократические нити культурой через родной язык, вызывают, пробуждают спавшее народное творчество: из серой толщи выходят поэты, вслед за ними мыслители, философы и иные: сначала исключительно национальные движения принимают характер культурно-экономических возрождений, двигателей прогресса*"[87].

[84] *Гарэцкі Гаўрыла*. 2002. С. 31–33.
[85] Там же. С. 34.
[86] Там же.
[87] Там же. С. 35.

Одновременно автор статьи подчеркнул опасность в обострённости национального момента, в идеализации "своего" и отчуждённости от "чужого", что может вызвать фанатизм, нетерпимость, шовинизм. Языковое возрождение нации и национальное движения в целом не должно стать самоцелью.

В связи с запозданием национальных возрождений в России, волна которых дошла сюда только в XX веке, когда резко обострилась классовая борьба, национальные моменты вступили с последней в неминуемый конфликт. Тем не менее, украинские и белорусские движения стали массовыми, поэтому их должна поддержать и русская интеллигенция, чтобы они перешли в широкое культурно-экономическое возрождение.

Статья "Что нам должен дать белорусский театр?" ("Савецкая Беларусь". 1922), подписанная псевдонимом Габриэль Мсциславец, начинается фразой о пожелании автора в отношении искусства в целом: "*В чём польза и общечеловеческая ценность Белорусского Возрождения? В том, что на родном языке будет легче, чем на каком-нибудь одолженном, высказать всю глубину белорусской психики, что творческая энергия народа найдёт наилучшие формы для своего выявления, что будут созданы через белорусский язык новые ценности общей культуры. Следовательно, пока что всё белорусское искусство должно прежде всего выработать искренне белорусские формы, а дальше придать им настоящий белорусский смысл, т. к. уже через это можно создать общечеловеческие ценности. Пока что во всём искусстве нашем должна быть найглубокая белорускость*"[88].

Горецкий призывает создать настоящий белорусский театр, в котором должен звучать красивый белорусский язык; в декорациях видеть самые тонкие особенности белорусского стиля, характера и быта; слышать белорусскую печально-переливчатую песню с мелодией, совсем особенной от других народов; идею общечеловеческого и белорусского возрождения; белорусскую пластику-балет.

Эта статья Гавриила созвучна ранее опубликованной статье Максима Горецкого "Наш театр"[89].

В статье "Всебелорусский студенческий с'езд" (Савецкая Беларусь. 1922), также подписанной псевдонимом Габриель Мсциславец, Горецкий вновь поднимает вопрос о необходимости создания мощной плеяды белорусской интеллигенции, которая может провести широкое культурно-экономическое возрождение страны.

[88] *Гарэцкі Гаўрыла.* 2002. С. 38.
[89] *Гарэцкі М.* Наш тэатр // Творы. Мінск, 1990. С. 171–179.

Источник такой интеллигенции – это прежде всего студенчество. Поэтому он призывает провести плановую работу среди белорусского студенчества, чтобы увеличить число национально сознательных, искренних белорусов, готовых отдать свои молодые силы белорусскому возрождению. Он приводит цифры белорусских студентов в различных городах Беларуси, России, Украины и даже в зарубежье: общее их количество около 2500, среди которых 500 человек уже могут быть зачислены в искренние приверженцы белорусского возрождения. Белорусские организации разных городов разрознены, не имеют связи друг с другом. Отсутствие информации и связи между собой, а также соответствующего печатного органа мешает белорусскому студенческому движению, не позволяет выработать новую идеологию белорусской интеллигенции. Поэтому автор статьи призывает провести в Минске – культурном центре Беларуси – Первый всебелорусский студенческий съезд, предлагает программу съезда, в которой имеются все основные вопросы Белорусского интегрального ренессанса. Съезд должен быть "вселенским собором" белорусской студенческой молодёжи. Призывает обсудить заранее в газетах "Савецкая Беларусь" и "Звезда" все проблемы, связанные с организацией съезда, выбрать Центральное Бюро по созыву съезда, наметить выступающих и обсудить тезисы докладов, пригласив на съезд лучшие силы старших возрожденцев, а также российских общественных деятелей. Хорошо бы предварительно по этим проблемам созвать съезд Института белорусской культуры. Автор призывает к широкой дискуссии по поднятой им теме.

В большой статье "На новый путь" (сборник "Маладая Беларусь". 1922) Горецкий, кратко рассмотрев исторический путь белорусского народа и деятельность национальных возрожденцев, пришёл к выводу, что до сих пор последняя была направлена главным образом на расширение культуры и языка. Он подчеркнул, что пора оставить мысль о том, что только язык может вывести белорусский народ из упадка, что нужно повернуть на новый путь экономического возрождения. Подсчёт народного дохода Беларуси и его сравнение с аналогичными показателями соседних губерний России и Украины показал, что белорусы самые бедные. Даже освобождение от крепостного права не принесло облегчения, так как не хватало земельных наделов. Аграрное перенаселение привело к значительной миграции белорусов в Сибирь, Америку в поисках лучшей жизни. Упадок охватил не только многие отрасли хозяйства, но и культуру (наименьший процент грамотных сельских жителей, количества библиотек, школ и др.).

“Белорусский народ так заждался улучшения своего экономического благосостояния, что он охотно пойдёт за идеями предводителей интегрального ренессанса белорусского, фундаментом которого может явиться прежде всего возрождение экономическое. В возрождённой экономически Беларуси расцветут искуство, наука, зацветёт белорусский язык, ибо всё это найдёт опору у новых, мощных молодых работников, сынов народа белорусского, которых до сих пор, как клещами, когтями обняли беда, горе, болезни, недоедание, бесправие и другие враги народные, обняли и не пускают к солнцу, светлу, творчеству.

[...] Для создания экономического фундамента Беларуси нужна своя родная, техническая и всякая другая интеллигенция. Создать эту новую интеллигенцию и есть задание молодых белорусов. Нас ещё очень мало. Так нужно, как можно больше тянуть из родных корней, из-под крестьянской крыши к средней, а затем и высшей школе бодрую молодёжь, будущих творцов возрождения.

[...] Общественное, культурное, экономическое, государственное строительство встаёт перед белорусами как вольным народом. Временные политические метели быстро пролетят. Разорванное тело Беларуси срастётся, оживёт, и нужно теперь уже беспокоиться о всесторонней культуре этого тела. Язык займёт почётное подобающее ему место. А предварительной задачей станет создание нового хозяйства, как фундамент культурного ренессанса.

[...] На новом пути есть тернии, но Молодая Беларусь придёт к солнцу! Молодые Белорусы осуществят идеи всестороннего Ренессанса родного Края”[90].

Г.Горецкий, поступив на работу в Белорусскую государственную академию сельского хозяйства в Горках, активно продолжал свою деятельность в области национального и экономического возрождения Беларуси. Он искренне поддержал политику коммунистической партии и правительства БССР, которая в то время взяла курс на национальное возрождение и, в частности, белорусизацию. Опираясь на решение Пленума ЦК КПБ о национальной политике, он написал проект белорусизации Сельскохозяйственной академии для рассмотрения его руководством академии и в Главпросвещении. Чтобы выполнить декрет Совнаркома о полной белорусизации Академии к 1926–1927 годам, он с этой целью предложил серию практических мероприятий.

В решении Пленума говорилось, что хозяйственный подъём создаёт основу для развития и расширения работы в области

---

[90] *Гарэцкі Гаўрыла*. 2002. С. 52-64.

национальной политики. Поэтому Горецкий предложил, чтобы конституция Академии была бы насквозь проникнута идеей сельскохозяйственного и национально-культурного возрождения Беларуси.

Поскольку Пленум потребовал, чтобы партийные организации подавали пример в деле белорусизации аппарата, постольку следует срочно провести белорусизацию в рядах комячейки, которая до сих пор, наоборот, тормозит этот процесс, что видно, например, из факта воздержания от голосования секретаря комячейки Винокура при обсуждении вопроса о белорусизации аппарата и всего делопроизводства.

Пленум отметил недостаточную планомерность и организованность работы. В связи с этим Горецкий предложил создать партийную комиссию по белорусизации, которая проверила бы проекты белорусизации профорганизации, парторганизации, студорганизации, всех научно-учебных учреждений и др., чтобы затем все проекты представить в виде стройной плановой системы, неотложно претворяющейся в жизнь.

Пленум обратил внимание на сопротивление русифицированного и далеко ещё не освободившегося от великодержавных предрассудков государственного аппарата и часто недостаточно решительного воздействия на это руководящих работников. Горецкий подчеркнул этот пункт в связи с тем, что ответственные товарищи в руководстве Академии не выполняют директивы партии по национальным вопросам.

Пленум, имея в виду исключительное значение Инбелкульта, поручил Бюро ЦК усилить последний партийными работниками, а Окружкомам обратить больше внимания на краеведческие общества. Горецкий предложил все существующие при Академии научные и общественные организации также укрепить авторитетными партийными сотрудниками и объединить в одну организацию "Научное общество" как филиал Инбелкульта.

Пленум отметил необходимость ускорения терминологической работы. Горецкий обратил внимание на деятельность издательства Академии и научных обществ, которые остались без средств на такую работу, так как руководство не отпускает соответствующих финансов даже на канцелярские принадлежности. "*Без научной белорусской терминологии, без белорусской постоянной печати в Академии не будет самого необходимого звена в общей системе по белорусизации Академии*"[91].

[91] *Гарэцкі Гаўрыла*. 2002. С. 68.

Пленум подчеркнул необходимость разрешения еврейского вопроса – улучшение экономического положения местечкового населения. Горецкий предложил при кафедре агрономической помощи основать самостоятельную доцентуру агрономической помощи еврейскому земледелию.

Пленум поручил разработать вопрос об обеспечении великорусского населения школой на русском языке. Горецкий подчеркнул, что действие тех товарищей, которые закрыли русскую школу, считает злостной провокацией, так как русскую школу следует открыть, ибо 60% научного персонала Академии составляют великороссы.

В заключение Горецкий обратился к руководству Академии с ходатайством о переводе с нового учебного года на белорусский язык лекций 45 научных сотрудников, которые владеют этим языком, и приложил их список. Для других сотрудников (кроме профессоров) должны быть созданы курсы белорусского языка, литературы и научной терминологии. Кроме того, он попросил комячейку дать согласие на проект переименования улиц и аллей в Академии и приложил их список.

Г.Горецкий в 1926 году в журнале "Асвета"[92] (№ 6. С. 4-13) опубликовал статью "О белорусизации высших научных учреждений БССР", в которой сообщил результат проведённого им анализа состояния и динамики белорусизации. Он подчеркнул, что белорусизированным научным сотрудником следует считать каждого (независимо от национальности), кто владеет белорусским языком. Белорусизация проведена в мизерной доле: в Академии белорусским языком владеют около $^1/_4$ части научных сотрудников, а в Университете – только $^1/_6$. Максимальный эффект отмечен среди белорусской группы (50% владеют языком коренной нации), затем идут украинцы (40%) и евреи (30%). Наименее белорусизированной группой являются младшая (ассистенты и научные сотрудники) по сравнению со старшей группой – доцентами, а в университете – даже профессорами. Отсюда вывод – обратить внимание на организацию более эффективной белорусизации научного молодняка. Наибольшее число профессоров с белорусским языком пришло в 1921 и 1922 годах, а позднее дело пошло вспять – из 43 профессоров белорусскоязычных было принято только 2. В комплектовании доцентов с белорусским языком максимум в Университете пришёлся на 1921– 1923 годы, а в Академии – на 1925 год. С 1925 года Академия пошла назад: с 60% доля их снизилась

[92] "Просвещение".

до 25%. Та же тенденция наблюдается и среди ассистентов. Один положительный момент в общем процессе ухудшения белорусизации – это уменьшение числа “белорусов без белорусского языка” в Академии. На белорусизацию существенно повлияло сокращение штатов в Академии летом 1926 г. Если белорусов было сокращено 75%, то количество русских после акции сокращения увеличилось на 87%. Первых сокращено в 5 раз больше, чем вторых. Горецкий предложил приглашать видных профессоров и доцентов, которые родились в Беларуси, а работают в России. То же относится и к молодым белорусским учёным, работающим в научных учреждениях России. Следует особое внимание обратить на то, что нет белорусизированной научной смены.

О своей позиции того времени в отношении национального вопроса Г.И.Горецкий позднее в заявлении в ГПУ Беларуси написал следующее: *“Я помню вывод Ленина – “для коммуниста национальные проблемы занимают 9-е место, для националиста они занимают 1-е место”. Для меня проблемы белорусского национального возрождения как раз и занимали 1-е место, проблемы же социально-классовые занимали подчинённое место. Я сделал целью и смыслом своей жизни – служение идее национального ренессанса Беларуси, а не только служение идеям социальной революции, хотя они и были мне всё время близки и дороги. Главным критерием жизни и действия у меня был национальный, а не социально-классовый”*[93].

Никакие аресты, ГУЛАГи, издевательства, запреты, советская пропаганда, заманчивые предложения в Москве, поощрения и другие многочисленные физические и моральные воздействия не смогли сделать из Гавриила Ивановича полноценного Homo soveticus. Он оставался беспартийным гражданином, долго жил с ярмом “врага народа” (не только после освобождения, но даже и после реабилитации) и по-прежнему был предан своему отечеству, своей любимой Беларуси, мечтая вновь вернуться на Родину, жить на родной земле, среди белорусского народа, служить ему, отдать все силы расцвету своей страны, надеясь на её настоящее национальное возрождение.

В годы Великой Отечественной войны, работая на строительстве оборонительных сооружений и гидростанций, был твёрдо уверен в победе над фашизмом, но страшно переживал за любимую Беларусь, за отца и родных, оставшихся в оккупации, за племянни-

[93] Трагедыя беларускай нацыянальнай інтэлігенцыі. Заява ў ДПУ Беларусі ад 14-15.VIII.1930 // *Гарэцкі Гаўрыла.* Выбранае. Мінск: Беларускі кнігазбор, 2002. С. 86.

ков, сражавшихся на фронтах, и сам был готов пойти в армию для освобождения своей страны. В небольшом блокнотике, в котором иногда записывал свои мысли, он в январе 1942 года из сердца вырвал слова: "*Возможен ли возврат? О, Беларусь! Мая шыпшына*[94]*… Умереть бы только в отечестве*".

После разговора с консультантом Гидропроекта МВД Н.С.Шатским[95] Горецкий в письме к своей жене в мае 1943 г. написал: "*Я был бы самым счастливым человеком, если бы мог заняться исключительно изучением геологии Беларуси. Н.С.Шатский считает, что Беларусь – исключительно интересный объект для исследования тектоники…, […] нахождения на Беларуси наибогатейших полезных ископаемых (нефть, соль, руды). Какое было б огромное счастье найти для нашей бедной родины большие природные богатства, напр. нефть. Теперь – об этом мои мечты. Но поеду я к родным местам не скоро, не скоро. Однако сбором материалов по геологии Беларуси хочу заняться сразу же*"[96].

19.XII.1943 г. Горецкий записал в свой блокнотик: *"[…] Оправдание прошлых путей. […] Цель жизни – сделать наш народ богатым, зажиточным, сытым, культурным, возрождённым, обновлённым, социально и национально сознательным (не стыдиться белорусами называться), освобождённым от давления хозяйственного, культурного и политического, избавленного от гнёта идеологии старого наследства, от пассивного рабства и батрачества, от этнографичности и подражания, служивости, поклонения чужим богам; самостоятельным в культурном строительстве, свободным в творчестве на себя и для себя, по-настоящему народом, нацией во всестороннем понимании; народом, стремительным в интегральном ренессансе, поздно ставшим на путь ренессанса, но опережающим в темпах культурной гонки; народом, который любит своё настоящее, сражается за великое будущее, осуждает рабское прошлое и учится на его ошибках; равным среди равных, свободным среди свободных…, счастливым, радостным, цветущим, молодым, бессмертным, вечным; способным пить нектар общечеловеческой культуры, и вместе с тем создавать собственные великие ценности "Одиссеи", "Илиады", "Нибелунги", "Слова о полку Игоревым", "Песни о Гайавате", "Песни песней", "Происхождения видов", "Законы*

[94] Слова из знаменитого стихотворения поэта Владимира Дубовки: "О Беларусь! Мая шыпшына…" (шыпшина – шиповник).

[95] Шатский Николай Сергеевич (1895–1960) – выдающийся советский геолог-тектонист, академик, директор Геологического института АН СССР.

[96] *Гарэцкі Радзім*. Браты Гарэцкія. Мінск: Медысонт, 2008. С. 206.

относительности”, “Шестые симфонии”, “Евгении Онегины”, “Пер-Гюнты”, “Апассианаты”...

Цветущее хозяйство. Расцвет культуры. Изящная литература. Музыка. Театр. Художество. Скульптура. Архитектура. Наука. Свои Шекспиры, Бальзаки, Мопассаны, Стендали, Гёте, Мицкевичи, Пушкины, Толстые... Всестороннее возрождение, интегральный ренессанс. И над всем – во всём – впереди всего Великое Родное Слово. Язык, источник жизни, основа бессмертия, душа и сердце народа, его Бог, его жизнь, сам народ. “Вначале бе слово; Бог бе слово...”.

[...] Мне представлялось, что главный путь – национальное возрождение, пробуждение души народа, его неистощимых бессмертных богатств, национальная сознательность. А средство этого пробуждения – расцвет экономики, индустриализация и урбанизация, прекращение эмиграции, изгнания, прекрасное развитие сельского хозяйства. [...] родилась у меня новая мысль – пожертвовать себя на службу частичному пути к интегральному Ренессансу, пути поиска значительных полезных ископаемых на Беларуси. Отсюда – занятие геологией.

[...] Я только на полдороги. Чтобы только сохранить немного сил физических, остановить физическую деградацию, болезнь сердца, опухание, слабость, – неврастению. Чтобы не только дойти до Земли обетованной через пустыню Ханаанскую, но прийти не для смерти, а для работы большей, безустальной, беспрерывной; работы чёрной, будничной, мелкой и крупной вместе. Чтобы делать её с мастерством, умением, наслаждением, успехом. Работа по изучению геологии Беларуси – как цель последних лет моей жизни. Это самое главное, самое важное, самое великое, самое значительное. В жертву этому я несу самого себя, семью, свою любовь, всё. Чтобы только сохранить силы, чтобы только разумно использовать их, чтобы уметь быть достойным великой цели. Работать не только самому. Привлечь к изучению геологии Беларуси лучших учёных – русских, украинцев, поляков, литовцев, латвийцев и в первую очередь белорусов.

Сделать дело изучения геологии Беларуси не только собственной целью, но государственным делом, ответственным государственным строительством. Составить государственный план изучения геологии и полезных ископаемых Беларуси; защитить этот план, осуществить его, получить крупные результаты, найти большие богатства – нефть, каменный уголь, соль, цементные известняки и доломиты, гипс, серу, минеральные воды, карналлиты, железистые кварциты...

Но иметь это не как далёкую цель, осуществление которой можно отложить до более подходящих условий послевоенного времени, а как цель уже сегодняшнего дня”[97].

1 января 1944 года Горецкий записал: *“[...] Перед лебединой песней. Прощание с песней песен, моление прошлой красоте. Самый ответственный год в моей жизни. Большое испытание. Вера в лучшее будущее, в счастье общее и собственное, в Красивое в Человеке и Обществе меня никогда не покидало. Это всегда придавало мне силы, это – мой талисман. Через жертвы, огромные жертвы, но Ты будешь счастливой, моя Беларусь. А вместе с Тобою и я*”[98].

Гавриилу Ивановичу, наконец-то, судьба улыбнулась, позволив хоть частично, но осуществить свою мечту: почти семидесятилетним человеком вернуться на дорогую Родину. Он смог в последние 20 лет своей жизни отдать отечеству свои силы, которые по возвращении на Беларусь обрели вторую молодость, объездить родную землельку, полной грудью надышаться воздухом Родины, налюбоваться любимой с детства природой, вдоволь насладиться грибной охотой, глубоко и всесторонне изучить геологию страны, вырастить широко известную школу специалистов по комплексному изучению четвертичной геологии, создать новое научное направление – палеопотамологию, внести существенный вклад в культурную жизнь Беларуси. Когда его организм, претерпевший так много мытарств, исчерпал в 88 лет все жизненные силы, он на смертном одре с сознанием того, что сделал для отечества всё, что мог, произнёс своё последнее слово – “Добра!”

---

[97] *Гарэцкі Радзім*. Браты Гарэцкія. Мінск: Медысонт, 2008. С. 266–217.

[98] Там же. С. 221.

Работы по экономике народного хозяйства, этностатистике и демографии

Ещё студентом экономического факультета Петровской (Тимирязевской) сельскохозяйственной академии Гавриил Иванович Горецкий стал сторонником организационно-производственной школы, основателями которой были его профессора А.Чаянов, А.Челинцев, Н.Кондратьев, Н.Макаров, А.Рыбников и др. Основы этой школы заложили монографии А.Челинцева "Теоретические основания организации крестьянского хозяйства" (1919), Н.Макарова "Крестьянское хозяйство и его эволюция" (1920), А.Чаянова "Организация крестьянского хозяйства" (1925). Как видно, объект исследования организационно-производственной школы – крестьянское хозяйство. Представители этой школы разработали вопросы сельскохозяйственного районирования, кооперации, бюджета крестьянских хозяйств, системы мелкого кредитования, агрономической помощи, внедрения техники и др. Они в принципе разделяли главные взгляды немецких экономистов И.-Г.Тюнена (1780–1850) и А.Вебера (1868–1958) – основоположников экономической теории использования пространства и теории размещения хозяйственных объектов. После опубликования книги А.Вебера "Теория размещения производств" (1909) она получила название теории штандорта.

Представители организационно-производственной школы стремились развить эту теорию применительно к российским условиям. Наиболее широко известными в мире стали работы А.Чаянова, в которых он привёл расчеты оптимальных размеров крестьянских хозяйств, осветил проблемы переработки сельскохозяйственного сырья, оптимизации сырьевых зон, размещения перерабатывающих предприятий и их размеров и др. Его работы публиковались во многих странах, а монография "Теория крестьянского хозяйства" переведена на основные европейские языки и на японский. Организационно-производственная школа много сделала для прогресса мировой аграрной науки.

Все ведущие белорусские экономисты в 20-х – начале 30-х годов прошлого столетия принадлежали к организационно-производственно школе. Это было связано с тем, что большинство из них ученики создателей указанного направления в России: А.Смолич – А.Челинцева, Г.Горецкий – А.Рыбникова, С.Жданович – Н.Кондратьева, И.Кисляков – А.Чаянова и т.д. Центром экономической науки в начале была сельскохозяйственная секция Инбелкульта, заведующим которой был Д.Прищепов, заместителем – А.Смолич, а затем БелНИИ сельского и лесного хозяйства (директор Г.Горецкий) и Наркомзем (Д.Прищепов). Кроме названных экономистов, активно работали такие известные специалисты, как С.Скандраков, М.Гончарик, С.Журик, Н.Лайков, П.Хоцкий и др. Эта белорусская экономическая школа заложила основы белорусской экономической науки. Она разрабатывала теорию организации крестьянского хозяйства и теорию штандорта (размещения производства)[99]. Кроме того, белорусские экономисты объединились вокруг концепции экономического развития "Беларусь–Дания", которая показала, что Беларусь, близкая по природным и демографическим условиям к Дании, может достичь в отношении сельского хозяйства такого же уровня развития.

Г.И.Горецкий, будучи студентом, участвовал в различных экономических семинарах и особенно в семинаре А.Рыбникова по сельскохозяйственной экономии и экономической географии, где сделал два доклада – по теории штандорта сельского хозяйства Тюнена и теории штандорта промышленности Вебера. Тогда же он начал научную работу, собирая огромный материал для своей будущей монографии "Народны прыбытак Беларусі (Национальный доход Белоруссии)", над которой работал несколько лет и издал в 1926 году.

До этого исследования Г.Горецкого экономическая наука не имела подсчёта национального дохода Беларуси, поэтому монография носила пионерский характер. Профессор А.Рыбников в предисловии к книге отметил: "*Осуществление планомерного государственного строительства требует хорошего учёта сил и средств страны, нуждается в исчислении доходов народного хозяйства. […] Работа Г.И.Горецкого "Народны прыбытак Беларусі" во многих отношениях прекрасно заполняет имеющийся острый недостаток в познании хозяйства Белоруссии. Помимо весьма ценного и тщательно проработанного материала, который мы находим в труде Г.И., мы должны, кроме того, подчеркнуть стро-*

99 *Акулич В.А.* История экономических учений. Минск: Изд-во МИУ, 2006. 146 с.

гую научную критическую продуманность автора в искании путей и приёмов исчисления доходов народного хозяйства, [...] только после его работы делаются ценными и плодотворными изучение дальнейших изменений в народном хозяйстве Белоруссии.

[...] Но не только одно теоретическое познание Белоруссии облегчает работа Г.И., – она является совершенно необходимым пособием для каждого работающего над восстановлением народного хозяйства Белоруссии, думающего и болеющего о её нуждах и ищущего путей усовершенствования народного хозяйства молодого государства".

Монография включает введение и три раздела. Во введении рассмотрено развитие вопроса народного или национального дохода в мировой экономической науке и вклад в эту проблему наиболее выдающихся её представителей, начиная с Адама Смита. Он критически рассмотрел, как разные учёные трактуют понятие "народный доход", какие имеются виды дохода, как подсчитывают доход. Конкретно осветил способы подсчёта народного дохода России, особенно по работам С.Прокоповича, Г.А.Студенского, Л.Н.Литошенко, А.Л.Вайнштейна и др., подчеркнув ошибочные и, наоборот, правильные с его точки зрения, положения и выводы этих авторов. В завершении вводной главы Горецкий обозначил, какое значение имеют знания о национальном доходе: это – показатель состояния всего народного хозяйства и его отдельных направлений; лучший материал для истории и эволюции хозяйства; структура народного дохода – показатель относительного веса и значения той или иной отдельной отрасли во всём народном хозяйстве; это – показатель типа хозяйства; доход освещает социально-экономическое устройство общества, даёт мерку благополучия всего народа и отдельных классов и является основой для налоговой системы; показатель места отдельных районов в хозяйстве и сравнение этих районов и стран между собой; имеет большое значение для практической экономической политики и т.д. Подсчёт народного дохода имеет особенно большое значение для Беларуси, так как до сих пор ни российские, ни польские представители науки этого никогда не делали. Автор подчеркнул, что для лучших, более полных и достоверных сведений по имеющимся статистическим данным он провёл подсчёт дохода по всем белорусским губерниям (Виленской, Витебской, Городенской, Менской, Могилёвской и Смоленской), которые составляют один экономический район, хотя в настоящий момент они не все входят в существующие границы Беларуси, а некоторые из них – лишь частично.

В “Разделе первом” Горецкий подсчитал народный доход за 1900–1913 годы по каждой отрасли народного производства в отдельности: сельское хозяйство (поле – зерновые и товарно-промысловые растения, животноводство, сад, овощи, пчёлы и др.), лесное хозяйство, рыбное хозяйство, промышленность (добывающая, фабрично-заводская, ремесленная, домашняя, транспорт и связь, строительство, торговля и др.).

В “Разделе втором” приведен весь доход народного хозяйства по губерниям, в целом по Беларуси, в сравнении с Европейской Россией по отдельным отраслям народного производства и суммарно.

“По сравнению с Россией на Беларуси быстрей возрастает доход от леса, промышленности, строительства, рыбы и немного медленней от сельского хозяйства и торговли. Общий доход увеличивается скорее на 4–5%. В обеих странах более всего растёт строительство, пути сообщения, промышленность, затем сельское хозяйство – это значит, что роль сельского хозяйства должна уменьшаться, что обе страны идут по пути хозяйственного прогресса, индустриализации. Среди отдельных белорусских губерний наибольший хозяйственный расцвет показывают восточные: Могилевщина +98.3%, Витебщина +93.9%, Смоленщина +91.3%. Выделить, какая часть дохода увеличена путём экстенсификации, какая – путём интенсификации, нельзя по всем отраслям; но уверенно можно сказать, что хозяйственный рост востока Беларуси – это экстенсивный рост. По всем губерниям наибольший рост даёт промышленность, строительство, пути сообщения; рост сельского хозяйства – наибольший на Востоке”[100].

Поскольку промышленность в Беларуси, по расчётам Горецкого, развивалась быстрее, чем в Европейской России, это свидетельствует о том, что Беларусь твёрдо стала на путь индустриализации, особенно в тех отраслях, которые использовали местное сырьё. Белорусский учёный-экономист современности В.Н.Бусько по этому поводу пишет: *“Такой вывод является очень важным и сегодня, в частности, при выяснении направлений структурной перестройки нашей промышленности, по крайней мере при уточнении, какие предприятия и отрасли в новых рыночных отношениях нужно развивать: те, что работают на местном сырье, или те, что используют привозное”*[101].

[100] *Гарэцкі Гаўрыла*. Народны прыбытак Беларусі (Национальный доход Белоруссии). Менск: Выд. Дзяржплану БССР, 1926. С. 87.

[101] *Бусько Віталь*. Хацелася Радзіме памагчы… // Полымя. 1998. № 10. С. 211.

Горецкий, проанализировав переписи населения, подсчитал его рост и привёл численность населения по белорусским губерниям, в целом по Беларуси и Европейской России, а затем рассчитал доход на одного человека. В 1900 г. в Беларуси он составил 52.36 рубля, в Европейской России – 65.69 рубля, а в 1913 г. – соответственно 75.79 и 92.03, т.е. Беларусь значительно более бедная. Сравнив эти цифры с доходом на одного жителя Америки и Западной Европы, он увидел, что доход белорусского населения совсем мизерный и со временем он ещё больше уменьшится, так как доход здесь растёт медленнее, чем в странах Запада. Доход в белорусский губерниях уменьшается с запада на восток.

Второй раздел книги заканчивается подсчётом дохода в отношении всей земли, которая используется в хозяйстве. Вывод такой: в сравнении с Россией Беларусь значительно лучше использует свою землю (более интенсивно) и площадь под сельскохозяйственными культурами в белорусских губерниях даёт дохода больше с каждой единицы земли (в Беларуси в 1900 г. – 24.6 рубля с одной десятины за год против 18.01 в Европейской России). Среди белорусских губерний намечается та же закономерность – уменьшение этого показателя с запада на восток.

В “Разделе третьем” монографии автор рассcмотрел вопрос о том, как делится доход между разными классами общества, но был вынужден сделать вывод, что по материалам существующих статистических данных достаточно трудно объективно рассчитать эти части дохода и дал только некоторые приблизительные подсчёты. Здесь же он осветил проблему товарности белорусской экономики, тип народного хозяйства Беларуси, товарные и производственные связи с Востоком и Западом, а также долю Беларуси во всём доходе Европейской России. Горецкий пришёл к выводу, что *“товарность нашего сельского хозяйства даёт только 10–11 рублей, а в России – 16–17 рублей денежного дохода. [...] Тесней связать сельское хозяйство Беларуси с рынком, увеличить товарность – это одно из основных заданий экономической политики”*[102].

“Все приведенные материалы свидетельствуют об одном, что тип белорусского сельского хозяйства – мясное животноводство и интенсивные полевые культуры. Тип её в близком будущем тот же самый, только должны ещё больше увеличиться интенсивные элементы животноводства и полевых культур (увеличение роли картофеля, снижение роли льна и конопли). Молочное хозяйство будет возрастать вместе с увеличением его рыночности, а бу-

[102] *Гарэцкі Гаўрыла*. Народны прыбытак Беларусі. Менск: Выд. Дзяржплану БССР, 1926. С. 113.

дет идти этот процесс очень умеренно. Понятно, что разумная экономическая политика должна строиться, прежде всего, в зависимости от типа хозяйства; отсюда – практический интерес этого вопроса"[103]. Говоря о закономерностях типа народного хозяйства на территории Беларуси, Горецкий заметил: *"...чем дальше к западу, тем больше роль обрабатывающей промышленности и городской жизни, большая интенсивность и интенсификация сельского хозяйства, большая роль животноводства, а из интенсивных полевых культур – картофеля. Чем ближе к востоку, тем больше увеличивается роль добывающей промышленности, менее интенсивное, с относительно более низкой ролью животноводства и уменьшением в интенсивных культурах значения технично-волокнистых растений"*[104].

Автор пришёл к выводу о необходимости налаживать более тесные связи экономики Беларуси с рынком как внутренним, так и внешним – это позволит интенсифицировать белорусское производство. *"... Горецкий был приверженцем сбалансированных торговых связей Беларуси с теми странами, с которыми это экономически выгодно. И сегодня в нашей стране тоже остро стоит вопрос выбора наиболее выгодных торговых партнёров, сбалансированного состояния связей с Востоком и Западом"*[105].

Директор Института экономики НАН Беларуси академик П.Г.Никитенко и старший научный сотрудник этого Института В.Н.Бусько так охарактеризовали монографию: *"Названная выше работа Гавриила Ивановича Горецкого была первой монографией в республике, в которой давалось комплексное описание хозяйственной специфики нашей страны, показывалось, что по отдельным показателям Беларусь не только не отставала, но и опережала Россию. Некоторые выводы учёного не потеряли своей актуальности и сегодня. Работа эта свидетельствовала о склонности Горецкого к глубоким исследованиям, о его большой эрудиции и способности к фундаментальным обобщениям. По предмету, который исследовал, он изучил труды практически всех наиболее известных экономистов Запада и России, смело вступал в полемику с признанными авторитетами, пытался решать самые актуальные экономические проблемы, что вставали перед республикой. Характерно, что предисловие к монографии написал крупнейший специалист в области экономики сельского хозяйства профессор А.А.Рыбников"*[106].

---

[104] Там же. С. 126.

[105] *Бусько Віталь*. Хацелася Радзіме памагчы… // Полымя. 1998. № 10. С. 215.

[106] *Никитенко П.Г., Бусько В.Н.* Они были первыми академиками-экономистами Беларуси. Минск: Право и экономика, 2001. С. 36.

В 1925 году Госплан БССР приступил к изучению хозяйственного положения соседних с БССР губерний для более правильного составления перспективных планов развития народного хозяйства республики. Первый выпуск “материалов”, изданный в 1926 году был посвящён Гомельской губернии, причём *“нас больше всего интересовала та экономическая связь, которая существует между БССР и нынешней Гомельской губернией”*[107]. “Материалы” начинаются с двух наиболее крупных статей Г.Горецкого “Население Гомельской губернии” и “Сельское хозяйство Гомельской губернии”. Кроме того помещены статьи Я.Афанасьева “Почвенный покров Гомельской губернии”, Шульмана “Промышленность Гомельской губернии” и С.Ждановича “Грузооборот Гомельщины по железнодорожным и водным перевозкам”.

Горецкий провёл тщательный анализ данных различных переписей состава населения уездов и волостей Гомельской губернии (сельского и городского населения в отдельности и суммарно), по национальности, по их принадлежности союзам по профессии, плотности населения уездов, по числу переселенцев в Сибирь в разные годы. В то время Гомельская губерния состояла из пяти уездов: Гомельский – 19 волостей, Клинцовский (Суражский) – 19 волостей, Речицкий – 18 волостей, Новозыбковский –12 волостей, Стародубский – 12 волостей.

Он пришёл к следующим основным выводам: *“ 1. Перепись 1917 г. следует признать из всех существующих наиболее верно отражающей действительность. 2. Перепись школьная 1923–24 гг. менее достоверная, особенно в отношении восточной части губернии. 3. Перепись 1920 г. совершенно не отвечает действительности”*[108].

Кроме отмеченных переписей, Горецкий использовал для сравнения некоторые материалы переписей других лет, в особенности данные по национальному составу переписи 1897 г., а также данные научных исследований и отдельных научных показателей о населении севера Черниговщины (Е.Ф.Карского, А.Русова, Расторгуева, А.Полевого). На основании всех имеющихся статистических материалов он пришёл к выводу, что можно считать доказанным:

“ 1) Уезды Речицкий, Гомельский и Суражский (ныне Клинцовский) следует считать белорусскими;

---

[107] Предисловие // Материалы по вопросу районирования западной области Союза. Вып. 1. Гомельская губерния. Минск: Госплан БССР, 1926.

[108] *Горецкий Г.* Население Гомельской губернии // Материалы по вопросу районирования западной области Союза. Вып. 1. Гомельская губерния. Минск: Госплан БССР, 1926. С. 6.

2) уезды Новозыбковский и Стародубский, за исключением чисто белорусской (статистически) Старо-Юрковичской (1917 г.) волости – потенциально белорусскими (увеличение к 1923–24 г. процента белорусов до $^1/_5$–$^1/_3$);

3) на основании же исследований академика Е.Ф.Карского, профессоров Расторгуева и А.Полевого – и эти два уезда следует признать белорусскими;

4) близость к относительному преобладанию белорусов (не абсолютному, как в отношении первых трёх уездов) всё же можно установить и по переписи 1917 г. в Старобобовичской и Денисковичской волостях Новозыбковского уезда, а в Лакомобудской и действительное преобладание белорусов (26.1%), (великороссов 6.4%, украинцев 0.6%)"[109].

"По густоте населения Речицкий уезд должен быть отнесён к группе южно-белорусского болотистого Полесья, Новозыбковский же и соседние с ним Клинцовский и Стародубский (с плотностью очень близкой к Новозыбковскому уезду) образуют самостоятельную группу сгущения населения, по отношению с которой Гомельский уезд занимает переходное положение (в 1897 г. – 48 человек на 1 кв. версту, в 1920 г. – 61 человек)"[110].

Анализ самых различных данных показал, что белорусская Черниговщина – район самой острой аграрной перенаселённости, а отсюда – максимум переселенцев из самого севера Черниговщины и преимущественно Суражского уезда.

Из рассмотрения всех собранных материалов Горецкий привёл такое объединение уездов в группы: *"Речицкий – земледельческий, редко населённый, со слабо развитыми промыслами; Клинцовский – аграрно-перенаселённый; Гомельский и Новозыбковский – наиболее индустриализованные; Стародубский – земледельческий, густо населённый, с большим отходом"*[111].

В статье "Сельское хозяйство Гомельской губернии" Г.Горецкий провёл детальный сравнительный анализ уклада сельского хозяйства Гомельщины со всеми областями Беларуси, а также с территориями, прилегающими к ней с востока и с юга. Сравнение по типу хозяйства он понимал в комбинации сочетаний основных элементов производства – земля, труд и капитал, которое выражалось в том или ином сочетании отдельных отраслей сельского хозяйства – зернового полеводства, животноводства и торгово-промышленного полеводства. Он также определил формы сельского хозяйства по данным исчисления народного дохода.

[109] Там же. С. 16.
[110] Там же. С. 19.
[111] Там же. С. 24.

Горецкий так определил тип сельского хозяйства Беларуси: *“Это хозяйство с относительным преобладанием животноводства, мясного интенсивного; с чрезвычайно большой ролью торгово-промышленных культур, в частности картофеля, что свидетельствует об общем интенсивном характере и полеводства в целом. Белоруссия и её отдельные части представляют районы интенсивного мясного животноводства и интенсивных полевых культур. Помимо географической дифференциации с запада на восток, – в Полесье, под влиянием природных условий, образовался интрозональный тип ярко выраженного мясного рогатого животноводства. [...] Гомельское сельское хозяйство будет принадлежать к тому же типу, что и остальное белорусское сельское хозяйство, только с некоторым ослаблением его интенсивных черт”*[112].

Анализ народного дохода и его структуры от полеводства и животноводства позволил прийти к выводу: *“В трёх уездах из пяти – Речицком, Гомельском и Клинцовском – в доходе от полеводства большую половину приносят не зерновые, а торгово-промышленные культуры, и только в восточных уездах – Стародубском и в меньшей степени в Новозыбковском – преобладающую роль в полеводстве играют зерновые. [...] Итак, в отношении полеводства система хозяйств Гомельщины должна быть названа не зерновой, а интенсивно-промышленно-технической. И с этой точки зрения губерния чрезвычайно близка к Белоруссии, особенно к Минщине (к полесскому типу вообще). [...] Характер животноводства во всём районе, по преимуществу, мясной; при этом особенно резко он проявляется в Речицком и Клинцовском уездах (проц. молока в доходе только 29.2 и 31.1 проц.); в трёх западных уездах – Гомельском, Речицком и Клинцовском характер мясного животноводства по преимуществу интенсивный (преобладание свиней), а в двух восточных – Новозыбковском и Стародубском по преимуществу экстенсивный (преобладание овец и мяс. крупного рогатого скота”*[113].

Большие трудности представляло собой проведение границы формы сельского хозяйства в Гомельщине и Белоруссии с соседними восточными и южными районами. Автор привёл точки зрения на районирование различных исследователей, причём с выводами А.Н.Челинцева вступил в серьёзную дискуссию. Наиболее близки

---

[112] *Горецкий Г.* Сельское хозяйство Гомельской губернии. // Материалы по вопросам районирования западной области Союза. Вып. 1. Гомельская губерния. Минск, 1926. С. 28.

[113] Там же. С. 32–33.

выводы Горецкого оказались к результатам исследования крупных русских учёных в области экономического районирования СССР Б.Книповича и Н.Кострова, которые обосновали близость сельского хозяйства Гомельщины, части Смоленщины и Черниговщины к Беларуси, а не к России и Украине.

Горецкий завершил статью такими словами: *"Всё изложенное в этой статье приводит к общему выводу – о значительном сходстве, однородности и единстве типа сельского хозяйства Гомельщины и Белоруссии, из чего необходимо сделать и соответствующие организационные выводы, как в вопросе о районировании, так и в вопросе проведения практических мероприятий по изучению и развитию сельского хозяйства обоих регионов"*[114].

Аналогичный вывод был сделан и из других статей: *"Таким образом, и характер промышленности Гомельщины есть преимущественно полесский (обработка дерева, картофеля). Как рынком сырья, так и рынком сбыта она теснейшим образом связана с Белоруссией"*[115].

П.Г.Никитенко и В.Н.Бусько так оценивают эту работу: *"О практической ценности исследований Горецкого можно исходить по использованию его доводов Госпланом БССР при разработке докладной записки в правительство республики, в которой обосновывалась целесообразность включения Гомельщины в состав БССР. Уже в первой солидной экономической работе Гавриил Иванович показал себя как учёный, который поднимал глубинные проблемы для решения задач хозяйственного строительства республики"*[116].

По результатам исследований в Московской области, в которых Г.Горецкий участвовал, как сотрудник Научно-исследовательского института сельскохозяйственной экономии летом 1925 года, вышла в свет монография Г.И.Горецкого, С.М.Малышева и А.А.Рыбникова "Экономическое влияние Москвы на организацию сельского хозяйства области. Опыт профильных исследований". М.; Л.: Московский рабочий, 1927. 126 с.

Книга состоит из трёх разделов: Г.И.Горецкий "Экономический профиль Петровско-Разумовское–Дурыкино; С.М.Малышев "Экономические профили: Москва–Оренбург, Москва–Ростов/Дон, как примеры макропрофильных исследований; А.А.Рыбников "Экономические профили в системе изучения закономерностей

---

114 Там же. С. 48.
115 Там же. С. 77.
116 *Никитенко П.Г., Бусько В.Н.* Они были первыми академиками-экономистами Беларуси. Минск: Право и экономика, 2001. С. 33.

размещения хозяйственных явлений в пространстве". К статье Горецкого в конце книги имеется серия различных цифровых (в виде таблиц) и картографических приложений (с. 97–119). Приведены весьма полные аннотации на английском языке.

Горецкий в начале своего раздела раскрывает сущность того нового метода экономических исследований, который называется "методом экономических профилей"; причём это исследование может быть макропрофильным или микропрофильным. Профиль, по которому получены результаты данного конкретного исследования, охватывает полосу в 33 версты длиною, вдоль Октябрьской жел. дор. и 6 вёрст в ширину, по 3 версты в каждую сторону от ж.-д. линии. Были изучены многие статистические данные (в том числе и путём опроса): число дворов, населения, промышленников; число скота и его виды; земледелие, угодия, севооборот; условия сбыта, цены, куда и что сбывают – есть ли организованный кредит, денежный баланс, стоимость доставки до Москвы; условия кормления скота, тёплые или холодные хлевы, формы сбыта и транспортирования и т.д.

В Предисловии к книге директор Института А.В.Чаянов отметил: *"Экспедиция эта, руководимая Г.И.Горецким [...] прошла через пять районов и пресекла, таким образом, 4 границы, разрезав их двумя параллельными профилями. Как увидит читатель из предлагаемой монографии Горецкого, в результате этой экспедиции мы получили два почти идентичных профиля, анализ которых [...] устанавливает физическое существование границ районов.*

[...] Экспедиция Горецкого, задуманная исключительно для проверки теоретических взглядов на границы районов, оказалась однако гораздо более плодотворной и дала нам целый ряд весьма ценных новых материалов для суждения о стандарте сельского хозяйства вообще, и, благодаря новизне метода, как-то по-новому осветила давно изученное нами подмосковное пространство. Особенно интересно было в этом отношении установление зоны сельскохозяйственной пустыни, как второй зоны, окружающей Москву.

[...] Не менее интересной была отметка экономического профиля в момент перехода от свежемолочного района в район кустарный, дающий очень много материала для теоретического суждения о природе нашего кустарного хозяйства.

В своей работе Г.И.Горецкий весьма подробно остановился на тех возможностях, которые даёт исследователю применённый им метод экономического профиля, и намечающаяся им в ближайшее время экспедиция для зарисовки экономического профиля 54-й се-

верной параллели на протяжении 300 вёрст через всю Белоруссию и часть РСФСР с несомненностью должна будет показать насколько прав он в своих предположениях. Однако, несмотря на всю широту замысла Горецкого, мы думаем, что метод экономических профилей может быть применён в ещё большем числе случаев, чем это он предполагает. В частности, мы думаем, что этот метод должен явиться одним из наиболее дешёвых и наиболее быстрых методов обследования ещё не изученных пространств"[117].

В статье "Основные линии научно-исследовательской работы по сельскому и лесному хозяйству БССР" Г.Горецкий показал, что тип сельского хозяйства БССР можно охарактеризовать, как животноводческий интенсивно-мясной с промышленно-техническим полеводством. Из анализа приведённых в статье материалов он пришёл к выводу: *"...чтобы научно-исследовательская работа отвечала типу сельского хозяйства БССР, его эволюции и интенсивности, она должна:*

а) быть такой же интенсивной, относительно других сельскохозяйственных районов СССР, как интенсивно сельское хозяйство Беларуси;

б) объектами своей деятельности она должна брать: животноводство, в первую очередь свиноводство, товарно-технические культуры, в первую очередь картофель, вопросы техники полеводства, связанные с переходом на трёхпольное и улучшенное трёхпольное до беспарных и плодосменных систем полевого производства"[118].

"*[...] Содержание научно-исследовательской работы по сельскому и лесному хозяйству БССР должно быть: животноводство, технические культуры, мелиорация и культура болот, лесное хозяйство"*[119].

Г.И.Горецкий всегда интересовался изучением отдельных районов Беларуси. Отсюда его стремление к развитию краеведческого дела, поэтому не случайно он был избран членом Центрального бюро краеведения при Институте белорусской культуры. В статье "Исследовательская работа в области сельского и лесного хозяйства и краеведения" (журнал "Наш край". 1927. № 10)[120] Го-

---

117 *Чаянов А.В.* Предисловие // *Горецкий Г.И., Малышев С.М., Рыбников А.А.* Экономическое влияние Москвы на организацию сельского хозяйства области. Опыт профильных исследований. М.; Л.: Московский рабочий, 1927. С. 8-9.

118 *Гарэцкі Г.* Асноўныя лініі навукова-даследчае працы па сельскай і лясной гаспадарцы БССР // Сельская і лясная гаспадарка. Кн.1. № 1. 1927. С. 6–10.

119 Там же. С. 9–10.

120 *Гарэцкі Гаўрыла*. Даследчая справа ў галіне сельскай і лясной гаспадаркі і краязнаўства. // Выбранае . Мінск: Беларускі кнігазбор, 2002. С. 107–109.

рецкий отметил, что оба направления деятельности имеют много общего, особенно в том, что их главная цель – изучение Беларуси. Отсюда он призывает исследователей и краеведов к самым тесным связям, контактам и совместной работе. Он наметил ряд главных направлений в таких совместных делах: монографическое описание отдельных районов; фенологические наблюдения; сельские исследования – краеведы сами или вместе с крестьянами-исследователями могли бы проводить исследования в сельском хозяйстве; постоянные счетоводные записи в сельских хозяйствах и использования этих материалов для познания экономики сельского хозяйства района; сельскохозяйственная корреспонденция: сельскохозяйственное музейное дело.

В 1929 году Г.Горецкий опубликовал брошюру “Исследовательское дело по сельскому и лесному хозяйству БССР (в связи с мероприятиями по подъёму производительных сил сельского хозяйства)”[121], которая состоит из четырёх глав: история и система исследовательского дела БССР; достижения исследовательских учреждений БССР; задания исследовательского дела в связи с проблемой подъёма производительности сельского и лесного хозяйства БССР; тезисы доклада Бюро крестьян-опытников о работе Института крестьян-опытников за прошлые годы.

В первой главе автор отметил, что Беларуси принадлежит видная роль в истории исследовательского дела России и всей Восточной Европы: первое опытное поле в Европе было основано в Горках в 1840 году, первая зоотехническая исследовательская станция в бывшей России основана в 1854 году в Горках, первый дренаж – так же там в 1856 году, впервые рациональное счетоводство было заведено в Горецкой ферме в 1836 году. Однако граф Муравьёв в 1864 году вместе с общим удушением белорусской культуры уничтожил и первые шаги сельскохозяйственного опытного дела и агрономического просвещения. В послереволюционное время исследовательское дело получило существенное развитие. Оно делится на два этапа: до 1925 года – организация районных опытных станций, после, особенно со времени основания НИИ сельского и лесного хозяйства – создание специальных опытных станций: Центральной свиноводческой, Центральной картофелеводческой, Крупных рогатых животных, Гидролесомелиоративной, Мелиоративно-гидрологической и др. В настоящее время завершается система исследовательских учреждений БССР. Однако, современное их состояние не является удовлетворительным в связи со многими недостатками.

[121] *Гарэцкі Гаўрыла*. Даследчая справа па сельскай і лясной гаспадарцы БССР. Менск: Выд. Наркомзему БССР, 1929. – 40 с.

Во второй главе освещены достижения исследовательских учреждений по ряду направлений: сельскохозяйственной экономии; растениеводству (урожай на занятых паром мало отличается от урожая по раннему весеннему пару и др.); животноводству; мелиорации и культуре болот; лесному хозяйству; метеорологии.

В третьей главе отмечено, что под посевную площадь Беларусь использует не более 25% всех земельных пространств – реально в ближайшие десятилетия увеличить посевную площадь в два раза. Предлагается серия различных мероприятий по улучшению исследовательского дела в сельском и лесном хозяйстве. Автор сделал вывод: *“В ближайшие 25–30 лет БССР имеет вполне реальные основы, чтобы увеличить валовую производительность сельского хозяйства в 4–5 раз, довести плотность населения до 70–75 человек на километр, а общую ёмкость территории современной БССР до 8,5–9 миллионов населения”*[122].

Как справедливо отметили П.Г.Никитенко и В.Н.Бусько: *“В те годы Гавриил Иванович активно участвовал в научно-практических конференциях и диспутах по различным экономическим вопросам. [...] На основе статистических данных русского экономиста профессора А.Четверикова за 47 предыдущих лет в развитии зернового сельского хозяйства Беларуси Горецкий выявил существенное противоречие: с одной стороны, урожайность зерновых самая низкая в Европейской России при одновременном стабильном сборе, а с другой – один из самых интенсивных типов сельского хозяйства. [...] Всё, доказывал учёный, зависит от социально-экономических факторов, и особенно рыночного. “Не низкий урожай причина низкой рыночности и товарности на Беларуси (как трактуют многие), а как раз наоборот, – подчёркивал он, – низкая рыночность нашего хозяйства – причина низкой урожайности”*[123]*. Как видно, в основу дальнейшего развития сельского хозяйства Беларуси Гавриил Иванович Горецкий ставил рыночный фактор. Причём такая мысль высказывалась в 1928 году, когда рыночные методы в СССР начали резко сужаться. Это свидетельствовало, что ещё в конце 20-х годов многие в Беларуси понимали необходимость и важность развития и косвенно предупреждали об опасности усиления командно-административных рычагов управления экономикой”*[124].

---

[122] Там же. С. 85.

[123] Сельское и лесное хозяйство. 1922. Кн.7. № 5-6. С.264.

[124] *Никитенко П.Г., Бусько В.Н.* Они были первыми академиками-экономистами Беларуси. Минск: Право и экономика, 2001. С. 37–38.

В национальной системе народного хозяйства Беларуси Горецкий считал необходимым элементом индустриализацию, причём с точки зрения размещения (штандорта) промышленных предприятий на территории БССР и создание индустриального центра в районе Минска как столицы будущей объединённой этнографической Беларуси, так как в то время крупные промышленные районы были размещены по окраинам Беларуси: Белостокско-Брестский, Виленский, Двинский, Витебский, Гомельско-Клинцовский.

П.Г.Никитенко и В.Н.Бусько так оценили деятельность Г.И.Горецкого как экономиста: *"Гавриил Иванович Горецкий занимался экономическими вопросами не более как пять лет. Однако он оставил яркий след в истории нашей экономической науки. Многие высказанные им положения сохраняют актуальность и сегодня. Например, необходимость развития рыночных отношений как важнейший фактор экономического роста, важность для экономики Беларуси внешнего рынка, творческое использование мирового опыта хозяйствования с учётом особенностей республик, при разработке стратегии – опора на направления эволюционного развития страны, выяснение конкретных приоритетов в экономической политике и другие"*[125].

В.А.Акулич высказал необходимость возрождения сложившегося ранее учения белорусской экономической школы: *"Теоретические концепции организационно-производственной школы сегодня можно использовать для разработки стратегий развития регионов Беларуси, в частности при поиске мест для вложения инвестиций, в том числе зарубежных компаний, и размещении новой промышленности с учётом необходимости её хозяйственной деятельности в новом геополитическом и геоэкономическом окружении, а также при разработке современных моделей пространственной адаптации промышленности с учётом урбанизационных, агломерационных, глобализационных и других эффектов"*[126].

Материалы, собранные Г.Горецким во время командировок в Польшу (1926 и 1927 годы), позволили ему написать крупную монографию "Межы Заходняй Беларусі ў Польшчы (Нацыянальны склад насельніцтва Заходняй Беларусі", включенную в книгу "Матэрыялы да геаграфіі і статыстыкі Беларусі". Т. 1. Менск, 1928 г. и изданную Инбелкультом под редакцией професора А.Смолича на белорусском и английском языках.

---

[125] Там же. С. 44.

[126] *Акулич В.А*. История экономических учений. Минск: Изд-во МИУ. 2006. С. 64.

Горецкий критически рассмотрел результаты польских переписей населения 1919 и 1921 годов в качестве источника знаний о национальном составе Западной Беларуси и сравнил эти данные с другими переписями. Он пришёл к выводу, что некритическое использование результатов этих переписей (а перепись 1921 года – последняя на территории Беларуси) для установления этнографической границы Западной Беларуси в Польше невозможно. Он убедительно показал, какие конкретные поправки необходимо внести в эти переписи, чтобы полученные новые цифры стали объективными.

Первой такой поправкой автор труда считает исключение всех "православных поляков" из цифры поляков и перенесение их в число белорусов. Это будет правильно, так как других национальных групп с православной религиозной принадлежностью в Западной Беларуси почти что нет. Среди жителей невыясненной национальности южного Полесья (Кобринский, Брестский, части Пружанского, Бельского и Пинского поветов) по всем статистическим данным после переписи 1897 года посчитали себя в абсолютном большинстве белорусами (школьная перепись 1911 года, статистика 1909 года, перепись 1919 года, перепись 1921 года, национальная статистика репатриантов).

Вторая поправка – из общей цифры католиков Западной Беларуси нужно выделить католиков-белорусов, процент которых по переписям 1897 и 1909 годов очень близок между собой. Белорусы-католики, как особая от поляков этнографическая группа в Западной Беларуси, осталась такой же, как и была перед войной. Выселение, беженство с родных мест меньше всего коснулось католической части Западной Беларуси и меньше всего могло изменить там национальный состав. С учётом всех возможных показателей и эволюционных изменений Горецкий подсчитал число белорусов по воеводствам, а также в целом по Западной Беларуси и составил таблицу, в которой показал количество белорусов в Западной Беларуси по отдельным годам в следующих окончательных цифрах.

Установленные автором монографии цифры белорусов в Западной Беларуси близки к выводам этнографических исследований и материалов переписи 1897 года, школьной переписи 1911 года, переписи 1909 года, национальной статистике репатриантов 1918–1924 годов, исследований Л.Чарковского и некоторых немецких переписей. Немецкая военная перепись 1916 года касается главным образом Виленщины. Сравнение чисел белорусских жителей Виленско-Трокского повета автора и немецкой переписи

Общее число белорусов
Западной Беларуси по отдельным годам

Годы	Всё население	Белорусы	% белорусов
1921	3361,9	2476,8	73,7
1922	3574,9	2675,8	74,8
1923	3645,0	2730,1	74,9
1924	3699,4	2771,0	74,9
1925	3760,4	2816,7	74,9
1926	3806,3	2851,1	74,9
1927	3863,4	2893,9	74,9

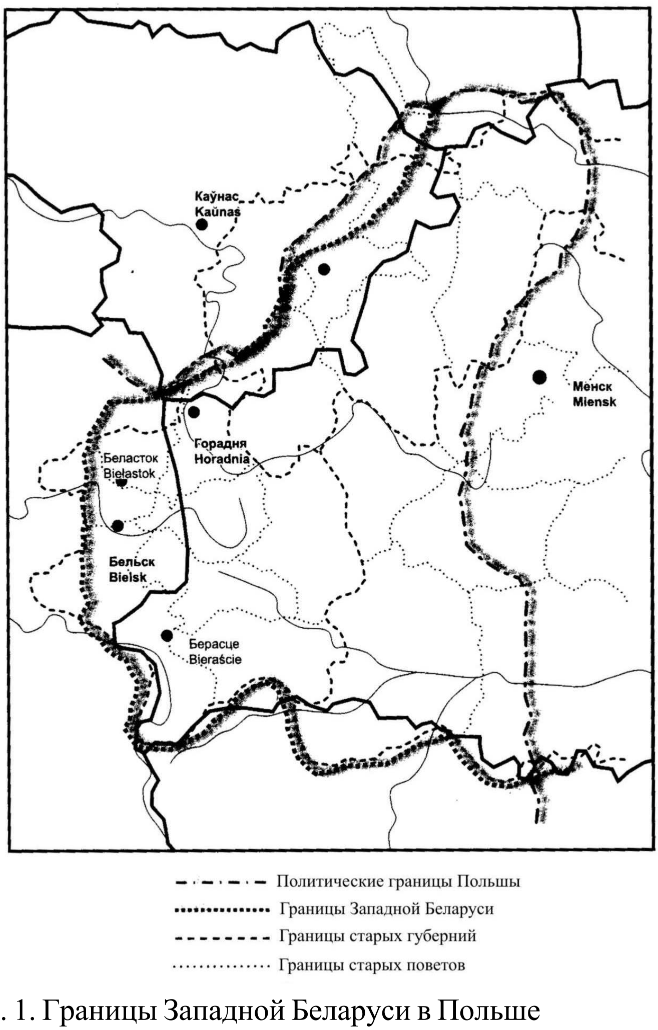

Рис. 1. Границы Западной Беларуси в Польше

соответственно такие: 112.7 тыс. белорусов, в том числе белорусов-католиков 104.2 тыс; 92.2 тыс. и 84.5 тыс. По другим поветам сравнительные цифры белорусов такие:

Число белорусов (тысячи)

Поветы	Немецкая перепись	Цифры автора
Ошмянский	157,8	168,3
Лидский	133,8	144,6
Свентянский	74,1	72,5

Горецкий привёл подробную таблицу числа белорусов (в тысячах человек) в 1921 году по всем поветам отдельно в городах, деревнях, вместе в городах и деревнях, показав общее число населения в них, в том числе белорусов и белорусов-католиков, а также процент белорусов по всем этим категориям. Исходя из этих цифр о проценте белорусов по отдельным поветам, он провёл этнографические границы Западной Беларуси в Польше (рис. 1). Таким образом, белорусское этнографическое пространство в Польше охватывает почти полностью бывшую Виленскую и Гродненскую губернии и присоединённую к Польше часть Менской губернии, а также небольшие части бывшего Ново-Александровского повета Ковенской губернии и почти целиком весь Августовский повет Сувалкской губернии.

В отличие от польских учёных и политиков, которые однозначно считают, что польские колонизационные войны идут на Восток, что процесс внутренней консолидации польского народа ещё не закончен и будет идти путём колонизации Западной Беларуси, Горецкий пришёл к твёрдому выводу: *"Западная Беларусь на многие десятки лет сохранит свой основной белорусский характер, несмотря на все препятствия для развития белорусской культуры в Польше. Границы Западной Беларуси в Польше будут становиться всё более устойчивыми и неизменными"*[127].

В большой статье "Национальные особенности населения БССР и белорусского населения СССР согласно переписи 1926 года"[128] на основании глубокого анализа всех опубликованных в 1927–28 гг. материалов всесоюзной переписи 17 декабря 1926 года Г.Горецкий проследил особенности белорусского населения в БССР и СССР.

---

[127] *Гарэцкі Гаўрыла*. Межы Заходняй Беларусі ў Польшчы. // *Гарэцкі Гаўрыла*. Выбранае. Мінск: Беларускі кнігазбор, 2002. С. 123.

[128] *Гарэцкі Г.* Нацыянальныя асаблівасці насельніцтва БССР і беларускага насельніцтва СССР паводле перапісу1926 года" // Полымя. 1929. № 5. С. 3–40. То же (с сокращениями): *Гарэцкі Гаўрыла*. 2002. С. 123–146.

По составу населения БССР – одна из самых мононациональных республик: белорусов в БССР – 80.6%, украинцев в УССР – 80.0%, русских в РСФСР –73.4%, узбеков в Узб. ССР – 73.4%, туркмен в Туркм. ССР – 70.2%. Среди состава ***сельского населения*** белорусы составляют в БССР свыше 90%. Русские в Речицком и Гомельском округах занимают среди сельского населения от 25 до 40%, в Полоцком, Витебском, Бобруйском – от 3 до 6%, а в других – менее 3%. Поляки только в Борисовском округе имеют 4.5% в составе сельского населения, во всех других округах – менее 3%; евреи занимают 2–3% в Мозырском, Бобруйском и Речицком округах, в остальных – менее 2%. Значительные группы среди сельского населения имеют украинцы в Мозырском, Речицком и Гомельском округах – соответственно 2.9%, 3.4% и 2.2%, а также латыши в Полоцком округе – 0.7% и Витебском – 1.2%. Национальный состав мужчин и женщин близок между собой.

Среди сельского населения число белорусов возрастает с юга и севера к центральной полосе (Менский, Могилевский и Калининский округа), которая как бы образует центральную белорусскую этнографическую ось, продолжающуюся в Западную Беларусь – в Новоградщину, Лидщину и Гродненщину.

Национальный состав населения БССР по родному языку значительно отличается от состава по национальной принадлежности. Если среди всех 12 округов БССР более 90% белорусов сельского населения имели 9 округов, то по родному языку – только 3. Чётко отмечается процесс ассимиляции белорусского сельского населения: *“[...] есть два географические направления, по которым происходит ассимиляция белорусов – одно направление идёт на север, другое – на восток и северо-восток. Наиболее сильной интенсивности процесс ассимиляции белорусов приобретает северо-восточное и восточное географическое направление (Витебщина, Оршанщина, Калининщина), это значит в направлении центрального русского этнографического ядра...”*[129].

Родной язык и национальная принадлежность у евреев-селян полностью совпадают, а поляки, наоборот, показывают наибольший показатель ассимиляции. Белорусски более сохраняют родной язык, чем мужчины-белорусы.

Район незначительный по интенсивности (от 2.7 до 12%) культурно-национальной экспансии белорусов охватывает широкую полосу между Менском и Могилёвом – территорию центральной белорусской этнографической оси. Эта полоса расширяется на

---

[129] *Гарэцкі Гаўрыла*. 2002. С. 127.

север от Борисова до Полоцка, а на юг – от Борисова до Слуцка. Локальными районами белорусской экспансии является Суражский на крайнем северо-востоке БССР, район к западу между Менском и Слуцком на самом крайнем западе БССР и Полесский центральный район к западу от Мозыря с расширением на самый юг БССР.

Районы отсутствия процессов, как экспансии, так и ассимиляции (число белорусов по национальности равно числу белорусов по родному языку) примыкают к центральной белорусской этнографической полосе Менск–Могилёв. Чем дальше на восток БССР, тем всё более усиливается процесс ассимиляции белорусов: от 10% (столько белорусов не употребляют белорусский язык) в полосе от Слуцка до Бобруйска и далее до Рогачёва (10–25%); с локальным усилением ассимиляции близ городов Полоцка, Витебска, Климовичи, Мозыря (25–50%), а близ Орши – более 50%. Однако Борисов и Могилёв не воздействуют на ассимиляцию соседних с ними районов.

Национальный состав ***городского населения*** БССР полностью иной, чем рассмотренный ранее сельского. Белорусы имеют абсолютное большинство в городах 4-х округов: Борисовского, Оршанского, Могилёвского и Калининского (от 50.4% до 52.9%). Евреи нигде не получают абсолютного большинства. Русские в городах Гомельского округа занимают $^1/_3$, в Речицком, Полоцком и Витебском округах – около $^1/_4$, в Бобруйском – $^1/_5$. Поляки в городах и сёлах имеют близкое значение. Очень резкая разница в городах между составом населения по родному языку и национальности. Белорусское городское население чрезвычайно сильно русифицировано: белорусов по языку меньше, чем белорусов по национальности в 10–20 раз в городах Гомельского и Речицкого округов, в 3 и более раз – на Бобруйщине и Витебщине, в 2–3 раза – на Полоччине и Оршанщине, наименее ассимилировано белорусское население городов Мозырщины, Случчины, Калининщины (20–25%), немного более – Могилёвщины и Менщины (30–35%). География ассимиляции белорусов в городах и сёлах в основном совпадает.

Владеют белорусской письменностью 54.9% белорусов по языку в сёлах и 66.0% – в городах. В городах доля белорусского населения, которая владеет письменностью по-русски и по-белорусски, в два и более раз выше, чем соответствующая доля в сёлах. Белорусы – наиболее слабо владеют письменностью, а евреи – самая грамотная национальность. Чем моложе население, тем более выравнивается сравнение разных национальностей по владению письменностью.

Статистические материалы переписи 1926 года позволяют охарактеризовать белорусское население всего СССР только с двух позиций: географическое размещение белорусов по территории СССР и относительная интенсивность ассимиляции и русификации белорусов в разных частях Союза.

Аборигенным центром расселения белорусов, кроме территории БССР, являются соседние территории РСФСР – Псковская, Смоленская и Брянская губернии (белорусские их части). Эмиграционных центров можно выделить шесть: Центрально-Сибирский, Дальневосточный, Южно-Украинский (или Черноморско-Азовский), Уральский, Московский промышленный и Ленинградский промышленный. По абсолютному числу и относительному значению белорусов в составе населения на первое место выходит Центрально-Сибирский и особенно Тарский, Тулунайский и Канский округи, в которых белорусов до 15% от всего населения. Число белорусов-переселенцев в действительности выше, так как многие сразу записывали себя русскими.

Сравнение переписей 1897 года и 1926 года позволило Горецкому не только показать динамику численности белорусов в различных районах СССР, но и выявить интенсивность их ассимиляции. Он пришёл к выводу, что процессам ассимиляции (русификации) белорусов охвачены все территории СССР, причём наиболее интенсивно она идёт в Центрально-Сибирском, Черноморско-Азовском и Московском районах, более слабо в Уральском и Дальневосточном; наиболее медленно денационализация белорусов происходит в самой БССР и в Украине. В целом интенсивность ассимиляции весьма глубокая – большинство территорий переселения белорусов имеют показатели 75–90% и даже более 90%. В городах этот процесс почти в два раза более глубокий, чем на селе. Процесс ассимиляции со временем всё более усиливается.

Горецкий провёл сравнение ассимиляции среди разных народов СССР. Из 17 национальностей, которые показывают ассимиляцию в очень активной форме, 10 национальностей переживают процесс физического уменьшения… Он сделал вывод: *“...белорусы переживают процесс ассимиляции исключительной силы”*[130]. Специально проведенное сравнение ассимиляции белорусов и украинцев показало, что первые выявляют в два раза более интенсивную ассимиляцию, чем вторые.

[130] *Гарэцкі Гаўрыла*. Выбранае. 2002. С. 144.

Арест “нацдемов”

Максим Горецкий вернулся из отпуска в Минск 15 июля 1930 года – ко дню рождения сына Леонида, чтобы отметить праздник всей семьёй. 18 июля в ГПУ Беларуси составили два аналогичных постановления об арестах братьев Горецких – одно о Максиме, другое – о Гаврииле. В тот же день на квартире Максима провели обыск, конфисковали всю переписку, ряд книг, а самого хозяина отвели в тюрьму, расположенную во дворе ГПУ и известную под названием “Американка”.

В ночь на 18 июля уполномоченный отдела службы УПО Егоров вместе с сотрудниками ГПУ Супрунюком и одним красноармейцем приехали за Гавриилом, но квартира была закрыта, так как он ещё не вернулся из Хосты, а Лариса была в Прилуках под Минском на селекционной опытной станции. Егоров оставил своих подчинённых для наблюдения за квартирой Горецкого, поехал в своё учреждение, где получил распоряжение от тов.Сикорского взять машину, которую дали только в четвёртом часу утра, и вместе с одним красноармейцем отправился в Прилуки. Там в присутствии одной работницы совхоза, произвёл обыск комнаты Горецких, где *“ничего, за исключением одного письма, взятого мною, не обнаружено”*[131]. В Минск вернулись около 6 часов утра. Произвели тщательный обыск: рукописи и переписка, а также письма все целиком были изъяты и упакованы в корзину. Обо всём этом Егоров составил рапорт, в частности отметил, что *“... жена Горецкого вела себя спокойно, не делала ни малейших попыток скрыть что-либо, как ни в чём не возражала, видно, что отчасти готова была к обыску. Операцию мы закончили в 8 ч. утра и материалы сдали т. Сикорскому”*[132].

В Хосте 24 июля ночью Г.Горецкого разбудили два человека в форме при двух понятых и, не предъявляя ордера, арестовали. При-

[131] *Гарэцкі Радзім*. Браты Гарэцкія. Мінск: Медысонт, 2008. С. 104.
[132] Там же. С. 105.

везли в ГПУ г. Сочи, где он просидел три дня, а оттуда отправили в Новороссийскую тюрьму, где пробыл ещё 4 дня. Тут ему сообщили, что немного раньше здесь также сидел из Белорусской академии наук Иосиф Лёсик. Лара каждый вечер встречала сочинский поезд и, наконец, увидев Гурика, бросилась к нему, но два штыка сопровождающих и грубый окрик отбросили её назад.

Г.Горецкий заполнил "анкету арестованного" и в примечании отметил: *"Являюсь членом ЦИК БССР. На основе положения о членах ЦИК могу быть арестован только при согласии Президиума ЦИК БССР. Прошу сообщить в Президиум о моём аресте и предъявить мне постановление Президиума ЦИК о согласии на арест"*, а далее сделал приписку: *"P.S. Прошу срочно сделать допрос и объявить обвинение"*. Уже 7 августа председатель ГПУ Рапопорт под грифом "Совершенно секретно" послал на имя заместителя председателя ЦИК БССР тов. Хацкевича сообщение об аресте Некрашевича Степана и Горецкого Гавриила, на которое была получена выписка из протокола заседания Президиума ЦИК БССР от 15 августа 1930 г., с постановлением *"санкционировать данное разрешение на арест Некрашевича и Горецкого"*. В тот же день 7 августа следователь Мойсей Юдашкин допросил арестованного, который ответил, что никогда не был членом национал-демократической контрреволюционной организации и не знает, кто был её членами.

Первое время Горецкий каждый день писал жене письма бодрые и даже шутливые, так как надеялся, что недоразумение с арестом скоро выяснится, читал книгу П.А.Тутковского "Геология Минской губернии", как бы предчувствуя, что эта тема ему очень пригодится в будущем. Однако вскоре отобрали книги, запретили переписку и каждый день, а то и ночь по многу раз начались однообразные, нудные, бесконечные допросы, которые вёл не только Юдашкин, но по очереди и другие сотрудники ГПУ: Мулявка, Радивиловский, Аргов, Врачев. Спрашивали об СВБ – Саюзе Вызвалення Беларусі (Союзе Освобождения Беларуси), о котором Горецкий только от них и услышал. На все вопросы (Что за организация СВБ? Кто туда входил? Какие цели, и как готовили восстание?), которые сопровождались запугиванием, подбадриванием и другими следственными методами, Горецкий отвечал полным отрицанием.

Юдашкин составил постановление, в котором написал, что Горецкому Г.И. *"...выбрать содержание под стражей при Комендатуре ПП и ГПУ БССР по 1-й категории, о чём объявить*

обвиняемому и копию этого постановления послать Прокурору…"[133].

Горецкий решил написать заявление, в котором кратко обрисовал существо трагедии белорусской интеллигенции, в том числе и своей, на пути национального возрождения от 1917 до 1930 годов. Он закончил своё заявление фразой*: "При всём том недоверии ко мне, которое выявилось хотя бы в этом позорном факте моего ареста, я полон социального оптимизма. Мне не нужно верить, я знаю, что белорусская пролетарская культура будет построена, и этой уверенности совсем хватает, чтобы мужественно перенести все личные трудности, неудачи, обиды"*. И позднее добавил: *"В предъявленных обвинениях виноватым себя не признаю"*[134].

Юдашкин 17 августа составил постановление, в котором утверждалось, что Горецкий Г.И. *"в достаточной степени изобличается в том, что состоял в течение ряда лет членом нелегальной контрреволюционной организации, что обвинение это находит себе подтверждение в данных делах…"*[135].

Ещё 26 июня 1930 года был арестован Аркадий Смолич также по делу СВБ, а 15 августа он дал показания о Г.И.Горецком.

" О Горецком показываю следующее:

Является он, безусловно, выдающейся фигурой среди всех известных мне молодых специалистов сельского хозяйства и вообще среди нацдемократической интеллигенции. Он объединяет в себе очень хорошую научную подготовку с большой трудоспособностью, с организаторскими и администраторскими талантами.

Познакомился я с ним в 1924 г. в Минске, но уже раньше было много наслышан о нем от его товарищей по Москве, в частности от Кислякова, о его работе по созданию Ассоциации, вообще об организаторских способностях. Слышал затем о ликвидации Ассоциации, об аресте Горецкого, но точных причин не знал. При первой встрече в 1924 году я, между прочим, осведомился, желает ли он переехать на работу в Белоруссию. Тогда он был еще первый год аспирантом в НИИ сельскохозяйственной экономии в Москве и заявил, что собирается еще долго учиться. Впрочем, в 1925 г. уже он дал согласие преподавать в Горках, приезжая для этой цели из Москвы. В 1926 году, когда поднялся вопрос о заместителе Малюшицкого, которого раньше предполагали назначить директором БелНИИ сельского хозяйства, несколько человек выдвинуло кандидатуру Горецкого, выдвигали, правда, и мою кандидатуру,

---

133 *Гарэцкі Радзім*. Браты Гарэцкія. Мінск: Медысонт, 2008. С. 109.

134 Там же. С. 118.

135 Там же. С. 120–122.

но я ее снял в пользу Горецкого, так как чувствовал себя сильно отставшим от агрономии и вообще полагал, что Горецкий с этим делом лучше справится. Это мое предположение вполне подтвердилось.

Первое время, когда я еще был связан с Научно-исследовательским институтом (в 1927 г.), а Горецкий не совсем хорошо ориентировался в Минских условиях, он нередко спрашивал у меня советов по разным деловым вопросам. Между прочим, я рекомендовал ему то помещение, где теперь находится институт, выдвинул идею издания специального журнала ("Сельская і лясная гаспадарка") и т.п. Иногда спрашивал меня Горецкий и относительно отдельных кандидатур (Малюшинский, Винер, специалисты и аспиранты отдела сельскохозяйственной экономики, которым я заведовал). Скоро, однако, он перестал ко мне обращаться за советами, вероятно, потому, что вошел целиком в курс своего дела; даже по моему отделу он проводил назначения, не спрашивая моего мнения. Фактически уже к концу первого года существования Института Горецкий руководил и отделом сельскохозяйственной экономики, хотя временным зав. отделом считался я. Против этого, впрочем, я ничего не имел, так как был перегружен работой и собирался уходить из Научно-исследовательского института (я с самого начала дал согласие только временно заведовать отделом), а руководство Горецкого было вполне приемлемо и лично для меня полезно. Мы с ним работали в смежных областях науки, интересовались нередко одними и теми же темами. Он, однако, получил значительно более широкую экономическую подготовку, довольно хорошо владел марксистским методом исследования, и поэтому я часто сам обращался к нему с сомнительными вопросами моей научной работы, давал ему на первую критику свои рукописи и получал от него ценные замечания.

После моего ухода из Института говорить с Горецким об институтских делах мне почти не приходилось. Приходилось мне говорить с Горецким и на политические темы. Он, безусловно, является достаточно ярким белорусским нацдемократом и обычно явления политической жизни расценивал с точки зрения их пользы или вреда для белорусского возрождения. Его прежние социальные и политические взгляды мне не достаточно известны, но уже в 1928 г. он мне лично определенно заявил, что стоит за социалистический путь развития Белоруссии и что эту же точку зрения должны принять все "белорусы", так как именно она для Белоруссии, исходя из ее национальных интересов, является наиболее приемлемой. При всякой иной постановке вопроса Бело-

руссии суждена роль аграрной колонии, и только в составе СССР она может индустриально развиваться и как западная, наиболее интенсивная часть Союза, и ввиду принципа усиленной индустриализации страны, проводимого партией. Националистическую точку зрения Горецкий проводил при подборе работников для Института, стремясь использовать для него в первую очередь специалистов-белорусов, а также и в общих вопросах научного строительства. Так, при выступлениях в Госплане по поводу структуры научно-исследовательского дела в Белоруссии Горецкий выступал в полном согласии с другими нацдемократами, не защищая даже самостоятельности своего института и соглашаясь на его включение в Белорусскую Академию наук. Отражалась эта точка зрения в его научной деятельности. Основная его работа "О национальном доходе Белоруссии" построена по методу буржуазных экономистов – главным образом Прокоповича – и в некоторых своих частях может служить для экономического обоснования нацдемократических теорий. Националистический характер носят и его работы о национальном составе населения Гомельщины и особенно национальной статистике белорусов в 1926 году, где он анализировал процессы ассимиляции у белорусов.

Г.И.Горецкий является сторонником и проповедником самых быстрых темпов индустриализации БССР, самых больших размеров капитальных вложений, как в индустрию, так и в сельское хозяйство, так как таким путем Белоруссия наиболее быстро может ликвидировать свою экономическую отсталость. Под его в значительной степени влиянием были приняты исключительно интенсивные формы мелиорации в БССР, умел он достаточно широко и своевременно поставить вопрос о развитии исследовательского дела и о его финансировании. По его плану и под его руководством была открыта при БАН первая в СССР кафедра теории штандорта народного хозяйства. При Научно-исследовательском институте, уже в продолжение первых двух лет превратившемся в крупный исследовательский центр, выросли совершенно новые, крупные – всесоюзного масштаба – центральные станции: свиноводческая и картофельная. Горецкому принадлежит идея создания этих станций, и он же провел основную организационную работу по их развертыванию.

Будучи хорошо знакомым с условиями и особенностями сельского хозяйства БССР, Г.Горецкий в последние годы усиленно подчеркивал необходимость организации научной работы и капитального строительства, исходя из перспектив генплана. В этом отношении он опережал всех известных мне экономистов БССР.

Для практической работы он нередко выставлял положения, которые только впоследствии стали насущнейшими плановыми установками. Так, еще в 1927 г. при открытии Института он проводил мысль о необходимости исключительного внимания проблемам свиноводства и картофеля, на которые многие экономисты в то время смотрели довольно скептически. Также и вопрос узкой специализации сельского хозяйства в настоящее время именно Горецким ставится наиболее резко, вплоть до монокультуры, то же можно сказать и относительно проблемы агроиндустриальных комбинатов, стандарта и строительства социалистических городов и т. д.

Г.Горецкий очень много работал над собою, над преодолением внутри себя остатков буржуазных мировоззрений, как он сам писал в своем прошлогоднем годовом отчете о деятельности, над более совершенным овладением марксистским методом. В этом отношении он служил хорошим примером и оказывал помощь и влияние как на своих аспирантов, так и на завтрашних научных работников.

Полагаю, что Горецкий имел влияние и на деятельность Наркомзема, в частности на самого Прищепова, с которым он был в хороших отношениях. Возможно и обратное влияние Прищепова на Горецкого, но вообще по этому вопросу я недостаточно осведомлен.

Г.И.Горецкий работал в 1928 и 1929 гг. в БЕЛВАРНИТСО[136] *и был председателем его сельскохозяйственной секции; большой активности в этом деле он, однако, не проявил, как, впрочем, и большинство ответственных работников, входивших в это общество".*

В декабре 1929 года Сталин на конференции аграрников-марксистов в своём докладе сказал: *"Непонятно только, почему антинаучные теории "советских" экономистов типа Чаянова должны иметь свободное хождение в нашей печати…"*. Это стало сигналом к началу репрессий, ордерам на арест. Уже в первую половину 1930 года в Москве арестовали ряд профессоров-аграрников, в том числе и учителей Гавриила и Ларисы Горецких из Тимирязевской (Петровской) сельскохозяйственной академии. В феврале арестовали А.Г.Дояренко, в марте – А.А.Фабриканта и Д.М.Шарыгина, в мае – А.В.Тейцеля, в июне – Н.Д.Кондратьева, А.В.Чаянова, М.Н.Макарова, И.М.Леонтьева, С.К.Чаянова, в июле – Л.М.Литошенко, А.А.Рыбникова, в августе – Л.Б.Кофенгаузена.

[136] Белорусское отделение Всесоюзной ассоциации работников науки и техники для способствования социалистическому строительству.

Это были представители той выдающейся организационно-производственной школы, которая детально разработала перспективу развития трудовых аграрных хозяйств. Но она противоречила развёрнутой с 1929 года сплошной коллективизации.

Допросы профессоров начались только в конце июля – начале августа. Сначала почти все отказывались от контрреволюционной деятельности, от участия в каких-либо крестьянских партиях. Однако постепенно некоторые признали себя участниками Крестьянской, а затем уже и все – Трудовой Крестьянской партии (ТКП), признали себя виновными, так как цель ТКП – "иностранная интервенция", создание буржуазно-демократической республики. Сотрудники ОГПУ целенаправленно и умело вели свою деятельность по разработанной ими версии этого процесса. По делу ТКП выявлялись всё новые и новые имена "членов широкой сетки этой партии", начались аресты не только в центре, но и на периферии – более тысячи человек.

Из Москвы 20 августа 1930 года за подписью начальника Секретного отдела ОГПУ Агранова и начальника 3-го отдела Славатинского на имя начальника ОГПУ Беларуси Рапопорта пришло указание: *"Просим немедленно доставить спецконвоем в Москву Ждановича и Горецкого, проходящих по следственному делу "Трудовой Крестьянской Партии" как связанных с её деятельностью по линии их работы в Научно-исследовательском институте сельского и лесного хозяйства в Москве"*[137].

24 августа дежурный по приёму арестованных ОГПУ в Москве дал расписку *"тов. Доморацкому в том, что от него принят арестованный Горецкий Г.И."*. Его вначале привезли в приёмный пункт на Белорусском вокзале, а затем на Лубянку. В камере он увидел своего учителя профессора А.А.Рыбникова, который рассказал, что сидит уже почти месяц, обвиняют в принадлежности к ТКП, о которой ничего не знает и в которой никогда не был. Был удивлён, что по делу ТКП забрали Гавриила, о котором на допросах, насколько он знает, никто ничего не говорил.

Через несколько дней Горецкого перевели в камеру, где сидел Н.Н.Суханов – известный общественный деятель, меньшевик. Суханов объяснил Горецкому ситуацию в стране: *"Чем больше у нас в стране будет плохих событий, чем хуже идёт хозяйство, тем больше найдут вредителей, тем больше будет липовых процессов. Если и совсем никаких "врагов" нет, но неудачи и провалы есть, то их выдумывают. Это неизбежно…"* В дальнейшем Горецкого пе-

[137] Здесь и далее цитаты взяты из дела № 1184 с, которое относится к процессу ТКП. Цит. по книге: *Гарэцкі Радзім*. Ахвярую сваім "Я". 1998.

ревели в огромную камеру тюрьмы Лубянки, где сидело не менее 60 человек, а затем в такую же общую камеру в Бутырках. Там собрали элиту интеллигенции – профессора, известные государственные деятели. Все они считали себя совсем невиновными и поэтому верили в скорое освобождение, были бодрыми, много шутили, смеялись, вели интересные беседы, в которых с удовольствием участвовал Гавриил Иванович. Кроме того, в Бутырской тюрьме была богатая библиотека, и он глотал книгу за книгой.

На допросы Горецкого сначала вызывали редко и только через месяц ему показали некоторые выдержки из показаний А.Чаянова, Кондратьева, Макарова, Челинцева, в которых они уже признавались, что были руководителями ТКП и упоминали Горецкого как участника белорусского филиала ТКП. Тогда он написал показания, в которых отверг все обвинения: *"Я уже предупреждён тт. Мулявко, Арговым, Юдашкиным, Радивиловским и Врачевым, что моё отрицание принадлежности к контрреволюционным организациям рассматривается как поведение, достойное "отпетого неисправимого контрреволюционера". Также предупреждён о том, что такое поведение значительно ухудшает моё положение и отразится на постановлении обо мне коллегии ОГПУ в смысле назначения наиболее сурового наказания. И всё же я категорически отрицаю принадлежность свою к ТрКрП и СВБ. Я считаю, что если бы я под влиянием чисто животного страха перед наказанием стал утверждать несуществующие или неверные факты, то тем самым я ввёл бы в обман как ОГПУ, так и принёс бы вред ложным утверждением социалистическому строительству"*.

За лето и частично осень 1930 года по делу СВБ было арестовано 108 человек, а по делу белорусского филиала ТКП – 59. ГПУ БССР работало бесперебойно: велись допросы, выжимались нужные показания, а затем и признания. Последние и считались главным фактом доказательства вины. Постепенно по заранее намеченному сценарию разными методами (в том числе и незаконными) "доводили" заключённых до признания об их принадлежности к контрреволюционным национал-демократическим организациям, а их стали коротко называть "нацдемы". Морально и физически выдержать этот нажим было почти невозможно, и не каждому было под силу.

Янку Купалу не арестовали, но много раз вызывали на допросы в ГПУ. В качестве протеста против страшного нажима на самых лучших представителей белорусской интеллигенции Янка Купала в конце ноября 1930 года пошёл на самоубийство (сделал себе харакири), но судьба сохранила ему жизнь. 4 февраля 1931

года кончил жизнь самоубийством первый президент Белорусской академии наук В.Игнатовский, который перед этим был снят с должности, исключён из партии, много раз допрашивался в ГПУ. Не исключено, что эти акты самоубийства наиболее известных людей Беларуси заставили власти не проводить открытый судебный процесс по делам СВБ и ТКП, как предполагалось вначале. Перед этим с 9 марта по 17 апреля 1930 года такой открытый судебный спектакль был проведен в Харькове, где судили 45 деятелей национальной культуры и науки Украины, которые якобы входили в "Спілку визволення України". По такому же сценарию раскручивали и дело СВБ.

8 декабря 1930 года в газете "Савецкая Беларусь" было опубликовано постановление СНК БССР об исключении из состава действительных членов Белорусской Академии наук академиков Ластовского В.Ю., Пичету В.И., Лёсика И.Ю., Некрашевича С.М., Горецкого Г.И., Дубаха А.Д.

К этому времени в показаниях ряда арестованных по обоим делам всё чаще упоминалась фамилия Г.Горецкого. Особенно много показаний с удивительной фантастикой дал Пётр Хоцкий – учёный секретарь Земплана Наркомата БССР, арестованный по делу ТКП. Так, 8 декабря 1930 года он написал: *"Признаю, что я состоял в к/р вредительской организации, действующей в БССР и охватывающей почти все отрасли народного хозяйства. Эта организация ставила себе целью – создать экономические и культурно-политические условия для свержения существующего строя и создания буржуазно-демократической республики путём внутреннего восстания, а также вмешательства иностранных государств – Польши и др. государств. В состав организации по отдельным отраслям народного хозяйства и учреждениям входили следующие лица..."*. И далее перечислялось более 50 фамилий, в том числе и Г.И.Горецкий. Среди руководителей организации упоминается ряд лиц и чаще всего Р.А.Бонч-Осмоловский[138] и Г.И.Горецкий. В дальнейших показаниях П.Хоцкий описал разнообразную вредительскую деятельность белорусского филиала ТКП и даже составил графическую схему всех его подразделений и соподчинённость их один другому.

Читая 29-томное архивно-следственное дело "Союза вызвалення Беларусі (СВБ)"[139], можно сделать вывод, что ряд подследс-

[138] Бонч-Осмоловский Родион Анатольевич (1884–1938) – председатель сельскохозяйственной секции Госплана БССР.

[139] Міхнюк Уладзімір. Захоўваць вечна: справа № 20951-С // Маладосць. 1992. № 6. С.110–132.

твенных, особенно тех, которые не наговаривали на себя, реже вызывали на допросы. Материалов о Максиме Горецком в деле немного. Только примерно через полгода 14 января 1931 года ему принесли "постановление о допросах 20 июля и 14 августа 1930 года, чтобы он его подписал. Он на эту просьбу сделал следующую запись: *"Это постановление мне объявлено 14 января 1931 года"*. Как видно, он не согласился с этим враньём о допросах, которые нужны были следователям для "галочки", а в действительности их не было. Чтобы в жёстких условиях тюрьмы не согласиться со следователем, казалось бы даже с таким мелким враньём, и остаться принципиальным, нужно было иметь большое мужество. Как известно, подавляющее большинство арестованных под моральным и физическим давлением следствия соглашались почти со всем, что от них требовали.

М.Горецкий дал только одно показание о своём выступлении на собрании, где разбирали "ошибки" в деятельности Жилуновича (Тишки Гартного) и где Горецкий выступил в его защиту, несмотря на плохие отношения между ними.

М.Горецкий и в тюрьме по возможности продолжал свою литературную деятельность. Уже из ссылки он написал письмо следователю Сикорскому с просьбой выслать ему рукописи рассказов: "Джаліта", "Вяселле", "Маруся", "Мяшчанскае каханне", "Дырыжабль" и др. Однако ответа он не получил, а эти его произведения так и пропали где-то в недрах ГПУ БССР.

10 апреля 1931 года (как раз в день рождения брата Гавриила) решением Коллегии ОГПУ был вынесен внесудебный приговор по делу СВБ на 86 осужденных. Под № 39 отмечено:

"Горецкий М.И. – 37 лет, белорус, белорусский писатель, учёный специалист БАН

а) в период с 1924 года по день ареста состоял в литературной группе к/р организации "СВБ" и проводил задачи этой организации;

б) направлялся центром организации в Горки для работы по созданию филиала в Горецкой СХА, т.е. совершил преступление, предусмотренное ст.76, применительно к ст.64 УК БССР (ст. 58-11, применительно к ст. 52-2 УК РСФСР). Виновным себя не признал".

Максиму Горецкому присудили 5 лет высылки в г. Вятку.

Примерно за месяц перед этим в марте 1931 года в Москве было составлено постановление: *"Я, помощник Уполномоченного 3 отделения СО ОГПУ Соловьёв, рассмотрев следственное дело за № 102735 по обвинению Горецкого Гавриила Ивановича и др. по*

обвинению по ст.58/11-К, содержащегося в Бутырской тюрьме ОГПУ

Нашёл:

Горецкий Г.И. арестован по подозрению в к/р организации ТКП. В виду того, что Горецкий Г.И. проходит как член организации ТКП в Белоруссии, следствие по такому делу ведёт ПП ОГПУ по БВО.

Полагаю:

Материал в отношении Горецкого Гавриила Ивановича из дела за № 102735 выделить и вместе с личностью арестованного направить спецконвоем в Минск для дальнейшего следствия. В отношении остальных арестованных по делу – дело следствием продолжить".

11 марта 1931 года на заседании Коллегии ОГПУ это постановление подтвердили, о чём составили выписку из протокола, и уже 13 марта в Минск вместе с арестованным была переправлена бумага:

"Срочно–секретно

В ПП ОГПУ БВО – г. Минск

Препровождается материал выделенный из дела № 102735 – Горецкого Гавриила Ивановича с личностью такового, направленного в Ваше распоряжение со специальным конвоем согласно постановлению Коллегии ОГПУ от 11.III. 31.

Прибытие сообщите. Приложение: материал.

Пом. Нач. ОЦР ОГПУ (Зубкин)

Нач. 1 отделения (Подобедов)"

В Минске вновь начались допросы, причём Горецкого уже убеждали в том, что он был одним из организаторов Тактического центра, который объединял все контрреволюционные силы разных организаций: СВБ, ТКП, промпартии и меньшевиков. Горецкий всё решительно отрицал. Ему показали выдержки из показаний Хоцкого, Смолича, А.Каплана, Шейнина и других. Большинство из его друзей, сотрудников, знакомых признало себя виноватыми в контрреволюционной деятельности и других самых невероятных злодеяниях, причём отмечали и его причастность к этим делам. Горецкий потребовал очную ставку со Смоличем, но ему отказали. Он догадывался, что не существовало никаких подпольных организаций, тем более твёрдо знал, что он в них не участвовал, о чём утверждали арестованные коллеги. Поэтому он всё отрицал. Следователи предупредили, что его ждёт очень серьёзное наказание, скорее всего – расстрел. Он решил рассказать о том, чем занимался в эти годы, чтобы хотя бы в деле часть правды довести о деятель-

ности Института с целью поднять сельское хозяйство Беларуси. Но следователи принимали такие показания только в виде "признания своей вины". Поэтому, категорически отказываясь от участия в делах СВБ и ТКП, он дал показания о своей вине и "вредительстве", которые он допустил, работая директором Института[140].

В начале апреля Горецкому сделали очную ставку с "арестованным по делу Тактического Центра" А.И.Шейниным и А.М.Капланом, которую провёл заместитель начальника экономического отдела Вейзагер в присутствии начальника 2-го отделения экономического отдела Юдашкина. Шейнин в протоколе написал: *"Подтверждаю, что гр. Горецкий Г. состоял членом Тактического центра "Освобождение" в качестве представителя ТКП. Я лично видел его на нескольких заседаниях в Госплане и одном в Академии наук. На последнем заседании обсуждались вопросы деятельности ТКП. Присутствовали, кроме меня, Смолич, Бонч и ещё кто-то. Основными докладчиками были Горецкий и Бонч. Характер обсуждаемых вопросов освещен в одном из моих показаний"*. Горецкий на этом протоколе написал: *"Категорически отрицаю все без исключения факты, показанные Шейниным"*.

Каплан утверждал: *"Горецкий входил в число членов "Ц. Осв", который состоял из 6 лиц: Смолича, Красковского, Горецкого, меня – Каплана, Шейнина и Бонч-Осмоловского. Горецкий присутствовал вместе со мной на заседании "Ц.О." на одном расширенном собрании, где было человек 15–17. Все заседания состоялись в Госплане. 1-е, более широкое, – в моём кабинете под моим председательством. На нём присутствовали человек 15–17, выступал среди других Горецкий Г.И., причём в его выступлении слушали отношение национал-демократов к развитию промышленности в БССР и к коллективизации сельского хозяйства"*[141]. Горецкий вновь написал: *"Категорически утверждаю, что все указанные факты совершенно не соответствуют действительности"*.

Такое упорство в отрицании участия в СВБ и ТКП привело к тому, что Горецкого посадили в так называемую "парилку" – тесную узкую камеру в подвале без окон и вентиляции, с бетонным полом и высокой температурой воздуха. В камере был крестьянин с Западной Беларуси, который перешёл в БССР с надеждой, что

[140] Выдержки из показаний Г.Горецкого приведены в публикациях: *Гарэцкі Радзім*. Ахвярую сваім "я". 1998 и Браты Гарэцкія. 2008.

[141] Шейнин и Каплан на допросах во время дополнительной проверки дела (1956–1957 гг.) отказались от своих показаний и заявили, что они выдуманы под влиянием незаконных методов следствий.

здесь жить лучше. Его обвинили в шпионаже, он потерял разум и всё время кричал: “Я шпион, я шпион!”, а потом что-то бормотал. Дышать было трудно. Чтобы совсем не потерять сознание, они по очереди ложились на пол и прикладывались открытым ртом к основанию дверей, так как казалось, что оттуда вроде бы идёт тоненькая струя холодного воздуха.

Однажды Юдашкин привёл с собой на допрос Лейбу Крейнгаузена – приятеля Гавриила, с которым он учился ещё в 1913 году. Это было так неожиданно и в то же время приятно увидеть друга детства, с которым не виделись с тех пор. Следователь на полчаса оставил их вдвоём. Гавриил рассказал ему о своей ситуации и увидел, что Лейба в курсе дел. Тот стал всячески уговаривать согласиться с требованиями следователя, так как в противном случае ему грозит очень суровое наказание. Горецкий был удивлён умению Юдашкина использовать такой ловкий приём психологического воздействия на заключённого для создания атмосферы доверия и искренности с помощью друга детства, которого сумел где-то отыскать и обработать.

Весь процесс по делу ТКП был полностью расписан – Юдашкин показал довольно толстую, отпечатанную типографским способом на белорусском языке книгу в хорошем переплёте. Сценарий был разработан досконально, в том числе и место Горецкого в этом процессе. Вначале его назначили руководителем Белорусского отделения ТКП. Но поскольку он так твёрдо отрицал существование ТКП и своё участие в нём, постольку руководителем объявили Осмоловского, а Горецкого и Хоцкого – его помощниками.

7 мая 1931 года было составлено обвинительное заключение, в котором отмечалось, что *“ПП ОГПУ по БССР раскрыта контрреволюционная, вредительская и диверсионно-шпионская организация работников сельского хозяйства БССР, являющаяся филиалом раскрытой ОГПУ контрреволюционной организации ТПК и ставящей своей задачей свержение Советской власти и установление буржуазно-демократического строя. [...] Возглавляли всю организацию: председатель сельскохозяйственной секции Госплана Бонч-Осмоловский Р.А., директор НИИ сельского и лесного хозяйства им. Ленина Горецкий Г.И. и учёный секретарь Земплана НКЗ БССР Хоцкий П.А.”*.

30 мая 1931 года Коллегия ОГПУ обвинила всех троих в дополнение к отмеченным ранее “вредительствам” в том, что они способствовали развитию индивидуального, в первую очередь – кулацкого хозяйства в Беларуси и тормозили развитие социалистических форм сельского хозяйства. Кроме того, Хоцкий и Горецкий

как будто бы занимались шпионажем, поэтому их “вредительства” квалифицированы по статье 58-6, 58-7 и 58-11. Постановлением Коллегии ОГПУ все трое осуждены к высшей мере наказания (расстрелу) с заменой этого наказания заключением в концлагерь сроком на 10 лет. Всех остальных по делу Белорусского филиала ТКП приговорили к отбытию в концлагерях в отдалённых местах СССР. Однако Постановлением Коллегии ОГПУ от 6 июня 1931 года М.С.Материкина и В.А.Вечера приговорили к расстрелу, а Я.И.Вишневского – к расстрелу, который заменён заключением в концлагерь на 10 лет. Оба расстрелянных не занимали каких-нибудь высоких служебных постов, да и по делу ТКП особенно не выделялись, поэтому не совсем понятно, почему к ним была применена такая суровая кара. Возможно, потому, что первый их них служил офицером у Деникина, а второй был членом Иркутской судебной палаты при Колчаке. Вишневский в 1916–1917 годах был вице-губернатором Минской губернии.

Юдашкин позднее по секрету сообщил Горецкому, что многие списки на расстрел в то время подписывал сам Сталин. Когда Червяков и Голодед повезли в Москву списки осуждённых в Беларуси, они якобы попросили уменьшить меру наказания Горецкому. Сталин спросил: “Так сколько ему лет?” “Тридцать”, – ответили они. Он тогда произнёс: “Ещё довольно молодой – пусть немного поживёт”, – и вычеркнул его фамилию из списка на расстрел. Также уменьшили меру наказания Бонч-Осмоловскому и Хоцкому.

* * *

После ареста Г.Горецкого его жену Ларису Иосифовну с двумя сыновьями выселили из служебной квартиры, уволили с работы и всюду отказывали в приёме на службу, как только узнавали, что она жена “врага народа”. Многие знакомые старались избегать встречи и разговоров с ней, лишь редкие друзья не бросили её, в том числе и семьи Янки Купалы и Якуба Коласа. С большим трудом Ларисе Горецкой, наконец, удалось устроиться на работу на опытной сельскохозяйственной станции в Брилёво под Гомелем. На лето старшего сына отвезли в Малую Богатьковку к деду и бабе, а младшего – с бабушкой Марией Михайловной – к отцу Ларисы Иосифу Ивановичу Парфеновичу, который работал начальником железнодорожного вокзала на станции Мокрая близ г. Запорожье в Украине. Сама же она старалась как можно чаще ездить в Минск, чтобы хоть что-то узнать о муже.

Однажды в начале июня 1931 года она приехала в Минск, и Леонила Устиновна, жена Максима, сказала, что Гавриила повезли в пересыльную тюрьму в Оршу, откуда всех задержанных отправляют в разные концлагеря. Лара одолжила у Янки Купалы 75 руб. и тут же поехала в Оршу, предварительно уведомив Марию – жену Бонч-Осмоловского, чтобы та срочно выезжала в Оршу, где была возможность проститься с мужьями. Удалось добиться свидания. Старший брат Гавриила Иван успел привезти в Оршу и Ефросинью Михайловну из Богатьковки.

Через пару дней белорусских "нацдемов" посадили в теплушку, разместили на нарах в два этажа, и поезд через Витебск, Ленинград, Петрозаводск повёз их на Соловки. Гавриил Иванович вспоминал недавнюю встречу с родными. С благодарностью удивлялся мужеству жены и матери: их синие чистые глаза светились добротой и горем, лаской и печалью, но не было слёз. Они держались изо всех сил, чтобы его поддержать, передать бодрость и уверенность в лучшей судьбе. Крепкая рука Ивана как будто до этого времени чувствовалась в пожатии его руки и вселяла веру в лучшее. Но на сердце было печально и мучили неразрешимые вопросы… В Витебске пошёл сильный дождь, их высадили из вагонов для пересадки, построили в шеренги и продержали под проливным ливнем более двух часов – заключённые всё выдержат… Снова вопрос: "За что?" Ведь они хотели сделать страну и народ богатыми, культурными, свободными. Всё казалось так хорошо началось: построение новой жизни, поднялась большая волна национального возрождения, белорусизации, подъём народного хозяйства. И вновь лучшие представители белорусского народа сидят за решёткой, а антибелорусский дух господствует на родной земле; простые люди так и остаются в бедноте. А такие были возможности вместе со всем Союзом перестроить Беларусь в богатую европейскую страну, поднять её сельское хозяйство даже выше, чем в той же Дании, построить новые заводы, фабрики, дать расцвести культуре и науке и сделать, наконец, богатым и счастливым народ. Удастся ли снова вернуться в Беларусь и поработать на её возрождение? Что ждёт его впереди?

Беломорканал.
Первые шаги в геологии

Теплушкой довезли Г.Горецкого до пос. Кемь на берегу Белого моря. Кемь – столица СЛОНА (Соловецкие лагеря особого назначения), которая казалась краем Земли. Тут распределяли всех на разную работу. Через некоторое время объявили: "Всем, кто имеет высшее образование, садиться в вагоны для отправки в Медвежью Гору – центр Беломорско-Балтийского комбината (ББК)". Горецкий попал в эту группу и в Медвежьей Горе вначале работал в картонажном цехе (делал коробочки), затем – в учебно-распределительной части. Позже узнал, что недалеко от их барака имеется Геолбаза, куда после разговора с главным геологом Александром Митрофановичем Гуреевым и инженером-геологом Владимиром Сергеевичем Токаревым (оба вольнонаёмные) был принят на работу помощником младшего техника. Этот день – 19 сентября 1931 года стал для Гавриила Ивановича одним из самых счастливых, днём перелома в специальности и жизни.

Вскоре послали Горецкого описывать керн из скважин, пробуренных для изучения инженерно-геологической ситуации в зоне будущего Беломорско-Балтийского канала. Он с энтузиазмом и большим упорством начал овладевать геологией и достаточно скоро работал не хуже настоящих геологов. Через некоторое время он стал изучать и описывать выемки и обнажения по трассе канала близ пос. Повенец ("Повенец – свету конец"). Здесь уже было настоящее творческое геологическое исследование: найдены новые неизвестные ранее геологические слои, новые ископаемые раковины моллюсков и т.д. Работал с утра до позднего вечера, да так успешно, что в конце сентября его перевели научно-техническим сотрудником Геолбазы, а ещё через полгода – старшим инженером-геологом Геологического отдела. Молодой академик-экономист стал юным инженером-геологом. Канал ББК – колыбель геологической специальности Г.И.Горецкого.

Уже в 1933 году Горецкий написал первые самостоятельные отчёты: “Геология района Повенчанки”, “Напорные воды в районе трассы ББВП”, “Инженерно-геологическая записка об основании электростанции ББК”. В этом же году вышла и первая печатная работа по геологии: в журнале “За качество” № 11 (Издание КВО Белбалтлаг ОГПУ – приложение к газете “Перековка” для инженерно-технического персонала ББВП) была напечатана статья “Геологическая характеристика Водораздельного канала”. Этот журнал издавался в Медвежьей Горе и имел тираж 6 тыс. экземпляров. В статье описано разнообразное геологическое строение канала, который пересекает обширный Онежско-Беломорский водораздел в самой пониженной его части.

В 1933 году Горецкого хотели перевести геологом на строительство Байкало-Амурской магистрали, о чём он написал в Вятку брату Максиму, с которым надеялся встретиться по дороге на Дальний Восток, на что имел специальное разрешение. Но отъезд неожиданно отменили, о чём он вновь написал в письме Максиму:

4 октября 1933 г.

“Дорогой брат Максим!

Спешу написать тебе предупреждение, чтобы не ходил на вокзал в Вятке встречать меня, т. к. сегодня произошли важные для меня события, изменяющие прежний план.

Сегодня в 10 час. 30 мин. я должен был уехать на БАМ. Уже в половине 8-го я был совершенно готов – все вещи мои были запакованы, все продукты на дорогу получены, все дела сделаны, со всеми я простился. В 9 час. с минутами я был уже со всеми вещами на вокзале. Мысленно я уже ехал, уже казалось мне, что подъезжаю к Вятке, что вот все вы встречаете меня (разрешение на свидание мне выдали, и я вез его с собой), уже я говорил с вами, радовался встрече.

Покидать Медвежку мне очень не хотелось. Было грустно покидать ставшие для меня близкими места, дорогую работу и большие перспективы на интересные изыскания, где-то щемило ощущение безнадежности встречи с мамой, батькой, детьми, Ларой. Но все же – ехал я бодрым, твердым. Радовала предстоящая встреча с тобой, с семьею твоей, а я рассчитывал увидеть и Лелю, и Галю, и Лёню. (Я и подарок вам вез – печенья, рыбы и для тебя много махорки и папирос).

И вдруг, за час до отхода поезда, мне сказали, что я не еду, что по только что полученной телеграмме из Москвы я остаюсь для работы здесь. Можешь представить мою радость, граничащую с восторгом. Я почувствовал, будто, возвратился домой, к

родным. Так вот видите, какие бывают дела, какие неожиданные повороты в судьбе".

Не исключено, что на это решение возымел действие и отзыв о Г.И.Горецком, данный ему П.Н.Чирвинским, который написал следующее:

"Отзыв о геологе Гаврииле Ивановиче Горецком[142]

С т. Горецким я имел случай познакомиться и работать на Беломорско-Балтийском строительстве в 1932 году. Я, как и он, были заключенными в этом лагере, работали в одном и том же отделе, а именно – Бюро изысканий топографических и геологических. Это неутомимый, живой, крайне энергичный полевой и кабинетный работник. Он очень много проводил времени в полевых работах по каналу, по изучению геологии его, съемке, составлению карт, вел гидрогеологические наблюдения, прекрасно изучил ледниковые отложения Карелии, неоднократно премировался как ударник, был заносим в красную книгу строительства и лагеря, получил большие скидки со срока. Ему обязаны открытием ряда интересных палеолитических стоянок первобытного человека, изучением гидрогеологических свойств грунтов, он не раз заменял начальника геологической части во время его отъездов. Сейчас строительство окончено. […] В ближайшее время он может быть отослан на новое строительство на Дальний Восток. Когда я еще был в Мурманске, получил от него письмо, в котором он писал мне, что с удовольствием бы работал на севере среди кристаллических и четвертичных пород, с которыми он имел дело в Карелии. Я полагаю, что Горецкий был бы очень ценным работником в Хибиногорске или Кандалакше, если бы его сюда можно было вытребовать. Если конечно решат это делать, то надо требовать очень быстро, может по телеграфу, ибо иначе будет поздно – он попадет в другое место. Работа по инженерной геологии и гидрогеологии важна здесь, тут нужен человек не только знающий ледниковые отложения и север вообще, но молодой (Горецкому вероятно не более 30-35 лет), крепкий, энергичный, умеющий требовать и с себя и с других работы. В этом отношении я за Горецкого ручаюсь. Он знает очень хорошо картографическое дело, геологическую съемку.

П. Чирвинский 9 августа 1933".

За хорошую работу срок заключения был существенно сокращён, и в октябре 1934 года Г.Горецкий был освобождён. Его отпустили на совсем короткий срок съездить к родителям в Ма-

[142] Копия отзыва получена Р.Г.Гарецким в 2005 году от А.К.Шпаченко (Геологический институт Кольского научного центра РАН) из ФГОУ "ГАМО" в г. Кировске. Ф. 179. Д. 309. Оп. 1. Л. 43.

лую Богатьковку и забрать семью, но категорически посоветовали остаться работать в ББК. Его назначили на должность начальника Туломской инженерно-геологической партии, а затем – старшего инженера-геолога Туломстроя. Здесь проводились инженерно-геологические изыскания под Нижне-Туломскую ГЭС, Кольский канал и Верхне-Туломскую ГЭС.

Гавриил Иванович из Богатьковки, где смог последний раз увидеться с мамой и отцом, а Лариса Иосифовна со своими родителями и двумя сыновьями из Минска встретились в Орше, и оттуда все вместе выехали на Север. Поселились около Мурманска в пос. Кола (на берегу Кольского залива), жили в длинном бараке – бывшей конюшне, каждое стойло которой переделали в небольшие комнатки. Получили две: в одной ночевали родители Ларисы с младшим сыном, в другой – Горецкие со старшим сыном.

В январе 1935 года в Вятке (г .Киров) был освобождён и Максим Горецкий. Оба брата получили от Порфира Ивановича сообщение, что 4 марта 1935 года в Богатьковке умерла их мать. Однако братьев на похороны не отпустили. Максим Горецкий с семьёй в этом же году переехал в посёлок Песочня (позднее г. Киров) Западной области (позднее Смоленской), где стал преподавателем русского языка и литературы в средней школе. На праздники в октябре 1936 года Гавриил и Лариса Горецкие смогли съездить в гости к Максиму. Радость встречи братьев была огромна, но страшно печалила недавняя смерть любимой матери, да и перспективы дальнейшей жизни не были светлыми. И не зря: братья виделись в последний раз…

В феврале 1937 года Г.Горецкий с семьёй переехал в посёлок Мурмаши, ближе к строительству Нижне-Туломской ГЭС, которой в системе Беломорско-Балтийского канала отводилась большая роль. Горецкий отвечал за геологические инженерно-изыскательские исследования под эту ГЭС. Электростанция в таких условиях речных долин (широкое развитие песчано-гравийных и валунных пород, которые хорошо пропускали воду), к тому же на далёком Севере, за Полярным кругом, строилась впервые. Поэтому сложностей, проблем, споров было масса – и всё это на фоне огромной ответственности. Кроме того изыскания осуществляли два проектно-изыскательских института: “Гидэп” (Ленинград) и “Гидропроект” (Москва), что также вызывало определённое противостояние и дополнительные сложности в борьбе за приоритеты. “Гидропроект” возглавлял С.Я.Жук – выдающийся гидротехник и организатор. Он пользовался большим авторитетом. Все гидротехнические строительства, а также проектные институты входили в систему НКВД.

Непосредственно за ходом изысканий и строительства следил руководитель НКВД Г.Ягода и сам Сталин. У последнего С.Я.Жук пользовался большим уважением и поэтому его просьбы, связанные с финансированием, материально-технической базой, людскими ресурсами, быстро выполнялись. Работы на строительстве шли интенсивно, от всех людей требовалось большое напряжение и полная самоотдача.

Новых подходов, нестандартных решений, тщательных аналитических исследований требовали и геологические изыскания. Горецкому поручили возглавить геологические работы всего Туломского района, и ряд недоброжелателей, особенно те специалисты – геологи по образованию, которые вдруг оказались в его подчинении, надеялись, что этому "самоучке" не справиться с такой ответственной должностью. Чтобы ускорить работу, решили, например, сделать геологическую съёмку по тонкому прозрачному льду, через который всё хорошо видно, почти каждый камень. Изыскания геологи провели досрочно. Часто в спорах между инженерами-проектировщиками строительства последнее слово было за геологами. Горецкого всё чаще приглашали на разные ответственные заседания в качестве эксперта по геологии.

За это время Горецкий написал более двадцати отчётов и работ по геологии изучаемых им районов. Они носили разный характер. Некоторые из них относительно небольшого объёма касались поиска различных строительных материалов, гидрогеологии или фильтрационных и физико-механических свойств грунтов: "Краткая записка о поисках месторождений гранита, пригодного для облицовки здания Нижне-Туломской ГЭС" (1935), "Краткая характеристика физико-механических свойств намывных мелкозернистых песков в глухой плотине Нижне-Туломской ГЭС" (1935), "Гидрологический режим глухой плотины Нижне-Туломской ГЭС" (1936), "Справка о грунтах карьера № 18, употреблявшихся при возведении плотины Нижне-Туломской ГЭС" (1937), "Подсчёт запасов строительных материалов Майгубского оза" (1937) и др. Серия более крупных работ имела серьёзное научное и практическое содержание: "Геологические условия района Нижне-Туломской ГЭС. Район Мурмашей" (1934), "Межледниковые отложения Онежско-Беломорского района" (1934), "Геологические условия по трассе проектируемого Кольского канала" (1935), "Межледниковые отложения на Кольском Водоразделе" (1935), "Опыт изучения террас в долине Туломы" (1937) и др. Была составлена первая работа археологического содержания: "Неолитические стоянки Онежско-Беломорского района" (1935).

В журнале “Беломорско-Балтийский комбинат” № 3 и № 4 за 1936 год была опубликована статья “Геологическое строение района Нижне-Туломской ГЭС”. В печать были сданы две статьи по археологии, которые были опубликованы уже в 1937 году: “Некоторые данные о неолитических стоянках Кольского перешейка” (Труды Сов. секции Междунар. ассоциации по изучению четвертичного периода. Вып. 3) и “Новые неолитические стоянки в г. Кеми, в Карелии” (Природа. № 12).

В первой статье Горецкий отметил, что при установлении стратиграфии послеледниковых отложений на Кольском перешейке из-за отсутствия фаунистических остатков возникают исключительные трудности. Поэтому он большое внимание уделил археологическим памятникам, которые являются в четвертичной геологии тем же, что представляют собой руководящие окаменелости в палеонтологии. В результате он на Кольском перешейке обнаружил 9 неолитических стоянок (4 – в районе Кандалакши, 3 – Плесозеро, 1 – Пинозеро и 1– в Коле), описание которых привёл в статье. Автор пришёл к следующим основным выводам:

“Все обнаруженные неолитические стоянки Кольского перешейка имеют целый ряд устойчивых сходных черт, как в технике изготовления каменных орудий, так и в характере керамики и ее орнаментике. Эти черты позволяют объединить обнаруженные стоянки в три группы, из которых вторая вполне соответствует выделяемым Ю.Айлио стоянкам второй фазы развития гребенчатой керамики. Первая группа стоянок, без керамики, является, повидимому, разновидностью стоянок второй группы (сезонные стоянки промыслового значения), не составляющей самостоятельной, наиболее древней группы неолитических стоянок. Однако обнаружение у некоторых памятников этого рода черт, сближающих эти находки со стоянками так называемого “арктического палеолита”, допускает иное толкование их и значительно более глубокую древность.

Стоянки третьей группы отвечают третьей фазе развития гребенчатой керамики по Айлио.

[...] Возрастное положение неолитических стоянок на основании археологических данных может быть представлено в такой последовательности:

а) Переход от первой ко второй фазе развития гребенчатой керамики по Ю.Айлио, начало третьего периода Монтелиуса, 2000 г. до нашей эры (стоянка № 3 в долине р. Нивы, Пинозеро).

в) Вторая фаза развития гребенчатой керамики по Ю.Айлио,

третий период Монтелиуса, 2000–1600 г. до нашей эры (значительная часть стоянок Кольского перешейка).

с) Третья фаза развития гребенчатой керамики по Ю.Айлио, четвертый период Монтелиуса, 1600–900 г. до нашей эры стоянки времени арктического неолита.

д) Конец арктического неолита, конец бронзового века, 900–400 годы до нашей эры. Могильник на Большом Оленьем острове в Кольском фиорде"[143].

Во второй статье описаны три стоянки, обнаруженные автором летом 1937 года в 8–10 км от Белого моря. В результате открытия за последние пять лет в Карелии и на Кольском полуострове многих неолитических стоянок границы распространения неолитических поселений лесного типа должны быть отодвинуты на 420 км к северу по сравнению с проводившейся ранее. Обнаруженные стоянки помогают установить время образования поздне- и послеледниковых террас.

В начале 1937 года Г.Горецкого назначили старшим геологом отдела изысканий Волгостроя, и он с семьёй переехал под Рыбинск, где предполагалось провести геологические работы под создание Рыбинского моря и строительства ГЭС. Там жили недолго, около полугода, так как Горецкого неожиданно вызвал начальник строительства Рапопорт и сообщил, что из Москвы поступил указ, чтобы всех, кто когда-то был осуждён по статье 58-6 (шпионаж), немедленно уволить. Он посоветовал Горецкому вернуться назад в Медвежью Гору и поступить вновь на работу в систему Гидропроекта, на которую как будто этот указ не распространялся, и написал записку, чтобы Г.Горецкому дали направление в Медвежью Гору, где он стал руководителем группы инженерной геологии отдела изысканий ББК.

143 *Горецкий Г.И.* Некоторые данные о неолитических стоянках Кольского перешейка // Труды Сов. секции Междунар. ассоциации по изучению четвертичного периода. 1937. Вып. 3. С. 117.

Новые аресты в “Архипелаге “ГУЛАГ”

Поработать Г.Горецкому пришлось совсем недолго, так как в конце октября 1937 года он был арестован. Руководители страны посчитали, что та категория бывших заключённых, которая осуждена по статье 58-6 (шпионаж), “не разоружилась”. Ларису Горецкую с семьёй сразу выгнали из служебной квартиры, которую им выделили по приезде в Медвежью Гору. Снять комнатку семье “врага народа” было очень трудно: люди боялись “связи” с ними и пустить таких квартирантов требовало от человека смелости (нечто близкое к тому, как спасать евреев на оккупированной фашистами территории). И тут знакомые ещё по работе на Туломе инженеры муж и жена Изаксоны, высланные на ББК, пришли на помощь: уговорили свою приятельницу местную карелку Евдокию Семёновну Готшалк сдать бездомной семье маленькую (8 $м^2$) кухню, что стало просто спасением.

Ещё по приезде в Медвежью Гору Лариса Иосифовна отправила свою маму вместе с младшим сыном в Запорожье (Украина) к своему брату Сергею Иосифовичу Парфеновичу, который там жил с женой и дочерью и работал мастером-бригадиром на авиационном заводе. Осенью 1937 года план по поиску “врагов народа” был спущен на авиационный завод. Ночью приехал “чёрный ворон”, пришли трое военных, сделали обыск и забрали Сергея Парфеновича. В последний день 1937 года у него родился сын, которого в честь отца назвали Сергеем, но они так и не увидели друг друга: только после войны прислали свидетельство о смерти – отец умер от болезни лёгких в 1940 году. После смерти Сталина узнали правду: Парфенович был расстрелян в самом конце декабря 1937 года, почти в то же самое время, когда у него родился сын.

Г.Горецкого, который был осуждён по трём пунктам статьи 58, как наиболее злостного “вредительского элемента” отослали для разбирательства дела в Москву. Как стало известно уже после

развала СССР, в урочище Сандармох[144], расположенном в 17 км от Медвежьей Горы в сторону Повенца, в 1937–1938 годах регулярно происходили расстрелы заключённых. Здесь было расстреляно около 9 тысяч заключённых: 3,5 тысячи жителей Карелии, 4,5 тысячи из Белбалтлага и 1111 человек из Соловецкой тюрьмы. Последние составляли так называемый Соловецкий этап и были уничтожены с 27 октября по 4 ноября 1937 года. В течение одной недели каждую ночь расстреливали от 182 до 266 осуждённых, в числе которых было 102 жителя Беларуси. Среди расстрелянных – академики АН БССР М.Яворский и Н.Дурново, член правительства БССР Ф.Волынец, государственный деятель М.Бурсевич и др. Во время раскопок найдено более 350 коллективных могил, заполненных скелетами соловецких жертв[145].

В 1937 году началась смена в руководстве НКВД: после убийства С.М. Кирова был снят с должности Г.Ягода и в январе его место занял Н.Ежов. Во времена таких перемен репрессии обрушивались на сами кадры НКВД, а другие осуждённые нередко получали облегчение. Делалось это, чтобы показать “нарушение законности” со стороны прежнего руководства. В апреле Ягода был арестован. Только за год после прихода Ежова было арестовано и расстреляно более 3000 человек – пособников Ягоды. Самого Ягоду расстреляли 15 марта 1938 года в подвале Лубянки, где совсем недавно он был всесильным хозяином. В середине и конце 1937 года некоторых “политических” временно выпустили на свободу, чтобы показать и подчеркнуть вредительство, которое свершалось бывшим руководством НКВД, и “настоящую справедливось” нового. Возможно, в эту квоту “временно освобождённых” и попал Г.Горецкий, которого освободили в начале декабря 1937 года.

Не исключено, что часть заключённых ГУЛАГа получила свободу в связи с “знаменательной” датой – 20-й годовщиной ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД, которая широко отмечалась в стране: газеты печатали портреты Дзержинского и Ежова, хвалебные статьи и стихотворения, а 20 декабря прошло торжественное собрание в Москве, в Большом театре. Основной доклад сделал Анастас Микоян, который отметил выдающиеся заслуги Ежова – “талантливого сталинского ученика”, “любимца советского народа”.

---

[144] Урочище Сандармох – аналог Курапат под Минском; расположен близ г. Медвежегорска в сосновом лесу, установлен впечатляющий мемориал (памятник, церковь, могилы и т.д.).

[145] *Дмитриев Юрий*. Место расстрела Сандармох. Петрозаводск: Барс, 1999. 350 с.; *Кобец-Філімонава Алена*. Карэльскія Курапаты. 1937–1938. Рэха ГУЛАГА. Мінск: Кнігазбор, 2007. 180 с.

Более точную причину освобождения Г.Горецкого можно было бы узнать только из документов НКВД, но, к сожалению, на запросы в соответствующие органы Петрозаводска, Санкт-Петербурга, Архангельска и Москвы был дан ответ, что никаких материалов по делу Г.Горецкого у них нет.

В самом начале ноября 1937 года в пос. Песочня (г. Кирове) в тёмную ночь арестовали Максима Горецкого, а 21 декабря переправили его в тюрьму г. Вязьмы. Это был последний раз, когда Леонила Устиновна видела мужа во время его проводов при посадке в вагон поезда-“кукушки”. На все запросы о судьбе М.Горецкого не было ответа и только 1 ноября 1939 года жена и дочь писателя получили устный ответ, а затем и свидетельство о смерти, в котором значилось, что Максим Горецкий умер от кровоизлияния в мозг 20 марта 1939 г. в посёлке Важаэль Коми АССР. Это было очередное враньё, которое долго фигурировало в различных энциклопедиях, справочниках и др. Значительно позднее удалось познакомиться с делом № 13036, которое прислали из Управления Министерства безопасности РФ по Калужской области, и выяснить правду о судьбе и смерти М.Горецкого[146].

Оказалось, что уже 5 января 1938 года заседала “тройка”, которая постановила: *“Горецкого Максима Ивановича расстрелять. Лично ему принадлежащее имущество конфисковать. Секретарь Тройки (Антонов)”*[147]. Самый трагичный документ дела (лист 41): небольшая печатная бумажка-бланк размером 8×16 см, в которой вписаны только фамилия, имя и отчество и цифры:

“Выписка из акта № 85

Постановление Тройки УНКВД по Смоленской области от 5 января м-ца 1938 о расстреле Горецкого Максима Ивановича 1893 г.р. приведено в исполнение 10 февраля м-ца 1938 г. в 15 час.

Секретарь Тройки УНКВД
Смоленской области Антонов”

Кусок бумаги – и нет жизни! Максим Горецкий не дожил до своего 45-летия 8 дней. Был составлен под грифом “совершенно секретно” акт, в котором перечислялись осуждённые к расстрелу (Горецкий М.И. числился под № 30), а далее написано: *“Перечисленные осуждённые, всего в числе 40 человек, из места содержания под стражей были взяты в 14 часов 45 минут 10-го февраля 1938*

[146] а) *Гарэцкі Радзім*. Расстрэл Максіма Гарэцкага // Літаратура і мастацтва. 1992. 9 і 16 кастрычніка; б) *Илькевич Н.* Расстрелы в Вязьме. Новое о М.И.Горецком // Край Смоленский. 1994. № 1–2. С. 129–144.
[147] *Гарэцкі Радзім*. Ахвярую сваім “Я”. 1998. С.71.

года, а решение заседания Тройки приведено в исполнение путём расстрела в 15 часов того же 10-го февраля 1938 г. Трупы зарыты на установленную глубину, в чём и составлен настоящий акт в одном экземпляре"[148].

Среди расстрелянных в основном жители сельской местности (колхозники, а также учитель, сторож, заведующий магазином, счетовод и др.) в возрасте от 20 до 70 лет. 5 января 1938 года проведено 4 заседания "тройки" при УНКВД Смоленской области и составлено соответственно 4 протокола. Результаты "рабочего дня "тройки" за один день следующие: рассмотрено 406 дел, по которым обвинены 923 человека, из них 587 осуждены к расстрелу. Вот так по-ударному работала "самая передовая и справедливая в мире" сталинская судебная система, запущенная для геноцида собственного народа!

Прошло совсем немного времени, как 8 мая 1938 года пришла новая беда – Гавриил Иванович вновь был увезён на "чёрном вороне". Тюрьма в Медвежьей Горе находилась примерно в 1–1.5 км от домика Евдокии Готшалк, где жила семья Горецких, на другом берегу бурной речки Кумсы. Лариса Иосифовна работала преподавателем в школе для взрослых. Чтобы прокормить семью, она брала максимальное количество часов и обычно работала допоздна. Женщины, благодаря какому-то шестому чувству или никому не известному чудесному телепатическому телеграфу, часто угадывали, когда заключённых повезут на грузовых машинах или поведут пешком – на работы, допросы, в баню и т.д. В такие дни Лариса Горецкая просила своих сыновей дежурить около речки напротив тюрьмы или на дороге и следить, когда поведут группу узников и будет ли среди них их отец. Часто приходилось ждать несколько часов, а то и весь день. Зато, какая была радость, когда они видели отца! Подробно рассказывали матери, как выглядел, заметил ли их, махнул ли рукой, и была счастлива узнать, что он ещё здесь, живой, не расстрелян и не отправлен куда-то.

Обвинения были все по старому делу, главное – по статье 58-6 (шпионаж в пользу польской и немецкой разведок). Снова пошли бесконечные допросы, которыми вместе с сидением в карцере, пытками, битьём, издевательствами и голодом доводили заключённых до такого состояния, что они часто кончали жизнь самоубийством. По условиям содержания это заключение было самым тяжёлым и несносным.

---

[148] *Илькевич Н.* 1994. С. 135.

Перенести многие тюремные невзгоды Гавриилу Ивановичу помогали не только любовь к жизни и Родине, природный оптимизм и жизнерадостность, но и великая любовь к жене. Она была источником стойкости, духовной силы и веры в непобедимость жизни. Он в день 15-летия их совместной жизни (8 июля 1938 г.) умудрился передать на волю письмо из тюрьмы, которое написал хорошо отточенным карандашом мелкими-мелкими буквами на маленьких тонких бумажках для самокруток из махорки: *"Поздравляю Тебя с нашим радостным днём, с пятнадцатилетием нашего совместного счастья; счастья, которое не проходит, а всё углубляется и увеличивается. [...] Какое счастье, что Ты у меня есть. С Твоим дорогим образом пройду я десятки лет самых суровых испытаний и останусь навсегда свежим, несломленным, достойным Тебя. [...] Тюремная камера для меня не существует, когда я с Тобой в своей сущности. Ты – мой Бог, мой свет, вся жизнь. Вот и сейчас – я чувствую себя таким счастливым, таким радостным, ибо Ты со мной. Ты – мой щит, моя броня, мой талисман до самой смерти"*[149].

Однажды сыновья увидели небольшую группу узников, которую вели по мосту через речку Кумсу. Среди них они едва узнали своего отца, который был в жутком виде: небритый, заросший комьями волос, худой, поникший, на опухших ногах какие-то порванные тапочки, обвязанные шпагатом (ни ботинки, ни тапки на ноги не налазили). Издевательствами и голодом он был доведён до такого состояния, что сил терпеть уже больше не осталось… Да и впереди его ждал только расстрел… Он как-то смог попросить жену передать ему лезвие. Она это сделала, вложив лезвие в воротник рубашки, хотя сердце её разрывалось от боли и печали, но главное – освободить любимого от бесконечных мучений. Хорошо, что Гавриилу Ивановичу всё же хватило мужества и выдержки не воспользоваться лезвием.

На той же папиросной бумажке он написал: *"Сегодня обещаю Тебе, моя Ларута, что в часину самой лютой недоли, когда нужно было бы перестать жить, я никогда не кончу самоубийством, я буду жить для Тебя, для детей, для радости хоть через узенькую щёлочку видеть Вас, знать, что Вы есть на свете, который уже через одно это счастливый для меня, который не стоит самому покидать никогда"*[150].

Тем временем большую группу заключённых, в которую входил и Горецкий, подготовили к расстрелу. После консультаций с

---

[149] *Гарэцкі Гаўрыла*. Выбранае. 2002. С. 348–349.
[150] Там же. С.349.

Москвой, учитывая важность такой фигуры “польского и немецкого шпиона” как Горецкий, составили специальный протокол, подобрали все документы и отправили их спецконвоем вместе с арестантом в Москву. Следователи Медведев и Резник отметили, что он “злостный неразоружившийся враг советской власти и народа” и его нужно расстрелять.

Г.Горецкий снова попал на Лубянку и Бутырку. В последней в большой камере сидело человек 60, среди которых много известных людей, а старостой назначили Николая Крыленко – общественного деятеля, ещё совсем недавно занимавшего высокую должность наркома юстиции. Той бодрости, которая была в начале 1930-х годов, не было и следа – все понимали, что их ждёт…

Дело Горецкого разбирал следователь Финкельштейн, который неожиданно вёл допрос спокойно и довольно мягко, с сочувствием. Суть в том, что в это время закачалось положение самого Ежова. В сентябре 1938 года был арестован нарком внутренних дел БССР Б.Берман, который на допросе показал, что *“в период 1937–1938 гг. Ежовым и его заместителем Фриновским давались явно враждебные указания о решительной борьбе с мнимыми врагами народа, что повсеместно приводило к массовым арестам ни в чём не повинных советских граждан”*[151]. Действительно при Ежове – “верном рыцаре революции, несгибаемом большевике, кристально честном партийце, ближайшем соратнике великого Сталина” – начали активно работать не только “тройки”, но и “двойки”, что совсем упростило процедуру осуждения. Репрессии достигли своего апогея, с каждым днём увеличивалось количество осуждённых к расстрелу. За время своей работы наркомом (апрель 1937 – ноябрь 1938 г.) Ежов послал на утверждение Сталину 183 списка осуждённых[152] – это значит, что один список посылался через день, и в каждом из них – сотни фамилий людей, которые приговорены к расстрелу. Каждый список санкционировался резолюцией Сталина, Молотова или других “вождей советского народа”. В памяти людей фамилия Ежова стала ходячим названием: его жестокость, известная как “ежовые рукавицы”, беззаконность режима – как “ежовщина”, а сам он – как “кровожадный карлик”.

Тогда же ЦК ВКП(б) и Совнарком СССР издали постановление “Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия”, в котором отмечались многочисленные нарушения социалистической законности в действиях НКВД. В конце ноября 1938 года Ежов

[151] Страницы минувшего. Минск. 1998. С.105.
[152] Там же.

был освобождён от должности наркома внутренних дел, а на его место утверждён Л.Берия. 10 апреля 1939 года Ежов был арестован. При Берии в самом конце 1938 года было принято несколько постановлений ЦК ВКП(б), в которых осуждался упрощённый порядок следственной работы, признавалась фальсификация документов, привлечение к ответственности невинных людей и т.д. Всё это приписывалось тем врагам народа, которые пробрались в органы НКВД.

В деле Горецкого значилось, что он не только сам работал на польскую и немецкую разведки, но и завербовал таких известных политических деятелей, как Н.Н.Голодед и А.Г.Червяков. Когда сравнили цифры сроков событий, то выходило, что он завербовал их после того, как эти деятели были уже мёртвыми (один покончил жизнь самоубийством 21 июня 1937 года, а другого расстреляли в июне 1937 года). Сразу стало видно, что обвинение надуманное и сфабрикованное. Горецкого отправили назад в Медвежью Гору с предложением освободить, что и было сделано 22 июня 1939 года.

Группу заключённых, в которую вначале входил и Г.Горецкий, тем временем расстреляли. Если бы не те обстоятельства, что принудили послать его в Москву, и не очередная замена одного наркома НКВД на другого, очень вероятно, что среди расстрелянных в урочище Сандармох под Медвежьей Горой был бы и Г.И.Горецкий.

* * *

Когда Г.Горецкий после освобождения пришёл к Тимофееву – начальнику ББК, чтобы устроиться на работу, тот через секретаря отрезал: “Я шпионов на работу не принимаю!” И всюду отрицательный ответ. Горецкий посылал письма и телеграммы с заявлениями о возможном приёме на работу – главным образом в различные геологоразведочные партии и экспедиции. Однако приходили отказы или вообще не было никакого ответа. Положение становилось невыносимым…

Чтобы не терять напрасно время, он обрабатывал геологические материалы, собранные ранее. Между двумя последними арестами и после освобождения он написал и опубликовал в московских журналах несколько научных статей, которые имели принципиальное значение для геологии и археологии Кольского полуострова и Карелии.

В статье “Доледниковая кора выветривания на Кольском полуострове” (Природа. 1938. № 4) автор сообщил о коре выветривания, которая им была впервые обнаружена в этом регионе. Значительно позднее академик А.В.Сидоренко подарил Г.И.Горецкому свою книгу “Доледниковая кора выветривания Кольского полуострова” с такой надписью: “Гавриилу Ивановичу Горецкому – одному из первооткрывателей коры выветривания на Кольском полуострове, с глубоким уважением. Автор. 28.05.1958”.

В статье “О местонахождении фауны морской регрессии *Littorina oceanica* на побережье Белого моря” (Природа. 1940. № 10) Горецкий сообщил о своей находке отложений с морской фауной моллюсков и диатомовых, которых до сих пор не было известно на южных берегах Кольского полуострова и в северной части Карелии. Автор написал: *“Факт установления на беломорском побережье в Северной Карелии морских отложений регрессии Littorina oceanica имеет существенное значение. Он доказывает возможность применения к району Карело-Финской ССР и Северной области стратиграфической схемы морских отложений, установленной для побережья Баренцева моря, и даёт уверенность в поисках здесь отложений большой морской трансгрессии Pholas-Astarte.*

Вместе с тем этот факт заставляет критически пересмотреть датировки всех местонахождений фауны, которые приводятся в качестве доказательства существования позднеледникового соединения Белого и Балтийского морей. Комплекс фауны этих месторождений не может быть отнесён ко времени Portlandia (Yoldia) arctica, которым датируется беломорско-балтийское соединение”.

В этом же году были опубликованы статьи об ископаемой фауне позднеледниковых иольдиевых отложений, что имеет большое значение в решении важного, но ещё дискуссионного вопроса о позднеледниковом соединении Белого и Балтийского морей. Также вышла из печати статья о неолитических стоянках в районе г. Кеми, содержащая более полные сведения о них по сравнению с предыдущей публикацией на эту тему. Здесь также описаны две новые обнаруженные автором стоянки. Горецкий на основании анализа палеонтологических и археологических данных и положения в эпейрогеническом спектре пришёл к выводу, что возраст Кемской террасы, на которой расположены новые неолитические стоянки, литориновый, синхронный морской трансгрессии Tapes на севере Фенноскандии. Литориновые отложения прослежены по юго-востоку побережья Белого моря до отметки 18–20 м, а в нижнем течении р. Кеми даже до отметки 27 м.

Прошло более месяца, а положительного ответа всё не было, хотя Горецкий послал запросы почти в 30 мест. Даже ездил в г. Чкалов (Оренбург) и некоторые другие города, но не получилось и там. И вдруг телеграмма от Никодима Сергеевича Симонова – главного инженера строительства Соликамского гидроузла – с приглашением срочно выезжать на работу. 4 августа 1939 года Горецкий был назначен старшим геологом Геологического отделения 1-го района Соликамского гидроузла (СГУ) НКВД, которое находилось в посёлке Нижнее Мошево под Соликамском Пермской области, а через 10 месяцев – переведён в главные геологи.

Выбрать место для строительства СГУ было непросто и очень ответственно, так как геологические условия на той территории весьма сложны: в связи с соляной тектоникой, выщелачиванием и течением соли здесь возникали различные провалы, углубления, валы и другие опасные неровности. Изучение таких инженерно-геологических условий требовало больших усилий, доскональных знаний и творческого подхода. Удачно, что в тех районах работала партия из Академии наук СССР, в которой принимали участие такие известные учёные, как профессоры Г.Ф.Мирчинк, Н.С.Шатский, Ф.П.Саваренский, Г.Н.Каменский, П.И.Преображенский, И.П.Герасимов и др. Со всеми с ними у Горецкого сложились не только деловые, но и дружеские отношения.

Горецкий написал шесть рукописных работ: “Инженерно-геологическая характеристика Тюлькинских створов”, “Стратиграфия неогеновых и четвертичных отложений района Тюлькино-Боровая”, “Деформация надсоляной толщи района СГУ”, “Засолённость и загипсованность пермских надсоляных пород района Соликамского гидроузла” и др. Самая главная его работа этого времени – большая статья “О роли местных географических условий в четвертичной истории (На примере изучения Кольской и Туломской долин на Кольском полуострове)”, опубликованная в журнале “Проблемы физической географии”. 1941. Вып. X. Этот труд послужил основой будущей диссертации на соискание степени кандидата геолого-минералогических наук.

В Соликамске в октябре Гавриил Иванович узнал о смерти своих братьев: самого старшего – Ивана, которого не стало 3 октября 1939 года в Ленинграде, и Максима – согласно справки, что получила Леонила Устиновна Чернявская-Горецкая от НКВД, умер 20 марта 1939 года в посёлке Вожаэль (Коми АССР). Ни жена Максима, ни Гавриил так и не узнали, что это было враньё, а правда о его смерти (расстреле) стала известна уже после ухода их из жизни.

Великая Отечественная Война.
На оборонных работах под Москвой и Ленинградом

В декабре 1940 года Г.И.Горецкого перевели в г. Боровичи Новгородской области и назначили главным геологом отдела объектов Ленинградской области Ленинградского проектного управления Главпромстроя, а затем – главным геологом Мстинского инженерно-геологического района того же управления. Намечалось сооружение каскада гидроэлектростанций на реке Мста, чтобы обеспечить энергией Ленинград. Геологические условия тут осложнялись широким развитием процессов карста.

Началась война. Гавриила Ивановича мобилизовали на оборонные работы, а Лариса Иосифовна с семьёй и подругой по работе Надеждой Фоминичной Чернышевой были эвакуированы в Удмуртию через Ижевск в село Вавож. Г.Горецкого назначили главным геологом в Управление военно-полевого строительства Главоборонстроя Наркомата обороны – Четвёртого, затем Десятого и, наконец, Второго управления оборонных работ. Проводил различные исследования по военной геологии: инженерно-геологическое изучение под строительство оборонных сооружений, оценку проходимости территории разными видами войсковых подразделений, поиски питьевой воды, поиски и разведка строительных материалов и т.д. Работы велись в Ленинградской, Калининской, Вологодской областях, под Москвой. За эту деятельность сразу после войны Горецкий был награждён медалями “За участие в героической обороне Москвы”, “За победу над Германией”, “За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.”

Горецкого особенно притягивала работа по поискам и разведке строительных материалов, так необходимых для сооружения оборонных объектов. В районе Боровичей, в долине Мсты удалось обнаружить месторождение валунов и гравия с запасами в несколько тысяч кубометров, в Вологодской области, близ Усть-Волмы – крупную залежь прекрасных песков для бетона, а в Калининской области – месторождение гравия и т.д.

Результаты работ обычно оперативно передавались в Управление оборонных работ. Кроме того, Горецкий составил два рукописных отчёта: "Геологическая характеристика оборонительного рубежа Ширянка–Щука–оз. Люто–Пелено–Шерегодра–Ямное–Владимирское" и "Инженерно-геологические изыскания на оборонительных рубежах Северо-Западного фронта"

На строительстве военных объектов работа была очень напряжённая, ответственная, требовались немедленные результаты, в то же время условия жизни тяжёлые, ощущались большие трудности с питанием, всё время мучило чувство голода. Но Гавриил Иванович экономил деньги, чтобы выслать своей семье в Вавож, а также семье Максима в Вятку. Он очень волновался за своих родных, которым также жилось нелегко. Старшего сына из-за болезни лёгких – плеврита не взяли в армию, он работал слесарем на Ижевском автомобильном заводе. Четыре племянника были на фронте. Брат Порфир с семьёй и отцом Иваном Кузьмичом остались на оккупированной территории Беларуси.

Он так втянулся в проблемы военной геологии, что решил на эту тему подготовить большую статью или даже книгу. Наибольшее время ему пришлось тогда жить в Череповце, где он все свободные часы позднего вечера проводил в библиотеке, подобрал много книг – военно-историческую литературу, которую тщательно штудировал с точки зрения военной геологии. Наиболее интересными и поучительными оказались материалы о Крымской войне и Отечественной войне 1812 года.

* * *

В феврале 1942 года Г.Горецкого назначили начальником геологического отделения проектно-изыскательского бюро № 11 Гидропроекта Главного управления лагерей промышленного строительства НКВД – в посёлок Сухой Лог Камышловского района Свердловской области, а в июле – главным геологом Камско-Чусовского бюро № 12 Гидропроекта Главпромстоя, которое находилось в посёлке Чунжино, на противоположном берегу красивой и быстрой реки Чусовой от города Чусового Молотовской (Пермской) области. Наконец-то, к мужу смогла переехать Лариса Иосифовна, которую приняли инженером-грунтоведом в аналитическую лабораторию.

Г.Горецкий часто ездил в командировки для изучения геологических материалов районов створов возможных будущих

гидроэлектростанций на реках Чусовой, Косьва, Усьва, в посёлке Кумыш, Широкстрой, город Кизел и др. В апреле 1943 года ему необходимо было срочно подготовить все материалы по геологии Камской гидроэлектростанции и других гидротехнических сооружений, с которыми начальник Гидропроекта С.Я.Жук вызвал в начале в Уфу, а затем и в Москву, где на уровне высоких представительных комиссий должны обсудить перспективы строительства ряда гидроэлектростанций и дать экспертизы этим проектам. В Уфе Горецкий доложил С.Я.Жуку и членам комиссии, в которую входили многие известные геологи и инженеры-проектировщики (Н.С.Шатский, Ф.П.Саваренский, С.С.Руссо, В.Е.Доманский[153] и др.), подготовленные им материалы по геологии Камской и других гидроэлектростанций. С этими материалами они в начале мая поехали в Москву.

К этому времени старший сын Всеслав, которого мобилизовали в Сарапульское военное училище, но из-за обострения плеврита освободили от армии, работал в Москве фрезеровщиком, токарем, а потом и мастером на автомобильном заводе имени Сталина (ЗИС, а позже ЗИЛ – завод имени Лихачёва). Поэтому в эту длительную (более месяца) командировку Гавриил Иванович мог часто встречаться с сыном. Он также навестил знакомых эвакуированных белорусских писателей, которых не видел много лет: Якуба Коласа, Кузьму Чорного, жену Янки Купалы, Констанцию Буйло и др. Ещё более потянуло на Беларусь, и он завёл тетрадь "Материалы по геологии Беларуси", в которую начал собирать геологические сведения из опубликованных работ, заказав их в библиотеке Московского общества испытателей природы. Он был уверен, что *"...через 3 года мы начнём широкое геологическое изучение Беларуси, с глубоким бурением – до 4500 м, которое поможет найти новые полезные ископаемые на нашей любимой Родине. И изменится хозяйство нашей страны, будет собственная нефть, уголь, железо, соль"*[154]. Хотя работы в экспертных комиссиях по строительству различных ГЭС было много, он смог посетить и обсудить геологические новости со многими друзьями-геологами: Н.С.Шатским, К.К.Марковым[155] и др.

В июне 1943 года младший сын смог переехать в Чужино к своим родителям. Отец взял его, уже ученика восьмого класса, с собой

---

[153] Саваренский Фёдор Петрович (1881–1946) – академик, специалист в области гидрогеологии и инженерной геологии; Руссо С.С., Доманский В.Е. – руководители и ведущие специалисты "Гидропроекта".

[154] Из письма жене от 15.V.43 г. // Браты Гарэцкія. 2008. С. 208.

[155] Марков Константин Константинович (1905–1980) – академик, геолог, геоморфолог.

в геологический маршрут, который включал и спуск на расстояние более 60 км по чудесной реке Чусовой на плотах. Это незабываемое путешествие с приключениями, видимо, и явилось для сына толчком в выборе будущей профессии геолога. Кроме интенсивной текущей работы, Г.Горецкий решил подготовить кандидатскую диссертацию на основе исследований на Туломе и Коле. Написал тезисы диссертации.

* * *

9 июля 1943 года С.Г.Колеснев[156] послал письмо секретарю ЦК КП(б)Б П.К.Пономаренко о необходимости создания группы учёных для обозначения западной границы СССР, в котором отметил:

"...единственным знатоком тектоники Белоруссии, разработавшим новую научную теорию Белорусского скалистого кряжа, является профессор Николай Сергеевич Шатский, выдвинутый кандидатом в действительные члены Академии наук СССР на предстоящих выборах. Крупным знатоком геологии четвертичных отложений является геолог Горецкий Гаврила Иванович, бывший действительный член Белорусской Академии наук, а после осужденный и отбывший ссылку где-то на Севере. Теперь работает на Урале. Этих двух работников, если за ними нет компрометирующих их поступков, следовало бы серьезно приблизить к работе по Белоруссии"[157].

После разговора П.К.Пономаренко с С.Г.Колесневым в Гидропроект Главпромстроя НКВД СССР на имя его начальника генерала-майора С.Я.Жука 25 ноября 1944 года было направлено письмо за подписями президента АН БССР К.В.Горева и учёного секретаря Президиума АН БССР В.И.Шемпеля:

"Президиум Академии наук Белорусской ССР просит Вас разрешить геологу Горецкому Гавриле Ивановичу, работающему в Вашей системе, принять участие в работе сессии Академии наук Белорусской ССР, созываемой в гор. Минске в январе 1945 года по вопросам восстановления народного хозяйства Белорусской ССР.

---

156 Колеснев Самуил Георгиевич (1896–1970) – академик ВАСХНИЛ, профессор, доктор экономических наук, друг юности.

157 *Нарушэвіч К., Скалабан В.* "Мы з Вамі будзем працаваць на Беларусь". Гаўрыла Гарэцкі ў час Вялікай Айчыннай вайны // XIII Гарэцкія чытанні (Мінск, 16 чэрвеня 2005 г.). Мінск, 2006. С. 117–124.

Участие т. Горецкого Г.И. в работе сессии АН БССР в качестве докладчика весьма желательно, как хорошо знающего Белоруссию и могущего принести большую пользу в деле восстановления народного хозяйства БССР, разрушенного немецкими оккупантами.

Одновременно с этим, Президиум Академии наук Белорусской ССР просит Вашего разрешения на откомандирование геолога Горецкого Г.И. из Вашей системы в распоряжение Академии наук Белорусской ССР для постоянной его работы в Институте геологии Академии наук Белорусской ССР".

Ответ С.Я.Жука был отправлен 21 декабря 1944 года:

"В ответ на Ваше письмо от 25.XI. с. г. сообщаю, что тов. Горецкий Г. И. руководит геологическими изысканиями ряда крупных объектов, намеченных к строительству решениями ГОКО[158].

Исходя из этого, отпустить тов. Горецкого для участия в работе сессии Академии наук БССР, а тем более откомандировать его в Ваше распоряжение – не представляется возможным".

В связи с подготовкой к сессии АН БССР в 1945 году Комиссия в составе академиков А.Р.Жебрака, А.К.Кедрова-Зихмана и В.Н.Лубяки подготовила материалы для выборов в академики и члены-корреспонденты, в которых "в действительные члены по специальности "геология" предлагалась кандидатура Г.И.Горецкого. Однако руководством БССР она не была утверждена.

Горецкий с радостью следил за освобождением родной Беларуси и желание поехать на работу на родину вновь охватило его с огромной силой. Он написал заявление в ЦК КП(б)Б с просьбой предоставить ему работу, на которое получил через Молотовский обком партии телеграмму из отдела кадров ЦК КП(б)Б с вызовом в Минск. Однако С.Я.Жук не дал согласия. Возможно, судьба снова спасла Горецкого, так как в конце войны и сразу в послевоенные годы была мощная волна по аресту бывших "врагов народа".

Война подходила к концу. Гавриил Иванович был рад, что его родные в Беларуси пережили оккупацию и остались живы. В октябре 1944 года Порфир сообщил, что их отец сильно заболел, очень слаб и может вскоре умереть. Горецкий добился через С.Я.Жука разрешения съездить ненадолго в Богатьковку, где так был счастлив повидаться с братом, отцом, родными. Грустно прощался с совсем ослабевшим отцом, был потрясён страшными картинами

[158] ГОКО – Государственный комитет обороны СССР (30.VI.1941 – 4.IX.1945), чрезвычайный наивысший государственный орган в годы Великой Отечественной войны. Председатель ГОКО – И.В.Сталин.

разрушенных городов Смоленска, Ярцева и др. К этому времени стало известно о многих жертвах войны, в том числе племянников: Виктора – сына Ивана, Володи – сына Порфира, Леонида – сына Максима. Особенно болело сердце о Лёне – талантливом прекрасном юноше, который был очень близок Гавриилу Ивановичу, и к которому относился как к сыну.

Горецкого назначили заместителем главного геолога Бюро инженерной геологии Гидропроекта и главным геологом экспедиции № 5, которая находилась в посёлке Василёво (позже Чкаловск – родина В.П.Чкалова) на Волге (Горьковская область), куда семья переехала в ноябре 1944 года.

Защита диссертаций в Институте геологических наук АН СССР

Г.И.Горецкий настолько активно и увлечённо занялся геологией, что самоучкой очень скоро стал прекрасным специалистом в области инженерной геологии. Однако склонность к научным исследованиям позволила ему не только выполнять практическую работу по инженерно-геологическим изысканиям под различные гидротехнические сооружения, но и обобщать представления о геологическом строении и истории развития этих районов. За те 13 лет его работы геологом, несмотря на то, что в этот срок входили почти 1,5 года тюрьмы во время двух арестов и тяжёлые годы Великой Отечественной войны, Горецкий настолько овладел геологической наукой, что опубликовал серию серьёзных научных статей. Многие его коллеги – учёные Академии наук СССР, университетов и институтов (Н.С.Шатский, П.Н.Чирвинский, К.К.Марков, Г.Ф.Мирчинк, В.И.Громов и др.) настойчиво советовали подготовить диссертацию на соискание учёной степени кандидата и доктора геолого-минералогических наук, чем он и занялся.

С самого начала 1945 года Горецкий был в длительной командировке в Москве. Параллельно с многочисленными экспертизами, заключениями, обсуждениями геологических условий под разные объекты гидротехнических сооружений (Поныш, Широкое, Уфа на Урале, Актюбинск в Казахстане, Вытегра в Коми АССР, Чкаловск на Волге и др.) в Гидропроекте, он работал в библиотеках Москвы с литературой по геологии Беларуси, но самое главное – интенсивно занимался подготовкой к защите кандидатской диссертации. Задержка была за Высшей аттестационной комиссией, которая должна была решить вопрос о допуске к защите диссертации без сдачи экзаменов. Наконец, 4 февраля был получен положительный ответ. Горецкий хотел провести защиту в этот свой приезд, поскольку было совсем не ясно, когда он снова сможет быть в Москве.

В отделе четвертичной геологии Института геологических наук АН СССР (ИГН) он сделал предварительный доклад (как ска-

зал заведующий отделом профессор В.И.Громов – “генеральную репетицию”), который прошёл благополучно и окончательная защита была назначена на 16 февраля 1945 года. Тема диссертации: “О роли местных географических условий в четвертичной истории (на примере изучения Кольской и Туломской долин на Кольском полуострове)” .

Автор на основании составленных им эпейрогенических спектров долин Туломы и Колы убедительно доказал, что они симметрично расположены по отношению к оси поднятия Кольского полуострова, и это создало благоприятные условия для параллелизации террас и синхроничных им отложений в обеих долинах. Однако детальное рассмотрение одновозрастных отложений долин Колы и Туломы показывает, что между ними обнаруживаются существенные различия.

Далее он подробно рассмотрел основные факты по главным этапам четвертичной геологии Кольской и Туломской долин: 1) доиольдиевое время, 2) время Portlandia (Joldia), 3) время морской регрессии Littorina oceanica, 4) время морской трансгрессии Pholas-Astarte, 5) время трансгрессии моря Tapes-Cyprina, 6) время морской регрессии Acmala-Anomia, 7) время трансгрессии Travia, 8) время регрессии моря Travia, 9) время морской трансгрессии Ostrea I, 10) время морской регрессии Ostrea II, 11) время морской трансгрессии Ostrea II–Cardium ciliatum, 12) время регрессии Mya.

В результате выяснилось, что основные этапы поздне- и послеледниковой истории долин Колы и Туломы в сравнении с такими же этапами Балтики имеют совпадения главнейших этапов в отношении колебаний береговой линии и климата, но резкое отличие в ходе осолонения бассейнов. Причина различий заключается в неодинаковой степени связи с океаном. В отношении долин Колы и Туломы такими местными географическими условиями будет характер донного рельефа обеих долин и закрытость устьевых частей долин флювиогляциальными дельтами. В долине Колы рельеф дна характерен очень крутыми уклонами, а в долине Туломы, наоборот, уклон донного рельефа чрезвычайно пологий. Поэтому всякий водный бассейн в долине Колы был более мелководным и опреснённым в своих верховых частях, чем в долине Туломы. Решающим фактором, воспрепятствовавшим проникновению в долину Колы даже наиболее мощной морской трансгрессии, было наличие в самой устьевой части долины огромной флювиогляциальной дельты – Соловараки, почти нацело запиравшей долину Колы. Соловарака сыграла роль грандиозного завала,

почти наглухо запершего Кольскую долину и приводившего при всякой трансгрессии к образованию в долине Колы огромного подпруженного озёрного бассейна, уровень которого колебался в полном соответствии с общим колебанием береговой линии моря. В периоды регрессий это озеро распадалось на ряд удлинённых озёр. Мурмашинская флювиогляциальная дельта в устье Туломы, хотя по мощности аккумулятивных накоплений даже несколько превосходила Соловараку, не сумела нацело перекрыть долину Туломы. Причина заключается в характере и генезисе обеих долин. Долина Колы прошла по линии меридионального разлома, долина Туломы – по линии северо-восточного, более мощного разлома. Обе долины – доледниковые, и в долине Туломы обнаружена in situ доледниковая кора выветривания. Основание кристаллических пород лежит в устье Туломы под Мурмашинской дельтой на 70 м ниже уровня моря, а под Соловаракой – только на 10-15 м. Поэтому самые мощные флювиогляциальные накопления не могли нацело выполнить Туломскую долину. Древний доледниковый Кольский фиорд имел своё продолжение в направлении долины Туломы.

Первый оппонент Н.С.Шатский (член-корреспондент АН СССР, позднее академик) отметил, что *“[...] работа Г.И.Горецкого представляет исключительное значение не только как детальное описание четвертичных отложений р.р. Колы и Туломы, но и в методическом отношении. В этой работе автор с исчерпывающей детальностью показал, какое влияние может оказать анализ местных физико-географических условий на наши выводы о палеогеографии и истории крупных участков земной поверхности.*

[...] Работа Г.И.Горецкого представляет собой редкий образец вдумчивого и глубокого исследования, стоящего не только на уровне аналогичных исследований шведов и финнов, но по широте и разносторонности подходов к материалу значительно превышающих их.

[...] Исходя из изложенного, я считаю, что диссертация Г.И.Горецкого значительно выше не только обычных диссертаций на степень кандидата геолого-минералогических наук, но по значению её, широте поставленной задачи и блестящему её разрешению, она вполне заслуживает присвоения автору степени доктора геолого-минералогических наук. Такой вывод станет несомненным, если ознакомиться с другими работами Гавриила Ивановича, характеризующими его как глубокого, талантливого исследователя” .

Второй оппонент доктор геолого-минералогических наук профессор В.И.Громов так оценил диссертацию: *“[...] На примере*

этой работы, автор показал, каких исключительно интересных и важных в научном отношении результатов можно добиться, применяя комплексные методы, даже для такой ограниченной территории. В этом отношении выполненная Г.И.Горецким работа может служить образцом подобного рода исследований.

[…] Рецензенту неизвестно, почему именно эту работу автор выбрал для сегодняшней защиты. С таким же успехом и заслуженным правом на получение учёной степени он мог бы представить свою монографию (10 п.л.) по Соликамскому гидроузлу (история Пра-Камы) или монографию (в двух частях около 8.5 п.л.) по Онежско-Беломорскому району.

[…] Исследования Г.И.Горецкого свидетельствуют о чрезвычайно плодотворной, целеустремлённой и упорной 14-летней работе автора, сумевшего сочетать работу на крупнейших гидротехнических строительствах, с исключительно ценной и образцово поставленной научно-теоретической работой. По своему научному значению эта работа стоит выше требований, предъявляемых к кандидатской диссертации и поэтому рецензент считает возможным просить о присуждении Г.И.Горецкому степени доктора геолого-минералогических наук, ибо только излишняя скромность автора, очевидно, не позволила ему выдвинуть свою работу на соискание этой степени, не имея степени кандидата наук".

Председатель Учёного совета академик Д.С.Белянкин заключил*: "…мы имеем здесь действительно выдающееся значение. […] мы присутствуем при редком случае превращения кандидатской диссертации в докторскую"*. Члены Учёного совета единогласно (за – 29) проголосовали за присуждение учёной степени кандидата наук.

Учёный совет утвердил третьего оппонента К.К.Маркова и вновь собрался на заседание по защите докторской диссертации, на котором выступил официальный оппонент К.К.Марков (доктор географических наук, профессор, позднее академик). Он отметил, что в диссертации *"разработано наиболее детальное и общее по значению разделение стратиграфии послеледниковых отложений, которое когда-либо предполагалось в Советском Союзе и за рубежом.*

В методическом отношении, как особую заслугу диссертанта, необходимо отметить комплексное применение многообразных, новейших приёмов полевого и камерального исследования: многочисленные инструментальные (не только поперечные, но и продольные) исследования террас, геохронологическое изучение

ленточных отложений, не только качественный, но и количественный анализ фауны моллюсков, диатомовый, фораминиферовый и пыльцевой анализы, анализ хлорофилла и растительных остатков, изучение археологических остатков. Вряд ли можно указать в мировой литературе второй случай применения столь разнообразной методики исследования.

[...] Г.И.Горецкий оказался первым, изучившим на основании огромного фактического материала эти ранние страницы позднеледниковой истории. Он установил здесь несколько хронологических ступеней...

Таким образом, закономерности, установленные Гавриилом Ивановичем, удалось распространить на всю восточную и южную части Балтийского кристаллического щита. [...] закономерности приобретают в ряде районов значение универсальных.

[...] Г.И.Горецкий предложил нам капитальное исследование по стратиграфии четвертичных отложений Севера. Результат этих исследований наиболее детальная и наилучше обоснованная опорная стратиграфическая шкала для поздне- и послеледниковых отложений. Эти исследования представляют также исключительный палеогеографический интерес.

[...] Я считаю Г.И.Горецкого, безусловно, достойным присуждения ему учёной степени доктора геолого-минералогических наук.

Г.И.Горецкий – автор нескольких монографий по четвертичной геологии и геоморфологии такого же веса и значения, как настоящая монография. Укажу две из них: капитальное исследование четвертичной истории Прикамья; вторая – история геологического развития р. Чусовой – наиболее капитальная монография по истории развития долины большой реки в мировой геоморфологической литературе".

Члены Учёного совета единогласно (22 – за) проголосовали за присуждение Г.И.Горецкому учёной степени доктора геолого-минералогических наук.

В ВАК были направлены соответствующие документы о присуждении Г.И.Горецкому учёной степени кандидата наук (за подписью акад. Д.С.Белянкина – председателя Совета и канд. г.-м. наук Н.Д.Архангельской – учёного секретаря) и о присуждении доктора наук (за подписью акад. Д.С.Белянкина и канд. г.-м. наук К.В.Никифоровой). Однако ВАК утвердил только учёную степень кандидата наук.

Горецкий, следуя советам многих членов учёного совета ИГН и других коллег по геологической науке, начал интенсивно работать

над докторской диссертацией. Ему хотелось скорее завершить эту процедуру с тем, чтобы больше времени иметь для работы над геологией Беларуси. Кроме того, он часто бывал в г. Горьком, где был музей, посвящённый Максиму Горькому, начал изучать в архиве музея материалы об отношении Горького к белорусской литературе, белорусскому фольклору, об его дружбе с отцом великого белорусского поэта Максима Богдановича – Адамом Богдановичем. Этот материал лёг в основу большой статьи "Горький и белорусский фольклор" , опубликованный значительно позднее[159].

В небольшом блокноте Гавриил Иванович сделал запись: *"10 ноября 1945 года. Закончил диссертацию о неогене и квартере Средней Камы. Рад обобщению: пять лет длилась работа. Рад этой работе независимо от защиты. Ближе подошёл к общему. Ещё месяца три не отойду от этой темы… А потом – начну собирать постепенно материал по четвертичной геологии Беларуси. Начну с вопроса о количестве оледенений, с неогена и нижнего квартера, со стратиграфии. Буду рассматривать Беларусь на фоне переходов от Западной Европы к Восточной. Радостью будет мне эта работа. Но откладывать больше не буду…*

[…] Брать общее, что может быть решено на белорусских просторах. Через это связать родное с общечеловеческим…" [160].

13 мая 1946 года, т.е. немногим больше года после предыдущей защиты на Учёном совете Института геологических наук АН СССР прошла защита докторской диссертации на тему "Неогеновые и четвертичные отложения района Средней Камы между устьем Вишеры и городом Боровском" .

В этой работе для района Средней Камы приведены стратиграфические схемы эоцена, миоцена, плиоцена и наиболее детальные и по-новому обоснованные схемы отложений времени первого (лихвинского, миндельского) оледенения и межледниковых отложений лихвинско-днепровского времени, причём отдельно освещены озёрные, аллювиальные и озёрно-аллювиальные комплексы. Приведены элементы палеогеографических схем неогена и первого межледниковья, охарактеризованы движения земной коры в неогене и раннечетвертичное время. Далее описана морена днепровского оледенения и перигляциальные образования, отложения времени днепровско-валдайского межледниковья, осадки последней ледниковой эпохи и позднеледниковое образование, причём среди последних наиболее детально освещены фации ал-

[159] *Гарэцкі Гаўрыла*. Горкі і беларускі фальклор // Полымя. 1966. № 5. С. 145–155.

[160] *Гарэцкі Р.Г.* Браты Гарэцкія. 2008. С. 237.

лювиальных отложений, строение аллювиальной толщи, а также геоморфологические особенности послеледниковых аллювиальных образований. Охарактеризованы молодые (послеледниковые) движения земной коры.

Специфика района Средней Камы заключается в следующем: расположен на западной окраине обширной соленосной области, где мощность солей ещё достаточно велика – до 320 м; он находится по соседству с азиатским районом резко выраженного континентального климата; лежит на периферии Западного Приуралья, никогда не заливавшегося морскими трансгрессиями южных и северных морей; в 50 км от него проходит граница продвижения максимального оледенения тимано-уральской ледниковой эпохи; здесь находится место слияния молодой среднечетвертичной Камы (Вондюг – устье Вишеры) с долиной древнечетвертичной и неогеновой Пра-Камы.

В результате работы Г.И.Горецкий получил много новых важных выводов, среди которых, в частности, можно отметить следующие. Мощные соленосные залежи оказывают решающее влияние на геологическую историю в неогене и антропогене. Это проявилось в образовании меридиональльной денудационно-тектонической депрессии, в накоплении и захоронении в ней неогеновых и древнечетвертичных отложений, в формировании камской долины, в развитии ископаемой флоры (солоноватоводных диатомовых), в размыве коренных пермских пород, в формировании рельефа эрозионных врезов и т.д.

Климат предпоследнего и последнего межледниковья был в Соликамском районе более холодным и континентальным, чем климат того времени в более западных областях СССР.

Эпохи наибольших морских трансгрессий в неогене и антропогене – окончательной трансгрессии Каспия и бореальной трансгрессии Севера сопровождались в районе Средней Камы седиментацией континентальных субаквальных (озёрных) осадков небольшой мощности. Наоборот, менее крупные морские трансгрессии – бакинская на юге и миндельская на севере имели в районе Средней Камы сближенную с ними во времени своеобразную озёрную трансгрессию, оставившую отложения в несколько десятков метров. Моменты максимальных напряжений морских трансгрессий к северу и югу от Урала и озёрная трансгрессия в Приуралье были, очевидно, метахронными.

При изучении неогеновых и четвертичных отложений района Средней Камы применён комплексный метод исследований, состоящий из согласованного сочетания методов четвертичной геомор-

фологии, литологии, стратиграфии, палеонтологии (палеозоологии и палеоботаники), палеогеографии и тектоники.

Первый оппонент Н.С.Шатский (член-корреспондент АН СССР, позднее – академик) так оценил диссертационный труд:

“Разработанная автором классификация четвертичных отложений и расшифрованная им геологическая история района имеет не узкое региональное значение, а может быть распространена на значительное пространство северо-восточной европейской части Союза. Эта работа представляет очень ценный вклад в геологию четвертичного периода, работа поражает обилием фактического материала и детальностью его обработки, что, несомненно, сделало новые важные выводы автора не только вполне убедительными, но и блестяще доказанными” .

В.И.Громов (доктор наук):

“При обработке этого огромного материала полностью использован весь комплекс методов различных дисциплин, необходимых для решения поставленных автором весьма разнообразных задач. [...] В итоге получилось образцово выполненное исследование. Едва ли можно найти другую такую же работу не только у нас, но и в зарубежных странах, которую по тщательности и всесторонней изученности столь небольшого участка можно было бы сравнить с диссертацией Г.И.Горецкого. Единственное исследование, которое мог бы назвать рецензент, это – исследование Туломской долины на Кольском полуострове. Автор этой работы – Г.И.Горецкий... изученный им район приобретает значение эталонного. [...] Автор показал себя как талантливый ученый, способный к широким обобщениям”.

К.К.Марков (доктор наук, позднее – академик) отметил:

“... Труд Г. И. Горецкого выделяется среди всех исследований (как проделанных в СССР, так и за рубежом) по четвертичной стратиграфии своими исключительными методическими качествами... район, изученный Г. И. Горецким, до сих пор представлял собой “глухой угол” ... Теперь, после исследований Г. И. Горецкого, этот район стал одним из немногих ключевых по изученности четвертичных отложений районов европейской части СССР” .

Все 34 члена Учёного совета ИГН единогласно проголосовали за присвоение Г.И.Горецкому степени доктора геолого-минералогических наук.

Инженерно-изыскательские и геологические работы на гидротехнических объектах Гидропроекта

Г.И.Горецкий не получил разрешение на возвращение в Беларусь и остался работать в Гидропроекте, продолжал инженерно-геологические исследования на Волге в Чкаловске, а затем в Городце.

В 1947 году он был назначен заместителем главного геолога экспедиции № 8 в станице Романовской на Дону в Ростовской области. Такой ход событий, возможно, спас Горецкого от ещё одного ареста. После войны репрессивная машина большевизма вновь развернула широкомасштабную борьбу с "врагами народа". Для Сталина "братья и сёстры", к которым он обращался во время войны, чтобы они спасали страну от фашистских захватчиков, снова стали простыми "винтиками". Под руководством "самого мудрого", "самого человечного" вновь начал интенсивно раскручиваться репрессивный механизм по пополнению ГУЛАГа: бывшие пленные, жители оккупированных фашистами территории и их родственники, бывшие "враги народа", что уже отсидели свой срок, и многие другие попали в лагеря. Начались новые громкие процессы: борьба с космополитами, "ленинградское дело", "дело врачей-вредителей" (главным образом еврейской национальности), лысенковщина в науке и т.д.

Горецкий продолжал инициативно решать многочисленные текущие проблемы, связанные со строительством ГЭС и водных каналов, а самое главное (а это уже даже со страстью) – целенаправленно собирать материал по геологии древних прарек: Волги, Камы, Дона. Этих материалов в связи с широким размахом инженерно-изыскательских работ (бурение, геологическая съёмка, геофизические измерения, разнообразные аналитические исследования и др.) было огромное количество. Чтобы они не пропали в текучке практических дел, сегодняшних потребностей, необходимо было эту массу сведений не только тщательно и систематически собирать, но и по возможности сразу же проводить

различные обобщения и более широкие выводы о геологическом строении и развитии того или иного региона. Для этого дополнительно требовалась постоянная напряжённая работа. Нагрузка была запредельная, но трудолюбие и неуёмная страсть к знаниям, к истине побеждали.

Решения текущих проблем геологии в связи со строительством гидротехнических сооружений были очень ответственными и требовали большого напряжения и знаний. Вот как описал сам Гавриил Иванович в письме к жене в январе 1947 года одно из таких заседаний в Москве*: "... пошёл я к Н.С.Шатскому. Просматривали материал, он целиком одобрил мои выводы о возрасте и происхождении оползня. Практический вывод у нас также одинаковый: строить на таком оползне шлюз нельзя, нужно переделать весь проект. Хотя много будет неприятностей для тех, кто просмотрел оползень, но лучше сразу же о нём сказать со всей уверенностью. [...] Ещё успел перед заседанием поговорить с И.С.Рогожиным, который не признаёт ни древнего, ни молодого оползня. Заседание было, как нужно было предвидеть, напряжённым и острым. Но всё обошлось. Молодые оползневые движения и подвижки признали и предложили выправить соответствующие мероприятия, чтобы не ухудшить устойчивость склона. Тут уже будет главная роль за геотехническими расчётами. Напряжённое заседание протягивалось аж до 5 часов вечера, оно нас утомило. А я ещё не ел с утра"*[161].

Горецкому удалось сделать интересные находки не известных ранее отложений, свит и горизонтов, воссоздать их палеогеографию, условия формирования в бывших морях, проливах, затоках, озёрах, реках, выяснить особенности прарек геологического прошлого, обнаружить ряд археологических стоянок человека, участвовать в раскопках древней хазарской крепости Саркел и т.д.

В сборниках и журналах выходили его статьи, связанные с инженерно-геологическими изысканиями районов прежних работ, и начали появляться публикации новых объектов исследований. В сборнике "Вопросы географии" (№ 23) вышла в свет статья "Об одном способе палеогеографических реконструкций некоторых элементов пойменного ландшафта" (1947), в которой рассмотрен метод выделения дробных фаций аллювия и изучения их соотношений, а также микроландшафтное изучение пойменных террас. Это – способ детального исследования строения поймы и палеогеографической реконструкции некоторых её ландшафтных элементов.

[161] *Гарэцкі Р.Г.* Браты Гарэцкія. 2008. С. 242.

Опубликовал статьи “Из наблюдений над молодыми террасами среднего течения р. Чусовой” (1948), “К стратиграфии нижнечетвертичных отложений Пучежско-Балахнинского Поволжья” (1949), и вновь вернулся к материалам Карело-Кольского региона – вышла большая статья “Карельское межледниковое море” (1949). В ней автор рассмотрел одну из крупных северных морских трансгрессий, которая носит название бореальной, и морские бассейны, которым он предложил давать местные названия и из них детально описал выделенное им Карельское межледниковое море. Это – морской бассейн днепровско-валдайского межледниковья, занимавший глубокие озёрные котловины, Ладожскую и Онежскую, большую часть перешейка между ними и обширные пространства водораздела между Онежским озером и Белым морем, включая озёра Выгское, Ондское и Сегозеро. В этом море он выделил следующие типы основных районов: мелководья, склоны котловин и проливы, котловины, которым далее даётся характеристика. Карельское море впервые превратило Балтийский щит в огромный остров.

Возникновение Карельского и других межледниковых морей Горецкий объяснил в значительной степени таянием мощного ледяного покрова максимального оледенения и повышением уровня мирового океана, а также эпейрогеническими опусканиями.

Относительно недавно исследователи пришли к выводу, что месторасположение Карельского межледникового моря связано с Финской зоной грабенов, которая вместе с Готландско-Ботнической зоной образует формирующуюся в новейший этап развития Восточно-Балтийскую рифтовую систему, имеющую геометрический рисунок типа “тройного сочленения”[162].

К рассмотренной проблеме примыкает и вопрос, рассмотренный Горецким в следующей статье “Доказано ли существование Онежско-Балтийского позднеледникового соединения?” (1951), причём об этой дискуссионной теме он писал ещё в 1940 году в статье “Новые данные о фауне иольдиевых отложений”. В настоящем сообщении автор пришёл к выводу, что соединение Белого моря и Онежского озера существовало только в эпоху днепровско-валдайского межледниковья (Карельское море), а существование Онежско-Беломорского позднеледникового соединения не доказано.

Многие исследователи четвертичной геологии Кольского полуострова и Карелии высоко оценивали работы Г.И.Горецкого в этих регионах. Так, группа геологов Карелии (Г.С.Бискэ, Г.Ц.Лак,

[162] *Гарецкий Р.Г., Айзберг Р.Е., Карабанов А.К., Палиенко В.П., Шляупа А.И.* Новейшая тектоника и геодинамика Центральной Европы // Геотектоника. 1999. № 5. С. 3–14.

А.Д.Лукашов и др.) на книге “Строение и история котловины Онежского озера” (1971) сделали автограф: “Основоположнику карельской четвертичной геологии Гавриилу Ивановичу Горецкому”. А.А.Никонов и Р.Н.Горлова подарили статью “Первые находки растительных микроостатков в четвертичных отложениях Кольского полуострова” с надписью: “Дорогому Гавриилу Ивановичу – зачинателю палеогеографии Кольского полуострова – с глубоким уважением”.

Первые статьи, касающиеся нового региона исследований, были связаны с археологией: “Новые стоянки конца неолита и эпохи бронзы на террасах Нижнего Дона и Маныча как геологические документы” (1948) и “Следы палеолита и мезолита в Нижнем Подонье” (1952). Анализ археологических стоянок, стояночных пунктов и даже единичных находок различных эпох, в том числе и найденных автором статьи, позволили ему уточнить датировки четвертичных отложений.

В 1951 году младший сын Горецкого стал студентом-дипломником геологоразведочного факультета Московского нефтяного института и выбирал место дипломной практики. Гавриил Иванович, убедившись, что сам пока что не может работать в Беларуси, надеялся на поездку сына туда в качестве дипломника. Он написал ряд писем в разные геологические учреждения БССР, а потом и сын написал об этом письмо. Однако, никакого ответа не было. Тогда Г.Горецкий 26 марта 1951 года послал письмо первому секретарю ЦК КП(б)Б Н.С.Патоличеву[163]:

“Глубокоуважаемый Николай Семенович!

Пишу Вам по вопросу, который кардинально может быть разрешен только Вами. Я – Горецкий Гавриил Иванович, бывший член Белорусской Академии Наук, арестованный в 1930 году (по ст. 58), осужденный на 10 лет (взамен расстрела) к отбыванию наказания в концлагере. Досрочно, за работу на Беломорстрое и Туломстрое, я был освобожден 4.X.1934 г. и остался работать по вольному найму в качестве геолога в системе МВД. Работал на инженерно-геологических изысканиях под Кольский канал, Ондскую ГЭС, Пиндушскую судоверфь, Рыбинскую ГЭС, Соликамский гидроузел, Мстинскую ГЭС, Широковскую ГЭС на Урале, под гидроэлектростанции на р. Чусовой, под Горьковскую ГЭС, Цимлянский гидроузел и Волго-Донской канал. В настоящее время я – гл. геолог экспедиции № 8 Гидропроекта МВД, проводящей изыскания под Цимлянский гидроузел, Мало-Мартыновский тоннель и тер-

[163] Этот документ обнаружил историк и архивист В.В.Скалабан в Национальном архиве РБ (Ф. 4. Оп. 65. Д. 133. Л. 90–91).

риторию ирригации. В 1945 г. я защитил кандидатскую, а в 1946 г. докторскую диссертацию.

Дважды делалась моим начальством попытка к снятию с меня судимости, но она не имела успеха. В 1937 г. я был вторично арестован по старому делу, но через 40 дней освобожден. В 1938 г. я был арестован в третий раз по старому делу, сидел 14,5 месяцев и снова был освобожден. После того как я попал в лагерь, моей мечтой было доказать своей работой, что я могу быть полезным членом советского общества, что я могу хоть когда-нибудь вернуться в горячо любимую Беларусь и принести ей пользу, участвуя в геологических изысканиях. Мне хотелось вернуться в родную Беларусь не одному, а с сыновьями, один из которых, младший – Радим поступил в Нефтяной институт в Москве. Моей мечтой было найти в Белоруссии нефть, соли, уголь, железо, обосновать геологическими изысканиями проект осушения полесских болот. Я радовался, что сын мой Радим когда-нибудь будет работать в области нефтяной геологии Белоруссии.

Но я ошибся в своих надеждах. Попытка к возвращению в Академию Наук БССР была категорически отклонена. Люди, с которыми я переписывался (директор Института геолог. наук АН БССР А.), перестали отвечать на мои письма. Потеряв надежду на личное возвращение в Белоруссию, я все же рассчитываю, что сын мой Радим по окончанию Нефтяного института сможет работать в Белоруссии. Но, видимо, и этому не суждено сбыться: на письмо сына к зав. петрографической лаборатории ИГН АН БССР тов. М., с запросом о возможности работать по геологии нефти, также не последовало ответа. Сын мой кончает Нефтяной институт в этом году, через полгода – после сдачи дипломного проекта – он будет назначен на постоянную работу – по-видимому, в тот район, по которому он будет разрабатывать дипломный проект, то есть в Сибирь. Мне же хотелось, чтобы он и на дипломное проектирование попал в Белоруссию – с тем, чтобы остаться там и на постоянную работу.

Вот почему, Николай Семенович, я и решил обратиться с этим письмом к Вам. Не можете ли Вы оказать содействие в вызове моего сына – Радима Гавриловича Гарецкого – на практику и на постоянную работу в Белоруссии, в АН БССР или в Геологическое Управление? Это – моя последняя попытка...

С глубоким уважением Горецкий".

16 апреля 1951 года Горецкому отправили письмо за подписью заведующего отделом тяжёлой промышленности ЦК КП(б)Б, в котором сообщалось, что *"... планом распределения Министер-*

ства высшего образования выделение молодых специалистов, окончивших институт нефтяной промышленности в 1951 г. для Белорусской ССР не предусмотрено”. Ни “враги народа”, ни даже их сыновья республике были не нужны, да и брать их было без разрешения из Москвы опасно…

Сын-дипломник поехал в Западный Казахстан, в Примугоджарье, где познакомился с выдающимся учёным А.Л.Яншиным[164], который стал его учителем в науке и в 1952 году после окончания Московского нефтяного института пригласил к себе на работу в Геологический сектор Института геологических наук АН СССР. Этим сектором руководил Н.С.Шатский, который поддержал кандидатуру Гарецкого-младшего, сказавши: “Я верю в унаследованность: из сына такого отца должен получиться толк”. Несмотря на поддержку таких видных учёных, его долго не принимали на работу, около месяца проверяя по косточкам сына “врага народа”. Но в это время Г.Горецкого за удачное завершение строительства Цимлянской ГЭС наградили орденом Трудового Красного Знамени, что сразу отразилось на судьбе сына – он был принят на работу в отдел тектоники Геологического сектора ИГН.

Началось завершение инженерно-изыскательских работ на Дону и Г.И.Горецкий особенно интенсивно трудился. Он писал сыну 12.04.1953 г.:

“Прошедший месяц – март – был в моей жизни всегда месяцем возвышения, подъёма, наибольшей работоспособности. Так и в этом году. С 15.III до 10.IV я написал две статьи: “О палеогеографии Приазовья и Западного Приманычья в узунларско-гирканский и буртасский века”, 3 печатных листа, в сборник памяти Б.Б.Полынова, и вторую “О соотношении морских и континентальных отложений антропогена Нижнего Придонья, Приазовья и Приманычья” – на 1 печатный лист, в сборник для конференции геологов-четвертичников. Я рад, что написал эти статьи, как бы короткие отчёты пятилетней работы…”[165].

В первой статье Горецкий подчеркнул важность применения палеогеографического метода, как наиболее комплексного в изучении антропогена, и наметил те необходимые специальные составляющие его элементы исследования, чтобы действительно познать геологию и палеогеографию антропогена того или иного региона. Далее он детально восстановил основные моменты палеогеографии

---

[164] *Гарецкий Р.Г.* А.Л.Яншин – дорогой мой учитель и друг. М.: Наука. 2005. 192 с.

[165] *Гарэцкі Р.Г.* Браты Гарэцкія. 2008. С. 271–272.

Приазовья и Приманычья, дополнив палеогеографическую таблицу А.Д.Архангельского следующими этапами в палеогеографии южных бассейнов: Буртасское озеро, Гирканский, Сусатский, Бакинский бассейны. Отметил отличие в основных чертах общей направленности геологических и физико-географических процессов в Приманычье и Приазовье (Придонье).

Вторая статья была опубликована значительно позже (в 1957 году), а вместо неё вышла статья "О возрастных соотношениях узунларской и карангатской трансгрессий" (1955), также имеющая прямое отношение к упомянутой проблеме. В ней изложены доказательства одновозрастности узунларской и карангатской трансгрессий, принадлежности их к начальной и развитой фазам единой тирренской трансгрессии. Эти материалы весьма важны для решения дискуссионного вопроса о взаимоотношении между отдельными горизонтами морских и континентальных отложений Черноморского и Каспийского бассейнов.

В середине 1953 года Г.Горецкий переехал в г. Елабугу на Каме. Вскоре после смерти Сталина наступила так называемая "хрущёвская оттепель": люди постепенно начали освобождаться от пут страха, почувствовали себя свободней, началась реабилитация "врагов народа", возвращение многих тысяч людей из ГУЛАГа. В 1954 году Горецкий в ответ на своё заявление получил выписку:

"Протокол № 2 от 30 апреля 1954 г.

Ходатайство о снятии судимости с Горецкого Гавриила Ивановича, осужденного Коллегией ОГПУ 30 мая 1931 года по ст.ст. 58-6, 58-7, 58-11 УК РСФСР к 10 годам лишения свободы. Наказание отбывал с 30 июля 1930 года. Освобождён 4 октября 1934 года досрочно с применением зачётов рабочих дней. Дело № ДП-4420.

Снять судимость с Горецкого Г.И.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР (Н.Пегов)"[166]

Получив документ о снятии судимости, Горецкий в октябре 1955 года написал заявление в Президиум АН БССР с просьбой восстановить его в звании действительного члена АН БССР. В конце заявления он дописал: *"Хочу отдать свои знания, добытые опытом, и всю силу делу геологического изучения Беларуси, особенно исследования геологии антропогена"*[167]. Но не было ещё полной реабилитации, не было разрешения на такой акт от ЦК КПБ – поэтому не было и ответа от Президиума АН БССР.

---

[166] *Гарэцкі Р.Г.* Браты Гарэцкія. 2008. С. 273.

[167] Там же.

Горецкий продолжал изучать реки прошлого геологического времени – прареки Русской равнины, собирал богатый фактический материал об их географическом местоположении, исследовал особенности состава их осадочных пород, характер развития и режима, созданные ими террасы, соотношение с морскими бассейнами, в которые эти реки впадали и формировали разного рода дельты. Очень важно было осветить их одновременность, что потребовало точной корреляции слоёв и толщ отложений на обширной территории. Для этого необходимы тщательные поиски, а затем и определение разнообразных остатков фауны (моллюсков, млекопитающих) и флоры (пыльца, споры, семена, листья), а также археологические исследования орудий труда и стоянок и т.д. Приходилось посещать многочисленные инженерно-изыскательские объекты, многие обнажения, участвовать в экспертизах и рассмотрении материалов о геологии районов возможных гидротехнических сооружений, в геологических экспедициях, совещаниях, конференциях, учёных советах, защитах диссертаций. Он был настоящим путешественником. Часто был в Москве, где мог повидаться с сыновьями и своими коллегами: К.К.Марковым, Н.С.Шатским, А.Ф.Якушовой, П.И.Дорофеевым, М.Н.Грищенко, В.И.Громовым, А.И.Москвитиным, Н.Н.Соколовым, К.В.Никифоровой, В.П.Гричуком, Е.В.Шанцером, Б.Л.Личковым[168] и многими другими. Встретил своих школьных и студенческих друзей: С.Г.Колеснева, Д.И.Погуляева, И.И.Плюснина[169].

В 1956 году Г.Горецкого перевели в филиал Гидропроекта, который находился в г. Дедовске примерно около 40 км от Москвы. Тут он жил всей семьёй (вместе со старшим сыном, его женой и двумя детьми), получил отдельную квартиру (до этого жильё приходилось временно снимать), и она стала наиболее стабильным (более 13 лет) местом проживания до 1969 года. Работал на должностях заместителя начальника отдела геологических изысканий, главного геолога южных объектов, главного специалиста Гидропроекта. Гавриил Иванович интенсивно работал, каждое

[168] Якушова Александра Фёдоровна – геолог, геоморфолог, профессор Московского государственного университета; Дорофеев Павел Иванович – палеокарполог, доктор биол. наук, сотрудник Института ботаники АН СССР; Грищенко Михаил Николаевич – геолог, профессор Воронежского университета; Москвитин Александр Иванович – геолог, доктор геол.-мин. наук, сотрудник ГИНа; Шанцер Евгений Вергильевич – геолог, доктор геол.-мин. наук, сотрудник ГИНа; Личков Борис Леонидович – геолог, гидрогеолог, профессор Ленинградского университета.

[169] Погуляев Даниил Иванович – геолог, профессор Смоленского университета; Плюснин Иван Иванович – геолог, почвовед, доктор геол.-мин. наук.

лето выезжал на длительные полевые работы в геологические экспедиции в самые разные районы. Наиболее часто путешествовал по Украине и Предкавказью, которые объездил вдоль и поперёк. Начал досконально изучать геологическую историю долины Днепра – прекрасной реки, которую ещё с юных лет чувствовал такой близкой и родной. Не меньше интересовался прареками Кубани и Днестра. Особенно ему нравилась Украина, где он ощущал себя спокойно, тепло, уютно; народ, язык были так похожи на родные белорусские.

Несмотря на интересную работу, которой, как всегда, Горецкий отдавал все свои силы, благополучие в семье и быту, его мысли всё время возвращались к Беларуси. Он вёл переписку по поводу возвращения на Родину с Якубом Коласом, академиком АН БССР Павлом Роговым и другими, которые прилагали многие усилия, чтобы Горецкому разрешили вернуться на работу в АН БССР. Однако ЦК КПБ давал отрицательный ответ.

Наконец, в апреле 1958 года Горецкий получил долгожданный документ:

“Военный трибунал Белорусского военного округа

Справка № 610

26 апреля 1958 г. гор. Минск

Дело по обвинению Горецкого Гавриила Ивановича, до ареста 24 июля 1930 г. работал директором Научно-Исследовательского института сельского и лесного хозяйства и зав. кафедрой штандорта народного хозяйства Белорусской Академии наук пересмотрено Военным трибуналом Белорусского военного округа 22 апреля 1958 г.

Постановление от 30 мая 1931 г. в отношении Горецкого Гавриила Ивановича отменено, и дело за отсутствием состава преступления прекращено.

Зам. председателя Военного трибунала

Белорусского военного округа полковник юстиции (В. Кондратьев)”

17 мая 1958 года Г.Горецкий написал ещё одно заявление на адрес Президиума АН БССР, сопроводив копию справки о полной своей реабилитации в связи с отсутствием состава преступления. Он просил *“... ходатайствовать перед Советом Министров БССР об отмене постановления СНК БССР от 1930 г., “согласно которого я был исключён из состава Белорусской Академии наук, как “враг диктатуры пролетариата”, и об восстановлении меня в звании действительного члена АН БССР”*. В конце заявления отметил: *“Хочу на склоне лет добавить хоть каплю в сокровищницу*

белорусской советской культуры”. Президиум АН БССР положительного ответа не получил.

В это время – интересная командировка через Свердловск, Новосибирск на Бухтарминскую ГЭС (недалеко от Усть-Каменогорска), где Горецкий провёл экспертизу о состоянии котлована, выработанного в скальных амфиболитовых породах. А потом – вновь поездки по Ростовской области, Предкавказью и особенно Украине.

Во время бесконечных командировок, поездок, геологических маршрутов происходили разные приключения, были и опасные моменты. Наиболее страшный из них случился в конце августа 1958 года. На довольно крутом склоне дороги Москва–Харьков, недалеко от г. Чугуева (родины художника Ильи Репина), отказал тормоз автомобиля ГАЗ-69: он с огромной скоростью съехал с дороги, его прицеп перевернулся и потянул за собой машину, которая также перевернулась. Гавриил Иванович сидел на переднем сидении рядом с шофёром, головой разбил переднее стекло, через него вылетел вперёд, а машина прижала его грудь – было переломано много рёбер справа, несколько слева, а также грудина, получил сотрясение мозга, шок. Хорошо, что главный врач Чугуевской больницы Андрей Александрович Бурцев (заслуженный деятель медицины УССР) оказался прекрасным хирургом: он без операции смог правильно сложить все переломанные кости груди и спасти пострадавшего. Но в таких случаях очень много значит и моральный дух больного. Об этом свидетельствует надпись, которую сделал на своей фотографии, подаренной на память Г.И.Горецкому: *“Ваше мужество, воля, выдержка и исключительная скромность явились залогом Вашего выздоровления”*.

Уже летом 1959 года начались новые командировки и поездки – главным образом по югу России и Украине, хотя была экспертная командировка в Ташкент и Ленинград. Следующий год – сплошные путешествия. Особенно Горецкий был рад, что всё больше времени было для изучения геологической истории долины Днепра и даже Припяти. Близ Канева, изучая керн ряда скважин, он открыл новые стратиграфические слои, которые назвал шевченковской свитой, о чём опубликовал в журнале “Доклады АН СССР” специальную статью “Шевченковская гляциоаллювиальная свита на Среднем Днепре” (1961).

В эту геологическую поездку он с радостью отметил, что через столько лет, наконец, с юга приближается к границам Беларуси, к настоящему Полесью. Позже – захватывающие по своим геологическим результатам поездки по разным местам Ставрополья, Краснодарщины, Украины, Поволжья…

В 1961 г. Горецкий принял участие в конференции по четвертичной геологии, которая проходила в Таллинне, с очень интересными экскурсиями по Прибалтике. В июне, наконец, осуществил свою давнюю мечту: на машине "Победа", которую сыновья купили у знаменитого футболиста и хоккеиста В.Боброва, он вместе с сыновьями совершил поездку на Беларусь – Могилёв, где жил брат Порфир с семьёй, Богатьковка, Горки, Гомель, Мозырь, Минск, Гродно, Новогрудок и др. Все путешественники были очень рады поездке – наконец-то смогли поехать и близко увидеть своё Отечество.

После этой поездки – снова геологические экскурсии по Украине для изучения Пра-Днепра, а в конце июля – августе – интересная экспертиза Плявинской ГЭС около Двинска, а это – новая поездка и изучение Беларуси.

Декан географического факультета Московского государственного университета профессор К.К.Марков, зная любовь Г.Горецкого к молодым специалистам и преподавательской деятельности, пригласил его в качестве профессора на кафедру общего землеведения. Горецкий даже написал заявление о зачислении на эту должность. Однако позднее передумал, так как решил, что времени не хватает, а оно так быстро летит, что более важным сейчас для него и для дела является научная работа и обобщение огромного, собранного за многие годы геологического материала. Научная деятельность требует полной отдачи и не прощает отклонения от намеченного пути и выполнения цели. Дал согласие быть членом Учёного совета по защитам диссертаций геологического факультета МГУ.

В течение последних лет этого периода Горецкий опубликовал ряд капитальных статей по различным проблемам четвертичной геологии и археологии. Поскольку антропоген (четвертичный период) изучается геологией не только как история Земли и жизни на ней, но и как история человека, Горецкий в своих исследованиях большое значение придавал археологии, тем более, что археологический метод помогает установить возраст геологических объектов антропогена. Он опубликовал большую статью "О возможностях применения археологического метода при изучении молодых антропогеновых осадков (в условиях Нижнего Придонья и Приманычья)", которая вышла в двух частях: первая в 1955 году, а вторая – в 1957 году. В первой части статьи рассмотрены те возможности, которые даёт применение археологического метода (в частности, изучение остатков цимлянской неолитической культуры) для выяснения возраста голоценовых отложений, а во второй – сведения об остатках культуры века бронзы для геологических целей.

В это время Горецкий написал статью о палеолитических стоянках: “Об уточнении геологических датировок палеолита Русской равнины” (1959) и “О путях решения некоторых спорных вопросов геологических датировок палеолита Русской равнины” (1961), “Заключительное слово на совещании по стратиграфии и периодизации палеолита” (1961). Он подчеркнул, что на эталонных стоянках необходимо выполнить не только исчерпывающие археологические исследования, но одновременно провести комплексные геологические изыскания и исследования с применением наиболее совершенных методов геологии антропогена. Желательно изучать не только площадь эталонных стоянок, но охватить геологическими исследованиями значительный район местоположения стоянок, применяя крупномасштабную геологическую съёмку, опорное бурение глубоких скважин, проходку глубоких шурфов, широких расчисток и др.

Г.Горецкий много внимания уделял вопросу нижней границы четвертичного периода и на эту тему опубликовал ряд статей: “О нижней границе четвертичного периода” (1956), “О границе между неогеном и антропогеном” (1960), “Аргументация в пользу сохранения ныне принятого в СССР положения нижней границы четвертичной (антропогеновой) системы” (1960), “К решению вопроса о нижней границе антропогена” (1962). Он доказывал, что широкий комплекс методов (палеонтологических, палеоантропологических, археологических, тектонических, геоморфологических, литологических и палеогеографических) даёт основание считать современную нижнюю границу четвертичного периода (несколько ниже миндельской ледниковой эпохи), отвечающей крупнейшему рубежу в развитии физико-географической среды и органического мира, что ознаменовало появление человека как социального существа. Этот рубеж является наиболее обоснованной нижней границей четвертичного периода, который он вслед за А.П.Павловым считал правильнее называть антропогеновым.

В материалах Второго геоморфологического совещания Г.Горецкий опубликовал статью “Значение геоморфологии для гидроэнергетического строительства” (1959), а в Трудах Гидропроекта – большую статью “Погребенные почвы, погребенный почвенный делювий и трещины усыхания как стратиграфические документы при инженерно-геологических изысканиях” (1963), в которой описаны такие важные методы стратиграфии, как литологический и палеопедологический, имеющие особое значение при невозможности применения других методов. В частности, они

должны широко применяться при изучении лёссовых формаций, так как позволяют расчленить их толщу на ряд литолого-стратиграфических горизонтов, существенно отличающихся значениями физико-механических свойств. Перечисленные в заглавии статьи стратиграфические документы помимо прикладного значения для практики инженерно-геологических изысканий, будут способствовать решению важных теоретических вопросов: ритмичности лёссового осадочного накопления, генезиса лёссовых и лёссовидных пород, палеогеографии четвертичного периода, корреляции ледниковых, аллювиальных и морских осадков, выработки местных и общих стратиграфических схем, периодизации палеолита и т.д.

Было опубликовано несколько статей по геологическим материалам юга России о морских трансгрессиях и их соотношениях с континентальными аккумуляциями: "О гирканском этапе в геологической истории северо-западного Прикаспия" (1956), "Буртасское среднеантропогеновое озеро и проблема колебания Мирового океана в связи с оледенениями" (1958), "О возрасте карангатской фазы тирренской трансгрессии" (1959) и др. Интересен вывод автора о незначительности гляциоэвстатических колебаний уровня мирового океана (около 15–20 м). Близким проблемам взаимосвязей между террасами р. Кубани и морскими отложениями Азово-Черноморского бассейна, сопоставлению морских трансгрессий и регрессий с оледенениями и межледниковьями, синхронности равнинных и горных оледенений посвящена большая статья "О возрастных и пространственных соотношениях антропогеновых террас р. Кубани".

В статье "О возрасте древних аллювиальных свит антропогена, погребенных в долинах Волги и Камы" (1956) он пришёл к выводу, что аллювиальные погребенные свиты можно именовать по названиям регрессирующих морских бассейнов: верхнюю – хазарской, среднюю – урунджикской (или венедской), нижнюю – бакинской.

Г.Горецкий в статьях всё ближе подходил к главной теме своих исследований – антропогеновые прареки Русской равнины. Он опубликовал статьи "О великих прареках антропогена Русской равнины" (1957, 1961). Под великими прареками Русской равнины (наиболее типичные и лучше изученные из них Пра-Волга, Пра-Кама, Пра-Дон, Пра-Днепр) следует понимать *"те крупные равнинные реки Европейской части СССР, которые существовали на этой территории в нижнем и среднем антропогене, отличались наибольшей многоводностью и максимальной эрозионной актив-*

ностью, сформировали самые глубокие русла и самые широкие долины"[170].

К этой тематике примыкают статьи, посвящённые своеобразным образованиям перигляциальной формации, – "О перигляциальной формации" (1958), "Генетические типы и разновидности отложений перигляциальной формации" (1961).

К этому времени относится публикация в 1962 году статьи Г.И.Горецкого по тектонике "К познанию природы Пучежско-Балахнинских дислокаций (о проявлении инъективной тектоники на Русской платформе)", в которой доказывается, что эти дислокации, затрагивающие все палеозойские отложения и часть кристаллического фундамента, обусловлены внедрением глубинных пород в фундамент. Проблема генезиса Пучежско-Балахнинских дислокаций занимает умы геологов уже столетие и до сих пор остаётся дискуссионной. В настоящее время наиболее популярной считается гипотеза её природы, как структуры астроблемы.

За плечами Горецкого были инженерно-геологические исследования многих гидротехнических объектов, среди которых Беломорско-Балтийский канал, Нижне-Туломская ГЭС, Кольский канал, Верхне-Туломская ГЭС, Пиндушская судоверфь, Рыбинский гидроузел, Соликамский гидроузел, Мстинская ГЭС, Широковская и Понышская ГЭС на Урале, Горьковская ГЭС, Цимлянский гидроузел, Донской, Сальский, Азовский и Пролетарский каналы, Доно-Сальский туннель, Сарпинская система обводнения и орошения, Чограйское водохранилище на Восточном Маныче, шлюзование Нижнего Дона, Нижнекамская ГЭС, канал Северский Донец–Донбасс, водопровод Дон–Шахты, водообеспечение Донбасса, канал Днепр–Кривой Рог, Кубань-Клаусская система, схема водоиспользования Кубани, Киевская, Чебоксарская и Каневская ГЭС, схема водопользования Печоры, Черноморско-Балтийский глубоководный путь, Нижнеприпятский гидроузел и др.

Изыскания под эти крупные строительства дали огромный фактический материал, который Гавриил Иванович очень целенаправленно и тщательно собирал. Подошло время его обобщить, чтобы дать современную основу новой науке – палеопотамологии. Горецкий засел за написание задуманной серии монографий о великих прареках Русской равнины. Последующие годы его жизни были полностью подчинены этой программе. Поэтому уменьшились геологические путешествия, но по делам производства, да и для сбора нового фактического материала Горецкий всё же не еди-

[170] *Горецкий Г.И.* О великих прареках антропогена Русской равнины // Материалы Всесоюзного совещания по изучению четвертичного периода. Т. 1. М., 1961. С. 116.

ножды ездил в Кривой Рог, Ростов-на-Дону, Элисту и другие южные города и местности, а когда появлялась возможность поехать в геологический маршрут по Беларуси или соседним районам, он не мог не воспользоваться такой удачей. Так, вместе с белорусскими геологами ему удалось изучать в июле 1963 года геологию долины р. Неман от Каунасской ГЭС в Литве до г. Столбцы в Беларуси.

В сентябре 1962 года Гавриил Иванович срочно поехал в Могилёв к своему брату Порфиру, так как был очень обеспокоен его серьёзной болезнью, требовавшей операции. Сделал всё возможное, чтобы показать брата лучшим врачам, организовать консилиум, дежурил у постели – с облегчением уехал только тогда, когда опасность миновала. Через три года ситуация повторилась: у Порфира произошёл инсульт.

* * *

В январе 1959 года был полностью реабилитирован и Максим Горецкий “за отсутствием состава преступления”. Сразу же, но очень постепенно стали публиковаться репрессированные и полностью изъятые из обращения почти на 30 лет его произведения. Уже 19 декабря 1959 года в газете “Літаратура і мастацтва” опубликован рассказ “Старый профессор”, а на следующий год – отдельная книга “Избранное”. Гавриил Иванович очень был рад возвращению людям имени и произведений брата и, когда к 70-летию Максима Горецкого (18.02.1963) главный редактор журнала “Полымя” Янка Скрыган[171] предложил написать воспоминания о брате, он с энтузиазмом написал статью[172], которую опубликовали ко дню рождения, а в следующих двух номерах – роман-хронику М.Горецкого “Віленскія камунары”[173], с предисловием Максима Лужанина[174], который подчеркнул, что Максим Горецкий – *“один из основателей нашей литературы, крупный мастер прозы. […] Думается, что это дата нового рождения писателя для литературы и читателя”*[175].

В сборнике “Беларуская дакастрычніцкая проза” (Мінск, 1965) были опубликованы рассказ М.Горецкого “Літоўскі хутарок” и повесть “Ціхая плынь”.

---

[171] Скрыган Ян (1905–1992) – прозаик, поэт.
[172] *Гарэцкі Гаўрыла*. Успаміны пра брата // Полымя. 1963. № 2. С. 177–182.
[173] *Гарэцкі Максім*. Віленскія камунары // Полымя. 1963. № 3–4.
[174] Лужанин Максим (Каратай Александр Амвросиевич) (1909–2000) – поэт, прозаик, кинодраматург, переводчик.
[175] *Лужанін Максім*. Лёс пісьменніка і твора // Полымя. 1963. № 3.

В 1965 году “Віленскія камунары” вышли в Минске отдельной книгой, в том же году – на литовском языке в Вильнюсе, в 1966 году – в Москве на русском языке, в 1969 – в Киеве на украинском, а в 1978 – в Риге на латышском языке. В последней книге были помещены и документально-художественные записки “На империалистической войне”.

В 1966 году в журнале “Полымя” (№ 3) опубликовали роман “Камароўская хроніка”. Литературовед профессор Ю.Пширков[176] в предисловии назвал М.Горецкого *“одним из основоположников нашей национальной прозы, соратником Янки Купалы и Якуба Коласа”*.

* * *

В 1964 году из печати вышла первая достаточно объёмная (415 страниц) книга Г.И.Горецкого “Аллювий великих антропогеновых прарек Русской равнины. Прареки Камского бассейна”. Горецкий посвятил её светлой памяти Сергея Яковлевича Жука – руководителя Гидропроекта, с которым работал многие годы, и который сыграл важную роль в его судьбе.

Монография состоит из трёх разделов. Раздел I посвящён палеорекам Волжско-Камского бассейна и содержит главы: 1. Усоль-река, 2. Кинель-река до впадения Палео-Волги, 3. Кинель-река ниже впадения Палео-Волги. Раздел II Прареки. Пра-Кама состоит из трёх глав: 1. Верхняя Пра-Кама, 2. Средняя Пра-Кама, 3. Погребенный аллювий Нижней Пра-Камы. В разделе III даны фрагменты палеопотамологии.

30 июля 1965 года Совет Министров БССР принял постановление № 396:

“Отменить постановление Совета Народных Комиссаров БССР от 6 декабря 1930 года № 314 в части исключения из состава действительных членов Белорусской Академии наук академика Горецкого Гавриила Ивановича”, а 28 сентября Президиум Академии наук БССР принял постановление *“... считать в составе Академии наук Белорусской ССР в Отделении химических наук академика Горецкого Гавриила Ивановича.*

Президент АН БССР академик В. Ф. Купревич.

Главный ученый секретарь академик Ф. П. Винокуров”.

[176] Пширков Юлиан Сергеевич (1912–1980) – литературовед, критик, профессор.

Через два года после выхода первой монографии опубликована вторая: "Формирование долины р. Волги в раннем и среднем антропогене. Аллювий Пра-Волги" (1966), которую автор посвятил светлой памяти основателя советской палеокарпологической школы Петру Алексеевичу Никитину.

Книга состоит из шести глав: 1. Аллювий Верхней Пра-Волги, 2. Аллювий Пра-Оки, 3. Аллювий Пра-Москвы, 4. Погребенные аллювиальные отложения Средней Пра-Волги, 5. Погребенный аллювий Нижней Пра-Волги, 6. Основные моменты в формировании долины Волги в раннем и среднем антропогене по материалам изучения аллювия Пра-Волги.

Горецкого всё больше интересовала геологическая история бассейна Днепра, для полного раскрытия которой требовались новые дополнительные материалы. Поэтому последующие два года он весь летний полевой сезон использовал для изучения обнажений и кернового материала скважин бассейна Днепра; во время отпуска или командировок присоединялся к геологическим отрядам белорусских, смоленских, украинских, московских геологов и вместе с ними совершал геологические маршруты по Беларуси и Украине от верховья Днепра до его дельты на Чёрном море.

В письме к жене от 19.09.66 г. он написал: *"[...] Всё не покидает меня мысль, чтобы написать рассказы "В путешествии с геологами антропогена (Рассказы-новеллы краеведа)". Это смесь впечатлений путешествий этого года по Беларуси, Украине, России и геологических ("Новелла о ледниках", "Новелла о прареках", "Новелла о высокой террасе Днепра", "Новелла о песках", "Размышления о мелиорации", "Новелла о быте и языке", "Выступления краеведа"), и литературных ("Белорусская природа в изящной словесности") и т.д. Понимаю, что не нужно это писать, отвлекаться в сторону, но мимо воли в мыслях создаю эти новеллы. Чтобы геологам зажечь в сердцах безразличных умиление к Родине, к природе, к людям, к родному языку..."*[177].

Монографии, которые были посвящены геологической истории долин Камы и Волги и которые заложили современные основы новой науки о реках прошлого – палеопотамологии, научная общественность встретила с большим одобрением и присудила их автору первую премию Московского общества испытателей природы.

В сборнике "Нижний плейстоцен ледниковых районов Русской равнины" (1967), посвящённом Владимиру Николаевичу Сукачёву и изданном под редакцией Г.И.Горецкого и Н.И.Кригера,

---

[177] *Гарэцкі Р.Г.* Браты Гарэцкія. 2008. С. 314–315.

Г.И.Горецкий совместно с В.П.Гричуком опубликовал краткий очерк о В.Н.Сукачёве, а также поместил свою большую статью "О происхождении и возрасте глубоких долинообразующих понижений в постели антропогеновых отложений ледниковых областей", которая явилась результатом его исследований уже в Беларуси, Прибалтике и соседних территориях ледниковых районов Русской равнины. Глубокие (до 300 м) долиноподобные понижения большинство исследователей считает за древние речные долины и отсюда делают вывод о большом размахе антропогеновых тектонических движений. Горецкий привёл многие доказательства того, что эти понижения имеют ледниковое, а не речное происхождение. Он их назвал ложбинами ледникового выпахивания и ледникового размыва и отметил, что их возраст соответствует возрасту главнейших моренных горизонтов Русской равнины – окского, днепровского, сожского, московского, валдайского. В основании некоторых ложбин ледникового выпахивания находятся узкие каньонообразные рытвины ледникового стока и размыва.

Возвращение на Родину. Организация исследований по геологии четвертичного периода

В 1968 году Г.Горецкий смог вернуться в Минск. Вначале жил один в аспирантском общежитии, а после того, как в марте 1969 года заведующий Лабораторией геохимических проблем АН БССР академик К.И.Лукашев издал приказ: *"Назначить с 27 марта с.г. заведующим сектором палеогеографии антропогенового периода..."* , получил квартиру и только в ноябре вместе с женой и её матерью переехал навсегда в Минск.

Последние двадцать лет жизни для Гавриила Ивановича были настоящим подарком судьбы, его самым счастливым временем, когда мечты осуществились. Несмотря на уже довольно пожилой возраст, он работал так упорно, так вдохновенно, что даже молодые сотрудники не успевали за ним не только в камеральный период работы, но и в полевой. Интересовали не только геологические исследования, но всё, что касалось Беларуси и что делалось в стране: состояние и развитие науки, учёные и культурные деятели, театр и филармония, выступления писателей и музеи, язык и литература, белорусскоязычные журналы и газеты, фольклор и археология, экономика и народное хозяйство, жизнь села и города, демография и природа… Времени не хватало, но всё как-то успевал.

Возвращение Г.И.Горецкого в Минск совпало с 40-летием основания Белорусской академии наук. На юбилейной сессии АН БССР в марте 1968 года он после 38-летнего перерыва вновь выступил с сообщением, в котором высказал ряд пожеланий и предложений.

"[...] В ближайшее десятилетие необходимо увеличить в системе АН БССР и других научно-исследовательских учреждениях нашей республики относительный вес наук о Земле, наук геологического и географического направлений. [...] Поиски и разведка полезных ископаемых на Беларуси будут наиболее успешными и эффективными только в том случае, если они будут базироваться на научных основах, когда будут установлены закономерности в

размещении полезных ископаемых. А для этого необходимо шире развернуть на Беларуси научные исследования в таких отраслях науки, как геофизика, геохимия, геотектоника, петрография, палеонтология, гидрогеология, палеогеография, геоморфология, геология антропогена.

Особенно недостаточно развёрнуты на Беларуси научные исследования в области геотектоники и палеогеографии, которые наиболее полно и всесторонне синтезируют знания о развитии Земли, как общее единение, создают основы для познания законов размещения полезных ископаемых.

Совсем недостаточно развёрнуты на Беларуси научные исследования в области гидрогеологии. А между тем гидрогеологические знания имеют огромное значение в деле мелиорации и культуртехники 1700 тысяч гектаров белорусских болот, в регулировании уровня грунтовых вод на осушенных болотах, в поисках и эксплуатации полезных ископаемых, в водоснабжении городов и промышленности и т.д.

Научные исследования в области антропогеновой (четвертичной) геологии не увеличиваются, а даже сокращаются за последние годы. Число сотрудников Сектора четвертичной геологии Института геологических наук Министерства геологии СССР в Минске было сокращёно с 19 до 7 единиц. Ассигнования на всю работу этого сектора на 1968 год сокращены до 15 тысяч рублей, что составляет менее 1,5% от бюджета этого крупного института. А между тем надлежащее изучение антропогеновой геологии Беларуси имеет большое значение и в деле рациональных поисков и разведки полезных ископаемых, особенно природных строительных материалов, и в гидротехническом, промышленном и дорожном строительстве, и в мелиорации болот, и в правильном использовании земель, особенно каменистых морен и т.д.

Беларусь является своеобразным эталоном для изучения ледниковых районов всего Советского Союза, т.к. на просторах Беларуси антропогеновые отложения имеют наибольшую мощность (до 250–350 м), наиболее сложную стратиграфию ледниковых отложений; тут распространены самые древние в мире морены равнинных оледенений, наибольшие по мощности морены (до 150–190 м), самые глубокие ложбины ледникового выпахивания (до 140 м ниже уровня моря). Сокращения в БССР научных исследований в области геологии антропогена – неоправданное невыполнение обязанностей белорусских исследователей перед всей советской геологией.

Совсем недостаточно развёрнуты в Беларуси исследования в области географии и геоморфологии. Из всех республиканских академий наук только в АН БССР нет никакого учреждения, которое изучало бы географию и геоморфологию своей республики. Недостаточно изучена в БССР география отдельных компонентов природы: рельефа, климата, рек и озёр, болот, лесов, непригодных земель – злых песков и каменистых почв, рвов, флоры и фауны и т.д. И совсем слабо изучены в нашей республике соединения отдельных компонентов природы в естественные природные ассоциации, в макробиогеоценозы, ландшафты или краевиды, в физико-географические районы.

В этом деле большое значение приобретают не столько работы по природному районированию Беларуси, сколько изучение взаимосвязи, взаимозависимости компонентов природы, особенно в связи с воздействием на отдельные компоненты природы Беларуси человека. Активная смена одного компонента природы, вызванная людской деятельностью, обязательно отбивается на сменах других компонентов природы, причём часто отрицательно. Достаточно припомнить вред от излишнего снижения уровня грунтовых вод при мелиорации и неразумном спрямлении речушек, пересушку болот, торфяные пожары, эрозию торфовищ и т.д. Или припомните вред от некомплексного и неполного использования солей в Солигорском районе, от неразумного создания соляных терриконов и др. Нельзя не припомнить тут, как портятся водные ресурсы Беларуси через загрязнение их химическими отбросами, сточными водами и др.

В этих условиях большое значение приобретают в БССР научные исследования в области экономической географии, которая и должна изучать рациональные соотношения природных и хозяйственных ландшафтов, взаимоотношения природы и человека, населения. Проблема населения, демографии Беларуси почти не изучается. Ещё достаточно не выяснены факторы, которые обусловили медленный рост населения нашей республики после Великой Отечественной войны, т.к. БССР – единственная из советских республик, где не достигнуто довоенное число населения. Не исследована проблема городов и бывших местечек, не выяснены причины их слабого экономического развития. Не составлена детальная дозиметрическая карта Беларуси, карта плотности населения, не определены районы оптимальной мобилизации населения в промышленности. Не исследована большая проблема миграции населения БССР и т.д.

Чтобы улучшить положение в БССР научных исследований геологического и географического направлений, желательно осуществить следующие организационные мероприятия.

1. *Организовать в составе АН БССР Отделение наук о Земле.*
2. *Передать в Отделение наук о Земле АН БССР такие учреждения:*
   а) Лабораторию геохимических проблем;
   б) Сектор четвертичной геологии ИГН Мингеологии СССР (в Минске);
   в) Институт торфа.
3. *Организовать в Отделении наук о Земле самостоятельные отделы:*
   а) Отдел геофизики;
   б) Отдел гидрогеологии;
   в) Отдел геологии антропогена;
   г) Отдел географии.
4. *Издавать журнал "Известия АН БССР. Серия геологии и географии" .*
5. *Издавать научно-популярный журнал "Природа Беларуси".*
6. *Увеличить ассигнования на геологические и географические работы всех ВУЗов БССР, особенно БГУ.*
7. *Активизировать работу Проблемного Совета "Комплексное изучение земной коры и верхней мантии" путём усиления деятельности его секций, увеличения в их составе сотрудников ВУЗов и производственных учреждений.*
8. *Организовать в АН БССР Совет по изучению и охране производительных сил из представителей всех отделений АН БССР, ВУЗов, министерств и производственных учреждений.*
9. *Предложения по организации Отделения наук о Земле осуществить в первой половине 1968 года" .*

Высказанные Гавриилом Ивановичем почти 45 лет тому назад предложения и в настоящее время остаются чрезвычайно актуальными. Ряд пожеланий, содержащихся в выступлении со временем удалось осуществить (создали крупный Институт геохимии и геофизики с полноценными лабораториями по стратиграфии, литологии, тектонике, геофизике, геохимии, геологии антропогена и др., журнал "Літасфера" в АН Беларуси, лабораторию озероведения и кафедру динамической геологии в БГУ и т.д.), но некоторые из них (в том числе такие кардинальные, как организация Отделения

наук о Земле, самостоятельного подразделения географии и др.), несмотря на неоднократные усилия отдельных учёных-геологов, так и остались пожеланиями. Особенно актуальны эти проблемы оказались в настоящее время, когда в результате бесконечных реформирований науки и особенно НАН Беларуси, в академии остался лишь один Институт природопользования, относящийся к наукам о Земле, а почти всё геологическое направление передано в Белорусский научно-исследовательский геологоразведочный институт Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды, причём сильно сократились или практически исчезли такие важные подразделения, как геофизика, тектоника, литология, стратиграфия, геология антропогена.

Ещё в 1967 году Горецкого назначили председателем Комиссии по изучению четвертичного периода при Секции науки о Земле АН СССР и председателем советской секции Международной ассоциации по изучению четвертичного периода (INQUA). Кроме того, он долгое время оставался на общественных началах главным консультантом “Гидропроекта” . Поэтому Гавриил Иванович один или два раза почти каждый месяц ездил в Москву на разные заседания, совещания, конференции.

В 1970 году была опубликована третья монография “Аллювиальная летопись великого Пра-Днепра” , которую автор посвятил “Светлой памяти выдающегося советского учёного-энциклопедиста Петра Николаевича Чирвинского – наставника, друга и вдохновителя” . Книга содержит 17 глав: 1. Аллювий Верхнего Пра-Днепра от истоков до р. Оршицы (у г. Орши); 2. Верхний Пра-Днепр на меридиональном отрезке между реками Оршицей и Друтью (у г. Рогачёва); 3. Верхний Пра-Днепр между устьями Друть и Сож; 4. Сожско-Припятский отрезок Пра-Днепра. Пра-Сож; 5. Пра-Припять; 6. Долина Пра-Днепра от устья Пра-Припяти до с. Вышгорода у г. Киева; 7. Аллювиальные свиты Пра-Десны; 8. Аллювий Среднего Пра-Днепра от устья Пра-Десны до Шевченковской ложбины ледникового выпахивания и размыва; 9. Долина Пра-Днепра и Шевченковская ложбина ледникового выпахивания и ледникового размыва в Каневско-Озерищенском районе; 10. Шевченковская ложбина ледникового выпахивания и ледникового размыва на территории, расположенной севернее Каневско-Озерищенского района и соотношение её с погребенным аллювием и террасами Пра-Днепра и Пра-Десны; 11. Южные пределы распространения ложбин ледникового выпахивания и деформирующего воздействия ледника на аллювий Пра-Днепра; 12. Порожистая часть долины Среднего Днепра; 13. Долина Нижнего Пра-Днепра

до северной границы новоэвксинской трансгрессии; 14. Аллювий Нижнего Пра-Днепра, погребённый под осадками новоэвксинской трансгрессии; 15. Древнеэвксинская дельта Нижнего Пра-Днепра; 16. Опыт восстановления аллювиальной летописи великого Пра-Днепра; 17. Экскурс в геологическую историю Нижнего Дона, как палеопотамологического аналога Нижнего Днепра. Из оглавления видно, что в монографии на основе огромного фактического материала восстановлена история формирования Пра-Днепра от начала антропогенового периода до конца днепровского оледенения. Прослежено соотношение венедской, нижнекривичской и верхнекривичской аллювиальных свит с морскими трансгрессиями и регрессиями, с оледенениями, образованием глубоких ложбин ледникового выпахивания и размыва, гляциодислокациями и порогами.

В 1971 году за все три книги Г.И.Горецкий был удостоен Государственной премии СССР – *“За работы по палеопотамологии, строению аллювия и истории великих прарек Русской равнины в антропогене”* .

Со временем увидели свет ещё две монографии: “Особенности палеопотамологии ледниковых областей (на примере Белорусского Понеманья)” (1980) и “Палеопотамологические эскизы Палео-Дона и Пра-Дона” (1982).

Первая из них имеет 13 глав: 1. У истоков Палео-Немана и Пра-Немана; 2. Опыт стратиграфии антропогеновых отложений Белорусского Понеманья по методу цепной литолго-генетической увязки разрезов; 3. Пра-Неман в полосе максимальной ледниковой экзарации (Песочное–Бережное); 4. Ушанско-Налибокская палеогеографическая арена и развитие Пра-Немана (Бережное–Николаево, устье Суллы – устье Березины); 5. Палеогеографическая арена прорыва Неманом Ивьевско-Моренского-Вселюбского выступа Белорусского кристаллического массива (Лидский тип ледниковых ложбин подпруживания); 6. Палеогеографическая арена обхода Пра-Неманом Белорусского кристаллического массива; 7. Палеогеографическая арена Мостовских ворот (д. Новосёлки ниже устья Щары – д. Заполье выше устья Росси); 8. Палеогеографическая арена Пра-Немана на отрезке устойчивого северо-западного направления его долины ниже Мостовских ворот (д. Заполье выше устья Росси – д. Миневичи выше устья Свислочи); 9. Арена палеопотамологического влияния выводных ледников трёх направлений – северо-восточного, северо-западного и субмеридионального (д. Миневичи выше устья Свислочи – д. Комотово ниже устья Котры); 10. Палеогеографическая арена Гродненско-Лососненс-

кого выводного ледника; 12. Формирование продольного профиля речных врезов Палео-Немана и Пра-Немана в Белорусском Понеманье; 13. Общие закономерности и особенности палеопотамологии Белорусского Понеманья в антропогене.

В этой монографии приведена характеристика особенностей палеопотамологии Немана как типичной реки ледниковых областей, протекавшей навстречу ледникам. Такими важнейшими особенностями являются следующие: образование гляциогенного рельефа постели антропогеновых отложений с глубокими ложбинами ледникового выпахивания и размыва как первыми экзарационно-эрозионными бороздами; многочисленные деформации погребенных аллювиальных свит, возникшие под влиянием инъективной гляциотектоники; формирование гляциоаллювия и подпрудного аллювия; специфические черты продольного профиля речных врезов.

Вторая монография содержит 9 глав: 1. Палеогеографические условия формирования аллювия эорек и проторек Восточно-Европейской равнины; 2. Палеогеографический критерий в изучении антропогенового аллювия; 3. Эскиз формирования олигоцен-миоценового Палео-Дона. Соленовская река; 4. Миоценовые палеореки; 5. Эскиз палеопотамологического плиоценового Палео-Дона; 6. Верхний Пра-Дон, Средний Пра-Дон, Нижний Пра-Дон; 7. Погребенная дельта Пра-Дона; 8. Керченское продолжение погребенной дельты Пра-Дона; 9. Пра-Дон и оледенения. Важно, что в монографии изложены результаты палеопотамологических исследований не только неогенового Палео-Дона и антропогенового Пра-Дона, но и особенности строения погребенного аллювия антропогена по сравнению с аллювием эорек, проторек и палеорек. Также рассмотрены соотношения погребенных аллювиальных свит антропогена и осадков мощных ингрессий древнеэвксинского, узунларского и карангатского морей. Прослежены генетические связи между оледенениями и палеопотамологией Пра-Дона.

Эту монографию Г.Горецкий хотел посвятить академику Александру Леонидовичу Яншину – выдающемуся геологу широкого профиля, естествоиспытателю, вице-президенту АН СССР, сменившему Гавриила Ивановича на посту председателя Комиссии по изучению четвертичного периода при Президиуме АН СССР.

Горецкий написал заявление на имя президента АН БССР академика Н.А.Борисевича: *“Прошу Вашего разрешения на посвящение моей монографии “Палеопотамологические эскизы Палео-Дона и Пра-Дона” академику А.Л.Яншину, выдающемуся советскому геологу и палеогеографу, Герою Социалистического труда. В*

связи с тем, что выход моей монографии совпадает с проведением XI Конгресса Международного Союза по изучению четвертичного периода (1 августа 1982 года, Москва), прошу Вашего согласия на печатание титульных страниц на русском, английском и белорусском языках, а также резюме на английском языке (1 стр.)" . В то время наметилось ужесточение к изданию книг, в том числе и их посвящению разным лицам, а также к титульным страницам и резюме на иностранных языках. Поэтому разрешение получено не было, и книга вышла в свет без всякого посвящения, без требуемых титульных листов и резюме. Хорошо, что хоть разрешили поместить эмблему XI Конгресса INQUA.

Были опубликованы тезисы докладов на разных (в том числе и международных) конференциях и конгрессах, а также ряд статей. В серии статей, опубликованных в 1968–1972 годах, Горецкий убедительно доказал, что существует неразрывная генетическая связь краевых ледниковых образований, ложбин ледникового выпахивания и размыва, гляциодислокаций и отторженцев. Он подчеркнул большую важность изучения перечисленных компонентов ледникового комплекса и их взаимосвязи не только в теоретическом, но и в практическом отношении. *"Некоторые компоненты, особенно ложбины ледникового выпахивания и размыва, являются вместилищами полезных ископаемых и их индикаторов (россыпей, металлических и агрономических руд, каменных солей, янтаря, питьевой, технической и минеральной вод и др.), а также объектами гидротехнического, курортного, городского и мелиоративного строительства (региональные дрены)"* [178].

В дальнейшем Горецкий посвятил ещё несколько статей изучению рельефа постели антропогеновых образований, в особенности характеристик своеобразных ложбин ледникового выпахивания и размыва: "Об изучении рельефа постели антропогеновых отложений ледниковых областей" (1973), "Об изучении палеогеографии антропогена Белоруссии" (1973), "О взаимоотношении антропогеновых отложений и их субстрата" (1973). Эти статьи, как и тезисы доклада "On study of the topography of antropogene deposits base in glacial areas" были опубликованы к IX конгрессу ИНКВА в Новой Зеландии (1973). Этой же теме были посвящены статьи: "Типы антропогеновых переуглублений (на примере некоторых районов Неманского бассейна)" (1973), "Проблемы изучения погребенных

---

[178] *Горецкий Г.И.* Об изучении генетических связей краевых ледниковых образований, ложбин ледникового выпахивания и размыва, гляциодислокаций и отторженцев // Краевые образования материковых оледенений. М.: Наука, 1972. С. 68–69.

долин и ложбин ледникового выпахивания и размыва на территории Белоруссии” (1973) и др.

В дальнейшем Горецкий выделил особый тип крупнейших ложбин ледникового выпахивания и размыва под названием – сещи (“Сещи – эталон гляциотектонических дислокаций в районах ископаемых выводных ледников у мест их длительной остановки” – 1981; “Сещи – палеогеографические арены глубоких ледниковых ложбин, выполненные полностью или частично древними моренами (фрагменты ископаемых выводных ледников у мест их длительной остановки) – 1984). Это название взято по Сещинской ложбине, описанной Д.И.Погуляевым в районе р. Сещи Рославльского района Смоленской области. Сещи широко распространены на территории Восточно-Европейской равнины, особенно в Беларуси. Имеются сещи, образованных окским ледником, но нередко и древнейшим нижнеберезинским ледником. Последние развиты и на территории Польши, Германии и других регионов (США и Западная Сибирь).

Г.Горецкий продолжал уделять большое внимание как общим принципам и методам разработки стратиграфии антропогена (в том числе проблеме нижней границы антропогеновой системы), так и стратиграфии антропогеновых отложений Беларуси, Прибалтики и других районов Русской равнины. На IV Всесоюзном совещании по изучению четвертичного периода (Ереван, 1974) он сделал доклад “Принципы стратиграфического расчленения антропогеновой системы” , а к X конгрессу INQUA (Бирмингем, 1977) опубликовал статью “Основные принципы и методы разработки стратиграфии антропогеновой системы” , в которой подчеркнул особенности этого периода: появление и становление человека как социального существа; многократные равнинные оледенения; его незавершённость – начало новой антропозойской техногенной эры в истории Земли. Продолжительность антропогена – около 700 тысяч лет. Дал вариант стратиграфической схемы антропогеновых отложений Восточно-Европейской равнины и отметил главные методы стратиграфического расчленения, подчеркнув необходимость интенсивной разработки местных и общих стратиграфических схем антропогеновых отложений, тесно связанных с важнейшей проблемой – корреляционными исследованиями.

Были опубликованы статьи: “Проблемы периодизации, геохронологии и стратиграфии антропогена” (1971), “Следует ли снижать в настоящее время границу антропогена?” (1972), “О критериях определения границы между неогеном и антропогеном” (1977), “Плиоцен Белоруссии” (1979), “О нецелесообразности включения

апшерона в четвертичную антропогеновую систему” (1984), “Об уточнении возраста антропогеновых отложений Белоруссии и Центральной России, принимаемых за древнейшие нижнеплейстоценовые” (1986) и др. Вышла в свет большая коллективная монография “Нижнинский Ров (стратотипический разрез шкловского межледниковья Белоруссии” (1987).

В качестве одного из руководителей Оргкомитета XI Конгресса Международного союза по изучению четвертичного периода – INQUA (Москва, 1–9 августа 1982 г.) Горецкий принял участие не только в его организации, но и выступил с докладом, опубликовал специальную брошюру и к конгрессу вышла из печати последняя из названных монографий. На этом конгрессе Г.И.Горецкий был избран почётным членом INQUA.

В брошюре “Палеогеоморфологические методы корреляции раннеплейстоценовых образований (Доклад на XI конгрессе (Москва, 1982 г.) INQUA” Горецкий отметил, что при корреляции отложений антропогеновой системы, кроме преимущественно применяемых биостратиграфических методов, могут быть успешно использованы палеогеоморфологические методы, среди которых наиболее эффективны палеогляциологический метод обнаружения глубоких ложбин выпахивания и размыва, палеопотамологический и палеолимнологический методы. Он главным образом остановился на первом методе, привёл большой фактический материал по Беларуси не только в виде текста, но и графики. Был сделан основной вывод, что глубокие ледниковые ложбины, сопровождающие их сещи и древнейшие морены равнинных отложений (нижнеберезинская или белорусская, наревская, варяжская, даукийская, а также позднеберезинская или окская), относятся к раннеплейстоценовым образованиям, знаменуя собой истинное начало ледниковой (антропогеновой, четвертичной) системы. Нижняя граница антропогена проходит по основанию морены древнейшего равнинного оледенения, по днищам ложбин ледникового выпахивания и размыва. Одна из экскурсий XI конгресса была проведена по Беларуси, руководители которой Г.И.Горецкий, Э.А.Левков и Р.А.Зинова опубликовали “Путеводитель экскурсии С–5. Белоруссия” (1981). Экскурсия проходила на востоке Беларуси и охватила долины крупнейших рек региона – Днепра и Западной Двины, а также их водоразделы.

Ряд статей Г.Горецкий специально посвятил проблеме краевых ледниковых образований: “Об активном состоянии ледников при формировании краевых ледниковых образований” (1978), “Потоковая морена в генетической связи с краевыми ледниковыми обра-

зованиями” (1980), “О радиальных формах краевых ледниковых образований” (1985) и др.

Горецкий ввёл понятие о палеогеографических аренах, под которыми следует понимать части территории, характеризующиеся единством или близостью антропогеновых образований, возникших под воздействием сходных физико-географических факторов, с ведущей ролью некоторых из них. На эту тему он опубликовал статьи “Палеагеаграфічныя арэны антрапагену Беларусі” (1979), “Основные типы древних палеогеографических арен в антропогене БССР” (1988).

Г.И.Горецкий был очень рад, что на исходе 1971 года в декабре в Минск переехал его младший сын, который в Институте геохимии и геофизики создал лабораторию геотектоники, был избран членом-корреспондентом АН БССР, а в 1977 году – академиком и назначен директором Института. Такая “семейственность” не мешала им плодотворно работать и, напротив, даже помогала.

За белорусский период своей деятельности Гавриил Иванович объездил всю Беларусь и соседние территории во время многодневных геологических маршрутов, которые проводил вместе со своими многочисленными учениками. Созданная им авторитетная белорусская школа геологов-четвертичников получила широкую известность не только в Беларуси и СССР, но и за их пределами. Наиболее отличительная её особенность – высокая комплексность исследований. В лаборатории Горецкого, которая стала одной из самых крупных в Институте, трудились молодые сотрудники самых разных узких специальностей: общей геологии антропогена, литологии и петрографии, геоморфологии, неотектоники, палеогеографии и особенно стратиграфии и палеонтологии (по изучению спор и пыльцы, семян, диатомовых водорослей, млекопитающих, грызунов, моллюсков, жуков).

Плодотворная работа Г.И.Горецкого была отмечена: ему присвоили звание Заслуженного деятеля науки БССР, наградили Почётной грамотой Верховного Совета БССР (четыре раза), орденами Трудового Красного Знамени и Октябрьской революции, медалью Министерства геологии СССР “За заслуги в разведке недр. В ознаменование 100-летия образования геологической службы”, выбрали почётным членом Географического общества СССР, присудили Государственную премию БССР *“за разработку и внедрение научных основ геологии антропогена и геоморфологии в практику геологоразведочных работ в республике”* и др. В честь Г.И.Горецкого было названо 12 видов ископаемых растений и животных.

* * *

Г.Горецкий с большой радостью видел, как всё интенсивнее возвращается наследие Максима Горецкого, и сам делал всё, что мог для увековечивания памяти брата. Был благодарен Д.Бугаёву[179] за публикацию небольшой, но весьма содержательной монографии "Максім Гарэцкі" (1968), в которой автор отметил, что М.Горецкий – *"оригинальный писатель и талантливый учёный – исследователь литературы, фольклорист, языковед", "один из основателей нашей национальной прозаичной традиции"*.

Союз писателей Беларуси создал Комиссию по литературному наследию Максима Горецкого, куда включили и Гавриила Ивановича.

Имя М.Горецкого всё чаще появляется в статьях, рецензиях, докладах, справочниках, звучит по радио и телевидению. Публикуют его произведения и о творчестве пишут в литературоведческих монографиях. В 1973 году опубликован двухтомник "Выбраныя творы" Максима Горецкого с основательным предисловием Д.Бугаева. 23 февраля 1973 года в помещении клуба Союза писателей БССР прошёл вечер, посвящённый 80-летию М.Горецкого, на котором Гавриил Иванович выступил с воспоминаниями о брате "Социальный оптимизм Максима Горецкого".

Алесь Адамович[180] в четырёх номерах журнала "Полымя" (август-ноябрь 1975 г.), а затем в виде отдельной книги опубликовал монографию о М.Горецком "Ворота сокровищ своих открываю…"[181]. В ней использованы ответы из письма Гавриила Ивановича на многие вопросы, заданные Адамовичем. Позднее эти ответы "Истоки творчества Максима Горецкого" были опубликованы в книге "Гарэцкі Гаўрыла. Выбранае" (2002).

А.Адамович так оценил место писателя в белорусской литературе: *"Место это – одно из важнейших: место классика белорусской литературы. Рядом с Купалой, Коласом, Богдановичем"*. В эту книгу Адамович включил "Письма с фронта" Леонида Горецкого, которые ранее публиковались в журналах "Маладосць" (№ 9, 1974) и "Юность" (№ 4, 1975). Письма сына Максима Горецкого

---

179 Бугаёв Дмитрий Яковлевич (род.1929 г.) – литературовед, критик, профессор Белорусского государственного университета.

180 Адамович Алесь (Александр Михайлович, 1927–1994) – прозаик, критик, литературовед, член-корреспондент АН Беларуси, профессор.

181 *Адамовіч Алесь*. Браму скарбаў сваіх адчыняю. Мінск: Выдавецтва БДУ, 1980.

Леонида, которые он писал с фронта своим родным, в том числе своему дяде Гавриилу, Адамович собрал и писал о них так: *“...Это подтверждение и высшая оценка жизни Горецкого-отца. Это такое повторение его отца, его души, таланта, совестливости и человечности”* .

В переводе на русский язык вышли избранные произведения М.Горецкого “Красные розы” (1976).

В 85-летний юбилей М.Горецкого Гавриил Иванович выступил на телевидении с темой: “Главные узлы в жизни Максима Горецкого” , позднее опубликованные в его книге “Выбранае” .

18 февраля 1983 года в Доме литератора прошёл торжественный вечер в честь 90-летия писателя, на котором выступил и Гавриил Иванович “В венок памяти Максима Горецкого” . На следующий год вышла в свет книга “Максим Горецкий: воспоминания, статьи, документы”[182], которую открывают воспоминания Г.Горецкого “О брате и учителе” , “Несколько зарисовок из детской и юношеской жизни Максима Горецкого” , “Социальный оптимизм Максима Горецкого” .

Г.Горецкий, которого включили в состав редколлегии, активно помогал составлению Собрания произведений Максима Горецкого в четырёх томах (1984–1986). Позже он был дополнен томами “Творы” (1990) и “Гісторыя беларускай літаратуры” (1992). В серии “Бібліятэка юнацтва” вышла отдельной книгой “На империалистической войне (Записки солдата…)” Максима Горецкого и “Письма с фронта Леонида Горецкого” (1987) с глубоким по содержанию предисловием М.Мушинского[183], который, как и многие другие литературоведы, сравнивал это произведение М.Горецкого с военной прозой Барбюса, Ремарка, Хемингуэя.

М.Мушинский – один из наиболее глубоких исследователей жизни и творчества писателя – в книге “История белорусской литературы” так охарактеризовал его деятельность: *“М.Горецкий – личность чрезвычайно широкого творческого диапазона – талантливый мастер слова, один из основателей белорусской прозы, крупный учёный, историк и теоретик литературы, пламенный публицист, неутомимый борец за национальное возрождение, заботливый педагог, организатор литературного движения, лексикограф, переводчик, собиратель и пропагандист устного народного творчества. М.Горецкий – это честь и совесть бело-*

[182] *Максім Гарэцкі*. Успаміны, артыкулы, дакументы. Складальнікі А.С.Ліс і І.У. Саламевіч. Мінск, 1984.

[183] Мушинский Михаил Иосифович (род. 1931) – литературовед, критик, текстолог, член-корреспондент НАН Беларуси, профессор.

русской нации, её духовный учитель, который внёс огромный вклад в формирование национального сознания белорусов" [184].

Г.Горецкий написал ряд статей с воспоминаниями о Янке Купале, Якубе Коласе, Кондрате Крапиве, Владимире Дубовке, Павле Роговом, об истоках белорусской советской науки, об открытии Белорусской академии наук[185], а также о С.Я.Жуке, Л.Б.Рухине, В.Н.Сукачёве, Г.Ф.Мирчинке, П.Н.Чирвинском и др.

В начале 1980-х годов по инициативе секретаря ЦК КПБ по идеологии А.Т.Кузьмина начали строить дом-музей в Малой Богатьковке, который он хотел посвятить братьям Максиму и Гавриилу Горецким, но Гавриил Иванович твёрдо настоял на том, что их дом – должен иметь название: "Музей Максима Горецкого". Дом Горецких в Богатьковке, который в 1961 году успел сфотографировать младший сын Горецкого, через несколько лет сгорел. Поэтому Гавриил Иванович по памяти очень детально восстановил архитектуру и внутреннее содержание дома, который и был построен силами строителей Мстиславского райкома партии и местного колхоза.

К сожалению, Г.И.Горецкому не довелось увидеть те события, которые широко и торжественно отмечались в связи со 100-летием Максима Горецкого: многочисленные научные конференции, юбилейные заседания в Белорусской сельхозакадемии в Горках, в Белорусском государственном академическом театре в Минске, в ЮНЕСКО в Париже, открытие памятников в Минске и Вязьме, Дома-музея в Богатьковке, ряд мемориальных досок в Горках и Минске, присвоение имени писателя улицам в Мстиславле, Минске, Горках, Молодечно, посмертное опубликование неизвестных ранее произведений "Сокровища жизни" [186] и т.д. Каждый год начали проводиться "Гарэцкія чытанні" , которые посвящены жизни и деятельности Максима Горецкого, а позднее и обоих братьев.

Главное достижение исследований Г.И.Горецкого: создание нового современного научного направления – палеопотамологии. Он мечтал написать специальную монографию "Палеопотамология" , в которой раскрывались бы общие проблемы этой новой науки, но сделать это не успел, хотя достаточно полно охарактеризовал большинство вопросов в названных ранее монографиях об аллювиальной летописи великих прарек Русской равнины, а также в различных статьях и в особенности посвящённых этой теме:

---

[184] *Мушынскі М.І.* Максім Гарэцкі // Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя. Т. 1. Мінск: Беларуская навука, 1999. С. 381.

[185] *Гарэцкі Г.* Выбранае. 2002.

[186] *Гарэцкі М.* Скарбы жыцця // Полымя. 1993. № 2.

“Основные проблемы палеопотамологии антропогена” (1974), “Палеопотамология” (1975), “Палеопотамологический метод корреляции морских и континентальных отложений антропогена” (1976), “Основные задачи палеопотамологических исследований в СССР” (1979), “Антропоген – прошлое, настоящее и будущее Земли и человечества в их неразрывной связи” (1982) и др.

Палеопотамология – наука о древних погребенных реках; часть палеогеографии. Палеопотамологическими методами выясняются условия залегания, количество и возраст аллювиальных свит, доля и состав разных фаций аллювия, подсчитываются структурные коэффициенты энергии размыва, строятся продольные и поперечные профили долин, устанавливаются глубины эрозии по всей долине рек, что даёт возможность проследить соотношения аллювиальных свит, морен разных оледенений, отложений морских ингрессий и трансгрессий и тем самым уточнить их возраст. Выделяются разного типа переуглубления, прослеживается унаследованность, приуроченность к различным понижениям и связи с тектоникой региона, соотношение с более древними палеореками (существовали в палеогене и неогене) и даже с протореками (реки позднего палеозоя и мезозоя) и эореками (реки позднего протерозоя и раннего палеозоя). В итоге приводятся палеогеографические реконструкции: определяются прежние скорости течения, глубины, расходы воды, фациальные обстановки аккумуляций и т.д.

Горецкий в упомянутой статье 1974 года предложил ряд организационных мероприятий: включение в планы и программы институтов и организаций академий, министерств геологий и других ведомств (Гидропроекта и др.) палеопотамологические темы на 2–5 лет; специальные разделы по палеопотамологии в программе работ при геологической съёмке; проведение специальных буровых работ по изучению антропогеновых и более древних переуглублений как вместилищ полезных ископаемых и их индикаторов, на конгрессе INQA обсудить вопрос об организации Палеопотамологической комиссии, а в Комитете по МПГК – палеопотамологической секции; созывать межведомственные рабочие совещания по палеопотамологии и издавать соответствующие сборники статей и докладов.

Неумолимое время стремительно мчалось и делало своё дело: отсчитывало год за годом и навсегда забирало родных, близких, знакомых… В 1976 году ушла из жизни Леонила Устиновна – жена Максима, о которой Гавриил Иванович к её 90-летию опубликовал статью “Женщина великого сердца и мужества” (1983). В 1977 году на 93 году жизни умерла мать Ларисы – Мария Михайловна, которую он любил и обращался как к матери. Очень тяжело переживал

он смерть своего брата Порфира, который жил в Могилёве, где и похоронен (1980). Уходили из жизни и друзья молодости. В 1969 году был на похоронах Михаила Громыко в Москве. На следующий год срочно полетел на самолёте в Москву на похороны Самуила Колеснева. Не стало Александры Смолич – жены давнего друга и соратника по работе Аркадия Смолича. Очень переживал потерю дорогого друга поэта Владимира Дубовки. За ним ушли Юрка Гаврук[187], Павел Роговой, Даниил Погуляев, Михаил Гончарик[188], Николай Улащик[189]… А скольких не стало коллег по геологической работе! Среди них Сергей Яковлевич Жук, Пётр Николаевич Чирвинский, Пётр Алексеевич Никитин, которым он посвятил три своих монографии. На сообщение жены о смерти профессора М.Н.Грищенко из Воронежа, Горецкий написал: “Падают, падают солдаты… Чья очередь?” К сожалению, “падали” даже значительно более молодые ученики, такие как талантливый белорусский исследователь Леонид Вознячук (1981). В довольно толстом блокноте, в котором он записывал многочисленные адреса родных, друзей и знакомых, оставалось всё меньше не зачёркнутых фамилий.

В Институте геохимии и геофизики АН БССР, хотя Г.И.Горецкий и отказывался, торжественно отметили 80-летний, а затем и 85-летний юбилеи, на которых он, как всегда, блестяще выступил с интересными содержательными докладами по проблемным вопросам геологии антропогенового периода.

В 1 час ночи 20 ноября 1988 года сердце Гавриила Ивановича Горецкого перестало биться. Он похоронен на Северном кладбище г. Минска.

---

[187] Гаврук Юрий Павлович (1905–1979) – критик, поэт, переводчик.

[188] Гончарик Михаил Николаевич (1899–1986) – физиолог растений, литератор, член-корреспондент АН Беларуси, профессор.

[189] Улащик Николай Николаевич (1906–1986) – белорусский историк, археограф, археолог, этнограф, литератор, доктор исторических наук.

Украина в жизни и деятельности Г.И.Горецкого

Украина многое значила для Гавриила Ивановича и в научном, и в личностном плане. В его душе находила отклик давняя идея о братстве славянских народов, которая вдохновляла Тараса Шевченко (которого он очень любил) и других членов “Кирилло-Мефодиевского братства” . Знакомство его с Украиной произошло в начале 1950-х годов, когда он начал работать здесь от Гидропроекта. В эти годы ему пришлось поколесить по Украине. Этот период оказался для него очень важным, поскольку в 50–60-е годы ему удалось собрать большой материал по истории Пра-Днепра в антропогене. Его вдохновляло здесь всё: природа, культура, быт, язык и ментальность народа, восстановительные работы после разрухи войны, новое индустриальное строительство.

В конце мая 1951 г. Г.И.Горецкого включили в инспекционную группу Гидропроекта, которая должна была проследить, как идут инженерно-геологические изыскания под Южно-Украинский и Северо-Крымский каналы. Поездка заняла несколько недель. В письме к жене от 21.V.51 из Москвы он писал: *“[...] Рад я очень, что мечты мои осуществляются и удастся мне увидеть красоту Украины, познакомиться с ее геологией, Академией наук, со строителями и изыскателями. Посмотрю Керчь, классические обнажения террас, морские отложения. А может, и кремушки попадется отыскать...”*

Гавриила Ивановича интересовала и природа Украины, и геологические достопримечательности, и быт народа и достижения культуры. Приведём отрывки из его почти ежедневных писем жене Ларисе из этих командировок, в которых сохранился аромат его впечатлений и эпохи[190].

Вот открытка из Киева от 28 мая 1951 г.:

---

[190] Отрывки из писем публикуются по книге: *Гарэцкі Р.* Акадэмік Гаўрыла Гарэцкі і Украіна. Мінск: Тэхналогія, 2009. 98 с.

[...] Уже второй день я в Киеве. [...] Вчера ходил в Укр. оперу на "Богдана Хмельницкого" – очень красиво было, высокой культуры достигли украинцы. [...] Ходил в Ак. наук к П.П. Ефименко[191] *– он ещё раньше прислал мне письмо. Поговорили, показали мне интересные вещи, особенно ашель*[192] *из Днепра. Был и в Ин-те геологии, осмотрел музей. Мощная Академия. Нравится мне Киев, такой он красивый. Но Крещатик всё ещё не отстроен, есть руины.*

31.V.51. Пристань Ломоватая на Днепре, ниже Черкасс.

[...] Сегодня в половине 6-го утром мы уже проснулись в Каневе, чтобы посмотреть на крутой берег и могилу Шевченко.

Красиво в Каневе. Всё в деревьях и садах, цветут акации. Впервые увидел, спустя долгое время уютные украинские хатки, с соломенными крышами, поросшими зелёным мхом.

Могила Шевченко, памятник его выглядят в окружении деревьев как-то незаметно, скромно. Всё заслоняет здание музея поэта, возведённое здесь же, рядом с памятником. На здании красная крыша, и всё внимание привлечено к этой крыше. Словно это какой-то хутор единоличника. Это кто-то неразумно придумал. Здание музея нужно было строить внизу, а не рядом с памятником. Памятник должен стоять один и привлекать к себе всё внимание целиком. И деревья возле памятника нужно было бы расчистить. [...] Искал на берегу кремни и нашел один палеолитический осколок достаточно древнего вида, с богатой патиной. Очень рад [...].

7.VI.51. Мелитополь.

Мелитополь красивый, но неряшливый городок, страшно разрушен. Много здесь садов, это – черешневый район. Растет все здесь щедро, обильно. В садах много цветов. В саду нашей хозяйки цветёт громадный куст жасмина – весь в цветах, беленьких, дурманящих. Долина реки Молочной, вдоль которой мы ехали, богатый оазис, всё бурно растёт, и в поле, и в саду. [...] Видели Каменную могилу – неолитическое захоронение с огромными каменными глыбами, на которых выбиты петроглифы [...]".

7.VI.51. Ногайск (ныне Приморск).

Сегодня – самый лучший день путешествия: мы едем к морю. Сквозь богатые поля, нивы, травы. В одном месте мы остановились, и я показывал женщинам-косарям как надо косить. Хороший был из меня косарь.

---

[191] Ефименко Петр Петрович (1884-1969)– археолог, академик АН УССР, в те годы директор Института археологии АН УССР.

[192] Ашель, ашельская культура – культура палеолита.

Ногайск – город маленький, разбит, грязноват. А вот пристань на море и само море понравилось нам чрезвычайно. Я был захвачен звуками моря, его дыханием, запахом морских волн, красивыми беленькими птицами с черными крапинками на крыльях и громадными обнажениями. Я отыскал с десяток древних плиоценовых костей...".

8.VI.51. Мелитополь.

Только что возвратились с Азовского побережья [...] Сегодняшним путешествием я очень доволен. Кроме эстетического наслаждения от шума моря и наблюдения его просторов, я убедился, что движения земной поверхности в Приазовье неравномерны... и там, где мы сегодня были, наблюдается не погружение, а поднятие. Настроение от путешествия улучшилось, пришел на душу какой-то покой, умиление к жизни, к людям, к природе. Я готов молиться сегодня величию существующего.

9-10.VI.1951. Аскания-Нова.

Аскания-Нова – как бы оазис в степи. Но подъезды к этому оазису – нечто ужасное. Кругом пыль, бедная растительность, бедные поселения, скупая природа. Совсем грустно стало. Я весь грязный [...]

Перед Асканией-Нова встретили нас степи нетронутые, ковыльные. Мы даже остановились, походили по траве, полежали на ней.

Аскания-Нова издалека выделяется купами деревьев – это большой парк. Улицы хорошие, тротуары из кирпича. Здания низкие, но изящные, особой архитектуры. На дворе Института гибридизации и акклиматизации сквер, цветут платан, жасмин, каштан – такой приятный аромат. Я сижу в тени у фонтана и разговариваю с тобою. Около экскурсбюро 7 каменных баб – с интересом рассмотрел их. На кабинете зав. свинофермой надпись: "Академик Леонид Кондратьевич Гребень[193]" [...].

Асканиа-Нова нам очень понравилась. Осмотрели вчера парк, дендрарий, зоопарк, овечью ферму (овцы, выведенные Ивановым[194]). Всё чрезвычайно интересно, удивительный парк. В парке непуганая дикая птица: фазаны, утки, гуси и др. В зоопарке животные в заго-

[193] Гребень Леонид Кондратьевич (1888-1980) – зоолог и генетик, академик АН УССР, Герой Социалистического Труда.

[194] Иванов Михаил Федорович (1871-1935) – учёный-животновод, академик ВАСХНИЛ (1935). Лариса и Гавриил Горецкие учились в Петровской сельскохозяйственной академии вместе с дочкой М.Ф.Иванова.

нах как пленники: зубро-бизоны, яки, зебра, лошадь Пржевальского и др. Много птиц: аисты, лебеди, гуси, павлины, журавли, попугаи и др. Овцы асканийской породы – громадные до 11 пудов веса, с шерстью длиной до 12-15 см, настригают до 1,5 пуда! Настоящий оазис среди степи. Видели и нетронутые степи.

Нас хорошо принимали. В гостинице мы не только отдохнули, но и помылись в ванне. Я купался на ночь и крепко спал потом. Под утро в парке красиво пели соловьи.

10.VI.51. Поле под г. Армянском.

Из Аскании-Новой сегодня поехали на Сиваш. Пейзажи изменяются, приобретают все большее сходство с манычскими. Беднеет природа, беднеют и люди. Домишки почти такие, как на Дону. Но урожай в этом году и здесь хороший; пшеничку уже через недели две можно будет жать.

Понравилось мне на самом Сиваше. Есть достаточно большие обнажения. Лёссоподобные суглинки с трещинами высыхания, кротовинами, погребёнными почвами исчезают частично под уровень моря: здесь местность действительно снижается, опускается, прогибается[...].

12.VI.51. Керчь. Утро.

Вчера сделали длинный рейс на “Победе” от Джанкоя до Керчи. Было пасмурно, поэтому Крымские горы выглядели только неясными силуэтами. Заезжали на сам Сиваш и ехали вдоль него. Поля с хорошей пшеницей доходят до самого Гнилого моря. В этом году в Крыму были дожди, шли они совсем недавно. Поэтому урожай дивный, травы высоченные, много пырея, донника. По обеим сторонам дороги уйма диких красных маков и каких-то синеньких цветов. Буйствует природа в Крыму, даже без орошения. В 70 км от Керчи пошел дождь, и мы едва доехали: дороги ужасные и грязь крымская очень липучая.

Пейзажи на Керченском полуострове волшебные – долины широкие, мягкие, горы – невысокие, плавные, ласковые. Вот тут даже и я бы жил. Около самой Керчи вид красочный – уже и море видно и красивые, красивые горы. Недаром сюда стремились колонисты греки и римляне, вот оно – сердце бывшего Боспорского царства [...].

12.VI.51. Керчь. Вечер.

Сегодня осмотрел Керченский музей. Сколько здесь исключительно ценных памятников, оригиналов, – от всех народов, начиная

с киммерийцев. Особенно поразили меня надгробные памятники тех времен, которые всегда заканчиваются траурным словом "хайрем" – прощай (вот откуда и татарское "хайрем"). Почему-то запомнился памятник одной царевны: "Идикэ, хайрем" [...]

Осматривал гору Митридат. На этой горе величественный обелиск – памятник защитникам Керчи. Теперь никто не живет на горе. А в траншеях я видел культурные слои до 2,5–3,5 м мощности!

Видел сегодня керченские железные руды, собрал их образцы и морские раковины в слоях, что их подстилают. Оруденение местами преобразовало и ракушки в руду – вот интересно.

Боже! Сколько здесь руин.

С 1956 г. Г.И.Горецкий жил с семьей в Дедовске Московской области, приблизительно в 40 км от Москвы. Он работал заместителем начальника Отдела геологических изысканий и главным геологом южных объектов Гидропроекта. Основная мечта Г.И.Горецкого за всё время его жизни вне родины – вернуться в Беларусь, принести пользу белорусскому народу, поэтому он с большой радостью изучал геологию южных областей европейской части Союза, в том числе и Украины, так как понимал, что этим он приближается к своей родине.

В письме от 21.01.56 к Якубу Коласу он писал:

[...] Независимо ни от чего, я буду работать с целью принести пользу своей научной деятельностью Беларуси, белорусскому народу. Чтобы лучше понять геологическую историю Беларуси в антропогене, нужно хорошо понимать историю всей европейской части СССР, ее суши и морей, что я и делаю уже на протяжении почти 25 лет. Издалека подступаю я к просторам Беларуси, но подойду обязательно и пойму ее историю в новое геологическое время – в антропогене. Вот и сейчас с увлечением изучаю я геологическую историю Черного и Каспийского морей, морские отложения Понта-Каспия и их соотношение с континентальными отложениями. Интересно чрезвычайно – а эта история ведет меня и к истории Беларуси, к истории ее рек, оледенений и межледниковых эпох.

В 1957 г. Г.И.Горецкий вновь в командировке от Гидропроекта в Украине, с интересом изучает геологию, занимается инженерно-геологическими изысканиями, знакомится с украинской культурой. Обо всем этом он писал в письмах.

2.II.57. Кривой Рог. Вечер.

[...] Совсем особое чувство охватило меня здесь, на Украине, – чувство любви к украинской природе, к народу, к работе на его

пользу. Какая-то радость загорелась, несмотря на неорганизованность работы.

5.II.57. День.

[...] С удовольствием я поездил, посмотрел южную Украину. Всё здесь напоминает Донщину, и природа, и геология, и села, хутора, и люди, – сходство сильное, степь. [...] А ниже Михайловки, вся долина р. Каменки, просто самой природой создана для канала: русло все почти в граните. Особенно живописные виды возле с. Марьевки. На протяжении 3-4 км здесь наблюдаются древние пороги – зрелище незабываемое, величественное. На бортах долины и на склонах выходят граниты, на поверхности которых лежат гигантские валуны – глыбы гранита, вылизанные рекою. Впечатление такое, будто чувствуешь живые водопады и пороги, которые только что смолкли. Я никогда не видел такой красоты.

8.II.57. Кривой Рог. Вечер.

Доехали мы до районного центра Лиховка, где и заночевали в "гостинице" – обычной крестьянской избе из 3-х комнат, в большей из них стоит 7 коек (а надпись на вывеске "гостиница"). Вечером пошли мы с геологом Бронниковым в кино, шел "Иван Франко". Мне было интересно посмотреть, каких успехов достигло украинское кино с Бондарчуком. Так себе успехи, хотя Бондарчук иногда очень талантлив... И вот в кино я почувствовал, как мне сжимает правую ногу, и всё больше и больше. Из кино я шел уже хромая. Сразу лёг в постель. Но заснуть не мог. Ногу просто ломало. А я же впечатлительный. И вот мне стало казаться, что нога моя уже не поправится, что буду я хромой, что окончилась моя геологическая работа. И пошли представляться разные картины – и полной беспомощности, и ожидания конца ... Начал я делать ноге массаж, поднял её вверх – легче стало, но боль не прошла. Утром – снова хромаю. А маршрут, как на зло, самый интересный, самый ответственный. Погода самая скверная: туман, холод, ветер, зябко. Старался, чтобы меньше сходить с машины, меньше трудить ногу...

Но вот доехали до Днепра – это было 7.II [...] Днепр показался мне нешироким, не шире Дона, но красивым и привлекательным, с высоким правым берегом и хорошими участками террас. [...] Я был так рад: наконец я начинаю сам, непосредственно изучать долину Днепра и его террас.

И когда ступил я на террасы, особенно на первую надпойменную, то про всё забыл: и побежал без всякой хромоты впереди всех.

[...] И сегодня – и следа нет от болезни моей ноги – совершенно здоровая!

Украинские села и хутора кажутся мне красивыми, но бедными: стоят одни домишки, без дворов, да кой-где маленькие клуни. А избушки так малы, однообразны, где уж здесь в маленьких хатках может обитать большое счастье? Мне даже грустно стало. Но садов здесь очень, очень много – и огромных! А какой длиннющий город Кривой Рог – свыше 40 км! Слышатся во всём индустриальные ритмы.

16.II.57. Кривой Рог.

Как мне нравится работать и жить на Украине. Собираю крупицы знаний о геологии Днепра и тем вроде бы приближаюсь к Беларуси. И слышу часто украинские песни, музыку, музыкальный язык, в которые я просто влюблен, – столько в них красоты, мощи, оригинальности, бессмертия.

Только иногда сердце когтями схватывает от обиды за судьбу и отсталость белорусской музыки и искусства.

18. II.57. Кривой Рог.

Думаю в конце своей здесь работы, около 5.III, съездить специально в Никополь, на марганцевые рудники, познакомиться с условиями "поверхностных разработок", изысканиями под которые и могла бы заняться 8-я экспедиция. И сокращенных людей частично заберём сюда.

Скверная погода здесь ещё не прошла: туманы, пасмурно, грязь. Но уже лучше и полевые изыскания понемногу идут. Однако ездить мне в поле еще рановато.

Поэтому работаю в техархиве, беру материалы на дом по вечерам и в воскресенье. Работаю настойчиво, потому что интересно. Но до большого утомления себя не довожу. К сожалению, понимаю, что не та уже работоспособность, не те сила и выносливость. Годы, годы, неумолимое время – ничто вас не преодолеет [...] Поэтому стараюсь потратить свои остатки усилий разумно, экономно. Стараюсь не уставать, гулять немного после работы. Вот и сегодня, после 5-и часов (конец работы) пошел гулять в сторону речки Саксагани (меньше Свислочи, меньше Кумсы). Солнышко блеснуло, грязь подсыхает, появились кое-где кустики зеленой травы. Приятно было немного походить. Ну, и с точки зрения геологии было интересно: увидел, что пойма Саксагани совсем узенькая и невысокая – до 1–1,5 м! Видел горы старых горных отходов – создалась новая слоистая порода.

Вчера нашел аллювий Саксагани, самый настоящий – и так рад ему! [...]

24.II.57. Кривой Рог.

[...] Я уже неделю как никуда не езжу, живу в гостинице "Руда" , работаю в техническом архиве Кривбаспроекта. Много читаю, делаю выписки, обрабатываю материал. Так мне приятно и хорошо работать, узнавать новое. Какое там утомление? Напротив, это – наилучший для меня отдых.

В следующем году Г.И.Горецкий вновь работает и путешествует по Украине, о чем пишет в письмах к жене.

16.VII.58. Киев.

[...] Удивлялся красоте пейзажей северной Украины, которые милее и ближе белорусскому сердцу, чем пейзажи южной Украины.

[...] Увидел красоту Киева, памятников его, соборов, культуры [...].

22.VII.58. Село Молодова на Днестре.

Всё мне здесь очень нравится. Живописная природа, красивые пейзажи, ласковый Днестр с тёплой водой; высокая культура земледелия, садоводства, огородничества, очень приятные люди, с певучим, чистейшим украинским языком, такие внимательные, простые, приветливые, уютные домики, нарядные, покрашенные, со своеобразными коврами, национальными тканями [...]

И столько здесь солнца, чистого воздуха, какой-то прозрачности, красоты.

А любили этот край люди ещё в далекой первобытности. На Буковине есть поселения всех отделов палеолита, нередко располагающиеся одно под другим, создавая до 8-10 культурных слоев! И густота древнего населения была большая на удивление: нигде в Советском Союзе такой густоты древнего населения не было.

Четвертичная геология здесь, особенно многочисленные террасы Днестра, исключительно интересные, но мало еще изучены.

22.VII.58. г. Хотин.

Вот мы и в Хотине. Небольшой, чистенький, западного типа город, с одноэтажными домами, иногда с румынскими надписями. Много цветов на широких улицах-бульварах.

Пейзажи Приднестровья живописные, но с очень неровным рельефом – ложбины, балки, увалы, пригорки, ровных мест поч-

ти нет. Дороги обсажены фруктовыми деревьями, на которых созрело много яблок и никто их не рвёт. В поле неплохой урожай, но нередко убирают руками, серпами, косами. Много люцерны, сахарной свеклы, пшеницы, озимого ячменя. Маки вдоль дорог. Удивительный запах жатвы и покосов. Деревни, сёла, хутора исключительно аккуратны, чистые, белые, с черепичными крышами, всё в зелёных садах. Красиво, красиво. Сейчас едем в Каменец-Подольский, где и заночуем.

23.VII.58. Каменец-Подольский.

[...] Как здесь красиво в этом древнем городе. Когда подъезжаешь к нему по днестровскому асфальту, кажется, что попадаешь в сказку. Вдруг появляется речка Смотрич с каменистыми крутыми берегами, на которых как естественное продолжение каменистых обрывов возвышаются камни турецкой крепости с восточными башнями, громады дворцов, костёлов, ратуши, православного полуготического собора, костёла с минаретом, парки и множество белых домов [...]

Ночевали в музее – архитектурном заповеднике, возле костёла с минаретами (высотой 37,5 м, наверху на полумесяце стоит Иисус-Христос с крестом – знак победы католичества над мусульманством, построен какими-то неразумными панами в XIX столетии). Спали рядом с усыпальницей его преосвященства настоятеля Каменец-Подольской кафедры пана Казимира Франциска Клейна, умершего в 1771 году. Были здесь и ополяченные немцы.

На белой усыпальнице, у которой мы спали, стоят две гипсовые фигуры – одна с безграничной печалью, вторая – с одухотворенностью вознесения духа на небеса.

Несмотря на красоту и славное прошлое, губернский город Каменец-Подольский не растёт, не имеет промышленности, стал только районным центром [...], как наш родной Мстиславль.

24.VII.58. Каменец-Подольский.

[...] Вчерашний день мы много работали в поле. Осмотрели и исследовали 2 больших карьера в Шуновцах и Великой Мукче и 1 маленький.

[...] Узнал некоторые детали из истории города. Был он два столетия губернским городом Российской империи, воеводским городом Польши, областным городом УССР. А в связи с 300-летием воссоединения Украины с Россией областной центр перенесли в город Проскуров, который назвали Хмельницким.

В Каменец-Подольске 2 вуза, в том числе СГИ, и 12 техникумов, – это город учащихся, молодежи. Турки владели городом

только 80 лет. Минарет построили сами турки, пристроили его к храму, а уже католики посадили на верх минарета ангела с солнцем (герб Подолии).

Крепость строили поляки, а достроили её турки, придав башням восточный вид.

Здесь было епископство Польши, епископ был наместником короля на Подолии. Здесь сохранились здания – ставки Брусилова, Николая II, Петлюры.

Город некогда лежал на стыке 3-х государств: России, Австро-Венгрии и Румынии. Вид города преимущественно западный, население – украинцы и евреи в основном. Почти везде слышен украинский язык, который здесь живой, главенствующий.

Но русификация и здесь имеет успехи, среди чиновничества, интеллигенции.

27.VII.58. Молодова.

[…]Вчера не успел написать своё очередное хроникальное сообщение, так как в 8-м часу утра пошел в свой пешеходный маршрут, из которого появился только в 10-м часу вечера.

Много ходил по обоим берегах Днестра. Так было приятно. Погода способствовала хождению. Но немного и устал, потому что прошел около 35 км. […] Очень здесь красиво и хорошо. Но всё даётся дорого, упорной работой человека. Люди здесь очень приветливые, внимательные, ласковые, живут неплохо. Вся Молодова радиофицирована, почти каждый дом, и все в селе громко поют. Сколько красивых украинских песен здесь […]

29.VII.58. Деревня Окница.

[…] Вот и закончилось моё пребывание в Молодове […] В воскресенье ездили в последний маршрут, на Луку Врублевецкую, Марьевку, Великую Мукшу. Очень удачное было путешествие.

[…] А сколько красивых было пейзажей! Возвращались поздно вечером, было совсем холодно. В Яковцах (Ивановцах) видели свадьбу, целую процессию. Впереди шла невеста, вся в белом с иконой в руках, а рядом несли светильник с 3 жирными свечами. За невестой и женихом шли многочисленные гости и зрители. А сзади, на некотором расстоянии, шёл духовой оркестр (человек 8–9) румынского типа и играл торжественный марш. Впечатление было потрясающее, все участники шли в праздничном наряде, строгие и возвышенные.

Каждое воскресение в каждом селе справляют 1-2 свадьбы. Но

А.П. Черныш[195] *сообщил мне печальную статистическую справку. За 7 лет его работы в районе Молодовы из 300 девушек, которые у него работали, вышли замуж только 2 девушки, остальные ходят в девках, становятся вековухами. Как печально [...]*

12.XI.59. Москва.

[...] Судьба милостива ко мне – все мои сокровенные помыслы (более детально изучить украинскую часть Днепра, чтобы потом подойти к белорусской, к Сожу, Припяти, Десне) могут осуществиться [...]

Как я рад возможности узнать милый и родной Днепр, добавить новое в мой труд о прареках [...]

15.II.60. Дымер, под Киевом.

[...] Ездили сегодня на левый берег Днепра. [...] Так приятно, захватывающе интересно было мне знакомиться с милым Надднепровьем. И воздух здешний кажется мне удивительным, лёгким, бальзамичным, родным. Слышу близость родины в природе.

[...] Попрощавшись с изыскателями (нелегко им живётся, нет бани в селе, неважно с продовольствием, глуховато), поехали к местному рыбаку – Павлу Ивановичу Рыбаку.

[...] До чего приветливо нас приняли. Особенно ласковой была хозяйка. Как только они нас не угощали. Дали настоящий украинский борщ с хорошим куском душистого мяса (я такого с роду не ел!). Дали картошку с мясом, наваристую, вроде жаркого. Белый деревенский хлеб. И свежее холодное молоко по большой чашке. После ресторанов и чайных такой обед показался мне просто великолепным. Ну и самогона 2 бутылки было, но я не пил.

Слушал я красивую украинскую речь. Очень пострадало село от гитлеровцев – всё было сожжено. Ненависть к врагу до сих пор не угасла.

Наконец состоялась долгожданная встреча Г.И.Горецкого с Беларусью.

12.IV.60. Совхоз Посудово.

Вчера во 2-м часу дня переплыли мы на пароме Припять около Чернобыля и подъехали к железной дороге Овруч-Чернигов (её Вы легко отыщете на карте), а потом переехали её и поехали вдоль насыпи по шоссе. В Городчанах сгрузили копёр и всё оборудование для бурения скважины 1004; оставили там бригаду изыскателей.

---

[195] Черныш Александр Панкратович – геолог из Львова.

[…] Деревня Посудово сейчас часть совхоза. И тут сгрузили мы копёр, бригаду, имущество буровиков (они все возят с собой). Скоро и стемнело.

Начали искать квартиры. Деревня Посудово была дважды сожжена во время войны. Новые дома очень маленькие, плохо возведённые, с соломенными крышами, неприглядные, поразбросанные.

Среди домов заметил я один с разрисованным крыльцом, и пошли мы вместе с С.И.Сусаковым[196] *в этот дом. Нас приветливо встретила хозяйка, пустила ночевать.*

Нам так было хорошо. Хозяйка Серафима Ивановна – заведующая магазином, хозяин Антон Григорьевич Гавриков […] – тракторист. Обоим лет по 40-42. У них двое детей: сын в армии, в Москве, шофёром; доченька закончила 10-летку и сейчас в Алма-Ате, живёт у дяди и работает на заводе слесарем-механиком. А родители остались одни. С.И. и А.Г. красиво говорят на белорусском языке.

Чтобы не было скучно, они пустили в свою первую избу квартирантку с дочуркой. Квартирантка Ольга Михайловна Зуева из-под Дорогобужа, лет 40, красивая женщина-одиночка, оставленная мужем, переехала из Смоленщины в прошлом году из-за голода, сейчас работает в совхозе. Ольга Михайловна – сухая, худая, измученная, обездоленная – совсем не смеётся. Говорит на смешанным русско-белорусском.

А доченька её Татьяна, лет 11, учится в 3-м классе, по-белорусски. Резвая, ласковая, умная. Говорит хорошо по-белорусски, применяя некоторые полесско-украинские слова […]

Эта щебетуха показала мне все книжки-учебники, белорусские. А потом стала делать пересказ произведений Пушкина, Некрасова и др., которые ей наиболее понравились. Листает русский учебник, а переводит мне по-белорусски – о рыбаке и рыбке, о Мазае и зайцах и т.д. До чего же хорошо она переводила. С умилением слушал её я и был счастлив.

Сегодня мы много ездили по ужасным полесским дорогам, были в самых глухих деревнях. Много, много впечатлений. Но написать Вам подробно не смогу, так как хозяева (поужинав вместе с нами) ложатся уже спать, встают они в 6-м часу, а теперь уже 10, поэтому я должен уже кончать.

Кратко о главном скажу:

1) сельское хозяйство полесского типа почти не изменилось за 30-40 лет; урожаи низкие, удобрений мало, скотина худая, осу-

---

[196] Геолог Гидропроекта.

шенные земли используются небрежно, заработки малые (100–300 руб. в месяц);

2) внешне вид деревень слишком беден, ничего капитального; очень плохо с отоплением;

3) природа особая, оригинальная; пески, болота, пригорки, гривы, низины, болотные речки, утки, аисты (их очень много);

4) русификация большая: надписи, вывески, объявления, лозунги, диаграммы, рисунки – всё русское; книжки в магазинах на 95% русские; язык официальный фактически русский; учителя в белорусских школах говорят по-русски; ученики также по-русски, особенно в старших классах, книжки белорусские читать не берут; за 2 дня радиопередач я не слышал ни одного белорусского слова ни в Посудове, ни в Комарине и т.д.

Но язык белорусский среди простого народа хорошо сохранился, особенно среди женщин.

14.IV.60. Деревня Берёзки.

С поля заехали мы на край деревни Колыбань, чтобы переночевать. Буровики ехали с семьями, с малыми детьми (это мастера из Енисейской экспедиции № 8). Наши машины сразу окружили женщины, мужики, девушки. Язык их чистейший белорусский, с таким выражением национальным, неповторимым, с такой нежностью к людям, интересом, приветливостью встретил наших изыскателей-москвичей мой народ. Сразу же пригласили к себе ночевать, как гостей, или родных. Так мне было хорошо и приятно.

С.И.Сусаков и я попали ночевать к Елизавете Аверкиевне Пугач (ласково называют её здесь Сыля). Она была одна. Муж её сторожит колхозных коров, будет только к утру. А сын Коля пришёл позже, он ученик 10 класса средней белорусской школы.

В доме приёмник "Родина" , звучит музыка, но освещение – тусклая лампа. Сварила нам Сыля картошку, положила сало, хлеб. И так мы живо пообщались [...] Побеседовал с Колей, он хорошо говорит по-белорусски, немного по-книжному. А мать говорила народным, чистым белорусским языком, с таким красивым произношением. Сердце моё совсем размякло – я убедился ещё раз в бессмертии белорусского языка, в его вечности.

19.IV.60. Харьков.

[...] Так, не обижайтесь, что я словно не спешу домой. На Полесье для меня много интересного, надо понять причины заболачивания и проследить мои прареки на территории Беларуси. Я бы с удовольствием, радостью остался бы здесь до 10.V – но

наверняка не позволят. А проситься буду – так вы не удивляйтесь. Ноги мои уже ступили на ту землю, о которой я всё время мечтал. Ты понимаешь меня, Ларута: последняя возможность побыть ещё немного на Беларуси, в самом начале весны [...]

20.IV.60. Харьков. Укргидропроект.

[...] Выеду в Дымер завтра, чтобы еще раз побывать в Полесской Беларуси, осмотреть керн, образцы глубоких (до 40 м) скважин, обнажения в Лоеве, задать ещё с десяток скважин. Это будет мое прощание с Украинским и Белорусским Полесьем. Как много дали мне изыскания на Киевской ГЭС! Спасибо, спасибо всему!

Теперь нужно мне бурение на Беларуси, по Днепру до Быхова и Рогачёва, чтобы проследить соотношение Пра-Днепра с самыми древними моренами. Как мне это нужно!

Неужели судьба вновь не смилуется и не пошлёт мне эту неожиданную возможность?

30 июля 1965 г. Совет Министров БССР принял, наконец, постановление об отмене Постановления Совнаркома БССР от 6 декабря 1930 г. в части исключения из состава действительных членов Белорусской академии наук академика Горецкого Гаврила Ивановича, а 28 сентября Президиум АН БССР восстановил его в числе академиков. В 1968 г. Г.И.Горецкий переехал в Минск навсегда, но ещё четыре года оставался на общественных началах главным консультантом Гидропроекта. Поездки его по Украине продолжались.

30.VI.65. Киев.

Уже несколько раз пролетал я над долиной Днепра. И каждый раз удивляет меня совершенно особый тип днепровской поймы, почти исключительно песчаной.

Днепр весь зарегулирован. Перед Днепропетровском летели над Днепрогэс-Ленинским водохранилищем. За Днепродзержинском бросилось в глаза пламя огромных печей, жёлтый хлорный дым, чернота города, увидели громадную плотину и новое озеро-водохранилище. Вода кое-где зелёная от водорослей.

Пролетели над Кременчугом, над ГЭС, плотиной и ещё одним огромным водохранилищем. Много малых поселений, заболоченных земель, много зелёных водорослей, песчаных островков.

Красивыми показались Черкассы, а за ними потянулся сосновый бор. Скоро увидели каневские обрывы, могилу и памятник Тарасу Шевченко, музей, новую гостиницу.

Каневский гидроузел сверху не понравился: сплошные пески и пески.

30.VI.65. Донецк.

Вчера машиной ГАЗ-69 (“козёл”) вдоль канала приехали в Донецк. Очень приятно было смотреть на канал, полный воды, с садами на обеих сторонах, с зелёными берегами.

Этот канал – водяная артерия Донбасса, каждую секунду по ней идёт сейчас 18 кубометров воды.

Особых осложнений в работе канала нет; есть несколько оползней, кое-где подтопило земли, сёла, сады. Большую пользу принес этот канал [...]

Приехали в Донецк в 6-м часу вечера. Ночевали в гостинице “Украина” .

[...] С 9-го этажа – удивительный вид на город. Везде пирамиды-терриконы, свидетели великих усилий людей многих поколений. И домны, домны, многие с дымом. Стучит неустанно сердце Донбасса [...]

В центре города – большие современные здания. А по окраинам – море одноэтажных шахтёрских домиков, в садах [...]

1.VII.65. Канев.

Осмотрел большие котлованы, ничего интересного нет, одни пески молодой голоценовой поймы [...] Грустно стало ещё больше ... Уже подумал быстрее возвращаться назад [...]

И вдруг заметил небольшой котлован шлюза. Пошёл туда и увидел, что под молодым аллювием поймы с хорошо выраженным базальным горизонтом лежит ещё один аллювиальный горизонт (свита), также с базальным горизонтом, а под ним – днепровская морена!

Усталость моя исчезла совсем, и равнодушие тоже. Начал искать, наблюдать.

Нашёл раковины, большой зуб мамонта (килограммов 5!), рога гигантского оленя, несколько позвонков [...] Так рад! Недаром я сюда стремился [...]

30.VI.67. Река Любеч, пойма на левом берегу Днепра.

Вчера ехали из-под Борзны на Чернигов по яготинской (моренной) террасе и по трубежской террасе. Проехали несколько украинских сёл, больших, по 2–3 км! Это уже северная, серая (по цвету домов) Украина. Много аистов, мальвы в огородах и очень редко – маки [...]

Везде украинские надписи, приветствия при въездах в сёла с картинками красивых женщин. Но живут здесь, видимо, менее зажиточно.

Чернигов нам вновь понравился. По дороге в Любеч, в одном небольшом лесочке, где паслось стадо, нашёл 2 молоденьких боровика и 2 таких же молоденьких обабка, уйму сыроежек.

В Любече, в давно известных обнажениях, нашли следы гляциодислокаций.

Заночевали на берегу Днепра. Развели первый раз (потому что есть дрова) большой костёр. Неподалеку прохаживался одинокий аист, совсем печальный, долго не летел никуда.

Днепр широкий, мощный, но пароходов на нём так мало.

28.VII.67. Поле в 140 км от Днепропетровска по дороге из Киева.

[...] Утром в хорошем настроении поехали по асфальтированной дороге на Днепропетровск, по правому берегу Днепра, вдоль края днепровского оледенения, через Мироновку, Смелу, Знаменку, Александрию.

Это было чудесное путешествие, ни с чем не сравнимое. Такого разнообразия и красоты пейзажей мы нигде не видели. Глубокие балки, возвышенности, узкие водоразделы, поля, сады, лесочки, всё солнечное, радостное, как и поселения, люди. Ехали, как в сказке. Лесов маловато. Но попадались боры, массивы лиственных лесов из дуба, клёна, ясеня, вяза; стоят высокие, густые, мощные, как войско перед боем [...].

Это – родина Т. Шевченко и Б. Хмельницкого [...].

Работая в Минске, Г.И.Горецкий продолжал свои контакты с украинскими геологами, часто со многими из них встречался на конференциях, переписывался, обменивался публикациями. Среди его коллег и корреспондентов были академики и члены-корреспонденты АН Украины В.Г.Бондарчук, О.С.Вялов, П.Ф.Гожик, Е.Ф.Шнюков, А.Е.Бабинец, А.М.Маринич, профессора А.М.Богуцкий, Д.К.Биленко, М.Ф.Веклич, К.И.Геренчук, П.К.Заморий, С.В.Кухтий, Г.И.Молявко, И.В.Мельничук, Д.П.Назаренко, В.П.Палиенко, И.Г.Шовкопляс, А.И.Шевченко и многие другие.

Хотя фактически исследования Г.И.Горецкого в Украине были связаны с целями изысканий при гидростроительстве, его вклад в разработку проблем четвертичной геологии Украины весьма значителен именно в аспекте фундаментальной науки. Очень ёмко и

определённо контуры этого вклада, прежде всего по двум научным направлениям четвертичной геологии – изучения аллювия Пра-Днепра и ледниковых образований, обозначили сами украинские геологи[197]. Протранслируем в нашей книге основные положения этой работы.

Г.И.Горецкий при восстановлении аллювиальной летописи Пра-Днепра использовал весь свой опыт палеопотамологических исследований в России, в частности реализовал весьма плодотворный подход выделения аллювиальных свит – венедской, нижнекривичской и верхнекривичской, которые проследил на всем протяжении долины Днепра от верховий до низовий.

Ещё одна принципиальная новация заключалась в том, что, в отличие от своих предшественников, занимавшихся исследованием аллювия Днепра, Г.И.Горецкий выделил на приведенных им многочисленных добротно составленных геологических разрезах указанные свиты независимо от высоты того или иного террасового уровня и исходя из абсолютных отметок аллювиального вреза. Возрастная принадлежность свит определялась Г.И.Горецким не только геоморфологическими или палеонтологическими критериями, но и палеопотамологическими данными, что расширило возможности для литогенетических и стратиграфических корреляций и палеогеографических реконструкций.

Долгое время считалось, что в долине Днепра отсутствует аллювий, синхронный днепровскому оледенению, в связи с тем, что эта долина до Днепродзержинска полностью перекрывалась ледником, оставившим после себя на верхней террасе покров морены и серию гляциодислокаций в самой долине и за ее пределами. Получалось, что погребение долины Днепра под ледниковым покровом не оставляло места в днепровское время для накопления в ней аллювия. Правда, уже в довоенный период после бурения нескольких скважин в долине Днепра между Переяславом и Черкассами были установлены переуглубления, выполненные мореной и другими осадками. Возникла гипотеза, согласно которой в формировании левобережной ложбины-рытвины принимали участие в той или иной мере как ледниковое выпахивание, так и ледниковый размыв с несомненным влиянием и тектонических факторов. Но из-за недостатка фактического материала эти выводы носили, по словам Г.И.Горецкого, “предположительный и даже интуитивный характер” [198]. Лишь в результате исследований Г.И.Горецкого на

---

[197] *Гожик П.Ф., Чугунный Ю.Г.* Вклад Г.И.Горецкого в развитие четвертичной геологии Украины // Літасфера. 1999. № 10-11. С. 6-11.

[198] *Горецкий Г.И.* Аллювиальная летопись великого Пра-Днепра. М.: Наука, 1970. С. 257.

основании огромного фактического материала, полученного во время изыскательских работ под строительство Кременчугской и Каневской гидроэлектростанций, было показано геологическое строение Шевченковской ложбины и выделена в ней гляциоаллювиальная шевченковская свита. Мало того, на геологических разрезах Г.И.Горецкого, секущих Шевченковскую ложбину, видно, что гляциодислокации состоят в основной своей массе из чешуи осадочных пород палеогенового, мелового, юрского и триасового возраста и по ним можно судить, откуда шла транспортировка этих чешуй движущимся ледником к месту их нынешнего нахождения.

В районе Черкассы – Переяслав были открыты также другие ложбины размыва и установлен их возраст. Поскольку гляциоаллювий шевченковской свиты прислонен к кривичскому аллювию и подстилается в своем основании днепровской мореной, то возраст его, по определению Г.И.Горецкого, рассматривается как днепровский.

Гавриил Иванович уделял большое внимание перигляциальным отложениям, которые фиксировались им на разных террасовых уровнях и соответственно связывались с разными интер- и постгляциальными этапами. На территории Среднего Днепра была выделена перигляциальная терраса, отличающаяся высокими отметками (120-140 м) своей поверхности. Эта терраса была прослежена на территории Нижнего Днепра, скоррелирована с террасами в долинах Пра-Волги и Пра-Дона. Её образование Г.И.Горецкий связывал с высоким стоянием уровня моря в постднепровское время.

Большое значение имели и палеопотамологические реконструкции Г.И.Горецкого в долине Днепра. Он обратил внимание на существенные различия рисунка гидросети венедского, ранне- и позднекривичского времени по сравнению с современным. Важную роль в формировании этой гидросети в венедское время сыграло переливание весенних вод Пра-Днепра (после слияния с Пра-Сожем) в южном направлении. Перелив этих вод усилился в лихвинское время, в результате чего на “моренной” яготинской террасе сформировалась мощная толща нижнекривичского аллювия. Формирование позднекривичского Пра-Днепра сопровождалось усилением боковой эрозии. Долины Пра-Днепра и его притоков сильно расширились и приняли облик, близкий к современному.

Наступившее после накопления верхнекривичской аллювиальной свиты Пра-Днепра максимальное днепровское оледенение оказало, по Г.И.Горецкому, могучее воздействие на последующую геологическую историю Днепра и на сохранность документов

аллювиальной летописи великого Пра-Днепра. Перигляциальные отложения переполнили долину Днепра на всем ее протяжении и сформировали самую высокую перигляциальную террасу, отличающуюся наиболее крутыми уклонами поверхности. Эти отложения образуют в низовьях Днепра обширную перигляциальную дельту.

П.Ф.Гожик и Ю.Г.Чугунный отмечают: *"... Описание реконструкции геологического развития в основной средней части долины Пра-Днепра, выполненное Г.И.Горецким на основании анализа огромного фактического материала, который представлен в виде изумительно составленных по своей насыщенности геологических разрезов, картосхем, графиков и т.д., дают весьма наглядное и полное представление о высокой динамичности процессов, происходивших на протяжении антропогена. В долине Пра-Днепра нередко возникали условия для подпруживания вод и их перелива через низкие водоразделы. Такие разливы распространялись на всю площадь долины, захватывая и ее надпойменные террасы. В результате последние превращались в зоны интенсивных водных размывов и аккумуляций, которые происходили в мелководных замкнутых или слабопроточных озерных и озерно-болотных бассейнах"* [199].

Выдающуюся роль сыграл Г.И.Горецкий в организации и проведении в Украине двух всесоюзных совещаний по краевым ледниковым образованиям (1976, 1980), которые стали заметными вехами для украинских геологов-четвертичников: *"Подготовка этих двух совещаний по краевым ледниковым образованиям Украины существенно расширила информацию о них, что нашло свое отражение в монографических описаниях геологического строения Чернобыльско-Чистогаловской гряды, горы Пивихи, Каневских дислокаций и др. Результаты этих исследований нашли свое отражение также в трехтомной монографии по оледенению Восточной Европы, изданной в Амстердаме, а также в монографии "Днепровское оледенение на территории Украины". Таким образом, творческий гений и энтузиазм Г.И.Горецкого послужили своего рода детонатором, вызвавшим новый подъем в познании ледниковой геологии Украины"* [200].

Г.И.Горецкий, будучи председателем Комиссии по изучению четвертичного периода АН СССР, оказывал постоянное внимание работе специалистов по антропогену в Украине. Некоторые из его

[199] Там же. С. 9.
[200] Там же. С. 10.

инициатив способствовали решению актуальных проблем в этой области. Так, он рекомендовал в рамках состоявшегося в 1982 г. в Москве Международного конгресса ИНКВА провести геологическую экскурсию с целью осмотра гляциодислокаций в районе Канева, Мошногорья и Градижска (г. Пивиха). Проведение этой экскурсии способствовало положительному разрешению одной из давних проблем – природы каневских дислокаций, которая обсуждалась на конгрессе ИНКВА еще в 1932 г. Тогда не пришли к единому мнению об условиях их образования из-за отсутствия убедительных доказательств в пользу той или иной гипотез. Во время геологической экскурсии участников конгресса ИНКВА 1982 г. в Каневе, среди которых были специалисты-геологи по краевым ледниковым образованиям из Голландии, Германии, Дании, США, была поддержана аргументация гляциотектонического генезиса каневских дислокаций.

Итак, вклад Г.И.Горецкого в геологическую науку Украины проявился в изучении аллювия Пра-Днепра и изучении ледниковых образований, выделении венедской, нижнекривичской и верхнекривичской аллювиальных свит, а также нижнечетвертичной никопольской и постднепровской перигляциальной террас. Велика заслуга Г.И.Горецкого в исследовании ложбин ледникового выпахивания и размыва на левобережье Днепра, в том числе Шевченковского переуглубления, заполненного гляциоаллювием днепровского времени, выделении гляциоаллювиальной трубежской свиты.

Вклад в палеопотамологию и геологию антропогена

Великие пpареки Русской равнины

Под великими прареками антропогена Русской равнины Г.И.Горецкий понимал крупные равнинные реки европейской части СССР, которые существовали на этой территории в раннем и среднем антропогене, отличались наибольшей многоводностью и максимальной эрозионной активностью, сформировали самые глубокие русла и самые широкие долины. Прежде всего, это наиболее типичные и лучше изученные великие прареки: Пра-Волга, Пра-Кама, Пра-Дон, Пра-Днепр. Г.И.Горецкий не раз отмечал, что прареки изучают не только геологи – трудно назвать исследователя природной среды, который в той или иной степени не касался бы истории рек, или хотя бы какой-нибудь одной стороны проблемы прарек. Прареки изучают в палеогидрографическом, палеогеоморфологическом, палеогидрологическом, палеогеографическом, палеоседиментационном, палеофациальном, инженерно-геологическом, гидрогеологическом, гидротехническом и других отношениях.

Сам он рассматривал великие прареки Русской равнины преимущественно с точки зрения стратиграфии антропогеновых отложений, соотношений аллювия великих прарек с ледниковыми, перигляциальными и морскими формациями, в целях корреляции местных стратиграфических схем и выработки единой стратиграфической схемы антропогена Русской равнины.

И в наши дни замысел Гавриила Ивановича осуществить столь грандиозный проект, посвященный великим прарекам Русской равнины, поражает воображение. Не случайно он произвёл глубокое впечатление на П.Н.Чирвинского, с которым Г.И.Горецкий обсуждал его замысел. Первой задачей, которая стояла на пути осуществления этого проекта, была необходимость критически осмыслить и оценить огромный материал по теме, накопленный по

крайней мере в течение века. Сразу следует сказать, что к решению этой задачи Гавриил Иванович подошел фундаментально и ответственно. Исторический анализ разработки проблемы до наших дней остается актуальным для специалистов и представляющим большой интерес для историков науки.

Происхождение и геологическая история рек и речных долин Русской равнины освещались в работах многих отечественных исследователей XIX – начала XX в.: Н.А.Головкинского, Ф.Ф. Розена, Н.П.Барбот-де-Марни, А.А.Штукенберга, В.В.Докучаева, К.О.Милашевича, С.Н.Никитина, И.В.Мушкетова, Ф.Ю.Левинсон-Лессинга, П.И.Кротова, А.В.Нечаева, П.А.Земятченского, А.П.Павлова, А.М.Зайцева, Ф.Н.Чернышева, П.Я.Армашевского, П.Ососкова, И.Ф.Синцова, А.А.Краснопольского, П.А.Тутковского, П.В.Отоцкого, Н.М.Сибирцева, А.А.Крубера, Н.Ф.Погребова, Е.В.Оппокова, П.А.Православлева, В.Н.Сукачёва, В.В.Богачёва, А.М.Дмитриева, Н.Н.Боголюбова, Ф.В.Лунгерсгаузена, А.Д.Архангельского, М.Э.Ноинского, В.Д.Ласкарева, С.А.Яковлева, Б.Б.Полынова, М.М.Тетяева и др.

В работах этого первого периода имеется немного материалов по изучению погребенного аллювия великих антропогеновых прарек, так как бурение скважин в аллювиальных отложениях велось в то время в крайне ограниченных размерах и сопровождалось несовершенной геологической документацией. Геологическое изучение речных отложений основывалось тогда преимущественно на геоморфологических исследованиях террас, описаниях естественных обнажений, расчисток, почвенных разрезов, неглубоких шурфов, редких карьеров, ям и т. п. Аллювий вскрывали только редкие разрозненные скважины, например в долине Днепра – скважины в г. Киеве, с. Боровицах, с. Носовке и др.

Тем не менее, трудами ученых этого периода были заложены основы учения об аллювии как особом генетическом типе рыхлых континентальных отложений (А.П.Павлов, С.Н.Никитин), о геологическом строении речных долин, их типах и происхождении (В.В.Докучаев, С.Н.Никитин, В.Д.Ласкарёв), о выделении в аллювиальных осадках русловых, пойменных и старичных фаций (С.Н.Никитин, А.А.Краснопольский), о генезисе небольших местных переуглублений в речных долинах (М.М.Тетяев).

Кроме того, в этих трудах содержатся первые сведения об основных этапах формирования крупных рек Русской равнины, как предшествовавших, так и следовавших за временем существования великих прарек.

Выдающееся значение из работ первого периода приобрели исследования Н.Н.Боголюбова, касающиеся геологического стро-

ения и возраста лихвинского обнажения, одного из весьма редких местонахождений, где аллювий прареки (Пра-Оки) не погребен, а обнажается выше современного уреза речных вод. Доднепровский возраст лихвинского аллювия (фации стариц) признается, вслед за Н.Н.Боголюбовым, всеми без исключения исследователями, так как этот аллювий перекрыт мореной днепровского оледенения. Хотя большинство ученых относит лихвинские старичные слои к окско-днепровскому, миндель-рисскому межледниковью, некоторые авторитетные исследователи считают их более древними.

В течение первого периода большие успехи были достигнуты в области гидрологии рек, в разработке теории речных потоков и течений, формирования и механизма речного русла, движения наносов. Это подготовило почву для выяснения закономерностей аллювиального осадконакопления. Геоботаники, луговеды и почвоведы положили в это время начало изучению морфологии пойм и песчаных надпойменных террас.

Второй период (по хронологической схеме Г.И.Горецкого) в изучении геологической истории рек Русской равнины приходится на 1920-е – начало 30-х годов.

В этот отрезок времени интенсивно проводились исследования гидрологов, изучавших морфологию речного русла, характеристику продольного профиля реки, механизм движения взвешенных и донных наносов, процессы естественного формирования речного русла. Масштабные гидрологические исследования заложили основы общей потамологии в нашей стране.

В это же время продолжалось комплексное изучение лугов и речных пойм, вскрывшее много закономерностей в формировании пойм, их генетических и возрастных элементов, гидрогеологического режима их, распределения почв, размещения растительных ассоциаций, пойменных ландшафтов и т.д. Важным теоретическим звеном этой группы исследований рек стала теория поймообразования, разработанная В.Р.Вильямсом.

Геологическая история рек познавалась в этот период преимущественно в результате изучения речных террас. Появилось много работ о террасах Волги, Оки и Камы, Дона и Северского Донца, Днепра и Припяти, Кубани и других рек. Изучение речных террас сделалось более точным и всесторонним; геологическое строение террас стали изучать не только по обнажениям, но и при помощи бурения скважин на всю мощность аллювия.

К этому времени относятся пионерские работы И.В.Даниловского и А.И.Мордвинова, посвященные изучению геоморфологии и геологического строения речных террас по наблюдениям за

формированием аллювия на современных поймах. В этих работах проводилось уже четкое расчленение аллювия на пойменные и русловые фации.

Значительное влияние на оживление интереса к углубленному изучению строения аллювиальных свит, их фациального состава, условий формирования и геологического прошлого рек оказали в рассматриваемый период замечательные работы А.П.Павлова о жизни и геологической истории рек, о стратиграфии пресноводных отложений Южной и Восточной Европы, разработанное Д.В.Наливкиным учение о фациях осадочных пород и начатое Ю.А.Жемчужниковым исследование типов косой слоистости как критерия генезиса осадков, в том числе аллювиальных. Были созданы первые обобщающие работы о террасах и геологическом развитии ряда крупных рек: Волги, Дона, Днепра, Кубани. Б.Л.Личков выдвинул концепцию о происхождении великих аллювиальных равнин – полесий, сопряженных с краевыми зонами древних оледенений и областями тектонических опусканий.

Однако фактический материал о погребенных аллювиальных свитах великих антропогеновых прарек Русской равнины оставался все еще крайне скудным, поскольку имелись лишь единичные скважины, вскрывшие отложения Пра-Дона, Пра-Волги, Пра-Днепра. Более обильный материал был накоплен по долине Пра-Кубани, но по весьма узкому отрезку долины, ограниченному территорией г. Краснодара.

Крупные достижения советских ученых получили отражение в работах II Международной конференции Ассоциации по изучению четвертичного периода (INQUA), состоявшейся в 1932 г. в Ленинграде.

Гораздо более интенсивное накопление фактических материалов по антропогеновым пракекам произошло в третий период изучения геологической истории рек, начавшийся около 1932 г. Период этот совпал с эпохой грандиозного гидротехнического строительства в СССР, сопровождаемого большими инженерно-геологическими изысканиями и вскрытием крупнейших котлованов, в долинах Волги, Камы, Дона, Днепра и других рек. Благотворно повлияли на широкий размах исследований в области геологии антропогена, в том числе и на изучение аллювиальных осадков и геологической истории рек, поисковые и разведочные работы на россыпные полезные ископаемые (в бассейнах Камы, Волги, Днепра, Припяти, Кубани и других рек), на строительные материалы, работы по мелиорации болот, орошению и обводнению засушливых земельных угодий, освоению новых земель, дорожному и промышленному строительству и т. п.

В течение третьего периода очень широко развернулись исследования террас всех крупных рек Русской равнины. В еще большей мере развернулось изучение погребенных аллювиальных свит антропогеновых прарек Русской равнины.

В 1935 г. Г.Ф.Мирчинк делает первую попытку восстановить распределение гидрографической сети великих прарек Русской равнины в миндель-рисское время. *"В первую половину четвертичного периода до рисского времени Волги в современном виде не было... Существовала Кама, которая непосредственно впадала в Каспийский бассейн... В это время на территории Верхней Волги существовала Пра-Нерль... она вливалась в древнюю ложбину стока Воронежа и Дона. Этот древний Дон имел притоками реку Верхнюю Оку... Нижняя Ока ниже Спасска текла в обратном направлении и имела верховьями Унжу (Пра-Унжа). Волга, на участке Горький – Васильсурск, являлась ее притоком и впадала в нее в районе Горького. К юго-востоку от Васильсурска в районе Казани располагался водораздел бассейна Дона и Камы"*[201].

Г.И.Горецкий отмечал, что оригинальная и красочная картина гидрографической сети великих прарек, нарисованная Г.Ф.Мирчинком (которого он очень ценил), не подтвердилась дальнейшими исследованиями. Объясняется это, прежде всего, недостаточным количеством буровых скважин, пройденных при инженерно-геологических изысканиях по проблеме Большой Волги и использованных Г.Ф.Мирчинком для реконструкции древней гидрографической сети. Одной из существенных причин несоответствия схемы и действительности была неточная интерпретация некоторых разрезов скважин, вскрывших аллювиальные отложения большой мощности (до 30–40 м) и ошибочно отнесенных к единой аллювиальной свите. Такое смешение разновозрастных аллювиальных свит и объединение их в одном аллювиальном горизонте наблюдалось и у других исследователей.

При инженерно-геологических изысканиях в бассейне Верхней Волги, Москвы и Клязьмы, проводившихся в 1933–1939 гг., были обнаружены довольно глубокие ложбины в доантропогеновом рельефе с относительными глубинами до 40–80 м и более. Эти и другие данные послужили Б.Л.Личкову (1942) основанием для восстановления контуров древних доднепровских речных размывов. Эта чрезвычайно интересная схема древних речных размывов, на которой Б.Л.Личков подчеркивал консервацию доднепровского

[201] *Мирчинк Г.Ф.* Четвертичная история долины р. Волги выше Мологи // Труды Комиссии по изучению четвертичного периода АН СССР. 1935. Т. 4. Вып. 2. С. 28-29.

рельефа в области оледенений (в связи с изостатическим погружением территории под тяжестью ледника), к сожалению, не обосновывалась достаточным фактическим материалом. Глубокие речные размывы Пра-Камы и Нижней Пра-Волги, не обусловленные великим оледенением, противоречили, по мнению Г.И.Горецкого, логически стройной концепции а. Контуры древних размывов были показаны на схеме а с явным преувеличением, без достаточного обоснования фактическими данными. Направление стока Верхней Пра-Волги представлено в сторону бассейна Пра-Дона, в соответствии с построениями Г.Ф.Мирчинка, что не подтвердилось последующими изысканиями. Противоречило фактам и изображенное на схеме а направление Нижней Пра-Камы в сторону бассейна Пра-Дона.

Используя небольшое количество фактических данных о рельефе доантропогеновой поверхности и учтя данные гипсометрии и тектоники, с блестящим мастерством реконструировал площади древних глубоких речных размывов Верхне-Волжского района. Долины Пра-Шексны и Пра-Волги были параллельны современным долинам Шексны и Волги. На основании своих исследований в Верхне-Волжском районе пришел к исключительно важному выводу о значительной устойчивости направления речных долин (1942, стр. 87). Вместе с тем он, как и Г.Ф.Мирчинк, допускал все же значительные изменения гидрографической сети в антропогеновом периоде, в частности сток Верхней Пра-Волги в бассейн Пра-Дона, с расположением водораздела между бассейнами Волга – Дон и Волга – Кама западнее г.Казани.

Г.И.Горецкий показал, что красивая палеогидрографическая схема а была недостаточно обоснована фактическим материалом, вследствие малого количества буровых скважин, а также и в части выяснения геологического строения, генезиса и возраста древних ложбин в доантропогеновом рельефе. Приводимые ым данные вызывают сомнение в аллювиальном происхождении некоторых впадин доледникового рельефа, так как впадины выполнены мореной мощностью до 80 м и предледниковыми песками типа флювиогляциальных, что указывает на то, что впадины были сложены доледниковым аллювием, позднее уничтоженным выпахивающим воздействием днепровского ледника. Аллювиальному генезису впадин “древнего размыва”, выделенных ым в Верхне-Волжском районе, противоречит также незакономерное изменение отметок постели этих впадин. На отрезке Пра-Шексны между селами Городок и Башарово выше г.Рыбинска абсолютные отметки постели

прареки изменяются от 10 до 20–30 м в направлении, противоположном реконструированному ым, – против течения современной Шексны. Отметки же ложа Пра-Волги, с которой сливалась Пра-Шексна, нигде не опускаются ниже 46 м. Такой резкий перепад отметок постели аллювия сливающихся прарек на близком расстоянии совершенно невероятен. Впадины в рельефе доантропогеновых пород Верхне-Волжского района, принятые Б.Л.Личковым за русла древнего речного размыва, не везде имеют аллювиальное происхождение. Лишь частично это – остатки речных переуглублений; значительная часть их в пределах Молого-Шекснинского понижения, как показал А.И.Москвитин, принадлежит к древней озерной ванне. Некоторая же часть впадин доантропогенового рельефа этого района возникла в результате ледникового выпахивания и относится к ледниковым ложбинам.

Г.И.Горецкий полагал, что “Пра-Шексна” Б.Л.Личкова с отметками постели аллювия около 0–10 м не могла быть притоком ни Пра-Волги в районе городов Тутаев и Ярославль с отметками ложа аллювия около 50 м, ни Пра-Волги в районе городов Чкаловск и Городец с отметками постели аллювия около 40 м.

Недостаточная изученность рельефа доантропогеновых пород Русской равнины продолжала отрицательно сказываться и в этот период на изучении антропогеновых прарек и на реконструкции гидрографической сети обширных пространств этой равнины, особенно в областях древних оледенений. К сожалению, на изучение рельефа коренного ложа антропогена обращалось мало внимания при геологических исследованиях, в том числе и при государственном картировании антропогеновых отложений.

В 50-е годы прошлого века были опубликованы схематические карты рельефа доантропогеновых (коренных) пород отдельных частей Русской равнины: Беларуси, Литвы, Латвии, Смоленской области, юго-западной части Подмосковного бассейна и др. На этих картах вырисовывается ряд глубоких ложбинообразных впадин в поверхности доантропогеновых отложений, часто располагающихся полосами и достигающих весьма низких отметок по отношению к уровню моря. Особенно много глубоких долинообразных ложбин было обнаружено в северо-западной части Русской равнины. Ложбины отличаются здесь большой глубиной – до 200–300 м, незначительной шириной (1–2,5 км), крутосклонностью (до 30–35°), V- и U-образным профилем, глубоким опусканием под уровень моря – до 70–200 м. Эти долинообразные ложбины в рельефе доантропогеновых пород ледниковых областей Русской равнины большинством исследователей принимаются за древние

речные долины, их заложение обычно относят к неоген-четвертичному времени. Однако, утверждал Г.И.Горецкий, эти важнейшие заключения недостаточно обоснованы фактическими материалами о геологическом строении долинообразных ложбин, а предположения о возрасте ложбин не подкреплены палеонтологическими исследованиями. Обращает на себя внимание отсутствие достоверных аллювиальных отложений в древних ложбинах. В подавляющем большинстве случаев глубокие ложбины заполнены мореной различного возраста, флювиогляциальными, лимногляциальными, озерными и озерно-аллювиальными осадками. В этом можно убедиться при изучении геологических профилей и разрезов скважин, пересекающих древние ложбины.

Характерно, что самые низкие части древних ложбин выполнены, как правило, мореной. При этом по мере движения к северу дно ложбин перекрывается все более молодыми моренными отложениями: в области, развития днепровского оледенения – окской мореной, в границах распространения московского горизонта морены – преимущественно днепровской мореной, в зоне валдайского оледенения – преимущественно московской мореной. Дно древних ложбин располагается всегда ниже нормального уровня древних эрозионных врезов, отмечаемого постелью базального горизонта аллювиальных свит. Указанные отличительные особенности древних долинообразных ложбин в доантропогеновом рельефе ледниковых областей могут быть объяснены или воздействием на доледниковые речные долины двигавшегося ледника, или образованием ложбин исключительно ледниковым выпахиванием.

Таким образом, далеко не все долинообразные впадины или ложбины доантропогенового рельефа могут быть зачислены в категорию древних речных размывов, погребенных русел и речных долин. Отсутствие в самых глубоких ложбинах доантропогенового рельефа северо-запада Русской равнины, достигающих глубины 200–400 м, лихвинских и венедских древнеаллювиальных отложений, а также морен окского и днепровского оледенений, обусловлено или уничтожением их при движении ледников более молодых оледенений или особенностями динамики ледниковых покровов, не исчезавших полностью во время березинско-окского интерстадиала и окско-днепровского межледниковья. Решение этих вопросов зависит от выяснения геологического строения, литологического и фациального состава, условий формирования и возраста аллювиальных осадков великих антропогеновых прарек в тех местах, где они наилучше сохранились, т. е. в перигляциальных и экстрагляциальных зонах и в области днепровского оледенения.

Изучение погребенных аллювиальных свит антропогеновых прарек в местах их хорошей сохранности в значительной мере стало возможным благодаря тому, что в 1930–1960-е гг. отечественными исследователями была проделана большая работа по установлению генезиса, фациального состава и типов аллювия. Особенно важное значение для исследования погребенного аллювия имело представление о нормальном сочетании фаций аллювия в аллювиальные свиты, о нормальной мощности аллювиальных свит, о базальном горизонте аллювия как маркирующем горизонте при выделении самостоятельных аллювиальных комплексов, о типах аллювия как основе палеогеографического анализа. Существенную роль при изучении погребенных аллювиальных свит приобрело уточнение отличительных признаков аллювия по сравнению с другими, близкими к аллювию генетическими типами отложений, например флювиогляциальными, половодно-ледниковыми (перигляциальными), озерно-аллювиальными и аллювиально-делювиальными осадками.

Во второй половине 50-х и в 60-е гг. появились фундаментальные сводные работы о геологическом строении долины Средней и Нижней Волги, выполненные А.И. Москвитиным, Средней Волги и Нижней Камы, составленные А.В.Кожевниковым, долины Средней и Нижней Оки, произведенные А.А.Асеевым, о палеогеографии бассейнов Волги и Урала, составленные коллективом сотрудников Института географии АН СССР, о прареках Западной Сибири, опубликованные коллективом научных работников Сибирского отделения АН СССР во главе с В.А.Николаевым.

Главнейшие научные итоги третьего периода были изложены в докладах советских геологов на VI конгрессе INQUA, состоявшемся в 1961 г. в Варшаве.

Изучение погребенного аллювия прарек Русской равнины было начато Г.И.Горецким в 1937 г. на Верхней Волге. Он проводил работы и накопление фактических материалов по изучению прарек Русской равнины при инженерно-геологических изысканиях под Рыбинский гидроузел, Соликамский гидроузел, Мстинские ГЭС, гидроэлектростанции на реках Чусовой и Косьве, Горьковскую ГЭС, Цимлянскую ГЭС, Доно-Манычский и Азовский оросительные каналы, Волго-Сарпинскую оросительную систему, шлюзование Нижнего Дона, Волгоградский канал (Волга–Урал), Нижне-Камскую ГЭС, каналы Северский Донец–Донбасс и Днепр–Кривой Рог, Киевскую ГЭС, Кубань-Калаусскую систему, схему использования Кубани, Чебоксарскую ГЭС, схему Печоры, канал Волга–Уводь и др.

Гавриил Иванович использовал материалы о прареках, полученные при инженерно-геологических изысканиях (в которых ему приходилось принимать лишь частичное участие или посещать районы исследования) под Пермскую и Воткинскую ГЭС, Уфимскую ГЭС, Волжскую ГЭС им. В.И.Ленина, Саратовскую ГЭС, Волжскую ГЭС им. XXII съезда КПСС, Волго-Донской канал, Каневскую, Кременчугскую, Днепродзержинскую, Днепровскую и Каховскую ГЭС на Днепре, схемы Днепра, Дона и Дуная, Южно-Украинский и Северо-Крымский каналы и др.

Сбор материала для монографий по великим прарекам Русской равнины продолжался больше четверти века. Гавриил Иванович полагал, что он всё ещё недостаточен для обоснованных выводов. Задерживала обобщение также нерешенность многих принципиальных проблем геологии антропогена, что затрудняло разработку коренных вопросов в конкретной геологической истории прарек, прежде всего это относилось к вопросу о возрасте аллювиальных свит. Это заставило ученого многие годы воздерживаться от опубликования подробных материалов и результатов исследования, ограничиваясь публикацией отдельных статей и сообщений. Он считал, что глубокие буровые скважины, прорезавшие всю толщу погребенного аллювия прарек, имеются преимущественно по участкам гидроузлов. На территории водохранилищ обычно проходились неглубокие скважины, вскрывавшие только самую верхнюю часть погребенных аллювиальных свит. К тому же инженерно-геологические поперечники задавались на водохранилищах через большие интервалы (10–30 км) и располагались преимущественно в береговой полосе водохранилищ, не пересекая полностью долины современных и ископаемых рек. Геологическая документация многих скважин далека от совершенства и не сопровождалась выделением фаций аллювия (кроме скважин, пройденных при изысканиях, выполнявшихся с его личным участием). Палеонтологические исследования охватили только незначительную часть опорных скважин и обнажений. Очень часто аллювиальные отложения погребенных прарек, особенно венедской свиты, не содержали ни костных остатков, ни раковин моллюсков, ни древесины, ни ископаемых семян, ни спор и пыльцы. Многочисленные спорово-пыльцевые анализы аллювиальных осадков, главным образом из фации русла и размыва (базального горизонта), нередко оказывались безрезультатными.

При таком состоянии фактических данных об аллювии прарек, автор был лишен возможности реконструировать гидрографическую сеть великих антропогеновых прарек Русской равнины, за исключением небольших отрезков некоторых прадолин.

Палеогеографические и палеопотамологические реконструкции сильно затруднены и осложнены тем обстоятельством, что в погребенном состоянии осадки многих фаций аллювия пpaрек не сохраняются. В результате последующего размыва в погребенном аллювии прарек обычно уничтожаются отложения верхней части аллювиальных свит: фации наилка, разлива, пляжа, верхней части русловой фации и даже стариц; сохраняются чаще всего осадки базального горизонта и частично – отложения фации русла и стариц.

Г.И.Горецкий настаивал на том, что проведение работ по изучению геологической истории рек вообще и великих антропогеновых прарек в частности в сильнейшей степени определяется общим научным уровнем геологии антропогена, состоянием исследований по стратиграфии и палеоботанического изучения, успехами археологии, тектоники и палеогеографии антропогена. Несмотря на большие достижения в этих областях на протяжении десятилетий, многие вопросы геологии антропогена оставались недостаточно изученными и остро дискуссионными. Не было достигнуто единство взглядов исследователей по вопросам объема антропогеновой системы, количества и возраста оледенений, речных террас, соотношения аллювиальных свит с моренными, флювиогляциальными, перигляциальными, лёссовыми, озёрно-ледниковыми и морскими горизонтами, с археологическими памятниками, этапами тектонических движений, фазами эволюции растительного и животного мира.

Большое внимание Г.И.Горецкий придавал методическому арсеналу изучения прарек. Из различных методов стратиграфической увязки антропогеновых отложений, наиболее эффективно применяемых обязательно в широком комплексе, наибольшее и решающее значение приобрел, по его мнению, метод цепной литолого-генетической увязки разрезов. Применение широкого комплекса методов стало традицией отечественных геологов. Метод цепной литолого-генетической увязки разрезов особенно широко применялся при детальных инженерно-геологических изысканиях. Этот метод в СССР расценивали как высший критерий всех палеонтологических построений и увязок (Н.М. Страхов). Направление его совершенствования было связано с дальнейшей разработкой учения о генетических типах, фациях и микрофациях континентальных, лиманных и прибрежно-морских осадков. Он выступал как контрольный геологический метод, при помощи которого можно выяснить достоверность результатов и границы применения всех остальных методов, особенно палеонтологических. Этот метод является полезным не только для геологов, но и для всех исследователей, применяющих специальные методы.

Разновидностью метода цепной литолого-генетической увязки разрезов был метод построения продольных профилей речных врезов, который синтезирует главнейшие результаты изучения геологической истории реки. Г.И.Горецкий построил многочисленные продольные профили речных врезов Пра-Волги и Пра-Камы протяженностью 3000 км, Пра-Волги от устья Унжи до устья Камы длиною 600 км, Пра-Дона протяженностью 1700 км и Пра-Днепра длиною 2100 км. Всего продольные профили составляли 7400 км протяженности прарек. При построении продольных профилей речных врезов автор использовал данные бурения нескольких тысяч скважин общим метражом свыше 300 тыс. м.

При стратиграфических определениях использовались результаты конхилиологических, остеологических, микрофаунистических, спорово-пыльцевых, палеокарпологических, диатомовых, палеодендрологических, археологических и других исследований. Г.И.Горецкий писал: *"...Без помощи палеонтологов, археологов и минералогов совершенно невозможно проводить сколько-нибудь обоснованные исследования. Необходимо сочетание в единый гармонический комплекс большого числа специальных исследований. Массовые сборы палеонтологических остатков дали возможность строить не только спорово-пыльцевые, но и конхилиологические и палеокарпологические спектры. Я придаю большое значение массовым сборам и статистическим методам обработки палеонтологических материалов. Совершенно иные по эффективности результаты получаются, когда накоплен массовый материал. При построении конхилиологических и палеокарпологических спектров выясняется целый ряд новых закономерностей, ускользающих при неиспользовании статистического метода"*[202]. Гавриил Иванович сотрудничал с широким кругом специалистов: Г.И.Поповым, В.В.Богачёвым, В.И.Громовым, Н.К.Верещагиным, И.Г.Пидопличко, И.М.Громовым, К.Н.Негадаевым-Никоновым, И.М.Покровской, В.П.Гричуком, Е.Н.Анановой, А.И.Животовской, В.В.Зауер, Л.С.Короткевич, М.Н.Грищенко, П.А.Никитиным, П.И.Дорофеевым, М.Г.Кипиани, В.И.Барановым, О.Г.Николаевой, А.П.Жузе, В.С.Порецким, И.А.Купцовой, А.В.Ярмоленко, А.А.Формозовым, И.А.Шамраем, И.Д.Седлецким, С.Я.Озеровым, В.Я.Поляниным и др.

В переуглублениях великих прарек погребены доднепровские аллювиальные свиты – в древних прареках – венедская, а в

[202] *Горецкий Г.И.* О великих прареках антропогена Русской равнины // Материалы Всесоюзного совещания по изучению четвертичного периода. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 117.

молодых прареках – хазарская и древнеэвксинская (лихвинская) аллювиальные свиты. Аллювий молодых прарек характеризуется хазарским комплексом фауны млекопитающих, лихвинскими спорово-пыльцевыми спектрами, коссожским палеокарпологическим комплексом, выделенным П.И.Дорофеевым, остатками древнего палеолита – ашеля и мустье, присутствием *Corbicula fluminalis* Mull, и *Paludina diluviana* Kunth. в составе пресноводной конхилиофауны. Хазарско-древнеэвксинская погребенная молодая аллювиальная свита достаточно полно характеризуется комлексом пресноводной конхилиофауны.

Венедская аллювиальная свита, постель которой залегает на 15–25 м (иногда до 40–45 м) ниже хазарской, охарактеризована единичными находками костей млекопитающих тираспольского комплекса В.И.Громова: *Elephas meridionaloides* (sp. n.). *Rhinoceros etruscus*(?) Falc, совместно с *Cervus elaphus* Lin., холодными спорово-пыльцевыми спектрами (степными на юге, лесными на севере) и сингальским палеокарпологическим комплексом, выделенным П.И. Дорофеевым (15–20% экзотов). Хазарско-эвксинская и венедская аллювиальные свиты перекрываются мореной максимального оледенения и осадками перигляциальной формации, связанными с позднеледниковьем максимального оледенения, – на Каме, Волге, Дону и Днепре; они являются доледниковыми, car днепровскими. Хазарско-эвксинская и венедская аллювиальные свиты подстилают аллювий пойм I и II надпойменных террас, врезаясь в аллювий IV надпойменной террасы. Хазарско-эвксинская аллювиальная свита слагает III надпойменную террасу; венедская аллювиальная свита древнее III надпойменной террасы (она подстилает ее) и моложе отложений IV террасы.

Соотношения великих прарек с морскими осадками лучше прослеживаются на Пра-Волге и Пра-Дону, хуже на Пра-Днепре. Венедский аллювий Пра-Волги подстилается бакинскими и перекрывается нижнехазарскими морскими отложениями. По всей вероятности, венедская Пра-Волга формировалась при регрессии урунджикского морского бассейна. Аллювий хазарской Пра-Волги с размывом ложится на морские нижнехазарские отложения и перекрывается верхнехазарскими или гирканскими осадками. Следовательно, аллювий хазарской Пра-Волги отлагался при регрессии нижнехазарского бассейна.

Аллювий Пра-Дона перекрывает отложения бакинской, сусатской (урунджикской) и древнеэвксинской первой трансгрессий; он подстилает осадки тирренской и гирканской ингрессий, переходя в отложения древнеэвксинского озера-моря второго. Значит, Пра-

Дон одновозрастен с древнеэвксинским озером-морем вторым. Древнеэвксинские трансгрессии предшествовали максимальному днепровскому оледенению. Тирренская ингрессия отвечает по возрасту предледниковью, а гирканская – днепровскому ледниковью. Пра-Дон древнее тирренской ингрессии, а последняя, как видно на продольных профилях, древнее II надпойменной террасы. Синхронность карангата и II надпойменной террасы опровергается фактическим материалом.

Аллювий Пра-Днепра перекрывается морскими илами новоэвксинской трансгрессии; соотношение этого аллювия с осадками древнеэвксинской трансгресии не прослежено. Но, поскольку в пра-днепровском аллювии иногда встречаются дробленые раковины древнеэвксинских моллюсков, можно считать, что Пра-Днепр формировался при регрессии древнеэвксинского бассейна.

Соликамские аллювиально-озёрные слои, считавшиеся А.И.Москвитиным, С.А.Яковлевым и Г.И.Горецким в 1939–1940 гг. миндель-рисскими (подстилающие их мореноподобные супеси со щебенкой, гравием и галькой, принимаются А.И.Москвитиным и С.А.Яковлевым за миндельскую морену), на самом деле древнее хазарской и венедской аллювиальных свит, т.е. древнее миндель-рисской свиты. Мощность соликамских слоев достигает 30–42 м. В них прослежено восемь фаз осадконакопления и смен климатических условий, причем в фазах сильного похолодания встречаются лапчатка снежная, горно-альпийские маки, типичный холодолюбивый набор флоры.

Следовательно, по данным Г.И.Горецкого, соликамские слои содержат древнейшую холодолюбивую флору антропогена, залегающую стратиграфически близко к мореноподобным супесям и подстилающим их верхнеплиоценовым осадкам, содержащим в спорово-пыльцевом спектре до 37.7% бука, 1.7% тсуги, 2.9% птерокарии, 0.6% граба, 1% орешника, 2% дуба и 1% липы (всего 48 теплолюбивых форм). Таким образом, здесь видна резкая смена плиоценовых отложений с теплолюбивой флорой антропогеновыми осадками с холодолюбивой флорой.

Г.И.Горецкий считал, что рубеж между плиоценом и антропогеном совершенно отчетливо намечается в Соликамском районе. Представление о подчиненном значении этого рубежа, сложившееся у некоторых специалистов, объясняется тем, что ими не учитываются многие звенья в эволюционной цепи развития растительности на границе плиоцена и антропогена: *"Эти звенья ясно выделяются, если посмотреть на продольный профиль Пра-Волги и Пра-Камы. Мы видим смену миоцена плиоценом и древним*

антропогеном в Соликамской денудационно-карстовой депрессии. Дальше мы прослеживаем смену глубоких эрозионных врезов, свит и горизонтов: кинельской свиты с 4 горизонтами (шешминский, челнинский, сокольский, чистопольский) и врезом до минус 100 м у устья Белой и до минус 300 м к востоку от Саратова; акчагыла с абсолютными отметками морских отложений до 145 м ниже устья Вятки и врезом до минус 90 м у Балакова; пресноводного акчагыла и домашкинской свиты, которая делится на 4 самостоятельных горизонта"[203]. Оппонентам следовало бы проследить непрерывную цепь развития растительности по всем стратиграфическим звеньям.

Как показывают спорово-пыльцевые диаграммы, от низов кинельской свиты до верхов домашкинской свиты имеется целый ряд фаз похолодания и потепления, по крайней мере, четыре–пять крупных фаз. Помимо существенного потепления в эпоху накопления осадков сокольского горизонта кинели, значительное улучшение климата наблюдалось во время формирования омарского и икского горизонтов домашкинской свиты (с *Unio sturi* в икском горизонте). В омарском горизонте домашкинской свиты, спорово-пыльцевой спектр которого характеризуется новой вспышкой развития теплолюбивых растений, в том числе тсуги до 10–25%, обнаружен диатомит мощностью 3,5 м с богатой пресноводной диатомовой флорой, состоящей из 74 видов, сходной с верхнеплиоценовой флорой Западной Германии и содержащей до 40% экзотов.

Г.И.Горецкий убедительно доказывал, что даже если руководствоваться исключительно палеонтологическими и палеоботаническими данными, то и в таком случае нет никаких оснований для присоединения кинели, акчагыла и апшерона к антропогеновой системе. Если же учесть чрезвычайно большие различия в глубине эрозионных врезов плиоценовых палеорек и антропогеновых прарек и совершенно отличную конфигурацию гидрографической сети плиоцена и антропогена, то несостоятельность предложений о слиянии среднего и верхнего плиоцена, а тем более всего плиоцена с четвертичным периодом станет очевидной для всех.

Построение продольных профилей речных врезов великих прарек Русской равнины позволяет уловить наиболее существенные особенности в геологической истории этих прарек, например современное глубокое врезание Волги, по сравнению с Пра-Волгой, унаследованный характер порогов Днепра, обилие высоких псевдоаллювиальных террас на Дону и т.д.

---

[203] Там же. С. 119.

Погребенные аллювиальные свиты антропогена представляют опорные стратиграфические горизонты в долинах как больших, так и малых рек. Поэтому использование их облегчает геологу построение местных стратиграфических схем и привязку их к общим стратиграфическим схемам крупных регионов нашей страны, т.е. этот метод является в руках геолога одним из полезных методов для первой стратиграфической ориентировки в стратиграфических соотношениях отложений антропогена, с которыми ему приходится иметь дело в полевых условиях.

Начав изучение палео- и прарек с Волжско-Камского бассейна (Усоль-река, Кинель-река, Палео-Вятка, Палео-Белая, Палео-Свияга, Палео-Казанка, Палео-Самара, Пра-Кама, Пра-Уфа, Верхняя Пра-Волга), Г.И.Горецкий продолжил исследования в долинах Унжи, Пра-Оки, Пра-Москвы, Средней и Нижней Пра-Волги, Пра-Дона, Пра-Кубани, а, переехав в Минск, – Пра-Немана, Пра-Припяти, Пра-Днепра и Пра-Днестра. В результате им был собран, систематизирован и интерпретирован огромный материал, который после десятилетий его сбора и осмысления нашел отражение в серии фундаментальных монографий[204]. Эти его труды получили признание, они отмечены Государственной премией СССР (1971) и премией Московского общества испытателей природы (1967). По прошествии лет можно без преувеличения сказать, что проект Г.И.Горецкого “Великие прареки Русской равнины” следует отнести к числу выдающихся достижений отечественной геологической науки. Естественно, наука никогда не останавливается, она динамична и критична по своей сути, она – открытая система, для нее нет вечных истин, поэтому и комплекс знаний о великих прареках Русской равнины развивается и уточняется, что никак не отменяет вклада Г.И.Горецкого.

Чтобы подтвердить значение этого проекта приведем несколько отзывов современников Гавриила Ивановича, выбрав их из множества откликов.

[204] *Горецкий Г.И.* Аллювий великих антропогеновых рек Русской равнины. Прареки Камского бассейна. М.: Наука, 1964. 415 с.; *он же.* Формирование долины р. Волги в раннем и среднем антропогене. Аллювий Пра-Волги. М.: Наука, 1966; *он же.* Аллювиальная летопись великого Пра-Днепра. М.: Наука, 1970. 490 с.; *он* же. Особенности палеопотамологии ледниковых областей (на примере Белорусского Понеманья). Мн.: Наука и техника, 1980. 288 с.; *он же*. Палеопотамологические эскизы Палео-Дона и Пра-Дона. Мн.: Наука и техника, 1982. 248 с.

Шанцер Е.В. Г.И.Горецкий. “Аллювий великих антропогеновых прарек Русской равнины. Прареки Камского бассейна” (М.: Наука, 1964) и “Формирование долины р. Волги в раннем и среднем антропогене. Аллювий Пра-Волги” (М.: Наука, 1966)[205]

Проблема истории развития древней гидрографической сети и накопления выполняющего ее погребенные долины аллювия имеет огромное значение для познания геологического прошлого земной суши и восстановления ее палеогеографической обстановки. К сожалению, до сих пор она остается еще крайне слабо разработанной. Это касается даже истории относительно наиболее молодых антропогеновых (четвертичных) речных долин, не говоря уже о более древних неогеновых и палеогеновых, о которых у нас пока лишь очень малые и фрагментарные сведения. Главная трудность, стоящая в этом отношении перед геологами, – необходимость постановки большого объема специальных, целеустремленно организованных геофизических и тщательно задокументированных буровых работ, возможности проведения которых обычно вовсе отсутствуют или весьма ограничены. В течение почти трех десятилетий, которые Г.И.Горецкий посвятил геологическим изысканиям под гидротехнические сооружения, ему и посчастливилось в большой степени преодолеть эту главную трудность. Решая важные практические задачи, ему удалось одновременно собрать колоссальный и ценнейший фактический материал по многочисленным поперечникам через долины крупнейших рек Русской равнины. Будучи пытливым и разносторонним естествоиспытателем и обладая незаурядной энергией и организаторскими способностями, он сумел обеспечить как высококачественную первичную документацию этого материала, так и его всестороннюю научную обработку, включающую наряду с массовыми гранулометрическими и минералогическими анализами также палинологические, палеокарпологические исследования и определение ископаемой малакофауны. Сводка и обобщение этого поистине уникального материала составляет значительную часть содержания обеих рецензируемых монографий. Уже одно это придает им громадную научную ценность, превращая в кладезь конкретных научных

[205] Цит по кн.: Акадэмік Гаўрыла Гарэцкі. Успаміны, артыкулы, дакументы. Да 100-годдзя з дня нараджэння. Пад рэд. Р.Г.Гарэцкага. Мн.: Тэхналогія. 2000. С. 322-324.

знаний, из которого будут черпать многие поколения исследователей. Громадный фактический материал, сосредоточенный в обеих работах под определенным углом зрения, истолкован автором в соответствии с его личными научными установками. Поэтому неизбежно проявляется некоторый субъективизм суждений, порой достаточно спорных или даже мало приемлемых для инакомыслящих ученых. Но тщательность, добросовестность и объективность описания фактов делают возможным их использование для любого, независимо от различий в принципиальных научных позициях. Это важное для подобного рода сводных работ качество следует подчеркнуть. Однако значение обеих работ Г.И.Горецкого отнюдь не сводится только к изложению научно обработанных фактов.

Хотя обе книги вышли в свет с двухгодичным перерывом, но они являются органически взаимосвязанными частями единого целеустремленного исследования. Задачи, поставленные перед собой его автором, обширны и многогранны. В основу их решения положена разработка детальной стратиграфии плиоценовых и собственно антропогеновых (четвертичных) отложений, выполняющих долины бассейна Волги. В этом отношении Г.И.Горецкому удалось сделать многое, хотя не все его выводы можно считать бесспорными. Наиболее важным является предложенное им и ставшее известным уже ранее подразделение на горизонты кинельской свиты, обоснованное палеофаунистически и палеофлористически. Немало интересного внесено им также и в вопрос о стратиграфических соотношениях аллювиальных отложений террас Камы и Волги. Эти стратиграфические построения служат главной базой палеогеографических реконструкций, представляющих собой главную цель автора. При этом широко используются методы палеоэкологического анализа ископаемой фауны и флоры и фациального анализа отложений, выполняющих долины. Эти методы творчески применяются автором, вносящим в них немало оригинального и самобытного. Особенно это касается фациального анализа аллювия, для которого Г.И.Горецкий предлагает свою схему детального фациального расчленения и который подразделяется им на несколько типов. Весьма своеобразно подходит он и к истолкованию природы отложений, образующихся в долинах Камы и Волги во время максимального оледенения Русской равнины, обособляя их в особый генетический тип просхозогляциальных отложений, противопоставляемых аллювию в собственном смысле слова, в том числе и перигляциальному аллювию. Фациальный анализ аллювиальных отложений автор рассматривает как средство восстановления гидрогеологического режима древних речных артерий,

а вместе с тем режима стока и климата. С этой целью он стремится ввести количественные характеристики аллювия, основанные на оценке полной мощности его разновозрастных генераций и введения цифровых коэффициентов, выражающих относительное развитие составляющих аллювий главных фаций. Для целей восстановления режима рек прошлого и истории развития их долин широко используются также анализ совмещенных продольных профилей по кровле и подошве разновозрастных аллювиальных свит и построение графиков амплитуд эрозионных врезов и аллювиального заполнения долин, сменяющих друг друга во времени, "эрозиограмм", как их называет автор. Совокупность всех этих методических приемов вместе с экологическим и тафономическим анализом захоронений фауны и флоры, по мысли Г.И.Горецкого, должны составить теоретический фундамент нового раздела палеогеографии, специально посвященного восстановлению истории и изменений гидрологии рек геологического прошлого, который он именует палеопотамологией. Широко используя не только данные личных наблюдений, но и литературный материал, он не ограничивает свои палеопотамологические интересы только историей древних собственно антропогеновых рек бассейна Волги, которые он называет прареками, но обращается и к истории предшествующей по времени гидрографической сети неогена, а частью и палеогена, к так называемым палеорекам.

Все сказанное придает исследованию Г.И.Горецкого характер широкого обобщения, насыщенного оригинальными идеями и теоретическими высказываниями. Далеко не все положения, развиваемые автором, представляются надежно аргументированными и бесспорными. Наоборот, во многом ему можно возразить, а ряд его выводов и методических приемов исследования кажутся даже принципиально неправильными. Но это ни в малейшей степени не снижает большого научного значения рецензируемых книг, в целом представляющих собой несомненно выдающееся исследование. Несмотря на насыщенность описательным фактическим материалом, они читаются с большим интересом, чему немало способствует бесспорная талантливость самого стиля изложения. Г.И.Горецкий принадлежит к числу ученых, не только владеющих логикой научного исследования, но и обладающих большой образностью мышления, я бы сказал даром поэтического видения фактов. Это выражается уже в таких былинно звучащих названиях, как Усоль-река, Кинель-река, или в наименованиях венедской и кривичской свит, несколько неожиданных для Поволжья, удаленного на тысячи километров от былого местообитания племен, носивших эти имена.

Это выражается порой и в том, что, следуя за фактами, автор вдруг как бы отрывается от них и, делая мысленный скачок, высказывает идеи, прямо из них не вытекающие и являющиеся, если можно так выразиться, плодом внезапного озарения. Часто такие идеи представляют собой довольно смелые гипотезы, но излагаются они с такой убежденностью, что невольно читатель заражается научным энтузиазмом автора. Вряд ли можно отнести эти особенности творческого ума Г.И.Горецкого к числу недостатков.

Даже наиболее спорные из выдвигаемых им положений заставляют глубже вдумываться в предмет, освещая его часто с новой и неожиданной стороны. Поэтому даже если некоторая часть выводов, содержащихся в рецензируемых книгах, в дальнейшем не выдержит испытания временем, ценность их для науки от этого не уменьшится.

Марков К.К. О трех монографиях, посвященных истории рек Русской равнины[206]

Г.И.Горецкий является одним из ведущих ученых, занимающихся исследованием новейшего геологического периода – плейстоцена. Он связан в течение десятилетий как геолог с деятельностью Гидропроекта. Благодаря Г.И.Горецкому огромный материал буровых скважин из районов долин наших больших рек (из районов строек гидростанций на Волге, Каме и Днепре – прежде всего) не только не пропал для науки и практики, но синтезирован Г.И.Горецким в трех его монографиях в 1964, 1966 и 1970 гг.

Благодаря Г.И.Горецкому известно не только строение долин Волги с Камой и Днепра, но и установлена их история, а в значительной мере – и история всей Русской равнины.

Таких монографий нет в мировой литературе. Они представляют собой вполне оригинальное явление. Поражают идеи и обстоятельность монографий. Впервые и на основе огромного фактического материала аллювиальные толщи Русской равнины расчленены и сопоставлены с ледниковыми отложениями на Севере и с морскими отложениями на Юге Русской равнины. Заметим, что это особенно важно для народного хозяйства Советского Союза. Ведь долины больших рек являются основными районами концентрации населения и производства.

27.VIII.1971

---

[206] Цит. по той же кн. С. 324-325.

Яншин А.Л., Муратов М.В. О работах Г.И.Горецкого по палеопотамологии, строению аллювия и истории великих прарек Русской равнины в антропогене[207]

Лабораторией геохимических проблем Академии наук Белорусской ССР были представлены на соискание Государственной премии 1971 года три монографии академика Г.И.Горецкого: “Аллювий великих антропогеновых прарек Русской равнины. Прареки Камского бассейна” (М., 1964), “Формирование долины р. Волги в раннем и среднем антропогене” (М., 1966) и “Аллювиальная летопись великого Пра-Днепра” (М., 1970). Так как в последней монографии имеется большая глава, посвященная системе р.Дона, то можно сказать, что в целом три монографии Г.И.Горецкого освещают строение аллювия и историю формирования долин всех крупных рек Русской равнины, текущих в южном направлении.

История создания этих монографий весьма любопытна и резко отлична от истории написания обычных даже очень хороших геологических работ. Их автор в течение четверти века был главным геологом, а позднее – главным консультантом Гидропроекта и лично участвовал в изысканиях, которые проводились в связи с гидротехническим строительством в бассейнах Камы, Волги, Днепра и Дона. Он накапливал фактический материал по изучению прарек Русской равнины при инженерно-геологических изысканиях под Рыбинский гидроузел, Соликамский гидроузел, Мстинские ГЭС, гидроэлектростанции на реках Чусовой и Косьве, Горьковскую ГЭС, Цимлянскую ГЭС, Доно-Манычский и Азовский оросительные каналы, Волго-Сарпинскую оросительную систему, Нижне-Камскую ГЭС, каналы Северский Донец–Донбасс и Днепр–Кривой Рог, Пермскую, Боткинскую и Уфимскую ГЭС, Волжскую ГЭС им.В.И.Ленина, Саратовскую ГЭС, Волжскую ГЭС им. XXII съезда КПСС, Волго-Донской канал, Каневскую, Кременчугскую, Киевскую, Днепродзержинскую и Каховскую ГЭС на Днепре, Нижне-Припятский гидроузел, Витебскую и Суражскую ГЭС. В последние годы по его проектам учреждениями системы Министерства геологии СССР были пройдены специальные профили буровых скважин в низовьях р. Днепра для выяснения соотношений между речными и морскими террасами и в ряде других мест, где нужно было уточнить соотношения между речными и ледниковыми отложениями.

[207] Цит. по той же кн. С. 325-327.

Таким образом, в руках Г.И.Горецкого скопился колоссальный фактический материал, которым до него из русских и советских геологов не обладал никто. Об истории речных долин судили в основном по строению террас. У Г.И.Горецкого же были разрезы десятков тысяч буровых скважин, прошедших всю толщу речного аллювия до подстилающих коренных пород. Образцы пород из этих скважин подвергались всестороннему изучению. Десятки тысяч гранулометрических и минералогических анализов, тысячи палинологических и палеокарпологических анализов, сотни определений раковин остракод, пресноводных и наземных моллюсков дали в сумме уникальнейшие сведения о строении речного аллювия всех крупных рек европейской части СССР на разных участках речных долин, о возрасте различных аллювиальных толщ, о соотношении их с морскими, ледниковыми и эоловыми четвертичными образованиями. Больше того. Впервые появилась возможность сопоставлять по времени образования различные аллювиальные толщи бассейнов Камы, Волги, Днепра и Дона, устанавливать сходства и различия в истории развития этих речных бассейнов, проследить общую историю зарождения и формирования гидрографической сети трех четвертей территории европейской части СССР.

Часть гидрологии, изучающая деятельность рек, называется потамологией. Древние речные отложения описывались во многих странах мира разными авторами. Однако можно с уверенностью сказать, что ни в одной стране строение аллювиальных толщ и история формирования речных долин не изучены так детально и не описаны так тщательно, как это сделано Г.И.Горецким по отношению к великим рекам нашей родины. Только после опубликования его работ мы можем говорить о появлении нового научного направления, которое развивалось на рубеже геологии и гидрологии и которое может быть названо палеопотамологией.

Некоторые выводы Г.И.Горецкого о возрасте тех или иных аллювиальных толщ спорны. Не все специалисты по изучению четвертичных отложений согласны с употребляемой им терминологией. Существуют расхождения в определении соотношений аллювиальных и ледниковых образований юга СССР и Западной Европы. Однако те многие десятки профилей через речные долины, которые опубликованы в монографиях Г.И.Горецкого, те многие десятки таблиц самых разнообразных анализов, которые сопровождают эти профили, являются незыблемым фундаментом наших знаний об истории речных долин и будут в течение десятков лет использоваться всеми геологами, гидрогеологами и гидротехниками, которым придется продолжать работы различного рода в этих долинах.

Следует заметить, что в своих монографиях Г.И.Горецкий не только детально описывает строение аллювия и историю формирования речных долин, но также разбирает на большом фактическом материале ряд крупных теоретических вопросов большого принципиального значения. Это вопрос о времени заложения современных речных долин, о влиянии на их образование явлений ледникового выпахивания, о южных пределах распространения ложбин ледникового выпахивания, о хронологическом соотношении этих оледенений и эпох врезания речных долин, о влиянии новейших тектонических движений на строение речных долин и ряд других не менее важных.

Велика и чисто практическая ценность монографий Г.И.Горецкого. Дальнейшее гидротехническое строительство на реках европейской части СССР получило в них прочную геологическую основу, которая, несомненно, будет широко использована.

Сказанное не оставляет у нас сомнений в том, что цикл монографических работ Г.И.Горецкого по палеопотамологии, строению аллювия и истории великих прарек Русской равнины в антропогене несомненно заслуживает присуждения автору Государственной премии.

10.IX.1971

Соколов Н.Н. Г.И.Горецкий. Формирование Волги в раннем и среднем антропогене (аллювий Пра-Волги)[208]

В 1964 г. Г.И.Горецкий опубликовал обширную и весьма ценную монографию о результатах изучения четвертичных и частью верхнетретичных отложений и истории речных долин в бассейне р. Камы. А всего через 2 года автор выпустил в свет новый, не менее важный обобщающий труд, посвященный речным долинам бассейна р. Волги и отложениям, их заполняющим.

Автору удалось, как и для бассейна р. Камы, “пустить в научный оборот” огромное количество новых материалов, которые в значительной их части собраны и исследованы при его участии или по его инициативе. Целеустремленной, настойчивой и самоотверженной деятельности Г.И.Горецкого наша наука обязана тем, что многочисленные первичные материалы, по преимуществу буровых работ, были собраны с достаточной тщательностью и затем подверглись

[208] Изв. Всес. геогр. об-ва. 1969. Т.101. Вып. 5. С. 481.

обработке специалистами: можно с уверенностью сказать, что без стараний Г.И.Горецкого большая часть опубликованных материалов не только не увидела бы света, но и погибла бы.

В труде приведены данные и геологические разрезы через долины Волги в различных ее участках с разными геологическими условиями, а также через долины некоторых притоков (Оки и других). Это позволило выяснить сложное строение долин, которые нередко погребены под мощными и неоднородными толщами отложений разного происхождения и возраста. При этом оказалось, что поверхность речных террас часто скрыта под плащом более молодых отложений, например ледниковых и перигляциальных. В ряде случаев предполагается существенное воздействие на строение долин выпахивания их ледником.

Вместе с тем систематизированы многочисленные и разнообразные сведения об отложениях в долинах, об их литологии и о палеонтологических остатках в них, выясняются их типы, а также особенности в зависимости от различных процессов (речных, ледниковых, перигляциальных, морских и др.) при длительном развитии речных долин, начиная с плиоцена.

Автором использована с удивительной полнотой и добросовестностью весьма обширная и разнообразная литература, начиная с давних работ и кончая новейшими, нередко мало известными. (Такое тщательное использование литературы, к сожалению, не часто наблюдается, – нередко авторы предпочитают цитировать “себя” или работы, которые они почему-либо считают более “подходящими” для себя. Мы уже не говорим о недобросовестных авторах, которые, используя чужие работы, либо вовсе их не упоминают, либо лишь “критикуют” их.)

Указанные труды Г.И.Горецкого, как и многие другие его работы, имеют исключительное значение для познания не только истории наших важнейших речных долин и рек, но и для выяснения палеогеографических условий за длительное время на обширной части Русской равнины. Труды эти надолго сохранят свою ценность прежде всего благодаря огромному количеству превосходно изученных и обобщенных материалов.

Сказанное позволяет считать монографии Г.И.Горецкого истинным научным подвигом.

Бабинец А.Е., Еськов Б.Г., Кухтий С.В.
Геологическая летопись Днепра[209]

В 1970 г. вышла в свет книга академика АН БССР Г.И.Горецкого "Аллювиальная летопись великого Пра-Днепра". Работа базируется на громадном фактическом материале. В ней приведены 118 разрезов по долине Днепра и его притокам, построенных по данным 1300 скважин, шурфов и расчисток. Кроме того, значительная часть разрезов дана автором в виде текстовых описаний. Палеогеографические выводы подтверждаются более чем 30 палинологическими, палеокарпологическими, конхилио-фаунистическими диаграммами и таблицами, многочисленными описаниями древней семенной флоры, растительности и фауны. Автором дана подробная литологическая характеристика осадков древних аллювиальных свит. Удачно составлены таблицы гранулометрического состава отложений (более 20 таблиц), позволяющие проследить изменчивость их крупности как в поперечном, так и в продольном профиле долины Днепра. Приведенные материалы дают возможность установить сходные черты и различия аллювия Волги, Камы, Днепра и Дона (устьевая часть).

В монографии Г.И.Горецкого впервые дана детальная, четко обоснованная богатейшим материалом стратиграфия четвертичного аллювия Днепра и Дона, отражающая не только крупные этапы формирования рельефа и осадков в антропогене (ледниковые периоды и межледниковья), но и более мелкие (интерстадиалы).

Г.И.Горецким составлен ряд опорных стратиграфических разрезов, которые могут служить твердой основой для дальнейшего всестороннего изучения аллювия бассейна Днепра и практического использования его как источника ценного минерального сырья, высококачественной технической и питьевой воды, или как основания, среды и материала для различных инженерных сооружений, в том числе и гидротехнических.

Очень ценным является выделение Г.И.Горецким и по возможности оконтуривание в долине Днепра двух пойменных террас (низкого и высокого уровней), которые отчетливо прослеживаются в пределах Вышгородского разреза, на Ольшанском и Золотоношском массиве, а также в районе Черкасс, Кременчуга и Днепродзержинска. Пойменные террасы низких и высоких уровней различа-

[209] По поводу книги Г.И.Горецкого "Аллювиальная летопись Великого Пра-Днепра" (М.: Наука, 1970) // Геол. журнал. 1972. Т. XXXII. Вып. 4. С. 152–153.

ются не только уровнем поверхности, но и глубиной вреза аллювиальных свит (уровень вреза пойменной террасы низкого уровня, как правило, за исключением Днепродзержинского поперечника, выше такового пойменной террасы высокого уровня). Осадки низкой и высокой поймы заметно отличаются между собой по соотношению песчаных и глинистых грунтов, по их свойствам.

Большим шагом вперед в изучении четвертичных осадков в долине Днепра явилось четкое расчленение погребенной аллювиальной толщи на нижне- и верхнекривичскую (ранее относилась автором к эвксинской) и венедскую свиты, прослеженные в пределах всей долины Днепра и его притоков. При дальнейшем изучении этих свит рядом других исследователей констатированы четкие различия в их составе и свойствах, позволяющие выделять их в разрезе, даже не прибегая к палеоботаническим и палеонтологическим методам.

Благодаря работам Г.И.Горецкого, в особенности монографии об аллювии Днепра, внесена окончательная ясность в представление о строении IV надпойменной (яготинской) террасы. По геологическому строению и составу осадков она расчленена на два генетически разнородных геоморфологических элемента: перигляциальную псевдоаллювиальную террасу (черкасскую, черкасско-переяславскую) и III надпойменную (по данным Г.И.Горецкого), моренную террасу, подморенный комплекс осадков которой представлен нижне-, верхнекривичской и венед ской свитами.

В книге Г.И.Горецкого даны стратиграфия и литология осадков в пределах переуглубленного участка долины Среднего Днепра (Переяславско-Черкасской депрессии); особенно ценным является выделение специфического генетического комплекса осадков – гляциоаллювия, впервые выделенного автором, детально описанного и изученного в котловане Каневской ГЭС. Подстилают гляциоаллювий глинистые осадки озерного генезиса шевченковской свиты (выделена Г.И.Горецким в 1961 г.), лежащие на морене. Перекрываются гляциоаллювиальные отложения осадками рославльской свиты, также впервые выделенной и описанной Г.И.Горецким в рецензируемой работе.

В монографии подведен итог многолетней дискуссии по вопросу природы переуглубленного участка долины Среднего Днепра. Согласно убедительным доводам, рассматриваемое переуглубление относится к типу “долинообразных ложбин ледникового выпахивания и ледникового размыва”, широко развитых на всей территории Русской равнины и отличающихся рядом специфических черт от погребенных долин аллювиального происхождения.

Автор выражает "... надежду, что по мере дальнейшего познания природы каневских дислокаций на новом фактическом материале взгляды на генезис этих дислокаций будут постепенно сближаться" (с. 295).

По мнению Г.И.Горецкого, "... днепровский тип погребенного аллювия существенно отличается от камско-волжского типа ... как бы противостоит ему по ряду особенностей... На формирование долины Пра-Днепра тектонические факторы влияли так же сильно, но с преобладающей тенденцией к поднятию, которая ярко проявлялась и при заложении верхнеолигоценового и неогенового Палео-Днепра. Климатические факторы имели в геологической истории антропогенового Пра-Днепра гораздо большую определяющую роль, чем в истории Пра-Камы и Пра-Волги" (с. 7).

Можно приветствовать опыт автора по увязке стратиграфической схемы аллювия Днепра с реками Камско-Волжского бассейна (это подход к созданию обоснованной единой стратиграфической схемы по крайней мере европейской части СССР), выделение одноименных аллювиальных свит (например, венедской, кривичской и др.). Но в то же время, учитывая недостаточность и, главное, неравномерность изучения геологического разреза по всей долине реки, это сопоставление не всегда может быть достоверным. По нашему мнению, лучше было бы дать местное название выделенным свитам и сопоставить их с одновозрастными (по имеющимся данным) свитами других речных бассейнов. Это исключило бы недоразумения, которые могут возникнуть в будущем при дальнейшем уточнении возраста отдельных свит.

Автором монографии практически полностью был использован богатейший новый геологический материал по бассейну Днепра (в том числе и результаты бурения, выполненного "Укргидропроектом" и "Гидропроектом" по Днепровскому гидроэнергетическому каскаду), который раньше по неизвестным причинам не был использован украинскими исследователями. Благодаря энтузиазму и неутомимой энергии Гавриила Ивановича к работам по исследованию аллювия Днепра были привлечены крупнейшие специалисты различного профиля многих ведущих геологических учреждений Украины, Белоруссии и РСФСР, а изыскания по многим гидротехническим объектам именно с помощью Г.И.Горецкого были поставлены на должную научную основу. По его инициативе было проведено бурение глубоких скважин по опорным геологическим поперечникам в верховьях и дельте Днепра с детальным палеобиологическим и литологическим опробованием.

Стратиграфическая схема аллювиальных отложений Г.И.Горецкого широко применяется в практике строительства на равнинных

реках “Гидропроектом”, “Укргипроводхозом” и многими другими организациями. Выделенные Г.И.Горецким свиты и фации аллювия обоснованы не только палеобиологически, литологически, но и инженерно-геологически, и с этой точки зрения они оказывают существенную помощь при изысканиях в пределах речных долин.

Несмотря на огромную насыщенность книги фактическим материалом, во многом новым, раньше нигде не опубликованным, автор, как сам он пишет об этом, не претендует на исчерпывающее решение вопросов. Он считает, что необходимы дальнейшие, более углубленные исследования. “Автор будет вполне удовлетворен, если “Аллювиальная летопись великого Пра-Днепра” послужит началом более широких палеопотамологических исследований в нашей стране, особенно в погребенных долинах прарек Черноморского и Балтийского бассейнов, началом более углубленных и всесторонних палеопотамологических исследований в долине Пра-Днепра и его притоков” (с. 471). Эти слова подчеркивают скромность Г.И.Горецкого как человека и исследователя, крупнейшего ученого. Книга написана в особом, присущем только Гавриилу Ивановичу приподнятом стиле, свидетельствующем о вдохновенном творчестве, о великой любви к объекту его исследований.

В заключении отметим выдающуюся роль практических рекомендаций Г.И.Горецкого при возведении крупнейших гидротехнических сооружений. Вот как он сам писал об этом, посвящая одну из своих монографий памяти выдающегося гидростроителя С.Я.Жука: “Практическое значение прарек для гидротехнического строительства впервые оценил С.Я.Жук, предложивший расположить плотины Уфимской ГЭС и Волжской ГЭС им. В.И.Ленина в долинах Палео-Уфы и Палео-Волги. С.Я.Жук отдавал должное роли геологической истории долин, в том числе прадолин великих антропогеновых рек, в правильном выборе месторасположения крупных гидротехнических узлов, компоновке сооружений, осуществлении строительных работ, в поведении сооружений в эксплуатационный период”[210].

Обоснование палеопотамологии и палеопотамологического метода

Огромный фактический материал по прарекам европейской части СССР и его теоретическая интерпретация подвинули Гаври-

[210] *Горецкий Г.И.* Аллювий великих антропогеновых рек Русской равнины. Прареки Камского бассейна. М.: Наука, 1964. С. 18.

ила Ивановича к обоснованию палеопотамологического метода как эффективного способа реконструкции палеогеографических обстановок в антропогене и к осмыслению предмета палеопотамологии как самостоятельной отрасли науки. Термин "палеопотамология" был предложен еще в конце 1920-х годов, но из-за скудости научного материала не получил распространения. Аргументация Г.И.Горецкого при обосновании новой научной дисциплины отталкивалась от предмета уже сложившейся потамологии.

Потамология – это часть гидрологии (учения о современных реках), а палеопотамология – часть палеогидрологии, исследующая древние (которые названы также ископаемыми) реки (или палеореки). Потамология – одна из ветвей палеогеографии – в качестве непосредственного объекта изучения рассматриваются речные воды, русла и поймы рек, речные отложения (аллювий). Так как воды рек в ископаемое состояние не переходят, а о гидрологических условиях палеорек можно судить только косвенно, на основании изучения ископаемого речного палеорельефа и аллювия, то этот палеорельеф и аллювий и являются главными объектами палеопотамологии. Следовательно, главные объекты изучения потамологии и палеопотамологии существенно различны: преимущественно речные воды в потамологии и преимущественно речные осадки, аллювий в палеопотамологии[211].

Основным объектом палеопотамологии является ископаемая река со всеми её элементами – геоморфологическими, литолого-фациальными, гидрологическими, палеогеографическими. Ископаемую реку можно изучать в отдельном разрезе – точке; в поперечном сечении профиле; в отдельных сегментах и их сочетании; на том или ином элементе ископаемой поймы, на плесе, перекате, гриве, старице, излучине – меандре; на отдельном отрезке реки; на крупной генетической части речной долины – на отдельной террасе или совокупности террас, системе террас; на речном ландшафте в целом, включая долину и её склоны; на отдельной ископаемой свите аллювия или сочетании аллювиальных свит, аллювиальной толще в целом, без покровных образований или вместе с покровом; на крупнейших палеогеографических частях – отрезках ископаемых долин, верхней, средней и нижней, внутренней и конечной дельте, преддельтовых и периферийно-дельтовых участках; на всём протяжении ископаемой реки и на её притоках, на речном бассейне,

[211] *Горецкий Г.И.* Основные проблемы палеопотамологии антропогена // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода АН СССР. 1974. № 42. С. 3-17.

на аллювиальной формации бассейна. Ключом к познанию ископаемой реки служит изучение её осадков, аллювия, его литологии и фаций, типов аллювия[212].

Классифицируя палеореки в зависимости от их возраста, Г.И.Горецкий писал: *"Ископаемые реки докембрия автор называет эореками, прареки палеозоя – проторeками, прареки мезозоя и кайнозоя (без антропогена) – палеореками, ископаемые реки антропогена – прареками. Эти названия являются условными, основанными только на возрастной градации прарек: зачаточные перворeки (эореки), древнейшие (протореки), древние (палеореки) и молодые прареки. Наряду с общими чертами, свойственными всем прарекам и накопленному в них аллювию, в различных по возрасту прареках имеются специфические особенности, обусловленные как возрастными факторами, так и всей совокупностью палеогеографических обстановок аллювиального осадконакопления в геологическом прошлом, восстановление воздействия которых на жизнь рек и формирование аллювия и составляет основную задачу палеопотамологии"*[213].

Палеореки всех геологических периодов характеризуются некоторыми общими гидрологическими особенностями речных вод, которые отображаются в специфике аллювия как отдельного генетического типа осадочных пород. Главное внимание Г.И.Горецкий уделял прарекам и некоторым (плиоценовым, частично миоценовым) собственно палеорекам, особенно антропогеновым великим рекам Русской равнины.

Г.И.Горецким в погребенном аллювии прарек Русской равнины выделены аллювиальные свиты: соликамская, венедская, нижнекривичская и верхнекривичская, которые формировались, как он полагает, соответственно в раннеберезинское позднеледниковье, в промежутке между раннеберезинским и окским (позднеберезинским) ледниковьями; в лихвинском межледниковье, в конце лихвинского межледниковья – начале предднепровского перигляциала. Возраст этих аллювиальных свит определяется как палеонтологическими методами (палинологическим и палеокарпологическим), так и по условиям залегания свит относительно морен и перигляциальных отложений[214].

---

[212] *Горецкий Г.И.* Основные задачи палеопотамологических исследований в СССР // Речные системы и мелиорация. Ч. 1. Новосибирск, 1977. С. 3-19.

[213] *Горецкий Г.И.* Аллювий великих антропогеновых прарек Русской равнины. М.: Наука, 1964. С. 17.

[214] *Веклич М.Ф.* Г.И.Горецкий и палеопотамология // Літасфера. 1999. № 10-11. С. 30.

Ископаемый аллювий может расчленяться на открытый, выраженный в рельефе в форме надпойменных террас, и закрытый. Можно говорить о нескольких типах ископаемого аллювия по этому признаку. Один из них можно назвать днестровским – в нем постель аллювия всех надпойменных террас залегает выше голоценовой поймы. Он характерен для областей с преобладающей тенденцией тектонических поднятий. Другие типы – днепровский и волжский, в которых аллювий является погребенным, развивается в областях с преобладающей тенденцией к тектоническим опусканиям. Изучение этого (погребенного) аллювия неизмеримо сложнее и труднее, чем исследования открытого ископаемого аллювия. Эта проблема сопряжена с не менее сложной проблемой выделения типов антропогеновых переуглублений.

Существует проблема выделения осадков основных фаций аллювия в погребенных аллювиальных свитах. Есть расхождения во взглядах о количестве, названиях и группировке фаций аллювия равнинных рек. Как правило, вполне согласованно выделяют основные крупные фации аллювия, или группы аллювиальных фаций: русловой, пойменный и старичный аллювий. В составе этих основных фаций аллювия выделяются субфации и микрофации аллювия. Некоторые из этих субфаций имеют всеобщее развитие как в современных, так и в древних аллювиальных свитах. Г.И.Горецкий указывал на особое значение среди русловых фаций аллювия фации размыва, или базального горизонта аллювия: *“Мне представляется целесообразным перевести фацию размыва в ранг основных фаций аллювия. Значение этой фации исключительно велико: с накопления осадков фации размыва начинается формирование аллювиальных свит; фация размыва наилучше сохраняется в ископаемом состоянии; она наиболее легко и надежно распознается исследователями по внешним признакам; именно фация размыва служит руководящей при стратиграфическом расчленении мощных аллювиальных толщ, именно эта фация отражает перерывы в осадконакоплении. Не следует в угоду классификационной стройности фаций аллювия, с выделением их по месту накопления, в русле или на пойме, снижать ранг фации размыва. Конечно, фация размыва образуется в русле; но и фация стариц формируется в отмирающем русле. Целесообразнее называть фации аллювия по их специфической роли в аллювиальном процессе, – фации размыва, русла, стариц, разлива”*[215].

[215] *Горецкий Г.И.* Основные задачи палеопотамологических исследований в СССР // Речные системы и мелиорация. Ч. 1. Новосибирск, 1977. С. 11.

Отложения фации размыва приобретают первостепенное познавательное значение при изучении древнего аллювия, особенно погребенных аллювиальных свит. Подошва осадков фации размыва, или базального горизонта, является относительно легко узнаваемой границей разновозрастных аллювиальных свит. Изучение базальных горизонтов древнего аллювия, их мощности, гранулометрического и петрографического состава, окатанности гравия и гальки на разных отрезках речных долин помогает палеопотамологическим исследованиям и реконструкциям. В генетическом смысле фация размыва находится в основании аллювиальных свит, это образование формируется непосредственно при размыве подстилающих пород, это именно базальный горизонт аллювия.

Сложной проблемой палеопотамологических исследований является необходимость не смешивать мощные аллювиальные толщи с не менее мощными толщами пролювиальных, пролювиально-делювиальных, гляциоаллювиальных и половодно-ледниковых отложений. Г.И.Горецкий полагал, что добиться этого вполне объективно и надежно можно путем сравнения гранулометрического состава названных отложений. У пролювиальных и пролювиально-делювиальных осадков гранулометрический состав укрупняется не книзу, как у аллювия, а кверху. У гляциоаллювиальных песков гранулометрический состав весьма устойчив в вертикальном разрезе. Половодно-ледниковые отложения перигляциальной формации характеризуются незакономерной сменой гранулометрического состава, чередованием песков различной крупности, преимущественно мелких, тонких, средних и разнозернистых, переслаиванием их с супесями.

По Г.И.Горецкому, сочетание аллювиальных осадков фаций размыва, русла, стариц, разлива или поймы, а также и других субфаций и микрофаций, в генетическое и пространственное единство образует аллювиальную свиту. Геоморфологическим выражением аллювиальных свит служат аллювиальные террасы, современная пойменная и древние надпойменные. Всякая аллювиальная свита и соответствующая ей терраса обусловлены определенным гидрологическим режимом реки, общим и сезонным стоком воды, меженным и паводковым уровнями, скоростями течений, подпруживанием реки притоками или искусственными запрудами и др.

Строение аллювиальной свиты, с определением типа аллювия, познается по соотношению мощностей основных фаций аллювия. В тех случаях, когда известна полная мощность аллювия, например пойменных террас, первой надпойменной террасы и в редчайших

случаях некоторых свит погребенного аллювия, строение аллювиальной свиты можно выразить соотношением процентного содержания мощностей основных фаций к общей мощности свиты.

Такой способ выражения соотношений фаций аллювия совершенно неприменим к ископаемому аллювию, в котором, как правило, не сохраняются на полную мощность отложения фации разлива, значительно уменьшены мощности фации стариц и даже фации русла. В таких случаях строение аллювиальных свит, по предложению Г.И.Горецкого, следует характеризовать отношением мощностей фаций русла, стариц и размыва к их суммарной мощности (то есть к мощности русловых фаций), без учета мощности фации поймы, сильно меняющейся и часто полностью уничтоженной. Вычисленные таким способом величины являются структурно-эрозионными показателями или коэффициентами. Могут быть вычислены соответственно коэффициент по емкости, коэффициент напряженности русловых процессов, коэффициент старичности, коэффициент энергии размыва.

С помощью этих коэффициентов можно получить ценные количественные данные для характеристики строения аллювиальных свит в пределах определенного отрезка речной долины. Не менее ценны эти коэффициенты при прослеживании изменений строения аллювиальных свит в проксимальном и дистальном направлениях. Строение аллювиальных свит, выраженное в общей форме структурно-эрозионными коэффициентами, может быть положено в основу выделения типов аллювия. Первый тип аллювия, формирующийся при высокой энергии размыва, характерен для верхних частей рек. Ко второму типу аллювия можно отнести аллювиальные отложения, образующиеся при средней, нормальной энергии размыва, он развит преимущественно в средних частях рек. К третьему типу аллювия принадлежат аллювиальные осадки, накопление которых происходит при ослабленной энергии размыва и максимальной напряженности русловых процессов, этот тип аллювия приурочен к нижним частям рек.

Вычисление структурно-эрозионных коэффициентов аллювия дает возможность уловить специфические особенности, индивидуальные черты как отдельных аллювиальных свит того или иного отрезка речной долины, так и отдельных районов речных долин при прослеживании их вниз по течению рек.

Полезно также выделять типы аллювия по преобладающим фациям и микрофациям, – например: аллювий разливов, половодий; тип пойменно-старичного аллювия; старичный аллювий; периферийно-русловой аллювий и т.п.

Г.И.Горецкий полагал, что из всех субфаций аллювия заслуживает особого внимания периферийно-старичная (периферийно-русловая) фация аллювия, формирующаяся в первые фазы отчленения старичных водоёмов, когда связь этих водоемов с руслом реки восстанавливается довольно часто. Отложения периферийно-старичной фации обычно представлены тонкими и мелкими глинистыми и сильно глинистыми песками, иногда с прослоями связных пород, темно-серого цвета, с зеленоватым оттенком, с частыми растительными остатками, рыхлого сложения. Периферийно-старичные пески, как правило, располагаются на периферии связных пород фации стариц, достигая наибольшей мощности в основании линз старичных пород. Выделение субфации периферийно-старичных отложений имеет важное значение при инженерно-геологических изысканиях, так как пески этой субфации относятся к самым слабым песчаным грунтам, обладающим плывунными свойствами, максимальной пористостью, повышенной сжимаемостью, наименьшей устойчивостью в откосах выемок и сооружений.

В некоторых случаях бывает трудно отчленить осадки пойменной и старичной фаций, представленных глинами и суглинками, неясно слоистыми, без признаков перерыва, с постепенным изменением окраски от коричневато-бурой, буровато-серой к серой и темно-серой. В ряде случаев постепенными переходами связаны и другие фации аллювия, например, старичная и периферийно-старичная или периферийно-русловая, русловая и размыва, или базального горизонта. Русловые пески в нижней части постепенно обогащаются гравием и галькой, незаметно переходя в песчано-гравийно-галечные скопления; граница между фациями русла и размыва становится при этом трудно уловимой и условной.

В ископаемом состоянии довольно редко сохраняются все основные фации аллювия; но всё же в тыловых частях погребенных террас иногда консервируется погребенный аллювий с полным набором всех фаций. Такие места представляют исключительную ценность для изучения аллювия великих антропогеновых прарек.

В качестве эталона для сопоставления с ним строения погребенных аллювиальных свит Г.И.Горецким был выбран аллювий высокой поймы, который отличается наибольшей завершенностью полного ритма аллювиального осадконакопления отдельной аллювиальной свиты с оптимальной мощностью осадков фации поймы.

Наиболее показательными объектами при палеопотамологическом анализе, по Г.И.Горецкому, оказываются рельеф постели аллювия, уклоны рельефа в продольном и поперечном направлениях, продольные профили речных врезов.

Г.И.Горецкий придавал важное значение проблеме генетической классификации четвертичных отложений и выявлению условий их формирования. В своей генетической классификации аллювия он выделил 13 литолого-генетических типов и разновидностей отложений. Им предложены критерии для определения фаций аллювия. Перигляциальная формация, по Г.И.Горецкому, является связующей между ледниковой и лёссовой. При изучении морен Г.И.Горецкий очень важным считал находить отличительные признаки морен, чтобы отделять их от псевдоморен. Он подразделил морены на сухоземные (образовались на суше) и акватические (отложились через воду)[216]. Потоковую акватическую морену рассматривал как наиболее перспективную для поисков строительных материалов.

В аргументацию обоснования палеопотамологии Г.И.Горецкий положил собственный опыт проведения работ на Каме, Волге, Оке, Днепре, на Дону, Кубани, Немане и других реках. При проведении многолетних исследований, Гавриилу Ивановичу удалось выделить в долинах этих рек аллювиальные свиты: соликамскую, венедскую, нижнекривичскую, верхнекривичскую, рославльскую, микулинскую и некоторые местные свиты (орловскую, жигулевскую, угринскую). По отметкам постели аллювиальных свит, а иногда и кровли их, были построены продольные профили речных врезов.

Он показал, что продольные профили каждой реки отличаются некоторыми общими и индивидуальными особенностями. К числу общих особенностей продольных профилей относятся следующие: расположение линий вреза соликамской, венедской, нижнекривичской и верхнекривичской аллювиальных свит обычно ниже линии вреза аллювия высокой поймы, названные свиты принадлежат к погребенному аллювию прарек; в верхних частях рек линии врезов аллювиальных свит сближаются, а в верховьях Оки и Волги наблюдается частичная интерференция некоторых аллювиальных свит; в нижних частях рек замечается, как правило, постепенное расхождение линий речных врезов.

В качестве индивидуальных особенностей продольных профилей речных врезов отдельных рек он называл такие: опускание постели вреза соликамской свиты на участке проявлений соляного карста, в полосе солянокарстовой западины выше г. Соликамска; опускание постели вреза голоценовой свиты Камы на участке карбонатного карста выше г. Перми, недалеко от устья р. Чусовой;

---

216 *Гурский Б.Н.* Проблема генезиса четвертичных (антропогенових) отложений в трудах Г.И.Горецкого // Літасфера. 1999. № 10-11. С. 12.

опускание постели вреза соликамской и венедской свит Пра-Волги в районе г. Казани, на участке проявлений карбонатного карста и др.

Несмотря на местные особенности продольных профилей речных врезов великих рек Восточно-Европейской равнины, в общем зафиксирован относительно плавный параллельный ход эрозионных кривых. Такой ход линий речных врезов свидетельствует о проявлении *палеопотамологической унаследованности* на всех этапах развития антропогеновых рек. Палеопотамологическая унаследованность проявляется не только в параллелизме формирования эрозионных поверхностей и уклонов, но и в геологическом строении аллювиальных свит, в значениях структурно-эрозионных коэффициентов.

Палеопотамологическая унаследованность проявляется не только в фациально-литологических показателях аллювия, но и в наследовании палеогеоморфологических и палеогеографических особенностей рек. С удивительным постоянством удерживается общее расположение речных долин, их расширений и сужений, так называемых ворот. У каждой реки унаследованно сохраняется положение постели вреза отдельных аллювиальных свит относительно межени. Эта особенность четко выражена на сопоставительной эрозиограмме аллювиальных свит Волги, Дона и Днепра.

Палеопотамологическая унаследованность описывалась М.С.Швецовым, Ю.А.Жемчужниковым, Н.И.Марковским, В.С.Яблоковым и другими исследователями при изучении ими аллювия юры, карбона, девона и даже рифея. Палеопотамологическая унаследованность предопределена тектонической и палеогеографической унаследованностью. Г.И.Горецкий придавал палеопотамологической унаследованности важное значение при характеристике особенностей отложений антропогена. Он показал это на большом фактическом материале великих прарек Восточно-Европейской равнины, отмечая вместе с тем и отклонения от унаследованности.

Антропогеновый аллювий Пра-Камы и Пра-Волги, аллювий волжского типа, наследует основные черты неогенового аллювия того же типа: повышенную мощность, глубокое погружение постели аллювия, пониженную мощность базального. Вместе с тем между ископаемыми аллювиальными свитами волжского типа, формировавшимися в антропогене и неогене, наблюдается поразительное различие: в антропогеновом погребенном аллювии не проявились факторы подпруживания морской трансгрессией, не развита фация стариц, отсутствуют мощные слои озерных отложений.

Днепровский тип погребённого антропогенового аллювия распространён в долинах Дона и Днепра. Некоторые черты антропогеновый аллювий этого типа наследует от неогенового аллювия того же типа. Неогеновые аллювиальные свиты Палео-Дона отличаются умеренной глубиной погружения постели аллювия и преобладанием не глубинной, а боковой эрозии. Особенно отчётливо выражены эти особенности неогеновых свит ископаемого аллювия на обширных пространствах Окско-Донской низменности, с многочисленными боковыми смещениями долин и русел палеорек, за которыми следуют смещения антропогеновых прарек.

В бассейне Днепра также наблюдается общая унаследованность в типе погребённого аллювия неогена и антропогена, – по умеренной глубине врезания и величине боковой эрозии. Отличие палеопотамологического развития Днепровского и Донского бассейнов выразилось в более сильном влиянии максимального оледенения на палеопотамологию Днепра. Это влияние привело к почти полному уничтожению неогеновой гидросети на огромной площади левобережья Днепра. Максимальное оледенение было причиной появления в бассейне Днепра глубоких ложбин ледникового выпахивания и размыва, мощных гляциодислокаций, крупных форм краевых ледниковых образований, накопления значительных по мощности и распространению осадков перигляциальной формации.

Основными направлениями в палеопотамологии считаются геоморфологическое (палеогеоморфологическое), геологическое и палеогеографическое (географическое). Эти направления не следует противопоставлять – все они играют большую роль при всестороннем, комплексном освещении истории возникновения, становления и развития рек, их жизни, многообразия и взаимозависимости геологического строения, рельефа, климата, флоры и фауны, водного режима в познании палеогеографического единства в развитии рек как важнейшего компонента древней и современной природы. При палеопотамологических исследованиях применяется комплекс геологических, палеогеоморфологических (геоморфологических), палеогеографических и географических, а также методов, названных Г.И.Горецким лабораторными: гранулометрические, физико-технические, геохимические, минералогические, петрографические, палинологические, палеокарпологические, диатомовые, конхилиологические, микрофаунистические и другие[217].

[217] *Веклич М.Ф.* Г.И.Горецкий и палеопотамология // Літасфера. 1999. № 10-11. С. 30.

В мае 1977 г. в Новосибирске в Институте геологии и геофизики Сибирского отделения АН СССР состоялся XIV Пленум Геоморфологической комиссии АН СССР, посвящённый рассмотрению актуальных вопросов истории развития речных долин Советского Союза с целью широкого использования геоморфологических данных в практической реализации мелиоративных проблем. Интерес к работе XIV Пленума Геоморфологической комиссии АН СССР был связан с ролью речных долин в решении глобальных, межрегиональных и региональных проблем перераспределения речного стока с целью обводнения засушливых районов и возрождения высокой биологической продуктивности их сельскохозяйственных угодий. Аллювиальные равнины ещё на заре цивилизации стали главнейшей ареной развития сельскохозяйственного производства. Равнинность рельефа, доступные источники воды и благоприятные свойства аллювиальных почв способствовали не только возделыванию многочисленных культур, но и развитию различных мелиоративных систем. В работе пленума приняли участие 17 научных организаций Академии наук СССР и её отделений и филиалов – Сибирского, Восточно-Сибирского, Бурятского, Дальневосточного, Башкирского, академий наук Украины, Беларуси, Узбекистана, Армении, 9 научно-исследовательских институтов Министерства геологии СССР, 10 научно-производственных объединений и институтов Министерства водного хозяйства, Министерства нефтяной промышленности, Госстроя СССР, территориальных геологических управлений и 15 вузов страны.

К открытию пленума были опубликованы тезисы более 100 докладов. Они во многих деталях раскрывали основные положения представленных сообщений и давали возможность заблаговременно подготовить необходимые материалы для проведения творческих дискуссий. С целью ориентации всех участников пленума на широкое обсуждение главнейших задач палеопотамологических исследований в СССР ведущий доклад основоположника отечественной палеопотамологии Г.И.Горецкого был опубликован полностью[218].

На пленуме особое внимание было обращено на разработку теоретических положений палеопотамологии, на уточнение главнейших объектов палеопотамологического изучения, на определение их отличительных признаков и их роли в реставрации

[218] *Горецкий Г.И.* Основные задачи палеопотамологических исследований в СССР // Речные системы и мелиорация. Ч. 1. Новосибирск, 1977. С. 3-19.

геоморфологических, литолого-фациальных, гидрогеологических, палеогеографических и мелиоративных элементов ископаемой реки. В ряде пленарных докладов было убедительно доказано, что для познания истории развития прарек необходим детальный анализ их аллювиальных отложений, фациальный состав которых в той или иной степени отражает этапы формирования палеодолин и их геоморфологические особенности. Участники пленума единодушно поддержали предложение Г.И.Горецкого о необходимости выделения из состава русловой фации самостоятельного базального горизонта размыва. Значение этой фации весьма велико. Она отвечает начальному этапу формирования аллювиальных свит и служит надежным репером при проведении стратиграфических и геоморфологических исследований.

Доклад Гавриила Ивановича на новосибирском пленуме Геоморфологической комиссии АН СССР был посвящен не только основам палеопотамологии и ее задачам. Большое внимание в нем уделено практическим аспектам палеопотамологии. Он отмечал, в частности, тот факт, что палеопотамологические исследования в Советском Союзе развивались в неразрывной связи с запросами народнохозяйственного использования рек, прежде всего при гидротехническом строительстве, сооружении крупных гидроэлектростанций, каналов, шлюзов, портов, водохранилищ, при оросительных, осушительных и других мелиоративных работах, водоснабжении городов и промышленных предприятий, освоении шельфа, проектировании городов, курортов, мостовых переходов и других объектов. В связи с этим Гавриил Иванович прогнозировал распространение и полезность палеопотамологических методов при изучении народнохозяйственных проблем Сибири, Дальнего Востока и Севера. Важнейшее значение должны были приобрести эти исследования в условиях Западно-Сибирской, Печорской и Северо-Двинской низменностей, при палеопотамологическом изучении Пра-Оби, Пра-Енисея, Пра-Печоры и Пра-Северной Двины. Он полагал, что в ледниковые области этих бассейнов наиболее глубоко проникали воды разновозрастных морских трансгрессий. В устьевых частях великих северных прарек расположены самые крупные губы-фиорды (например, Обская, Енисейская), с длительно существовавшими морскими условиями и открытыми связями с северными морями. В грандиозных северных низменностях, пересекаемых указанными прареками, широко распространены пространства вечной мерзлоты. Все антропогеновые прареки имели своих величественных предшественников, в виде длительно

существовавших неогеновых палеорек. Антропогеновые прареки севера текли навстречу ледникам, что приводило к периодическому возникновению подпруживания рек, образования обширных подпрудных бассейнов. В исследовании названных прарек было сделано много, но роль этих северных прарек в общей палеопотамологии Советского Союза так велика, что весьма желательно усилить палеопотамологическое изучение именно этих прарек. Тем более, что в бассейнах перечисленных рек самые обширные пространства были заняты равнинными оледенениями разных возрастов.

Еще один актуальный аспект палеопотамологических исследований возник в связи с включением отечественных стратиграфов в 1970–80-е годы в Международную программу геологической корреляции, которая способствовала активизации методов стратиграфической корреляции в европейском и мировом масштабах, в том числе и при решении насущных проблем геологии антропогена. Г.И.Горецкий считал, что прослеживание соотношений аллювиальных свит в дельтах рек с морскими отложениями является исходным звеном в деле корреляции континентальных и морских осадков. В связи с этим он писал: *“Проведение работ по корреляции морских и континентальных антропогеновых (четвертичных) осадков весьма затруднено в силу преобладания в их составе континентальных пород, отличающихся большой пестротой, изменчивостью, прерывистостью, разнообразием генетических типов, ограниченным распространением ископаемых остатков флоры и фауны. Океанические и морские отложения антропогена характеризуются довольно высокой хорологической и стратификационной выдержанностью и значительным содержанием органических остатков, почти не отличаясь в этом отношении от более древних систем кайнозоя и мезозоя. Огромные успехи в изучении геологии океанов и морей, в том числе и морских антропогеновых отложений, достигнутые за последние десятилетия, дают основание надеяться, что в скором времени стратиграфия морских осадков плейстоцена и голоцена будет разработана с большей детальностью и надежностью, чем стратиграфия континентальных толщ. Вполне вероятно, что корреляция морских антропогеновых осадков, развитых в разных частях морей и океанов земного шара, скоро станет более надежной, чем корреляция континентальных образований. В таком случае корреляция морских и континентальных, отложений нашей планеты становится первостепенной задачей исследователей четвертичного периода.*

Взаимная увязка детальных стратиграфических схем морских и континентальных четвертичных толщ положительно повлияет на уточнение этих схем"[219].

Палеопотамологический метод геологических корреляций представляет собою универсальную основу для установления соотношений морских и континентальных осадков, так как он синтезирует все методы при комплексном изучении ископаемых аллювиальных свит и прослеживании их на всём протяжении речных долин. Ложе и борта современных и ископаемых долин антропогеновых рек и прарек сложены разнообразными по генезису, составу и возрасту породами, из которых ни одна не имеет сплошного распространения по всей длине долин. И только аллювиальные свиты обладают почти повсеместным развитием на всем протяжении долин или на крупных отрезках их. Аллювиальные свиты образуют естественные связующие звенья, при посредстве которых можно проследить соотношения различных континентальных пород между собою, а также соотношения последних и морских осадков.

В состав исследований корреляций морских и континентальных отложений антропогена палеопотамологическим методом должны войти работы по изучению трёх объектов: дельты рек и прарек; собственно долины рек и прарек; подводные продолжения долин рек и прарек на шельфах.

По мысли Г.И.Горецкого, необходимо расширить масштабы применения палеопотамологического метода при изучении корреляции морских и континентальных отложений антропогенового и более древних периодов, в том числе исследований по Международной программе геологических корреляций применительно к антропогеновой и неогеновой системам.

---

[219] *Горецкий Г.И.* Палеопотамологический метод корреляции морских и континентальных отложений антропогена // Геология четвертичного периода. Инженерная геология. Проблемы геологии аридной зоны. Межд. геол. конгресс. XXV сессия: Доклады советских геологов. М., 1976. С. 42.

Антропоген Беларуси

Возвращение Г.И.Горецкого на родину было долгожданным и счастливым временем в его жизни, но работа после восстановления в АН БССР была связана также с высокой ответственностью за фактически новое для белорусских геологов направление исследований, которое он возглавил. Г.И.Горецкому было поручено организовать в Институте геохимии и геофизики АН БССР Отдел палеогеографии антропогена (позднее Отдел геологии и палеопотамологии антропогена и Лаборатория геологии и палеопотамологии антропогена). Даже из названия понятно, что это подразделение носило инновационный характер в советской геологии и отражало концептуальные идеи и пристрастия самого Гавриила Ивановича. Обоснование концепции отдела потребовало от него немалых интеллектуальных усилий и размышлений.

Г.И.Горецкий полагал, что в центре внимания отдела должны стать отложения как антропогеновой, так и частично неогеновой систем Беларуси, особенно учитывая длительную дискуссию о границе между неогеном и антропогеном. При этом важно, что антропогеновые образования на ее территории имеют эталонное значение в составе ледниковых областей Советского Союза, выделяясь большой мощностью (до 317 м), исключительной полнотой всех стратиграфических подразделений, сложностью геологического строения и яркой выраженностью ледникового рельефа и гляциотектоники. Изучение антропогеновых образований Беларуси в соответствии с их эталонным значением среди ледниковых областей СССР должно быть комплексным по своей сути. В первую очередь предстояло направить исследования на те разделы и объекты антропогена Беларуси, которые являлись на момент организации лаборатории наименее изученными: палеогеоморфологию, палеопотамологию, гпяциотектонику; генетическую литологию; палеонтологию и стратиграфию; палеогеографию и палеогеобиоценонологию; народнохозяйственное использование четвертичных отложений; глобальную корреляцию антропогеновых и неогеновых образований Беларуси в связи с проблемой границы между неогеном и антропогеном.

Безусловно, главной проблемой на пути решения этого широкого комплекса задач, стало формирование коллектива исследователей. Гавриил Иванович обладал талантом терпеливого учителя, но в данном случае речь шла о разнопрофильном исследовательском коллективе, о подготовке специалистов по широкому

спектру направлений. В результате на протяжении десяти лет такой коллектив исследователей был сформирован. В него вошли литологи С.Г.Дромашко, С.Л.Шиманович, С.Д.Астапова; палинологи Н.А.Махнач, Я.К.Еловичева, Т.Б.Рылова, В.Л.Шалабода; палеокарпологи Ф.Ю.Величкевич, Т.В.Якубовская, Г.И.Литвинюк; диатомисты Г.К.Хурсевич, Л.П.Логинова; палеозоологи С.Ф.Зубович, П.Ф.Калиновский, В.И.Назаров; геологи Л.Н.Вознячук, Е.П.Мандер, Р.А.Зинова, М.А.Вальчик, М.Е.Зусь, А.Ф.Санько, Л.А.Казак, В.М.Феденя, А.К.Карабанов, В.В.Межуева, Е.П.Рунец. Большая их часть сформировались как специалисты уже в школе Г.И.Горецкого.

Фактически по большинству предполагавшихся направлений работ отдела (лаборатории) были получены серьёзные результаты.

По направлению "*Палеогеоморфология, палеопотамология, гляциотектоника*" задачи решались путём составления карт рельефа постели антропогеновых отложений в масштабе 1: 200 000 – 1: 10 000. Такие карты были составлены по территории Белорусского Понеманья и его отдельных частей в тех масштабах, которые разрешались наличным качеством скважин.

На основании составленных карт удалось выделить схематические контуры ложбин ледникового выпахивания и размыва Белорусского Понеманья. На основании установления специфических особенностей ледниковых ложбин, резко отличающихся от речных долин по морфологии в поперечном и продольном сечении, геологическому строению, литологии и составу фаций, мощностям отложений, было показано, что многие ледниковые ложбины тяготеют к существующим понижениям и речным долинам, но не являются долинами ископаемых прарек.

По совокупности признаков было выделено несколько типов ледниковых ложбин: рытвинные, троговые, ложбины-ванны, ложбины-промоины, ложбины ледниковых мегатальвегов. Наиболее крупными и протяжёнными являются ледниковые ложбины последнего типа; они приурочены к обширным выводным ледникам, к понижениям крупных палеогеографических арен.

Контуры погребённых речных долин выразительно выступают только на крупномасштабных картах рельефа постели антропогеновых отложений, обоснованных достаточным количеством буровых скважин.

Ледниковое происхождение ложбин ледникового выпахивания и размыва, полагал Г.И.Горецкий, подтверждается приуроченностью к ним интенсивных гляциодислокаций, расположенных по бортам и в основании ложбин, а также на их ближней периферии. Таким формам рельефа он дал название "сещи".

По крупномасштабным картам рельефа постели антропогеновых отложений на периферии ледниковых ложбин можно наблюдать яркие проявления гляциотектоники в форме многочисленных гляциокуполов, гляциозападин, гляциопережимов и других форм гляциотектонических структур. Наряду с закрытыми, погребёнными гляциокуполами встречаются открытые гляциокупола, выраженные в рельефе в форме отдельных холмов, ошибочно принимаемых за камы. В отличие от настоящих камов такие холмы сложены дислоцированными породами, образующими диапиры, дайки выпирания и внедрения, часто моренные (купола-горбыли).

На многих картах рельефа постели антропогеновых отложений трудно найти участки спокойного рельефа, не затронутого теми или иными нарушениями. Было сформировано представление о преобладании в ледниковых районах Беларуси гляцигенного рельефа, созданного активными ледниками. Гляцигенные формы рельефа ложа антропогеновой толщи отчетливо выражены в районах краевых ледниковых образований, особенно на Белорусской гряде. Развитию гляцигенного рельефа способствует в этих районах высокое залегание поверхности скальных пород Белорусского кристаллического массива и широкое распространение меловых осадков, податливых деформирующему воздействию ледников. Меловые породы, зажатые между скальным фундаментом и ледниковой массой, частично переходят в пластическое состояние, легко подвергаясь гравитационному и динамическому воздействию ледников. Весьма податливы воздействию ледниковых масс глинистые и тонкопесчанисто-алевритовые отложения неогеновой и палеогеновой систем, распространённые на палеогеографических аренах Белорусской гряды.

Схематические карты мощности меловых пород, составленные сотрудниками отдела, наглядно показывали пути движения выводных ледников, полосы максимальной ледниковой экзарации и гляциодислокаций.

По направлению "*Генетическая литология*" в связи с преобладанием в антропогеновой толще Беларуси немых пород и пород с ограниченным распространением ископаемых остатков растений и животных выдвигает исследования по генетической литологии антропогеновых отложений БССР в число ведущих. Большое внимание было обращено на проведение минералогического, петрографического и геохимического изучения четвертичных пород в комплексе, на генетической и фациальной основе. Наиболее детально изучались морены, флювиогляциальные, озёрные и аллювиальные отложения. Для достижения большей комплексности осмотр, контрольное опи-

сание керна и отбор проб на лабораторные анализы производились совместно с участием литологов, палеонтологов и геологов. Совместно велось также обследование карьеров и естественных обнажений с целью выработки согласованных представлений о генетических типах и фациях антропогеновых пород. Этот подход стал доминирующим в белорусской школы генетической литологии.

Г.И.Горецкий придавал большое значение тому, чтобы в составе генетических разновидностей морен разделялись такие образования, как акватические морены и среди них – потоковая морена. К группе акватических морен были отнесены морены, осаждавшиеся через воду или подвергшиеся переработке и сортировке водой. Акватическим моренам свойственна слоистость как мелкозёма, так и обломочного материала. Потоковая морена образовалась в ледниковых потоках, надлёдных и подлёдных; в её составе преобладает обломочный материал – гравий, галька, щебень, валуны; пески занимают подчинённое положение, они преимущественно грубо- и крупнозернистые, а также разнозернистые с преобладанием крупных фракций. Крупный обломочный материал в потоковых моренах отличается значительной окатанностью. Замечается укрупнение обломочного материала в проксимальном направлении.

Потоковая морена широко распространена, особенно в полосах ледниковых образований, где она слагает целые поля, обнажаясь непосредственно на поверхности и участвуя в формировании микрорельефа.

Было установлено, что к разновидностям потоковой морены относятся: солифлюксионная микроконгломератовая морена и инъекционная песчановалунная морена. Микроконгломератовая морена встречается в днищах ложбин ледникового выпахивания и размыва; сложена она мелкоконгломератовым скоплением глинистых и суглинистых окатышей, гравийных и мелкогалечных, с суглинистым заполнителем. Образуется микроконгломератовая морена в ледниково-грязевых потоках на дне ледниковых ложбин и в солифлюксионных выносах в бортах ложбин. Инъекционная песчановалунная морена состоит из массового скопления песчаных валунов с суглинистым заполнителем, ориентированных в направлении внедрения ледниковых скиб (макрочешуй). Валуны овальной формы, диаметром 20–40 см, хорошо окатанные.

Было уделено внимание и дифференциации других типов морен. Схожая с акватической айсберговая морена отложилась при таянии мелких айсбергов, плававших в белорусских приледниковых водоемах. Айсберговая морена отчётливо слоистая, содержит линзы монолитной морены, обладает небольшой мощностью.

Чрезвычайно широко распространена в Беларуси локальная морена, выделяющаяся цветом и составом, сходными с местными доантропогеновыми породами (меловыми, палеогеновыми и др.). Этим подтверждается сильнейшее развитие в пределах Беларуси местной ледниковой экзарации.

Г.И.Горецкий полагал, что это обстоятельство открывает благоприятную возможность классификации основных морен Беларуси по составу локальных морен и отторженцев, но для этого необходимы специальные исследования местных валунных ассоциаций по всем палеогеографическим аренам, по всем конечноморенным возвышенностям и водоразделам Беларуси, что и было проведено его сотрудниками.

Большое значение имел вывод о том, что минералогический и микроминеральный состав морен Беларуси в сильнейшей степени предопределяет состав фпювиогляциальных, озерных и аллювиальных отложений. Такой вывод был сделан на основании обширных спектральных анализов пород из всех генетических типов антропогеновых отложений Белорусского Понеманья. Благодаря распространению в Белорусском Понеманье глубоких ложбин ледникового выпахивания и размыва, вскрывающих всю антропогеновую толщу и врезающихся в доантропогеновые отложения на 20–40 м, спектральные анализы микроэлементов группы железа и меди дали возможность обнаружить Столбцовскую аномалию с повышенным содержанием меди во всех стратиграфических горизонтах. Источником меди явились протерозойские породы, вскрытые ледниковыми ложбинами. Было установлено, что содержание меди повышается в низах ложбин, особенно в венедской аллювиальной свите раннего плейстоцена.

Проведенные минералогические исследования показали закономерную дифференциацию минерального состава по генетическим типам (морена – флювиогляциальные отложения – аллювий) и по фациям аллювия. Причём используя дробную классификацию фаций аллювия, белорусские исследователи выделили фацию размыва или базального горизонта в качестве самостоятельной, а также периферийно-русловую фацию в качестве микрофации русла.

Прослеживание изменений гранулометрического, минералогического и микрофациапьного состава аллювия в продольном и поперечном сечениях (на примере долины Немана) позволило выделить тип подпрудного аллювия, обусловленного подпрудой разновозрастных ледников, движущихся против течения рек.

Согласно концепции Г.И.Горецкого, ведущее положение в изучении антропогена Белоруссии должны были занять *палеонтологи-*

ческие исследования. Применялись, по возможности в комплексе, следующие анализы: палинологический, палеокарпологический, диатомовый, остракодовый, фаунистический, конхилиологический, палеоэнтомологический. Результаты этих анализов послужили основой для разработки и уточнения стратиграфии плиоценовых и плейстоценовых отложений Беларуси. По данным палеокарпологического и палинологического исследований была разработана схема стратиграфического расчленения плиоцена Понеманья и Приднепровья в границах Беларуси.

Палеоботанических данных для характеристики позднего плиоцена оказалось явно недостаточно, как и материалов по раннему плиоцену. Оказались мало изученными в палеонтологическом отношении нижнеплейстоценовые отложения, особенно осадки межледниковий (венедского или налибокского, корчевского, предполагаемых елизаровского, беловежского, витебского, смоленского), что было обусловлено спецификой палеофлоры антропогена Беларуси.

Больше всего было накоплено палеоботанических материалов по среднеплейстоценовым породам, относимым к александрийскому (лихвинскому) и шкловскому (рославльскому) межледниковьям. Однако интерпретация этих материалов оказалась неоднозначной, что вызвало дискуссию среди специалистов. Чтобы разрешить возникшие противоречия, Г.И.Горецкий рекомендовал постановку контрольных полевых и лабораторных исследований с обязательным бурением контрольных стратиграфических скважин и проведением крупномасштабной геологической съемки масштаба 1:50 000 на участках опорных разрезов.

Исследования по направлению "*Палеогеография и палеогеобиоценология*" также выявили разногласия по основным вопросам стратиграфии антропогеновых отложений Беларуси, вызванные недостаточной изученностью опорных разрезов. На территории этих разрезов не было пробурено оптимальное количество буровых скважин, не пройдено достаточное количество горных выработок (широких расчисток и шурфов), которое позволило бы применить метод цепной послойной литолого-генетической увязки разрезов. Палеонтологические исследования опорных разрезов не всегда сопровождались палеогеографической реконструкцией, восстановлением геобиоценозов, последовательной стратификационной и стратиграфической увязкой разрезов.

Здесь также были необходимы масштабные, в том числе горные, работы которые позволили найти консенсус в разных оценках. Г.И.Горецкий приводил пример, когда удалось таким способом

решить спорную проблему: *"В этом убеждает пример контрольного исследования района Колодежного Рва у д. Принеманской (б. Жидовщизны) на Немане, выше г. Гродно. Классический разрез лихвинских межледниковых отложений некоторые исследователи начали истолковывать как отторженец, образованный ледником валдайского оледенения, омоложая тем самым возраст межледниковых осадков до микулинского межледниковья и даже мологошекснинского интерстадиала. Контрольные геологические работы на участке Колодежного Рва, сопровождаемые проходкой оптимального количества расчисток и шурфов, с выполнением обширных палеокарпологических исследований и выделением тафоценозов, а также геобиоценозов, восстановили стратиграфическое значение разреза Колодежный Ров. Было доказано, что этот разрез не отторженец, хотя залегание его приурочено к ледниковой западине в рельефе окской (позднеберезинской) морены. Эта западина возникла в результате гляциодислокапий пликативного типа: она имеет форму подковы, обращенной раструбом навстречу ледниковому давлению.*

Точно также среднеплейстоценовый разрез Нижнинского Рва расположен на участке обширных пликативных гляциодислокаций, сопровождаемых гляциокуполом и гляциофлексурой, на опущенном крыле которой и залегают органогенные породы с торфяником. Это не отторженец. Погребенный торфяник сохраняет стратификационную последовательность слоев и геобиоценозов, затронутость пликативной гляциодислокацией не лишает его важного стратиграфического значения.

Даже крупные отторженцы, располагающиеся в районе интенсивных гляциодислокаций дизъюнктивного типа, в случае сохранения нормальной стратификационной последовательности слоев и тафоценозов в отдельных скибах не теряют своей стратиграфической роли. К таким разрезам может быть отнесено Карчево на р. Сервечь Новогрудского района, если удастся восстановить исходную стратификацию дислоцированных отложений"[220].

Коллективу лаборатории под его руководством удалось весьма полно охватить палеоботаническими исследованиями в Беларуси осадки микулинского (муравинского) межледниковья, что позволило шире использовать их для палеогеографических построений, для определения климатических условий, микрозональности, гидрологии водоёмов (глубина, трофность, минерализация воды и др.).

[220] *Горецкий Г.И.* Десять лет исканий // Геологические исследования кайнозоя Белоруссии. Мн.: Наука и техника, 1981. С. 8.

Тем не менее палеолимнологические и палеопотамологические реконструкции часто затруднялись в Беларуси вследствие сильного искажающего влияния гляциотектоники. Например, при построении профилей речных врезов нельзя было воспользоваться таким показателем, как глубина постели аллювиальных свит по отношению к межени. Гляциотектонические деформации местами резко изменяли относительную глубину речных врезов. Истинное современное положение аллювиальных свит погребённых рек возможно было установить только с помощью палеонтологических исследований и цепной увязки аллювиальных комплексов (с выполнением учащенного бурения). Это сильно затрудняло полноту палеогеографических реконструкций.

По тем материалам, которые были получены, Г.И.Горецкий сделал вывод об универсальной закономерности – унаследованности, которая наблюдается в формировании рельефа, орографии, образовании низменностей и возвышенностей, равнин и конечноморенных гряд. Палеопотамологическая унаследованность установлена в развитии Палео-Немана и Пра-Немана, их крупных и даже мелких притоков. Прослеживается унаследованность и в литологическом составе антропогеновых отложений, географии минералогических провинций и районов. Унаследованно развивались ископаемые ассоциации растений и животных. Наследуются основные палеогеографические арены, зональность.

Весьма правомерно ставилась задача *глобальной корреляции антропогеновых и неогеновых образований в связи с проблемой границы между неогеном и антропогеном*. В целях обоснованного проведения неоген-антропогеновой границы белорусские исследователи тщательно изучали пограничные горизонты между неогеном и антропогеном. Непосредственными объектами изучения стали сморгонская и сивковская свиты верхнего плиоцена, с одной стороны; венедская аллювиальная свита, брестский горизонт, нижнеберезинская морена, а также их аналоги – с другой.

Наряду с палеонтологическими исследованиями изучался минералогический состав отложений. Было установлено, что минералы питающих провинций, генетически связанных с оледенениями, не переходят за верхнюю границу верхнеплиоценовых осадков. Это позволило сделать вывод о том, что есть основания провести естественную границу между неогеном и плейстоценом по подошве континентальных аналогов бакинских морских отложений, т.е. в основании древнейшего равнинного оледенения Беларуси – раннеберезинского, синхронного дзукийскому оледенению Литвы.

Ещё один важный вывод. В верхнеплиоценовых отложениях некоторых районов Западной Беларуси иногда попадаются облом-

ки кристаллических пород, но они имеют местное происхождение (за счет заимствования из Белорусского кристаллического массива). Следовательно, на территориях Белоруссии и Литвы не было верхнеплиоценовых равнинных оледенений; первые равнинные оледенения возникли только в раннем плейстоцене, их появление знаменует естественный рубеж между неогеном и антропогеном.

Было установлено также, что раннеберезинская морена Беларуси тесно связана с самыми глубокими и самыми древними раннеплейстоценовыми ложбинами ледникового выпахивания и размыва. Такие ледниковые ложбины существуют и в Литве, и в Калининградской области, и в Польше, и в Германии. Высказано соображение, что за основу глобальной корреляции древнейших оледенений Европы должны быть приняты именно эти ложбины, хотя многими исследователями они связываются с более молодым (эльстерским) оледенением. Для этого необходимы исследования по сравнительной палеогеоморфологии и сравнительной палеопотамологии рек Балтийского и Североморского бассейнов.

Гавриил Иванович, много лет отдавший практическим проблемам, хорошо понимал, что и в академической науке практические аспекты нельзя игнорировать. Он вполне обоснованно полагал, что антропогеновые отложения широко используются в народном хозяйстве: в сельском и лесном хозяйстве, в промышленности, во многих отраслях строительства. Поэтому он ориентировал своих сотрудников полнее вскрывать практические эффекты своих исследований.

Действительно, работы лаборатории имели реальную практическую значимость:

- для геологосъёмочных и геологоразведочных работ с целью повышения их качества; открытие новых местонахождений неогеновых пород, опорных разрезов межледниковых отложений, местонахождений ископаемых остатков флоры и фауны, сделанные сотрудниками лаборатории, обогащают знания геологов-производственников и находят отражение в их практической деятельности;
- помогали обоснованию прогнозов на поиски строительных материалов, подземных и грунтовых вод питьевого и технического назначения; как особо перспективные расценивались участки распространения потоковой морены, ложбин ледникового размыва, пересечений современных и погребённых речных долин;
- могут стать обоснованием стратиграфических схем отложений неогенового и антропогенового периодов;
- могут оказаться полезными при выборе государственных геологических, палеопотамопогических и геоморфологических

заповедников и заказников Беларуси, при выборе туристических маршрутов;

- будут полезны при изучении проблемы мелиорации каменистых земель Беларуси.

Таким образом, можно сделать вывод, что на родине Г.И.Горецкому удалось осуществить свою давнюю мечту – внести реальный вклад в науку и культуру Беларуси. Организация исследований в области палеогеографии антропогена Беларуси и особенно палеогеоморфологии и палеопотамологии носили инновационный характер, заложили формирование работоспособного научного коллектива, нашли отражение в многочисленных трудах самого Гавриила Ивановича[221].

[221] Пра асноўные напрамкі вывучення антрапагену Беларусі у бліжэйшыя гады // Антропоген Беларусі. Мн.: Навука і техніка, 1971. С. 235-245; Генетические типы антропогеновых глинистых отложений Белоруссии // Изучение и использование глин: Материалы IX Пленума Всесоюз. комис. по изучению и использованию глин. Вып. I, секция 2. Мн.: Наука и техника, 1971. С. 13-15; Об изучении палеогеографии антропогена Белоруссии // Материалы по палеогеографии и геохимии антропогена Белоруссии: К IX конгрессу ИНКВА (Новая Зеландия, 1973). М., 1973. С. 7-16; О взаимодействии антропогенових отложений и их субстрата // Там же. С. 17-20; Типы антропогеновых переуглублений (на примере некоторых районов Неманского басейна) // Проблемы палеогеографии антропогена Белоруссии. Мн.: Наука и техника, 1973. С. 95-127; Проблемы изучения погребенных долин и ложбин ледникового выпахивания и размыва на территории Белоруссии // Вопросы геологии Белоруссии. Мн.: Наука и техника, 1973. С. 7-12; Геохимические аномалии микроэлементов группы железа в антропогенових отложениях Белорусского Понеманья / Соавт. В.А.Кузнецов, К.П.Мандер, С.Л.Шиманович, С.Г.Дромашко, С.Д.Астапова, Н.В.Зайцева // Вопросы геологии Белоруссии. Мн.: Наука и техника, 1974. С. 51–60; О разновидности локальной морены с песчаными валунами из местных пород // Геология и геохимия антропогена Белоруссии. Мн.: Наука и техника, 1974. С. 128-131; О некоторых проявлениях унаследования в антропогеновых образованиях Белорусского Понеманья // Стратиграфия и палеогеография антропогена. Мн.: Наука и техника, 1975. С. 180–200; Об уточнении границ сожского оледенения в южной части Белоруссии // Четвертичный период. Вып. 16. Киев: Наукова думка, 1976. С. 25–29; Геологические предпосылки формирования вещественного состава и миграции микроэлементов антропогеновой толщи Белорусского Понеманья // Вещественный состав и микроэлементы группы железа антропогеновых отложений Белорусского Понеманья. Мн.: Наука и техника, 1978. С. 5–28; Асноўныя вынікі вывучэння антрапагену Беларусі у Акадэміі навук БССР// Даследаванні антрапагену Беларусі. Мн.: Навука і техніка, 1978. С. 7–23; Палеагеаграфічныя арэны антрапагену Беларусі // Новае у геалогіі антрапагену Беларусі. Мн.: Навука і техніка, 1979. С. 7–10; Особенности палеопотамологии ледниковых областей (на примере Белорусского Понеманья). Мн.: Наука и техника, 1980. – 288 с.; Десять лет исканий // Геологические исследования кайнозоя Белоруссии. Мн.: Наука и техника, 1981. С. 3–10; Сещи – эталон гляциотектонических дислокаций в районах ископаемых выводных ледников

Актуальные проблемы геологии и стратиграфии антропогена

Как известно, выделение геологии антропогена (четвертичной геологии) в самостоятельную научную дисциплину обусловлено особенностями отложений четвертичной системы, своеобразием используемых методических приёмов и спецификой комплекса разрабатываемых ею проблем. Для восстановления истории четвертичного периода необходима бóльшая детальность стратиграфического подразделения отложений, чем для более древних систем. Первостепенное значение для четвертичной геологии имеют геоморфологические исследования. Для биостратиграфического обоснования выделяемых подразделений в континентальных отложениях

у мест их длительной остановки // Доклады АН БССР. 1981. Т. XXV. № 10. С. 925-927; Главные результаты изучения ледниковой формации и краевых ледниковых образований Белоруссии в прошедшем десятилетии // Исследования земной коры территории Белоруссии. Мн.: Наука и техника, 1982. С. 20–30; Экскурсия 024 – Ледниковые отложения Белоруссии // Междунар. геол. конгресс. XXVII сессия. Белорусская Советская Социалистическая Республика / Соавт. С.Д.Астапова, М.А.Вальчик, Ф.Ю.Величкевич, С.Г.Дромашко, Я.К.Еловичева, Р.А.Зинова, М.Е.Зусь, П.Ф.Калиновский, В.А.Кузнецов, Э.А.Левков, А.В.Матвеев, А.Ф.Санько, С.Л.Шиманович. Мн.: Наука и техника. С. 39–63 (на рус. и англ. яз.); Белорусская Советская Социалистическая Республика. Экскурсии: 024 Ледниковые отложения Белоруссии. 13 Белорусский калиеносный бассейн. Сводный путеводитель / Международный геол. конгресс. 27-я сессия / Соавт. Р.Г.Гарецкий, М.С.Кичкина, С.А.Кручек, А.С.Махнач и др. Москва, 1984. Мн.: Наука и техника. – 79 с.; О радиальных формах краевых ледниковых образований // Докл. АН БССР. Т. XXVII. № 3. С. 250-252; Основные типы древних палеогеографических арен ледникового плейстоцена // Доклады АН БССР. 1985. Т. XXIX. № 4. С. 351-354; Об истолковании перигляциальных спорово-пыльцевых спектров // Проблемы плейстоцена. Мн.: Наука и техника. С. 56–63; Об уточнении возраста антропогеновых отложений Белоруссии и Центральной России, принимаемых за древнейшие нижнеплейстоценовые // Палеонтология и ее роль в познании геологического строения территории Белоруссии. Мн.: Наука и техника, 1986. С. 19–32; Узлы синтеза в антропогеновых образованиях Белоруссии // Доклады АН БССР. 1986. Т. 30. № 4. С. 355–357; О наиболее мощных и полных разрезах древнейших нижнеплейстоценовых отложений // Проблемы изучения земной коры Белоруссии и сопредельных территорий. Мн.: Наука и техника, 1986. С. 26–30; Нижнинский Ров (стратотипический разрез шкловского межледниковья Белоруссии) / Соавт. Б.Н.Гурский, Я.К.Еловичева, Ф.Ю.Величкевич, С.Г.Дромашко, В.И.Назаров, С.Ф.Зубович. Мн.: Наука и техника, 1987. – 273 с.; О выделении палеогеографических арен в антропогене БССР // Докл. АН БССР. 1988. Т. XXXII. № 3. С. 246-247; Геалагічнае раянаванне плейстацэну // Геалагічныя і палеанталагічныя даследаванні кайназою Беларусі. Мн.: Навука і тэхніка, 1989. С. 7–10; Вузлы сінтэзу антрапагену Беларусі // Літасфера. 1995. № 2. С. 42–46.

ведущими являются мелкие млекопитающие, палинологические, карпологические, диатомовые и малакологические (изучение моллюсков) анализы. Существенное значение для расчленения отложений четвертичной системы имеют климатостратиграфические методы, поскольку характерной особенностью четвертичного периода являются многократные общепланетарные колебания климата. Климатостратиграфическая методика комплексная: она опирается на изучение зоо- и фитоценозов, литологические, палеонтологические и палеокриологические данные. Для морских и океанических осадков, кроме изучения фауны моллюсков и микроорганизмов, важным являются определения палеотемператур воды с помощью кислородно-изотопного метода. Используются методы радиологического датирования осадков и палеомагнитные методы. В СССР были составлены первые обзорные карты четвертичных отложений для обширных территорий – европейской части страны (1932; 1:2 500 000) и всего Советского Союза (1960; 1:5 000 000). Разработанные в СССР принципы картирования отложений антропогена получили широкое распространение и за рубежом.

Основоположниками четвертичной геологии в России были П.А.Кропоткин, С.Н.Никитин, А.П.Павлов, В.А.Обручев. Большой вклад в изучение четвертичной геологии внесли В.Н.Сукачёв, Г.Ф.Мирчинк, С.А.Яковлев, В.И.Громов, А.И.Москвитин, И.П.Герасимов, К.К.Марков, Г.И.Горецкий и др. Среди зарубежных учёных это австрийские геологи А.Пенк, Э.Брикнер, немецкий – П. Вольдштедт, американские – Р.Флинт, Ф.Цейнер и др.

В СССР в изучении геологии антропогена определились такие основные направления: биостратиграфическое (палеозоологическое и палеоботаническое) – В.И.Громов, В.С.Доктуровский, П.А.Никитин, П.И.Дорофеев, В.Н.Сукачёв, Э.А.Вангенгейм, В.П.Гричук, И.М.Покровская и др., климатостратиграфическое – С.А.Яковлев, А.И.Москвитин, К.В.Никифорова, И.И.Краснов, В.Н.Сакс, М.М.Цапенко, В.А.Зубаков, Л.Н.Вознячук, М.Ф.Веклич и другие; литогенетическое – Е.В.Шанцер, К.И.Лукашёв и др.; геоморфологическое – А.А.Асеев, А.И.Спиридонов и др.; палеогеографическое – И.П.Герасимов, К.К.Марков, А.А.Величко и др.; неотектоническое – Н.И.Николаев, Э.А.Левков и др.; радиометрическое – В.В.Чердынцев, Х.А.Арсланов и др.; палеомагнитное – М.А.Певзнер и др.; археологическое – И.К.Иванова и др. Были разработаны методы картирования четвертичных отложений (Г.С.Ганешин). Деятельность Г.И.Горецкого часто небезосновательно относят к климатостратиграфическому направлению, но он в своих исследованиях также широко использовал методологию и методики других направлений.

Большой вклад в разработку проблем геологии антропогена внесла созданная в 1927 г. Комиссия по изучению четвертичного периода Академии наук СССР, которую Г.И.Горецкий возглавлял в течение 17 лет. В 1969–1983 гг. он – председатель Белорусской антропогеновой комиссии. В 1932 г. создана Международная ассоциация по изучению четвертичного периода (International Union for Quaternary research – INQUA, ИНКВА), в работе которой советские четвертичники принимали активное участие. Г.И.Горецкий членом советской секции ИНКВА стал в 1936 г., затем с 1948 г. – членом Бюро, а с 1967 г. – её председателем. Вопросы четвертичной геологии обсуждались и обсуждаются на конгрессах ИНКВА, на международных геологических и географических конгрессах, на заседаниях Комиссии по изучению четвертичного периода, а также комиссий по четвертичной системе Международной стратиграфической комиссии и Межведомственного стратиграфического комитета СССР.

Г.И.Горецкий, десятки лет плодотворно работавший по этой тематике, стремился осмыслить ключевые проблемы геологии антропогена, которые продолжают оставаться дискуссионными. Он так писал об этом.

“Антропоген – последний, новейший геологический период в истории Земли. Антропоген до сих пор не имеет общепринятого названия; в качестве равноправных применяются такие наименования этого периода: послетретичный, четвертичный (квартер), ледниковый, антропогеновый, плейстоценовый, новейший. В этих исторически сложившихся терминах отражены те главнейшие особенности, которые по взглядам различных ученых XIX и XX столетий считались или считаются самыми характерными, резко отличающими новейший период от более древних геологических периодов.

Название “четвертичный период” подчеркивало литологические (связанные, с осадочными горными породами) особенности той эпохи, широчайшее распространение рыхлых наносов, в том числе и морен, присущее ей и отличающее ее от третичной системы. Наименования “четвертичный” и “третичный” период явно устарели; в СССР третичная система разделена на палеогеновую и неогеновую, а само название “третичный” стало редко употребительным.

Почти полностью отмерло наименование “послетретичная система”, ранее широко распространенное.

Назрело время для упразднения и архаического термина “четвертичный”.

В наименовании "ледниковый период" подчеркивается такая специфическая и важнейшая особенность новейшего периода, как материковые оледенения...

В течение трех четвертей XX столетия теория материкового оледенения пользовалась всеобщим признанием, и законность наименования периода ледниковым не подвергалась сомнению. Однако в последние десятилетия появился некоторый скептицизм в отношении всеобъемлющего значения ледниковой теории.

Активизировались сторонники полного отрицания материковых оледенений, хотя взгляды антигляциалистов не подкрепляются достоверными доказательствами и противоречат колоссальному фактическому материалу.

Некоторые исследователи указывают на неправомерность наименования четвертичного периода ледниковым на том основании, что ледниковые периоды неоднократно повторялись в геологической истории Земли, что четвертичный ледниковый период был не единственным.

И все же последний ледниковый период был именно единственным по своему своеобразию в истории Земли; он не сравним с более древними ледниковыми периодами. Его своеобразие выражается в глобальном характере четвертичных оледенений, в охвате ими огромных территорий, в зональности ледниковых рельефов и отложений, в неповторимом сочетании и строении возникавших комплексов горных пород, то есть формаций (ледниковой, перигляциальной, лёссовой, мариногляциальной, гляциоаллювиальной и др.), в сильнейшем воздействии ледников на субстрат и др. Такими особенностями в совокупности не обладает ни один из более древних ледниковых периодов"[222]. Всё же Г.И.Горецкий предпочитал использовать термин "антропоген", так как главная его особенность – появление человека.

Четвертичный период был назван антропогеновым в 1922 г. академиком А.П.Павловым на том основании, что в этом периоде человек становится мощным геологическим фактором, а история Земли начинает тесно переплетаться с судьбами человека. Новое название было поддержано многими советскими учеными и частью иностранных исследователей. Тем не менее существуют и противники такого наименования. Если к антропогену будет присоединена доледниковая часть плиоцена, то можно было бы в расширенной антропогеновой системе выделять два крупных подразделения: доледниковый антропоген и ледниковый антропоген, но в этом случае возникает проблема нижней границы этой системы.

---

[222] *Горецкий Г.И.* О нерешенных вопросах антропогена // Будущее науки: Международный ежегодник. Вып. 10. М.: Знание, 1977. С. 131-132.

Эта проблема, казалось бы, совершенно определённо была решена на Лондонской сессии Международного геологического конгресса в 1948 г., когда было рекомендовано понизить нижнюю границу четвертичной системы под морской калабрий и эквивалентный ему континентальный виллафранк Италии. Рекомендации Лондонской сессии конгресса были поддержаны значительной группой авторитетных исследователей антропогена в СССР: В.И.Громовым, Е.В.Шанцером, А.И.Москвитиным. К.В.Никифоровой, И.И.Красновым, В.П.Гричуком, И.К.Ивановой, В.Л.Яхимович, В.К.Гуделисом и другими; ими доказывалось, что калабрийскому эталону Италии соответствуют отложения акчагыльской трансгрессии (трансгрессия – наступление древнего моря), а континентальному виллафранку – пресноводные осадки кинельской свиты (Поволжье). Довольно значительной была в СССР и группа противников этих рекомендаций, считавшая наиболее обоснованным проведение нижней границы четвертичного (антропогенового) периода под баку (В.В Меннер, К.К. Марков, А.Г.Эберзин, Г.С.Ганешин, П.В.Федоров, Г.И.Попов, П.К.Заморий, Г.И.Молявко, В.А. Зубаков, Г.И.Горецкий и др.).

Острая дискуссия длилась до 1972 г., когда под очевидным влиянием зарубежных исследователей, начавших соотносить калабрий только с верхним виллафранком, представители первой группы резко изменили свои взгляды и начали сопоставлять калабрий Италии не с акчагылом, а с апшероном. Фактически была признана ошибочность соотношения нижнего и среднего виллафранка с калабрием, на котором они настаивали ранее; ошибочным оказалось и сопоставление калабрия с акчагылом в СССР. Дискуссия по вопросу о границе между неогеном и антропогеном возобновилась среди советских исследователей с новой силой. Всё это говорит о недостаточной изученности континентальных отложений верхнего плиоцена и нижнего плейстоцена во всем мире, о необоснованности предполагавшихся ранее корреляций морских и континентальных отложений. Для обоснованного и объективного решения сложнейшей проблемы соотношения морских и континентальных осадков плиоцена и плейстоцена необходимо базироваться не на одном-двух страторегионах и стратотипах, а на ряде сходных регионов и стратотипов, выбранных в эталонных зонах и областях разных континентов. Неизбежен вопрос о тех критериях, которые должны быть положены в основу определения нижней границы антропогена.

Биостратиграфические критерии (по напластованию животных и растительных остатков), применяемые для более древних геологических систем, явно недостаточны при исследовании антропогеновой системы и установлении ее границ. В силу кратковре-

менности антропогена (около 0,7 млн. лет, максимум – 1,8–2,6 млн. лет) эволюционные изменения в мире растений и животных были незначительными, укладывающимися в пределы образования видов и разновидностей. По таким неглубоким эволюционным изменениям невозможно выявить четкие природные рубежи. Участники Лондонской сессии Международного геологического конгресса 1948 г. так и поступили. Рекомендация снизить границу четвертичного периода под калабрий основывалась не на биостратиграфических, а на климатических критериях – на первых признаках существенного похолодания, выразившихся в появлении в морских водах Средиземноморья холодостойких, бореальных моллюсков.

Г.И.Горецкий полагал, что проблема стратиграфии антропогеновых отложении не может считаться в современном положении комплексно обоснованной и решённой. Разработку стратиграфии антропогеновой систем есть смысл обосновывать преимущественно климатостратиграфическими критериями, дополняя их критериями биостратиграфическими и в некоторых случаях палеоантропологическими, археологическими и геохронологическими. Климатостратиграфические критерии находят чёткое отражение в чередовании ледниковых эпох (ледниковий и межледниковий), в системе горизонтов лёссовой формации и погребённых почв, в соотношениях мариногляциальной, ледниковой, гляциоаллювиальной, перигляциальной и лёссовой формаций и др. Разработка стратиграфической шкалы расширенной антропогеновой системы с одинаковой детальностью и для доледникового антропогена и для гляциоантропогена практически невозможна без длительных дальнейших исследований и привлечения дополнительных критериев. Стратиграфические и палеогеографические выводы исследователей антропогена сделали гораздо более обоснованными комплексные палинологические, палеокарпологические и диатомовые исследования. Натурные наблюдения над формированием морен на современных ледниках, детальные исследования морен на равнинах, в районах гляциодислокаций и краевых ледниковых образований с тщательным изучением текстур и структур (сложения и строения) пород, с применением новейших физических и геохимических методов исследований положили начало новому этапу познания ледниковой информации. Значимо также изучение палеогеоморфологии, рельефа постели антропогеновых отложений, гляциогенных форм его, палеопотамологии и палеолимнологии, палеогеографии и неотектоники.

Как одну из актуальных проблем геологии антропогена Г.И.Горецкий рассматривал проблему генетической классификации четвертичных отложений и выявления условий их формирования. Как

показал Б.Н.Гурский, личный вклад Г.И.Горецкого по этой тематике может быть прослежен в таких направлениях: создание учения о перигляциальной формации, генетической классификации типов аллювия, проблема классификации морен[223].

Перигляциальная формация, по Г.И.Горецкому, является связующей между ледниковой и лёссовой. Понимая формацию как совокупность генетических типов и разновидностей отложений, учёный подчёркивал две их основные особенности: общность происхождения и наличие парагенетических связей и закономерностей в пространственном изменении[224]. Основной метод изучения формации – прослеживание слагающих её отложений в направлении, в котором отмечаются наибольшие вариации их состава и условий залегания. Для перигляциальной формации таким направлением является линия, протягивающаяся от водораздельного склона к речной долине.

В составе перигляциальных толщ им выделено 13 генетических типов и разновидностей отложений. При этом к перигляциальной формации причисляется и делювий нормального типа в тех случаях, когда в нём наблюдаются явные следа морозного воздействия. Такой делювий постепенно переходит в другие генетические типы и представлен преимущественно суглинками и глинами, содержащими местный обломочный материал.

Г.И.Горецкий указал на ряд главнейших особенностей, позволяющих отличать перигляциальные, особенно половодноледниковые отложения, от аллювиальных. К этим особенностям относятся следующие: отсутствие типичной русловой слоистости; выпадение из разреза целого ряда типичных аллювиальных фаций (размыва, пойменная, старичная); прерывистость накопления, которая подчёркивается многочисленными мелкими морозобойными клиньями. Учёт этих особенностей особенно важен, так как в пределах древних долин перигляциальные отложения образуют обширные террасы, которые иногда принимаются за аллювиальные. Половодно-ледниковые отложения занимают четко определённое положение: в проксимальной части они переходят в зандры, в дистальном направлении в нижних частях долин переслаиваются с лёссами или переходят в них.

---

[223] *Гурский Б.Н.* Проблемы генезиса четвертичных (антропогеновых) отложений в трудах Г.И.Горецкого // Літасфера. 1999. № 10-11. С. 12-18.

[224] *Горецкий Г.И.* О перигляциальной формации // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода АН СССР. № 22. М, 1958. С. 3-33; *он же.* Генетические типы и разновидности отложений перигляциальной формации // Материалы по генезису и литологии четвертичных отложений. Мн., 1961. С. 107-125.

Давая характеристику палеогеографических условий накопления перигляциальной формации, Гавриил Иванович показал, что климат этого времени приближался к умеренно холодному и сухому, периодические и сезонные колебания нашли отражение в ленточноподобной слоистости, проявлении солифлюкции, криотурбаций, резких изменениях гранулометрического состава. Чрезвычайно высокой активности плоскостного стока способствовала разреженная травянистая растительность, обильное выпадение атмосферных осадков.

Гипсометрически перигляциальные отложения располагаются выше вторых надпойменных террас и в то же время заметно ниже общего уровня зандров сожского оледенения. Это обстоятельство с учётом особенностей состава позволяет отнести данные отложения к половодноледниковым. Линзы суглинков и супесей, отличающиеся повышенным содержанием песчаного материала вниз по разрезу, могут рассматриваемся как осадки мелких разрозненных озёр, существовавших относительно короткие промежутки времени.

В изучении палеогеографических арен половодноледниковым и другим перигляциальным отложениям принадлежит роль реперов, которые позволяют воссоздать сложные процессы геологической истории регионов[225].

Г.И.Горецкий создал стройную генетическую классификацию аллювия, предложил критерии для определения фаций аллювия. Он сформулировал критерии, позволяющие отличать аллювиальную группу фаций от других, литологически сходных генетических типов. Им были выделены два своеобразных типа аллювия – абляционный и облессованный. Для палеогеографических построений особое значение приобретают выявленные Г.И.Горецким особенности ископаемого аллювия ледниковых областей.

Г.И.Горецким аллювий всегда понимался как закономерное сочетание фаций, основными из которых являются пойменная или просхозогенная, русловая или потамогенная, старичная, размыва или базального горизонта, периферийно-старичная или периферийно-русловая, пляжевая, тиховодья, наилка, подмыва, омута, пойменно-старичная, старично-периферийно-русловая, переходная между фациями размыва и русла.

В целом значимость работ Г.И.Горецкого в разработке учения об аллювии можно свести к таким положениям: установлены принципиальные отличия аллювия от сходных с ним отложений, причем показана большая гамма различных образований переходного

---

[225] *Горецкий Г.И.* О выделении палеогеографических арен в антропогене БССР // Доклады АН БССР. 1988. Т. XXXII. № 3. С. 246-247.

типа; выявлены и прослежены в самых различных регионах Русской равнины фации аллювия, отражающие палеогеографические особенности его накопления; разработаны и применены на практике количественные показатели, дающие возможность охарактеризовать как особенности отдельных аллювиальных свит, так и изменения одной и той же свиты по простиранию.

В работах, посвященных моренным отложениям, Г.И.Горецкий выделял среди морен по текстурным, структурным и другим признакам литолого-генетические их типы и фации. Главными генетическими группами являются морены, которые образовались на суше (сухоземные) и те, которые откладывались через воду (акватические). Сухоземные морены в зависимости от динамического состояния ледника подразделяются на морены активного ледника со свободным движением, замедленным движением (терминальные) и мёртвого льда[226]. К одной из разновидностей акватических морен относится потоковая морена, которая формируется в наледниковых потоках. Она часто переходит в основную или слагает в ней крупные линзы. Устанавливается тесная связь потоковой морены с массивами краевых ледниковых образований, к подножьям которых она часто спускается по системам долинообразных понижений. Потоковая морена нередко образует сплошные поля, сложенные песчано-гравийным материалом с большим количеством гальки и валунов. Обломочный материал чаще всего отличается хорошей окатанностью и заметной сортировкой по простиранию потока. Г.И.Горецким выделено несколько разновидностей потоковой морены.

Ставя задачу поисков узлов синтеза в антропогеновых образованиях Беларуси, Г.И.Горецкий писал, что необходимо *"сосредоточить внимание всех изыскателей и исследователей антропогена Беларуси на изучении таких объектов, как типы акватических, терминальных и потоковых морен, гляциоаллювий ледниковых ложбин, погребенные аллювиальные свиты, половодноледниковые отложения. Эти породы могут явиться первостепенным источником технических и питьевых вод хорошего качества, резервом естественных строительных материалов"*[227].

Работы по Международной программе геологической корреляции заметно активизировали в СССР разработку более детальной стратиграфии отложений антропогеновой системы. Они проводились преимущественно на биостратиграфической основе, как и в от-

---

[226] *Гарэцкі Г.І.* Пра асноўныя напрамкі вывучэння антрапагену Беларусі ў бліжэйшыя гады // Антрапаген Беларусі. Мн., 1971. С. 235-245.

[227] *Горецкий Г.И.* Узлы синтеза в антропогеновых образованиях Белоруссии // Доклады АН БССР. 1986. Т.30. № 4. С. 357.

ношении осадков других геологических систем фанерозоя. Однако Гавриил Иванович полагал, что в корреляционных исследованиях, касающихся антропогеновой системы, методы корреляции могут быть расширены за счет включения в их состав широкого комплекса палеогеографических методов, особенно палеогеоморфологических. Причём из палеогеоморфологических методов корреляции наиболее эффективными являются палеогляциологический метод обнаружения глубоких ложбин ледникового выпахивания и размыва, палеопотамологический и палеолимнологический методы[228].

Успешное выявление ледниковых ложбин возможно только на территориях, хорошо изученных бурением значительного числа скважин на всю мощность антропогеновых пород, с углублением скважин на 5–10 м в доантропогеновые отложения. Лишь в этом случае рельеф постели антропогеновой толщи будет установлен с достаточной достоверностью.

Сложность и многообразие рельефа постели антропогеновых пород в районах развития ледниковых ложбин ярко проявляются при оптимальном количестве буровых скважин. Ложбины ледникового выпахивания и размыва широко распространены в ледниковых областях СССР и соседних стран Европы. Типы ледниковых ложбин многообразны по морфологии и геологическому строению. Выделяются ледниковые ложбины, образованные преимущественно подледниковым размывом, сложенные главным образом гляциоаллювием: песками, включающими гравий, гальки, валуны, хорошо окатанные, промытые, переслаивающиеся, с заметным укрупнением обломочного материала кверху. К противоположному типу принадлежат ледниковые ложбины, созданные ледниковым выпахиванием, полностью заполненные мореной Довольно часто встречаются ложбины ледникового выпахивания и размыва смешанного типа, выполненные и гляциоаллювием и мореной.

Нередко в сложении ледниковых ложбин принимают участие типичные ленточные глины то в виде небольших прослоев, то в форме пластов мощностью по нескольку метров. Ленточные глины свидетельствуют о прерывистости в образовании ледниковых ложбин. На значительную прерывистость указывают пласты и слои диатомитов и диатомовых пород от 1–2 до 20–30 м мощности, приуроченные к некоторым ледниковым ложбинам. Диатомовые породы знаменуют собой существование озёрных фаз во впадинах ледниковых ложбин, развитие озёр с прозрачными водами.

---

[228] *Горецкий Г.И.* Палеогеоморфологические методы корреляции раннеплейстоценовых образований // Докл. на XI конгрессе INQUA (Москва, 1982 г.). Мн.: Наука и техника, 1982. 27 с.

По конфигурации ледниковые ложбины напоминают то протяжённые подледниковые реки, то подлёдные рытвинные озёра, то короткие ледниковые рытвины, то ограниченные западины-ванны, то погребённые троги, то крупные тальвеги ледников, то огромные днища выводных ледников у мест их длительной остановки (котловинный тип, Сещинская ложбина).

Ледниковые ложбины возникают при всех равнинных оледенениях. Самые крупные и глубокие образовались древнеппейстоценовыми оледенениями – раннеберезинским и позднеберезинским (окским), а из среднеплейстоценовых – днепровским. Поэтому при обнаружении глубоких ледниковых ложбин или их сочетаний можно судить в первом приближении об их возрасте и о тех палеогеографических аренах, в состав которых входят ледниковые ложбины.

Г.И.Горецкий исходил из того, что антропоген существенно отличается от других геологических периодов, и это оказывает решающее влияние на разработку стратиграфии антропогеновой системы. Антропоген ознаменовался появлением и становлением человека как социального существа, превратившегося в могучий геологический фактор, создавшего новую оболочку Земли – ноосферу. Человек становится ведущим геологическим фактором, определяющим и свою судьбу и будущее в истории Земли. В течение антропогенового периода в истории Земли произошли многократные равнинные оледенения, сменявшиеся межледниковьями. Антропоген – незавершённый период. Это – начало новой техногенной эры в истории Земли. Антропоген, как незавершённый период, отличается кратковременностью; это – геологическая современность. Продолжительность антропогена, около 700 тысяч лет, ничтожно мала по сравнению с доантропогеновыми геологическими периодами. Поэтому эволюционные изменения в органическом мире за этот период крайне незначительны и не могут быть положены в основу стратиграфии антропогеновых отложений[229].

Методы стратиграфического расчленения антропогеновой системы определяются специфическими особенностями этой системы. Исходя из того, что главнейшим событием антропогена было появление и становление человека как социального существа, следовало бы в основу изучения стратиграфии антропогеновой системы положить применение *палеоантропологических и археологических* методов, поскольку четвертичный период – время становления и развития человека и человеческого общества, о ранних стадиях

[229] *Горецкий Г.И.* Основные принципы и методы разработки стратиграфии антропогена // Геология четвертичного периода (плейстоцена). Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1977. С. 242-243.

которого судят преимущественно по остаткам материальной культуры человека, также применяемым в стратиграфии четвертичных отложений. Сам Г.И.Горецкий, как многие геологи-четвертичники, много внимания уделял археологическим памятникам[230]. Лишь недостаточная разработанность этих методов ограничивает их основополагающее применение.

Поскольку ещё одной особенностью антропогена явилось развитие равнинных оледенений, чередование ледниковий и межледниковий, сопровождаемых возникновением своеобразных отложений и рельефа, это обусловило широкое применение *литогенетических и геоморфологических* методов, в их неразрывном сочетании, что составляет характерную особенность всех разработок антропогеновой стратиграфии.

В литогенетических исследованиях антропогеновых отложений имеются свои особенности, сводящиеся в основном к выявлению тех характерных антропогеновых пород, которые обусловлены принадлежностью их к определённым генетическим типам, фациям, формациям, к тем или иным типам и формам рельефа, к климатогеографическим зонам. Проследить обусловленность физических и физико-механических свойств и особенностей антропогеновых пород их генетической, фациальной, формационной, климато-зональной и геоморфологической принадлежностью легче всего на объектах антропогена, на которых эта обусловленность наиболее ярко выражена. Для целей стратиграфического расчленения антропогеновых осадков исключительно важно как знание генетической и возрастной обусловленности свойств и особенностей антропогеновых осадков, так и познание хорологических и хронологических соотношений основных антропогеновых формаций –ледниковой, перигляциальной, лёссовой, морской, мариногляциальной, аллювиальной, почвенной и др.

Не менее важно для тех же целей познание соотношений антропогеновых формаций и рельефа, *комплексное применение литогенетических, геоморфологических и палеогеоморфологических*

---

[230] Среди его работ по этой тематике следует упомянуть: *Горецкий Г.И.* Следы палеолита и мезолита в Нижнем Подонье // Сов. археология. Т.16. 1952. С. 302–329; *Он же.* О возможности применения археологического метода при изучении момлодых антропогеновых осадков (в условиях Нижнего Подонья и Приманычья) // Бюлл. Комисс. по изуч. четверт. период АН СССР № 20. 1955. С. 16–38 и № 21. 1957. С. 58–78; *Он же.* Об уточнении геологических датировок палеолита Русской равнины // Тр. Геол. ин-та АН СССР. Вып. 32. М. 1959. С. 22–24; *Он же.* О путях решения некоторых спорных вопросов геологических датировок Русской равнины // Тр. Комисс. по изуч. четверт. период АН СССР. Т. VIII. 1961. С. 107–125.

методов. Особенное значение для стратиграфических исследований антропогеновой системы приобретает комплексное использование названных методов при изучении краевых образований равнинных оледенений и закономерностей формирования рельефа постели антропогеновых отложений, в частности погребенных речных долин (палеопотамологический метод), ложбин ледникового выпахивания и размыва.

Кратковременность и незавершённость антропогеновой системы ограничивают возможности применения биостратиграфических методов при разработке антропогеновой стратиграфии. Несмотря на незначительную глубину эволюционных изменений в органическом мире антропогена, резкие колебания климата и всех палеогеографических условий, частые чередования ледниковий и межледниковий, перемещения климатических зон, вмешательство человека в изменение природы вызывали в органическом мире антропогена значительные и своеобразные *изменения миграционного характера*. Познание этих изменений, в значительной мере зависящих от местных географических условий, накладывает на все методы антропогеновой палеозоологии и палеоботаники сильнейший отпечаток. Методы остеологического, конхилиологического, остракодового, микрофаунистического, палинологического, палеокарпологического, диатомового и других анализов должны стать при изучении антропогеновых пород необычайно тонкими, тщательными, детальными, массовыми, теснейшим образом связанными друг с другом, комплексными как при отборе образцов на исследования, так и при их анализе и при истолковании результатов изучения.

Палеонтологические исследования антропогеновых отложений должны производиться на микростратификационной основе, на выделении фаций и микрофаций, дробных пачек, пакетов, слоёв и микрослоёв, тафоценозов и тафобиоценозов, геобиоценозов в конечном результате. При интерпретации результатов комплексных палеонтологических исследований антропогеновых осадков должны строго учитываться тафономические условия, с объективным выделением переотложенных элементов, с максимально возможным переходом от состава тафоценозов к определению подлинных компонентов биоценозов.

В истолковании итоговых результатов палеонтологических, палеоантропологических и археологических исследований необходимо восстанавливать очаги и пути миграции растений, животных и человека, в их палеогеографической и взаимной обусловленности.

Г.И.Горецкий настаивал на большой специфичности принципов и методов стратиграфического расчленения антропогеновой систе-

мы, обусловленной особенностями самого антропогенового периода. Многообразие общих и местных палеогеографических факторов и условий, определяющих историю Земли и Человека в последние 700 тысяч лет, требуют широкой постановки во всех странах мира исследований по корреляции антропогеновых отложений.

Сотрудничество с палеокарпологами

Палеокарпология – раздел палеоботаники и карпологии, изучающий растения прошлых геологических периодов по ископаемым остаткам плодов и семян. Знакомство с методами палеокарпологии, с их применением для решения актуальных задач стратиграфии антропогена, с немногими отечественными специалистами-палеокарпологами сыграло огромную роль в деятельности Г.И.Горецкого как исследователя. В свою очередь он многое сделал для пропаганды палеокарпологических методов.

Вот как он сам писал об этом.

“Мне посчастливилось в течение 40 лет работать в тесном контакте и содружестве с палеокарпологами трех поколений, помогать им в меру моих сил и возможностей, обсуждать результаты изучения, использовать выводы палеокарпологов в практической работе. Хочу поделиться своим опытом такого использования.

В 1939 и 1940 гг. мне пришлось участвовать в инженерно-геологических изысканиях под проект Соликамского гидроузла, строительство которого намечалось в очень сложных и трудных условиях. Район гидроузла размещался на территории с высоким залеганием каменной соли, с активной соляной тектоникой, многими сбросами, соляными куполами с ядрами калийных солей, явными признаками интенсивного выщелачивания.

Надсоляной чехол антропогеновых, неогеновых и пермских пород имел сложнейшее строение, резко изменявшуюся мощность, неровный рельеф постели, пестрый литологический состав, различную водопроницаемость. Предстояло найти участки, где соляная залежь была бы надежно перекрыта сплошным покровом слабо водопроницаемых и сохранных пород, предохраняющих соли от выщелачивания водами будущего водохранилища.

Изучение литологии, стратиграфии и возраста неогеновых и антропогеновых пород Соликамского района приобрело важнейшее значение, как показателей локализации, интенсивности и длительности процессов выщелачивания каменных солей.

К исследованию кайнозойских отложений района были привлечены видные ученые: Г.Ф.Мирчинк, А.И.Москвитин, А.П.Герасимов, Н.А.Игнатьев, А.В.Ярмоленко, И.М.Покровская, В.П.Гричук, В.С.Порецкий и др. С их помощью, с применением широкого комплекса методов, изучение осадков кайнозоя продвинулось далеко вперед. Но, вследствие бедности пород остатками ископаемой фауны и флоры, разработка детальной стратиграфической схемы кайнозоя района была затруднена.

Исключительные трудности возникли перед стратиграфическим расчленением осадков, выполняющих глубокую меридиональную депрессию: преимущественно аллювиальных в северной части с мощностью чаще до 35 м., и преимущественно озерных в южной части с мощностью до 75 м. Совершенно очевидной стала необходимость дополнить применявшийся широкий комплекс методов еще одним, палеокарпологическим методом исследований, ставшим известным после работ П.А.Никитина в начале 20-х годов. На важное значение палеокарпологических работ П.А.Никитина указал мне А.Н.Криштофович.

Для проведения палеокарпологических анализов были отобраны многочисленные, большого объема образцы пород, в которых при контрольном описании керна были замечены растительные остатки и хотя бы незначительные признаки гумусированности. Из керна некоторых скважин удалось отобрать серии образцов – по 10–20 проб (скв. 400, 443, 303).

П.А.Никитин выполнил в 1939–1940 гг. палеокарпологические исследования соликамских образцов с непревзойденным мастерством и высоким творческим подъемом. Отчеты П.А.Никитина по отдельным этапам исследований являются образцовыми примерами подобного рода работ для последующих поколений палеокарпологов. Сводку этих отчетов, в виде монографического очерка, Петр Алексеевич предполагал подготовить к печати в 1941 г., но военные годы не благоприятствовали осуществлению доброго намерения. Только через 14 лет после смерти П.А.Никитина краткое изложение основных результатов его палеокарпологических исследований по Соликамскому району было приведено мною в первой монографии о погребенном аллювии великих антропогеновых прарек Русской равнины. Материалы этой монографии и выдержки из писем ко мне П.А.Никитина дают некоторые представления о творческих исканиях основоположника советской палеокарпологии.

Материалы палеокарпологических исследований П.А.Никитина были использованы мною в качестве базы при выработке стратиграфической схемы антропогена и неогена Соликамского района.

Работы Петра Алексеевича помогли мне выделить в низах Соликамской меридиональной депрессии миоценовые и плиоценовые отложения соликамскую и венедскую свиты нижнего плейстоцена”[231].

Этот первый опыт сотрудничества Г.И.Горецкого и П.А.Никитина перерос длительную интеллектуальную коммуникацию, много значившую для них обоих[232].

Отечественная палеокарпология выросла в школу, наследовавшую широкий диапазон методического арсенала П.А.Никитина и занимающую видное место в мире по разнообразию тематики, глубине и эффективности проводимых исследований. Главными чертами сформировавшейся в СССР палеокарпологии были комплексность, изучение геологии района местонахождения ископаемой флоры, литологии флороносных пород, морфологические и анатомические исследования отдельных характерных форм, эволюционный анализ полученных семенных флор и т.д. Г.И.Горецкий отмечал, что такой подход отражал не только широту научных интересов П.А.Никитина, изучавшего растительные остатки из антропогеновых, неогеновых, палеогеновых и даже мезозойских и палеозойских отложений, но был вызван и объективной необходимостью постоянного совершенствования методики палеокарпологического анализа применительно к изучению той или иной группы флор.

Г.И.Горецкий был убеждён в том, что палеогеография кайнозоя может быть успешно построена преимущественно на базе палеокарпологических исследований, что открывало богатейшие перспективы исследований в области палеокарпологии в комплексе с другими палеоботаническими методами.

Образцовые результаты палеокарпологических исследований П.А.Никитина оказали неоценимую услугу Г.И.Горецкому и при корреляции нижнеплейстоценовых отложений южной и северной частей Соликамского района. Долгое время ему не удавалось увязать разрезы южной части, сложенные преимущественно глинистыми плейстоценовыми породами, с разрезами северной части, сложенными главным образом галечниками, гравием и разнообразными песками, с прослоями и линзами коричневых суглинков и глин. Внешнее сходство коричневых глин и суглинков южной и северной частей Соликамского района давало известное основание к их увязке, но полной уверенности в такой параллелизации не было. Палеокарпологические исследования П.А.Никитина в Соликам-

[231] *Горецкий Г.И.* Из личного опыта содружества с палеокарпологами // Советская палеокарпология (итоги и перспективы). М.: Наука, 1979. С. 30-31.

[232] См. письма Г.И.Горецкого П.А. Никитину в этой книге.

ском районе помогли решению труднейшей задачи – корреляции нижнеплейстоценовых отложений двух различных частей района: южной, склоновой и приводораздельной, с озёрными осадками, и северной, долинной, с озёрно-аллювиальными и аллювиальными накоплениями.

Большое значение имели палеокарпологические анализы П.А.Никитина и при выделении в нижнеплейстоценовой толще Соликамского района венедской аллювиальной свиты.

Позднее успешные палеокарпологические исследования П.А.Никитина в Чкаловско-Городецком районе на Волге позволили уточнить представления о венедских семенных флорах. Венедская свита этого района характеризовалась таким руководящим комплексом: *Azolla interglaciallca*, *Selaginella selaginoides*, *Scirpus* cf. *radicans*, *Ranunculus* cf. *hyperboreus*. П.А.Никитин подчеркнул, что аналогичный комплекс встречен в коричневых глинах Соликамска. Климат начала накопления венедской свиты у Чкаловска и Городца П.А.Никитин называет "еще холодным, постепенно улучшавшимся, но не достигшим заметной теплотности". Позднее холодный и сухой климат начала накопления венедской свиты сменился более тёплым и влажным. Относительное улучшение венедского климата выразилось в развитии липы, дуба, вяза, граба, орешника, клена. По сравнению с содержанием теплолюбивых растений в голоцене Городецкого района венедская свита уступает голоценовому аллювию; но всё же относительный климатический оптимум выражен в ней явственно, а потому венедский климат заслуживает оценки как межледниковый, прохладный и влажный.

Глубокие предположения П.А.Никитина о палеоклимате имели далеко идущие последствия. Так еще в 1933 г. на основании сделанных находок, хотя и бедных количественно, он пришел к правильному выводу, характеризуя обстановку сингиля как "время достаточно холодное, сильно влажное, с повышенной эрозией...", с ландшафтом "в виде безбрежных луговых пространств, с заболачивающимися водоемами, с нередкими ольшатниками и зарослями кустарникового ивняка". В этих отложениях не были встречены ни типичные представители тундры, ни остатки холодолюбивых древесных пород. Такие выводы имели принципиальное значение для понимания сингильских отложений у г. Черный Яр, которые расценивались как эталонные, но относимых то к нижнехазарским, то к позднебакинским, что указывало на совершенную необходимость повторного изучения сингильской семенной флоры в стратотипическом разрезе.

Отбор крупных проб для повторного анализа был произведены Г.И.Горецким и В.П.Никитиным, последний промыл на месте массу

пород по методике своего отца. Определения семенных остатков выполнил П.И.Дорофеев. В результате оказалось, что соотношение основных экологических групп существенно не изменилось.

Несомненное переотложение растительных остатков и неясность условий залегания служили препятствием для П.А.Никитина и П.И.Дорофеева в правильной интерпретации результатов палеокарпологических исследований Новохоперского разреза. В итоге кропотливого анализа исследователям удалось выделить в новохопёрской флоре остатки растений каменноугольного периода, мезозоя, неогена и собственно плейстоцена. Присутствие же холодолюбивых *Selaginella selaginoides*, *Picea, Larix*, *Betula nana* указывает на климат более холодный, чем межледниковый. После напряжённых и сложных исканий П.А.Никитин пришёл к правильному, по мнению Г.И.Горецкого, решению вопроса о возрасте новохопёрской флоры: средний плейстоцен – “коссожское время Православлева, вряд ли сингильское” (письмо П.А.Никитина от 3.II.1949). П.А.Никитин и П.И.Дорофеев были правы, считая изучение новохопёрской флоры ключом к пониманию аналогичных флор, приуроченных к погребённому аллювию прарек[233].

Локализация подобного типа семенных флор в переуглублениях прарек стоит в связи не с климатическими условиями и не с влиянием ледников, а с аллювиальным характером тафономии остатков флоры и фауны, благоприятствующим максимальному переотложению. П.А.Никитин уделял пристальное внимание изучению различных типов переотложений, как по составу растительных остатков из разновозрастных элементов, так и по характеру включающих пород. В узунларских отложениях Маныча наблюдалось необычное сочетание морской фауны (битая ракуша) и обильных растительных остатков рясок, водяного лютика, камыша и др. П.А.Никитин сделал оригинальное допущение, что седиментация флоры происходила в незатвердевшем морском иле опреснённого лимана или дельты[234].

П.А.Никитин считал, что биодетрит нельзя изучать изолированно от остальных компонентов породы. Выяснение соотношений биодетрита и вмещающих пород (синхронные, протогенные, смешанные) составляет основную задачу палеокарпологических исследований. Поэтому П.А.Никитин с необычайной детальностью и тщательностью прежде всего исследовал литологические особенности образцов пород, содержавших семенные остатки. Осново-

233 *Никитин П.А., Дорофеев П.И.* Четвертичная флора района г. Новохоперска // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. 1953. № 17.

234 *Горецкий Г.И.* Из личного опыта содружества с палеокарпологами // Советская палеокарпология (итоги и перспективы). М.: Наука, 1979. С. 36.

положник отечественной палеокарпологии разработал принципы "биодетритологии", её связей с петрологией осадочных пород, с палеогеографией. Биодетритологическое направление прочно укрепилось в палеокарпологии, особенно в работах М.Г.Кипиани.

Исходя из основ биодетритологии, П.А.Никитин вплотную подошёл к биогеоценологии, разрабатывавшейся В.Н.Сукачёвым. Преимущество палеокарпологии, её биодетритологического направления, заключается как раз в наибольших возможностях восстанавливать биогеоценозы по тафогеоценозам, по биодетритологическим комплексам, с использованием видовых определений ископаемых растений и дробных фациально-генетических разновидностей пород.

В течение десяти лет Г.И.Горецкий пользовался результатами превосходных палеокарпологических исследований П.А.Никитина, которые оказались весьма полезными в решении многих вопросов стратиграфии и корреляции неогеновых и антропогеновых отложений Восточно-Европейской равнины.

Они оказались полезными и для решения практических вопросов гидротехнического строительства, например, при выяснении начала и затухания процессов выщелачивания каменной соли в Соликамском районе. Г.И.Горецкий приводит ещё один яркий пример практического значения палеокарпологических исследований. В начале 40-х годов производились инженерно-геологические изыскания на р. Чусовой. При выборе створа плотины в одном районе понадобилось решить вопрос о возрасте берегового выступа на участке примыкания плотины. Из основания выступа была извлечена большая проба гумусированных пород. Пробу послали П.А.Никитину, который выполнил палеокарпологический анализ и пришёл к выводу о молодом, голоценовом возрасте выступа. Природа выступа оказалась оползневой. Створ пришлось перенести. Это означает, что палеокарпологические исследования бывают эффективными даже при изучении молодых голоценовых отложений. Всё же особенно эффективны палеокарпологические анализы более древних пород – неогеновых, нижне- и среднеплейстоценовых.

Ещё одним палеокарпологом, с которым Г.И.Горецкий находился в тесной коммуникации в течение десятилетий, был Павел Иванович Дорофеев, ученик и продолжатель дела П.А.Никитина.

Из числа первых его определений, значимых для исследований Гавриила Ивановича, стали результаты изучения семенных флор кинельской свиты. Кинельская свита Палео-Камы была расчленена Г.И.Горецким на основании литолого-генетических признаков и условий залегания на 4 горизонта: шешминский, челнинский,

сокольський и чистопольский. Состав семенных флор этих горизонтов, определённых П.И.Дорофеевым, оказался достаточно богатым и разнообразным. Результаты, достигнутые П.И.Дорофеевым в палеокарпологическом изучении сокольского горизонта кинели Палео-Камы, составили крупный вклад в разработку стратиграфии кинельской свиты и были использованы при инженерно-геологическом обосновании проектов гидротехнических сооружений на Каме и Волге.

Велико также значение палеокарпологических исследований П.И.Дорофеева, относящихся к антропогеновой толще бассейнов Камы и Волги, особенно к погребённому аллювию Пра-Камы и Пра-Волги, прежде всего венедской свиты. Отличия венедских флор Нижней и Верхней Камы незначительны, но заметны: они соответствуют несколько более мягкому климату Нижней Камы. Приуроченность венедских семенных флор бассейнов Камы и Волги преимущественно к аллювиальным отложениям, в которых растительные остатки часто бывают переотложенными и смешанными, сильно затрудняет объективное использование результатов палеокарпологических анализов, правильное их истолкование. И все же роль палеокарпологических исследований в определении возраста мощных аллювиальных свит речных переуглублений нередко становится решающей. Так было, например, при выделении венедской свиты из мощной толщи погребённого аллювия Пра-Волги в Жигулевском Поволжье.

Большую ценность представляют результаты палеокарпологического изучения П.И.Дорофеевым нижнекривичской и верхнекривичской свиты на многих прареках Восточно-Европейской равнины. По сравнению с составом соликамских и венедских флор, здесь отсутствуют многие холодолюбивые растения – лихвинское межледниковье было наиболее тёплым в раннем и среднем плейстоцене[235].

П.И.Дорофеев уверенно отнес вышгородскую семенную флору Пра-Днепра к самому концу миндель-рисса. Пробы на палеокарпологический анализ аллювиальных пород верхнекривичской свиты Вышгорода под Киевом отбирались Г.И.Горецким из периферийно-русловой фации, для которой характерно минимальное переотложение. Поэтому вышгородская семенная флора, как залегающая практически in situ, может считаться эталонной для верхнекривичской свиты, сопоставляться с завершающим этапом лихвинского

[235] *Дорофеев П.И.* Новые данные о лихвинской (миндель-рисской) флоре // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. 1960. № 24.

межледниковья, относиться к позднему лихвину или, возможно, к самостоятельному отрезку времени “лихвин-два”, в ранге, несколько большем, чем фаза межледниковья.

Корреляционная ассоциация кривичских аллювиальных свит великих прарек и морских отложений древнеэвксинских трансгрессий (первой и второй), составляет главнейшую стратиграфическую координату плейстоценовой толщи Восточно-Европейской равнины. Палеокарпологические исследования П.И.Дорофеева сыграли при выделении этой ассоциации решающую роль. Выше этой ассоциации располагается морена днепровского оледенения и её аналоги, ниже её – морена окского (позднеберезинского) оледенения, подстилаемая венедскими отложениями и раннеберезинской (белорусской) мореной.

В Минске Гавриил Иванович, организовывая исследования антропогена, придавал большое значение палеокарпологическим исследованиям, понимая, что для подготовки специалиста-палеокарполога нужны многие годы и особые личные качества. П.И.Дорофеев передал палеокарпологическую эстафету своим ученикам и последователям, представителям третьего поколения палеокарпологов – Ф.Ю.Величкевичу, Т.В.Якубовской, Э.А.Крутоус и Г.И.Литвинюку, сформировавшим белорусскую палеокарпологическую школу. Начала этой школы заложил П.И.Дорофеев своими обширными палеокарпологическими исследованиями на территории Белоруссии, проводившимися в творческом содружестве с Л.Н.Вознячуком.

Результаты работ палеокарпологов стали широко использоваться исследователями антропогена Беларуси при комплексном изучении антропогеновых отложений, особенно ледниковой формации и краевых ледниковых образований, ложбин ледникового выпахивания и размыва, палеогеоморфологии и палеопотамологии, местных и общих корреляций. Белорусские палеокарпологи стремятся охватить исследованиями все горизонты антропогеновой и плиоценовой толщи, чтобы удовлетворить запросы работ по программе Международной геологической корреляций, по определению границы между неогеном и антропогеном, по корреляции ледниковых образований Европы и Северной Америки.

В исследовании семенных флор микулинского межледниковья принимали участие все представители белорусской палеокарпологической школы. Наиболее активно изучал эти флоры Ф.Ю.Величкевич, разрабатывавший самостоятельное эволюционно-генетическое направление в палеокарпологии: знание особенностей молодых семенных флор антропогена понадобились ему

для прослеживания эволюционных изменений основных видов семенных флор на обширном фактическом материале, собранном в различных географических условиях. Весьма интересным результатом палеокарпологических работ Ф.Ю.Величкевича явилось открытие им ниже собственно микулинского горизонта интервала с новой, оригинальной семенной флорой, которую можно назвать лоевской[236], по местонахождению у Лоева, где она впервые была обнаружена Л.Н.Вознячуком.

Много ценных материалов получили исследователи антропогена Беларуси от палеокарпологов для использования при изучении лихвинского (александрийского) межледниковья.

Местонахождение семенных флор лихвинского межледниковья в ряде верхних отрезков долин Днепра и Западной Двины, с залеганием флороносных осадков на уровнях, близких к меженным, служат доказательством сближения и интерференции эрозионных кривых ложа разновозрастных аллювиальных свит на верхних участках антропогеновых прарек. Такие местонахождения обнаружены благодаря совместным работам в поле и палеокарпологов и геологов. Использование исследователями антропогена материалов палеокарпологов было в таких случаях, в условиях Беларуси, весьма плодотворным.

Г.И.Горецкий показал также, что игнорирование результатов палеокарпологических исследований приводит в ряде случав к серьёзным ошибкам даже видных исследователей (А.И.Москвитин, Н.И.Кригер и др.).

Так монографические палеокарпологические исследования Т.В. Якубовской разреза Колодежный Ров утвердили за ним значение наиболее полноценного и представительного парастратотипа лихвинского межледниковья[237], опровергнув мнение скептиков (Н.И.Кригер и др.) об отторженцевой природе этого замечательного, классического разреза, который в силу залегания не in situ будто бы потерял свою роль в решении стратиграфических проблем антропогена и заслуживает полного исключения при их рассмотрении (А.И.Москвитин).

Выделение стратиграфических горизонтов неогена Беларуси, сделанное на основании семенных флор, подкреплялось и уточня-

---

[236] *Величкевич Ф.Ю.* История плейстоценовой флоры средней полосы Восточно-Европейской равнины // Советская палеокарпология (итоги и перспективы). М.: Наука, 1979. С. 76-121.

[237] *Якубовская Т.В.* Палеогеография лихвинского межледниковья Гродненского Понеманья (палеокарпологические исследования). Минск: Наука и техника, 1976. – 300 с.

лось палинологическими, остракодовыми и диатомовыми анализами. Стратиграфическая схема неогена Беларусии, разработанная с учётом результатов палеокарпологических исследований, помогла построению геологических профилей, надёжной увязке разрезов даже в условиях сильной дислоцированности кайнозойских отложений. По геологическим профилям и картам стратоизогипс были намечены фрагменты контуров погребённых долин палеорек и в некоторых случаях их притоков.

Признавая за материалами палеокарпологических исследований огромную ценность, прежде всего при стратиграфических и палеогеографических построениях, Г.И.Горецкий объективности ради отмечал, что геологи антропогена не всегда соглашались с выводами палеокарпопогов. На основании личного опыта он объяснял такие случаи недостаточной изученностью как семенных флор, так и геологии местонахождений флороносных пород. Расхождения в некоторых случаях выводов палеокарпологов и геологов, палеокарпологов и палинологов, стратиграфов и палеогеографов, геологов и географов, ещё раз убеждают, что необходимо интенсивнее осуществлять комплексные исследования, которые неизбежно приведут к сближению различных точек зрения.

Он писал: *"Сотрудничество с палеокарпологами трех поколений оказало самое плодотворное влияние на мою геологическую работу; моя безграничная благодарность им и восхищение их преданностью любимой науке сохранятся на всю жизнь. Мне будет очень приятно, если и другие исследователи антропогена и неогена встанут на путь тесного сотрудничества с палеокарпологами"*[238]. Действительно, выводы, полученные от палеокарпологов, позволили существенно уточнить стратиграфические соотношения подразделений антропогена и в ряде случаев принять во многом судьбоносные решения при гидротехническом строительстве. И всё-таки главное их значение для научного наследия Г.И.Горецкого состоит в том, что тонкие наблюдения и интерпретации П.А.Никитина относительно палеоклиматических особенностей различных эпох по данным палеокарпологических исследований подвигли Гавриила Ивановича к разработке палеклиматических реконструкций, которые стали краеугольным камнем палеопотамологии как науки.

[238] *Горецкий Г.И.* Из личного опыта содружества с палеокарпологами // Советская палеокарпология (итоги и перспективы). М.: Наука, 1979. С. 51.

Воспоминания и очерки Г.И.Горецкого о брате и деятелях науки

Несколько картин из детской и юношеской жизни Максима Горецкого

Родина и весь мир начинаются для каждого человека, особенно писателя, с родного дома, с родного уголка – деревня ли это, или город. Отсюда берут истоки и “Деды” Адама Мицкевича, и “Новая земля” Якуба Коласа и романы-эссе о тимковцах Кузьмы Чорного, и “Птицы и гнёзда” Янки Брыля…

Отсюда должна была выйти и “Комаровская хроника” Максима Горецкого, большой роман-эпопея о четырёх поколениях белорусской деревни.

Так какая же была хата, где родился Максим, где прошли его детские годы? Построил её мой дед Кузьма на месте своей курной хаты со времён крепостного права. Пол в нашей хате был земляной, холодный, неровный. При входе налево – большая печь. От печи, вдоль левой стены, через всю хату тянулся “пол” – цельные нары, общее семейное ложе, – любимый приют для детей. Над “полом” почти под самым потолком, были сделаны широкие полати, где спали хлопцы и туда так любили заползать детки, чтобы погреться и побаловаться.

Около печи был широкий запечек, где сидели старшие женщины, пряли, шили, беседовали долгими вечерами, а к ним тянулись дети. Это – семейный клубный уголок. От печи, почти на уровне полатей, через всю хату была протянута балка-жердь, которая казалась маленькой узенькой перекладиной над пропастью, переползти которую было сильнейшим искушением и проявлением героической смелости.

В углу висели тёмные иконы, стоял единственный большой стол, с длинными лавками вдоль стен.

Под нарами поздней осенью и зимой прятались от холодов ягнята, телёнок, поросята, а порой и овечки, дружба с которыми была самой приятной забавой для малышни.

В хате было три небольших окна в одну раму и мутноватыми стёклами. Самое весёлое окно было в левой стене, над нарами, потому что в него чаще светило солнышко, и тогда от окна шли солнечные тропинки, в которых мелькали, двигались, бегали наперегонки миллионы пылинок. Детки любили попадать на эти солнечные тропинки, которые казалось, бегут до самого солнца, в далёкое небо, ловить золотые пылинки маленькими ручонками.

В холодных сенях была небольшая кладовочка-чуланчик, где стоял мамин сундук, полный таинственных привлекательностей, – мама иногда позволяла детям заглянуть в этот сундук и тогда угощала конфетами, которые покупала по семь штук за копейку.

Со двора наша хата казалась заколдованным дворцом, благодаря живописной заросшей мхом крыше. Мох на крыше был ярко-зелёный, ровный, бархатный, какой-то торжественный. Зимой хата была занесена снегом до самых окон.

Много познал Максим в этой хате людской горечи и радости, настоящего детского и юношеского счастья. Вспоминаю такие картины.

Зима. Максим приехал из Ольши на Рождество. Мама сидит на нарах, у окна, сквозь которое пробивается солнечный лучик. Мама молодая, красивая, шьёт и поёт. На запечеке сидит тётка Христёна и прядёт. Максим, Порфир, Анечка и я примостились возле мамы, слушаем её песни, нам так хорошо…

А потом начинаются долгие разговоры. Максим расспрашивает у мамы обо всех родных, обо всех богатьковских семьях, об их истории, о крепостном праве и жизни после крепостничества, о панских казаках и стражниках, о драках с ними, о событиях 1905 года.

Зимние дни короткие. И вот уже вечер. На запечеке сидят мама и тётка Христёна и прядут. На полку возле них примостились Максим, Анечка, Порфир и я. Тётка Христёна рассказывает нам сказки, одна другой интереснее. А мама поёт песни, больше грустные, но иногда и весёлые. Много красивых песен знала мама. Горит лучина, поставленная в светоч. Бегают по сухой лучинке весёлые язычки пламени, отваливаются обгорелые кусочки лучинки на земляной пол и в специально поставленный таз, шипят в воде, чадят.

Порфир старательно следит за огнём, чтобы ловко вставить в светоч новую лучинку вместо догоревшей.

И возрастает счастье в детских душах от маминой и тёткиной ласки, от познания мира, от шаловливого огонька на лучинках, от кристальной поэзии белорусских песен и сказок.

У Максима была очень хорошая музыкальная память: от мамы он перенял многие песни. И сказок много помнил Максим. Любил

Максим придумывать что-то своё, импровизировать. Часто рассказывал он нам, младшим, сказки, страшные истории, в основном придуманные им самим. Слушали мы старшего брата с огромным интересом, часто нам становилось очень страшно, особенно Анечке. Тогда мы жались к Максиму, чтобы он нас защитил от всего страшного и злого.

Сангвинический характер Максима проявлялся и в те годы, когда он был ещё 11–12-летним мальчиком. Считался он послушным, тихим, да и был таким, но иногда начинал баловаться, шалить, лазить по крутизне на руках, вниз головой, дразнить малышей, довольно злостно шутить.

Однако и тогда, как и через всю жизнь, Максим умел сдержать себя, унять неожиданно пылкие порывы, успокоиться… Вспоминаются и такие картины более позднего времени, когда Максим был уже юношей, учился в Гори-Горецким землемерно-агрономическом училище. На рождественские каникулы Максим добирался домой пешком или приезжал на санях, принося с собой веселье, радость и счастье для всей семьи. Максима все мы очень любили, особенно мама.

Любили Максима и односельчане. В новейшей хате собиралась у нас богатьковская молодёжь, девчата и хлопцы.

Играли в разные игры, водили хоровод. Максим часто сам вёл хоровод, стоя впереди с ухватом в руках и стуча им по полу, запевая хороводные песни.

Беседы Максима с мамой были долгими, ласковыми, задушевными. Максим стал записывать мамины песни и сказки, а также рассказы о жизни родных и знакомых. Часто читал он маме и нам, младшим, стихи Янки Купалы, Якуба Коласа, газету “Наша нива” , свои первые белорусские заметки.

Максим часто играл на скрипке и дудках-жалейках, хорошо играл. С большим восхищением слушала вся семья, особенно мама, как пела и голосила скрипка в руках Максима.

Максим показывал нам революционные иллюстрированные издания 1904–1906 годов, красное и чёрное, с карикатурами на царя, министров, генералов, которых били японцы в Манчжурии. Максим с ненавистью относился к царским чиновникам-русификаторам, черносотенцам, панам-помещикам, попам; не ходил в церковь, был атеистом.

Максим, когда приезжал на каникулы, навещал своего дядю Якова (Тужика), семья которого отделилась и жила в новой хате на другой стороне улицы. Максим жалел и любил стариков – дядю и его жену, и тётю, и Тараса – сироте сочувствовал. У Одарки ма-

ленькие дети умирали, и всё возле нар колыбелька висела с больным ребёнком. Одарка кашляла и курила.

[…] А тётка Палута прижималась к печи, у порога, как и всю свою жизнь. Унижали её… “Только при Левоне не трогали. Больная она была” (“Комаровская хроника” , с. 116).

Навещал Максим семьи многих богатьковцев, расспрашивал о жизни, многое наблюдал и запоминал на долгие годы.

И не удивительно, что почти через двадцать лет, в далёкой от Богатьковки Вятке, Максим писал “Комаровскую хронику” с исключительной документальной точностью, искренней правдой.

Сама манера изложения в “Комаровской хронике” напоминает простой рассказ мамы, тётки Христёны, обычного богатьковца. За этой простотой скрывается великое знание и правда жизни, как в Баркулабовской летописи[239], которую так любил Максим.

Всё творчество Максима питалось здоровыми, родными корнями, которые шли из самых глубин жизни, из детских и юношеских впечатлений писателя.

Слово о брате и учителе

Мой брат Максим Горецкий родился 18 февраля (6 февраля по старому стилю) 1893 года в глухом уголке Беларуси – в маленькой, на 20 дворов, деревне Малая Богатьковка (раньше Меньшая Богатьковка) Мстиславского повета, заброшенной между дремучих панских лесов Темнолесья, за 90 километров от ближайшей железнодорожной станции Орша.

Большая крестьянская семья отца и дяди Якова состояла из 12 душ, жила в одной тесной хате с замшелой соломенной крышей, с земляным полом и малюсенькими окошками на одну раму. Освещалась хата лучиной.

Жили бедно, каждый кусок хлеба, каждая ложка были на счету. Работали много и тяжело. Часто болели.

Но в этой хате маленький Максимка был на всю жизнь очарован дивными сказками тётки Христёны, тихими песнями своей мамы – Ахрасиньи, по сказкам и песням познавал он тяжёлую историю социального и национального притеснения белорусского народа.

Нужно было искать спасения от тёмной, тоскливой жизни. Отец с юных лет пошёл “в свет” – служить панам Иванским, а потом пану

[239] Баркулабовская летопись – памятник белорусского летописания начала XVII века.

Цэкерту, в имение Лонница, возле станции Красное, за 80 километров от Смоленска, где и прослужил более 30 лет поваром.

Взял отец с собой и Максима, захотел "вывести в люди" и первого из всей семьи (старший брат Иван и младший Порфир дальше начальной школы не учились) отдал в науку, в Ольшанское двухклассное училище.

Максим учился отлично, много читал, под влиянием своего учителя Ктиторова полюбил художественную литературу, научился петь и хорошо играть на скрипке.

На каникулы Максим всегда приезжал в Богатьковку. Вот когда был праздник и для Максима, и всех родных, особенно для его младших братьев и сестрички Анечки. Ещё раньше к старой хате пристроили новую, светлую, хотя в ней для экономии топлива жили редко. В этой хате Максим вдохновенно играл своим младшим на скрипке и дудках-жалейках да рассказывал интереснейшие истории-импровизации, порой такие страшные, жуткие, что малыши аж вскрикивали и хватались за рассказчика. Может, в этих импровизациях и родился художник слова.

В 1909 году Максим, выдержав большой конкурс, поступил в Гори-Горецкое землемерно-агрономическое училище, которое закончил в 1913 году. Учился на стипендию, жил в общежитии, где образовалось небольшое товарищество любителей молодой белорусской литературы. Выписывали "Нашу ниву" , увлекались белорусским фольклором, "Тарасом на Парнасе" , творчеством Франтишка Богушевича, Янки Лучины, Тётки, Янки Купалы, Якуба Коласа, Змитрока Бядули. Наиболее активные участники товарищества печатали заметки и рассказы в "Нашей ниве" .

На каникулы Максим пешком приходил за 33 километра в родную Богатьковку и помогал в сельскохозяйственной и домашней работе, навещал всех родных и знакомых, бывал на вечеринках, игрищах, водил хороводы, записывал народные сказки, предания, присказки, песни, интересные и редкие слова, говорил о жизни деревни того времени. А была она тяжёлой, сложной и противоречивой. Революционный взрыв 1905 года захватил и богатьковцев. Крестьяне стали рубить панский лес, захватывать панскую землю под пашню, корчевать и засевать вырубки. Курмановские паныпомещики, которые имели более 5 тысяч десятин земли, вызывали казаков, поставили конные дозоры с кнутами. На поле происходила настоящая битва, и крестьяне с косами и кольями прогнали казаков и стражников. Но стихийный бунт был задушен, пришла реакция. Аграрно перенаселённая белорусская деревня бросилась на выселение в сибирские лесные просторы и в далёкую Америку, более миллиона

с четвертью человек оставили родные хаты. Многими десятками тысяч пошли белорусские крестьяне в шахтёры, на земляные работы, в сезонные батраки, в лесорубы и плотогоны, на рудники и фабрики, на чёрную работу в городах.

Паны стали продавать лес на полную вырубку, произошло неслыханное хищническое уничтожение лесных богатств Беларуси. Оголённую от леса землю паны продавали маленькими и большими наделами. Приобретение земли сделалось заветной мечтой зажиточного и среднего крестьянства. Чтобы добыть денег на покупку земли, крестьянин шёл на жестокую эксплуатацию семьи, на интенсификацию сельского хозяйства и повышение его товарности.

Классовое расслоение белорусской деревни увеличивалось: пополнялись группы кулаков и бедняков за счёт уменьшения группы среднего крестьянства.

Этому особенно способствовала столыпинская система землеустройства – хуторизация. Мелкие хуторские хозяйства, в 2–3 гектара, приходили в упадок, и их земли приобретали кулаки, а сами мелкие хуторяне становились батраками и изгнанниками. Таких мелких и пришедших в упадок хуторков много видел Максим по дороге из Горок в Богатьковку, близ Лебедева и Гор.

Социальное угнетение бедного и значительной части среднего крестьянства Беларуси сочеталось с угнетением национальным. Белорусский язык был запрещён, над ним издевались паны, чиновники, попы, торговцы, буржуазная интеллигенция. Стихийным носителем белорусской культуры становилась беднейшая часть крестьянства и городского населения.

Максим очень хорошо декламировал нам стихи Янки Купалы из “Жалейки” , “Гусляра” и “Шляхам жыцця” , стихи Якуба Коласа из сборника “Песни жальбы” , Тётки – “Крест на свободу” . Это были незабываемые, самые счастливые часы нашей жизни.

Вспоминаю прогалинку в светлой берёзовой роще возле Богатьковки в начале лета: всё наполнено солнышком, цветением, дети заворожено слушают чтение Максима. Звучит бессмертная музыка купаловских и коласовских слов:

Грай, мая жалейка,
Пей, як салавейка!
Апявай нядолю,
Апявай няволю
І грымі свабодна,
Што жыве край родны!”[240]

[240] Янка Купала. “Грай мая жалейка”.

Край наш бедны, край наш родны!
Лес, балоты і пясок…
Чуць дзе крыху луг прыгодны…
Хвойнік, мох ды верасок[241].

Мой родны кут, як ты мне мілы,
Забыць цябе не маю сілы…[242]

Паміж пустак, балот беларускай зямлі,
На ўзбярэжжы ракі шумнацечнай,
Дрэмле памятка дзён, што ў нябыт уцяклі,
Ўздзірванелы курган векавечны…"[243]

Эти слова, образы, чувства завладели нашими сердцами на всю жизнь.

Максим любил русскую литературу: Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Толстого, Достоевского, Бунина. Очень нравились ему произведения Шевченко, Коцюбинского, Мицкевича, Ажешки – он читал их в оригиналах.

Богатьковский период жизни Максима (1893–1913), годы детства и юности, непосредственного соприкосновения с жизнью и бытом белорусской дореволюционной деревни, на долгое время определили творческий путь моего брата как писателя.

Реалистические картины крестьянской жизни, всего глубоко пережитого, увиденного собственными глазами, представлено во многих произведениях и сборниках Максима: "Рунь" (1914), "За што?" (1918), "Антон" (1919), "Досвіткі" (1926), "Ціхія песні" (1926), "Ціхая плынь" (1930) и др.

В 1913 году Максима направили на работу землемером в Литву. Бывая в Вильне, Максим познакомился и подружился с Янкой Купалой, Змитроком Бедулей и Левоном Гмираком[244].

В начале первой империалистической войны Максим – в армии, под Столупененым он был ранен. После лечения в виленском госпитале брат приехал в Богатьковку. Сколько было радости, долгих разговоров! Противовоенные настроения Максима отразились в произведениях "За што?" , "Літоўскі хутарок" , "На імперыялістычнай вайне" и в сценической зарисовке "Жартаўлівы Пісарэвіч". Максим предчувствовал приход революционных событий, ждал их в ближайшее время. В учебнике по истории России, который был

241 Якуб Колас. "Наш родны край".
242 Из поэмы Якуба Коласа "Новая зямля".
243 Из поэмы Янки Купалы "Курган".
244 Гмирок Левон (1891–1915) – критик, публицист, прозаик.

в 1915 году в нашей хате (кажется, Платонова), в хронологической таблице, помещённой в конце книги, после слов “Николай II” брат написал: “1916 год. Революция” .

Закончив Павловское военное училище в Петрограде, Максим, уже как прапорщик, поехал в Иркутск на формирование части. Сибирь, которая стала второй родиной для сотен тысяч белорусов, поразила брата бескрайними просторами, суровостью и красотой, особенно Прибайкалье.

Великий Октябрь крестьяне Темнолесья, в том числе и богатьковцы, отметили полным уничтожением ненавистного насиженного гнезда курмановских панов-помещиков. Пламенем панского дворца взорвалась стихийная месть угнетателям.

После Великой Октябрьской революции Максим сразу пошёл на советскую службу: в 1918 году работал комендантом в Смоленске, был сотрудником газеты “Звезда” , в редакции которой тогда работал В.Кнорин[245] (с ним брат был хорошо знаком).

Брат составил и издал в Смоленске небольшой русско-белорусский словарь, я помогал ему, работая в то время стенографистом областного Совнархоза.

В 1918 году в Смоленске жил Янка Купала. Максим довольно часто навещал его, беря меня с собою. Владислава Францевна гостеприимно нас угощала. Янка Купала и брат беседовали о белорусской литературе, о прошлом Беларуси, рассматривали книги по истории Смоленска и Мстиславля, нумизматическую коллекцию и книги по нумизматике. Часть своей коллекции и несколько книг по нумизматике Купала подарил нам.

Иногда мы гуляли вместе, либо хозяева нас провожали. И Янка Купала и тётя Владя, и Максим были тогда такие молодые, красивые, жизнерадостные, шутливые! Как далеко то время!.. Почему я не застенографировал тогда беседы дорогих людей? А память не способна уже возродить их теперь…

Активно работали в 1918 году белорусские большевики. Смоленск посетил Алесь Червяков, готовилось великое историческое событие – образование Белорусской Советской республики.

С переездом редакции “Звезды” в Вильню туда переехал в 1919 году и Максим. При неожиданном захвате Вильни белопольским войском брат не смог сбежать.

Максим в Вильне женился на писательнице Леониле Чернявской. Работал учителем в Белорусской гимназии и в редакции прогрессивной газеты “Белорусские ведомости” .

[245] Кнорин Вильгельм Георгиевич (1890–1932) – партийный и государственный деятель, историк, публицист, литературный критик.

Просветительская деятельность не прекратила литературную работу Максима. Захватила мысль показать бессмертие рабочих масс белорусского народа, их мужество во время самых жестоких исторических испытаний, несгибаемость их под ужасным, притеснением панщины.

Тематическая направленность литературного творчества Максима в виленский период не была случайной: она утверждала, что белорусский народ, пережив ужасы угнетения, выйдет победителем и в борьбе с новой панщиной, созданной на землях Западной Беларуси литовским буржуазным правительством, и панско-фашистской пилсудчиной.

Летом 1920 года по командировке Народного Комиссара образования РСФСР, за подписью М.Покровского, я повёз белорусскую советскую литературу в Вильню. Вёз я полный комплект газеты “Дзянніца” , редактором которой был Тишка Гартный (Змитрок Жилунович), брошюры “Пауки и мухи” , “Кто чем живёт” , книгу “Курс белорусоведения” и другие издания.

Поездом я доехал до станции Солы, а дальше пошёл в Вильню пешком, неся литературу за плечами в свёртке шинели-пальто. Шёл вместе с двумя деревенскими дядьками, видимо потому нас и не задержал конный белолитовский патруль. А вечером я постучал в двери квартиры брата в доме, рядом с которым находилась Белорусская гимназия.

Побыл я у брата четыре дня; он показал мне красивый город, полный памятников старины, рассказал о своей работе и литературных задумках.

Возникла у Максима идея написать хронику одной семьи, нескольких её поколений, начиная от крепостного права и до наших дней. В истории этой семьи приёмами художественного слова должны были отражаться основные перемены всего образа жизни Беларуси, хозяйственного, политического, идеологического, культурного, бытового.

Жанр семейной хроники позволял охватить огромные просторы и многие социальные явления на протяжении длительного времени, соединить эти явления через личное восприятие автора хроникальных записей, дать им лирико-психологическую окраску, особенную искренность.

Рассказы из времён панщины, написанные в виленский период жизни Максима, фактически составили первооснову семейной “Комаровской хроники” , моделью их являются и “Виленские коммунары” , история Матвея Мышки.

Максим и Леонила Устиновна вспоминали позднее о частых погромных акциях польского и литовского буржуазных прави-

тельств против белорусской трудовой интеллигенции (которую они считали советской агентурой), об аресте Максима и заключение его в тюрьму на Лукишках.

На окраине Вильни стояли три больших креста из белого мрамора. Однажды, гуляя с Максимом и Лёлей, когда поблизости не было людей, я сделал карандашом надпись на среднем кресте, на языке эсперанто и по-белорусски: “Пролетарии всех стран, соединяйтесь!”, “Пусть живёт Советская Беларусь!” .

Вышел я из Вильни пешком, августовским утром. Солнышко золотило живописный город и его зелёные околицы, на далёком горизонте вставали силуэты красивых холмов. Максим проводил меня далеко за город. Расставанье было не грустным: будущее казалось таким счастливым и для родной страны и для нас, так влекло вперёд, где столько нового, интересного. Максим подарил мне свою кочережечку и долго стоял на холме, пока я не отошёл далеко по ошмянской дороге и не скрылся из вида.

Не чувствовали мы, что ждёт нас великое горе: 19 сентября 1922 года трагически погибла в Москве, попав под трамвай, наша любимая единственная сестра Анечка, двадцатилетняя студентка…

Вновь встретились мы с Максимом в Минске, куда брат переехал с семьёй в 1923 году. Максим работал в Институте белорусской культуры и на рабфаке Белорусского государственного университета, где преподавал историю белорусской литературы. В 1926–1928 годах брат работал в Белорусской сельскохозяйственной академии в Горках заведующим кафедрой белорусского языка и литературы, а потом – до 1930 года – в Белорусской академии наук старшим научным сотрудником.

В минско-горецкий период жизни Максима, когда так много времени поглощала преподавательская и литературоведческая работа, не было благоприятных условий для его литературной деятельности.

Литературоведческая деятельность, переработка “Истории белорусской литературы” (1924–1926), составление литературно-критических обзоров творчества молодняковцев и писателей старшего поколения увеличили у Максима требовательность и к своим собственным произведениям. Брат пересмотрел значительную часть своих ранних произведений, переработал их и издал отдельными книгами: “Досвіткі» (1926), “Ціхія песні” (1926), “Ўчым яго крыўда?” (1926), “На імперыялістычнай вайне” (1926), “Жартаўлівы Пісарэвіч” (1928), “Ціхая плынь” (1930).

Время от времени Максим навещал своих старeньких родителей, родных и знакомых в любимой Богатьковке, и они приезжали то в Горки, то в Минск. Наша мама знала много песен, мелодии более

100 песен записал от неё А.Егоров, 20 песен – Н.Аладов, а слова 318 песен – Максим. Он издал мамины песни отдельным сборником (1928)[246].

Всё своё свободное время, которого оставалось мало после служебных занятий и литературоведческой работы, Максим посвятил сбору материалов к "Комаровской хронике" и "Виленским комунарам". В качестве первоисточников были взяты устные воспоминания родных, воспоминания старых богатьковцев, истории многих дворов-родов Богатьковки, наиболее значительные события в Темнолесье, многочисленные письма за многие годы, собственные воспоминания.

Максим настолько увлёкся сбором материалов к "Комаровской хронике", что совершил в 1926 году специальное путешествие в Сибирь, так как туда вели жизненные пути некоторых героев. Из большого числа коротких рассказов сибирского цикла в то время было напечатано менее десяти. Но они имеют важное значение для истории литературного творчества Максима как кусочки будущей хроники-эпопеи.

Из более значительных своих ранних произведений Максим не переделал большую повесть "Две души" (1919).

В 1931 году брат вынужден был осесть на пять лет в городе Кирове (бывшей Вятке)[247].

Тяжёлые годы, большие материальные трудности (со случайными заработками не по специальности) и моральная угнетённость не сломили, однако, дух Максима и не погасили тяги к литературному творчеству. Упорно продолжалась обработка материалов к "Комаровской хронике" и написание романа "Виленские коммунары".

Очень жалел брат, что не довелось ему увидеть в последний раз мученицу-мать: она умерла 4 марта 1935 года.

В 1935 году Максим с семьёй переехал в город Киров (бывшая Песочня) теперь Калужской области, поближе к Беларуси. Там работал учителем русской литературы в средней школе.

Мы с женой приехали навестить брата осенью 1936 года. Это была особенно светлая встреча. Вместе были мы на школьном вечере, и Максим даже танцевал. Не забывали мы посетить и баню кировских рабочих, с горячим паром и берёзовым веником, такую же приятную, как и баня в Богатьковке, когда-то красноречиво описанная Максимом ("У лазні"). Максим жил надеждой вернуться в родную Беларусь.

---

246 Народныя песні з мелодыямі. Складальнікі М.Гарэцкі і А.Ягораў. Мінск, 1928.

247 В 1930 г. он был арестован, в 1931 осуждён и выслан в Вятку на 5 лет.

У брата родилось много мыслей о создании монументальной “Комаровской хроники” , о её структуре, основных разделах, о главных героях, о победе творческого начала, апофеозе новой жизни.

Максим умер 20 марта 1939 года[248].

Воспоминания о П.Н.Чирвинском[249]

Впервые встретил я Петра Николаевича Чирвинского в 1933 году, в г. Медвежегорске, в горно-геологическом отделе Управления Беломорско-Балтийских лагерей. Петр Николаевич находился в Медвежьей Горе временно, по пути следования в Хибиногорский комбинат. Проработал Петр Николаевич у нас в отделе, в одной со мной группе несколько недель; он изучал материалы инженерно-геологических изысканий под строительство Беломорско-Балтийского канала, делая на специальных форматах многочисленные выписки.

Наибольший интерес у Петра Николаевича вызывали материалы по петрографии кристаллических пород, по четвертичной геологии и по археологии. При строительстве канала были открыты межледниковые отложения с богатыми остатками морской фауны, многочисленные неолитические стоянки; эти новые находки привлекали участливое внимание Петра Николаевича.

П.Н.Чирвинскому было в это время 53 года. Во внешнем облике его было большое сходство с портретом, помещенном в книге “Палласиты” (1967), по фотографии 1929 года. Поражали необыкновенно выразительные глаза, искрящиеся умом и юмором. Душевное состояние Петра Николаевича было подавленным. И только при работе над созданием музея горных пород и особенно при геологических экскурсиях в районе Медвежьей Горы П.Н.Чирвинский полностью преображался, вдохновенно раскрывая перед слушателями картины далекого прошлого в истории Земли.

Поезд в Мурманск, на котором уезжал Петр Николаевич в Хибины, уходил из Медвежки около 5 часов вечера. Провожая маститого ученого, я сожалел, что лишаюсь наставника, и радовался, что

[248] В действительности М.Горецкий был расстрелян 10 февраля 1938 года в Вязьме, о чём стало известно только в 1992 году и поэтому Г.Горецкий так и не узнал о причине смерти брата.

[249] Написано 25.XI.1967 г. Впервые опубликовано: Літасфера. 2003. № 1 (18). С. 150-154, а также: *Оноприенко В.И., Оноприенко М.В.* Чирвинские. М.: Наука, 2008. (Научно-биографическая литература). С. 195-205.

Петра Николаевича ожидает интересная научная работа по изучению богатств Хибинских гор. На прощанье я мог подарить Петру Николаевичу только свою пайку хлеба, что глубоко его тронуло.

В 1934–1937 гг. я работал на Кольском полуострове, на инженерно-геологических изысканиях под Нижне-Туломскую и Верхне-Туломскую ГЭС, под Кольский канал. Это позволило мне трижды побывать у П.Н.Чирвинского в г. Кировске.

Петр Николаевич радушно встречал меня, давал ценные советы, подарил большую коллекцию минералов и горных пород, оттиски своих статей и знаменитую свою книгу – монографию “Снег”.

П.Н.Чирвинский, проводя в Кировске огромную исследовательскую работу, выкраивал время и для общественно-геологической деятельности; он организовал Кировское геологическое общество, где часто выступал с интересными докладами. Однажды, в 1936 году Петр Николаевич пригласил и меня сделать в этом обществе доклад о четвертичной геологии Кольского полуострова по материалам моих исследований. Доклад мой был сухим и вялым; некоторые слушатели начали зевать, это совсем смутило меня, и я совершенно скомкал окончание доклада, чувствуя полный провал.

Петр Николаевич взял слово и пересказал аудитории, с личными комментариями, содержание моего доклада с таким блестящим мастерством, с такой простотой и доходчивостью, с таким увлечением, что слушатели мгновенно встрепенулись, оживились, ловили каждое слово выступавшего и наградили его дружными аплодисментами. П.Н. Чирвинский был великолепным педагогом, лектором и оратором.

Новая моя встреча с Н.П.Чирвинским произошла уже через 17 лет после Великой Отечественной войны, в 1953 году, в г. Перми, куда Петр Николаевич переехал из Соликамска в 1943 году после избрания профессором университета; в Соликамск же П.Н.Чирвиский был эвакуирован из Кировска в 1941 году. Отсутствие в течение многих лет личного общения с Петром Николаевичем компенсировалось в известной мере перепиской с ним. За 1941-1954 годы мною было получено от П.Н.Чирвинского свыше 70 писем.

Бескорыстное служение науке было основным содержанием всей жизни П.Н.Чирвинского; в науке черпал Петр Николаевич свою радость, свое счастье, свой оптимизм. В письме от 26.X.1946 г. он писал: “Мой “оптимизм”, вероятно, проистекает лишь от любви к науке, к исследованию, так как жизнью, особенно теперешней, я очень мало дорожу”.

В другом письме П.Н.Чирвинский от 29.XII.46 г. встречаются такие строки: “Болезнь Олюшки и два сердечных припадка жены

выбили из колеи больше, чем следует – яснее и самому memento mori. Склероз и меня поджимает в разных формах, портит настроение. Наука только и дает силу и даже сверхсилу! Забываешь и забываешься, именно как в стиле Лермонтова – “И вновь его сердце трепещет и очи пылают огнем”.

П.Н.Чирвинский был выдающимся ученым-энциклопедистом, с необычайно широким диапазоном научных интересов и исследований. В письме от 14.XI.1949 г. он писал: “Я по-прежнему занят многими вопросами (метеориты, минералы, горные породы, закономерности состава солнца, комет и метеоритов, снег, шаровые молнии и др.)”.

О своих работах по изучению метеоритов Петр Николаевич пишет в 6 письмах. В письме от 7.XI.1945 г. он сообщает: “Я вдаюсь в “метаметеоритику” (“теоретическая метеоритика”), но эту премудрость неизвестно, где печатать”. Даже в предпоследнем большом письме от 25.III.1954 г., напечатанном на машинке, П.Н.Чирвинский делает приписку карандашом: “Упало два метеорита – один на Сахалине (пока не найден) и близ Москвы; последний нашла колхозница”. По моей просьбе П.Н.Чирвинский написал статью “Метеориты Белоруссии” (Метеоритика, 1952).

Уже в одном из первых писем, от 6.VI.1941 г., Петр Николаевич говорит о важности исследовательских работ в области геологии кларков. В письмах от 3.VIII.1947 г. и от 7.IX.1947 г. П.Н.Чирвинский сообщает о составлении им статьи “К вопросу о количественных закономерностях химического состава небесных тел”. К письму был приложен подробный реферат статьи. Эту статью Петр Николаевич собирался опубликовать в “Известиях АН БССР”. Там же он предполагал (письмо от 29.X.1947 г.) напечатать следующие статьи: “Содержание редкоземельных элементов в атмосфере солнца, в породах земной коры и в метеоритах”, “Псевдоэлементы и стехиометрическая простота состава природных растворов. Из итогов работ 1911–1947 гг.”; “Метеориты как предмет религиозного культа и материальной культуры”.

П.Н.Чирвинский продолжал успешно работать в области минералогии и петрографии. В письме от 29.XII.1943 г. он сообщает: “Я установил новый минерал литоритов Fe_2Ni – никдиферрит”. В письме от 1.XII.1946 г. имеется такое сообщение: “Сейчас интересуюсь ванадитами Mg и Ca”. В письме от 3.VIII.1947 г. Петр Николаевич извещает, что им закончена статья “Загадка синей соли” и составлена книга: “Полезные ископаемые Урала и их использование”. На мой вопрос о скорости эпидотизации П.Н.Чирвинский отвечает 15.II.1946 г., что об этом “едва ли кто что и знает”.

Внимательно следил Петр Николаевич за работами по осадочной петрографии, останавливаясь в письмах от 14.IV.45., 8.III.1946 г., 25.III.54 г. на исследованиях Л.В.Пустовалова, В.П.Батурина, В.А.Апродова. Г.И.Бушинского и др., суждения П.Н.Чирвинского о некоторых работах были очень резкими.

С большим интересом относился Петр Николаевич к проблеме генезиса Пучежско-Балахнинских дислокаций, в частности к разрабатываемой мною гипотезе инъективной тектоники; он обсуждал эту проблему с профессором Пермского университета Н.П.Герасимовым, который возражал против глубинного происхождения конгломератово-брекчиевой толщи (письмо от 27.1.1945 г.). П.Н.Чирвинский сообщил интересный факт обнаружения в районе брекчии, в керне буровой скважины соды; в заложенном рядом шурфе сода не была найдена, поэтому Петр Николаевич считал находку соды в брекчии случайным явлением.

П.Н.Чирвинский советовал изучить брекчиевые породы Пучежско-Балахнинского Поволжья всесторонне, сравнить их с другими аналогичными породами, в частности с агломератами Донбасса.

Не ослабевал научный интерес Петра Николаевича к проблеме снега и снегообразования, лавин, ледообразования. П.Н.Чирвинский намеревался переработать и переиздать свою капитальную монографию "Снег", отмечал получение книги А.Н.Формозова "Снежный покров в жизни млекопитающих и птиц СССР" (письмо от 8.III.1947 г.), наблюдал за ледовым покровом р. Камы. В письме от 14.IV.1945 г. Петр Николаевич сообщает: "Кама не очистилась ото льда (он лишь с берегов стаял), а вода осела на полметра, – не помнят старожилы такого явления".

Вопрос о происхождении шаровых молний также оставался в поле зрения П.Н.Чирвинского; в начале 1945 года он сделал на эту тему публичный доклад (письмо от 13.Ш.1945 г.).

Очень радовали меня глубокий интерес Петра Николаевича к изучению антропогенового (четвертичного) периода, широкая эрудированность его в литературе по геологии антропогена, оригинальные взгляды П.Н.Чирвинского по основным проблемам антропогена.

На мой запрос о работе С.А.Яковлева и взглядах его о происхождении валунов в долине р. Пышмы, где мне пришлось проводить в 1942 году инженерно-геологические изыскания, Петр Николаевич ответил большим письмом от 16.V.1942 г. П.Н.Чирвинский писал, что все валуны в аллювиальных песках Пышмы имеют не ледниковое или флювиогляциальное происхождение, а разнесены речными льдинами во время паводков. Впервые на возможность

разноса валунов речными льдинами, отмечал Петр Николаевич, обратил внимание Ляйель, а также Лопатин (Зап. Рус. Геогр. о-ва. 1871. Т. 4. С. 296).

П.Н.Чирвинский прислал мне подробный список литературы, рекомендовал сравнить с валунными накоплениями Пышмы, Корги и Кекуры.

Петр Николаевич интересовался речными галечниками и собрал интересную коллекцию их (письмо от 3.VIII.1947 г.).

С большим вниманием относился П.Н.Чирвинский к вопросам о соотношении морских, ледниковых и аллювиальных отложений, об их параллелизации, о границах плейстоцена и плиоцена, о происхождении и возрасте прарек, особенно Пра-Дона, о палеогеографии антропогенового периода и др.

Об этом свидетельствует следующая выписка из письма Петра Николаевича от 29.XII.1946 года: “...На севере может быть снега и льды, а южнее Танаис и Пра-Дон Иванович течет да течет благополучно. Почитаешь Православлева о каспийских осадках и уверишься, что они наверно связаны с таяниями льдов и снегов севернее ... Хорошо, что хотя скифские глины убрали в плиоцен (мне всегда это казалось более вероятным, но я не рисковал это высказывать, ибо Лисицын этого не допускал)... А все параллели надо вести на колоссальной Русской равнине, где с единой точки зрения никто тонко палеонтологически и литологически, тектонически квартер еще не изучал. Мне кажется, что во время “межледниковья” (=доледниковья?) лихвинско-днепровского времени, вероятно, и родился Пра-Дон вначале (хотя уже был вполне намечен в виде Танаиса в плиоцене), а закончил формирование в ледниковый (единый на юге период, постепенно перейдя в нынешнюю стадию). Один из узлов проблемы лежит в мощных осадках, вскрытых скважинами в Воронеже (флювиогляциал?) и описанных Дубянским; он однако, никакой палеонтологии не дает.

На юге надо лучше изучать современные моллюски, в дне лиманов (в Таганрогском заливе и др.), тут те, что считали умершими, еще живут в воде и благоденствуют...

Подумайте о роли климата, снега... Снежный покров степи также поучителен, изучайте его накопление и таяние! Актуализм Ляйеля!”

П.Н.Чирвинский одобрял мое желание заняться изучением антропогеновых прарек Русской равнины и давал мне много ценных советов о проведении исследований прарек. В предпоследнем письме от 25.III.54 г. Петр Николаевич писал: “В “прареки” нужно, ведь, вставить много чего как бы стороннего: и всяческие трансгрессии

и регрессии Понто-Арала-Каспия, Средиземного моря, их террасы, их соотношения с последними тектоническими подвижками, животным миром и т.д. и т.п. ... А роль малых вод, снега, климатические изменения, вообще масса чего, да еще увязки с рельефом прошлого, начиная, пожалуй, с древних периодов (для Камы – с перми)...”

Как верны эти высказывания П.Н.Чирвинского и как трудно они выполнимы! На составление монографий только главнейших пракек Русской равнины понадобятся десятилетия.

Петру Николаевичу не нравилось мое намерение опубликовать первую монографию о прареках Русской равнины только к его 80-летию, т.е. к 1960 году; он уже не надеялся прочитать эту монографию: “Верю Вам, что Вы желаете мне всего хорошего, “спокойной работы”... Вы, во-первых, переоцениваете мои жизненные возможности и, конечно, мне не дождаться 80-летия, когда я получу Ваш геологически-седой томище о прареках, во-вторых, обо мне к тому времени будут совсем мало помнить...” (письмо от 25.III.54).

Предчувствие П.Н.Чирвинского сбылось: первая моя монография об антропогеновых прареках Русской равнины вышла в 1964 году, то есть через 9 лет после смерти Петра Николаевича. Но не оправдалось мрачное предположение замечательного ученого, что его недолго будут помнить: в 1967 году изданы его знаменитые “Палласиты”; издана настоящая книга, посвященная его светлой памяти. Свою третью книгу о прареках – “Аллювиальную летопись великого Пра-Днепра я посвящаю дорогому наставнику, другу и вдохновителю.

С неизменным интересом относился П.Н.Чирвинский к археологии, как во время пребывания в Карелии и на Кольском полуострове, так и во все последующие годы. В 1937 г. Петр Николаевич опубликовал в газете “Кировский рабочий” интересную статью “Стоянки человека каменного века на Кольском полуострове”. В этой статье П.Н.Чирвинский излагает результаты изучения вновь открытых неолитических стоянок на Кольском перешейке, ссылаясь на мои работы в Карелии и на Кольском полуострове, на исследования А.В. Шмидта и др.

В письме от 6.VI.1941 г. Петр Николаевич затрагивает вопрос о петроглифах Карелии (по работам А.М.Линевского). В письме от 5.II.1947 г. П.Н.Чирвинский сообщает об археологических раскопках О.Н.Бадера на Островской палеолитической стоянке и стоянке Талицкого. Несколько позже (27.VI.1947) Петр Николаевич пишет об Уральской археологической конференции.

И даже в последние годы своей жизни П.Н.Чирвинский проявляет активный интерес к археологическим исследованиям, при-

нимая в них непосредственное участие. В письме от 25. III. 1954 г. находится такое сообщение: “В наборе моя заметка о каменном материале стоянок человека у устья Чусовой по старым раскопкам Бадера... В общем камень исключительно местный, человек далеко не искал в век мамонта и носорога”... Заметка эта опубликована посмертно в “Ученых записках Пермского университета”.

Некоторые высказывания Петра Николаевича по вопросам археологических исследований на долгие годы сохранят свою актуальность и новаторство. К ним относится, например, такое принципиальное суждение (письмо от 22. XII. 1946 г.): “На моей тризне, уже недалекой, расскажите “массам”, что надо вводить в археологию больше “числа”, много петрографии и химии, всего, что еще мелко внедрено и осознано археологами!”.

Особое место в научной тематике П.Н.Чирвинского занимали вопросы демографии, в частности вопрос о продолжительности жизни ученых. На основе обширного материала биографий ученых Петр Николаевич составил “кривую живучести (т.е. также и смертности)”, которую он прислал мне в письме от 26.X.1946 г. “для размышлений и планирования”.

В письме от 22.XII.1946 г. содержатся “размышления антропогенные в день зимнего солнцестояния”, из которых проистекало, что “максимально опасный пик – 68 лет”.

Сообщая в письме от 14.XI.1949 г. о смерти в 72 года К.И.Лисицына, своего сверстника и товарища по университету, П.Н.Чирвинский замечает: “Этот год он сам предложил в письме мне в день своего 70-летнего юбилея”. Свой максимально опасный пик Петр Николаевич переносил на 69 лет, но он пережил пик на 6 лет.

П.Н.Чирвинский тяжело переживал уход из жизни отечественных ученых и отмечал эти печальные события .своими теплыми воспоминаниями. В 1942 году Петр Николаевич составил, по предложению Д.П.Григорьева (редактора “Записок Минералогического общества”), “Отрывки из своих воспоминаний”, на 70 страницах машинописи (письмо от 7.XI.1945 г.)

Отзывчиво пишет П.Н.Чирвинский о смерти В.П.Батурина (письмо от 6.ХП.1945 г.) и смерти в Омске Драверта, в возрасте 67 лет (письмо от 3.I.1946 г.).

С тревогой сообщает Петр Николаевич в письме от 8.III.1946 г.: “Слышал, что давно болеет В.А.Обручев. Беда!... Это, действительно, геологический столп”. Письмо от 20.III.1946 г. приносит известие о тяжелой болезни Н.П.Герасимова.

В письме от 29.III.1946 г. П.Н.Чирвинский тепло вспоминает о В.И.Вернадском, А.Е.Ферсмане, Н.Д.Зелинском. В том же письме

он сообщает, что написал статью “Памяти Драверта”, ученого и поэта. Вскоре Петр Николаевич составляет статью, посвященную памяти К.И.Лисицына (письмо от 3.VIII.1947 г.).

Прочувственный некролог написал Петр Николаевич о родном брате – Владимире Николаевиче Чирвинском (письма от 6.VI.1946 г. и 14.VI.1946 г.) и был очень огорчен необходимостью переделывать и сокращать этот некролог (письмо от 25.III.1954 г.).

П.Н.Чирвинский увлеченно любил поэзию. В письмах от 18.III.1944 г., 7.XI.1945 г., 23.XI.1945 г., 3.I.1946 г., 15.II.1946 г. он посылал обширные выписки из Аристотеля, Плутарха, Фемистокла, Майкова. Нравились Петру Николаевичу меткие слова и изречения; в письме от 15.XII.1946г. он прислал “Некоторые изречения на Новый год”.

П.Н.Чирвинский внимательно следил за жизнью родной страны, восхищался ее успехами. В письме от 23.XI.1945 г. Петр Николаевич пишет о научной конференции по производительным силам, по гидротехническим сооружениям: в письме от 6.XII.1945 г. он сообщает об интересном докладе И.Г.Александрова о строительстве КамГЭС. “В интересное время мы живем”, – пишет П.Н.Чирвинский в письме от 9.X.1945г.

Петр Николаевич был горячим, страстным патриотом; он тяжело переживал наши первые неудачи в Великой Отечественной войне, но был уверен в неизбежность конечной победы. “...Еще гитлеровская жертва, но, кажется, начинается расплата с этими мерзавцами. Хорошие дела в Африке”, – пишет П.Н.Чирвинский 11.XII.1942.

Нелегок был жизненный путь Петра Николаевича. Особенно огорчала его невозможность опубликования своих научных работ в необходимом объеме: “Помрешь и оставишь на поток и разграбление гору рукописей – ведь мой пик (верстовой столб) не за горами”, – писал П.Н.Чирвинский 26.X.1946 г.

В это время А.Е.Ферсман поднимал вопрос об избрании Петра Николаевича в действительные члены АН СССР. Узнав о возможности избрания в академики, П.Н.Чирвинский писал: “Мне бы только иметь возможность печатать некоторые статьи” (письмо от 26.X.1946 г.). А здоровье все ухудшалось: “Пальцы неуверенно держат перо, трудно даже писать, хотя жить до 100 лет надо...” (письмо от 9.III.1949 г.); “Труднее жить, а мне 67 $^{1}/_{2}$ лет. Очень уж я много, не щадя сил, работал в жизни даром. Оставишь семью без средств...” (письмо от 7.IX.1947 г.).

В день 50-летнего юбилея научной деятельности П.Н.Чирвинского, 12.VI.1952 г. он вновь обижается на здоровье: “Вы всегда

желаете мне всех благ и счастья. Большое спасибо – нисколько не сомневаюсь в истинности таких пожеланий, но по части здоровья не очень-то это пожелание выполняется". "Плох, значит, творческий подъем, в котором Вы стараетесь держать меня, несмотря на мой возраст"... (письмо от 1.I.1953 г.).

И вот приходит ощущение конца трудовой жизни: "Хотя Вы меня считаете чуть ли не вечным, здоровье мое совсем не такое, и я думаю о свертывании, думаю об отставке" (письмо от 25.V.1953 г.)

Приходят мрачные мысли о возможности дальнейшей работы: "Эту тему не развивайте дальше в утешительном духе, ибо, если мой прогноз близок к действительности, и его пришествие неотвратимо... пожалуй, и я, и жена (ей минуло 70 лет) будем прозябать и работать, как может работать старик на пенсии (за работу еще предстоит бороться)" (в том же письме).

За несколько месяцев до получения этого письма мне с женой посчастливилось встретиться с П.Н.Чирвинским в Перми, в его небольшой и неудобной двухкомнатной квартире в шумном студенческом общежитии. Петр Николаевич и его жена Мария Владимировна были еще бодрыми и жизнерадостными. Петр Николаевич много и оживленно говорил, шутил, выразительно жестикулировал, быстро ходил по комнате.

Несмотря на нездоровье (склероз, переутомление) и бытовую неустроенность, П.Н.Чирвинский все еще сохранял оптимистическое настроение. Особенно ярко отразилось это настроение в предпоследнем письме от 25.III.1954 г.

Петр Николаевич, необычайно ценя В.А.Обручева, ссылается на известное воззвание его к комсомольцам, напечатанное в журнале "Знание – сила" и перепечатанное в "Литературной газете" в № 33 от 18.III.1954 г.: "Вот что завещает сделать, как минимум, Обручев. Требуется – продлить жизнь человека в среднем до 150–200 лет, уничтожить заразные болезни, свести до минимума незаразные, победить старость и усталость, поставить на службу человека все силы природы, подземное тепло, атомную энергию, запасать энергию впрок и доставлять ее в любое место без проводов, обезвредить ураганы, наводнения, вулканические извержения, землетрясения, изготовлять на заводах все известные на Земле вещества, белки, вещества тверже алмаза, более тугоплавкие, чем вольфрам и осмий и, м. б., самое главное для комсомольцев: вывести новые породы животных и растений, быстрее растущие, дающие больше мяса, молока, шерсти, зерна, фруктов, волокон древесины, освоить болота, горы, пустыни, тундру, научиться управлять погодой, передвигать

облака, по усмотрению распоряжаться дождями. Трудно? Необычайно трудно, но это необходимо: советские люди хотят жить долго, хотят жить в изобилии и в безопасности. Жаль, что Обручев не говорит о том, чтобы уничтожить океаны, ибо это "неудобщина", пропадает место (три четверти поверхности земного шара); проф. Вейнберг – физик в 1932 г. советовал построить сплошные железные плавучие баки, жить на них, а все питательные вещества вообще готовить искусственно. Никто не додумался о расселении на Марс, ибо ведь тесно на Земле".

Оставаясь неизменно оптимистом, П.Н.Чирвинский до последних дней сохранил тонкий юмор, и в разговорах, и в письмах (от 6.XI.1946 г., 1.XII.1946 г.. 9.V.1947 г., 25.III.1954 г. и др.). Даже в предпоследнем письме Петр Николаевич не обходится без юмора: "Смеха ради прочитайте "Литературную газету", подвал "Любомудры" (Ортодоксов и особенно Ветрячек), 16 февраля № 20 за 1954 год".

В последний раз встретился я с П.Н.Чирвинским в Перми ранней весной 1954 года. Мы сидели на скамейке в скверике около университетского дома. Петру Николаевичу нездоровилось, одет он был в теплое пальто, был невесел (его обошли с квартирой), удручен, мало разговаривал, почти не улыбался... Через несколько месяцев П.Н.Чирвинского не стало.

Петр Николаевич Чирвинский был замечательным ученым-энциклопедистом нашей страны, широко известным и за ее рубежами. Выдающееся значение научных трудов П.Н.Чирвинского признавали: А.П.Карпинский, А.Е.Ферсман, Д.С.Белянкин, И.С.Астапович, Е.Л.Кринов и другие крупные ученые.

Энциклопедичность научных трудов П.Н.Чирвинского неслучайна, – Петр Николаевич принадлежал к числу исключительно талантливых ученых, умевших с поразительной проницательностью усматривать общие закономерности в единичных, конкретных явлениях. П.Н.Чирвинский открыл ряд важных закономерностей в теоретической метеоритике, он уже улавливал общую закономерность периодических движений как динамическую сущность явлений и живой природы (письмо от 16.III.1944 г.).

Опубликование избранных трудов П.Н.Чирвинского было бы лучшим выражением признательности к его огромным заслугам в отечественной и мировой науке.

Владимир Николаевич Сукачев[250]

Посвящается Владимиру Николаевичу Сукачеву – замечательному натуралисту, неутомимому исследователю в области ботаники, палеонтологии, четвертичной геологии и физической географии.

9 февраля 1967 г. советская наука понесла невосполнимую утрату. Скончался председатель Комиссии по изучению четвертичного периода академик Владимир Николаевич Сукачев.

Владимир Николаевич был натуралистом исключительно широкого профиля. И не случайно он, внесший огромный вклад в систематику растений, дендрологию, ботаническую географию, фитоценологию, лесоведение, завершил свой путь в науке созданием новой отрасли знания – биогеоценологии, занимающейся изучением связей внутри сложнейшего комплекса природных явлений: биоценоза и соответствующей ему части атмосферы, литосферы, гидросферы и педосферы.

Но как ни широк круг этих наук и дисциплин, была еще область исследований, которой, по признанию самого Владимира Николаевича, он занимался с особым увлечением и интересом – это изучение палеогеографии четвертичного периода на основе палеоботанического анализа. Владимир Николаевич вел эти исследования всю жизнь, начиная почти с первых шагов самостоятельной научной деятельности. Они тесно связывали его с работой Комиссии по изучению четвертичного периода, активным участником которой он был со дня основания Комиссии (1927 г.).

Первые палеоботанические работы Владимира Николаевича относятся к 1903–1905 гг. и проводились при изучении торфяников в бывших Новгородской, Курской и Самарской губерниях. Исследования торфяников велись по широкой программе (впервые было применено бурение) и включали определение растительных остатков, в том числе пыльцы древесных пород (ели, сосны, березы, ольхи) и спор папоротников.

---

250 Впервые опубликовано (совместно с В.П.Гричуком): Нижний плейстоцен ледниковых районов Русской равнины. М.: Наука, 1967. С. 3–7.

Результаты определений пыльцы были использованы для ряда палео-фитоценологических и палеогеографических выводов. В частности, они явились основанием для утверждения о длительном существовании на северо-востоке Русской равнины еловых лесов (в отличие от южной Скандинавии, где, как это следовало из несколько ранее опубликованных работ Сернандера и Андерсена, ель появилась лишь в сравнительно недавнее время).

Владимир Николаевич определял пыльцу в образцах торфа, доставленных ему и другими исследователями[251].

Таким образом, мы с полным основанием можем считать В.Н.Сукачева основоположником пыльцевого анализа в нашей стране.

Следующая серия палеоботанических работ Владимира Николаевича связана с исследованиями теперь широко известного Лихвинского разреза. Впервые он посетил этот разрез в 1906 г. и вместе с Г.И.Поплавской произвел расчистки его и сбор палеоботанических материалов. Работы эти продолжались в 1907 и 1908 гг., одновременно с изучением палеоботанических сборов Н.Н.Боголюбова. Результаты исследований первых двух лет были опубликованы в это же время.

Одновременно было начато изучение и более молодых образований – известковых туфов в окрестностях г. Гремячево (Перемышльского района Калужской области). Первые результаты были опубликованы в 1907 г. (Владимир Николаевич и в дальнейшем интересовался этими образованиями, он изучал их в 1929, 1930, 1950, 1954 и 1958 гг. и опубликовал в 1960 г. обобщающую статью в соавторстве с Р.Н.Горловой, Е.П.Метельцевой и А.К.Недосеевой.)

Насколько велик был интерес Владимира Николаевича к истории растительности в четвертичном периоде, показывает то, что уже в 1919 г. он выступил с докладом на 12-м Съезде русских естествоиспытателей и врачей, в котором дал блестящее обобщение имевшихся к этому времени материалов. При этом флора лихвинских озерных отложений была отнесена к более древнему межледниковью, а флора озерных слоев у с. Троицкое под Москвой (которые в то время уже были хорошо известны благодаря работам Н.И.Криштофовича) – к более молодой межледниковой эпохе.

Для оценки значения такой трактовки возраста названных флор, в настоящее время общепринятой, следует вспомнить, что представления о множественности оледенений Русской равнины в то время только начинали возникать и встречали ожесточенную

[251] См. статью Н. Кузнецова в "Трудах Владимирского об-ва любителей естествознания". 1910. Т. 3, вып. 1.

критику. Следует вспомнить и то, что работа Пенка и Брюкнера по истории оледенения Альп была опубликована лишь за год до этого – в 1909 г.

В дальнейшем, отчасти в связи с проведением экспедиционных геоботанических работ, Владимир Николаевич обращает свое внимание на Сибирь, представлявшую в то время в палеоботаническом отношении почти что “белое пятно”. За время с 1910 по 1934 г. он публикует серию интереснейших исследований, осветивших многие стороны истории флоры и растительности этой огромной территории.

Обрабатывая палеоботанические сборы геолога К.А.Воллосовича по р. Омолой (между нижним течением рек Лены и Яны), Владимир Николаевич установил присутствие шишек североамериканского вида сосны – *Pinus monticola* и ископаемого вида ели, названной им *Picea Wollosowiczii*, близкой к североамериканскому виду *P.Breveriona*. Эти находки явились основанием для вывода о широкой связи в “доледниковое время” флор Восточной Сибири и притихоокеанской части Северной Америки и о существовании здесь в области современной тундры достаточно богатой лесной растительности. Сейчас представления о таких межконтинентальных связях в плиоцене и раннем плейстоцене общеприняты и подкреплены огромным палеоботаническим материалом.

В 1910 г. Владимир Николаевич опубликовал результаты изучения растительных остатков из приледниковых озерных отложений, обнаруженных им у с. Демьянское в нижнем течении р. Иртыш. В них было установлено присутствие таких типичных арктических видов, как *Salix polaris*, *S. herbacea*, *Dryas octopetala* и другие, совместно с остатками обычных лесных растений. Такое сочетание различных ценотических элементов уже тогда явилось основанием для утверждения о своеобразном характере приледниковой растительности, в составе которой тундровые формации распространялись далеко к югу (остатки арктической флоры впоследствии были найдены и в двух пунктах на р. Васюган).

Наряду с этим при изучении современных торфяников Карской тундры были получены палеоботанические материалы (опубликованные в 1921 г.), указывающие на наличие здесь в прошлом настоящей лесной растительности. Это было первое доказательство наличия значительного улучшения климата Арктики **в** середине голоцена.

В 1914 г. Владимир Николаевич опубликовал результаты определения растительных остатков пищи березовского мамонта. Это классическое палеоботаническое исследование, позволившее

вскрыть многие черты условий жизни мамонтов в Сибири, до сих пор остается образцом подобного рода работ, а сделанные выводы до сих пор полностью сохраняют свое значение.

Позже (в 30-е годы) Владимир Николаевич опубликовал итоги своих работ по южной части Западно-Сибирской низменности, во время которых им не только собирались палеоботанические материалы, но и изучались четвертичные отложения. Приведенные им результаты пыльцевого анализа толщ, так называемых сизых суглинков, диагональных песков и покрывающих их отложений явились первым опытом применения пыльцевого анализа к изучению плейстоценовых отложений Сибири и вызвали большой интерес среди исследователей истории четвертичного периода. В частности, они сразу же были использованы Г.Гамсом в его известном обзоре плиоценовых и плейстоценовых отложений Европы и Западной Сибири, опубликованном в 1935 г. (“Eclogae geologicae Helvetica”, т. 28, № 1).

Владимир Николаевич продолжал интересоваться материалами и по Европейской части СССР. Проводились работы по изучению озерных отложений у с. Троицкое под Москвой (данные карпологического анализа и определений пыльцы, опубликованные в 1928 г) на Лихвинском разрезе и в других пунктах. Разработанный В.П.Гричуком метод выделения пыльцы из минеральных пород при помощи жидкости Тулэ был применен Владимиром Николаевичем для изучения растительных остатков из лёсса. Это позволило получить первые палеоботанические материалы по лёссу и лёссовидным отложениям. Было установлено присутствие в них элементов лесной флоры, что явилось в значительной мере неожиданностью. Полученные данные настолько заинтересовали Владимира Николаевича, что работы проводились в течение нескольких лет и им было посвящено три публикации.

В 20-е и 30-е годы интерес к палеоботаническому изучению четвертичных отложений в нашей стране заметно возрос, и количество полученных материалов начало быстро увеличиваться. В связи с подготовкой ко II конференции Международной ассоциации по изучению четвертичного периода Европы Владимир Николаевич опубликовал в 1936 г. большую обобщающую работу “Основные черты развития растительности СССР во время плейстоцена”, выводы которой докладывались на конференции (статья была опубликована и на немецком языке в специальном издании к конференции). В значительно расширенном и дополненном виде эта работа под названием “История растительности СССР во время плейстоцена” помещена в I томе издания “Растительность СССР”,

опубликованном в 1938 г. В ней с исчерпывающей полнотой были суммированы результаты всех опубликованных до 1937 г. работ (в списке литературы содержится 109 названий), относящихся к Европейской и Азиатской частям СССР. Так, флора рисс-вюрмского межледниковья (т.е. микулинского, по принятой теперь терминологии) охарактеризована по данным из 46 пунктов и в ее сводном списке содержалось 176 названий высших растений и мхов. Приледниковая флора последнего оледенения Русской равнины охарактеризована по данным из 11 пунктов, а ее список включал 101 название. Как по объему материалов, так и по размеру охваченной территории она явилась исключительным явлением в мировой литературе. Достаточно сказать, что и до настоящего времени сводки по флоре плейстоцена в целом имеются лишь для Англии, Голландии и Польши (для двух последних – неполные).

Во время Великой Отечественной войны Владимир Николаевич совместно с Г.И.Поплавской занимался изучением донных отложений среднеуральских озер. Собранные материалы были опубликованы в 1946 г. в статье “Очерк истории озер и растительности Среднего Урала в течение голоцена, по данным изучения сапропелевых залежей”.

В Институте леса АН СССР, созданном Владимиром Николаевичем в 1948г. в Москве, была организована небольшая палеоботаническая лаборатория, которой он непосредственно руководил. В лаборатории велось планомерное и очень углубленное изучение голоценовых и плейстоценовых отложений преимущественно центральных районов Европейской части СССР. Интенсивность этих работ резко возросла, когда после перевода Института леса в Красноярск в Москве была организована Лаборатория биогеоценологии. С удивительной энергией, исключительной неутомимостью и настойчивостью Владимир Николаевич организовал: многочисленные выезды в поле – район Ростова, Подмосковье, во Владимирскую, Калужскую области и другие для сбора материалов. Изучение объектов исследования велось при помощи большого числа расчисток, шурфовок и, как правило, продолжалось в течение ряда лет. Многократность посещения изучаемых разрезов – это особенность стиля работы Владимира Николаевича, которой он придерживался в течение всей своей жизни. Достаточно перечислить посещения двух объектов: Лихвинский разрез – 1906, 1907, 1908, 1929, 1930, 1950 г.; травертины у с. Гремячево Калужской области – 1908, 1929, 1930, 1950, 1954, 1958 гг.

Великолепно зная очень большое число растений, Владимир Николаевич занимался определением преимущественно ископае-

мых семян, плодов и листьев. Насколько детально проводилось им и его сотрудниками изучение исследуемых объектов, показывает следующее сопоставление: в списке видов (определенных во всех разрезах "рисс-вюрмских" отложений на Русской равнине, приведенном в упоминавшейся выше работе Владимира Николаевича 1938 г., указывается 135 названий высших растений; в списке видов, определенных в одном разрезе у с. Вятское (опубликовано в 1965 г.), значится 103 вида.

Незадолго до смерти Владимир Николаевич подготовил к печати две работы: "Растительность перигляциальных зон центральных частей Русской равнины" и "Новые данные о лихвинской флоре под Москвой" (совместно с В.Т.Соколовской); они будут опубликованы вместе со статьями других сотрудников Лаборатории в сборнике "Истории развития биогеоценотического покрова центральных областей Европейской части СССР в течение антропогена". Охарактеризовать хотя бы кратко содержание указанных работ В.Н.Сукачева не представляется возможным. Но об одном исследовании, доставившем материалы исключительного палеогеографического значения, нельзя не сказать несколько слов. Речь идет о находках в районе Рублева под Москвой в отложениях I надпойменной террасы р. Москвы остатков арктических видов *Salix herbacea* и *S. polaris*. В этих же отложениях найдены в больших количествах пыльца *Chenopodiaceae* и *Artemisia*, а также пыльцевые зерна *Ephedra*, стручечки *Draba cf. incana* и остатки *Betula cf. tortuosa*. Это самая южная находка остатков несомненных арктических видов на Русской равнине. Нахождение их в слоях, имеющих отчетливые следы криотурбаций, позволяет по-иному рассмотреть многие дискуссионные вопросы, связанные с изучением перигляциальной зоны.

Заканчивая этот очень короткий перечень (именно только перечень) палеоботанических работ Владимира Николаевича, нельзя не отметить тот глубокий интерес, с которым он всегда следил за палеоботаническими исследованиями в СССР. Исключительное личное обаяние, всегда искренне-дружеская направленность его критических высказываний приводили к тому, что занимающиеся палеоботаническими работами, независимо от взглядов и направлений, стремились поделиться с Владимиром Николаевичем своими результатами, показать написанную работу. Придя к нему с любыми материалами, можно было быть уверенным, что он их внимательно рассмотрит и выскажет свое мнение. Замечания Владимира Николаевича всегда были такими, что не учесть их, не прислушаться к ним было невозможно.

В течение многих лет Владимир Николаевич организовывал в Комиссии по изучению четвертичного периода совместные поездки геологов-четвертичников, палеоботаников и археологов для осмотра изучавшихся им разрезов. Поездки эти он проводил с огромным, почти юношеским увлечением, любовью, исключительным подъемом духа и неутомимостью, поражавшими всех его значительно более молодых спутников. Так было и на последней экскурсии летом 1966 г. на Рублевский карьер под Москвой у дер. Мякинино, где им уже много лет изучались слои с флорой лихвинского возраста. Эта экскурсия, оставившая неизгладимое впечатление у всех ее участников, была поистине лебединой песней Владимира Николаевича.

С неустанным вниманием и интересом следил Владимир Николаевич за ходом и других исследовательских работ по четвертичному периоду СССР, активно участвовал во всех мероприятиях Комиссии по изучению четвертичного периода, радовался всему новому в достижениях советских исследователей антропогена.

В последние годы Владимир Николаевич с особым интересом относился к изучению древнейших оледенений и межледниковий на территории Советского Союза. Вопросы древнего плейстоцена ледниковых областей, которые так сильно интересовали Владимира Николаевича, частично рассматриваются в настоящем сборнике. Этот сборник посвящен светлой памяти Владимира Николаевича Сукачева его последователями и учениками.

Об увлечённости В.Н.Сукачёва изучением геологии и палеогеографии антропогена[252]

Исключительно многогранна и плодотворна была научная деятельность Владимира Николаевича Сукачёва во многих областях науки – ботаники, систематики, геоботаники, палинологии и палеокарпологии, биогеоценологии, физической географии, лесоведения, болотоведения, луговедения, геологии и палеогеографии четвертичного периода и др.

В этих областях науки Владимир Николаевич оставил неизгладимый след, богатое научное наследие, множество идей, которые успешно развиваются его последователями и учениками.

[252] Выступление на заседании Комиссии по изучению четвертичного периода, посвящённом 100-летию В.Н.Сукачёва (апрель 1980 г.). Публикуется впервые.

Велико было влияние личности Владимира Николаевича, которое не меркнет с годами. Ещё в 1929 году Иван Парфёнович Бородин, старейшина русских ботаников, за год до своей смерти, так писал в письме В.Н.Сукачёву: "Ваша изумительная скромность, незлобивость, снисходительность к другим при строгости к себе, готовность помочь каждому своими знаниями, прямота и удивительно ровный характер – всё это образует такое прекрасное сочетание, такую духовную "формацию", которая невольно влечёт к Вам сердца"[253].

Обаяние личности В.Н. ощущали все члены Комиссии по изучению четвертичного периода при АН СССР. В.Н. был членом Комиссии со времени её основания в 1927 году, а с 1956 по 1967 гг. был председателем нашей Комиссии.

Участников Четвертичной Комиссии поражали все черты личности В.Н., о которых писал И.П.Бородин. Нас удивляли, кроме того, необычайная демократичность В.Н.; простота общения; чуткое внимание и благосклонность; доброта; отзывчивость; терпимость к чужому мнению; принципиальность и строгость суждений и высказываний; чувство долга.

Исключительное обаяние личности В.Н.Сукачёва создавало возвышенную творческую атмосферу в Четвертичной Комиссии. Владимир Николаевич был для всех членов Комиссии "непререкаемым авторитетом, советчиком и другом". Члены Комиссии любили В.Н., "чтили его и видели в нём рыцаря науки, несгибаемого блюстителя истины". Под руководством В.Н. Комиссия по изучению четвертичного периода "переживала расцвет своей деятельности"[254].

В.Н., несмотря на чрезвычайную занятость, преклонные годы и физические недостатки органов слуха, почти всегда присутствовал на ежемесячных заседаниях Четвертичной Комиссии, внимательно слушал все доклады в выступления, задавал вопросы, выступал в прениях.

Председательство в заседаниях Комиссии В.Н. обычно передавал своему первому заместителю академику К.К.Маркову. Присутствие В.Н. в заседаниях Четвертичной комиссии придавало им торжественность и деловитость, организованность и строгость.

Где же были истоки высокой увлечённости Владимира Николаевича Сукачёва геологией и палеогеографией антропогена? А

---

[253] *Бородин И.П.* Письмо к проф. В.Н.Сукачеву // Очерки по фитоценологии и фитогеографии. М.: Новая деревня, 1929. С. 6.

[254] *Лавренко Б.М., Александрова В.Д.* Научная, организационная, педагогическая и общественная деятельность В.Н.Сукачева // В.Н.Сукачев. Избранные труды. Т. III. Изд. Л.: Наука, 1975. С.494.

увлечённость эта проявлялась у В.Н. в течение более 60 лет, начиная с 1904 г., вплоть до самой смерти, за 7 месяцев до которой, 5 июля 1966 года, В.Н. руководил своей последней экскурсией на Рублевский карьер у д. Мякинино под Москвой.

Такая увлечённость выражалась также и в том, что некоторые объекты изучения четвертичных образований В.Н. посещал в исследовал многократно. Так, например, Лихвинекий разрез межледниковых среднеплейстоценовых отложений В.Н. изучал в течение 1906, 1907, 1908, 1929, 1930 и 1950 гг.; травертины у с. Гремячево Калужской области исследовались в 1908, 1909, 1930, 1950, 1954, 1956 г.; Рублёвский карьер посещался Владимиром Николаевичем по несколько раз в году.

Особый интерес проявлял В.Н. к изучению межледниковых отложений, старично-аллювиальных, озёрно-старичных и старично-болотных, богатых органическими веществами.

Вот почему прежде всего возникает предположение, не вызвана ли увлечённость В.Н. изучением четвертичных отложений широким развитием в их составе болотных накоплений, обогащённых органикой. Ведь именно в болотах наиболее отчётливо видна обусловленность жизни географической средой, взаимосвязь растительных сообществ и фитосреды, что особенно интересовало В.Н. с самого начала его научной деятельности.

Не в болотах ли происходит интенсивная трансформация живого вещества, на стыке воды и суши, не в болотах ли зародились первые земноводные формы жизни? Восприятие болот, как источников жизни в их многообразии было прекрасно выражено Ги де Мопассаном; он писал о болотах так: "Воду я люблю бурной любовью: люблю море, хотя оно слишком большое, беспокойное, непокорное; люблю реки, они красивы, но они несутся мимо, они текут, убегают; и особенно люблю болота, где трепещет неведомая нам жизнь подводных существ. Болото – это целый мир на земле; здесь особое своё бытие, свои оседлые и странствующие обитатели, свои голоса и шорохи, а главное – своя тайна. Ничто так не волнует, не тревожит и не пугает порой, как болото. Откуда этот страх, витающий над низинами, покрытыми водой? Порождает ли его смутный шорох тростника, призрачные блуждающие огни, глубокое безмолвие, царящее там в тихие ночи, или причудливый туман, словно саван обволакивающий камыш, или быть может, неуловимый плеск, нежный и лёгкий, который порой страшит больше, чем грохот пушек и небесный гром, и превращает болота в сказочную, опасную страну, такую грозную неведомую загадку.

Нет. Другая, более глубокая, более значительная тайна скрыта в густых туманах, быть может, тайна мироздания! Разве не в стоячей,

тинистой воде, не в сырой земле, не просыхающей от солнечного жара, зашевелился, затрепетал и увидел свет первый зародыш жизни?"[255] Именно болота привлекали внимание В.Н. в начале его научной деятельности, в 1903-19I3 гг., когда он проводил исследования болот в Курской, Новгородской и Псковской губерниях, в Восточной Сибири.

Особенное значение придавал В.Н. болотам при разработке учения о фитоценозах. В.Н. считал, что "зависимость между условиями среды и характером растительности вряд ли в каком-либо из наших типов растительности так наглядно представлена, как в болотах", взаимоотношения между геобиоценозами, по заключению В.Н.Сукачёва, "в болотных сообществах проявляются особенно резко"[256].

Благодаря работам В.Н.Сукачёва советское болотоведение завоевало передовые позиции в мире. Особенно важное значение приобрела монография В.Н. "Болота, их образование, развитие и свойства", изданная трижды в 1914, 1923 в 1926 гг. С этой монографией познакомился В.И.Ленин, считавший её, по словам М.В.Фофановой, "интересной, захватывающей". По живости и яркости изложения эту книгу В.Н.Сукачёва, мне кажется, можно сравнить с "Жизнью растений" К.А.Тимирязева.

Болота, как поразительное явление природы взволновало воображение гениального писателя Мопассана и великого ученого Сукачёва. На примере болот В.Н. увидел яркую иллюстрацию взаимоотношений растительных сообществ и природной среды. Но ведь не менее яркие взаимосвязи между растениями и средой наблюдал В.Н. и в лесах, которые являлись любимым объектом его исследований в течение всей жизни, начиная с ранних работ 1902–1908 гг. (Арчадинские, Бузулукские и Брянские леса).

Значит, не только исследования болот, лесов, лугов, степей и тундр, послужили источником увлечения В.Н.Сукачева четвертичной геологией и палеоботаникой.

Первоисточником такого беспримерного увлечения послужило применение В.Н. новых методов исследования истории четвертичных флор и растительности, – пионерское использование спорово-пыльцевого и геокарпологического анализов.

Применение этих методов к изучению сначала голоценовых, а затем плейстоценовых отложений, особенно межледниковых, открыло перед В.Н.Сукачёвым неограниченные возможности в познании динамики становления и истории развития геобиоценозов.

---

255 Ги де Мопассан. Любовь // Собр. соч. Т. 6. М.: Правда, 1968. С. 313–314.
256 *Сукачев В.Н.* Избранные труды. Т.II. Л.: Наука, 1973. С. 77.

М.С.Боч и Н.И Пьявченко совершенно правы в своём важном заключении о том, что В.Н.Сукачёва "следует считать основателем новой ветви научного исследования – палеобиогеоценологии 257.

Глубокий интерес В.Н. к изучению палеоботаники, геологии и палеогеографии антропогена определяется его многолетними исканиями в разработке проблем биогеоценологии и палеобиогеоценологии. Значение исследований В.Н. в этих областях науки так велико, что его имя в истории отечественной науки должно стоять в одном ряду с именами В.В.Докучаева и В.И.Вернадского.

Сложнейшие взаимоотношения между средой и биогеоценозами, в их непрерывном изменении в пространстве и времени, полнее всего выражены в антропогеновых образованиях, изучению которых В.Н. с увлечением посвятил многие годы своей жизни.

А. И. Москвитин и геология плейстоцена Русской равнины[258]

Научное творчество и вся жизнь доктора геолого-минералогических наук Александра Ивановича Москвитина – необычное явление в истории науки о четвертичном периоде. Волевой человек, преданный науке исследователь, неутомимый труженик, всей своей жизнью он дал яркий пример целеустремленности в научной работе.

А.И.Москвитин родился 12(25) января 1898 г. в с. Стрельниково Атюрьевского района Мордовской АССР в семье сельских учителей.

Александр Иванович окончил гимназию в г. Темникове и в 1916 г. поступил на физико-математический факультет Харьковского университета. Но трудности военного времени вскоре заставили его покинуть университет. В октябре 1918 г. он был мобилизован в состав Красной Армии. В 1920 т. пехотное воинское подразделение, в котором служил А.И.Москвитин, попало в окружение и, выходя из него, прорвалось на территорию Германии, где было интернировано. Александр Иванович оказался в концентрационном лагере, бежал из него, но вскоре был возвращен в тот же лагерь. А. И. Москвитин

[257] *Боч М.С. и Пьявченко Н.И.* О значении исследований В.Н.Сукачева в области болотоведения, палеогеографии и палеоботаники // *Сукачев В.Н.* Избранные труды. Т.II. Л., 1973, С.11.

[258] Впервые опубликовано: Изв. АН СССР. Сер. геол. 1978. № 10. С. 151-153. Соавт. Н.И.Кригер, А.А.Носов.

вернулся на родину летом 1921 г., в 1922 г. был демобилизован и приехал учиться в Москву.

В 1927 г. А.И.Москвитин окончил геологический факультет Московского университета, затем был аспирантом и ассистентом на кафедре исторической геологии МГУ и Московской горной академии. С 1931 по 1939 г. Александр Иванович руководил группой геологической съемки Московского геологического управления, а с 1939 г. работал старшим научным сотрудником и консультантом Геологического института АН СССР. Ученая степень кандидата геолого-минералогических наук была А.И.Москвитину присвоена в 1937 г. без защиты диссертации, а в 1946 г. он защитил докторскую диссертацию на тему “Вюрмская эпоха (неоплейстоцен) Европейской части СССР”.

Прежде всего, должны быть указаны замечательные по своей тщательности исследования в Прилукском округе. Были изучены ископаемые почвы в лёссе. Обнаружив под и над ледниковыми отложениями в лёссе последовательность почв: подзол – чернозем – рендзина, А.И.Москвитин отнес их к трем стадиям миндель-рисского и рисс-вюрмского межледниковий, что в те годы отвечало стратиграфическим представлениям А.П.Павлова и Г.Ф.Мирчинка о количестве межледниковий. И хотя каждой из указанных почв впоследствии было придано самостоятельное стратиграфическое значение (Москвитин, 1950), стратиграфическая последовательность почв, установленная в 30-х годах А.И.Москвитиным, полностью сохранила свое значение до настоящего времени. Идея стратиграфической самостоятельности ледниковых горизонтов и межледниковых почв, родившаяся в трудах В.Зергеля, Д.Н.Соболева, В.И.Крокоса и Г.Ф.Мирчинка, получила развитие в ряде работ Москвитина.

На ранних этапах работ А.И.Москвитина сформировались его взгляды на эоловое происхождение лёсса. Этим вопросом он’ занимался на протяжении многих лет.

Большим вкладом в изучение плейстоцена Русской равнины явилось открытие А.И.Москвитиным следов ископаемой мерзлоты. Ранее подобные следы были описаны исследователями Шпицбергена, Аляски и Западной Европы. После работ А.И.Москвитина методика изучения ископаемых мерзлотных явлений широко используется при стратиграфических и палеогеографических исследованиях как в Европейской, так и в Азиатской частях Союза.

Не менее интересны работы А.И.Москвитина о краевых, ледниковых отложениях. Его исследованиями охвачены различные виды этих отложений: камы, конечные морены, ледниковые отторженцы.

Особенно большое значение имеют его исследования (продолжение работ В.Г.Хименкова), показавшие гляциальное происхождение так называемого Вышневолоцко-Новоторжского вала, принимавшегося прежде за тектоническое сооружение.

А.И.Москвитин изучал речные террасы многих рек Русской равнины. Ему принадлежит наиболее стройная в современной литературе увязка трансгрессий Каспия и террас рек бассейна Волги с оледенениями. Каждому оледенению, по А.И.Москвитину, отвечает особая терраса, в основании аллювия каждой террасы залегают межледниковые отложения.

Обширные исследования проведены А.И.Москвитиным по межледниковым отложениям. К изучению некоторых разрезов он возвращался неоднократно, например к Лихвинскому обнажению или разрезу у с. Троицкого. А.И.Москвитин был, вероятно, первым, кто выдвинул идею о своеобразии палинологических диаграмм каждого межледниковья.

На основе исследований стратиграфии ископаемых почв, межледниковых отложений, ледниковых образований и следов ископаемой мерзлоты А.И.Москвитин непрерывно разрабатывал стратиграфическую схему плейстоцена Русской равнины. В основу ее положен фактический материал по территории Украины, центральной части Русской равнины, Белоруссии, Верхнего, Среднего и Нижнего Поволжья. Начав со схемы Г.Ф.Мирчинка (1928, 1936), принимавшего для Русской равнины три оледенения – миндельское, рисское и вюрмское, А.И.Москвитин пришел к значительно более сложным стратиграфическим построениям. Эта работа проводилась одновременно со стратиграфическими исследованиями многих других геологов. Предложения А.И.Москвитина при их опубликовании встречали многочисленные возражения. Тем не менее, схема А.И.Москвитина получила широкую известность и в значительной части принята современными исследователями. К построению своей схемы А.И.Москвитин подходил постепенно, опираясь на материал собственных наблюдений. Обнаружив три морены под Москвой (вместо признававшихся двух), А.И.Москвитин отнес их к минделю, риссу и вартинской стадии. Позже А.И.Москвитин и Н.И.Соколов (1946) пришли к выводу о самостоятельности московского оледенения и предшествовавшего ему (по А.И.Москвитину, одинцовского) межледниковья. В последующие годы самостоятельность московского оледенения была признана почти всеми исследователями. Наблюдения на Верхней Волге позволили А.И.Москвитину (1939) выделить четыре стадии “вюрмского” оледенения: кали-

нинскую, верхневолжскую, осташковскую и валдайскую. Позднее А.И.Москвитин пришел к заключению о необходимости выделять самостоятельные калининское оледенение, мологошекснинское межледниковье и осташковское оледенение. Выделение мологошекснинского межледниковья вызвало дискуссию, не закончившуюся до сих пор.

В 1948 и 1949 гг. А.И.Москвитин выступил с итогами работ по созданию новой схемы стратиграфии всего плейстоцена Русской равнины. В доднепровском времени были выделены два межледниковья, из которых второе было названо лихвинским. Позже он отметил залегание лихвинских озерных отложений под одной и даже под двумя и доднепровскими почвами. В результате его работ был значительно понижен возраст озерных отложений.

Таким образом, в стратиграфической схеме А.И.Москвитина (1976) выделены окское, апшеронское (збуронское), нижнеберезинское, верхнеберезинское, днепровское, московское, калининское и осташковское оледенения, разделяемые урыв-кривоборским, лихвинским, борисовским, ивановским, одинцовским, микулинским и мологошекснинским межледниковьями.

В связи с возникшей после XVIII Международного геологического конгресса дискуссией о положении нижней границы плейстоцена, А.И.Москвитин решительно высказался за проведение этой границы в основании акчагыла и за сопоставление последнего с первым оледенением Русской равнины или окским оледенением, прежде приравнивавшимися к минделю.

Новая стратиграфическая схема плейстоцена Русской равнины потребовала пересмотра и разработки целого ряда новых вопросов. В частности, А.И.Москвитин доказал верхнеплейстоценовый возраст верхнего и среднего палеолита Русской равнины, Западной Сибири, Польши, Чехословакии.

Большой интерес представляет книга А.И.Москвитина (1970) по стратиграфии плейстоцена Центральной и Западной Европы. В ней отражен принципиально новый подход к сопоставлению плейстоцена Русской равнины, с одной стороны, и Западной и Центральной Европы – с другой. В течение длительного времени многие исследователи (Н.И.Криштофович, А.П.Павлов, В.А.Городцов, Г.Ф.Мирчинк и др.) сравнивали плейстоцен Русской равнины со стратиграфическими схемами Запада; эти схемы влияли на стратиграфическую работу русских исследователей. Характерно было перенесение альпийской схемы оледенений на Русскую равнину. А.И.Москвитин рассматривает стратиграфию плейстоцена Запада

в свете идей советских исследователей, переносит на Западную и Центральную Европу разработанную им стратиграфическую схему. Подобный подход повлек за собой пересмотр стратиграфических схем плейстоцена Центральной и Западной Европы. Пересмотру помогли личные наблюдения А.И.Москвитина на территории Польши, Чехословакии, Венгрии, ГДР и ФРГ. Эта работа является важным звеном в серии монографий, опубликованных А.И.Москвитиным с 1960 г. и в совокупности представляющих собой фундаментальный, обзор плейстоцена Европы на современном уровне знаний.

Для творчества А.И.Москвитина характерны скрупулезное изучение даже мелких фактов, умение даже из одного геологического разреза извлечь обширную информацию общегеологического значения, и наряду с этим – способность обобщать огромный фактический материал собственных наблюдений. Должен быть упомянут ставший известным среди специалистов "глаз Москвитина" – глаз зоркого натуралиста, умеющего усмотреть важные детали, часто незамеченные множеством других исследователей. А.И.Москвитин обладает большой работоспособностью. Им опубликовано более 130 работ. Упорный ежедневный труд и многолетний опыт утвердили у А.И.Москвитина уверенность в своих действиях, а целеустремленность и преданность науке выковали в нем бескомпромиссность и мужество в борьбе за утверждение своих взглядов. Эта страстная борьба, которую А.И.Москвитин ведет всюду и всегда, иногда принимает, может быть, слишком резкий характер. Но за внешней суровостью А.И.Москвитина скрываются чуткость, искренность и отзывчивость к товарищу, честность и скромность в труде и в жизни.

Вместе с геологами[259]

На протяжении нескольких десятилетий мне посчастливилось работать вместе с проектировщиками Гидропроекта, которыми руководил тогда Сергей Яковлевич Жук. Самой характерной чертой специалистов, прошедших школу С.Я.Жука, было их исключительное внимание к инженерно-геологическим изысканиям, Эта особенность формировалась в коллективе Гидропроекта под несомненным влиянием взглядов самого С.Я.Жука, считавшего, что успех гидротехнических проектов и строительства зависит от правильного учета природных условий.

[259] Впервые опубликовано: Гидротехник. 13 апреля 1982. № 13 (1158). С. 1.

В 1934 году шли ускоренные изыскания, проектирование и строительство Ннжнетуломской ГЭС на Кольском полуострове. Инженерно-геологические условия были здесь сложными и тяжелыми. Плотина примыкала к мощной флювиогляциальной дельте-террасе, сложенной валунно-галечным и песчано-гравийным материалом, характеризующимся высокой фильтрационной способностью и резкими колебаниями уровня подземных вод, синхронными приливами и отливами Вересовой тубы Кольского залива.

Некоторые крупные эксперты считали, что строить Нижнетуломскую ГЭС в таких условиях нельзя, С.Я.Жук встал на точку зрения геологов, доказывающих, что строительство Ннжнетуломской ГЭС вполне возможно, Нижнетуломская гидростанция была построена, и ее энергия сыграла большую роль во время Великой Отечественной войны.

В 1939 – 1940 годах велись большие проектно-изыскательские работы под Соликамский гидроузел на р. Каме. Острые разногласия возникли по вопросу, возможно ли строительство гидроузла на участках с залеганием калийных солей на глубине около 100 метров. Некоторые геологи и эксперты считали, что такое строительство возможно при наличии на солях мощного слоя глинистого элювия. К такому мнению склонялся и Сергей Яковлевич, но он требовал фактических доказательств.

В 1942 году велись срочные работы по Широковскому гидроузлу на реке Косьве. Для расположения оси плотины геологи предложили узкую полоску кварцитовидных эйфельских песчаников. С.Я.Жук и главный инженер проекта Н.В.Разин поддержали такое предположение, оно и было реализовано.

Не могу не сказать, что до места строительства Широковекой ГЭС С.Я.Жук с группой проектантов и изыскателей добирался пешком вдоль порожистой реки Косьвы, по гористой тропинке, с крутыми подъемами и спусками. Ночевали в избе лесника, Сергею Яковлевичу радушные хозяева предложили свою кровать, но он категорически отказался и лег вместе со всеми на полу.

В 1948 году начались изыскания по Цимлянскому гидроузлу на Дону, Сергей Яковлевич неоднократно посещал места изысканий у станицы Соленовской, просматривал керны, полученные из скважин, сопоставлял варианты створов, интересовался всеми деталями рельефа, особенно на участках старичных понижений. Сергей Яковлевич принял смелое решение расположить створ Цимлянского гидроузла у станицы Соленовской, с примыканием к узкому останцу первой надпойменной террасы, сложенной мелкими песками, подстилаемыми трудноразмываемыми старичными породами, с оставлением их в основании земляной плотины.

С повышенным интересом С.Я.Жук следил за ходом геологических изысканий по шлюзованию Нижнего Дона. Он нередко бывал на участках Константиновского, Ольшанского, Аксайского, Ростовского створов. Привлекали его внимание и результаты геологических изысканий под оросительные системы: Доно-Сальскую, Манычскую, Азовскую, Чограйскую, Сарпинскую, под Доно-Сальский туннель и другие. Сергей Яковлевич интересовался не только фактами, но и общими геологическими закономерностями, историей морских трансгрессий, формированием пород лессовой формации, погребенных почв и другим,

С.Я.Жук принимал активное участие в постановке изысканий на Нижнекамском и Куйбышевском гидроузлах. Тщательно взвешивал все соображения геологов об инженерно-геологических преимуществах Камско-Полянских и Челнинских створов, о речных переуглублениях, об истории формирования Волги и Камы, кинельской свиты и акчагыльской трансгрессии. Он облетал на самолете участки створов, выбирая наиболее оптимальные примыкания, места строительных площадок.

Занимала Сергея Яковлевича проблема размещения крупных гидроузлов в районах речных переуглублений на Каме и Волге. Использовал он идею С.Г.Соколова о размещении тяжелых сооружений Куйбышевского гидроузла на правом берегу Волги, на участке развития мощных тинистых пород кинельской свиты.

Сергей Яковлевич благосклонно относился к моим работам по изучению речных переуглублений. В знак своей признательности ему, большому другу геологов, я посвятил первый том моих работ по изучению аллювия великих антропогеновых прарек Русской равнины.

Советская школа инженерной геологии создавалась в значительной мере на материалах гидротехнического строительства СССР, проводившегося с активным участием академика Сергея Яковлевича Жука.

Незабываемые встречи с Г.Ф. Мирчинком[260]

Первая моя встреча с Георгием Федоровичем Мирчинком произошла в 1936 г. в Ленинграде, во ВСЕГЕИ, в кабинете С.А.Яковлева. “Познакомьтесь с северным геологом”, – сказал Сергей Александрович, представляя меня Мирчинку.

[260] Впервые опубликовано: Академик Г.Ф.Мирчинк. Знаток истории Земли. Мн.: Беларуская навука, 1999. С. 47-51.

Георгий Федорович поразил меня своей внешностью и обходительностью. Высокий, стройный, смуглый брюнет, с умными и чуть насмешливыми глазами, с выдающимся вперед лбом, мягкий, благорасположенный, обаятельный.

В те годы я был увлечен четвертичной геологией Севера, Карелии и Кольского полуострова, но геология ледниковых областей центра и запада Русской равнины, в которых преимущественно работал Г.Ф.Мирчинк, меня очень интересовала. В лице Мирчинка я видел зачинателя комплексного изучения четвертичной геологией моей родной Белоруссии, главу сильнейшей московской школы геологов-четвертичников, создателя (вместе с Ф.П.Саваренским) советской школы инженерной геологии.

В 1939 г. меня направили в Соликамский район для участия в инженерно-геологических изысканиях под уникальный Соликамский гидроузел, и я обратился за консультацией к Г.Ф.Мирчинку. Встреча состоялась в Геологическом институте АН СССР, в кабинете Мирчинка. Георгий Федорович встретил меня радушно, рассказал много интересного о сложной геологии Соликамского района, дал ряд ценных советов об изучении четвертичной геологии Прикамья, особенно террас Камы.

Наибольшее впечатление из рассказанного Г.Ф.Мирчинком произвело на меня сообщение о новых данных по геологии района Камской ГЭС, полученных при инженерно-геологических изысканиях геологом В.В.Сахаровым. Оказалось, что в районе Камско-Полянских и Сокольских створов Камской ГЭС были обнаружены две погребенные аллювиальные свиты ископаемых рек, залегающие одна на другой. Первые сведения были весьма отрывочными, но Георгий Федорович уже тогда определил, что более древняя аллювиальная свита относится к неогеновой Палео-Каме, а более молодой аллювий – к ранне- и среднеплейстоценовой Пра-Каме. Последующие изыскания и исследования подтвердили правильность его выводов. Г.Ф.Мирчинк обладал исключительным даром научного предвидения.

Беседа с Г.Ф.Мирчинком об открытии под современной долиной Камы двух погребенных долин Палео- и Пра-Камы запомнилась на всю жизнь и послужила толчком к упорным поискам погребенных аллювиальных свит в долине Камы выше устья Вятки, прежде все в районе Соликамского гидроузла.

Инженерно-геологические изыскания под этот ответственный гидроузел проводились в тесном сотрудничестве производственников и ученых. Научными консультантами были Г.Ф.Мирчинк, Н.С.Шатский, Ф.П.Саваренский, Г.Н.Каменский, П.И.Преоб-

раженский, И.П.Герасимов и др. Особенно активное участие в научных консультациях принимал Г.Ф.Мирчинк. Под его руководством в районе Соликамскского гидроузла работал специальный отряд Института геологических наук с участием А.И.Москвитина, П.Е.Оффмана, А.И.Мушенко и др.

Мне посчастливилось наблюдать за работой Георгия Федоровича. Он любил выезжать в поле с изыскателями полевых экспедиций. Во время маршрутов делали довольно частые остановки для ознакомления с геоморфологией местности, особенно с террасами Камы и её притоков, склонами водоразделов, балками, оврагами. Естественные и искусственные обнажения, шурфы, канавы, штольни, расчистки и другие горные выработки рассматривались и изучались с большей тщательностью с выделением маркирующих горизонтов, пачек и слоев.

Г.Ф.Мирчинк задавал рядовым геологам вопросы, внимательно слушал их ответы и объяснения, вносил поправки и уточнения, обязательно выражая свое мнение. Из высказываний его стало ясно, что весь маршрут был пройден им заранее и основные обнажения им уже изучены и описаны. Такие экскурсии под руководством Г.Ф.Мирчинка давали очень много его ученикам, воспитывали молодых изыскателей, воодушевляли их на целеусремлённую работу. Большое значение придавал Георгий Фёдорович геологической съемке как основе для рационального размещения буровых скважин, проведения инженерно-геологических изысканий и исследований.

С большим вниманием Георгий Федорович знакомился с материалами лабораторных и камеральных работ. Благодаря прекрасному знанию материалов о геологии Соликамского района, подкрепленному личными наблюдениями, Г.Ф.Мирчинк всегда высказывал обоснованные суждения и предложения, которые, как правило, принимали проектанты.

Г.Ф.Мирчинк считал, что инженерно-геологические выводы и заключения должны основываться на всестороннем геологическом изучении территории, ее тектоники, геоморфологии, стратиграфии, генезиса отложений, всей истории геологического развития. Такие же требования Георгий Федорович предъявлял и к изучению Соликамского района, в геологической истории которого он видел отчетливые проявления соляной тектоники, образования молодых “фокусов поднятия”, интенсивного выщелачивания солей в зонах тектонических нарушений (Зуевский сброс и др.) и соляных куполов. Исключительно сложные инженерно-геологические условия Соликамского района привели Г.Ф.Мирчинка к мысли о необходи-

мости размещения створов гидроузла выше по Каме, вне площади распространения каменных и калийных солей, в районе Пентега. Но когда выяснилось, что по энергетическим и народнохозяйственным соображениям такое размещение является нерациональным, Георгий Федорович сделал все возможное, чтобы створ гидроузла был выбран в Соликамском районе. Со всей скурпулёзностью и повышенной требовательностью было проведено сравнение инженерно-геологических условий расположения створа Соликамского гидроузла на Тюлькинском и Боровском участках. Г.Ф.Мирчинк пришёл к смелому выводу, что крупные гидротехнические сооружения могут быть возведены на обоих участках, но предпочтительнее сделать это на Тюлькинском участке. Г.Ф.Мирчинк был не только большим ученым, вдумчивым и осторожным исследователем, но и смелым новатором, который принимал ответственные решения.

Инженерно-геологические исследования под Соликамский гидроузел, в которых Г.Ф.Мирчинк принимал активное участие, принесли ценные результаты для познания геологической истории антропогена Восточно-Европейской равнины. В меридиональной полосе Пра-Камы была обнаружена глубокая солянокарстовая западина, в которой запечатлена почти непрерывная история миоцена, плиоцена, нижнего и среднего плейстоцена, с осадками, охарактеризованными палеокарпологическими и палинологическими анализами (П.А.Никитин, И.М.Покровская и др.). К сожалению, в Соликамском районе были обнаружены аллювиальные отложения только антропогеновой Пра-Камы, достоверные следы неогеновой Палео-Камы не были найдены.

Последний раз я встретился с Г.Ф.Мирчинком в 1941 г. за неделю до начала Великой Отечественной войны. Г.Ф.Мирчинк и Ф.П.Саваренский приезжали на пять дней в г. Боровичи Новгородской области для экспертиз инженерно-геологических изысканий в бассейне р. Мсты. Каскад Мстинских ГЭС предполагалось возводить в довольно сложных инженерно-геологических условиях, предопределенных сильным развитием карбонатного карста и малой мощностью слабоводопроницаемьгх моренных пород валдайского оледенения. Задача изысканий сводилась к определению участков возможного расположения гидроузлов, каналов и водохранилищ с умеренным развитием карста, максимальной мощностью морены и высоким залеганием подземных и грунтовых вод. Такие участки были найдены.

Г.Ф.Мирчинк и Ф.П.Саваренский не ограничились просмотром камеральных и лабораторных материалов. Они посетили районы всех гидроузлов, объехали все трассы каналов, осмотрели участки

водохранилищ, интенсивного карста (Понеретка и др.). Георгий Федорович проявил повышенный интерес к карстообразованиям и четвертичной геологии бассейна Мсты, к стратиграфии антропогеновой толщи, к интерстадиальным отложениям, содержавшим фауну моллюсков. Большой интерес вызвали у экспертов попытка увязать этажи карстования и уровни террас р. Мсты, а также работы по оконтуриванию долины Пра-Мсты.

Переуглубление Пра-Мсты, которое прослеживалось от участка Чернецкого створа до Опеченского Посада, тяготело непосредственно к современной долине Мсты. Но от Опеченского Посада оно отходило от долины Мсты вправо, в сторону Ивановского гидроузла. В переуглублении Пра-Мсты не был обнаружен типичный аллювий с нормальными фациями. В переуглублении нередко залегали суглинистые и супесчаные породы с прослоями и линзами песков, иногда – сплошные пески с обломками известняков карбона. Необычное геологическое строение и своеобразные контуры Пра-Мсты, местами очень спрямленные и узкие, заставили изыскателей и экспертов, особенно Г.Ф.Мирчинка усомниться в ее речном происхождении. Прекращение изыскательских работ в бассейне Мсты лишило учёных возможности выяснить загадочную природу Пра-Мсты.

Г.Ф.Мирчинк и Ф.П.Саваренский, бодрые, жизнерадостные, уехали в Москву. Ничто, казалось, не предвещало приближения тяжелых военных испытаний. Не было предчувствия, что я вижу Георгия Федоровича в последний раз. В памяти навсегда сохранился светлый образ увлеченного исследователя-энтузиаста и пытливого ученого.

Научное наследие Л.Б. Рухина и белорусская геология[261]

29 октября 1982 г. исполнилось бы 70 лет со дня рождения одного из основателей современной литологической науки профессора Льва Борисовича Рухина. С его именем связаны разработка основных теоретических положений учения об осадочных породах, крупные обобщения фактических данных, заложение методических и методологических основ литологических исследований и интерпретация их материалов в интересах народнохозяйственного осво-

[261] Впервые опубликовано: Литология и геохимия кайнозоя Белоруссии. Мн.: Наука и техника, 1983. Соавт. А.С.Махнач, Р.Г.Гарецкий, В.А.Кузнецов, И.И.Урьев, С.Г.Дромашко, Э.А.Левков.

ения недр и развития фундаментальных представлений о составе, строении и геологической истории Земли.

Деятельность Л.Б.Рухина протекала в стенах Ленинградского государственного университета им. А.А.Жданова, где он работал с 1935 г. до трагической гибели в 1959 г. В это особенно плодотворное для развития литологии время появляются обобщающие сводки по петрографии, палеогеографии и фациям В.П.Батурина, Л.В.Пустовалова, М.С.Швецова и Д.В.Наливкина, капитальные труды по характеристике крупных осадочных комплексов Ю.А.Жемчужникова, В.И.Попова и Н.Б.Вассоевича, работы Н.М.Страхова, обобщенные им в 1960–1962 гг. в фундаментальном труде "Основы теории литогенеза". Л.Б.Рухин активно участвовал в обсуждении всех проблем, связанных с осадочными породами, в работе всесоюзных литологических совещаний, многих конференций и семинаров, был автором многих критических заметок. Под его редакцией и при непосредственном участии создано двухтомное "Справочное руководство по петрографии осадочных пород", ставшее настольной книгой нескольких поколений литологов. Л.Б.Рухин – соавтор фундаментальной работы "Методы изучения осадочных пород", им составлено описание многих терминов в Большой Советской Энциклопедии. Научное наследие Л.Б.Рухина исключительно многогранно и очень полно отражает дух того времени (30–50-х годов), которое с полным основанием можно назвать временем становления советской литологической науки.

В 1936 г. Л.Б.Рухин публикует первую работу по литологии кембро-ордовикских терригенных отложений Ленинградской области, в которой проявляется его яркая научная индивидуальность. Впоследствии в серии статей и монографий дается детальная литологическая и палеогеографическая характеристика кембрийских и ордовикских отложений северо-запада Русской плиты. Эти работы являются классическими исследованиями, положившими начало литологическому изучению палеозойских отложений Восточно-Европейской платформы, и для многих исследователей они долгое время являлись эталоном методического подхода в изучении терригенных толщ платформенного типа. Регионально-литологические исследования Л.Б.Рухин продолжил на территории Средней Азии и завершил их опубликованием совместно с Е.В.Рухиной книги "Меловые отложения Ферганской котловины", в которой были раскрыты возможности комплексного анализа стратиграфии, литологии и палеогеографии для понимания процессов осадконакопления и решения практических задач.

Многие годы Л.Б.Рухин посвятил разработке методики генетической интерпретации данных гранулометрического анализа

песчаных отложений. Работа эта была успешно завершена к 1940 г. Ставшая классической генетическая диаграмма Л.Б.Рухина неоднократно успешно применялась белорусскими литологами при детальном изучении песчаных толщ позднего протерозоя, палеозоя и кайнозоя республики. В сочетании с наблюдениями за косой слоистостью, знаками ряби и другими особенностями пород она дала возможность судить о гранулометрической и минералогической дифференциации, о динамике среды осадконакопления, путях миграции вещества, делать обоснованные фациально-палеогеографические реконструкции.

Впоследствии Л.Б.Рухин неоднократно обращался к освещению методических вопросов. Развернутое описание методик исследования осадочных толщ помещено им в монографию “Основы литологии”. Л.Б.Рухин одним из первых в нашей стране применил для обработки аналитических литологических данных методы математической статистики. Разработанный им подход впервые был применен в Белоруссии в 1961 г. при характеристике песков кайнозоя и впоследствии неоднократно использовался в работах белорусских литологов.

Программной работой, определившей пути решения проблемы генезиса красноцветов, явилась вышедшая в 1948 г. статья Л.Б.Рухина “Проблемы происхождения красноцветных толщ”, в которой детально характеризуются особенности состава красноцветов, устанавливаются тектонические и палеогеографические условия их накопления. Решение проблем палеогеографии было стержнем многих его трудов, посвященных песчаным фациям, отложениям девона Русской плиты, меловым отложениям Ферганской котловины и, наконец, капитальной сводки “Основы общей палеогеографии”, высказанные в этой книге, нашли отражение и развитие в многочисленных работах белорусских исследователей, плодотворно развивающих фациально-палеогеографическое направление при изучении осадочных и вулканогенно-осадочных толщ платформенного чехла территорий нашей республики.

Л.Б.Рухина можно по праву отнести к плеяде основоположников формационного анализа в нашей стране. Им в 1953 г. в книге “Основы литологии” дается систематика и впервые развернутая сравнительная характеристика осадочных формаций. И если сегодня далеко не все исследователи (в том числе и белорусские) разделяют некоторые положения по классификации и типизации формаций, высказанные Л.Б.Рухиным 30 лет назад, руководящая идея о формациях как производных определенных тектонических

режимов выдержала испытание временем. В работах белорусских исследователей – литологов и тектонистов – это плодотворное научное направление нашло свое продолжение и развитие. Формационное расчленение толщ платформенного чехла, выделение вертикальных и горизонтальных рядов формаций и структурных комплексов, имеющих определенную пространственную тектоническую локализацию, положено в основу “Тектонической карты Белоруссии и сопредельных территорий”, удостоенной Государственной премии БССР.

Л.Б.Рухин стоял у истоков еще одного научного направления – теории постдиагенетических изменений осадочных толщ. Написанные им в 1955–1956 гг. три статьи об эпигенезе меловых отложений и общих закономерностях эпигенеза привлекли внимание исследователей к важным с теоретических и практических позиций вопросам, превратившимся в наше время в стройную теорию эпигенеза. Белорусскими литологами в последние годы глубоко разрабатываются различные аспекты вторичных преобразований девонских и позднепротерозойских толщ, метаморфизации углистого вещества, другие вопросы учения о постдиагенетических изменениях, ряд программных положений которого был обоснован и систематизирован Л.Б.Рухиным.

Среди многочисленных работ Л.Б.Рухина две занимают особое место – это “Основы литологии” и “Основы общей палеогеографии”. Первый труд является фундаментальным сводом литологических знаний на время его выхода в свет (первое издание относится к 1953г., последующие – к 1961 и 1969 гг.). В нем содержится систематическое изложение основных разделов современной литологии: описание горных пород, методов их исследования, характеристика процессов образования осадочного материала, его литификации и стадий постдиагенетического преобразования, дается систематика осадочных формаций, а в первом издании также материалы о современной геологической эпохе и ее отложениях. До настоящего времени эта работа является настольной книгой для геологов с самым различным уровнем подготовки – от студентов до специалистов-литологов. Она переведена на многие языки мира.

Второе фундаментальное исследование Л.Б.Рухина “Основы общей палеогеографии” до сих пор является наиболее полной сводкой в этой области знаний в нашей стране и одной из лучших работ такого рода в мировой геологической литературе. В ней с присущей Л.Б.Рухину глубиной детально освещены теоретические вопросы о месте и роли палеогеографии среди смежных геологических

дисциплин, методы и приемы палеогеографических исследований. Дана характеристика основных типов древних ландшафтов, их динамики в геологической истории Земли, освещены главнейшие компоненты палеоландшафтов, способы и приемы составления палеогеографических карт. В книге содержится много новых материалов и подходов к интерпретации таких палеогеографических проблем, как движение полюсов, причины и условия оледенений, соотношение геологических и астрономических причин изменения климата, отрицательное влияние неполноты геологической летописи на решение теоретических и практических задач геологии, оценка роли тектонического режима в качестве наиболее общего палеогеографического фактора и др.

Следуя идеям Л.Б.Рухина, литологи Академии наук БССР успешно разрабатывают применительно к палеозойским и позднепротерозойским толщам различные теоретические, методические и прикладные аспекты анализа неполноты геологической летописи, отражающейся в дискретности разреза этих отложений. Особенно результативно это направление исследований для оценки девонских подсолевых и межсолевых отложений Припятского прогиба в интересах нефтепоискового дела. В настоящее время достоверно установлено, что многие залежи нефти в Белоруссии связаны с перерывами в осадконакоплении. Плодотворно используют белорусские геологи заложенные Л.Б.Рухиным методы палеогеографических реконструкций древних бассейнов седиментации и областей сноса, определения расположения древних рек, центров вулканических извержений. Глубокое изучение древних речных долин позволило сформулировать и всесторонне осветить на примере прарек Восточно-Европейской платформы новое научное направление – палеопотамологию, разработать его методологию, определить задачи и место в системе наук о Земле. Представления Л.Б.Рухина об условиях формирования аллювиальных отложений, их фациях, дифференциации вещества, переносимого реками, были положены в основу разработки геохимии аллювиального литогенеза, нашли отражение при установлении и характеристике литогеохимических провинций территории Белоруссии.

В работах белорусских геологов по палеогеографии и фациям красной нитью проходят высказанные и обоснованные Л.Б.Рухиным идеи о ведущей роли тектонического режима в ряду факторов, определяющих особенности той или иной конкретной палеогеографической обстановки. Особенно плодотворным этот подход оказался при установлении районов распространения рифогенных построек, с которыми связано выявление новых нефтепоисковых объектов.

Многие положения из богатого научного наследия Л.Б.Рухина легли в основу существующих научных теорий, претерпев изменения в соответствии с новыми фактами и теоретическими воззрениями нашего времени; многое практически без изменений существует до сегодняшнего дня в системе знаний об осадочных породах Земли.

Академик К.К. Марков – основоположник палеогеографии антропогена СССР[262]

Многогранная научная деятельность академика К.К.Маркова была тесно связана с Ленинградским и Московским государственными университетами, а также с Академией наук СССР. В последние годы К.К.Марков был заведующим кафедрой общей физической географии и палеогеографии МГУ. Многие исследователи считают доктора географических наук К.К.Маркова одним из крупнейших советских *географов.* Соглашаясь с этим, хочу подчеркнуть, что К.К.Марков был вместе с тем выдающимся *палеогеографом,* основоположником палеогеографии антропогена СССР.

Одной из первых своих исследовательских работ, посвященной геохронологическому изучению ленточных глин Северо-Западной области (Марков, Краснов, 1929), К.К.Марков придал палеогеографическое направление – выяснение условий их образования, их природы и времени возникновения, местных особенностей.

В работе "Поздне- и послеледниковая история окрестностей Ленинграда на фоне поздне- и послеледниковой истории Балтики" К.К.Марков (1934) предстает и как глубокий знаток четвертичной геологии, владеющий всеми новейшими методами стратиграфии и микропалеонтологии четвертичного периода, и как блестящий палеогеограф, вскрывающий в деталях все этапы новейшей истории Балтики и ее побережий.

Тридцатые годы отличались бурным становлением микропалеонтологических методов изучения четвертичных пород – палинологического, диатомового, микрофаунистического и др. Во время моих изыскательских работ в Карелии и на Кольском полуострове в 1931–1937 гг. места моих полевых изысканий посещали В.С.Порецкий, В.С.Шешукова-Порецкая, А.П.Жузе, И.М.Покровская, Г.Ф.Земляков, С.А.Яковлев и К.К.Марков. Мне

[262] Впервые опубликовано: Літасфера №2 (19). 2003. С. 147–149. Публикуется без списка литературы.

посчастливилось наблюдать, с каким увлечением работали в поле пионеры отечественной палеонтологии и палеогеографии антропогена.

К.К. Маркова отличали во время тогдашних экскурсий исключительное внимание его к выяснению палеогеографических условий палеонтологических местонахождений. Особенно интересовали К.К.Маркова различия палеогеографических условий в долине Туломы, унаследовавшей древний фиорд, в долине Колы, выработанной в трудно поддающихся ледниковой экзарации и речной эрозии кристаллических породах.

Долина Туломы резко отличается большей мощностью осадков, преобладанием среди них морских отложений с обильной фауной морских моллюсков. Долина Колы выделяется меньшей мощностью накоплений, более широким развитием флювиогляциальных и лимногляциальных пород, отсутствием морских осадков. Долины и Туломы и Колы заканчиваются мощными дельтами, песчаными на Туломе, песчано-галечно-валунными на Коле (“соловарака”). Контрастные по геологическому строению соседние долины Туломы и Колы составляют своеобразную палеогеографическую и палеогеоморфологическую пару, заинтересовавшую К.К.Маркова. Палеопотамологическими аналогами этой пары являются долины Манычей и Дона.

Незабываемое впечатление произвело на К.К.Маркова наше восхождение на террасы Кольской соловараки во время цветения берез, распространявшего изумительный, тончайший аромат на всю окрестность.

С повышенным интересом наблюдал К.К.Марков водоразделы между Колой и Кандалакшей на Кольском полуострове, между Кандалакшей и Повенцом в Карелии. Эти наблюдения укрепили обоснованный вывод Маркова (1933) об отрицании морских позднеледниковых проливов между Балтийским и Белым морями, между Кандалакшским и Кольским заливами.

Несколько десятилетий посвятил К.К.Марков целеустремленному комплексному изучению истории природы в четвертичном периоде по крупным районам СССР и земного шара. Итоги этого беспримерного изучения опубликованы в трех томах под названием “Четвертичный период” и в двух томах в издательстве МГУ в 1965 г. (К.К.Марков, Г.И.Лазуков, В.А.Николаев) и в заключительном третьем томе в издательстве “Недра” в 1967 г. (К.К.Марков и А.А.Величко).

Основные итоги этого выполненного К.К.Марковым и его последователями уникального изучения были доложены им Пре-

зидиуму Академии наук СССР. На заседании, проходившем под председательством президента Академии наук М.В.Келдыша, К.К.Марков продемонстрировал многочисленные палеогеографические чертежи по главным страторайонам СССР. Чрезвычайно содержательный доклад К.К.Маркова вызвал повышенный интерес у присутствующих, было задано много вопросов, состоялось оживленное обсуждение, в котором приняли активное участие академики Н.Н.Семенов, П.Л.Капица и другие. М.В.Келдыш в заключительном слове высказал одобрение обширным исследованиям страторегионов СССР, проводимым под руководством К.К.Маркова.

Глубокие палеогеографические исследования различных страторегионов антропогена СССР, осуществляемые К.К.Марковым и представителями его школы, сводились не к простому комплексному применению широких методов изучения антропогеновых образований, а к органическому сочетанию этих методов, к их *сопряжению.* Сопряженная система изучения антропогенового периода выражалась в одновременном исследовании одних и тех же пород, их горизонтов, формаций, свит, фаций, разновидностей, пачек, слоев и отдельных образцов, выделяемых по совокупности признаков, имеющих маркирующее значение.

Сопряженный метод исследования четвертичных образований стал ведущим в познании палеогеографии антропогена, широко рекомендуемым К.К.Марковым своим ученикам и единомышленникам. Этот метод хорошо сочетался с идеями академика В.Н.Сукачева о выделении биогеоценозов. Эта близость подчеркивалась их посвящением третьего тома "Четвертичного периода" светлой памяти Владимира Николаевича Сукачева.

Близость теоретических построений К.К.Маркова и В.Н.Сукачева ярко проявлялась в научных заседаниях Комиссии по изучению четвертичного периода при АН СССР, председателем которой во время расцвета ее деятельности был В.Н.Сукачев, а руководил научными заседаниями КЧ К.К.Марков.

В исследованиях четвертичного (ледникового, антропогенового) периода особенное значение отводил К.К.Марков изучению ледниковий, как самых ярких феноменов всего природного комплекса. Этим объясняется тот повышенный интерес, который неизменно проявлял Марков к изучению крупных страторегионов, отличающихся наибольшими мощностями и своеобразием ледниковых отложений Прибалтики и Белоруссии.

К.К.Марков был активным участником всесоюзного совещания по изучению четвертичных образований Литвы и Белоруссии в 1955 году. Наибольшее его внимание привлекли древние оледенения,

полнее всего развитые как раз на территории этих страторегионов. Соответственно взглядам К.К.Маркова древнеплейстоценовые морены Литвы и Белоруссии были названы в принятой тогда стратиграфической схеме нижнеберезинской и верхнеберезинской. Следуя принципу преемственности и приоритета в стратиграфической номенклатуре, эти названия необходимо сохранить и в будущей единой стратиграфической схеме антропогеновых отложений Европейской части СССР.

С большим вниманием следил К.К.Марков за геологическими работами в бассейне Камы, особенно в Соликамском районе, где также были обнаружены древние плейстоценовые морены, подстилаемые позднеплиоценовыми породами, содержащими богатые остатки ископаемых семенных флор. К.К.Маркова привлекала возможность широкого палеогеографического сопоставления древних морен Прикамья, Белоруссии, Литвы, Польши и Великобритании.

Как бы разнообразны ни были формации антропогенового периода, К.К.Марков искал в них общие объединяющие признаки, созданные палеогеографическими условиями. Именно это обстоятельство послужило причиной, почему К.К.Марков (1955) дал своему сводному обзору четвертичного периода характерное название "Очерки *по географии* четвертичного периода" (курсив мой. – Г.Г.). Фактически этим названием подчеркивался *палеогеографический аспект* глубоких и обширных исследований К.К.Маркова в области четвертичного (антропогенового) периода.

Показательна в этом отношении самая крупная, трехтомная монография К.К.Маркова с соавторами "Четвертичный период (Ледниковый период – антропогеновый период)" (1965 и 1967) и особенно том III этой монографии "Материки и океаны" (1967).

В нем излагаются убедительные доказательства единства и взаимосвязи различных явлений природы в истории планеты Земля, в их общих и местных изменениях, в палеогеографической обусловленности.

Академик Константин Константинович Марков стремился создать всеобъемлющую теорию палеогеографии антропогена СССР и всего земного шара.

Эпистолярное наследие

М.И. Мушинский

Эпистолярий Г.И.Горецкого как проявление неповторимости его личности – человека, учёного, гражданина[263]

В последние годы значительно возрос читательский интерес к эпистолярному и мемуарному жанру. И это не случайно. На протяжении многих десятилетий “невоздержанные рачители” пренебрежительно обходили личную жизнь, как сферу, не заслуживающую внимания в сравнении с общественной, политической деятельностью, что негативно отражалось и на изучении, и на пропаганде неканонических жанров. Часто они, эти жанровые формы, оказывались на периферии литературного процесса. Слава Богу, ситуация меняется. И сегодня мы начинаем отдавать должное собственно эпистолярному жанру как чрезвычайно ценной, содержательной форме и непосредственно авторам мемуаров и эпистолярия. Эта ценность находится в непосредственной зависимости от духовного, интеллектуального потенциала автора мемуаров или адресата писем, от его гражданской позиции, от способности соотносить творческие, художественные достижения своего народа с опытом всего человечества.

Письма Г.И.Горецкого (1900–1988) наглядно подтверждают справедливость сказанного. Я обратился к теме, вынесенной в название доклада, с чувством огромного долга белорусской интеллигенции перед памятью этого выдающего человека, который так много сделал не только в геологической науке, но и в гуманитарной, в развитии общественной мысли, в деле возрождения национальной

[263] Впервые опубликовано: Матэрыялы XIII Гарэцкіх чытанняў (да 105-годдзя з дня нараджэння Гаўрылы Гарэцкага). Мінск, 16 чэрвеня 2005 г. Мн., 2006. С. 21–34.

культуры, в пропаганде литературного наследия классиков отечественной изящной словесности – Я.Купалы, Я.Коласа, М.Богдановича, М.Горецкого, К.Чорного. Гавриил Иванович – это настоящий белорусский интеллигент, носитель отличительных черт белорусского национального характера. Среди этих черт – благородство, мудрость, вера в высокие гуманистические идеалы, органичное соединение со своим народом, самопожертвование, удивительное трудолюбие, сила духа, внутренняя стойкость, несломленность. Он рано понял, что талант – это дар неба, и нужно приложить все усилия, чтобы не загубить, не растратить на мелочи божий дар. Вот почему сегодня говорить о великой роли Гавриила Ивановича в духовной жизни белоруса, в моральном оздоровлении общества так же необходимо, как и исследовать литературно-художественное наследие классика отечественной литературы Максима Горецкого.

Письма Гавриила Ивановича совсем недавно увидели свет, и поэтому их роль, их значение, воздействие на читателя ещё не могли проявиться во всей полноте. Иначе говоря, эпистолярий Г.И.Горецкого – это литература завтрашнего дня, предмет изучения нового поколения исследователей, ибо те проблемно-тематические аспекты, к которым обращается учёный, остаются и сегодня актуальными. По правде говоря, совсем не просто назвать среди наших современников имя, которое можно было бы поставить рядом с именем Гавриила Ивановича как автора писем, имея в виду их содержание, уровень проблематики, глубину высказанных мыслей, смысловую насыщенность, широту охвата событий общественной и личной жизни. Почти каждое письмо – это как бы законченное, целостное произведение, принадлежащее к эпистолярному жанру. И читая эти послания, ярко видишь: написаны они свободно, просто, сердечно, даже с некоторой долей наивности, но это нисколько не мешает глубине освещения затронутых вопросов. Секрет сильного эмоционального воздействия писем Гавриила Ивановича на читателя – в неординарности его личности, в исключительном таланте, в умении о самых сложных вещах говорить простым, доступным словом, ибо оно, слово, выношено, продумано, взвешено. Когда будет готова “Хрестоматия” или “Антология” произведений эпистолярного жанра в белорусской литературе, – а необходимость в таких изданиях давно назрела, – то одно из первых мест рядом с письмами классиков отечественной литературы займут там и письма Г.И.Горецкого. Коэффициент их читаемости, их читательская востребованность очень высока. Письма информационно насыщены. Буквально на каждой странице мы находим много самых разнообразных сведений, рассуждений, оценок. Например, там, где говорится о годах нахождения в ссылке, читатель получает

выразительное представление о том, как осуждённые работали, как одевались, какой была норма выдачи продуктов питания. А, скажем, письма, написанные во время путешествия по Беларуси или посещения Украины, – это по существу основательные дорожные очерки, в которых отражено наиболее существенное, значительное, наиболее характерное из увиденного собственными глазами: впечатления от внешнего вида городов и деревень, данные об экономическом положении определённого района, о состоянии сельского хозяйства, о культурном уровне населения. Между прочим, некоторые свои письма жене, родным – наиболее развёрнутые, с подробным описанием событий, проишествий – Гавриил Иванович шутливо называл "хроникой", тем самым как бы сближая их со знаменитой "Комаровской хроникой" Максима Горецкого. И в этом сближении эпистолярного жанра с монументальной хроникальной эпопеей есть глубокий внутренний смысл.

Среди писем Гавриила Ивановича приметно выделяются его послания Ларисе Иосифовне – выделяются даже не в количественном отношении, а по накалу чувств, высказанных адресатом. Не будет преувеличением сказать, что поэты-романтики в своём обобщении "прекрасной дамы" даже уступают признаниям белорусского учёного. А между тем, это чувство не литературного героя, а реального, совершенно конкретного человека, который долгое время находился в суровых условиях подневольного труда, был лишён элементарных прав человека и гражданина. Именно жена Лариса, дети, воспоминания о родителях, о брате Максиме оставались прочной моральной опорой, криницей возрождения духовных сил и веры в непобедимость жизни: "Сегодня ты для меня – само солнце, само счастье, вся радость, мечтание, влечение. Ты всегда стоишь перед моими глазами такая солнечная, солнечная, такая светлая, светлая, – такая, какой ты была когда-то на свидании в Орше, какой я Тебя встретил недавно, когда шёл из бани. Ты стоишь светлая, дрожащая, молодая, красивая, влекущая, как цветок с росой перед восходом солнца. Ты вся луч, пламя, das Ewigweibliche. Какое счастье, что Ты у меня есть. С твоим дорогим образом пройду я десятки лет самых суровых испытаний и останусь навсегда свежим, несломленным, достойным тебя… Ты всё для меня – ты моя мама, моя сестра, мой брат"[264].

Не нужно удивляться тому, что Гавриил Иванович затронул в этом письме такое страшное явление, как самоубийство: видимо, за

[264] Здесь и далее ссылки на книгу: *Гарэцкі Гаўрыла*. Выбранае. 2002. Мн.: Беларускі кнігазбор, 2002. С. 3 (страницы в скобках).

время пребывания в ссылке ему доводилось сталкиваться со случаями суицида. Понятно, что это был обусловленный безысходностью способ расставания с земной жизнью. “Сегодня обещаю Тебе, моя Ларута, что в годину самой лютой недоли, когда надо было бы перестать жить, я никогда не покончу жизнь самоубийством, я буду жить для Тебя, для детей, для радости хоть через узенькую щёлочку видеть Вас, знать, что Вы есть на свете, который уже только поэтому счастливый для меня, который не стоит самовольно покидать никогда” (с. 3–4). Вообще письма Г.Горецкого к жене необычны во многих отношениях. Некоторые едва помещаются на пяти страницах машинописного текста. Но главное – их содержание, полнота освещения событий, подробность изложения, выразительность в оценках событий и человеческих поступков.

Написаны письма рукою человека, который владеет бесспорным художественным талантом. Особенно тонко он воспринимает природу: “Вчера и позавчера были грозы. Я очень люблю грозу, это гул перунов, сверкание молний и шум дождя, дружный и успокаивающий”. Но это не просто пейзажные зарисовки. Мышление у автора ассоциативное: “Вчерашние грозы напомнили мне ту историческую для нас грозу, когда мы с Тобой ночью были на веранде вашей дачи. Ты боялась грозы, Ты дрожала” (с. 6).

У читателя может сложиться впечатление, что только в некоторых письмах встречаются описания природы. Нет, поэтическое восприятие окружающего мира нашло яркий отпечаток буквально во всех его посланиях. “Сегодня, уже в конце работы, сел я, уставший, отдохнуть в молоденьком березнячке с отдельными сосёнками. Солнышко сентябрьское светило мне в лицо ласково и тепло. И так тихо сделалось мне, так тихо. Так вчера вечером было, когда я в первый раз за два месяца услышал музыку в хорошей радиопередаче” (с. 12).

Можно привести ещё ряд очень ярких художественных описаний, которые раскрывают богатый внутренний мир Г.Горецкого, его способность воспринимать природу как живое существо, его умение видеть и доносить её неисчерпаемое богатство и разнообразие форм. “Я сейчас только шёл от здания музея по нашей улице-аллее домой. Словно сказка вокруг. Чистенькое, синее, синее, бездонное, студёное небо. Луна полная, таинственная, щедро льёт свет на одетую снегом землю. На деревьях – листва из кристалликов-снежинок. Самая богатая фантазия не смогла бы придумать такого волшебного убора. Липы, берёзы, лиственницы отбрасывают от себя тени. Спрятались под снегом дома, улицы, весь город. Вечер из детских сказок...

Грустно быть одному в такие вечера, тогда так чувствуешь безграничную вечность природы и свою мизерную конечность" (с. 13).

Некоторые фрагменты писем в чём-то даже близки к ранней прозе Максима Ивановича. Вот один из таких отрывков, где Гавриил Иванович передаёт своё настроение от чтения "Комаровской хроники". Уже даже первые фразы отрывка – по своему ритму, общей интонации – вызывают в памяти известный философский цикл "Што яно?": "Я плакал. Слёзы текли, как тогда, в 1922 году, Ганулька моя, сестричка-мученица, цветочек растоптанный. Дух болит, тело млеет, голову стискивает. Непоправимое, безвозвратное, самое дорогое…". Сравните: "Пусто на сердце… и ничего не знаю. И уже делать нечего… Мысли мои, мечты мои, идеалы мои… Кончилась дорога, некуда бежать-хвататься. Куда идти дальше? Ничего и никого нет у меня…" (Гарэцкі М. Зб. тв.: У 4-х тт. Т. 1. Мн., 1984. С. 92). Это – течение сознания героя названного цикла "Што яно?" М.Горецкого… Но продолжим цитату из письма Гавриила Ивановича: "И стали могилки в ряд, Ганулька, мама, Иван, Лёня, Володька… Как устал дух. Сколько могилок близких. Ни примирения, ни оправдания. Будто я – зачинальник этого похоронного хода. Словно тот Каин. О горе, горе! Не трогай нас в молодые годы, дай нам укрепиться, не рань нас болячкой на всю жизнь" (с. 376). Как видим, к сложным морально-этическим, философским вопросам обращался в своих письмах Г.Горецкий – до осознания собственной вины за те безвременные и безвозвратные потери, которые понёс род Горецких.

Есть в письмах Гавриила Ивановича и содержательно-смысловая, интонационно-стилистическая перекличка с более поздним произведением Максима – со "Скарбамі жыцця": "Хвала Тебе, великое движение, вечный ход, изменчивость. Хвала Тебе, благодатная радость, редкий наш гость, хвала вам, великие слёзы и отчаяние, и горе без конца. Вы одинаково дороги, спутники мои, вы – свидетели жизни.

Тяжко мне стало, голова тёмная-тёмная. Хоть бы капельку отдыха, света, радости" (с.376).

В некоторых же посланиях Гавриил Иванович сознательно использует чисто художественный приём. Так, он оживил в своём восприятии образ Максима, который даёт младшему брату наказ: "Ценнейшие полезные ископаемые – это твоя жизнерадостность, твоя работоспособность, твой творческий энтузиазм" – говорит он. Слушаю его, слушаю. И легче мне побитому, обиженному, непрощённому.

Боль утихает, притупляется, но не проходит" (с. 376).

Уверен в том, что Гавриил Иванович напрасно упрекает себя: никакой его вины в смерти сестрички Ганули нет. А готовность взять на себя вину объясняется тем, что родители не хотели отпускать свою единственную дочурку в большой город, а Гавриил и Максим, наоборот, способствовали такому выбору сестры. Стечение обстоятельств, отсутствие у деревенской девушки необходимого опыта нахождения в многолюдной городской толпе, где каждый надеется, прежде всего на собственные силы, а не на помощь ближних – вот что привело к фатальной неизбежности. Тем не менее, чувство моральной ответственности за смерть Ганули Гавриил Иванович пронёс через всю жизнь. И в этом ярко видно его человеческое благородство, способность к глубокому душевному сопереживанию родителям, родным и близким в их безвозвратной утрате.

Подтверждением внутренней близости представителей рода Горецких может служить и такой факт: чтобы дать читателю полную картину того, о чём идёт речь, Гавриил Иванович использует в своём письме фрагмент из письма Галины Максимовны, которая сообщала: "Мама лежит. Соседи ругаются. Под окном прогуливаются собаки на разных поводках и мяукают голодные коты в подвале, просят мяса" (М, 106)[265]. Фактически, перед нами колоритная зарисовка городской повседневности, переданная наблюдательной личностью, какой и была дочка писателя.

Человековедческий талант Гавриила Ивановича наглядно проявился и в письмах, где он рассказывает о своих встречах на дорогах жизни с выдающимися людьми, учёными, деятелями культуры. Тут впечатляет глубина и тонкость анализа внутреннего состояния человека. Вот описание встречи с Я.Коласом в мае 1943 г. с помощью лаконичных штрихов, удачных деталей создаётся внешний портрет песняра (лицо "одутловатое, припухшее, с мешками под глазами"). Гавриил Иванович видит значительные изменения в облике дядьки Коласа по сравнению с довоенным временем: раньше у Коласа взгляд был острый, пронизывающий, а теперь – страшная усталость, движения замедленные. Но главное – внутренние перемены: "Словно человек – не сам себе хозяин. Словно всё время он на людях, без личной жизни, всё время на работе, – действует, а не живёт". Печать тоски, грусти, горя, порождённые непомерной человеческой бедой, отсутствие известий о сыне Юрке, – всё увидено и зафиксировано точно.

[265] В тех случаях, когда мы делаем ссылку на неопубликованные письма, которые находятся в семейном архиве Р.Г.Гарецкого, в скобках обозначена страница машинописи – (М, 106).

Обращают на себя внимание и строки, в которых даётся оценка климатических условий жизни белорусов-беженцев в Ташкенте: "Климат ташкентский очень неблагоприятен для наших людей, там и атмосферное давление другое, и дождей, влажности мало" (М, 361). Ценность высказанной мысли в том, что она принадлежит учёному, специалисту. Отсюда ещё более понятны нарекания Я.Коласа, на состояние здоровья которого и на здоровье Марии Дмитриевны сильно повлияла ташкентская жара.

И в рассуждениях о К.Чорном Гавриил Иванович также показал себя глубоким психологом, аналитиком, который обладает способностью проникнуть в писательский характер, выделить доминантные черты: "Как он изменился, как постарел, какой он больной, опухший. Просто трудно узнать его. Но дух его такой молодой, такой сильный, бодрый, несломленный. Сколько в нём жизнерадостности, мудрости, глубоких раздумий, понимания жизни. И ещё столько творческих планов, столько стремлений. Я слушал его, как зачарованный. Вот действительно великий, просто святой человек. Какой недостижимый его моральный уровень" (с. 362).

Наблюдая за конкретной человеческой личностью, Гавриил Иванович – и в этом также виден писательский подход – стремился не отделять человека от окружения, от близких, родных. Вот и в данном случае он дополняет свои впечатления: "Жена его совсем стала старенькою, седою-седою. А дочурка выросла, расцветает, умница, влюблённая в родину так, как и её отец. Ни у кого не наблюдалось такой духовной близости между отцом и детьми, как у Кузьмы с дочкой" (с. 362). Подобному наблюдению нельзя отказать в глубине и точности.

Читая письма Г.Горецкого, ещё раз убеждаешься, что их автор глубокими корнями связан с народной почвой, что для него характерен народный тип мышления. Например, если упоминаются родственники, то Гавриил Иванович даёт как можно более полный перечень – дедов, бабушек, тёток. При этом – в соответствии с традицией, согласно с народной моралью и этикой – обязательно называет имя, фамилию как свидетельство своего уважения, почтения к старшим, к односельчанам. И тут вновь вспоминается "Комаровская хроника", где подробно отражена история рода Задумов, судьбы отдельных семей.

Гавриил Иванович, как видно из его писем, был одним из наиболее последовательных борцов за белорусскую культуру как глубоко национальную, связанную с народной жизнью. И одновременно был таким же решительным, принципиальным критиком тех, кто не способствовал укреплению национального начала в

культуре, искусстве, литературе. Так в письме от 2 июля 1943 г. он сравнивает вечер белорусской литературы, который проводился в Москве, с вечером в честь Т.Шевченко в Уфе к 100-летию великого Кобзаря. Там, говорит Г.Горецкий, "была учтена каждая мелочь. А тут – всё было в беспорядке", никто ни из русских, ни из украинских писателей не выступил, подбор концертных номеров неудачный. "Только выступления поэтов показали, что живёт и вечно будет жить Янка Купала, белорусское слово и культура, вечно будет жить белорусский народ. А батраки и безалаберность их – исчезнут, умрут" (с. 366).

Есть в эпистолярии Г.Горецкого письма, которые с полным правом можно назвать научными исследованиями в области психологии. Так, обращаясь к проф. Ирине Покровской, Гавриил Иванович приводит свой взгляд на характер мировосприятия, на особенности поведения, внутреннее состояние людей "осеннего периода жизни": "Человек как бы заболевает длительной болезнью, скептическим самоанализом, неверием" (с. 387). Ценность приведенных в письме рассуждений следует видеть в том, что они принадлежат осведомлённому и очень искреннему человеку, который фактически делится собственным жизненным опытом, раскрывает свои чувства. "Но кризис проходит, и человек начинает жить на новой психологической основе, он смиряется со старостью, с её неизбежностью, властностью. Начинается длительное прощание с жизнью.

В умиротворённой душе человека зажигается внутренний новый свет, приводящий у моральных натур к Богу, или совести, а у людей аналитических – к долгу, к порядку" (с. 387).

Необходимо отметить по большому счёту жизнеутверждающий оптимистический пафос раздумий и высказываний Гавриила Ивановича по этому сложному вопросу: "В то время рождается новая любовь: к спутникам жизни, к друзьям, к науке, к искусству, к детям, к несчастным, к природе. Это – лучшая пора в жизни человека, когда расцветает в старости всё самое лучшее в человеке и затухает эгоизм" (с. 387).

Как значительная моральная поддержка будут восприняты эти рассуждения людьми немолодого возраста. Может, и возрастной пессимизм кому-нибудь из уставших от жизни скептиков удастся преодолеть?

Письма близким людям давали Гавриилу Ивановичу возможность высказать свою тоску о далёкой Родине, о матери-Беларуси, к которой неизменно рвалась истомившаяся душа изгнанника. "Мой путь к возвращению я измерял двадцатью годами. А вот уже 23 года прошло – но как бесконечно далека Земля обетованная" – писал

Гавриил Иванович в сентябре 1953 г. из Елабуги. А в обращении к Леониле Устиновне и Галине Максимовне есть такой задумчиво-поэтический фрагмент: “И большие уже берёзы, которые при мне только посажены были – настоящая роща, временные свидетели истории, как и люди. Родная моя, родная Богатьковка, милая моя, родная Отчизна. Где же те наши родные корни? Сколько же их, корней, повыдергано, столько подсечено, сколько посохло, погнило… А где же молодые корешки? Растут они на иной почве, далеко от богатьковских загонов – и будут ли они питаться родными соками своей земли? Для чего всё было? Где же те мечты-миражи? Где та судьба, те Застенки, что слушали когда-то крики радости, заход жизни, четырёх братьев? Разбросано старое гнездо по всему свету. Далеко поразбросаны косточки братьев и сестрички, далеко от материнского очага, от родительских могил.

Для чего всё было? Посеяно ли хоть одно зёрнышко, которое не потеряет жизненной силы? А ведь щедрой рукою те семена посеяны” (с. 389–390). Вот это и есть главный вопрос, который бередил душу учёного-патриота не одно десятилетие! Конечно, Гавриил Иванович верил в будущее родного края (”Нет, нет, – не умрёт наша Родина, цвести будет Беларусь…”), мечтал непосредственно участвовать в возрождении Отечества, но жестокая реальность 30-х, 40-х, 50-х годов не способствовала укреплению этой веры. Как известно весной 1951 г. Г.И.Горецкий обратился к первому секретарю ЦК КПБ Н.С.Патоличеву с просьбой разрешить сыну Радиму, студенту-дипломнику геологоразведочного факультета Московского нефтяного института, пройти дипломную практику в Беларуси, а затем и работать там – в Академии наук или в Управлении геологии. Но ответа на своё письмо адресат не дождался. Понятно, что официальные власти того времени не желали видеть среди белорусской научной интеллигенции ни нацдема Г.И.Горецкого, ни его сына. Реакция учёного на высокомерное молчание официоза была соответствующей: “Больно это чувствовать, что ты там, на Беларуси не нужен. Смиряюсь, молчу, тихо плачу, тихо, тихо… Вот погляжу немного на развилке дорог, посмотрю в сторону родного уголка и побреду в сторону противоположную…” (с. 384).

И даже в 60-е годы вопрос, связанный с возможностью переезда Гавриила Ивановича на постоянное жительство и работу в Беларусь, оставался не простым, оно заключало в себе и психологический момент, что видно из письма от 30 июня 1960 года: “Многое передумалось в дороге, многое вспомнилось. Лучше мне быть подальше от засилья русификации, я бы тут не выдержал, нет. Всё к лучшему.

Горько, горько видеть уничтожение нации, ощущать сам процесс этого уничтожения и невозможность что-либо сделать" (с. 408).

Пессимистическое настроение, которым проникнуты упомянутые строки, складывалось под непосредственным впечатлением от увиденного лично Г.Горецким за время его продолжительной командировки в родные края. Так, с глубочайшей обидой писал он в письме от 12 апреля 1960 г. о полной русификации в населённых пунктах на границе Украины и Беларуси, – о книгах в магазинах, среди которых 95% русскоязычных, об учителях, которые даже в белорусских школах разговаривают на русском языке, об учениках, особенно старших классов, которые не берут читать книжку белорусских авторов. Единственным утешением было то, что родной язык хорошо сохранился "среди простого народа".

По письмам Гавриила Ивановича можно писать историю белорусско-российских культурных связей 40–60-х годов. Но это специфический ракурс творческих связей – выступления белорусских мастеров слова в Москве и восприятие их концертов требовательным непрофессиональным критиком, который решительно защищает национальное лицо, национальный облик литературных, сценических произведений. В подборе стихов, вокальных, музыкальных номеров были ярко видны многие недостатки и упущения в области пропаганды белорусской культуры. В программу юбилейных вечеров, декад часто включались произведения идейно выдержанные, но в художественном отношении далёкие от совершенства. Вот некоторые штрихи из отзывов на декаду 1955 года. Шёл Г.И.Горецкий на литературную часть торжественного вечера с надеждой услышать "родное, чистое, кристальное слово от лучших представителей белорусской культуры" (с. 391). Но его ожидало горькое разочарование. "Поэты выбрали для чтения в большинстве своём старые произведения да и читали их не все по-мастерски". А.Кулешов хорошо прочитал стихотворение "Да аб'яднаных нацый", но, по мнению автора письма, "мог бы выбрать что-то более художественное". Старые стихи читали К.Крапива, К.Киреенко, М.Танк. "То же было и в художественной части… Всё больше старое. Половина – не оригинальное, не белорусское. Исполнение – среднее и ниже среднего. Особенно не понравился мне хор Ширмы… С "Варягом", который неизменно идёт у этого хора, затонет и сам Ширма и его хор. Очень жаль, очень" (с. 394).

Кстати, интересно сравнить впечатления Гавриила Ивановича от декады 1955 года и от вечера в честь 80-летия Я.Купалы и Я.Коласа, который состоялся в 1962 году. Прошло, как видим, немало времени, и должны были бы произойти перемены к лучшему,

так как белорусское искусство, понятно, не стояло на месте. Тем не менее в одном из писем Гавриила Ивановича читаем: “Совсем плохой был концерт, почти лишённый национального. Только Царёв мастерски прочитал стихотворение Коласа про лес, да Остромецкий показал, чего можно достигнуть на цимбалах. А Борисенко (как она постарела!) и Эйзен, и один певец из Беларуси – пели случайные песни, ничего общего не имеющие с Торжественностью, с поэтами, с Беларусью. Так безалаберно, неряшливо, неуважительно была исполнена концертная часть, бездушно, халтурно, бескультурно… Наши поэты обиделись бы на такой концерт” (М, 107).

Даже если допустить, что автор писем чрезмерно субъективен в выражении своих вкусов, склонностей или даже слишком придирчив, его оценки дельные, критерии потребностей чётко очерчены. Из приведённых рассуждений видно, что особой заботы о том, чтобы наиболее полно и ярко представить национально-самобытный образ белорусской художественной культуры, организаторы концертов не проявляли. Доминировала установка растворить национально-самобытное в общесоветском. Понятно, что подобные взгляды и подходы решительно не принимались белорусским учёным-патриотом. Отсюда и обострённая резкость, бескомпромиссность его оценок.

Зато в письмах Гавриила Ивановича к родным, близким много тёплых, задушевных слов в адрес тех литературоведов, критиков, кто имел отношение к наследию Максима Горецкого – к изучению и пропаганде его произведений. Среди указанных имён Агей Гатов, М.В.Горбачёв, Евгений Мозальков, Юлиан Пширков, Алесь Адамович, Дмитрий Бугаёв, автор этих строк. Откуда шло чувство благодарности, понятно: белорусская общественность на долгое время была лишена возможности читать произведения М.Горецкого, они отсутствовали в программе ВУЗов, в школьной программе. И нужно было немедленно нагонять упущенное. Поэтому каждое благожелательное слово о выдающемся мастере оказывалось к месту. Посылая 7 мая 1964 г. письмо Леониле Устиновне и Галине Максимовне, Гавриил Иванович приводит интересные сведения из истории перевода романа “Виленские коммунары” на русский язык (идея перевести роман принадлежит М. Горбачёву, который даже направил официальное заявление в ССП СССР), пересказывает ход обсуждения перевода, где рядом с высокой оценкой произведения имели место попытки принизить его художественные достоинства (переводчик Доров даже предлагал … “переделать конец” романа). “Горбачёв отметил, что “Виленские коммунары” принадлежат к редким произведениям о революции, её первых шагах на окраине Российской империи, художественную правдивость произведения,

почти документальность, судьбу четырёх поколений и приход последнего поколения к Октябрю; необходимость познакомить русского читателя с творчеством одного из родоначальников белорусской прозы" (с. 420).

Заканчивая свой "краткий отчёт", адресат высказал свою радость по причине того, что настало время и о Максиме Горецком люди уже не боятся говорить открыто, с уважением, без оскорбительных оценок, "без унижающих замечаний и ругани" (с. 421).

С нескрываемым удовольствием рассказал Гавриил Иванович и о вечере, который состоялся в Минске 28 февраля 1968 г. в честь Максима. Отмечен фундаментальный, глубокий, хорошо документированный, объективный доклад Д.Бугаёва, содержательное выступление Ю.Гаврука, его оценку человеческих и писательских черт М.Горецкого – скромность, принципиальность, завидное умение работать, влюблённость художника к родному слову, глубокое знание фольклора. А вот небольшая выдержка из письма Гавриила Ивановича к Леониле Устиновне и Галине Максимовне от 23 октября 1973 г.: "Сегодня, в 16 ч. 30 мин. началась лекция Михаила Иосифовича Мушинского в Институте геохимии и геофизики на тему "Жизнь и литературная деятельность Максима Горецкого". Лекция продолжалась больше часа.

Лекцию эту слушали сотрудники нашего Института очень внимательно, были и Лара, и Радим, и я. Лекция была исключительно интересная по содержанию, глубокая, эмоциональная, очень доброжелательная по отношению к Максиму, богатая фактами. Видимо, это – содержание той статьи, которую М.И. готовит к печати.

Мы были очень рады. Лекция эта читалась по линии общества "Знание". А 25/X Радим будет читать лекцию в Институте литературоведения по геологии (в ответ на лекцию Мушинского)" (с. 144–145).

В заключение несколько конкретных предложений. Пришло время всерьёз подумать об издании "Избранной переписки" Гавриила Ивановича с выдающимися деятелями науки, культуры, искусства. Что касается белорусских писателей, то здесь в первую очередь следует привести содержательную переписку Г.Горецкого и Я.Коласа (опубликована соответственно 7 и 8 писем), В.Дубовки (опубликовано 18 писем Г.Горецкого). При сегодняшней заинтересованности научной общественности в исчерпывающей полноте информации традиционная форма подачи только писем к адресату недостаточна. Необходима именно переписка, что поможет полнее и глубже осветить многие вопросы общественной, политической и культурной жизни, затронутая адресатом и отправителем. Вообще,

переписка – это диалог выдающихся людей, это своеобразное сценическое действие, свидетелем которого выступает читатель.

Эпистолярные же послания Гавриила Ивановича к Ларисе Иосифовне (их было очень много, опубликована только часть) целесообразно было бы адресовать молодёжной аудитории, так как письма эти имеют исключительно большое воспитательное значение.

То же самое можно сказать и о переписке Гавриила Ивановича с Леонилой Устиновной и Галиной Максимовной (опубликовано 9 писем), а также с Леонидом Горецким. Гавриил Иванович сохранил 102 письма от Леонида, четвёртая часть их опубликована. Отношения дяди и племянника – чрезвычайно содержательный сюжет, в котором много неподдельного драматизма, внутренней напряжённости. Об этом ярко свидетельствует хотя бы следующий фрагмент из письма Гавриила Ивановича от 7 мая 1944 г. сыну Всеславу: "Лёня очень любил жизнь. Но он как будто предчувствовал неминуемую смерть, он не верил, что мы с ним когда-нибудь увидимся, что встретимся в Богатьковке. Он всё последнее время ждал отправки на фронт, стремился на передовую. Но он имел возможность остаться чертёжником при штабе – и не остался. Частично – по идейным соображениям, частично из-за отрицательных черт характера: горделивость, индивидуализм, несдержанность, неуравновешенность, непокладистость, строптивость… Как-нибудь я расскажу Тебе о фатальных мелких событиях в жизни Лёни, которые привели его к такой скорой гибели" (с.370).

Согласимся, приведённая оценка – это глубокий анализ сложного характера юноши, который волею судьбы был поставлен в непростые жизненные условия: он считал своим долгом переубедить общественность, представителей власти в невиновности отца. Когда же его усилия оказались напрасными, юноша готов был выбрать самый опасный путь – добровольно пойти туда, где люди ежедневно рискуют своей жизнью. И Леонид Горецкий сознательно выбрал этот путь. Выбрал и навечно остался в памяти народа.

Как видим, письма Гавриила Ивановича Горецкого – это волнующий документ эпохи, в котором органично соединились общественное и личное. Тут мы видим искреннюю исповедь выдающегося учёного, неординарного человека о пережитом, увиденном собственными глазами, и его глубокие раздумья о своём народе, о будущем родного края, судьбе национальной культуры, искусства, языка. Нет сомнения в том, что эпистолярий Гавриила Ивановича, особенно если он будет издан в форме переписки, заинтересует широкую читательскую аудиторию, найдёт горячий отклик в обществе.

Из писем П.А. Никитину[266]

От публикатора. В 1939–1940 гг. Гавриил Иванович Горецкий работал на инженерно-геологических изысканиях под проект Соликамской ГЭС. Как всегда, он привлек к своим исследованиям большой круг геологов и палеонтологов, в том числе таких известных ученых, как Г.Ф.Мирчинк, А.И.Москвитин, А.П.Герасимов, А.В.Ярмоленко, И.М.Покровская, В.П.Гричук, В.С.Порецкий и др. Однако сложнейшие геологические условия района, бедность пород остатками ископаемой фауны и флоры и неразработанность стратиграфической схемы сделали, как позднее писал Г.И.Горецкий, "совершенно очевидной... необходимость дополнить применявшийся широкий комплекс методов еще одним, палеокарпологическим методом исследований, ставшим известным после работ П.А.Никитина в начале 20-х годов. На важное значение работ П.А.Никитина указал мне А.Н.Криштофович"[267]. Сугубо деловые отношения, завязавшиеся между Г.И.Горецким и П.А.Никитиным в конце 1939 г., вскоре переросли в дружеские и их переписка продолжалась до самой смерти П.А.Никитина (1950); к сожалению, далеко не все письма Гавриила Ивановича сохранились в архиве. В 1982 г. Г.И.Горецкий опубликовал выдержки из писем П.А.Никитина[268], выдержки, посвященные главным образом чисто научным аспектам переписки; в настоящей подборке, посвященной 100-летию со дня рождения Г.И.Горецкого, основной упор сделан, напротив, на "человеческом факторе" – штрихах к биографии Гавриила Ивановича, его отношению к коллегам по работе и вообще к людям ("человекопоклонничество" – см. письмо от 8 июля 1946 г.), его личным взглядам на будущее стратиграфии вообще ("симфония исследовательских методов" – 1 марта 1948 г.) и палеокарпологии в частности (развернутый план развития которой приведен, например, в письме от 30 марта 1946 г.), его беспредельной любви к родной Беларуси и т.д.

Г.И.Горецкий и П.А.Никитин очень дорожили отношениями, связывавшими их. Об этом, в частности, свидетельствуют сохранив-

---

[266] Впервые опубликовано: Палеокарпологические исследования кайнозоя. Мн.: Наука и техника, 1982. С. 119–141. См. также: Акадэмік Гаўрыла Гарэцкі. Успаміны, артыкулы, дакументы. Да 100-годдзя з дня нараджэння / Пад рэд. Р.Г.Гарэцкага. Мінск: Тэхналогія, 2000. С. 335-351.

[267] *Горецкий Г.И.* Из личного опыта сотрудничества с палеокарпологами // Советская палеокарпология. М.: Наука, 1979. С. 30.

[268] *Никитин П.А.* О палеокарпологических исследованиях // Палеокарпологические исследования кайнозоя. Мн.: Наука и техника. 1982. С. 119-141.

шиеся в архиве черновики немногих писем П.А.Никитина. Приведу начало одного из них, датированного 8 сентября 1944 г.

“Дорогой Гавриил Иванович! Одной из отличительных особенностей Homo sapiens от других организмов является осознанное “стремление к идеалу”, стремление стать лучше, чище, стать прекрасным. Отсюда проистекают и прихорашивание, и сотворение богов, прометеев и других героев, и Песнь о буревестнике, и “Человек – это звучит гордо”, и прочее, и прочее, и прочее. По существу, не только весь Горький, но и вся художественная литература посвящена показу плохого человека и человека, каким он должен быть. В жизни мы присматриваемся к окружающим и не только отвращаемся от плохого и устремляемся к хорошему, но и, чётче увидев плохое; хорошее на примере, переделываем себя – иногда не замечая этого, иногда понимая свои поступки. Нет, “тоска по Человеку” – удел не только женщин и слабых; Горького слабым не назовешь, а этой тоской, поисками и лепкой Человека полна была и его жизнь. Думается, что старание быть идеальным есть одно из проявлений эволюции человека как биологического вида. И можно представить, куда он эволюционирует, каково будет человечество в будущем.

Не один раз встречал я хороших людей на жизненной дороге. Одна из таких встреч – встреча с Вами. Сравнивая себя с Вами, я отмечаю не только свои нехорошие черты, но и отсутствие ряда особенностей настоящего Homo sapiens. В частности, трогательна в Вас действенная заботливость о человеке, и вызывает зависть Ваша работоспособность. Обидно, что ничем, кроме слов, я не могу отдарить Вас...”

После кончины П.А.Никитина Г.И.Горецкий продолжал поддерживать теплые отношения с его вдовой Татьяной Павловной Никитиной (1899–1970) и сыном, тогда студентом Томского университета. Тяжело переживая безвременную смерть отца и практически не имея средств продолжать учебу (мама, инвалид 2-й группы, получала грошовую пенсию), я совсем было собрался бросить университет, однако Гавриил Иванович отговорил меня и предложил провести летний полевой сезон на Дону – отдохнуть и поправиться (и подзаработать денег на продолжение учебы). В результате в течение двух полевых сезонов (1951 и 1952 гг.) я работал в 8-й экспедиции Гидропроекта МВД СССР в качестве коллектора и младшего техника и жил в семье Г.И. в станице Романовской. Это была чудесная семья; я на всю жизнь запомнил и ласковую доброту Ларисы Иосифовны, и неизменную доброжелательность ее родителей – Марии Михайловны и Иосифа Ивановича; посчас-

тливилось мне познакомиться и с Радимом Гавриловичем, тогда просто Радиком, и с Галиной Максимовной Горецкой – горячо любимой племянницей Гавриила Ивановича... И потом, вплоть до окончания университета, я неизменно ощущал дружескую поддержку со стороны Г.И. – и не только моральную: нет-нет, да и приходили в Томск денежные переводы с обратным адресом "Ст. Романовская"...

Готовя к печати настоящую подборку, я долго колебался, надо ли включать в нее все те теплые слова и высокие оценки, которые Г.И. адресовал П.А.Никитину. Решающими стали два обстоятельства. Во-первых, эти слова и оценки характеризуют прежде всего самого Гавриила Ивановича (то самое "человекопоклонничество"), а во-вторых – 100-летие Г.И.Горецкого совпадает со 110-летием со дня рождения (1890) и 50-летием со дня смерти (1950) Петра Алексеевича Никитина. Мне кажется, что человек, которого Гавриил Иванович называл "кудесником, волшебником, провидцем" (письмо от 27 сентября 1948 г.) и светлой памяти которого он посвятил одну из своих монографий (1966), заслуживает быть вспомненным в этом юбилейном году...

Все выделения в тексте, кроме особо оговоренных, принадлежат Г.И.Горецкому. Купюры отмечены многоточием, пропущенные слова и расшифровки сокращений показаны в квадратных скобках.

В.П.Никитин

13.V.42. Село Рудянка. Дорогой Петр Алексеевич! ...После многократных кочеваний я оказался с небольшой группой в 17 геологов в долине Пышмы, на изысканиях под мелкие ГЭС. Обращаюсь к Вам с просьбой произвести палеокарпологические исследования... Я очень рассчитываю, что и для пород из долины Пышмы, возраст которых остается неопределенным, палеокарпологический анализ окажется наиболее эффективным...

20.VIII.42. Чусовое. ...Работы по Пышме закончены, и теперь нам дали новые объекты: реки Чусовая, Косьва, Усьва. Для сдачи отчета ездил в Уфу на 3 недели. ...В Чусовом много интересного по четвертичной геологии, кажется, есть мезозойские и эоплейстоценовые террасы, но я еще недостаточно ознакомился с районом...

11.IX.42. Чусовое. ...Огорчен тем обстоятельством, что образцы оказались немыми. Но я восхищен Вашим великолепным, непревзойденным мастерством в комбинированной аналитической расшифровке генезиса пород. Восхищаюсь и преклоняюсь. Вот блестящий образец научного анализа в области "геогенетики"! Поздравляю Вас и желаю дальнейших успехов в столь же остром,

тонком, внедряющемся в глубочайшее существо предмета, мастерстве. Безусловно, это – новая ступень литолого-генетического анализа, достигнутая Вами благодаря тончайшей наблюдательности, выработавшейся у Вас при палеокарпологических исследованиях. Удовлетворен Вашей работой, как художественным произведением. Выводы Ваши глубоко убедительны. На Чусовой тоже есть достойные Вашего труда вещи: мелкие пески с галькой на террасовидных площадках, лежащих над меженным уровнем на 100–120 м! И возраст этих песков остается загадочным. Я бы давно добрался до них, но вот уже три недели, как я лежу в постели с больной ногой: какие-то незаживающие, гноящиеся ранки...

23.VII.43. Чусовое. ...Только что приехал из длительной командировки (около 3 месяцев) в Уфу и Москву. ...Имею к Вам, дорогой Петр Алексеевич, еще один вопрос (просьбу). ...Представляют ли для Вас интерес четвертичные отложения запада СССР, в частности, Белоруссии, и можно ли было бы рассчитывать на Вашу деятельную помощь (в течение нескольких лет) в их изучении – после войны! Я собираюсь (мечтаю об этом) переехать в Белоруссию (это моя родина) и вплотную заняться изучением четвертичных отложений ее, которое может быть успешным только при условии капитальнейших широких сравнительных палеонтологических исследований: карпологических, пыльцевых, фаунистических, хлорофилловых и пр. Я был бы счастлив вашему активному участию в этом деле. Можно было бы “загрузить” лабораторию Вашу на 50% её мощности, с прикомандированием к Вам 1–2 молодых геологов для обучения и создания в Белоруссии при Академии наук маленькой палеокарпологической лаборатории...

25.ХП.43. Гор. Чусовой, пос. Чунжино. ...Горячо благодарю Вас за самое для меня приятное пожелание на Новый год – работать на Родине.

3.V.44. Чусовой. ...Простите, что вопреки своему неизменному обычаю не ответил сразу на Ваше письмо от 23.II 1.44 г. В нашей семье произошло большое, непоправимое горе: погиб на Ленинградском фронте мой любимый племянник Леня[269], самый близкий мне человек. Я не мог писать никому ничего...

Можно ли прислать Вам список форм Соликамской межледниковой флоры для проставления географических и экологических определений?..

11.VI.1944 г. Чунжино. ...Я очень рад, что Вас заинтересовали образцы неогена из Уфимского района. В Уфу мы командировали

---

[269] Речь идет о сыне Максима Ивановича Горецкого. – *Прим. В.Н.*

уже две недели тому назад геолога для отбора этих образцов, – в Уфе ему помогут еще 3 человека, геологи-четвертичники. Надеюсь, что образцы будут отобраны. Благодарю Вас за согласие просмотреть сводные списки флор N_1, N_2 и Q_1. Я уже начал их составлять, но закончу только через неделю и тогда немедленно вышлю. Мне поручено составить сводку об отложениях N и Q по среднему Уралу в связи с проектированием гидроэлектростанций. Я начал первую часть этой сводки: "Неогеновые и четвертичные отложения средней Камы, между устьем Вишеры и городом Боровском". Буду рад когда-нибудь попросить Вас просмотреть эту работу, составляя которую я отдыхаю...

Глубоко, до слез, тронули меня Ваши стихи. Это – стон отца, потерявшего самое для него дорогое[270]. Леня был для меня лучшим духовным сыном. Ваши стихи говорили мне о нем, таком прекрасном и единственном, неповторимом, фатально погибшем от пули снайпера. ...Леня похоронен в лесу, в братской могиле, на высоком берегу реки, 18 февраля 1944 г. "...Только сырость, застылость, мгла", – уже все объято в этой могиле тлением...

Частицы, из которых были созданы наши дети, войдут в океан материи, примут участие в безграничном и бесконечном круговороте материи, в ее вечной трансформации и обновлении; они не умерли, а только претворились. Но то прекрасное сочетание материальных частиц, которые мы так любили, было только единственным, неповторимым, – и оно умерло, оставшись жить лишь в наших страдающих сердцах, нашей памяти...

Молодые тополи шумят около нашего дома, на берегу Чусовой. Я люблю их немолчный, печальный шепот – он, как музыка реквиема, как прикосновение вечности, гимн смерти, приходящести бытия и бессмертия вечного движения, претворения...

---

[270] Старший лейтенант Петр Петрович Никитин погиб в возрасте 19 лет в августе 1942 года под Ржевом; стихи, о которых идет речь, судя по всему, написаны позднее. Их полный текст сохранился в архиве П.А. Никитина:

Промелькнул и угас над отчизной
Метеора мигнувший след.
Мир лишился одной из жизней,
Потерявших единственный свет.
Где мой маленький? Льстивостью песен
Не обманешь старость ума:
Я ведь знаю, что только плесень,
Только сырость, застылость, мгла…
Неприметная, тленьем обымет,
Крест наклонит. Он упадет
И твое, мой сыночек имя,
Пыльной тряпкой время сотрет. – *Прим. В.Н.*

А, может быть, Ваш сын и жив еще? От всего сердца желаю Вам этого счастья.

22.VII.1944 г. Дер. Тарино, Понышстрой. ...Вследствие частых полевых командировок я так и не успел до сих пор закончить составление списков ископаемой флоры по горизонтам толщи Соликамского межледниковья. Скоро постараюсь это сделать... Бюро № 12 Гидропроекта заканчивает свою работу и ликвидируется. Часть наших геологов... остается на строительстве Понышской ГЭС, часть – на строительстве Широковской ГЭС. Я пока остаюсь в гор. Чусовом, для обслуживания обоих строительств. Позднее осенью, возможно, переeду в Москву, а может быть и в Минск.

23.VII1.44 г. Чусовой. ...Примите, дорогой Петр Алексеевич, мою самую глубокую и сердечную благодарность за Ваш большой труд, за капитальное исследование, выполненное с такой непревзойденной тщательностью, с самой строгой объективностью, даже щепетильностью, и вместе с тем такое оригинальное, возводящее конкретные факты до выяснения их скрытых связей, всеобщности, теоретических закономерностей. Много читал я отчетов об исследовательских работах, ...но такие отчеты, как Ваши, выполненные с такой изумительной научной строгостью, добросовестностью, отделанностью, я встречаю впервые (начиная с Соликамска).... Как больно сознавать, что и Вы принуждены обходиться без самых элементарных условий для большой научной работы. Я верю, что скоро, скоро не будет у Вас недостатка ни в куске мяса, ни в рюмке водки, и все Ваши мечты будут направлены только на огромную исследовательскую работу, охватывающую все основные районы Советского Союза.

Спасибо за привет Ларисе Иосифовне: она ... с исключительной мужественностью и самопожертвованием перенесла все беды тяжелых лет. Сейчас Л.И. с сыном находится у эвакуированных родителей (под г. Ижевском), послезавтра она должна вернуться. И не исключено, что через месяц-два мы осуществим свои затаенные надежды и поедем на милую родину.

...А не переехали ли бы Вы в г. Минск, где при Академии наук можно было бы создать Вам хорошую лабораторию и приличную обстановку для работы. Материал для исследований был бы у Вас очень большой и интересный... Много было бы у Вас учеников, почитателей, педагогическая работа в университете, исследовательская – в Академии наук; возможность была бы и лично объездить наиболее интересные места в поле. Вы заложили бы фундамент для стратиграфии мощных толщ квартера Белоруссии (свыше 350 м!). Но, если по каким-либо соображениям переезд на Запад вам

не нравится, и Вы любите восточные районы, разрешите направить к вам 2–3 учеников.

13. 1X.44 г. Чусовой. ... Скоро я заканчиваю свою работу на Урале. Перееду или в Белоруссию, или под г. Горький, на Волгу, выше Балахны (Чкаловская ГЭС), или в Москву. Определенность пока не очень большая, – но знаю, что скоро придется переезжать.

Я буду Вас горячо просить... не отказаться от производства ряда палеокарпологических анализов для Бюро геологии Гидропроекта НКВД. Я получил назначение на должность заместителя главного геолога (профессора Н.С.Шатского) и мог бы добиться более планомерной посылки Вам образцов на анализ из районов: Горького, Буя, Вытегры, Калуги, Москвы, Карелии, Урала...

Хочу из Москвы проехать на несколько дней к себе в Белоруссию, в родную деревню, повидать умирающего отца (92 года ему).

25.X.44 г. Гор. Чусовой. ...С 18 сентября по 23 октября я был в командировке в Москве... Уезжаем в Чкаловск с женой и сыном 2–3 ноября. Уже запаковали все вещи и книги, ждем теплушку.

25.XI.44 г. Гор. Чкаловск. ...Только что (18 ноября вечером) приехали в Чкаловск, на Волгу. Ехали в теплушке, на пароходе "Красном", застрявшем во льдах и чуть не потонувшем вместе с нами, на автомашине. Пробыли в дороге 14 дней, но зато приехали вместе со всем своим грузом, с книгами, хозяйством. Уже нашли квартиру, на красивой Садовой улочке, на крутом берегу Волги. Здесь нам все очень нравится. Уже начали работать...

Елена Дмитриевна Заклинская в Пыльцевой Лаборатории КЧ Ак. наук является Вашим ревностным почитателем. Она мечтает о том времени, когда Вы будете работать в Москве, в предполагаемом к организации Институте четвертичной геологии и когда она сможет у Вас учиться. Мне было приятно встретить такое искреннее восхищение Вашими исследованиями, силой Вашего метода. К сожалению, квартирные возможности КЧ чрезвычайно ограничены. Но хорошо хоть помечтать, это уже начало дела.

Опечален я чрезвычайно заключением врачебной комиссии: "...истощение нервной системы". Полнейшая апатия... Вы работали свыше сил, не щадили себя, жертвовали собой для других, плохо питались. Когда-то, в 1942 году, я был почти в таком же состоянии. Но я вовремя спохватился, послушался Вашего мудрого совета побольше есть, сделал все возможное для улучшения питания и... воспрянул. Если бы Вы действительно отдохнули по-настоящему хотя бы с месяц, хорошо бы питались, – Вы снова стали бы неутомимым, бодрым, свежим, ярким. От души желаю Вам этого. Общее улучшение бытовых условий так близко... Сохранение Ваших сил

так важно для науки, для будущего расцвета палеокарпологии, для всех тех, кто имел счастье увидеть в Вас такое прекрасное сочетание красивых черт большого человека и ученого...

А о Белоруссии, земле моей любимой, я все еще мечтаю как о чем-то великом, окрыляющем.

16.VII.45 г. Чкаловск. ...Не называйте меня "доктором геол. наук": ВАК не утвердил ходатайство Ученого Совета ИГН АН СССР о присвоении мне этого звания, т. к. работа моя представлялась как кандидатская диссертация. Буду представлять в качестве диссертационной работы на степень доктора работу "Неогеновые и четвертичные отложения средней Камы, между устьем Вишеры и городом Боровском". Работа эта на 3/4 закончена и сейчас печатается на машинке. В ней очень много ссылок на Ваши исследования, на данные пыльцевого и диатомового анализа. Текстовую часть с пыльцевиками и диатомистами я согласовал. Мне очень хотелось бы согласовать текст, в части использования Ваших исследований, с Вами. Я приеду к Вам в конце осени, если до того у Вас не будет возможности и необходимости приехать в Москву (я тогда выехал бы для встречи с Вами в Москву). А пока что, пользуясь Вашим давнишним согласием, я посылаю Вам сводные списки ископаемой семенной флоры плиоценовых в Соликамских межледниковых отложений, которые я хотел приложить к своей работе. Очень прошу Вас просмотреть их: а) правильно ли они структурированы; б) точны ли начертания названий; в) если возможно, проставьте определения географии. Буду Вам чрезвычайно признателен. Если нам не удастся встретиться, разрешите прислать Вам 1 экземпляр текста для просмотра и замечаний. Мне хочется, чтобы я правильно использовал результаты Ваших исследований, чтобы я везде правильно Вас цитировал, чтобы нигде не допустил "заимствования" результатов Ваших прекрасных работ (скрытого или открытого) без указания на Ваше авторство.

29.VII.45 г. ... Я упорно сижу над окончанием соликамской монографии. Кончаю раздел о молодых движениях в неогене и нижнем квартере. ...У меня погиб еще один, третий, племянник...

21.1.1946 г. Чкаловск на Волге... Да здравствует жизнь, творчество, радость, стремление, искания, совершенствование! Будем воспринимать всё тяжелое, черное, горькое, безвыходное, угнетающее, принижающее – лишь как переходные стадии, как пролог к Прекрасному, Светлому, Вечному в приходящести. Да будет же благословенным к Вам всё в 1946 году!

Посылаю Вам телеграмму о согласии работать в Минске... Очень рад, что Академия наук прислала Вам приглашение. С Вашим

переездом на мою милую Родину я с полным основанием связываю надежду на начало новой эпохи в изучении четвертичной геологии не только Белоруссии (в этом я совершенно уверен), но и больших соседних регионов: четвертичная история Западной и Восточной Европы будет, наконец, увязана, и как раз в том месте, которое С.Бубнов назвал узлом квартера Европы.

...В Москве, еще осенью 1945 года, я слышал у В.И.Громова разговор о приглашении Вас на работу в Институт четвертичной геологии АН СССР. Но тогда же трезвые люди высказали опасение, что отсутствие у проектируемого к открытию института ЧГ жилого фонда послужит препятствием к Вашему приглашению. Так оно и случилось. Отсутствие помещения помешало открытию и самого Института.

...В конце февраля – начале марта буду в Москве, пробуду там недели три. Приехать сейчас в Новосибирск, в связи с составлением отчетов к схематическому проекту и проектному заданию, я не смогу. Мне очень хочется побывать у Вас, в Вашей лаборатории, познакомиться с Татьяной Павловной. Но раз это пока невозможно, постараюсь встретиться с Вами в Москве в июле – сентябре 1946 года.

Диссертация моя перепечатана и оформлена в 2 экз., сданных в ИГН АН. Два экземпляра текста имеются в Гидропроекте, но без приложений. После защиты постараюсь 1 экз. (полный, с приложениями) переслать Вам. Мне очень интересно услышать Ваше мнение о правильности использования Ваших исследований и о сочетании их с другими методами изучения (пыльцевым, палеодендрологическим, минералогическим и др.).

Какая славная у Вас вышла поездка с сыном по Иртышу – и я Вам завидую[271]. Желаю новых открытий.

Лариса Иосифовна получила Вашу поздравительную открытку. Как в ней много хороших пожеланий, таких верных, самых дорогих (“чтобы прекратилось ожидание новых ударов...”). А о возвращении на Родину я теперь только мечтаю, как о чем-то совершенно невозможном, далеком. Что желать? Будем мечтать и любить еще больше.

7.II.1946 г. Чкаловск на Волге.... Буду просить К.К.Маркова (он теперь – декан почвенно-геологического факультета МГУ) подобрать талантливого юношу из кончающих университет, который бы вдохновенно захотел бы у Вас учиться, который полюбил бы палеокарпологию как основное в жизни...

[271] В июле – августе 1945 года П.А.Никитин проводил полевые работы в Прииртышье. В качестве коллектора в лодочном маршруте от г. Омска до с. Екатерининского (на веслах) принимал участие и я. – *Прим. В.Н.*

...Я буду искренне рад и счастлив, если в Белорусской АН Вам создадут надлежащую обстановку для работы. Моя Родина стала бы одной из самых изученных республик Союза – в области четвертичной истории[272]. Сколько новых страниц было бы написано в этой истории Вашей чудесной рукой. Сколько ученых обращалось бы потом к Вашим исследованиям, как к первоисточнику для Западной и Восточной Европы.

8.III. 1946 г. ... Восхищаюсь Вашими исследованиями... Если бы организовать под Вашим научным руководством Всесоюзный научно-исследовательский институт палеокарпологии при АН СССР – сколько... интереснейших страниц истории флоры было бы написано совершенно вновь!..

...С 10 февраля был опасно болен мой сын Радим, 18 лет, было заражение крови и церебрально-спинальный менингит. На 20-й день болезни сын был на волосок от смерти. Но последние дни стало немного лучше. Как мы тревожились, горевали. И как легко стало при первом проблеске надежды.

30.III.1946 г. Чкаловск на Волге. ...Ваш переезд в Белорусскую академию наук мог бы составить эпоху в изучении четвертичной геологии Белоруссии и всего Запада СССР, а также в развитии палеокарпологии. Можно было бы создать уникальную мировую коллекцию современных и погребенных семян, издать атласы этих семян, построить историко-ботанические карты, чудесные геоботанические карты и т.д. Ваши достижения можно было бы сделать не только доступными для узкого круга специалистов, но и для более широких кругов советских и иностранных ученых. Палеокарпология упрочила бы свое место среди прочих научных дисциплин, скоро появилось бы большое число Ваших продолжателей и учеников, массовый сравнительный материал быстрее накопился бы с территории нашего великого Союза и всего мира. А как выросла бы четвертичная геология, особенно геология нижнего квартера! Все это не так трудно было бы осуществить. Но Ваше письмо об отсутствии у Вас "чинов"[273] сделало, по-видимому, настороженными некоторых чиновников от науки. И такая редкая возможность обогатить Белорусскую АН, укрепить ее авторитет, помочь развитию палеокарпологии, – пока что упущена. Надо думать, упущена временно. Я почти уверен, что все так хорошо и будет, как предполагается.

---

[272] Мечта Г.И.Горецкого о создании палеокарпологической группы при Белорусской АН осуществилась только спустя 26 лет, в 1972 году, с приездом в Минск Ф.Ю.Величкевича. – *Прим. ред. Р.Г.Гарецкого книги "Акадэмік Гаўрыла Гарэцкі. Успаміны, артыкулы, дакументы. Да 100-годдя з дня нараджэння".*

[273] П.А.Никитин не имел ученой степени доктора наук. – *Прим. В.Н.*

...Жизнь иногда идет зигзагами. Надо уметь ждать и стремиться к единой цели. Все будет хорошо, – мы еще увидим и Ваш триумф, и величие Белорусской академии наук, и блестящее будущее палеокарпологии, и необычайную глубину и тонкость четвертичных исследований, основанных на палеокарпологии и палеогеографии. Пишу это не из лести. На примере Ваших исследований я убедился, какой силой обладает палеокарпологический метод, как могуч он бывает часто там, где другие методы почти бессильны.

С большим интересом читал о причинах, почему так мало палеокарпологов[274]. Согласен с Вами. Думаю, что увеличение спроса сильно двинуло бы дело вперед. Но еще важнее – показать ярко и убедительно необычайную эффективность палеокарпологических методов... Напишите, дорогой Петр Алексеевич, крупную работу по палеокарпологии ("Низовое Поволжье" и другие Ваши работы – только части будущей монографии), конституирующую ее как научную дисциплину в условиях СССР, в наших необъятных пространствах и необыкновенном разнообразии условий. Это и будет поворотным моментом в расцвете советской палеокарпологии.

Ваша коллекция – прекрасный инструмент. Можно ли было бы увековечить и размножить путем издания цветного подробного атласа, с необходимыми описаниями, разрезами и т.д.? Или определение семян можно вести только путем сличения с "живыми" эталонами, не по атласу? Атласы все же могли бы сыграть положительную роль.

...Радим выздоровел, но еще не вполне окреп. Мы так счастливы спасением мальчика. Положение его было совершенно критическим. Он уже начал учиться – старается нагнать потерянное за 40 дней.

Вопрос о строительстве Горьковской ГЭС решен положительно. Началась у нас горячая работа на изысканиях, а будет еще большая напряженность.

25.V.1946 г. Чкаловск на Волге. ... Видел в Москве М.М.Цапенко из Белорусской АН, – они снова будут просить Вас дать согласие на переход к ним (все Ваши условия они примут). Как был бы я счастлив, если бы Вы переехали в Белоруссию, – вот где обнаружен был бы богатейший материал, ключевой для Западной и Восточной Европы!.. 13 мая, в понедельник, в Ученом совете ИГН АН защищал я свою работу; "за" было 34, "против" – 0.

31.V.1946 г. Чкаловск на Волге. … Через неделю я снова поеду в Москву до конца июня... М.М.Цапенко обещала поискать среди

[274] Это ответ на письмо П.А.Никитина от 23.III.1946 г. См.: *Никитин П.А.* О палеокарпологических исследованиях // Палеокарпологические исследования в кайнозое. С. 125. – *Прим. В.Н.*

студентов Белорусского университета талантливых юношей для посылки к Вам учиться. Я писал о том же Дементьеву (декан геофака), но он что-то ничего не ответил.

30.VI.1946 г. Чкаловск на Волге. …Московские геологи и палеоботаники поставили мне в упрек мое “увлечение палеоботаническими методами, в частности, палеокартпологическим”. В том мнении сходятся В.Н.Сукачев, В.П.Гричук, Е.Д.Заклинская, Е.Н.Щукина, В.И.Громов, А.И.Москвитин, В.В.Ломакин и др. Так, в письме от 29.V.46 г. В.В.Ломакин пишет мне следующее: “Вл. Ник. [Сукачев] скептически относится к возможности определения некоторых растительных остатков и пыльцы... Так, *Betula rotundifolia* не может быть отличима от *Betula nana* не только по пыльце и семенам, но даже по целым гербарным экземплярам. Необходимо большое количество экземпляров, растущих в одной местности. Американский вид березы *Betula pumila* нельзя по пыльце или семенам отличить от *Betula humilis* (Сукачев – специалист по березам). *Potentilla nivea* не может служить не только руководящим видом, но и вообще на нее нельзя опираться в выводах, т.к. все потентилли (а их около 20 видов) не различаются по пыльце. Определение по пыльце (а может быть, и по семенам) вида потентилль – это, по мнению Сукачева, дело невозможное. Он советует Вам поменьше доверяться ботанике и делать выводы на основании своих геологических данных. <u>Палеоботанические данные следует рассматривать, как имеющие второстепенное значение</u>” (подчеркнуто мною. – Г.Г.) “*Potaraogeton asiaticus* является видом еще не изученным, и его определение в геологических отложениях... невозможно”.

На это письмо я уже ответил. Я написал: “При комплексном методе изучения четвертичных отложений, особенно континентальных, палеоботанические исследования приобретают исключительную ценность (но в обязательном сочетании с другими методами). Палеоботанике принадлежит в нашей науке грандиозное будущее, еще большее, чем палеозоологии и палеоантропологии. Но развитие ее должно идти в тесной взаимосвязи с другими геологическими и пр. методами”. ...“Мне кажется, что при комплексном сочетании палеоботанических методов с другими роль палеоботаники выше, чем представляется Владимиру Николаевичу. Будем накоплять новые обширные материалы, чтобы решить этот вопрос совершенно объективно. Быть может, и *Potentilla nivea*, и *Potamogeton asiaticus* не покажутся в дальнейшем не имеющими руководящего значения”.

Не впервые встречаю я подобное скептическое отношение геологов к палеоботаническим данным. После того как выяснился факт многократного переотложения пыльцы, особенно в аллювиальных

осадках, к пыльцевому методу начали относиться с чрезвычайным недоверием. Приходится только удивляться подобного рода отношениям, особенно со стороны самих палеоботаников.

Палеоботанические методы, введенные в четвертичную геологию с таким блеском и изяществом скандинавскими учеными, получили сначала применение на северо-западе европейской части СССР. Бессмертной заслугой Доктуровского явилось применение пыльцевого метода к изучению межледниковых осадков. Но дальнейшему продвижению пыльцевого метода на обширные пространства Русской и Сибирской равнин помешало отсутствие эталонов типа скандинавского. И вот вместо упорной работы над созданием таких эталонов начинается переоценка самого метода...

Появился новый, палеокарпологический метод, который, в отличие от пыльцевого, дает прекрасные результаты не только для Северо-Запада, но и для всех остальных районов и областей СССР. Вместо того чтобы расширять и углублять этот метод, скептики занимают позу предсказателей и пессимистов. Тем хуже для них, но, к сожалению, хуже... и для дела. Надо искать, надо углублять и осложнять методику, нужно охватить исследованиями разновозрастные осадки и разнообразные области СССР, нужно геологам (насколько это в их силах) помочь творцам, новых палеоботанических методов. В комплексном сочетании различных методов исследований – хорошее средство для уточнения этих методов, для нахождения границ применения их, для проверки получающихся результатов.

Все это я пишу, дорогой Петр Алексеевич, чтобы ориентировать Вас в реальной обстановке. Нужно написать Вам капитальную монографию об основах палеокарпологического метода и применении его в СССР, нужно создавать Вашу школу, укреплять ее, пропагандировать. А лично Вам нужно быть здоровым телом, светлым духом, всегда бодрым, прокладывающим новые пути, неизменно идущим вперед, несмотря на непонимание и скептицизм...

Хочу уточнить: В.П.Гричук, Е.Д.Заклинская, В.И.Громов, К.К.Марков являются большими поклонниками Вашего таланта, но делают некоторые критические замечания. Не примите поэтому, дорогой Петр Алексеевич, все написанное об их мнении за обиду. Мне хотелось, чтобы Вы знали о характере этих замечаний, учли бы их. ...Завтра выеду в Москву до конца месяца.

8.VII.1946 г. Чкаловск на Волге. ...Только что приехал я из Москвы...

С огромным удовольствием прочел Ваш ответ скептикам[275].

---

[275] *Никитин П.А.* О палеокарпологических исслнедованиях // Палеокарпологические исследования. С. 127-131. – *Прим. В.Н.*

Доводы Ваши так убедительны, что не представляю, как могли бы противники с ними не согласиться. Жалею только, что сомнения В.Н.[Сукачева] переданы через третьи руки – может быть, тут и проскользнули неточности. Я старался доподлинно цитировать письмо.

Очень интересны Ваши сопоставления признаков *Betula nana* и *B. rotundifolia*, Ваши заключения о лапчатках. Различение по семянкам некоторых видов лапчаток есть результат Вашего упорного труда и исследований. Это – великолепное достижение Ваше и поднимает так высоко палеокарпологию, ибо дает уверенность в определении некоторых видов, а не родов только, как у пыльцевиков. В возможности давать определения до вида заключается у палеокарпологов основное преимущество перед пыльцевиками. Это осознается многими.

Второе бесспорное преимущество развитого Вами метода – в комплексном генетическом рассмотрении ископаемых остатков на фоне среды в связи с климатом, с осадконакоплением, со всей природной обстановкой в самом сложном сочетании ее составных частей и факторов. Этот плодотворный метод должен быть распространен на все палеонтологические дисциплины.

Понравилась мне чрезвычайно Ваша защита *Potamogeton cf. asiaticus* как руководящего ископаемого. Ваши данные очень убедительны и в сопоставлении с геологическими материалами позволяют считать *Potamogeton cf. asiaticus* характерным для самых низов нижнего антропогена.

Весьма обрадован я, дорогой Петр Алексеевич, что Вы взялись за тему, которой до сих пор почему-то мало внимания уделяли палеоботаники (см., напр., сводки В.Н.Сукачева, 1935 и др.): общность в историческом развитии растительного и животного мира. Установление основных комплексов фауны млекопитающих по крупным разделам антропогена, нахождение преемственности в развитии этих комплексов – составляет огромную заслугу В.И.Громова, независимо от неверности его взглядов на число оледенений. Подобной работы в палеоботанике еще не создано. Сводка В.Н.Сукачева во многом уступает работе В.И.Громова именно отсутствием всепроникающей идеи преемственности и последовательности в развитии. Если бы Вам удалось заполнить зияющие пробелы, Вы сделали бы крупную работу, недостаток которой чрезвычайно пагубно отражается на развитии геологии антропогена (квартера). Это было бы самое выдающееся обобщение. Были бы посрамлены моногляциалисты (будут, уверен), но не зоопалеонтологи типа В.И.Громова, – во взглядах Ваших ведь много общего. Исследования Ваши и

В.И. кажутся мне теми китами, на которых будет зиждиться учение об антропогене.

...Предполагается, что скоро наша организация, Гидропроект МВД, начнет изыскания по Волго-Дону. Несмотря на большую длительность предшествовавших изысканий (1885–1940 гг.) и на участие в них крупных наших ученых (Архангельский, Милановский, Каменский, Шатский, Мазарович и др.), вопросы стратиграфии палеогена, неогена и антропогена того обширного района разработаны весьма недостаточно. Причиной тому было малое внимание к микростратиграфическим и палеонтологическим методам. Ни пыльцевые, ни диатомовые, ни микрофаунистические, ни минералогический, ни тем более палеокарпологический методы практически не применялись. Мне казалось необходимым применить теперь, на предстоящем новом этапе волго-донских изысканий, весь комплекс микростратиграфических методов в их гармоничном сочетании и с дополнением их такими методами, как литологический, геоморфологический, палеопотамологический, палеогеографический и др. В этом случае открывались бы возможности для получения опорных разрезов на юго-востоке, как для морских..., так и для континентальных отложений, для увязки третичной и четвертичной истории Прикаспийской и Причерноморской области, для решения некоторых общих вопросов антропогена. Перспективы так заманчивы, что невольно увлекаешься ими. Так вот я и думаю, что Волго-Дон дал бы для палеокарпологии столько же, сколько Соликамск и Чкаловск вместе взятые, а палеокарпология дала бы Волго-Дону больше, чем все прочие ее сестры по науке.

...От души благодарю Вас за теплое поздравление [с защитой докторской диссертации], оно было для меня так дорого. Этим внешним успехом я обязан прежде всего Вам – я так многому у Вас научился, так часто Вы направляли геологические поиски по правильному пути...

Что-то ничего мне не пишут из Белоруссии. Будучи в Москве, написал статью: “Цікавасць Максіма Горкага да беларускага фальклору”, – послал ее в Минск[276]. В процессе работы познакомился с архивом М.Горького, его письмами, личной библиотекой. Какое благородное сердце было у М.Горького, какая всеобъемлющая душа, какое неукротимое человекопоклонничество и жаркая любовь к жизни. Вот настоящий русский – с лучшими чертами национального гения. Я проникся глубокой симпатией к А.М., так жалею, что не знал его ближе.

[276] *Гарэцкі Г.І.* Горкі і беларускі фальклор // Полымя. 1966. № 6. С. 145-155. – *Прим. ред.*

Не от Горького ли у Вас такие взгляды, мысли, такая вера в человеческое знание? Как хорошо...[277]

11.VII.1946 г. ...Как хорошо было бы, чтобы А.Н.Криштофович поместил бы в 4-е издание “Палеоботаники” главу о палеокарпологии (написанную Вами)...

20.X. 1946 г. ...Только на днях возвратился из длительной командировки. Переехал в Городец..., устроился; снова начинается нормальная работа на одном месте. Проработаем здесь до 1.VII.47 г. Уже ведем изыскания под проектное задание, может быть, и под технический проект вести будем. Вот тогда уже многое ясно станет...

12.XI.1946 г. Городец. …Из письма Вашего от 24 октября... узнал о Вашей болезни. Это известие меня очень опечалило, напомнив лишний раз о бренности нашего существования... От души желаю Вам скорейшего выздоровления... Какие большие работы еще нужно предпринять, чтобы разобраться в палеогеографии среднего и нижнего квартера великих просторов европейской части СССР. Какая великая роль принадлежит в этом деле палеонтологии, особенно палеокарпологии. Выздоравливайте же скорее, дорогой Петр Алексеевич!

8.XII.1946 г. Городец. ...Если мы начнем изыскания по Волго-Дону, где стратиграфия *Q* и *Tr* довольно сложна и палеонтологически обоснована мало, то потребность в палеокарпологических исследованиях резко возрастает (если только по-прежнему согласитесь Вы их производить – Вы ведь единственный). Да и по Волге еще будут заслуживающие внимания образцы. Самое главное – это Ваше выздоровление. Вы поступили правильно, отказавшись от чревосечения. Это – такой большой риск. Отец Ларисы Иосифовны болеет уже с месяц. Врачи предложили немедленно делать двойную операцию. Мы отказались. И вот, без всяких операций, старик наш стал поправляться.

Как горько мне было читать, что и Вы должны попадать в Санаторий для подкармливания... Ради человечества, ради науки, ради преклоняющихся перед Вашим талантом, ради семьи, друзей, ради жизни – скорее в Санаторий!

Поправляйтесь, дорогой Петр Алексеевич, для подготовки к свершению основной задачи жизненной – для передачи колоссального опыта Вашему Будущему: Вам нужно безотлагательно писать крупную монографию, которая Вас прославит, расчистит перед Вами путь к светлому, свободному от забот и терзаний, служению науке.

---

[277] П.А.Никитин лично был знаком с М.Горьким и переписывался с ним. – *Прим. В.Н.*

17.III.47 г. ...Наши полевые исследования на Волге кончаются в средине лета, и наш коллектив переезжает на Дон. В условиях Нижнего Дона эффективность биолитогенетического метода была бы не меньшей, чем в других местах. ...Можно ли рассчитывать на Вашу помощь?...Как Ваше здоровье? Как хорошо, что Вы хоть немного отдохнули. Не окунайтесь в работу сразу, больше отдыхайте, дорогой Петр Алексеевич!..

25.VII.1947 г. Станция Романовская. ...Давно от Вас нет вестей. ...Я переехал с семьей на Дон. Уже начались здесь наши работы. ...Как Ваше здоровье? Буду очень рад вновь увидеть письмо, написанное Вашим четким мужественным почерком. В районе наших изысканий интересны M-R отложения Пра-Дона с обильной ракушей, костями млекопитающих, древесиной. ...Какие виды Ваши на ближайшие 1–2 года?..

1.X. 1947 г. Станция Романовская. ...Вернувшись из командировки, получил Вашу телеграмму и письмо. Очень, очень обрадовался восстановлению связи с Вами. ...Применяя комплексный метод изучения к отложениям антропогена Нижнего Дона (фауна млекопитающих, фауна беспозвоночных, споры и пыльца, диатомовые и др.), я по-прежнему ожидаю от палеокарпологического метода, от Вас, дорогой Петр Алексеевич, наиболее определенных, точных и ярких результатов. ...Опечалили меня Ваши слова об утомленности, о необходимости много думать о деньгах. Мне понятно и то, и другое... Южное солнце, воздух степей, арбузы и фрукты обновили меня. А все печальное, и материальные недостатки, и крушение иллюзий, и уход из жизни друзей – я стараюсь утопить в работе, в движении, в поисках утешения у природы, в старании хоть немножко понять некоторые ее проявления...

30.X.1947 г. ...В соревнование по определению возраста Маринской террасы вступят четыре метода: 1) изучение фауны моллюсков (Г.И.Попов); 2) изучение фауны млекопитающих (В.И.Громов); 3) исследование спор и пыльцы (А.И.Животовская); 4) изучение ископаемой семенной флоры. Чисто геологические методы, как фациальный анализ осадков, соотношение террас, структурный анализ (молодая тектоника) и др., помогут гармонически сочетать выводы первых четырех методов и приблизиться к правильному решению. Очень интересно, какова будет эффективность палеокарпологического метода в условиях Манычско-Сальско-Донских степей.

...Руководство Гидропроекта твердо решило обучать одного из своих геологов палеокарпологическому анализу. Мне официально поручено просить у Вас согласия на производственное обучение

нашего специалиста у Вас, что я охотно обещал сделать. Кандидат наш, мне кажется, Вам понравится. Это – Мария Георгиевна Кипиани. Она окончила Ленинградский университет по геологическому факультету. Закончила аспирантуру, но не защищала кандидатскую диссертацию (но право на защиту сохранила). М.Г. с хорошей стороны знают Л.С.Берг и Г.Ф.Мирчинк. М.Г. около 8 лет работает в качестве геолога-четвертичника, главным образом по геологической съемке. Нравственные качества М.Г. – самые высокие. Она чрезмерно скромна, трудолюбива, восторженна, преклоняется перед наукой, любит исследование без корысти, высоко чтит Вас. Мне представляется, что М.Г. будет Вашей достойной ученицей. Я буду очень рад, если Вы согласитесь на ее обучение, если она Вам понравится, если труд Ваш по обучению будет оправдан успехом М.Г.

...Под осень не проявил я должной осторожности, сильно простудился, заболел прострелом, гриппом, ангиной. Вот и сейчас всё ещё не вполне здоров. Так незаметно подбирается осень жизни...

В средине ноября собираюсь в командировку в Москву на 20 дней.

1 февраля 1948 года. ...Ваше письмо от 1 января обрадовало меня чрезвычайно. Такое оно хорошее, задушевное, ласковое. Я Вам так благодарен. Спасибо Вам за прекрасные пожелания. Свободный и светлый труд, – что же может быть лучше? Такой труд в самом себе носит вознаграждение, удовлетворение, ощущение полезности.

А вот возвращение на Родину снова ускользает от меня. Ну, что же? Пятнадцать лет стремился я к возвращению – для того, чтобы отдать остаток сил родной земле, как долг, как искупление. Буду еще пятнадцать лет терпеливо ждать и стремиться к возвращению, – в крайнем случае, чтобы вздохнуть на родных просторах в последний раз. Но все-таки нельзя не стремиться...[278]

Ваш отзыв о моей статье смутил меня[279]. Мне дорого Ваше мнение очень. Скоро я пришлю Вам статью "Из наблюдений над молодыми террасами р.Чусовой", написанную в другом стиле, более повествовательном. Что-то Вы скажете? Недавно статья эта, написанная 4 года назад, была у меня в корректуре.

Во всех моих статьях есть большая доля Вашего труда, дорогой Петр Алексеевич! Я многому у Вас научился, очень многому, – пре-

[278] Г.И.Горецкому удалось возвратиться на родину лишь в 1968 году – *Прим. ред.*

[279] *Горецкий Г.И.* Об одном способе палеогеографических реконструкций некоторых элементов пойменного ландшафта // Вопр. геогр. 1947. № 3. С. 111–120. – *Прим. ред.*

жде всего наблюдению, стремлению в частном, маленьком, видеть общее. Сдал я в печать еще две статьи: "Основные результаты изучения неогеновых и четвертичных отложений в Соликамском районе" и "К стратиграфии нижнечетвертичных отложений Пучежско-Балахнинского Поволжья", – вот где увидите Вы Ваше влияние.

Сегодня закончил я еще одну статью, писал ее весь январь: "Карельское межледниковое море". Не знаю, удастся ли ее напечатать. Это краткое изложение моей монографии, написанной в 1935 году. Морские отложения – мои любимые. Не подумайте – "вот расписался". Но как-то хочется хоть немногое сказать о виденном, продуманном.

...Ваше будущее – в Вас самих, в Вашем чудесном опыте, в Вашем изумительном методе, в Ваших прекрасных знаниях. Я раньше думал, что Ваше будущее – в Академии наук. Но, побывав на Палеогеографическом совещании, я увидел, что это, вероятно, не так. Вы – даже потеряли бы здесь в атмосфере закулисной борьбы. Самое важное – обеспечить бы издание Ваших трудов. И это можно было бы сделать. Только не через КЧ АН[280], где с издательством трудно, а через Институт географии или через Географическое издательство (К.К.Марков). В следующую поездку в Москву я буду говорить с К.К., если Вы не возражаете.

...Поразительна сложность условий формирования осадков и столь же поразительна Ваша комплексная методика, дающая такие убедительные выводы даже при скудном материале.

1.III. 1948 г. Станция Романовская на Дону. ...В этом году к разрешению стратиграфических проблем степных пространств Нижнего Дона, Сала, Ергеней и Манычей привлекаются В.И.Громов, И.М.Покровская, В.П.Гричук, В.С.Шешукова, А.П.Жузе, А.И.Животовская, петрографы, Г.И.Попов, И.В.Даниловский, К.К.Марков, возможно, В.Н.Сукачев и др. Уже удалось установить миндель-рисский возраст III надпойменной (Мариинской) террасы. В конце формирования террасы достигла пышного развития хазарская фауна млекопитающих, степная растительность сменилась лесной, с елью, сосной, вересковыми.

А что было в минделе? На границе плиоцена и антропогена? Чувствовалось ли похолодание, отмеченное в Соликамске? Как реагировал животный мир на первое похолодание? Был ли параллелизм в развитии животного и растительного царства? И целый ряд других вопросов возникает при этом. Но ответить на них можно лишь в том случае, если в симфонии исследовательских методов могуче зазвучит палеокарпология, – только она в состоянии дать предельную

---

280 Комиссия по изучению четвертичного периода АН СССР. – *Прим. ред.*

конкретность геологической истории, вскрыть тончайшие нюансы палеогеографии.

...Не смогли ли бы Вы приехать к нам на Дон на месяц или хотя бы на 2–3 недели? Не хотели ли бы посмотреть великолепные обнажения Мариинской террасы, обнажения по Манычам? Я был бы очень рад походить с Вами в поле, посмотреть на обнажения Вашими глазами! Если Вы предпочитаете одиночество и небольшой круг людей, то можно будет так и устроить. Если Вы хотите встретиться в поле с В.И.Громовым, И.М.Покровской, К. К. Марковым и другими приятными Вам людьми, то и так можно устроить. Расходы по Вашему приезду, конечно, будут оплачены. Мне кажется, что знакомство с разрезами в поле помогло бы еще большей эффективности применения палеокарпологических исследований.

20.VII.1948 г. ...Очень рад, что Мария Георгиевна Вам понравилась, – она сделает все, что Вы ей советуете, и начнет с азов изучать ботанические дисциплины. Конечно, ей нужно учиться у Вас не менее года. С осени снова пришлем ее к Вам.

Привлекаем мы к работе еще одного человека – аспиранта А.Н.Криштофовича, страстно преданного палеокарпологии Павла Ивановича Дорофеева, мечтающего также приехать к Вам учиться. Человек этот бесспорно талантлив; сейчас он у нас в экспедиции – в течение 3 месяцев будет "намывать" у нас из разных толщ семена, чтобы писать потом диссертацию...

Павел Иванович кажется мне достойным быть Вашим первым учеником и преданным последователем. Я был бы очень рад, чтобы этот человек Вам понравился: капитал Ваших огромных знаний можно было бы без риска вложить в этого будущего Вашего ученика.

Я выезжаю по нашим экспедициям и партиям на Средний и Верхний Дон – до Воронежа... Очень жалею, что [Вы] не сможете приехать на Дон: сейчас у нас здесь В.С.Шешукова (диатомовые), И.М.Покровская, М.Н.Грищенко, П.И.Дорофеев. Ожидаем приезда В.И.Громова и Г.И.Попова.

27.IX.48 г. ...Какой же Вы большой, большой ученый, какой удивительный Вы исследователь! Уже в который раз поражают меня Ваши анализы, Ваши прекрасные заключения. Восхищение мое так велико, что хочется назвать Вас кудесником, волшебником, провидцем. Но все такие названия исходят от чувства, от сердца, хотя подсказывает их и разум...

...В течение 22–24.IX.48 г. у нас в Романовской проходило совещание по стратиграфии третичных и четвертичных отложений. Кроме наших геологов участвовали: Г.И.Попов, И.А.Шамрай,

К.Н.Негодаев, И.М.Громов, А.И.Животовская, П.И.Дорофеев. Были интересные доклады. Я прочел Ваши заключения, выслушанные с напряженным вниманием и полным согласием. Впечатление было очень сильное: это было торжество палеокарпологического метода и Ваше, дорогой Петр Алексеевич! Г.И.Попов немедленно согласился с Вашими выводами, как и другие участники совещания.

...Этим летом проехал я по Дону, от Кривоборья до Романовской. Видел лигниты и торфяники в Кривоборье, Урыво-Покровском, Духовом, Дуванке, Новохоперске, Павловске. П.И.Дорофеев определил семенную флору Кривоборья, Урыва, Павловска и Новохоперска как плиоценовую. И по геологическим условиям видно, что Ваши определения содержащих лигниты слоев были совершенно правильными. Мне было очень приятно убедиться в этом.

7.XII. 1948 г. ...Был глубоко взволнован Вашим теплым обращением: “друг”. Чувство богатства жизни, полноты мира, необъятности прекрасного, гордости за величие человеческого духа и какой-то внутренней подтянутости (быть достойным, пронести неомраченным такое отношение) охватило меня. И сознание беспредельной благодарности за все, чем Вы украсили мое мироощущение...

...Живем мы хорошо. Место глухое, но работа интересная. Много встает нерешенных вопросов и по стратиграфии, и по геоморфологии, и по тектонике. Возникают и общие проблемы: о закономерностях аллювиального процесса, о формировании террас, об их возрасте, соотношениях с оледенениями и трансгрессиями. ...Но работать плодотворно можно только на палеонтологической и палеогеографической основе, комплексно...

Воспоминания о Г.И.Горецком

В.Г. Горецкий

Мой отец[281]

Среди многих талантов отец был от Бога одарён талантом рассказчика. Помню, временами он вспоминал о своих студенческих годах, и, понятно, не пропустил великое событие, когда в их с мамой комнатке появился первый житель – совсем маленький и очень крикливый. Произошло это в июле 1924 года.

Вот такой довольно частый момент жизни молодой и очень дружной семьи. Молодая жена что-то готовит, стирает пелёнки и раз от разу, чередуя дела, отвлекается на то, чтобы почитать необходимый для очередного занятия в Тимирязевке учебник, сделать какие-то записи. Молодой отец тем временем, схвативши под мышки туго спелёнутого, крикливого, но в этот момент молчаливого сына, ходит по квартире, одной рукой поддерживая живой свёрточек, а в другой, левой руке, держит какую-то книгу и изучает её. Приблизительно такой отцовский рассказ оживляли ещё фотоснимки мамы и папы, сделанные в ту пору. В моей памяти эти воспоминания соединились в какую-то общую картину с полным представлением, что своего отца я видел и слышал, как только появился на свет…

Потом вспоминается наша жизнь в квартире в Минске, на Провиантской улице. Тут я, 3–4-летний мальчик, взявши папу за его крепкую и такую надёжную руку, прошу его пойти к казармам. Они были недалеко от нашего дома или, может, даже напротив. Мы подходим к забору, и я с восхищением смотрю на разные занятия красноармейцев, которые жили и проходили службу в казармах и

---

281 Впервые опубликовано: Акадэмік Гаўрыла Гарэцкі. Успаміны, артыкулы, дакументы. Да 100-годдзя з дня нараджэння / Пад рэд. Р.Г.Гарэцкага. Мінск: Тэхналогія, 2000. С. 42-47.

на площади, где даже скакали на лошадях. Наибольшее впечатление оставили солдатские маршевые песни. Одна из них до сих пор помнится. Кажется, там были такие строки:

Белая армия, чёрный барон
Вновь нам готовят царский трон.
……….
И все должны мы неудержимо
Идти в последний смертный бой.

С первого дня своей жизни я услышал от родителей родной белорусский язык, который и до сих пор, когда мне уже 75, живёт во мне и даже с его помощью я и сейчас думаю про себя на белорусском языке. Это я отметил в связи с той далёкой порой, когда слушал песни красноармейцев, которые пели по-белорусски.

Интересный момент для характеристики советского мировоззрения 20-х годов связан со следующим. Где-то в 1926 или 1927 году моим родителям предложили отдать меня в группу детей, с которыми занималась женщина вроде коллективной бонны. Шляхетского дореволюционного воспитания, она знала французский и немецкий языки и учила деток, которых отдавали в её группу их родители. На это предложение отец категорически отказался: его сын должен воспитываться так, как все другие дети трудовой интеллигенции и крестьян. Его сын не имеет никаких обоснованных мотивов выделяться среди детей такого же возраста. А то, что сын родился в семье, где отец занимает высокую должность (директор института), так это просто совпадение жизненных обстоятельств, а не основание для выделения сына среди его однолеток.

В Минске я жил с родителями до 1930 года и, понятно, главным моим языком был белорусский. Он был распространён. Я рано начал читать и хорошо помню, что на улицах – на вывесках магазинов, на столовых, учрежденьях и т.д. – все надписи были тоже написаны по-белорусски.

На лето 1930 года меня отправили к нашей бабе в Богатьковку. Это было незабываемое время. Там же, в доме бабы и деда, собирались и другие внуки – дети братьев моего отца. Но это радовало бабу, хотя и доставляло ей много хлопот. Запомнились наши детские игры, поиски в лесу многочисленных грибов, ягод. Особенно помню крупеню (кашу перловую), которую баба выносила ежедневно нам, своим внукам, на крыльцо в огромном “городском” эмалированном тазу. Крупеня была чрезвычайно вкусна: каждое зерно в ней было крупное, в кашу добавлялся большой кусок крестьянского домашнего масла. И вот вокруг таза, как цыплята вокруг миски с зёрнами, наклонялись головки бабиных внуков, в руке – деревянная ложка. Каждый набирал кашу и с большим наслаждением отправлял в рот.

У деда в саду, который был сразу за домом, росла диво-яблонька – медуничка. Много потом, в разных краях и землях бывшего Советского Союза, где мне довелось очутиться, и где встречались яблоки с названием “медуницы”, вкусней богатьковских нигде не пробовал.

Возвращение в Менск было печальным – отца арестовали. Помню, я не очень понял, что за несчастье пришло в нашу семью. Мама держалась, как я понял позднее, чрезвычайно мужественно. Квартиру на Провиантской улице пришлось оставить и переехать в частную и значительно меньшую – на улицу Заславскую. Рядом с домом, в котором мы поселились, стоял большой двух- или трёхэтажный дом, где жили артисты белорусского еврейского театра. Мы вскоре познакомились с детками жителей этого дома, а через них и получили возможность очень часто бывать на дневных спектаклях театра. И не зная еврейского языка, мы, группка мальчиков и девочек, которым повезло посмотреть очередной спектакль, каким-то образом всё понимали. Когда шли домой, рассуждали о том, что увидели, временами даже возникали между нами споры.

Дом, в котором мы жили на Заславской улице, стоял по соседству с другими домами и целыми кварталами, где жили поляки, русские, татары, евреи, белорусы. И всё это соответствовало тому, что детки этих разных национальностей собирались в общие компании, играли в разные игры, ходили в гости, в дома их родителей, и хорошо-хорошо понимали один другого и крепко дружили.

Хозяева дома, в котором снимали комнату, были поляки. Между собой они, понятно, говорили по-польски и обращались к нам, ко мне, брату и даже взрослым по-польски. А мы отзывались им на белорусском языке, и те также нас понимали. Из того дома я начал ходить в школу, в которой закончил три начальных класса. К сожалению, школа не оставила в памяти хоть какие-нибудь яркие воспоминания, кроме, в частности, одного момента. Однажды в школе всё бурлило и все ученики на переменках бегали смотреть на одну девочку из 5-го или 6-го класса. Дело в том, что её почти собирались выгнать из школы, так как она пришла на занятия или в шелковых, или фельдиперсовых чулках, а это было признаком буржуазности, а ученица была пионеркой и своим необычным видом нарушала этику пионерки. Вот все и бегали посмотреть на эту “преступницу”. Конечно, и я не удержался, побежал со всеми. Увидел – стояла довольно красивая элегантная девочка (что значит красота, я начал понимать очень рано), и ноги были как ноги, а на них чулки телесного цвета. Она стояла на площадке между вторым и третьим этажами и тихо плакала. Очень впечатлил меня этот случай.

В 1934 году, когда мама вынуждена была переехать в совхоз “Брилёвский”, что под Гомелем, через некоторое время неожиданно появился отец – высокий, крепкий, с обветренным лицом, и сказал, чтобы мы собирались в дорогу. Отец в 30-м году был осуждён на 10 лет по статье 58 и попал на строительство Беломорско-Балтийского канала.

За ударную работу, как говорили в те годы, он был досрочно освобождён через 4 года. Заключённый отец, имея знания о земле и геологии, приобретённые им во время учёбы в Тимирязевской академии, был направлен на ББК землекопом в геологическую службу.

В его обязанности входило, как он рассказывал, копка шурфов. Это, как мне представляется по его рассказу, что-то похожее на глубокую яму или траншею. И нужно было выкопать шурф так, чтобы одна его стена была строго вертикальной. Это необходимо для того, чтобы руководитель геологической группы, который был дипломированным геологом, мог рассмотреть состав земных пластов, взять соответствующие пробы, чтобы отправить их в лабораторию на исследование. Первую геологическую группу возглавляла какая-то женщина из числа вольнонаёмных. А заключённые делились на тех, кто работал под надзором конвоиров или в зоне, а некоторая часть узников была расконвоирована. Вот отец и принадлежал к числу последних. За его поведение отвечал начальник группы или геологической партии. Женщина, которая руководила группой шурфовщиков, как специалист, была не очень высоко образована. Увидев, что её рабочий, кроме способности копать лопатой шурфы, хорошо разбирается, где и какой шурф необходимо закладывать, более того, очень обоснованно отбирает и может описать пробы грунта, иначе говоря, всё то, что надлежало делать самой начальнице, она быстро сообразила, что всю эту работу можно переложить на плечи молодого и толкового землекопа-узника.

Со временем и более высокому начальству стали известны способности политзаключённого Гавриила Горецкого. Ему поручили самостоятельно определять маршруты и места, где нужно было копать шурфы и отбирать пробы грунта. Отцу повезло с начальством. Геологическую службу возглавляли два молодых инженера, оба, естественно, коль начальники, – то вольнонаёмные люди. Но они были не только прекрасными специалистами и руководителями, но и чрезвычайно честными и добрыми. Это – Никодим Сергеевич Симонов и Александр Митрофанович Гуреев.

Благодаря им отец смог не только почувствовать доброе, чуткое отношение к себе, но и получил возможность в свободные от экспедиционно-полевых работ и многочисленных многокилометровых

маршрутов минуты читать геологическую литературу – фактически самостоятельно овладевать новой для себя профессией геолога. От качества и обоснованности геологических прогнозов со стороны геологов, которые давали рекомендации, где лучше проложить канал, где можно надёжно и без особых хлопот построить плотину гидростанции, шлюза и других гидростроительных объектов, зависело очень многое. Отцу удалось сделать много полезного в области инженерной геологии (и это буквально с первых шагов его деятельности на новом профессиональном и жизненном пути). Беломорско-Балтийский канал, Туломская ГЭС, гидротехнические объекты на Каме, Волге, Чусовой, Доне и других реках, которые уже многие десятилетия приносят пользу людям – наилучшее тому подтверждение.

Отец много и интересно рассказывал маме, её родителям, брату, мне о своих геологических путешествиях, разных приключениях, объяснял смысл великих геологических построек. Особенно было интересно слушать рассуждения и разъяснения насчёт различных вариантов решения одной и той же проблемы. Мне вспоминается одна из таких бесед.

Чуть отклонюсь, чтобы дать небольшую справку. Сразу после войны я поступил учиться в автостроительный техникум при Московском автозаводе. Но, закончив, и даже на отлично, первый курс, я понял, что технология обработки металла – это не то, что может стать моей профессией. В это время мой младший брат Радим поступил учиться на геологический факультет Московского нефтяного института имени академика Губкина. Обсудив с братом разные возможности выбора для меня профессии на всю жизнь, Радим посоветовал поступить в его же институт. Я так и сделал, но скоро понял, что я чистейшей воды гуманитарий, поэтому обратился за советом к отцу. И он согласился со мной, правда, высказал сожаление, что меня не увлекла геология, и посоветовал поступить в гуманитарный институт, что я вскоре и сделал. Добился у разных начальников разрешения в середине учебного года поступить на заочное отделение филологического факультета Московского педагогического института имени Ленина (сейчас Московский педагогический университет). После упорных занятий и подготовки мне посчастливилось сдать все необходимые экзамены и перейти на дневное отделение института. Так начался мой путь к учительству, в школу. К сожалению, а может и нет, геологическое дело не захватило меня. Хотя пример отца, брата, мамы был перед глазами. Отец часто и очень интересно рассказывал о различных геологических явлениях, о камушках и т.д. Каждый камушек, каждый холмик, каждое обнажение

на крутом берегу реки были для него как книжка, как живые свидетели когда-то значительных событий в истории Земли, где помимо воли принимали участие маленький ли камушек, или огромный валун, или широкий ландшафт, о которых он рассказывал. Такая же способность вести беседу с геологическими “объектами” перешла и к моему брату. Когда я видел что-то подобное, то мог только сказать, красиво это или нет, каких размеров и т.п., но не более того. Ни малюсенького рассказика, ни долгого красноречивого рассказа у меня никогда в отношении этих объектов не получалось.

Каждые свои каникулы я ехал к родителям, туда, где они оказались по воле судьбы. Отец часто брал меня с собой в “маршруты”. Это был либо небольшой, из нескольких исследователей отряд, либо только сам отец. На стареньком газике-полуторатонке или на небольшом автомобиле типа военного “виллиса” мы ехали к назначенному месту, отмеченного на геологической карте, останавливались, а потом пешком совершали многокилометровые обходы различных геологических обнажений, спускались в какие-то котлованы, взбирались на холмы, время от времени копали небольшие шурфы, подъезжали к скважинам, где вынимали из глубины земли образцы пород, которые упаковывались в ящики и уже назывались не просто породой, а керном. Возле каждой скважины всегда был большой, наподобие склада, набор этих ящиков. Если их вытянуть вдоль, то можно было своими глазами увидеть, что происходит на разной глубине земли, от метра до сотен метров вниз. Геологи не только внимательно осматривали этих молчаливых свидетелей истории земли, но и разговаривали с ними, ощупывали руками, даже учитывали запах, особенно свежих, только что вынутых из земли образцов керна.

Потом снова садились в газик и ехали на новое место, обозначенное на карте. Однажды, это было на Дону, едем по еле заметным тропинкам, отец обращается ко мне и говорит: “Смотри, сын, вокруг, всё это, когда будет построена плотина, уйдёт под воду и станет дном огромного водохранилища”.

Конечно, продолжал отец, очень жаль эту землицу, скроется она от людей и не будет больше работать на них, не даст больше урожая, но что делать. В жизни кругом противоречия, диалектика. Одно делается так, а другое, противоположное ему, наоборот, иначе. И выбирать приходится то, что более необходимо, что, наконец, важнее для людей, для человека, для общества. Вот и сейчас стране, нашему народу, который совсем недавно понёс такие потери в войне, когда ещё остаются в руинах города и сёла, заводы, нужно как можно скорее всё отстроить, наладить многие отрасли народного

хозяйства, государству сверхважно иметь в огромных количествах энергию. А это прежде всего – электричество. Кроме того, увеличивается возможность перевоза различных грузов, полезных ископаемых и др.

Вот почему такими быстрыми темпами расширяется строительство гидростанций. Если бы была у страны возможность и экономическая, и финансовая, и техническая, если бы было достаточно времени, то можно было бы и по-другому спроектировать решение многих сегодняшних проблем. Те же объёмы воды не разливать по большим просторам водохранилищ, которые, понятно, забирают сотни гектаров хорошей для сельского хозяйства земли, покосы, леса. Можно было бы, например, вдоль рек сделать высокие стены из железобетона, этим же материалом укрепить дно речки, а её воду подавать на высоту 20–30 метров, а то и больше. И по такому рукотворному каналу пустить пароходы, баржи, плоты с брёвнами. А напор воды будет такой силы, что с лёгкостью будет крутить турбины, которые вырабатывают электрический ток. К сожалению, такое время пока не наступило. Но когда-нибудь наступит, и осушат люди затопленную сейчас землицу, пройдутся крестьяне по ней плугом, засеют пшеницей, и отдохнувшая за столько лет земля порадует их богатыми урожаями!

Мне этот разговор вспоминался не один раз. Как-то с женой плыли мы на теплоходе по Волге и Дону и видели, как большой ход воды разрушал её берега, и земля огромными комьями скатывалась вниз, чтобы исчезнуть в реке. Иную картину мы увидели во время путешествия по реке Дунай, берега которого укреплены камнем, а в той части, которая протекает через низину Словакии, реку заковали в железобетонный канал, за которым сразу же стояли дома, цвели сады, возвышались своими куполами костёлы.

Между прочим, я часто обращался к отцу с вопросами о различных политических моментах нашей действительности. А таких было – тьма. На каждом шагу, ежедневно все газеты, радио, телевидение, кино и т.д. говорили одно, а мы видели вокруг совсем другое. Это, понятно, не могло не вызывать в мыслях и мировоззрении довольно молодого ещё человека, каким я тогда был, чёрную тоску, пессимистический взгляд на всё и на всех. И когда удавалось поговорить с отцом, многое становилось понятным, а потому и не таким страшным. Я не помню каждую беседу, но запало мне в душу объяснение отца о великом, эпохальном, всемирного значения социальном эксперименте, который проводился в нашей стране с 1917 года. Отец умел заразить меня, брата, каждого в нашей большой семье и довольно многих людей, которые часто обращались к нему за советом, со-

циальным оптимизмом, верил в справедливость, в победу добра над злом, умел с большой точностью предвидеть разные события в обществе и даже в самых, по-настоящему мрачных ситуациях находить пути для выхода из них, найти тот огонёк, который, как говорят, виден в конце тоннеля.

Всегда вспоминается отец за письменным столом (правда, случалось, что это был просто столик на кухне). Кроме того, в последние два десятилетия отец упорно работал над многочисленными своими научными статьями, а затем и монографиями, много времени он отдавал написанию писем. Сколько у него было адресатов – просто трудно пересчитать. Почтальон ежедневно приносил большую стопку писем. И не было ни одного случая, чтобы тот, кто написал Гавриилу Ивановичу письмо, не получил бы от него ответа.

Большое впечатление производило на меня то, что в какой бы экспедиции ни участвовал, обязательно перед сном, иногда просто при свете керосиновой лампы или обычной свечки писал записку или большое письмо своей супруге, матери его детей, своему талисману – нашей маме.

Отношения наших родителей заслуживают отдельного рассказа. Их отношения на протяжении всей жизни, буквально до последнего вздоха – это целая поэма высокой и неугасающей любви, дружбы, великого понимания и уважения.

Отдельно можно рассказать об отношении родителей, в частности таты, к своим близким и родным. Более надёжного и чуткого человека просто невозможно отыскать.

То же я могу сказать и об отношении таты и мамы к людям вообще. Наша квартира в Дедовске, в посёлке Гидропроекта, где родители получили свой более-менее постоянный приют после долгих лет походной жизни, порой напоминала филиал какого-нибудь отеля. Почти ежедневно кто-нибудь просил приютить на ночь или даже остановиться на неделю, чтобы успеть сделать свои дела в Москве. Приют в квартире Горецких, многие это знали, всегда обеспечен. И люди, бывшие коллеги по геологическим партиям, просто знакомые последних, получив совет, ехали к родителям и никогда не получали отказа.

Мои воспоминания об отце я думаю на этом закончить, потому что об этом удивительном человеке адекватно можно написать, только имея талант писателя.

Я же, к сожалению, просто сельский учитель, преподаватель педагогического института, учёный. Правда, счастливый, ибо судьба подарила мне и моему брату таких родителей, как наш отец и преданная, неразлучная с ним наша мама – Лариса Иосифовна.

Г.М. Горецкая

Дядя Гурик[282]

Рассказывал дядя Гурик, как молился в детстве. Было ему лет около пяти, а штанов ещё не носил. В длинной сорочке из грубого полотна, некрасивой, стоял он перед образами вслух молился. Сбивался, глотал слова. Иногда кричал изо всех сил: верил, что Бог услышит. Кто мимо хаты шёл, его молитву слышал. Крикливым был, потому и прозвали “горлачом” . Дразнили: “Горлач, горлач, молоко сливать!”

На шестом году пошили штаны. Смеялись: “Теперь мы тебя с Вулькой поженим!” Соседке Вульке Нежинской было года четыре. Раз побежал за ней, чтобы побить. Она быстрей по тропинке возле садового плетня, а потом по узенькой дорожке к гумну Горецких. И побежала под обрешетинами, а он бежал на шаг ближе к огороду и разбил себе об обрешетины голову. Раза три ударился. Кровь текла. И потом гонялся за Вулькой, побить старался, за то, что из-за неё дразнят.

Любил ездить с мамой в Лонницу, где отец его поваром у пана Цекерта служил. Мать сама лошадь запряжёт, возьмёт маленького Гурика на колени. Он в небо смотрит: там облака, как хоромы, и фигуры разные кажутся, будто огромные медведи идут… Деревья по сторонам дороги видел. В Лядах на пароме переправлялись через Днепр.

Помнится панская кухня – просторная, пол блестит. И игрушку блестящую там подарили. Разбил её нечаянно – первая потеря. Горько плакал.

Из Лонницы на станцию Красное ходили через мост. Гурик боялся пропасти.

А строить “мосты” любил. После дождя богатьковские мальчики через канавки кладочки перекидывали, а на них, поперёк, дощечки поменьше клали. Вставали на “мост” , ждали, не развалится ли.

[…] Первые лапти сплёл Гурику батька, когда мальчику было семь лет. Были с узорами красивыми, крест-накрест, затем параллельно и снова накрест. “Каждый хотел свой фасон иметь” , – улыбался дядя. Говорил, что в детстве старшим помогать любил.

[282] Горецкая Галина Максимовна (род. 1921 г.) – племянница Г.И.Горецкого, дочь брата Максима. Впервые опубликовано: Акадэмік Гаўрыла Гарэцкі. Успаміны, артыкулы, дакументы. Да 100-годдзя з дня нараджэння / Пад рэд. Р.Г.Гарэцкага. Мінск: Тэхналогія, 2000. С. 17-41. Публикуется с сокращениями.

Собирал мокрицу, молодой осот, свекольную ботву на рубленный корм свиньям. Следил, чтобы куры грядки не портили. Любил что-то подать, принести.

[…] “Как подрос, – вспоминал дядя, – очень полюбил грибы собирать. Было сильное стремление искать и находить. От грибов всё и пошло. Самое любимое занятие – поиски разные!”

[…] Анна, самая младшая в семье, любила землянику собирать. К осени ходили за “дурманом” (голубикой). Собирали бруснику, клюкву. Однажды Гурик и Аннушка сильно испугались, когда попали в лесу в густой-густой туман.

Раз собрались Гурик с Аннушкой за боровиками. В роще Гайке их росло множество. В крайнем дворе на завалинке чёрный, здоровенный пёс лежал, глаза горели. Гурик подошёл, погладил его, а тот – цап! За руку. Прокусил сильно. Обида на собаку была, руке больно, но домой не вернулся. Терпеливым мальчиком был Гурик.

В Гайке на окраине старшие братья Гурика – Иван, Максим, Порфир – траву косили, брали у панов землю в аренду. …

[…] Вспоминал дядя Гурик:

– Вечереет, но ещё тепло. На покосе Иван, Порфир, Максим кричат во всё горло от здорового ощущения жизни, природы. На разные голоса кричали. И вместе и порознь. У Максима баритон приятный, звучный был. Мечтали, что когда-нибудь пойдут мимо Малой Богатьковки поезда, и представляли себя паровозами, гудели громко. Женщины с поля идут, удивляются, чего это хлопцы так кричат, словно поют.

Помнил дядя Гурик, как Гаёк срубили. Панам Иванским деньги нужны были (они землю продавали). От большого старого леса кое-где кустарник остался, малина растёт. Место это так Гайком и называется.

[…] Вспоминал дядя Гурик, как когда-то богатьковские мужчины, молодые парни и подростки ходили целой деревней драть лыко в Тёмный Лес, километров за двенадцать. Брали с собой еду и мешки для орехов. Мешки вешали на шею и они висели на животе или сбоку. А лыко в вязанки собирали. Липовые – на лапти, а из лозы – на покраску, дубление.

В Тёмном Лесу орехи на сухих местах росли, по 5–7 орешин на веточке бывало. […] Аж сыпались.

Спрашивала у дяди, что особенно запомнилось из детства.

– Был в Бели (соседней деревне) Панас – вор. Воровал во многих деревнях, но Малую Богатьковку обходил. В 1912 году кто-то украл богатьковского жеребёнка. Подумали на Панаса. И учинили жуткую расправу – самосуд. Несколько молодых парней избили его кольями

насмерть. Положили на санки, отвезли в лес и бросили. Пристав приехал, велел закопать. Чужие люди похоронили его у лесной дороги. Потом все жалеть стали: может он и не виноват.

Похороны деревенские помнятся. Первым на памяти дяди Гурика умер от чахотки Василь Кушанов, затем солдат, вернувшийся с японской войны с медалью (от ран умер), и особенно запомнилось, как приехал из Петербурга умирать в деревню брат Максима Нежинского. Был рабочим, заболел чахоткой. Привёз жену, типично русскую. Батрачить пошла. Хата Максима Нежинского крайняя. […] Два дуба возле неё, большие, много желудей было. Чахоточный всё сидел под дубом. Как и того солдата раненого, все сильно жалели его.

Приходили в деревню портные, сапожники, шаповалы (в основном из Гололобовки, валенки всем делали), ходоки. Слепые ходоки с поводырём ходили, псалмы, песни пели. Ночевали все в хатах. Больше всего интересовали коновалы. Из Торжковского, Асташковского поветов были. Обвешанные путами и приспособлениями для оскопленния. Говорливые. Рассказывали случаи разные. “Как театр какой!” – говорил дядя. Приходил послушать коновалов и его брат Максим.

В Большой Богатьковке была школка грамоты. Учил какой-то Панасёнок. Книжки-начатки, бесконечное повторение разных сочетаний букв, заучивание стишков. Дома было несколько прокламаций с рисунками на революционную тему. Подпольщики давали их крестьянам. Видел Гурик в то время и брошюры о революции 1905 года, остались в памяти.

Два года у Панасёнка проучился, а потом ходил со старшими хлопцами в село Славное, километра за три от Малой Богатьковки. До Жабья, большого леса, доходил, а дальше сил не хватало. Хлопцы Порфир Горецкий, Яков Козлов, Иван и Гавриил Никитенки садили его на лапки из ёлок и тянули. “На еловых лапках в школу ездил”, – смеялся дядя. Позднее у деда своего Михалки Попова поселился в Славном или у Костика славновского, сына Михалкинова, жил. Учила в Славном Анастасия Ивановна Глинская. За ней ухаживал шляхтич Кацуба. Приедет на лошади – Глинская, вся красная, выбежит к нему. Ученики всё понимали.

В то время увлекалась молодёжь игрой в “перья”. Выигрывали и проигрывали их. Жёлтые были перья (№ 86) и белые. Умиление к перьям было.

Помнит дядя Гурик, как ходил с матерью на всеночную в славновскую церковь. По плотине мать на руках его переносила, потому что в низинах через плотину текла вода. Деревянная церковь Ильи

Пророка (построена в 1-й половине 19 века) и сейчас ещё цела, служат в ней.

[…] Когда открылась в Большой Богатьковке земская школа, ближе ходить стало. Учительница – Людмила Шпаковская. Красивая, строгая. В 1910 году сообщила ученикам о смерти Льва Толстого. Грустная была минута…

В 1911 году отвела мать Гурика в двухклассное училище в Старом Селе. От Богатьковки километров двенадцать. Учительствовал здесь Павловский Пётр Степанович из Гродненщины. Учил хорошо, но грубоват был.

[…] В лесу неподалёку от Старого Села было много карстовых воронок, земля проваливалась. Ходили слухи, что из-под земли в полночь колокольный звон слышится. Хотелось мальчикам-ученикам послушать звон, да боялись. Верили всему. Видел Гурик, как на Духа (“когда тепло и сухо”), чтобы ведьмы коров не портили, над воротами хлева богатьковского цепляли палку, которую вырезали в лесу из берёзового сука, обязательно с наростами.

Из Старого Села перевели богатьковских школьников в деревню Раздел ([…] 3.5 километрах от Богатьковки) в пятый класс новой школы. Учитель Павловский жалел, что лучшего ученика – Гурика Горецкого – теряет, но в Старое Село далеко было ходить.

Учил в Разделе замечательный учитель Пётр Платонович Максимов. Строгой была дисциплина. Хорошо преподавал русскую литературу, историю, географию, решали интересные математические задачи, учили наизусть стихи, особенно басни И.А.Крылова.

П.П.Максимов хорошо одевался. Волосы назад зачёсаны. Выше среднего роста, походка быстрая. Хорошо пел баритоном. Любил песню “Гандзя” . Однажды он с женой (молодожёны) попросили Гурика помочь им тетради проверить. А потом обедать позвали. Стеснялся. Не знал, как вилку держать. Первый раз в жизни увидел котлету. Да ещё подали длинные макароны, никак не мог их укусить…

Ходил в Раздел вместе с Михалкой Шнарским и Игнатом Силаковым. Шли через Чёртовщину. По дороге валили сухостой. Несколько сухих берёзок повалят. Сначала расшатают их. Лес был смешанный, в основном берёзы. Выходили рано, брали с собой по куску хлеба, молоко, яблоки. В школе ели.

С первыми морозами лёд на реке хороший бывал. Возьмут мешки, садятся на них и один другого катают. Коньков, лыж не знали, а кататься любили. Дома катались на “морозянках” . Сами делали: на решето наливался разведенный водой навоз (густо, слоёв в пять) и замерзал. А то делали “коня” или “козла” : две дощечки стояком, на

них доска для сидения, а под ними другая, намороженная. Места, где катались, называли катком. Часто в снежки играли. Попал однажды Гурик в глаз Петру Платоновичу. В другой раз окно разбил мячиком. Но всё обошлось. За разбитое стекло 50 копеек заплатили. Только тяжело и стыдно было, особенно перед отцом Иваном Кузьмичом.

Закончили пятый класс. Перед тем был торжественный экзамен. Мальчики – в новых рубашках, девочки – лучших платьях. Даже другие учителя пришли на их праздник.

На прощанье повёл Пётр Платонович учеников на экскурсию на речку Рамествянку. По лугу шли, где много цветов было. Принесли в класс незабудки, на тарелку с водой положили, а посередине камень. Цветы на камень красиво ложились. Учитель с женой угощали всех конфетами. Все получили свидетельство об окончании Раздельской школы. Обучение было бесплатное, и книжки давали бесплатно.

Пётр Платонович долго жил. Похоронен в Курманове. Дочь его Анна Петровна сказала мне, что всю жизнь он хранил выпускное сочинение Гурика Горецкого. Называлось “Что посеешь, то пожнёшь” .

[…] Рос Гурик сильным, здоровым. В поле навоз возить лет с двенадцати начал. Как-то нужно было вести коня с возом навоза в поле, а он бегал купаться в пруду возле Залужья и опоздал. Отец вожжами выпорол. Один только раз наказал так. Всё же он уважал мальчика, за то, что хорошо учится.

Лет с четырнадцати пахать начал, землю под паром боронил. Нравилось сено, рожь возить, особенно возы нагружать. Молотил наравне со взрослыми, умел “и в четыре, и в пять цепей” . Солому собирали, кули вязали. Никто не любил грядки полоть, а морковинку вытянуть, съесть приятно было. Мак с мочанкой ели. Хозяйство у Ивана Кузьмича было такое: самое большее – две коровы (или корова и телёнок), две свиньи, несколько овечек. Хлева холодные. Был конь любимый.

[…] В “Нашей Ниве” за 31 января 1914 года появились сообщения за подписью “Гурик Г.” О том, как в Тёмном Лесу подрубленное дерево убило Николая Ханевского, а перед этим в Чёртовщине, на глазах у пани Иванской, деревом убило коня у бедного человека. Пани тронуло его горе, дала ему пять рублей (“Дала бы и больше, но он хоть, правда, и долго без шапки стоял, но руки не поцеловал. У нас панам ещё руки целуют, и старые пани следят за этим: кто не поцелует руку, тот уже “демократ и неблагонадёжный” , и паны такого человека не любят”). А в “Нашей Ниве” за 6 июня 1914 года в одном из сообщений “З Амсціслаўшчыны” расскажет юный корреспондент, как убитого на реке Вихры бобра привезли прода-

вать в Амстиславль. (“На торгах давали 25 рублей… А исправник дознался и стражников прислал – рыболовов забрали. И говорят тут у нас люди, суд на них за бобра не абы-какой: в острог на месяц, да деньгами 50 рублей заплатить…”)

Хотелось писать рассказы. Кажется в 1914 году написал первый рассказ. И эпиграф придумал: “Ах ты, родная сторонка, Беларусь! Увижу ли, доживу ли, дождусь ли тебя светлой, благородной стороной!” Брат Максим показал в Вильне одному знакомому, а тот: “Из этого хлопца писателя не выйдет!” Написание художественной прозы на том и закончилось, если не считать ещё одного рассказа, написанного в дни Февральской революции 1917 года, и нескольких стихов “интимного характера” в 1916-м.

[…] Приятно было вспоминать дяде Гурику про сад, который посадил когда-то его отец.

[…] У Ивана Кузьмича росли 12 яблонек и 2 груши, стояли 3–4 пчелиных улья. Одна груша, в конце сада, справа, высоченная была, толстая, суковатая. Дулечки жёлтые, крупные, от ветра падали, разбивались, иногда попадали в большую яму (видимо, раньше здесь погреб был). Вокруг ямы – высокие кусты ирги, малина, смородина. Дети здесь играть любили: прятались в яме, лакомились ягодами, залазили на грушу. Найти на земле дулечку – радость! Вторая груша, недалеко от пуни, была пониже, но плоды также давала вкусные.

Была любимая яблонька, кривая, сильно наклонённая в сторону (а затем снова вверх тянулась). На изгибе этом все посидеть любили. Яблоки в саду сладкие были, и чуть кисловатые. Две антоновки и три винных яблони (невкусные) держались до самой осени. Ефросинья Михайловна очень хорошо умела сушить яблоки, груши. “Дадут зимой жменьку, сладкую, душистую…” – с удовольствием вспоминал дядя.

Росли в саду два, как говорил дядя, “исторических дерева” , две высокие стройные ёлки. Посадили их Иван Кузьмич и Ефросинья Михайловна, когда поженились. Одна ёлка называлась отцовская, другая – материнская. Считалось, чья раньше засохнет, тому и помирать раньше. Кто издалека домой возвращался, перво-наперво шёл в сад посмотреть ёлки. В империалистическую войну деревца эти погибли… В 1931 году, как мне помнится, не было уже в саду высокой старой груши, и ямы той, и кривой яблоньки. А сад хороший был. Помню, как в 1937 году “молодили” его Иван Кузьмич и мой отец.

В 1914 году Гурик Горецкий поступил в землемерно-агрономическое училище в Горках на Могилёвщине. Географию на экзаменах

принимал Евгений Михайлович Бессонов, по кличке Тушканчик. Когда-то делал он землеустройство в Лоннице у пана Цекерта, был знаком с Иваном Кузьмичом Горецким. Гурику на экзамене поставил 4,5. Спросил про Рио-де-Жанейро, про реки Ориноко и Миссисипи. Доброжелательно отнёсся к новому ученику и директор училища – Горский Лев Владимирович. Он хорошо относился и к Максиму Горецкому.

Запах города казался Гурику совершенно особенным, не таким, как в деревне. Какой-то был необычный запах прелого сена, вроде сладость какая. И звуки особенные. Ходил по Горкам старый еврей, ещё крепкий, кричал: “Эй, мороз! Эй, мороз! – торговал мороженым.

Устроили Гурика на квартире у Киндалинских, на Садовой улице.

Киндалинский был одноруким. Студенты социал-демократы, которые квартировали у него в 1905 году, бомбу сделали, спрятали в печь. Не успели забрать, он дров принёс, сложил, зажёг – и так шугануло! Оторвало взрывом руку. Был хороший человек, на студентов не донёс. И жена славная, добрая была.

В начале войны 1914 года из сельскохозяйственных училищ в Горках пошли воевать добровольцы. Жизнь того времени, страх Гурика за военную судьбу брата Максима и многое другое легло в основу страниц “Комаровской хроники” М.Горецкого, посвящённых одному из её главных героев по имени Лаврик Задума (Батура), прототипом которого был Гавриил Горецкий.

В 1916 году влюбился Гурик в свою красавицу-свояченицу Надю из Большой Богатьковки, сестру жены его старшего брата Ивана. “Первая, робкая любовь” , – говорил дядя. Она скоро вышла замуж за односельчанина его, Степана Горецкого. Считались мы однофамильцами, но предок был общий. Позднее Степан Евдокимович с семьёй переехал в Ленинград. Надежда Гавриловна пережила блокаду, после войны отнялись у неё ноги, умерла в больнице для хроников.

В февральские дни 1917 года был Гурик-студент милиционером. С ружьём с одним патроном, охранял дорогу в Горки. Рассказ написал – “Только один патрон” . Будто бы ждут, что какие-то жандармы могут из Орши нагрянуть в Горки. Студенту-милиционеру представляется целая картина, как идёт бой. Но это придуманный бой. Так и кончается рассказ: он стоит с ружьём, а патрон целый.

[…] В 1918 году напечатал на машинке словарик (М. і Г. Гарэцкія “Руска-беларускі слоўнік”, Смоленск, 1918). Вышел словарик.

Нужно было доставить его в Минск. Взял Гурик 200 экземпляров, запаковал в саквояж, положил ещё кусок сала, бельё. Перед Оршей на шоссе попросил крестьянина, приятного на вид (и дочурка с ним симпатичная была), подвезти саквояж. А сам налегке по тропинке, к станции. Пришёл, а их нет. Издали увидел, что крестьянин этот погоняет коня, чтобы скорее перебраться на шоссе через переезд. Бросился за ними: “Постойте! Постойте!” А они и поехали, вместе с саквояжем. Всё же в Минск съездил потом, оставил несколько экземпляров словарика, взамен другие книжки, интересные, приобрёл.

Вспоминал дядя Гурик о своём участии в Белорусской секции литературно-музыкально-драматического кружка, который основали ученики трёх горецких сельскохозяйственных училищ в конце сентября 1918 г.

Однажды приехала в Горки оперная труппа Зимина из Москвы. Гурик Горецкий познакомился с гримёром, так как задумали студенты-белорусы свою самодеятельность организовать, а грима нет. Гримёр обещал прислать. Гурик дал ему из кассы культпросвета тысячу рублей, а расписки не попросил. Месяца три прошло – не шлёт ничего. Поехал Гурик в Москву. “Где же гримёр? “ – “Рассчитался” . – “А где деньги?” Усмехаются. .. Пропали деньги. Долгое время после этого случая высчитывали у Гурика из зарплаты, пока не вернулись деньги в кассу.

В “Деннице” за 3 декабря 1918 года в заметке “Белорусская Секция” рассказано, как 5 октября того же года был поставлен в Горках спектакль-вечер. Поставили драму Л.М.Андреева “Дни нашей жизни” . Белорусской секцией в отдельном классе была сделана “хатка беларуса” . [...] Дядя почти слово в слово всё это пересказал, ведь он и был автором заметки. [...] Вспомнил, что фасад “хатки” нарисовал сам директор Землемерно-агрономического училища Л.В.Горский.

В 1918 году в спектакле “Последнее свидание” Владислава Голубка исполнял Гурик Горецкий роль батьки. Любил декламировать отрывки из произведений Янки Купалы, Адама Мицкевича, Максима Богдановича.

Два интересных очерка поместил он в горецкой газете “Луч Интернационала” . В них столько серьёзной озабоченности о жизни деревни, осознания, что не простой, не лёгкий переход к новому образу жизни. Первый очерк “По уезду (Факты и впечатления)” напечатан 7 мая 1919 года за подписью “Гурик-Ходок” , другой – “Два мирка” – 30 июня 1919 года, подписан: “Гурик Г.”

В 1919 году учение в Горках закончилось. Гавриила Горецкого направили в губземотдел г. Уфы, где поручили организацию лугового фонда. Работал инструктором-ревизором с ноября 1919 до июля 1920 года. Председателем Уфимского Губземотдела был Евлампиев, зав. отделом землеустройства – Дацко (украинец, больной чахоткой). Они во всём поддерживали молодого работника. А у него было много полевой работы, к которой он добросовестно относился, как и к любой другой.

* * *

Горецкие студенты создали в Петровке свою коммуну. Жили вместе у хозяйки в Лихоборах, недалеко от железнодорожной станции Петровское–Разумовское. Хозяйка варила на всех, в основном горох. Бельё студентам стирала. В коммуне Ухин, Моржеедов, Опря (молдованин), Никита Лайков, Пётр Хоцкий, Гавриил Горецкий. Позднее переселились в общежитие. Из этой коммуны возникла Белорусская культурно-научная ассоциация студентов-петровцев.

Белорусская ассоциация имела в инженерном корпусе Петровской академии свою комнату. На стенах выдержки из высказываний о Беларуси Адама Мицкевича, Некрасова, Тургенева, Элизы Реклю. Основали библиотечку, куда Гавриил Горецкий отдал свои книги: что сам приобрёл, что брат Максим подарил. Заведовала библиотечкой студентка Петровской академии Лариса Парфенович, будущая жена Гавриила Горецкого.

29 мая 1921 года прошла студенческая маёвка под Лихоборами. На красивой поляне, на окраине леса, собралось человек сорок. Вспомнил дядя, как выступил на маёвке. Говорил об интересе Максима Богдановича к истории Беларуси, к летописям; о любви к природе; об уважении к женщинам; о новаторстве в поисках различной поэтической формы и т.д. Основывался, главным образом, на сборнике “Венок” , много декламировал наизусть. Под псевдонимом Г.Мстиславец вышла его заметка “Праздник памяти М.Богдановича” в газете “Советская Беларусь” (1921, 18 июня).

13 ноября 1921 года в ботаническом зале Петровки прошло годовое торжественное собрание Белорусской культурно-научной ассоциации студентов. Среди гостей председатель ЦВК БССР и СНК БССР А.Г.Червяков. […] Потом все сфотографировались на крыльце, в центре А.Г.Червяков.

Был “Кружок общественной агрономии” – КОА. Руководил профессор Дояренко Алексей Григорьевич (1874–1958) – выдаю-

щийся исследователь природы, основатель отечественной агрофизики, редактор журнала “Вестник сельского хозяйства” , автор многих научных работ, воспоминаний (“Из агрономического прошлого”), книг для детей (“Занимательная агрономия”), музыкант и композитор. Активное участие в работах КОА принимал и профессор А.Ф.Фортунатов (1856–1925) – известный учёный и замечательный преподаватель. Гавриил Горецкий хорошо знал его книгу “Сельскохозяйственная статистика Европейской России” (~1893) и “Сборник статей по общественной агрономии” (1920).

Важное значение придавалось общественной агрономии: агроном должен быть краеведом, иметь общественные знания, уметь руководить работой. Гавриил Горецкий входил в состав правления КОА (был избран общим собранием в ноябре 1921 года).

Вспоминал дядя Гурик, как на заседании Ассоциации сделал доклад на тему: “Быт белорусского крестьянина” . Говорил о формах построек, обстановке в хате, земляные полы, соломенные крыши, бедный инвентарь; говорил, что мало книг, почти нет газет, не все дети учатся. Начались прения. Выступает Елена Ивановна Леанкевич (из м. Клящели Белостокского повета) и ярко, с жаром говорит против: слишком мрачно нарисована картина. На Гродненщине, Минщине есть хаты, крытые гонтами, крестьяне ходят в сапогах. Крестьянин стремится улучшить хозяйство. А Могилёвщина действительно отсталая. Пришлось согласиться.

Елена Леанкевич работала потом агрономом в Средней Азии. Погибла от рук басмачей (зверски замучили). “Умная, красивая, ладная, стройная была…” – с глубокой горечью вспоминал дядя.

[…] В Ассоциации под руководством Гавриила Горецкого всё же было немало сделано. В студенческом журнале “Новая Петровка” , № 1 за 7 ноября 1922 года в статье Габриэля Мстиславца “Белорусская культурно-научная ассоциация” рассказано о той большой работе, которую выполнили будущие агрономы в Беларуси в 1921–1922 годах во время практики. И особо отмечено: “Уделено внимание памятникам народной мудрости: собрано несколько сот пословиц, примет и пр.”

[…] В 1923 году на сельскохозяйственной выставке в Москве был Гавриил Горецкий заместителем начальника экскурсионного бюро. В это время бывал с женой в театре. Видели постановку Мейерхольда. Всякое новаторство нравилось. В Политехнический музей ходили на литературные дискуссии. Выступали Владимир Маяковский, представители различных литературных направлений.

[…] О своей работе в Горках (на Могилёвщине), где с октября 1925 по март 1927 года в качестве доцента вёл курс экономической географии в БСХА, дядя рассказывал мало. В 1926 году в Минске напечатана его книжка “Народный доход Беларуси” .

Мама моя говорила, что был он чуткий, впечатлительный. Когда убил на охоте поблизости от Малой Богатьковки дикую утку, то сильно переживал потом гибель вольной птицы. Душевные его страдания легли в основу маминого рассказа “Цапля” . Не получился из дяди Гурика охотник, а “Цапля” Леонилы Чернявской пропала в минском издательстве 30-х годов.

* * *

[…] В 1930 году наступили резкие перемены в жизни и работе моего отца и дяди Гурика. Отца арестовали в Минске ночью 19 июля. Что с дядей Гуриком, мы сначала не знали, так как он отдыхал в санатории в Хосте. Его арестовали 24 июля, держали несколько дней в Новороссийске.

В минской тюрьме разрешили дяде получить книгу И.В.Мушкетова (1850–1902) “Физическая геология” и одну из книг по геологии П.А.Тутковского (1858–1930). Потом, правда, отобрали, но когда назначили на отъезд, вернули. Читал их всю дорогу, давали духовную поддержку. На минском вокзале мама моя сумела встретиться с дядей Гуриком, передачу ему хорошую принесла и даже немного поговорила.

Везли заключённых через Оршу, Витебск, Ленинград. В Орше возле вагона – короткая встреча с женой Ларисой Иосифовной, матерью Ефросиньей Михайловной и братом Иваном. “Мама – хоть бы слезинку, – говорил дядя, – внешне спокойная, ласковая. А с сыном Максимом в тюрьме минской увидеться ей не удалось. “Пойду хоть на дом тот погляжу” , – сказала. Пошла, сходила. “Колбаску деревенскую, кусочек сальца занесла” , – запишет он потом.

* * *

В августе 1931 года в г. Кеми (Карелия) назначили молодого академика Гавриила Горецкого на работу в картонажный цех. Делал коробочки для синьки, ударником был. И как у Лаврика из “Комаровской хроники” , “настроение его менялось – от самого чёрного до полного надежд, уверенности в светлом будущем” . Не хотелось

остаться “вечным коробочником” . Однако судьба благоволила к нему. Набирали рабочих, в том числе и среди заключённых, на работу на геологическую базу Ленинградского разведцентра, куда зачислили дядю Гурика 27 сентября 1931 года.

Началась новая жизнь, сначала в Карелии, а потом на Кольском полуострове.

Становление как геолога произошло, когда заметил ошибку в изысканиях работников одной геологической партии. Сумел доказать существование в этой местности двух морен, а не одной, что меняло прежние представления изыскателей. […] Много читал специальной литературы, много учился. Не скрывал радости, когда попадалась геологическая находка. Самым спасительным, приятным стали поиски всего, что связано с землёй.

Первые находки морской фауны – целые залежи её на севере от г. Повенца и на побережье Сегозера. Найдены были фауны с озовых гряд, особенно с оза возле Шавани (на север от г.п. Надвоицы). Фауны было много в песке, легко выбиралась.

Одной из интересных находок были остатки диатомовых водорослей из межледниковых отложений и морен на северных и северо-западных берегах Онежского озера. Радость была большая, потому что – новое.

Порадовала и находка иольдиевой фауны на западе от г. Кеми. “Ракушки в иольдиевой глине!” – восхищался дядя Гурик и через пятьдесят лет.

Однажды поблизости от г. Кеми кто-то нашёл кости огромного размера. Передали на словах геологам, что это кости мамонта. Два дня искал их дядя Гурик, пока не увидел возле какого-то потухшего костра. К сожалению, увидел остатки кита… И сочинил устный рассказ: тут и охотники, которые нашли эти кости, и шпионы, которые выведывали, что у нас делается. Шпионов поймали, склад оружия шпионский отыскали… Раза три рассказывал. Думали, что правда. Когда признался в выдумке, все смеялись. Всё же тянуло дядю придумывать, сочинять приключенческие рассказы.

Более пятидесяти стоянок эпохи бронзы и неолита были найдены в районах г. Медвежегорска и г. Повенца. Встречались изделия из кремня, керамика с орнаментом ямочно-гребенчатой культуры. Много скребков, отщепов, ножевидных пластинок, молотков, ядрышек-нуклеусов (кремень, от которого отбивают кусочки породы для поделок), макролитов (крупных изделий из кремня). В долине реки Выг – много ножевидных пластинок и наконечников для стрел. На запад от г. Кеми уникальное место было, где были найдены изделия из кварца.

В 1932 году перевели дядю Гурика из Ленинградского управления разведцентра в горный геологический отдел Беломорско-Балтийского комбината. Свободы стало меньше. И так тянулось до конца строительства Беломорско-Балтийского канала. Первая статья дяди Гурика по геологии – “Геологическая характеристика Водораздельного канала” – была помещена в сборнике “За качество”, 1933, № 11 (1).

В 1934 году вышел приказ: набирать геологов для отправки на Кольский полуостров на строительство Нижне-Туломской гидростанции (в Мурмашах).

[…] На октябрьские праздники 1936 года гостили у нас дядя Гурик с Ларисой Иосифовной. Жили мы тогда в г.п. Песочня (теперь Калужской области). Радость встречи и горечь о том, что нет уже Ефросиньи Михайловны. Так и не увиделся с ней сын Максим, даже приехать на похороны матери в марте 1935 года ему, ссыльному, не разрешили.

5 ноября 1937 года простились мы с отцом навсегда, а для дяди Гурика октябрь 1937 года, май 1938 – июнь 1939-го оказались особенно тяжёлыми. Был он в это время под арестом, прошёл через унизительные допросы, страшный карцер, каким-то чудом выжил. В июне 1976 года, когда гостил у нас в Ленинграде, ночью вдруг жутко закричал, но быстро затих. Утром узнали: ему приснилось, что тянут на пытки.

На майские праздники 1941 года ездили я и брат Лёня, студенты из Ленинграда, в Боровичи проведать дядю Гурика. 2 мая ходили с ним на реку Мсту. Показал он места, которые готовили под строительство. Мста-река с чрезвычайно быстрым течением. Даже удивлялись мы. Говорили в то время о нависшей над всеми угрозе войны. Тревожно было на душе… Лёня наш (младший лейтенант Леонид Максимович Горецкий) погиб на Ленинградском фронте 18 февраля 1944 года.

В бассейне реки Мсты были обнаружены фрагменты долины Пра-Мсты. Уже сознательно, активно ищет Гавриил Иванович прареки.

[…] В Нижнем Тагиле – база гидропроектировщиков-изыскателей. Гавриил Иванович попал к начальнику Г.Д.Афанасьеву, который был раньше на Повенце, знал его. Послали на изыскания под строительство Широковской ГЭС. Добираться до неё нужно было пешком. Первый раз пошли Сергей Яковлевич Жук (начальник Гидропроекта), Гришин – заместитель главного инженера Гидропроекта, Н.В.Разин – главный инженер будущей Широковской ГЭС и всего строительства, Г.И.Горецкий и ещё несколько

геологов-изыскателей. Километров сорок шли. Места безлюдные. Заночевали у лесника. Хозяева знали, что С.Я.Жук в чине генерала, предложили ему кровать. Ни за что не лёг, и еду общую со всеми делил. Он много сделал, чтобы в конце 40-х годов защитить дядю Гурика от страшной судьбы, сберечь его для науки, так как высоко ценил его научные знания, честность, работоспособность. Выбрали на р. Косьве место для Широковской ГЭС. Вёл строительство Г.Д.Афанасьев. Старший геолог – В.К.Ливанов, математик, поэт, художник. Есть его цветной рисунок. Нарисовал, по воображению лес богатьковский (“звенящий лес”). Берёзы, рябины, а среди них маленькие Гурик и Аннушка собирают грибы.

Начались геологические поиски на всём Предуралье. Дядя Гурик с семьёй жил в это время в посёлке Чунжино возле Чусовой. Был главным геологом Бюро № 12. Руководитель – Н.В.Разин. В.Е.Доманский – главный инженер. Пробыли здесь два с половиной года.

В долине реки Чусовой нашлись фрагменты Пра-Чусовой.

[…] Однажды поздней осенью нужно было плыть по реке Косьве. Идут последние лодки, везущие сено. Едет какой-то дядька с сыном на двух парах лодок. Между лодками в каждой паре – помост с сеном. На первой плыли хозяин с дядей Гуриком, на второй – сын хозяина. Часов через шесть добрались без приключений до Половинки, где нужно причаливать. Стараются попасть в затон, налево, чтобы зацепиться за брёвна. Хозяин кричит, чтобы пассажир помог отталкиваться, а тот не достал дна и полетел вслед за колом. А вода холодная страшно. Хозяин вытянул. В хозяйском доме чаем горячим напоили и на печь отправили. “Хорошие уральцы люди!” – хвалил дядя.

[…] На Волго-Дон выехал дядя Гурик в середине мая 1947 года. Позднее перебралась к нему и его семья. Жили в станице Романовской Ростовской области.

Сначала тосковал здесь дядя. Угнетала степь с сухой землёй (“Сплошная дернина. Земля пересыхает – трещины появляются”). Потом акации нравиться стали, придавали весной красоту. Тюльпаны красиво цвели. Кречеты летали высоко-высоко. И любил запах полыни, всюду его чувствовал. Природа в степи и захватывала порой. В Сарпинской степи безграничное ковыльное море, серебристые волны. Редко где кречет пролетит, пробежит дрофа. Сурки встречались, тушканчики, пёстрые удоды. Шакалы – издалека. Миражи нравились: дрожит воздух – и кажутся озёра, моря… Дикие места впечатляли, а обычно видели культурную степь: луга, табуны коней.

Сайгаки в степи боялись небольшого четырёхместного самолёта, который принадлежал геологической экспедиции. Всем стадом, охваченные невыразимым ужасом, мчались вперёд, просто-таки летели под самолётом.

Волки на бахчах арбузы портили. Бывало, волк арбузов шесть разломает, пока седьмой, самый сочный, съест.

[…] Довелось мне побывать на строительстве Цимлянской ГЭС. Меня предупредили, чтобы ни на шаг не отходила от проводника, а когда всё же в неимоверном шуме, грохоте на несколько минут потеряла его и трёх своих спутников, то испугалась: из горячей густой пыли, со всех, казалось, сторон двигались на меня с лязгом и рыком громадные машины. Работа тут была, как в пекле…

Показал мне дядя Гурик, как намывается из могучей помпы, под большим давлением, песок – и растёт плотина. Однажды слетала с ним и с геологом Владимиром Прокоповичем в Аксай (возле Ростова-на-Дону). Когда возвращались домой, вдруг запахло гарью: в кабине было выше 40°. Сели поспешно на берегу узкой извилистой речки. Пока мотор остывал, а мы купались, бежали к нам люди из ближней станицы… Только собрались взлетать, бежит навстречу запоздалая тётка. За самолётом народ собрался. Все машут ей руками, чтобы отступила в сторону. Одни показывают вправо, другие влево, и она поначалу совсем растерялась.

Жаль, что после этой вынужденной посадки, года не прошло, погиб лётчик Александр Михайлович (семнадцать лет летал, на фронте был) и бортмеханик. Разбились возле Романовской при посадке поздним вечером… И Владимир Прокопович, начальник геологической партии, утонул в весеннюю распутицу 1952 года. Возвращался на коне в Романовскую с полным рюкзаком морских ракушек за спиной. В одном месте снесло в паводок мостик, вода перекрыла шоссе. Конь прыгнул, но на ногах не удержался, оба полетели в бурлящий поток. Конь выскочил, а Прокоповича потянул тяжёлый рюкзак. Вода большая – понесло в ров. Сначала стоял он (люди издали видели), а потом захлебнулся, спасти не успели.

Сколько раз опасность подстерегала дядю Гурика и его спутников. То едва успел отскочить от заведенного пропеллера, то, разогнавшись напрямик по степи, остановили грузовик за какой-то метр от обрыва. В 1948 году едва не сгорел дядя в “Дугласе” . Командир-пилот сказал: “Кто-то есть среди нас счастливый, потому и спаслись” . Видимо-таки этим “счастливым” и был мой дядя. Не подсчитано, сколько налетал он километров на небольших самолётах. Он и место для посадок помогал выбирать, советовались с ним лётчики. По геологической работе немало и в пассажирских лайнерах налетал.

[…] Очень выносливым был дядя Гурик. Работал с утра до вечера, ничего его не останавливало: ни погода, ни расстояния. Много и на коне ездил, по любой крутизне лазил. Не каждый шофёр мог выдержать его "темп" в работе. Один сбежал вместе с дядиными часами. Дядя утешался: "Не всё ли равно в чьём кармане часы, главное, чтобы тикали". Иная реакция была на потерю, добытого для науки. Очень переживал, когда в поезде кто-то вырезал из его полевой сумки ценную научную добычу – с трудом подобранные кусочки земной породы. Наверное, вор думал, что геолог везёт золото.

В то лето 1951 года свозил дядя Гурик гостей своих к хутору Попову, на левом берегу Дона, недалеко от станции Цимлянской, где ещё в 1949 году вновь начались раскопки хазарской крепости Саркел. Места эти скоро должны были навечно спрятаться под волнами Цимлянского моря. Грустно было думать, сколько древних богатств не успеют найти, сколько неразгаданных тайн канет в небытие.

Крепость Саркел построили, с инженерной помощью Византии, примерно в 834 году. В 965 году её взял киевский князь Святослав. Приблизительно в 1117 году, спасаясь от половецких набегов, беловежцы переселились на Русь, а здесь осталось незначительное русско-половецкое поселение да большие кладбища.

[…] Помню предвечерние прогулки с дядей Гуриком на Дон. Был он рад любой возможности отдохнуть, т.к. настоящего отдыха в то напряжённое время не имел. Строительство было ускоренным.

На песчаном берегу с детьми играл. Наплавается, а потом ляжет на живот так, чтобы наполовину из воды высунуться, и выдаёт себя за "крокодила". Малыши подкрадывались к нему, а он подпустит ближе – и вдруг голову вскинет, рот широко раскроет: "Га-а-а!" – и схватит кого-нибудь за ножку. Крик, смех! И снова подкрадывается…

Любили смотреть, как мальчишки станичные купались. Дрыгая ножкой над водой, пропадает, а вынырнет не сразу и совсем не там, где ждёшь…

[…] Свозил меня дядя в Северный Портал, где экскаватор наткнулся на кости слона, который умер тысячу лет назад: свалился в ров и постепенно был засыпан землёй. Старательно откапывали его части работники геологической экпедиции, заливали их парафином, чтобы можно было отвезти в музей. Экскаваторщики пустили по кругу кварту с водой. И мы с дядей Гуриком тоже отпили понемножку. Последние капельки и те подобрал весёлый, до пояса расписанный татуировкой богатырь. Не раз жадно пил дядя из таких вот кружек. И хоть бы когда пожаловался, что нелёгкая у него работа. Это уже лет через двадцать после того дружного водопоя сказал (и

не на меня смотрел, а будто далеко в прошлую жизнь свою): “Много и тяжело работал…” .

[…] 1956 год – это уже Дедовск, за сорок километров от Москвы по Волоколамскому шоссе. Перевели дядю Гурика на работу в Дедовский филиал Гидропроекта СССР.

Посадил он сад, недалеко от дома. За садом – ров, а дальше подмосковный лес – дядина радость. В конце каждой осени сообщал нам из Дедовска, а позднее – из Минска, сколько собрал за грибной сезон боровиков.

[…] В июне-июле 1961 года вместе с сыновьями Всеславом и Радимом побывал дядя Гурик в интересном путешествии по Беларуси. […] Дядю просто очаровывала красота белорусской природы, особенно в районе Слоним – Гродно, Новогрудок – Ивенец – Минск (“Словно в сказке”).

На Могилёвщине заезжали к родным и знакомым. Говорил дядя, что “старость сильно изменила людей, но знакомые черты узнавались сквозь морщины и седину” . В Курманове проведали уже совсем старенького учителя Петра Платоновича Максимова. В Горках осмотрели Белорусскую сельскохозяйственную академию. Наверное, вспомнилось дяде, как здесь учился (1914–1919) и работал (1925–1927).

В дальнейшем путешествии в Тимковичах ночевали у сестры Кузьмы Чорного. Анна Карловна всё-всё подробно рассказала дяде о горьких страданиях брата.

[…] В 1982 году подарит мне дядя Гурик свою новую книгу “Палеопотамологические эскизы Палео-Дона и Пра-Дона” . В этом, 1982 году рассказывал он о самых больших в его жизни геологических радостях:

– Наилучшие находки – в Медвежьей Горе, а потом, когда начал находить палеолит, – хутор Добровольский (теперь тут город Волгодонск). Ценными были находки мустьерского типа (археологическая культура среднего палеолита) возле станции Константиновской.

[…] – Нужно было найти на Днепре те же свиты (комплекс горных пород), что и на других реках. Нашлась венедская свита, нижнекривичская, верхнекривичская и другие. Нашлась морена днепровская. К Беларуси приближался, подошёл с юга. Осуществлялись гипотезы, предположения.

– В бассейне Нёмана много стоянок мезолита, неолита и бронзы. Особенно ценная мезолитичная стоянка возле местности Золотая Речка (ниже д. Белицы, на правом берегу Нёмана).

– Во рвах Новогрудской возвышенности один палеолитический отщеп с патиной (корочка на кремне) нашёлся, сантиметров 8–10.

Все ценные находки геологов радовали дядю.

[…] Скольким молодым учёным помог дядя Гурик страстно полюбить геологическую науку во многих её отраслях! Письма и телеграммы, которые шли ему от учеников в дни юбилеев из разных мест страны, были полны благодарности своему Учителю.

[…] Наилучшим отдыхом для дяди Гурика были теперь его поездки в лес. Сын Радим время от времени возил отца в милые ему лесные места […].

Большой радостью для дяди Гурика была такая же, как и у него, самоотверженная работа сына.

Пока мог, ходил дядя Гурик на интересные выставки, вечера в Доме литератора, бывал в театре.

В 1983 году, юбилейном для его брата Максима (18 февраля отметили 90-летие со дня рождения), задумал дядя Гурик съездить в Малую Богатьковку. Сказал: "Хочу попрощаться, побуду уже в последний раз" . Радим Гаврилович повёз в деревню своих родителей, жену и меня. В Малой Богатьковке остановились у племянницы дядиной Клавдии Ивановны Шнарской. Она всегда напоминала дяде его маму Ефросинью Михайловну: такая же добрая, гостеприимная, тактичная.

На кладбище богатьковском попрощался дядя Гурик со своей матерью, отцом, односельчанами…

Пришло время, когда и к очень выносливому, сильному духом дяде Гурику решительно подступила старость, злее начали нападать болезни. Отказался от полевой работы, от высоких научно-общественных должностей. Остался консультантом в институте, а дома, по мере возможности, писал очередные научные статьи.

Вспоминается, как в 1985 году ходила с дядей в минский Ботанический сад. Дядя ведь был одним из его основателей. Около озера с прекрасными лебедями любил посидеть на гладком тёмно-коричневом камне-скамейке, задумчивый был, больше молчал…

А.Ф. Якушова

"Всегда Ваши Гавриил и Лариса"[283]

Гавриил Иванович – хорошо известный и почитаемый в нашей стране и за рубежом крупнейший ученый широкого профиля двадцатого столетия. Он внес огромный вклад своими многочисленными

[283] Впервые опубликовано: Акадэмік Гаўрыла Гарэцкі. Успаміны, артыкулы, дакументы. Да 100-годдзя з дня нараджэння / Пад рэд. Р.Г.Гарэцкага. Мінск: Тэхналогія, 2000. С. 104-108.

тщательными исследованиями в области геологических событий четвертичного периода. В изучении сложных, взаимосвязанных событий четвертичного периода были использованы все имеющиеся методы исследований: геологические, палеонтологические, археологические, палеогеоморфологические и др., что позволило Гавриилу Ивановичу обосновать стратиграфию континентальных, озерных, лагунных и морских четвертичных отложений на исследуемой территории. Достигнутые результаты исследований опубликованы в многочисленных статьях, брошюрах и крупных монографиях, в которых излагаются основные выводы об условиях и истории развития и формирования различных типов осадков во времени и их соотношении.

Среди многочисленных публикаций особое внимание привлекают пять крупнейших монографий, посвященных истории великих антропогеновых праарек Восточно-Европейской равнины. Все эти монографии сейчас находятся передо мной с теплыми дарственными словами. Из всех пяти я приведу содержание последней надписи на книге по Палео-Дону и Пра-Дону: "Дорогой Александре Федоровне Якушовой. С глубокой благодарностью за моральную поддержку и вдохновение – дарю этот заключительный эскиз палеопотамологического пятикнижия – на добрую память с самыми лучшими пожеланиями. Автор. 23.07.82."

Об этом замечательном человеке можно написать большую книгу, но я остановлюсь лишь на некоторых моментах многолетнего общения и дружбы с ним и его семьей. Наша первая встреча с Гавриилом Ивановичем была в суровые годы Великой Отечественной войны, на Урале, куда срочно перебазировались с запада Союза различные заводы и предприятия и встал вопрос о необходимости их срочного энергетического снабжения. В результате было принято решение о создании специальных гидростанций. На основании этого были развернуты работы по изучению инженерно-геологических условий, необходимых для обоснования возможности строительства гидростанций на реках Чусовой, Косьве и Усьве.

Я была счастлива тем, что мне пришлось работать по проводимым многоплановым исследованиям с таким прекрасным ученым, Человеком с большой буквы, каким был Гавриил Иванович.

Там же на Урале мы вместе с моим мужем Н.С.Семеновым познакомились с его верным спутником жизни, добрым и замечательным человеком Ларисой Иосифовной, которой пришлось переносить с детьми тяготы жизни, когда Гавриил Иванович работал на строительстве Беломорско-Балтийского канала. Именно с уральских экспедиций и последующих работ в системе Гидропроекта возникла

большая дружба с Гавриилом Ивановичем и Ларисой Иосифовной, бывавшими у нас в доме со своими сыновьями (Радимом Гавриловичем и Всеславом Гавриловичем), которые в то время были еще очень юными, а сейчас стали крупными учеными. Прошло много времени, но каждый раз, когда я встречаю Радима Гавриловича на международных конгрессах или различных геологических симпозиумах (реже встречаюсь с В.Г., поскольку он другой специальности), обнимаю и крепко целую его, восстанавливаю в памяти прошлое, и они для меня по-прежнему остаются Радик и Слава, несмотря на все их академические и ученые звания и возраст.

В своих воспоминаниях хотелось бы остановиться еще на некоторых моментах, а именно о подготовке Гавриилом Ивановичем и последующих защитах двух его диссертаций. В 1945 г. наряду с напряженным трудом в Гидропроекте им была подготовлена диссертация на тему "О роли местных географических условий в четвертичной истории (на примере изучения Кольской и Туломской долины на Кольском полуострове)". И вот настал день защиты, а у Гавриила Ивановича не было ни одного костюма, в котором можно было идти в Академию наук, и он вынужден был одеть пиджак, любезно предоставленный ему сотрудником Гидропроекта. Защита проходила в Институте геологических наук АН СССР. Был создан очень четкий доклад, содержащий основные защищаемые положения, базирующиеся на личных исследованиях. Были отдельные вопросы, на которые даны полные ответы защищавшегося. Далее проходило общее обсуждение. Блестящие отзывы о работе и защите были сделаны академиками Н.С.Шатским, Д.С.Белянкиным и др. В результате ученый совет принимает единодушное решение, что защищаемая работа соответствует уровню докторской диссертации и Гавриил Иванович достоин степени доктора геолого-минералогических наук. Что потом стало с этой работой, не очень ясно (она была в единственном экземпляре), то ли она затерялась при посылке в ВАК, то ли в ВАКе приняли решение о присвоении ученой степени не доктора, а кандидата геолого-минералогических наук.

Но ровно через год Гавриил Иванович написал новую работу на тему "Неогеновые и четвертичные отложения района Средней Камы между устьем Вишеры и городом Боровском" и представил ее в тот же ученый совет АН СССР на соискание ученой степени доктора геолого-минералогических наук. Я вспоминаю начало заседания этого ученого совета, когда председательствующий академик Д.С.Белянкин напомнил всем о защите первой работы, отлично оцененной, и в извинительном тоне сказал о каком-то недоразумении, произошедшем с ней впоследствии. Новая защита

диссертации Гавриила Ивановича, как и первая, прошла на очень высоком уровне, в результате решение совета, а затем и ВАКа было единодушно в присуждении степени доктора геолого-минералогических наук. Это был 1946 год. Все близкие друзья и товарищи Гавриила. Ивановича тепло и сердечно поздравили его с блестящей защитой диссертации.

В последующие годы мне посчастливилось совместно с Гавриилом Ивановичем участвовать в полевых геолого-геоморфологических исследованиях в пределах Волги, Дона, Сала и Манычей, а также в Калининградской области РСФСР и в прилежащей части Литовской республики. Я в это время уже работала в МГУ, но не прерывала связи с Гидропроектом, особенно с Гавриилом Ивановичем и его семьей. В полевых исследованиях по Доно-Сало-Маныческому району со мной вместе участвовали сотрудники геологического факультета университета и НИИ Зарубежгеологии (Министерства геологии) и мои аспиранты. Основной задачей наших исследований было определение комплекса геологических и геоморфологических признаков, указывающих на новейшее развитие поднятий применительно к специфическим условиям долины Дона, Сала и Маныча и смежных районов Ставропольской и Ергенинской возвышенностей. Одним из важных вопросов было выяснение новейшего структурного плана и установление характера отражения в нем тектонических структур более древних отложений, что имело значение для предположения о приуроченности к ним нефти и газа. Для решения этих задач были детально изучены (при постоянной консультации Гавриила Ивановича) все естественные обнажения новейших неоген-четвертичных отложений, керновые материалы буровых скважин, пробуренных различными организациями. Были прослежены и увязаны террасовые уровни до выхода Восточного Маныча в Прикаспий, исследованы характер эрозионных врезов, состав и состояние различных генетических типов новейших отложений. Все сотрудники и аспиранты с большим вниманием относились к выводам Гавриила Ивановича о соотношении погребенных аллювиальных свит антропогена и осадков, связанных с мощными морскими ингрессиями (Древнеэвксинского, Узунларского и Карангатского морей), что детально рассмотрено в монографии по Палео-Дону и Пра-Дону и в специальной статье “О соотношениях морских и континентальных осадков Приазовья, Приманычья и Нижнего Придонья”.

Активную и всестороннюю помощь Гавриил Иванович также оказывал нашей группе, работавшей позже в юго-восточной части Балтийской синеклизы Калининградской области и сопредельных

районах Литвы, где он проводил исследования с группой сотрудников четвертичной комиссии АН СССР. Основной задачей нашей группы являлось установление возможности применения неотектонического анализа для прогнозирования новейших локальных структур на глубине, где условно предполагались скопления нефти и газа. Для выполнения этой задачи потребовалось детальное изучение неогеновых и четвертичных отложений в искусственных выработках, естественных обнажениях, а также в керновых материалах многих скважин, пробуренных различными организациями (СЗТГУ, Литовское ГУ, трест "Ярославнефтеразведка" и др.). Эти детальные комплексные исследования новейших отложений проводились с применением всех известных различных методов. При этом значительное внимание уделялось изучению современного рельефа, разработке методики выявления неотектонических движений и унаследованности их развития.

Именно детальные исследования неоген-четвертичных отложений и современного рельефа позволили выявить неотектонические поднятия и прогнозировать их в структуре донеогенового осадочного чехла. В результате этих работ были составлены разрезы, геологические и структурно-геоморфологические карты, одобренные Гавриилом Ивановичем и переданные для дальнейших геофизических исследований с целью познания глубинного строения и степени унаследованности выделенных новейших структур.

Хочется еще раз отметить, что большую радость мы испытывали в совместных работах с Гавриилом Ивановичем – с человеком, испытывающим огромную любовь к науке, отличающимся необычайной широтой научных интересов и глубокой неиссякаемой эрудицией.

Говоря о научной деятельности Гавриила Ивановича и больших достижениях в этом, хочется остановиться на его личных качествах. Он был человеком большого личного обаяния, всегда проявлял исключительную доброжелательность, сердечность, стремление оказать помощь всем как в научных начинаниях, так и в личных вопросах. Такую отзывчивость и доброжелательность я чувствовала много раз на себе. Вспоминаются 1945–1946 годы. По рекомендации академика Н.С.Шатского я без отрыва от производственной работы закончила заочную аспирантуру в Лаборатории гидрогеологических проблем АН СССР и написала диссертацию на тему "Карст карбонатных пород на Русской равнине", основанную на личных исследованиях. Гавриил Иванович оказывал консультации в процессе написания работы и внимательно прочитал ее в готовом виде,

одобрил, пожелал успеха в защите и дал согласие быть оппонентом при ее защите в ученом совете геологического факультета МГУ. Защита прошла успешно. Он и Лариса Иосифовна радовались этому вместе с моей семьей и друзьями. Защита диссертации была первым шагом для дальнейшей моей работы в университете.

Такое же внимательное отношение Гавриил Иванович проявил и к моим аспирантам, фактически работавшим рядом с ним в пределах Манычской впадины (Л.П.Кондакова) и в Калининградской области (А.Е.Додонов). Он оказывал им консультации как в процессе полевых исследований, так и при написании диссертаций, а также просмотрел содержание их работ и сказал, что он дал согласие ученому совету быть их оппонентом при защите в Московском университете (что очень приветствовал ученый совет).

Мне хотелось бы еще отметить доброжелательность Гавриила Ивановича ко мне, к моим некоторым публикациям, выраженную в виде положительных рецензий. В частности, на учебник "Геология с элементами геоморфологии" и на монографию (написанную вместе с аспирантами) "Новейшая тектоника юго-восточной части Балтийской синеклизы" (выполнена под его редакцией).

В заключение хочется сказать о большой дружбе наших семей, начавшейся на Урале и продолжавшейся все время. Они не раз бывали у нас в доме, чему мы всегда очень радовались и просили бывать почаще и быть подольше. Я тоже по их приглашениям бывала у них в Минске, где встречала самый радушный прием и сердечность. К ним я приезжала как в родной дом к наиболее близким мне людям, которых не только уважала, но и горячо любила. При встречах мы были очень откровенны, делились мыслями об общих и личных жизненных событиях и чувствовали полное понимание друг друга. Особенно такие встречи имели значение, когда я осталась одна (после смерти мамы и мужа). Мы постоянно писали письма друг другу, поздравляли со всеми праздниками и событиями. О большой дружбе можно судить по последним письмам Гавриила Ивановича и Ларисы Иосифовны, содержание которых я прилагаю.

Копия письма от 02.10.87.

Дорогая наша Александра Федоровна!

Лариса Иосифовна и я несказанно рады Вашему замечательному ласковому письму. Не просто "забрезжил свет ", а вспыхнуло яркое солнышко. Нежно обнимаем, крепко-крепко целуем Вас. Будем ждать Вашего приезда к нам хоть на пару дней. Очень, очень ждем, приезжайте, пожалуйста – вот радости будет нам.

Наши немощи-болезни компенсируются радостью за Славика: докторская степень его утверждена ВАКом.

Но физически, увы, нисколько не улучшается здоровье. Врачи не советуют мне удалять катаракту правого глаза: не ожидают улучшения, боятся, что операция может даже привести к полной слепоте, т.к. хрупкость кровеносных сосудов в нашем возрасте (88-й год) неподходящим обстоятельством считается...

Придется, по-видимому, писать воспоминания, благо Л. И. может эту службу еще исполнить.

Неизменно Ваши друзья Л. и Г. Горецкие.

Из другого письма

Дорогой и любимый наш давний друг Александра Федоровна!

Спасибо за поздравления и добрые пожелания!

Желаем доброго здоровья и неугасимой Вашей любви к людям и науке на долгие, долгие годы.

Всегда Вас помним, Вашу маму, Ивана Семеновича. И так хочется часто вместе с Вами вспомнить о тех прошедших совместных днях – должно быть в наши годы эта тоска даже по прошлому совсем естественна. Мы очень хотели бы видеть Вас в нашем доме, навестите нас как-нибудь, если сможете. Мы оба уже достигли (87 и 85) того порога, который нам не позволяет быть не только ездоками, но и ходоками. У Гавриила Ивановича сильно ослабло зрение, и я теперь хожу у него в секретарях. Спасибо вам огромное за доброту и внимание. Ласково обнимаем и целуем. Всего Вам доброго.

Всегда Ваши Гавриил и Лариса.

К.В.Никифорова

Был настоящим интеллигентом[284]

20 ноября 1988 г. на 89-м году жизни скончался академик АН БССР Гавриил Иванович Горецкий.

Не стало замечательного ученого, высокоодаренного и целеустремленного человека, обладавшего огромной притягательной силой. Личная скромность, необыкновенная творческая энергия и работоспособность, доступность, уважение к чужому мнению и в то же время огромное мужество и принципиальность были отличительными чертами Гавриила Ивановича. Все эти высокие качества ученого и человека, наверное, можно определить краткими словами – он был действительно настоящим интеллигентом.

[284] Впервые опубликовано там же. С. 109-110.

Гавриил Иванович прожил большую жизнь, изобилующую как успехами, так и трагическими поворотами, но не потерял мужества и жизнелюбия, творческого горения. Наиболее обширные исследования посвятил четвертичным отложениям Русской равнины. Исследования его отличались тщательностью, обилием фактического материала, комплексным подходом и, что очень важно, большим выходом в практику. С этой точки зрения особое значение имели его инженерно-геологические изыскания во время работы в системе Гидропроекта. За много десятков лет упорного труда им издана серия монографических работ, до сих пор не потерявшая своего научного и практического значения.

Я более близко познакомилась с Г.И.Горецким в 1944 г., в конце Второй мировой войны. Вследствие трагических событий в его судьбе (начиная с 1930 г, он неоднократно незаконно был репрессирован) Г.И. смог защитить кандидатскую диссертацию лишь в 1945 г. Защищал он ее в Москве в Геологическом институте АН СССР, где я в то время была ученым секретарем. Ученый совет Геологического института единогласно присудил ему ученую степень доктора геолого-минералогических наук. Однако ВАК при Министерстве высшего образования по формальным причинам – наличие всего двух вместо трех полагающихся при защите докторских диссертаций оппонентов, на этот раз утвердил только кандидатскую степень. Через год, в мае 1946 г., Г.И.Горецкий в том же Геологическом институте АН СССР успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора геолого-минералогических наук.

В 1956 г. Г.И.Горецкий переехал в Москву (точнее, в г.Дедовск под Москвой). Здесь до 1968 г. он работал в Гидропроекте заместителем начальника отдела геологических изысканий, главным геологом южных объектов и главным специалистом. За это время вышли его три крупные монографии, удостоенные Государственной премии СССР 1971 г. Продолжая изучение речных долин, в 1978 г. Г.И. издает монографию о Палео- и Пра-Немане, а в 1982 г. – о древнем Доне.

Труды Горецкого имели большое значение для прогнозирования и поисков полезных ископаемых. В 1986 г. работы его были отмечены Государственной премией БССР.

Гавриил Иванович всегда много времени и внимания уделял научно-организационной работе. В 1967 г. он становится председателем Комиссии по изучению четвертичного периода при Секции наук о Земле АН СССР; являлся также основателем и председателем Комиссии по изучению антропогенового периода при АН БССР, заведующим сектором палеогеографии антропогенового периода и заместителем академика-секретаря Отделения химических и гео-

логических наук АН БССР; был членом Проблемного совета АН БССР, членом Терминологической комиссии Белорусской Энциклопедии, Ученого совета НИС Гидропроекта и т.д. Он постоянно консультировал и участвовал в экспертизах по геологическому обоснованию крупных инженерных сооружений.

Мне посчастливилось работать рядом с Гавриилом Ивановичем Горецким много лет в качестве члена бюро Комиссии по изучению четвертичного периода АН СССР, в то время, когда он был ее председателем. Высокая эрудиция, принципиальность в решении научных проблем, широкий круг интересов, особая предупредительность и вежливость, объективность и доброжелательность, готовность оказать помощь молодым исследователям всегда притягивали к нему людей.

Проживал он в то время в Минске, но неизменно приезжал на проходившие в конце каждого месяца заседания Комиссии по изучению четвертичного периода, принимая самое активное участие в обсуждении проблем четвертичной геологии и смежных с ней дисциплин. Вклад его в развитие науки велик и еще ждет своих исследователей. Он сохранял тесные связи, со всеми республиканскими учреждениями Академии наук и Министерства геологии СССР, а также со многими производственными организациями.

В памяти его многочисленных друзей, коллег и учеников Гавриил Иванович Горецкий навсегда останется ученым широкого профиля, человеком высоких гражданских идеалов, редкого обаяния и душевной чуткости.

К.И.Смирнов

На Тихом Доне[285]

Несмотря на людскую неустроенность, Дон все же пленял нас своей первозданной красотой. И река, и ее притоки, и поймы, заросшие ивняком, ольховником, тальником, и донские дали с перемежающимися серпантинами воды и зеленью пойменных лесов – все это имело свою неповторимую, более миниатюрную прелесть, чем прелесть Поволжья, но так же чарующую человека.

Пожалуй, трудно с чем-либо сравнить по силе впечатления тишину спящего в окружении могучего редколесья, отшнурованного

[285] Из воспоминаний, написанных в 1978 г. Впервые опубликовано: Акадэмік Гаўрыла Гарэцкі. Успаміны, артыкулы, дакументы. Да 100-годдзя з дня нараджэння / Пад рэд. Р.Г.Гарэцкага. Мінск: Тэхналогія, 2000. С. 112-118.

от реки и забытого “Старого Дона”, подернутого болотной ряской и разбросанными по его зеркалу белыми и желтыми кубышками, с кугой и тростником у берега, вздрагивающих от игры сазанчиков, линьков и прочей рыбной живности.

При посещении, бывало, таких заповедных мест невольно ждешь встречи с Васнецовской “Аленушкой”. Таких староречий, излюбленных гнездовий диких уток, называемых “Старым Доном”, не перечесть. А кроме них – неисчислимое обилие “ериков” – замысловатых по очертанию озер, остающихся в пойме реки после спада паводка, изобилующих рыбой и раками, к осени высыхающих и густо зарастающих осокой и кугой. Прибрежные валы Дона, поросшие мать-мачехой, иван-чаем и лопухами, песчаные их обрывы затейливо переплетены обнаженными длинными корнями-нитями тальника и ивы. Бечевники, занесенные толстыми стволами вековых сучковатых коряг, называемых здесь коблами, во многих местах непроходимы. Речные песчаные косы, мелкие в заводях, с температурой парного молока, – излюбленное место пасущегося стада... Все это оставило в памяти неизгладимое впечатление.

Здесь, на Тихом Доне, я познакомился с Гавриилом Ивановичем Горецким и его женой – Ларисой Иосифовной. После Георгия Александровича Чернилова Гавриил Иванович на моем жизненном пути, безусловно, был самой светлой, самой замечательной личностью.

[…] Гавриил Иванович, сын простого крестьянина, безусловный самородок. Эрудиция Гавриила Ивановича огромна. Им опубликовано большое число научных работ и в их числе несколько известных монографий. Каждая из них могла бы дать право на звание академика. Но кроме печатных трудов за спиной Гавриила Ивановича руководство геологическими изысканиями Нижне-Туломской, Горьковской, Нижне-Камской, Соликамской ГЭС и позднее – Волго-Донского канала, Цимлянского гидроузла, канала Северский Донец – Донбасс, Днепр – Кривой Рог и др.

В пятидесятых годах “дело” Гавриила Ивановича, как и многих других, было пересмотрено, судимость снята “из-за отсутствия состава преступления”. Он стал полноправным гражданином Советского Союза, оставаясь большим патриотом своей родной Беларуси. Его в 60-х годах восстановили в звании действительного члена Академии наук БССР. Уже давно он живет в Минске вместе с Ларисой Иосифовной, ее мамой – Марией Михайловной 92 лет. У них два сына: Радим – геолог-нефтяник, недавно также избран академиком АН БССР, и Всеслав – кандидат педагогических наук.

Гавриил Иванович и Лариса Иосифовна по совместной жизни и работе в Цимле стали нашими близкими и любимыми друзьями.

Гавриил Иванович присылает нам свои труды, с теплыми строчками привета на них. Я всегда считал и глубоко уверен, что корни симпатии к нам у Гавриила Ивановича кроются в общности жизненных судеб его и моей жены Нади. Откровенный, теплый обмен воспоминаниями, состоявшийся 7 ноября 1948 г. в нашей избенке в станице Романовской, со слезами взаимного понимания перенесенных страданий во время следствия и заключения, способствовал нашему сближению и взаимной симпатии, которые продолжаются, ничем не омраченные, вот уже 30 лет.

Недавно я купил международный ежегодник за 1977 г. – "Будущее науки" и там увидал статью Гавриила Ивановича "О нерешенных вопросах антропогена". По заведенному порядку ежегодник предпосылает каждой статье портрет автора и его научное амплуа. Там написано: "Гавриил Иванович Горецкий – геолог антропогена, палеогеограф, инженер-геолог, доктор геолого-минералогических наук, академик АН БССР, заведующий отделом геологии и палеопотамологии Института геохимии и геофизики АН БССР. Председатель комиссии по изучению четвертичного периода АН СССР, председатель советской секции Международного союза по изучению четвертичного периода (ИНКВА – INQUA), лауреат Государственной премии СССР 1971 г." Вот есть кто Гавриил Иванович!

Когда посмотришь на Гавриила Ивановича, то в его облике не найдешь ничего "ученого". Перед тобой обычный мужичок, в простой одежде, с крупными чертами лица, добрым, умным, улыбающимся взглядом из-под густых нависших бровей, внимательно и доброжелательно, не перебивая, слушающий тебя, очень располагающе, тепло и убедительно высказывающий свои суждения. Если ты хочешь вникнуть в суть вопроса, он не преминет изложить основы, на которых строит свои логические суждения. Нам, привыкшим очень часто к резкой полемике, иногда кажется непривычным его спокойное и доброжелательное высказывание. В самой его разговорной интонации есть что-то подкупающе достоверное. Вещи сложные подаются оппоненту предельно ясно, и он их или понимает, или не может сомневаться в их достоверности, раз они исходят от Гавриила Ивановича. Заканчивая жаркий разговор, спорщики единодушно проникаются симпатией к нему.

Гавриил Иванович любит молодежь. В Романовской его можно было часто видеть не только в поле или камералке, но и во дворе своей хаты за длинным столом и скамейками, врытыми в землю, среди студентов-практикантов, весело уплетающих арбузы. Я не знаю людей, которые отзывались бы о нем плохо. И в то же время он никогда не приобретал расположения к себе за счет принципиальных уступок.

В 8-й экспедиции ее начальником был привит особый привкус какой-то заносчивости и недоброжелательства. Разговаривать с Кондратьевым, о чем-либо его просить всегда было неприятно, но и для него авторитет Гавриила Ивановича был непререкаем. Да это и естественно: вся экспедиция была призвана обеспечивать плодотворную работу Гавриила Ивановича.

Со времени строительства Беломорско-Балтийского канала Гавриил Иванович был исключительно уважаемым человеком и авторитетом у Сергея Яковлевича Жука, который утверждался в правильности принимаемых им решений только после того, как выслушивал Гавриила Ивановича по геологической и гидрогеологической обстановке любого серьезного объекта. Весомость его суждений состояла в том, что в отличие от большинства чистых геологов-теоретиков Гавриил Иванович обладал, кроме знаний, еще даром инженерной интуиции и оценки несущей способности основания сооружений, практических характеристик пород как материала для насыпей или засыпок.

После завершения Волго-Дона Гавриил Иванович работал в Особом конструкторском бюро Гидропроекта в г.Дедовске, имел там квартиру. Он никогда не хотел брать на себя административных обязанностей, посвящая все свое время работе в поле, лаборатории. Гавриил Иванович занимался анализом фактического материала по объектам, на которых был занят, и концентрировал у себя колоссальные сведения многих изысканий и исследований других министерств и ведомств. Это и позволило ему выпустить три капитальные монографии по пpарекам Русской равнины, каждая из которых уникальна по объему использованных в ней фактических данных.

В 1948 и 1949 годах с согласия Гавриила Ивановича я приобщился к его делам. Частенько на его “козлике” мы ехали по буровым скважинам, потом останавливались у кернохранилища станицы Соленовской, близ озера Сусорово. К нашему приезду раскладывались на земле продолговатые ящики с выбуренными образцами грунта. Группа из 8–10 человек рассаживалась кто на пеньке, кто на чурбане, табуретке или просто на земле и начинался разбор скважин. Гавриил Иванович обращался к одному из участников и просил его рассказать “легенду” очередной скважины, начиная с поверхностного почвенного слоя.

Он включал и меня в такой разбор, отметая мои сомнения и смущения словами ободрения и говоря, что мои ошибки позволяют глубже вникнуть в природу геологических образований, ошибки будут указаны и суть их объяснена. Нужно было расчленить всю

колонку кернов на стадии отложений, на фации, объяснить природу переходных зон. Разбор прерывался большими вставками Гавриила Ивановича. Он делал экскурс в геологические эпохи минувших миллионов лет, говорил, что там, где мы сейчас находимся, было море, потом оно постепенно отходило к современным границам, менялся базис эрозии, что этому сопутствовало отложение определенных фракций. Он рисовал картину жизненных процессов, животного и растительного мира, говорил, что палеонтологи по сохранившимся остаткам, иногда только микроорганизмов, датируют возраст пород. Эти рассказы были исключительно интересны. Они не носили в себе замысловатой терминологии, а когда без нее все же нельзя было обойтись, она расшифровывалась и становилась понятной. Я уверен, что студенты получали от общения с Гавриилом Ивановичем знаний больше, чем в институте, и главное им прививалась вакцина интереса к обширному познанию.

На мою долю за время таких разборов выпало десятка полтора скважин, и я почувствовал себя увереннее в геологическом распознавании основания нашей плотины.

Но это еще не все. Мало знать историю отложений и распознавать их классификацию, для инженера больше всего нужно знать их стойкость под нагрузкой. А нагрузка может быть и вертикальной, и сдвигающей – горизонтальной. Грунт может сжиматься, может течь, срезаться, и каждая его разновидность по-своему.

Геолог должен дать инженеру пределы допустимых нагрузок на грунт и размеры возможных его деформаций. Самым сложным для сыпучих и мягких грунтов при бурении является взятие проб с ненарушенной структурой. Для лабораторных исследований образцы должны быть той плотности и той влажности, какими они обладают в природном залегании. Для большинства грунтов это достигается разными путями, а для таких, как, например, мелкозернистые, плывунные грунты, не найдены надежные приемы извлечения кернов с ненарушенной структурой. Даже замораживание искажает их природную характеристику.

Только что извлеченные из скважин керны, предназначаемые для лаборатории, парафинируются и сохраняются очень тщательно, иногда длительное время, годами, но большинство из них поступает в геотехническую лабораторию. В 8-й экспедиции заведовала ей Лариса Иосифовна, такой же прекрасный работник и милый человек, претерпевшая вместе с мужем его страдания и разделяющая с ним вместе экспедиционные работы. В лаборатории на приборах изучали так называемые компрессионные кривые грунтов, т.е. зависимости осадок (или сжатия) от нагрузок по времени, определялись срезыва-

ющие усилия, углы внутреннего трения, углы естественного откоса, предельно рыхлое сложение, влажность, сухой остаток при прокаливании (чем определялось количество органических примесей) и т.д. Когда входишь в лабораторию – видишь шеренгу приборов. За каждым ведется тщательное наблюдение и составляется таблица и кривые измерений.

Но как бы ни полно характеризовались грунты, геолог участвовал в ходе строительства. Вынимался глубокий котлован, иногда на 10–20 м и более, а это значило, что на вскрытое основание переставали действовать нагрузки от удаленного грунта. Возникало явление вспучивания, выпирания основания, которое могло иногда достигать значительных величин, измеряемых десятками сантиметров. В других случаях вскрытое основание под действием дождя, холода или солнца начинало терять те характеристики, которые учитывались при составлении проекта. Во всех подобных случаях геологу нужно было дать рекомендации, а строителю принять конструктивные решения. Гавриил Иванович был незаменимым в таких ситуациях. Мы его всегда выслушивали с глубочайшим вниманием и следовали его совету. Я уже писал о первой встрече с Гавриилом Ивановичем на Широкстрое. Он был приглашен Н.В.Разиным для консультации вопроса о степени сохранности алевролитов и аргиллитов, их зачистки, подготовки и формы основания под бетонные сооружения. Он снял многие наши сомнения, навеянные больше всего рядовыми геологами строительства и Гидропроекта, и мы ему были очень благодарны и за сокращение объема работ, и за его удешевление.

В нем много того, что воспринимается как решение трудностей “по-мужицки”. Мужик знает по дедовскому, отцовскому и собственному опыту, как встречать возникающие трудности. Гавриил Иванович делает это, глубоко понимая физику явления и игру сил, но он так доходчиво и просто рассуждает, что это похоже на “мужицкий” подход к делу. Он обладает громадной эрудицией, полученной благодаря упорному труду. Нелишне вспомнить, что, отвечая иногда на вопросы строителей, Гавриил Иванович вынимал свою заветную книжечку с памятными записями для себя, сделанными стенографически. Он досконально владеет искусством стенографии.

Гавриил Иванович – неутомимый исследователь. Большую часть времени он проводит в поле. Вспоминаю, как, путешествуя с Сергеем Яковлевичем Жуком, Гавриил Иванович обычно отбивался от “собачьей свадьбы” (по выражению Г.А.Чернилова). Сергей Яковлевич это знал, и когда ему нужен был Гавриил Иванович, просил посмотреть его поблизости, где-нибудь у прибрежных яров или

обнажений. Там Гавриил Иванович, не торопясь, ковырялся в земле и, как правило, представал перед Сергеем Яковлевичем с набитыми карманами и держа в руках косточки, черепки, ракушки, кремневые изделия каменного века. В одну из таких отлучек от толпы, где-то в низовьях Дона, Гавриил Иванович нашел кости мамонта.

Он не пропускал случая быть на археологических раскопках, которые шли в зоне будущего водохранилища. Самые крупные из них велись километрах в 30 выше плотины, у хутора Попова. Руководил раскопками профессор Ленинградского университета Михаил Илларионович Артамонов – весьма известный в стране археолог. Строительство хорошо помогало ему в его новых приемах раскопок механизмами и транспортом. Как-то Гавриил Иванович пригласил меня с Надей поехать с ним на раскопки. Мы, конечно, с удовольствием согласились и остались очень довольны увиденным.

Раскопки велись на древнесарматском поселении Саркел и крепости "Белая вежа", местоположение которых после долгих поисков было установлено М.И.Артамоновым. В раскопках участвовали сам Михаил Илларионович, его жена и сын лет 14, были научные сотрудники и студенты.

Мы увидели, какую кропотливую работу ведут археологи, как, добравшись до интересного места, они осторожно освобождают от позднейших наслоений поверхность кладки фундамента и стен или очага, или истлевшего от времени оружия. Применяют для этого бобровые кисточки. Землю просеивают, чтобы не выбросить в отвал что-нибудь интересное.

Ученые показали нам свои находки, вскрытые остатки крепостных стен, домов, очагов, глубокий круглый колодец, облицованный камнем, хну, применявшуюся для косметики и ритуальных целей. Были и золотые находки. Интересны были захоронения за пределами крепости, скелеты в сидячем положении с предметами, положенными в могилу. Нам показали узкопленочный фильм, снятый маленьким Артамоновым. Оказывается, он был весьма полезным участником экспедиции. Сейчас "Белая вежа" ушла под воду Цимлянского водохранилища. Хутора Попова больше не существует.

Мировая практика плотиностроения до сооружения в СССР Свирской ГЭС знала только скальные основания. Если не было скалы, не строили в этом месте реки и плотину. Советские инженеры под руководством Генриха Осиповича Графтио разработали проект ГЭС, плотины и шлюзов на девонских глинах на реке Свири и построили их. Мир был удивлен не только смелостью решения, но и точностью инженерных предположений о возможных неравномерных осадках здания ГЭС. Дело в том, что завод требовал строго

вертикального положения оси турбины и генератора, перекос оси агрегата не допускался. Возможный перекос при проектировании был подсчитан, учтен при строительстве и после сооружения здания ГЭС и наполнения водохранилища расчетные предположения совпали с натурой. Это было признано шедевром инженерных расчетов и прогнозов, надежности изученных при проектировании физических параметров грунта основания.

В наши годы в Советском Союзе гидротехнических сооружений на мягких грунтах строится, пожалуй, больше, чем на скальных. На мягких грунтах построен весь Волжский канал, Днепровский (кроме ДнепроГЭС), Свирский, Камский каскады, гидротехнические сооружения ББК, каналов Москва – Волга, Волго-Дон, Волго-Балт, многие Сибирские гидроузлы. Сложности больше всего возникают в тех случаях, когда основание сооружений неоднородно. Для Цимлянского гидроузла было характерным залегание в большой толще мелких песков, значительных по площади и толщине линз черных, илистых отложений, или "стариц". Когда-то при определенном базисе эрозии в низинках песчаного рельефа получались отстойные места. Там и скапливался ил. Потом тысячелетиями жизнь реки менялась. Эти илы закрывались песками другой геологической эпохи и, когда вскрывалось основание под бетонные сооружения, оно выглядело мозаичным – на 70% песчаным и на 30% (эти цифры, конечно, условны) илистым. Возникал вопрос: что же делать? Все зачищать до песка и много, и дорого, и нет уверенности, что не обнаружишь ниже такой же картины. В дальнейшем вынутые объемы нужно было бы компенсировать бетоном.

Вот в таком случае уже не по кернам из скважин, а в натуре было видно, с чем мы имеем дело, и совет Гавриила Ивановича был решающим.

Ф.Ю. Величкевич

Первые встречи[286]

С Гавриилом Ивановичем Горецким я впервые встретился вначале 1967 года в Ленинграде. Я учился в Педагогическом институте имени А.И.Герцена и как раз начинал научную работу под руководством известного русского палеоботаника Павла Ивановича Дорофеева, который много лет работал вместе с Гавриилом Ива-

[286] Впервые опубликовано там же. С 148–154.

новичем над изучением неогеновых и четвертичных отложений в бассейнах великих рек Русской равнины. Совместная работа очень сблизила этих талантливых исследователей, дружеские отношения между которыми сохранялись до последних дней их жизни. Встреча произошла в Ботаническом институте АН СССР, где работал П.И.Дорофеев, и куда по каким-то своим делам приехал Г.И. Тогда он работал главным специалистом Гидропроекта и жил в г. Дедовске под Москвой. Я только краем уха слышал про сложную судьбу этого интересного человека, поэтому с волнением вошёл в маленькую комнатку П.И., где навстречу мне поднялся с места и занял собой почти всё помещение могучий человек с мягким искренним голосом и ласковым взглядом проницательных глаз. Он уже знал со слов П.И., что я белорус, поэтому поздоровался по-белорусски, задал несколько обычных в таких случаях вопросов, от которых я растерялся и не сразу нашёл нужные слова, чтобы ответить также по-белорусски, так как в русскоязычном окружении я уже успел немного позабыть родной язык. Г.И. понял это, улыбнулся и начал говорить по-русски. Эта беседа с участием П.И. длилась около часа, не всё сохранилось в памяти, но я никогда не забуду той искренней заинтересованности, с которой Г.И. расспрашивал меня о моих первых шагах в палеоботанике и именно в её специфической и мало распространённой области – палеокарпологии. Г.И. очень настаивал, чтобы я начал изучать четвертичную семенную флору Беларуси, что стало потом материалом для кандидатской диссертации. Он с подъёмом говорил про чрезвычайно богатые палеокарпологические находки в белорусских антропогеновых отложениях, рассказал о своих планах возвращения в Беларусь, где предполагал создать особую школу исследователей антропогена, в которой почётное место будет принадлежать палеокарпологии. В заключение Г.И. предложил принять участие в полевых работах, которые он планировал провести летом 1967 года в бассейне Днепра, обещал всяческую помощь в сборе материалов по межледниковой флоре разного возраста, а после защиты кандидатской диссертации настойчиво приглашал на постоянную работу в Минск. П.И.Дорофеев был целиком на стороне Г.И., и я понял, что они уже заранее обсудили мою будущую судьбу.

Эта встреча стала в моей жизни настоящей “нитью Ариадны” , которая летом того же 1967 года привела меня в полевой отряд Лаборатории геохимических проблем АН Беларуси. Под руководством Г.И. начались комплексные научные исследования четвертичных отложений в долине Днепра от Смоленска до Лоева. Тот первый в моей жизни полевой сезон остался в памяти до мелочей, так как был освещён присутствием Г.И., его неисчерпаемой энергией, мощной

волей, захватывающей эрудицией, терпеливостью и почти отцовским вниманием к своим молодым коллегам. Перебирая полевые дневники того времени, я нахожу, например, задание, в котором Г.И. поручил мне палеокарпологическое изучение межледниковых отложений разреза Верхней Немикары на Смоленщине. Всего несколько строк, в которых точно очерчено значение этого разреза для науки, что о нём уже известно, на что необходимо обратить особое внимание при новом изучении, как полученные результаты будут способствовать решению общей проблемы и чего ждёт Г.И. от данных исследований. Г.И. часто повторял: “отрицательный результат – тоже результат, нужно искать новые подходы, уточнять пути научного поиска” . Но главное, что требовал Г.И. от своих учеников и сотрудников, и чего неуклонно придерживался сам, это – уважительное отношение к каждому, даже самому на первый взгляд незначительному научному достижению, “его Величеству Факту” , как он любил говорить.

Полевые исследования в первые годы возвращения Г.И. на Родину (1967–1969 гг.) разворачивались в непростой обстановке и сопровождались почти “спартанскими” условиями жизни и работы. Молодость и романтика позволяли нам быстро привыкнуть к приготовлению еды на костре, сну в больших палатках на сене или еловом лапнике, накрытом парусиной, переездам с места на место в плотно упакованной вещами автомашине, в которой помещалось до 10–12 и более человек и т.д. Мы только диву давались, как Г.И., далеко не молодой человек, держался в таких слишком простых, если не сказать примитивных условиях жизни, не теряя оптимизма и чувства юмора. В своей жизни он видел и худшее, поэтому ничто не могло помещать интересной, плодотворной и даже какой-то возвышенной, торжественной работе на пользу отечественной науки.

Г.И. любил поспать утром, особенно когда погода не позволяла начинать работу на обнажении, но когда случалось стать лагерем возле хорошего леса, он не мог удержаться от своего давнего увлечения – поиска грибов. Просыпался на рассвете и до общего подъёма возвращался с добычей, причём находил грибы даже в самых безнадёжных, как казалось местах. Свой успех обычно объяснял тем, что всегда руководствуется известными ему с детства приметами. Сам Г.И. грибы не ел, зато с удовольствием наблюдал, как молодёжь лакомится его угощением.

На особый лад Г.И. строил свой, а это значит, и наш рабочий день. Он очень ценил точность, не тратил зря ни одной минуты и постепенно именно такой стиль полевой жизни начинал господствовать в отряде. Когда очередной повар начинал громко стучать

ложкой по миске, созывая на завтрак, и из палаток начинала потихоньку высовываться заспанная молодёжь, Г.И., уже одетый, чисто выбритый, сидел где-нибудь поблизости в своей знаменитой соломенной шляпе и что-то записывал в дневник, причём, как выяснилось стенографией. Потом мы узнали, что ещё в молодости он освоил этот метод и пользовался им в основном при геологической документации материалов полевых исследований. А во время завтрака Г.И. как будто между прочим сообщал, что неподалёку находится интересное обнажение, там дальше – криничка, а в том направлении – огромный камень-валун и т.д. Было ясно, что Г.И. уже успел обойти окрестности, увидеть всё то, на что будет направлено и наше внимание.

Полевым исследованиям Г.И. отдавал много времени и внимания, так как считал их необходимым и одним из главных элементов научной работы геолога-четвертичника, да и вообще каждого геолога. Особое внимание направлял на тщательное изучение интересных обнажений, где можно было наблюдать разновозрастные морены, водно-ледниковые, озёрные и другие отложения. Но настоящим событием становились находки обнажений с межледниковыми отложениями. Тогда начинались грандиозные раскопки по так называемому “методу широких расчисток” , при которых межледниковые отложения прослеживались на всей площади их обнажения, выяснялись контакты между слоями разного возраста и генезиса, делались детальные описания, зарисовки и фотоснимки этих слоёв, брались пробы для различных анализов. Когда было необходимо, выкапывались глубокие шурфы и канавы, стенки которых деликатно обрабатывались, а затем внимательно изучались. Вся эта безусловно интересная, но довольно тяжёлая работа благодаря Г.И. приобретала характер соревнования, когда одна “команда” землекопов с нетерпением ожидала своей очереди, чтобы сменить другую и сделать что-то быстрее и больше. Г.И. отмечал лучших работников словами “богатыри” и “атлеты” , а между прочим объяснял, для чего это делается, что мы сейчас должны увидеть, как нам будут завидовать те, кто не сделал таких расчисток, как мы. Работали с огоньком. Слышались шутки и смех, никто не скучал. Обычно и Г.И. не оставался в стороне, брал лопату и порой, прослеживая какой-нибудь контакт, взбирался на такие крутые склоны, где не каждый мог удержаться.

В лагере с утра до вечера звучал белорусский язык, на который стремились переходить даже те, кто им раньше не пользовался, или вообще не знал. Никто этого не требовал, не было никакого принуждения, просто молодёжь воспринимала это как игру, за которой, бес-

спорно, стояла тяга к родному слову. Это своеобразное возрождение родного языка было не только на бытовом уровне, но и во время бесед на научные темы или при документировании геологических материалов. Описание обнажений или керна скважин Г.И. порой делал сам, обычно стенографией, но чаще поручал кому-нибудь из наиболее опытных специалистов, а в некоторых случаях создавал для этого что-то наподобие группы экспертов, фамилии которых обязательно отмечались в полевых дневниках. Главные признаки описанных пород, такие как цвет, слоистость, глинистость, содержание грубообломочного материала и т.д. коллективно обсуждалось. Если было нужно – дискутировали. Окончательный вариант заносился в тетрадь. Г.И. внимательно слушал споры “экспертов” , что-то дополнял и подсказывал, затем подытоживал, делал акцент на той или иной особенности породы, определял её генетический тип. Рабочий день подходил к концу, и после весёлого купания и хорошего ужина наступала пора, которую все подсознательно ожидали. Разводили костёр, все собирались возле него, устраивались кто на чём, и начинались бесконечные разговоры, воспоминания, слышались шутки, смех. Г.И. слушал, громко смеялся от удачной шутки, а уже позднее, когда сгущались сумерки и создавалось интимное и какое-то возвышенно-щемящее настроение, начинал постепенно говорить и сам. Это были глубокие и проникновенные рассуждения о будущем белорусской геологии и палеопотамологии антропогена, планы на ближайшее и более отдалённое время, поучительные примеры из жизни знаменитых учёных и ещё много чего разного и невероятно интересного. Г.И. любил хвалить своих молодых коллег и делал это так деликатно и искренне, что очередной “именинник” слушал направленные на него возвышенные слова без обычного в таких случаях смущения. Наконец, разговоры постепенно стихали, все молча смотрели на горящие угли и осмысливали услышанное в этот вечер. Звучало “доброй ночи” , и все постепенно расходились, притихшие и задумчивые.

В полевой жизни иногда случались смешные приключения, которые вспоминали потом много лет. Всем хорошо известная история о том, как А.И.Копцев готовил завтрак и вместо воды для каши использовал керосин, а потом им же пробовал полить Г.И. на руки, когда тот начал мыться и чистить зубы. Кашу, которая приобрела какой-то странный синий цвет, Е.П.Мандер закинула в корчи, завтрак задержался, но знаменитое обнажение Нижнинский Ров, на котором всё это происходило, никогда не слышало такого громкого и весёлого смеха. Хорошо помню и другой, на этот раз серьёзный случай. Однажды нудный, затяжной дождь подарил вынужденый

выходной день, и Г.И. решил использовать его для поиска грибов, так как рядом был очень хороший сосновый бор. Он надел плащ, обул хромовые сапоги и отсутствовал несколько часов. А когда появился в лагере со своей добычей, на нём буквально не было ни одной сухой нитки. Несмотря на домашние средства лечения, Г.И. заболел, и достаточно серьёзно. Под общим напором он согласился на следующий день поехать в Рогачёв в районную больницу, из которой его потом самолётом перевезли в Минск, где положили в больницу и долго лечили.

В другой раз непогода вынудила нас необычно рано разойтись по палаткам и устроиться в спальных мешках. Я по приглашению Г.И. разместился в его немного лучшей палатке, и мы много времени проводили перед сном за неторопливыми разговорами на самые разные темы. В тот раз у меня вдруг возникла мысль спросить у Г.И. об истории его жизни, что я и сделал с юношеской непосредственностью. Нужно заметить, что ни у вечернего костра, ни при других обстоятельствах Г.И. никогда не концентрировал внимание на себе, да и никто даже не пытался вызвать его на такой разговор.

Г.И. ничего не ответил, молчание длилось несколько минут, и я, проклиная себя за бестактность, уже пробовал как-то заснуть, но вдруг послышался его тихий и спокойный голос.

“Вам, – неторопливо начал он, – наверное, неизвестен смысл выражения “свинство деревенской жизни” ? Это означает жизнь в небольшой хатке с земляным полом и подслеповатыми окошками, которая зимними вечерами освещается лучиной, а во время сильных холодов забирали в подпечек домашнюю птицу, а где-то в уголке размещались поросёнок да телёнок. Вот в такой хатке я и родился, как Вы знаете, 10 апреля 1900 года” , – продолжал он всё тем же размеренным тихим голосом. А потом начался захватывающий рассказ про юношеские и молодые годы с точными, порой журналистскими подробностями, связанными с первым арестом, допросами, нахождением в неволе. Теперь об этом многое напечатано, стараниями сына Радима открыты многие тайные страницы жизни Г.И., и эта работа продолжается, но тогда, в конце 60-х годов, нельзя было и мечтать узнать что-нибудь правдивое на такую опасную тему, разве что вот таким образом – из уст самого Г.И. Ошеломлённый, боясь повернуться, я ловил в темноте каждое слово, а Г.И. вспоминал всё более драматичные события, точно называл даты того или иного события, фамилии людей, связанных с худшими либо лучшими периодами его жизни. Иногда замолкал, будто вглядывался в даль тех мрачных лет, затем вновь в темноте слышался его спокойный, размеренный голос. Более трёх десятилетий прошло с того памят-

ного вечера. Я до сих пор благодарен судьбе, что случилось именно так, и Г.И. выбрал именно меня для своей трагической исповеди. Об одном только жалею, что не нашёл на следующий день времени, чтобы присесть в каком-нибудь укромном уголке и записать главное из услышанного. Казалось, что невозможно забыть даже мельчайшие детали, но время берёт своё, и теперь трудно со всей полнотой вспомнить ту суровую и одновременно щемящую исповедь. Да и не нужно, потому что это будет слишком поверхностным и вольным подходом к такому серьёзному и ответственному делу. В таких случаях требуются основательные и глубокие исследования, которые бы опирались на конкретные документы и факты. Я же до последних дней сохраню безмерную благодарность Г.И. за то доверие, которое он оказал мне, выбрав в качестве собеседника, или лучше сказать – очарованного слушателя, и раскрыл на мгновение передо мной свою душу.

Приведу ещё одну интересную беседу, которая состоялась во время первых моих встреч с Г.И. Я уже знал, что до своего второго ареста в 1930 г. (первый был ещё в 1922 г.) плодотворно работал в сфере экономической географии, опубликовал много научных работ по лингвистике, этнографии, сельскому и лесному хозяйству и был в 1928 г. избран действительным членом Белорусской академии наук по разделу “Народное хозяйство” . Но мы-то знали его как выдающегося геолога-четвертичника – именно этой отрасли науки он посвятил большую часть своей жизни. Однажды, опять-таки во время полевых работ, я спросил про это у Г.И. Вот что он мне рассказал.

После ареста в 1930 г., пока тянулось следствие по сфабрикованному делу в принадлежности Г.И. к так называемому “Саюзу вызвалення Беларусі” (СВБ), он сидел в тюрьме ГПУ Беларуси в Минске. Даже в тех жутких условиях его не покидала уверенность в ошибочности оснований для ареста, а его мощный интеллект не мог и на минуту оставаться без духовной пищи. Пользуясь возможностью получать с воли книги, он заказывал много научной литературы преимущественно по своей основной специальности и продолжал работать. Однажды случайно ему попалась работа известного учёного и революционера П.А.Кропоткина “Исследования о ледниковом периоде” (1876), которую он читал и перечитывал. И так увлёкся идеей деятельности мощных материковых оледенений в сравнительно недалёком геологическом прошлом Земли, что попросил ещё литературу на эту тему, прочитал два тома книги П.А.Тутковского “Геологический очерк Минской губернии” и некоторые другие работы по четвертичной геологии. Вскоре передача

книг была запрещена, а сам Г.И. получил приговор – заключение в концлагерь сроком на 10 лет, и через некоторое время оказался в печально известных Соловках. Тем временем начались работы по строительству Беломорканала, и именно заключённые составляли основную рабочую силу. Геологоразведочные исследования проводили научные сотрудники Ленинградского геологического треста, которые ежедневно выбирали себе помощников среди заключённых. Однажды к одному ленинградскому геологу (фамилии не помню) в качестве такого рабочего попал Г.И., который резко выделялся среди других своей образованностью и пониманием дела. Тот учёный сразу понял, что это совсем не простой человек, что с ним не только можно разговаривать почти как с равным, а то и посоветоваться, что-то обсудить в сложных вопросах четвертичной геологии. Г.И. всё чаще попадал на такие работы, сначала в сопровождении конвоира, но потом по ходатайству этого геолога обязательный конвой для Г.И. отменили, и он мог почти свободно работать в границах зоны строительства, что и использовал для приобретения практического опыта и самообразования в инженерной геологии, геодезии, стратиграфии.

Первое знакомство Г.И. с палеокарпологией произошло скорее всего в начале 40-х годов, когда он работал на Урале и в Башкирии. В то же время он был увлечён проблемой стратиграфии четвертичных отложений Предуралья, для решения которой стремился привлечь возможно более широкий комплекс биостратиграфических методов. Ему были хорошо известны работы известного российского палеокарполога П.А.Никитина, который работал сначала в Воронеже, а потом переехал в Новосибирск, где основал первую в стране палеокарпологическую лабораторию. Г.И. обратился к П.А.Никитину с предложением проанализировать несколько проб из Соликамского страторайона, где в то время шло строительство мощного гидроузла, и Г.И. принимал в нём самое непосредственное участие. Есть специальная статья (Никитин, 1982), которая представляет собой подборку выдержек из писем Никитина к Г.И. и которую собственноручно подготовил к печати Г.И. Даже на основании этой односторонней информации о переписке двух настоящих учёных можно увидеть огромную заинтересованность Г.И. палеокарпологическим методом, которая постепенно переросла в настоящее умиление и убеждённость, что перед этим оперативным и глубоко научно обоснованным методом палеоботаники большое будущее, и что именно на него необходимо опираться при изучении очень сложной толщи четвертичных отложений древнеледниковой области Восточно-Европейской платформы. Судя по ответам Никитина, Г.И.

интересовало абсолютно всё: каких размеров должны быть пробы для эффективных палеокарпологических исследований, является ли важным моментом их влажность, пригодны ли для таких исследований слишком плотные или сцементированные породы, перспективны ли породы без видимых невооружённым глазом растительных останков и т.д. С другой стороны, Г.И. интересовали возможности метода в смысле палеогеографических и палеоклиматических реконструкций, вопросы соотношения палеокарпологических данных с результатами полинологических либо молокофаунистических исследований. Дискуссии между собеседниками затрагивали и более общие вопросы: историю развития растительного и животного мира в связи с материковыми оледенениями, количество и границы максимального распространения ледников и др. Польза от таких дискуссий была, безусловно, взаимной. Ясно видно, как изменился определённый скепсис П.А.Никитина к идее полигляциолизма и как постепенно складывались взгляды Г.И. на пользу разновозрастных палеокарпологических комплексов, которых он твёрдо придерживался во время своей работы в Беларуси. Тогда же формировались и взгляды Г.И. на проблему переотложения биодетрита и создания смешанных палеокарпологических комплексов, которая была очень актуальной для аллювия великих рек Русской равнины. На примере изучения разреза Новохапёрск в Воронежской области Г.И. ещё раз убедился в больших возможностях палеокарпологического метода, когда анализ двух одинаковых проб из этого разреза, сделанный одновременно и независимо П.А.Никитиным и П.И.Дорофеевым, показал, что в новохапёрской флоре выделяются разновозрастные комплексы от карбона и юры до неогена и антропогена включительно. Осторожность в подходе к вопросам переотложения и формирования смешанной флоры Г.И. сохранил на всю жизнь и всегда помнил о такой возможности при изучении белорусских ископаемых флор. Для него не был тайной механизм создания таких перигляциальных флор, как Дричелуки или Гожа, где рядом с остатками арктических растений встречается множество теплолюбивых, типа бразении или альдраванды. Г.И. последовательно придерживался своих собственных взглядов на значение руководящих и характерных форм растений для межледниковых отложений разного возраста, приобретённых во время работы в перигляциальной области Русской равнины, и только под напором многочисленных новых фактов изменял или дополнял стратиграфические комплексы, которыми всегда широко пользовался при написании своих капитальных монографий.

После смерти П.А.Никитина в 1950 г. Г.И. уже не представлял себе работу геолога-четвертичника без палеокарпологических материалов, поэтому, когда узнал, что в Ленинграде в Ботаническом институте есть молодой палеокарполог П.И.Дорофеев, сделал всё возможное, чтобы заинтересовать его в изучении антропогеновых флор Юга России, где в то время работал сам. Попытка оказалась удачной. П.И.Дорофеев активно присоединился к изучению неогеновых и антропогеновых семенных флор Нижнего Поволжья, Прикаспия, Нижнего Дона, Причерноморья, а потом переключился и на белорусские флоры.

После возвращения в Беларусь в конце 60-х годов Г.И. сразу же начал создавать свою школу исследователей антропогена, в которой почётное место принадлежало комплексу биостратиграфических методов. Первыми направлениями, которые начали функционировать в созданном Г.И. Отделе палеогеографии антропогена, были спорово-пыльцовый, палеокарпологический и диатомовый методы, а чуть позднее к ним добавилась группа фаунистических методов. Многолетняя работа под руководством Г.И. была настоящей школой жизни, которая разворачивалась под его пристальным вниманием к молодым сотрудникам и последователям, отличалась огромным терпением и почти отцовской заботой. Память об этом чрезвычайно плодотворном, можно сказать “романтическом” периоде в истории белорусской геологии антропогена я, как и многие другие мои коллеги, с гордостью несу через всю свою жизнь.

Е.Г. Калечиц

Горжусь, что работала рядом[287]

Гавриил Иванович Горецкий – Человек-легенда... Только теперь осознаёшь, какое счастье выпало в жизни всем, кто имел честь работать вместе с ним, слышать его, советоваться с ним или просто изредка видеть его.

Лично я могу гордиться тем, что не только видела, но и эпизодически работала вместе с этим скромным, очень доступным человеком в геологических и археологических экспедициях.

Сразу после появления его в Минске встал вопрос о создании современной палеогеографической научной школы. Несколько человек, которые почти одновременно окончили геофак Белгосу-

[287] Впервые опубликовано там же. С 189–192.

ниверситета, взялись за разработку разных направлений знаний, которые в совокупности могли дать наиболее полную, максимально приближенную к действительности картину развития природы в антропогене. Моя судьба была решена в пользу занятий палеогеографией эпохи палеолита. К сожалению, занималась я этим в полной мере недолго, а потом, в силу объективных обстоятельств, сделалась “чистым археологом” и лишь в последнее время вернулась к палеогеографии, более точно – к палеоэкологии человека каменного века.

В значительной степени тяга к этой области знаний была заложена именно в годы совместной работы с Г.И.Горецким и Л.Н. Вознячуком, моим научным руководителем. Гавриил Иванович очень поддерживал этого талантливого учёного с энциклопедическим кругозором, прощал ему некоторые человеческие слабости и всегда содействовал успешной работе. В свою очередь Леонид Николаевич всегда выказывал большое уважение к Гавриилу Ивановичу, хотя и не соглашался с некоторыми его выводами.

Вначале мы несколько сезонов подряд работали на территории северо-восточной Беларуси, на Западной Двине у Суража, где был ряд широко известных обнажений. Наибольшее внимание Гавриил Иванович уделял определению относительного и абсолютного возраста отложений, и всё было нацелено на это. Лаборатория абсолютного возраста в Институте геохимии и геофизики делала первые шаги, поэтому к нам присоединился Х.А.Арсланов и его коллеги из Санкт-Петербурга, создавшие в то время сильную школу абсолютного датирования.

Работали много и дружно. Отбирали образцы на все виды палеоботанических анализов, намывали остатки грызунов и жуков, осматривали и описывали обнажения. Летние дни бесконечно длинные, и мы, совсем молодые лаборанты и аспиранты, временами очень уставали. Иногда с ужасом думалось, чтобы не осрамиться, потому что ноги дальше не хотели идти. А Гавриил Иванович тем временем вёл себя так, будто и не было у него за плечами почти 70 лет жизни, полной невероятных трудностей, физического и духовного угнетения. Беспрестанно вверх и вниз по склонам долины, вновь вверх и вниз – и так целый день. При этом он успевал восхищаться красотой ландшафта, закатом солнца, красивой бабочкой или пением птиц. Это уже сегодня 70-летний человек нами не воспринимается как старик, а тогда, 30 лет назад, этот коренастый дуб, напоминающий богатыря, казался дедом. Так мы и звали его между собой.

Относились с огромным уважением и всё время учились в полном смысле этого слова. Это касалось не только профессиональной

деятельности, но затрагивало и духовную сферу каждого. Происходило это как-то незаметно, но беспрерывно, потому что было связано с манерой поведения нашего великого учителя. Удивляла его необычная доброта, трудолюбие, корректность. Возможно, все черты можно соединить в слове “интеллигентность” . Он ни при каких обстоятельствах не мог не быть джентльменом в полном смысле этого слова. Горецкий-учёный и Горецкий-человек – понятия неразделимые. Я никогда не видела его разгневанным. Все вопросы он мог решать спокойно, с доброй, тёплой улыбкой на устах и при этом всегда советовал, а не навязывал свои мысли.

К археологии у Гавриила Ивановича отношение было особое. Проблема первых людей на земле Беларуси его очень интересовала. Кстати, это касается не только Беларуси, но и всех территорий, куда забрасывала его судьба. Археологи знают Г.И.Горецкого не только как учёного, который выяснял спорные вопросы о геологическом возрасте палеолита, но который и сам искал древние поселения разного времени. В прошлом году Институт геологических наук издал книгу памяти, посвящённую творческой и жизненной судьбе знаменитых геологов и географов-белорусов “Навуковая спадчына геалагаў і географаў зямлі беларускай” . Статья П.Ф.Калиновского, посвящённая Г.И.Горецкому, названа “Археалагічныя погляды Г.І.Гарэцкага” . В нём подытожена деятельность Гавриила Ивановича на ниве археологических исследований в Карелии, на Кольском полуострове и в междуречье Волги и Дона. Он не только открыл ряд стоянок разного возраста на этих территориях, но и занимался их стратиграфией, хронологией и даже типологией. Исследования эти отражены в ряде публикаций, список которых приведен в статье П.Ф.Калиновского.

В 1970 – 1971 гг. во время разведки на берегах Немана с П.Ф.Калиновским, С.Ф.Зубовичем, Л.С.Бурцевым, В.Д.Харченко Г.И.Горецкий собрал материалы о 25 поселениях и местонахождениях каменного и бронзового веков. Среди них впервые найдены такие широко известные памятники, как Ковальцы, Збляны, Морино и другие. Особенно интересовал его палеолит. Г.И.Горецкий изучал стратиграфию Юдинова, Елисеевич, Бердыжа и Юрович.

Летом 1970 г. мы отправились в экспедицию с целью отбора образцов для радиоуглеродного анализа в Бердыж и Юровичи. В составе отряда были Л.Н.Вознячук, позже присоединился Х.А.Арсланов с женой и сыном, Т.В.Якубовская и другие. Вначале нужно было осмотреть обнажение Красная Горка на Днепре у Рогачёва. Зачистка склонов, отбор проб на разные анализы проходили в горячие июльские дни. Всё время тянуло к воде. Может, именно эти

чередования тепла и холода сыграли свою роль, а может, не миновала вирусная инфекция, но однажды Гавриил Иванович сильно заболел. Температура подскочила выше 38°. Он лежал в палатке, тяжело дышал, настроение у всех было тревожным. Леонид Николаевич настойчиво предлагал полечиться народными средствами, проще говоря, выпить шкалик спирта. Гавриила Ивановича долго уговаривали, потом поднесли чашечку с волшебной жидкостью и он после репетиции (когда как дышать, объяснял Леонид Николаевич) в конце концов глотнул "святой воды" . Что тут произошло! Глаза больного, казалось, вырвутся из орбит, он задыхался, начал сильно кашлять... Ещё через 10 – 20 минут из палатки раздался хотя и усталый, но твёрдый голос, и Гавриил Иванович сказал: "Зря я её всю жизнь не пил. Так хорошо стало" . Смеялись мы долго, но когда на следующее утро ему не стало лучше, все вместе уговорили "деда" ехать в Рогачёв к доктору. Он долго отчаянно сопротивлялся, но потом сложил вещи и сел в автобус.

Новость, что в больницу привезли больного академика, всколыхнула всех врачей. Они быстро приготовили для него большую комнату административного назначения, положили с подозрением на воспаление лёгких и обещали, если станет хуже, отвезти в Минск на санитарном вертолёте. Остаток дня мы провели грустные и в тревоге, ничего не хотелось делать. Казалось, вот сейчас Гавриил Иванович выйдет из леса с корзиной грибов, которые он очень любил собирать, но никогда не ел, и начнётся вечер у костра. Потом я поняла, почему у него были такие тяжёлые чемоданы. К экспедиции Гавриил Иванович готовился заблаговременно, узнавал все юбилейные даты, дни рождения знаменитых писателей, народные праздники, и когда начинало темнеть, а все сидели вокруг костра, он доставал из чемодана чьё-нибудь произведение и объявлял, в честь кого мы сегодня собрались.

Особенно запомнился день рождения Янки Купалы, который приходится на Купальские праздники. Были мы тогда около Дорошевич в Голубице на Припяти. Читали вслух томик купаловских стихов и даже (стыдно вспомнить) пели вместе с Татьяной Якубовской "Шэпчацца явар з калінаю" . Я не хочу сказать, что Татьяна плохо поёт, но я... Но этим дело не кончилось. Жена Хикмата Адиевича Арсланова Розалия Ахматовна была солисткой татарского хора, и над долиной Припяти почти до звёзд неслись прекрасные мелодии в её исполнении.

Но вернёмся на берега Днепра. На рассвете мы сели в автобус и поехали в Рогачёв узнать, как там наш больной. Не доехали до места, как заметили знакомую фигуру, которая направлялась к обнажению.

Все кинулись к Гавриилу Ивановичу, а он, как дитя малое, радостно смеялся и только повторял: “Я от них удрал” . Потом сказал, что очень хочет спать, так как в больнице не спал, было неловко. Около него рядом с кроватью посадили женщину, которая всю ночь должна была следить за больным. В этих условиях джентльмен Горецкий чувствовал себя ужасно. “Только под утро бедная женщина задремала. Тут я и удрал” , – вновь повторял он. Ничего не оставалось, как вернуться в лагерь. При подъезде нас с рёвом сирен обогнали две машины скорой помощи, в одной из них находился главный врач района. Но никакие уговоры вернуться на больничную кровать не подействовали. Съездили за вещами и книгами, дали расписку об ответственности за него и с ужасом стали ждать, что будет. К всеобщей радости, больной на глазах начал поправляться, и через несколько дней мы переехали и начали работы в Бердыже.

Перед тем поучаствовали в выборах. Не помню, какие именно были выборы, но помню, что Гавриил Иванович придавал этому событию большое значение. Он надел свежую белую рубашку, и ещё до шести часов утра мы были на избирательном участке в Рогачёве.

Бердыж (точнее, д. Подлужье, где находится Бердыжская стоянка) встретил нас сильным ветром и прохладной погодой. Ночевали в большом сарае, через дырки в стенах и потолке которого были видны звёзды. Всё время было страшно, чтобы “дед” опять не заболел. Но он залез в сено и утром выглядел довольно бодрым. У ближайших соседей сварили крупеню (любимое блюдо Гавриила Ивановича) и напекли блинов. Нужно было видеть, с каким удовольствием он ел эту традиционную крестьянскую еду. В отношении еды я никогда не встречала такого неприхотливого человека. Крупеня, блины, творог. Этот ассортимент целиком удовлетворял его.

В Бердыже Гавриил Иванович рассказывал много интересного. Вскрыли культурный слой, взяли для исследования зуб мамонта. Это же сделали и в Юровичах. Вдруг заупрямился водитель нашего автобуса. Не хотел ехать дальше, выискивал разные причины, одним словом, нависла угроза срыва дальнейшей работы. И тут мы увидели, что Гавриил Иванович, который, казалось, был не в курсе обычных “мирских” дел, быстро нашёл выход из ситуации. Он достал из кармана деньги и сказал: “Может этому человеку денежек дать, чтоб ехал дальше? Берите, пожалуйста, они мне не нужны, мне хватит” . При этом покраснел и смутился в отличие от водителя, очень довольного таким поворотом дела.

Гавриил Иванович был очень тактичным человеком, никогда, как говорится, не лез в душу, но ему все сами рассказывали про свои

проблемы, в том числе и домашние, потому что он умел не только слушать, но слышал то, что ему говорили, и от этого делалось легко на душе. Уважение к человеку, кем бы он ни был, на какой ступеньке служебной или жизненной лестницы ни стоял – было одной из ярких черт и жизненным кредо этого мудрого, великого человека, одного из замечательных сыновей Беларуси.

Б.Н. Гурский

"Гриб не трогать! Идёт исследование!" [288]

Колесо жизни крутится непрерывно. Так хочется попросить у него милости, но Врата бессмертия пока закрыты, да и надежды, что кто-нибудь их откроет очень мало. Много или мало 88 лет? Смотря для чего и для кого. Для истории Земли – это мгновение, для жизни человека на первый взгляд довольно много. Если бы можно было, то для этого человека я бы хотел применить земные измерения, измерения той Земли, изучению и служению которой он отдал всю свою жизнь.

С Гавриилом Ивановичем Горецким судьба свела меня в 1965 г., когда я защищал кандидатскую диссертацию, а Гавриил Иванович был её оппонентом. Именно в том году к его фамилии добавилось слово "академик" , слово, которое забрали у него на долгие 35 лет. Тогда же я посетил скромную квартиру Горецких в Дедовске, около 50 км от Москвы, где Гавриил Иванович работал главным геологом крупнейшего института "Гидропроект" . Трудно было понять эту ситуацию: человек, работы которого известны во всём мире и скромная квартира так далеко от Москвы. Только через какое-то время я узнал о судьбе этого человека. Помню, поразила мысль: "Как можно не обижаться на обиду?"

Более двадцати лет мне посчастливилось работать рядом с Гавриилом Ивановичем, который вдохновлял меня на работу в области геологии антропогена, был моим руководителем и консультантом.

Каждый день Гавриила Ивановича в поле начинался с написания письма Ларисе Иосифовне. Мы уже знали эту привычку и старались не докучать разными вопросами. Другой "урок" мы получали во время завтрака. Особенно впечатляло отношение Гавриила Ивановича к хлебу. Обычно он брал два кусочка и клал возле себя.

---

[288] Впервые опубликовано: Успаміны пра Настаўніка // Літаратура і мастацтва. 1990. 4 красавіка. Название изменено в издательстве.

Я долго думал, почему он так делает? Может, это крестьянский обычай, или, может, так научили слуги “Великого учёного всех времён и народов” ?

Какая бы еда ни готовилась на костре, на вопрос “Ну как?” был только один ответ: “На высшем уровне!” Зная, что после аварии, которая случилась во время работы на Дону, здоровье Гавриила Ивановича не совсем хорошее, иногда хотелось приготовить для него что-нибудь особенное. Но мы всегда слышали: “А почему не для всех? Один есть не буду!”

Гавриил Иванович очень любил костёр. Когда для этого были условия, он скромно спрашивал: “А что, может и костёр будет вечером?” Часами он мог смотреть на огонь. Мне казалось, что именно в это время и решаются наиболее сложные вопросы геологии. Однажды я вылез, как Пилип из конопли: “Гавриил Иванович! О какой научной проблеме вы сейчас думаете?” Он долго не мог понять, о чем это я. А потом сказал: “Вы знаете, сейчас я слышу только, как горит огонь, а мысли… мыслей у меня сейчас нет, я просто дышу и всё” .

Когда выпадала свободная минута, Гавриил Иванович шёл за грибами. У него был особый дневник, в который заносились все боровики, попавшиеся за время “грибной охоты” .

Как-то мы поставили свои палатки на берегу Птичи возле Глуска. Однажды утром кто-то из нас увидел, что рядом с палаткой только-только вылез маленький боровичок. Конечно, об этом сказали Гавриилу Ивановичу. “А что, если мы проведём исследование, будем наблюдать, как он растёт?” Все согласились. И вот началось. Каждый день, когда мы возвращались с маршрута, толпой бежали к боровичку, как он там вырос? Кто-то даже сделал дощечку-объявление: “Гриб не трогать! Идёт исследование!” .

За всю жизнь я не слышал такой белорусской речи, такой музыки, какой владел Учитель. Она звучала и на научных заседаниях, если аудитория была чисто белорусская. Если же присутствовал кто-либо из других республик, Гавриил Иванович говорил по-русски. Так он понимал двуязычие, так им пользовался.

Гавриил Иванович относился всегда одинаково и к маститому учёному, и к новичку. “Мы все – исследователи” , – говорил он. Это значит, что каждый имеет право на своё мнение, свой взгляд, свои представления о той или иной научной проблеме. Но это не означает, что Учитель был из тех, о ком говорят “добренький” . Несколько раз я видел Гавриила Ивановича рассердившимся по-настоящему, бескомпромиссным, даже жестоким. Жесток он был, когда человек забывал, что он исследователь, учёный, когда вместо изучения фак-

тов, анализа выступали амбиции, гордыня, неуважение к человеку или оскорбление личности.

На международных, всесоюзных совещаниях Гавриил Иванович всегда подчёркивал то особое место, которое занимает наша Беларусь в деле изучения геологии современного этапа развития Земли – антропогена. Но это особое место определяется не только тем, что он именно белорус, а тем, что природа и исследователи Беларуси дали нашей земле возможность занять это место. Этим он гордился, для этого жил и работал.

Кем же он был, академик Гавриил Иванович Горецкий? Одним из первых экономистов-географов Беларуси, автором книги "Народный доход Беларуси" , лингвистом, который составил вместе со своим братом – классиком белорусской литературы Максимом Горецким – в 1918 г. первый русско-белорусский словарь, археологом, открывшим и изучившим ряд поселений древнего человека в разных районах Русской равнины, основателем науки о древних реках – палеопотамологии, членом Исполнительного комитета Белорусской ССР, её врагом, приговорённым к высшей мере наказания, лауреатом Государственных премий СССР и БССР, основателем белорусской школы учёных-геологов и палеонтологов, профессором Коммунистического университета в Москве. А ещё он был отцом своих детей, всегда влюблённым в свою жену, счастливым мужем, дядей, которому племянник Леонид писал с фронта: "Дней пять назад получил от вас письмо. Как и все ваши письма, оно меня обрадовало, подбодрило. Есть тепло, которое греет душу. Это тепло весеннего солнышка, девушки, прекрасной душой и телом, писем человека, который искренне желает тебе добра" .

Гавриил Иванович Горецкий родился в деревне Малая Богатьковка на Мстиславщине 10 апреля 1900 г. До своего 90-летия он не дожил два года…

Р.А. Зинова

"Ищите великое в малом" [289]

Академик Г.И.Горецкий – один из немногих людей, сильно повлиявших на мою жизнь. От первой встречи с ним и до последних дней его жизни моё поведение и взгляды формировались и в значитель-

[289] Впервые опубликовано: Акадэмік Гаўрыла Гарэцкі. Успаміны, артыкулы, дакументы. Да 100-годдзя з дня нараджэння / Пад. рэд. Р.Г.Гарэцкага. Мінск: Тэхналогія. 2000. С 169–176.

ной степени изменялись в связи с тем, что я работала рядом с Гавриилом Ивановичем, часто виделась и разговаривала с ним на самые разные темы. Всесторонне одарённый и широко образованный, с необыкновенной сложной судьбой, Гавриил Иванович при жизни становился Человеком-легендой, привлекал к себе множество разных людей. Наделённый богатым духовным содержанием, обаянием и скромностью, высокой человечностью и доброжелательностью, он оставил след в жизни многих своих современников. Ему был присущ дар поэтического мышления и красноречия. Его речь была чрезвычайно афористичной. Многие из его высказываний и выражений стали крылатыми.

Моя первая встреча с Гавриилом Ивановичем Горецким запомнилась мне с особенной отчётливостью. Произошла она в далёком 1969 году. В Москве должен был собраться Международный коллоквиум по геологии и фауне нижнего и среднего плейстоцена Европы. В то время я жила в Караганде, работала после окончания Ленинградского университета имени А.А.Жданова в Карагандинской геологосъёмочной поисковой экспедиции и одновременно училась в заочной аспирантуре в Геологическом институте АН СССР в г. Москве под руководством профессора Ксении Владимировны Никифоровой. Я получила приглашение от оргкомитета коллоквиума принять участие в его заседаниях и экскурсиях в качестве гостя. Под приглашением стояла подпись председателя оргкомитета академика Г.И.Горецкого. Обратила внимание, что после слова “академик” рукой Гавриила Ивановича мелкими аккуратными буквами было дописано “АН БССР” . Я подумала: “Наверное, мне посчастливится познакомиться со своим знаменитым земляком” . К.В.Никифорова кое-что мне о нём уже рассказывала. Но тогда я Гавриила Ивановича даже мельком не видела.

29 мая 1969 г. собрались в зале заседаний ГИНа АН СССР, который находится в Пыжевском переулке в г. Москве, участники и гости Международного коллоквиума по плейстоцену Европы, который потом назвали Тираспольским. Среди них было немало широко известных в Советском Союзе и за его пределами исследователей антропогена, приехали и европейские учёные из Венгрии, Германии, Испании, Италии, Нидерландов, Польши, Югославии, Франции, Чехословакии и даже Швейцарии. Всего участвовало в работе коллоквиума 170 человек, из которых 20 иностранцев. Форум был очень представительным. Я чувствовала себя невероятно счастливой. Наверное, это ещё и от предчувствия того, что в моей жизни должно произойти что-то очень важное.

Вступительное слово произнёс Гавриил Иванович. Он встал из-за стола, подошёл к трибуне, высокий, с небольшим наклоном

фигуры вперёд, взглянул из-под густых бровей серо-голубыми глазами на зал и начал говорить на великолепном русском языке. Я, не отрывая глаз от него, ловила каждое слово, а в горле стоял ком от чувства гордости за белорусов: передо мной стоял и приятным по тембру голосом говорил один из белорусов.

После Г.И.Горецкого с приветствием выступил академик В.В.Меннер, с сообщениями – К.В.Никифорова, заместитель председателя оргкомитета. До перерыва на обед мы прослушали научные доклады К.В.Никифоровой, Н.В.Ренгартен и В.И.Громова.

Вскоре начался двухчасовой перерыв на обед. Я видела, что Гавриила Ивановича обступили со всех сторон, подходили всё новые и новые желающие пожать ему руку. Мне также хотелось подойти к нему, назвать себя, сказать, как я им горжусь. Но… не хватило смелости. Понемногу зал опустел. Я осталась, чтобы познакомиться с коллекцией ископаемой тираспольской фауны, выставка которой была открыта в зале заседаний. Костями интересовалась не одна я. Нас было двое. Вслед за мной ходил невысокого роста, худощавый мужчина, старше меня, в скромной одежде, с простым, открытым лицом. Я сначала подумала, что он за мной следит. Мало ли что может случиться. Вдруг меня привлечёт какая-нибудь редкая кость! Но очень скоро эти неуместные мысли оставили меня. Мы познакомились: моим случайным, а скорее подаренным судьбой, собеседником оказался Даниил Иванович Погуляев, профессор Смоленского пединститута. Время прошло незаметно. Даниил Иванович много о чём меня расспрашивал, а узнав, что я аспирантка К.В.Никифоровой, дал немало советов в связи с моей работой над кандидатской диссертацией насчёт границы антропогена и неогена. Зал наполнялся шумом и людьми. В дверях показался Гавриил Иванович. Я спросила у Даниила Ивановича, знаком ли он с академиком Горецким. Он ответил: “Я не только с ним знаком, а мы друзья с детства!” И тут я смело выпалила: “Я ведь тоже белоруска и очень хотела бы познакомиться с Горецким!” Даниил Иванович, не говоря ни слова, взял меня за руку и повёл к Гавриилу Ивановичу со словами: “Гавриил Иванович, я привёл к тебе нашу землячку” . Что меня поразило, так это то, что они сразу начали говорить по-белорусски. А я, хотя и закончила с медалью Березинскую школу Минской области, а в Караганде выписывала и читала журнал “Беларусь” , но разговаривать на родном языке не смогла, застыдившись своего неправильного произношения. Гавриил Иванович внимательно посмотрел на меня, поблагодарил Даниила Ивановича, пожал мне руку и начал расспрашивать, кто я и откуда. Когда я назвала свою фамилию, он поинтересовался: “А какая у вас девичья фамилия?”

И когда я ответила: “Сярмяжка” , он добавил: “Зачем вы поменяли такую хорошую фамилию…” Впервые я услышала высказывание на счёт моей фамилии, которое меня поразило. До сих пор искренне жалею, что по своей доброй воле отказалась от фамилии моего любимого отца Адама Макаровича. Гавриил Иванович поинтересовался моей работой, учёбой, и, как бы подытоживая нашу первую беседу, сказал: “Защищайтесь и возвращайтесь на родину. Белорусы должны работать в Беларуси” .

Коллоквиум продолжался до 4 июня, и не было того дня, когда бы Гавриил Иванович не поздоровался со мной, не поинтересовался самочувствием, моим настроением. Однажды при нашей встрече присутствовала К.В.Никифорова. Гавриил Иванович поблагодарил её за научное руководство надо мной и добавил: “Роза Адамовна после защиты диссертации возвращается в Белоруссию” . “А чем она будет заниматься?” – спросила моя руководительница. “Мы ей отдадим весь плиоцен!” – с присущей ему щедростью и душевной искренностью ответил Гавриил Иванович. К.В.Никифорова иронически заметила: “Плиоценовых отложений в Белоруссии нет. Он отдаёт тебе то, чего там нет” . Гавриил Иванович на это ничего не ответил, так как был уверен: плиоцен в Беларуси есть, его необходимо искать и изучать. Сейчас мы знаем, что уверенность Гавриила Ивановича позднее подтвердилась на практике. И когда я в 1973 г. вернулась на работу в Беларусь, то меня тут ожидал не только плиоцен, но также и миоцен, и олигоцен. Первую рабочую схему стратиграфии неогена Беларуси мы составили в 1977 г. вместе с Г.И.Горецким и А.Ф.Бурлак. Плиоцен Белорусской антеклизы в этой схеме был выделен Гавриилом Ивановичем в белицкую серию и разделен на горизонты, свиты и даже ритмы, палеонтологически обоснованные.

В один их дней, когда начались экскурсии участников коллоквиума по Молдавии и в Одесские карстовые пещеры, Гавриил Иванович, поздоровавшись со мной, пригласил меня в автобус, в котором ехала большая группа белорусских исследователей антропогена. Я очень неловко себя чувствовала и смущалась, когда Гавриил Иванович знакомил и характеризовал меня перед будущими коллегами, среди которых были Л.Н.Вознячук, В.Ф.Винокуров, Е.А.Ильин, Э.А.Левков, В.К.Лукашёв, С.С.Маныкин, А.И.Матвеева, А.В.Матвеев, В.М.Мотуз, Н.А.Махнач, Е.П.Мандер, В.В.Щеглова.

На прощанье после завершения коллоквиума договорились, что я буду информировать Гавриила Ивановича о своей учёбе в аспирантуре и о планах возвращения в Беларусь после защиты диссертации.

Он пообещал, что будет способствовать моему возвращению на родину, поможет устроиться на работу в Минске. Слово Гавриил Иванович держал твёрдо. А я после встречи и знакомства с ним по-настоящему заболела ностальгией по родной Беларуси. Мы переписывались с Гавриилом Ивановичем и дважды встречались, когда я проездом из Караганды в Березино к родителям была в Минске. С конца 1969 до начала октября 1973 г. наша переписка с Гавриилом Ивановичем была непрерывной. У меня осталось 36 писем от него. Были телеграммы, телефонные разговоры. В письмах Гавриил Иванович обращался ко мне словами: "Глубокоуважаемая землячка!", "Дорогая соотечественница!" Заканчивал письма пожеланиями "…наискорейшего возвращения в родные края, в круг белорусских геологов!" , "Будем Вас терпеливо ждать…" , "…возвращения в любимую Беларусь" , "…и скорого возвращения на Родину" .

1 октября 1970 г. Гавриил Иванович сообщил: "…Должность научного сотрудника по фауне мелких грызунов остаётся за Вами ещё на год. Но очень желательно, чтобы Вы приехали в Минск в конце мая (1971 г.), к началу полевых исследований Нёманской экспедиции. Полевая работы в долине Нёмана на протяжении 3–3,5 месяцев даст Вам многое, – и в смысле ознакомления с геологией антропогена и в смысле заживления Вашей ностальгии: такую красоту родной природы и родного народа Вы почувствуете, что будете испытывать величайшее наслаждение.

Пока спокойно работайте над диссертацией – Родина будет терпеливо ждать свою верную, преданную дочь. Если Вас заинтересует иная научная тематика по позднему плиоцену и раннему антропогену, кроме фауны мелких грызунов, то Вам можно будет работать по этой тематике. Полевые исследования этого года уже закончились, – результаты положительные и интересные. Особое внимание отдано Жидовщизне и Лихвину, где микростратиграфия и микропалеогеография исключительно интересны…

После полевых работ мне пришлось 22 дня проболеть воспалением лёгких, но сейчас я уже здоров и работаю.

Примерно 5/X-70 г. поеду в Москву, Ленинград и Закавказье на месяц.

Ну, так хорошего Вам настроения, дорогая соотечественница, землячка!

Будем Вас терпеливо ждать. С наилучшими пожеланиями и искренним уважением. Ваш Г.Горецкий" .

Принять участие в полевых исследованиях летом 1971 г. я не смогла, так как была занята своей непосредственной работой в Казахстане в должности начальника Музбельского геологического отряда КГЗПЭ.

В апреле 1972 г. я успешно защитилась на Учёном совете ГИНа АН СССР в Москве. Отзывов было 20, все положительные. Защита проходила под председательством академика В.В.Меннера. Учёный совет единогласно проголосовал за присвоение мне степени кандидата геолого-минералогических наук. Мою работу похвалили и поддержали В.И.Громов, Н.И.Кригер, В.В.Меннер, А.И.Москвитин, Е.В.Шанцер, П.В.Фёдоров, В.Ю.Малиновский.

Конечно, и я сама и моя руководительница К.В.Никифорова результатами защиты были довольны. Одно только было непонятно и удивляло, почему Гавриил Иванович не прислал свой отзыв на автореферат моей диссертации. После защиты он поздравил телеграммой: "Поздравляю большим успехом!" Ответ на этот вопрос я получила, когда уже работала в его лаборатории. Он сказал коротко: "Отрицательных отзывов я не пишу!" Понятно, что положительный отзыв на работу о границе между четвертичной и неогеновой системами он написать не мог, так как она мною была занижена под акчагыл. Здесь нужно подчеркнуть чрезвычайную научную (а также человеческую) тактичность Гавриила Ивановича. Пятнадцать лет я работала вместе и под руководством Г.И.Горецкого и ни разу, подчёркиваю, ни одного разу, он не затевал разговора по вопросу занижения мной границы между неогеном и антропогеном. Были, конечно, случаи, когда мы расходились по некоторым вопросам стратиграфии неогена и четвертичного периода, споры порой накалялись, и в результате каждый оставался при своём мнении. Видимо, Гавриил Иванович давал мне возможность самостоятельно убедиться в моей ошибке и согласиться, что наиболее правильная граница под ледниковой формацией. Сейчас я почти что так и понимаю.

После защиты мои мысли целиком были направлены на переезд в Минск. Гавриил Иванович регулярно посылал мне письма, но они не всегда были утешительными, иногда с припиской: "Единицы ещё не выделили" . Я была искренне благодарна Гавриилу Ивановичу, который так близко принимал мои заботы и беспокойство. В то время мне не было известно, что Гавриил Иванович помогал, протягивал руку каждому, кто просил о помощи, о поддержке. Такой он был по своей натуре человек. Мне он снова и снова писал: "…Ожидайте, ожидайте, наберитесь терпения. Пока штатной единицы ст.н.с. по плиоцену не дали. Хочу специально пойти к президенту…" (24.VIII.72. г.).

"…Рад Вашему бодрому настроению и твёрдости, пылкому желанию вернуться в Беларусь. Так и нужно сильно хотеть и терпеливо ждать. И я когда-то ждал около 37 лет и дождался счастья – жить и работать в Беларуси. А Вы дождётесь обязательно!" (3.IX.72 г.).

Абсолютно ясно, почему так близко к сердцу Гавриил Иванович принимал мою ностальгию по Родине и моё горячее желание вернуться в Беларусь. Им что-то подобное было пережито ранее. Он, как мог, поддерживал меня в письмах, однако писал: "…К великому сожалению, пока что не имею для Вас добрых вестей… нет единиц" (2.XI.72 г.). Сам же ходил к президенту АНБССР Н.А.Борисевичу и просил единицу. Потом, когда я стала сотрудницей Академии наук Беларуси и встретилась с президентом, Николай Александрович Борисевич вспомнил: "Вы та самая Зинова Р.А., которую мне очень хвалил академик Г.И.Горецкий и говорил, что вы очень полезный специалист-геолог для Беларуси?" Тот, кто знал Гавриила Ивановича, никогда бы не удивился, что тот кого-то похвалил. Мы все хорошо помним, как Гавриил Иванович почти о каждом своём ученике и сотруднике мог сказать и говорил, даже на Учёном совете: "Очень талантливый, очень перспективный и т.д." Наверное, это не всегда было так, но вера Гавриила Ивановича в каждого из нас давала уверенность, помогала в работе, подымала в собственных глазах.

В следующем своём письме от 20.XII.72 г. Гавриил Иванович написал: "…К большому сожалению, ничего определённого не могу Вам сообщить. Президент относится положительно к Вашему переходу в АН БССР, но у него нет штатных единиц. Не может помочь и главный учёный секретарь академик А.С.Махнач. И нет никакой надежды на квартиру. Пока надо ждать. Грустно мне писать об этом…

Работаю над изучением Пра-Нёмана. Темпы исследований медленные. По плиоцену особенного ничего нет. Да и работать некому…"

Наконец блеснул свет в конце тоннеля моего ожидания. "…Нашему Отделу палеогеографии антропогена, – писал Гавриил Иванович 24 марта 1973 г., – штатной единицы так и не дали. Но обещали дать единицу Отделу тектоники, которым руководит мой сын Радим. Поговорил с Радимом, показал Ваше письмо, попросил Вам помочь.

Вскоре всё выяснится. И тогда на новую штатную единицу (по неотектонике антропогена и неогена) будет объявлен конкурс. Вы и пройдёте по конкурсу, что даст Вам право на прописку в Минске.

Так что Вы уже сейчас готовьте все документы для подачи заявления на конкурс и устройства на работу. Неотектоника антропогена и неогена так близка к Вашему профилю, так близка к нашей работе по палеогеографии антропогена, что Вам работа в Отделе моего сына не будет сложной. А со временем Вы сможете перейти и в мой отдел" .

В письме от 6 октября 1973 г. я прочла желанную новость от Гавриила Ивановича: “… вчера объявлен конкурс на Вашу должность. Посылаем Вам газету “Вечерний Минск” с объявлением. До скорой встречи в Беларуси!”

Через месяц моя семья и я переехали в Минск, навсегда распрощавшись с Карагандой и солнечным Казахстаном, где прошли не самых плохих 15 лет моей молодости.

Прошёл конкурс, за результат которого Гавриил Иванович волновался больше меня, потому что я не была знакома с академической средой, а тем более с взаимоотношениями, существующими между отдельными учёными и целыми научными школами. Однако всё прошло наилучшим образом, и Гавриил Иванович, крепко пожимая мне руку, с волнением говорил: “Всё хорошо. Всё очень хорошо. Искренне, от души поздравляю с успехом!” Я в ответ благодарила, радовалась и чувствовала себя по-настоящему счастливой.

12 ноября 1973 г. меня зачислили на должность старшего научного сотрудника в Отделе общей и региональной тектоники, который возглавлял Радим Гаврилович Гарецкий. До 1 марта 1978 г. я работала в этом отделе, но не пропускала ни одной возможности встретиться и посоветоваться с Гавриилом Ивановичем. До конца жизни я буду благодарна Радиму Гавриловичу за поддержку, внимание и понимание, но чувство вины перед ним меня также никогда не оставит. Честно говоря, я очень хотела и старалась работать на пользу тектонике, но всё же большинство моих работ посвящено стратиграфии неогена и антропогена. Наконец, я посчитала себя достаточно подготовленной в неотектонике и в 1976 г. попробовала написать статью под названием “История Брагинско-Лоевской седловины в кайнозое” . В.Е.Бордон, к которому моя статья попала на рецензию, не хотел пропускать её в сборник нашего института. Совершенно неожиданно меня поддержал В.С.Конищев, мой второй рецензент. Спасибо Вам, Виктор Степенович, я горжусь Вашей поддержкой. Эта моя единственная статья по тектонике была опубликована в книге “Вопросы геологии и геохимии земной коры Белоруссии” (Мн.: Наука и техника, 1977, с.25–29).

Прошло более 4 лет, а единицу старшего научного сотрудника для отдела Г.И.Горецкого так и не дали. Тогда отец и сын Горецкие договорились между собой и обменяли нас с А.К.Карабановым, который в то время работал у Гавриила Ивановича. С 1 марта 1978 и до лета 1982 г. я работала в одном кабинете с Гавриилом Ивановичем, наши столы стояли рядом. Кроме нас в кабинете 76, который находился в здании на Ленинском проспекте, 68 (сейчас проспект Ф.Скорины) работали Е.П.Мандер, Л.А.Казак, В.В.Межуева (Они-

щук). У нас была возможность постоянно общаться с Гавриилом Ивановичем, наблюдать за его работой, за тем, как он ведёт себя, разговаривает с людьми разного возраста, начиная от школьника и до академика, как внимательно и терпеливо слушает собеседника, насколько тактично, осторожно отказывает в просьбе, чтобы не обидеть, при этом даёт дельные советы, обещает помочь. Много чему полезному, важному, жизненно необходимому мы учились у нашего Гавриила Ивановича в то время. Без преувеличения скажу, что для меня эти годы были жизненной школой, благодаря которой сейчас, когда я работаю учителем географии в средней школе, отношусь к ученикам 6–10 классов как к личностям, стараюсь считаться с мнением каждого, потому что так относился к нам академик Г.И.Горецкий. Через школу Г.И.Горецкого прошли сотни людей, и судьбы большинства из них изменились в лучшую сторону.

Вспоминать о Гаврииле Ивановиче Горецком, учёном и человеке, можно бесконечно.

Однажды безвременно ушедший от нас К.Н.Монкевич рассказал мне, как они с Гавриилом Ивановичем собирали грибы в Налибокской пуще и сели отдохнуть на берегу небольшой речки. Константин Николаевич, заглянув в карту, спросил у Гавриила Ивановича, знает ли он название этой речки. “Нет, не знаю” , – ответил Гавриил Иванович. “Это же Лубянка” , – сказал К.Н.Монкевич. “На Лубянке я уже сидел… Из Лубянки можно выйти. А вот из Лефортово живыми не выходили” , – с грустью произнёс Гавриил Иванович. Он очень редко и совсем мало рассказывал про своё страшное, на грани жизни и смерти, прошлое. Чаще можно было расспросить его жену Ларису Иосифовну, верную, несгибаемую его спутницу. Както она вспомнила про Беломорканал и про “конфетки” из чёрного хлеба, которые Гавриил Иванович, будучи на зоне под стражей, делал, деля пайку хлеба на маленькие кубики – “конфетки” , подсушивал их и передавал на волю своим сыновьям Славику и Радику. Ноги у Гавриила Ивановича на Беломорканале распухали так, что не лезли ни в какую обувь, и тогда он обворачивал их портянками. Так он и ходил по снегу на работу.

Об этих печальных, очень тяжёлых и горьких годах унижения Гавриила Ивановича мы узнали из публикаций Радима Гавриловича. Упрямо напрашивается одна мысль: жизнь Гавриила Ивановича мог сберечь только Бог, ведь именно такой человек был очень нужен многострадальной Беларуси и всем нам, кому посчастливилось повстречаться с ним. Никто иной, а именно мы должны помнить, что являемся продолжателями дел академика Г.И.Горецкого, и не только в науке, но и вообще в жизни.

Гавриил Иванович очень уважительно относился к “его величеству” факту, ценил научные результаты, полученные на основе фактов. Все его монографии, статьи являются настоящей сокровищницей фактов. Когда мы в поле, склонившись над ящиками с керном, пересматривали кусочек за кусочком глины, суглинки, супеси, мимо взгляда Гавриила Ивановича не могло промелькнуть что-нибудь интересное. Он обязательно приглашал нас поближе к себе и предлагал найти то, чем сам заинтересовался. В поле с ним работать было нелегко, но очень полезно и чрезвычайно интересно.

Верил Гавриил Иванович и в такое проявление человеческого разума, как озарение. При разговоре он обращал наше внимание на то, что именно озарение, в основе которого без сомнения лежит аналитическое восприятие действительности, помогает учёным совершать открытия. “Ищите великое в малом, больше анализируйте известное, не пропускайте мелочей” , – много раз слышала я от Гавриила Ивановича.

Гавриил Иванович хорошо знал людей, был отличным психологом, мог “прочесть” мысли собеседника, и если они расходились с его мыслями, замолкал. А помолчав, начинал новую тему. Однажды я от него услышала: “У Вас есть недостаток, который Вам мешает в жизни – это впечатлительность… Избавиться от неё нельзя. А может, и не нужно. Это ведь Ваш шарм” .

В науке Г.И.Горецкий был чрезвычайно самоотверженным и на редкость принципиальным. От своих убеждений никогда не отказывался, например, в вопросе по занижению границы антропогеновой системы. Помнится, после нашего совещания в ГИНе АН СССР Ксения Владимировна Никифорова, сторонница понижения границы четвертичной системы под акчагыл, устало заметила: “Граница при жизни Гавриила Ивановича останется на месте!” Мало того, что он сам держался непоколебимо, но и других сумел переубедить. Такой мощной была его духовная сила. Граница антропогеновой системы сейчас занижена, а название заменено на “квартер” . Уверена, что Гавриил Иванович с этим не согласился бы ни в коем случае.

Каким же он был не в науке, а в обыденной каждодневной жизни? Не нравилось Гавриилу Ивановичу, когда женщины надевали брюки. Как-то, рассматривая фотографии, где мы с Екатериной Павловной Мандер были в брюках, он заметил: “Всё бы хорошо, если бы не эти брюки!” Из всех оттенков цвета больше всего не любил красный.

Во время экспедиций Гавриил Иванович почти ритуально относился к встречам у костра. Об этом вспоминают все, кому посчастливилось проводить вечера с Гавриилом Ивановичем где-нибудь в

белорусском лесу возле реки или озера, сидя вокруг сверкающего костра. А было это так. Закончен рабочий день, все вместе поужинали, кто-то успел принести хворост, развести костёр, и Гавриил Иванович громко приглашает всех собраться вместе. Начинаются воспоминания, даже исповеди, коллективные песни. Незаметно наблюдая за Гавриилом Ивановичем, нельзя было не заметить, какой он довольный и счастливый. Сбылась его долгожданная мечта: он на родной земле, а вокруг его ученики. Когда-то давно ему всё это представлялось в тоскливых, томительных снах. Может, потому он о себе, о своей прошлой жизни никогда не рассказывал. Любил слушать других, иногда спрашивал, дополнял.

Многим хорошо известны приветливость и гостеприимство Горецких. Мне также приходилось заходить по делам или по приглашению Ларисы Иосифовны в дом Горецких. С умилением я наблюдала за поведением Гавриила Ивановича и Ларисы Иосифовны, прислушивалась к их беседе, часто с юмором. Зная, что люди они не обычные, а действительно героические, в каком-то смысле легендарные, всегда удивлялась той доступности, доброжелательности, простоте, с которой они держались. Как красиво они вели себя и друг с другом и с гостем. Как-то я застала Гавриила Ивановича за столом во время обеда. Он с аппетитом ел перловую кашу, которую очень любил. Обратившись к жене, Гавриил Иванович попросил её угостить и меня вкусной кашей. Когда же я отказалась, он попросил, чтобы Лариса Иосифовна добавила ему немного каши. Но она твёрдо ответила: “Гурик, тебе хватит, больше нельзя!” И он совсем не обиделся, а начал благодарить жену за заботу. А мне объяснил: “Это всё из-за болезни” . Запомнился мне и такой случай. Ехали мы в 1976 г. автобусом в Киев на 5-е совещание по определению краевых образований четвертичных оледенений и остановились в лесу отдохнуть и пообедать. Сразу все разбежались, Гавриил Иванович тоже был с нами, насобирали грибов. Грибы сварили с съели. Мне запомнилось, что когда все ели грибы, Гавриилу Ивановичу подали мисочку с картофельным пюре и чашечку с кефиром. Сохранился фотоснимок, который напомнил мне тот обед в лесу. Однажды Гавриил Иванович угощал меня “богатьковским” салом. Сало было неплохое, но привезли его не из Малой Богатьковки, а купили на Комаровке. Сам ли Гавпиил Иванович подумал про богатьковское сало, или родные решили его порадовать.

Горецкие любили дарить книги с автографами. У меня есть книги с надписями Гавриила Ивановича, Ларисы Иосифовны, Радима Гавриловича. Как очень большую ценность я храню пять монографий Г.И.Горецкого. Эти фундаментальные работы уже вошли в сокровищницу классической геологической литературы. На

каждой из них имеется дарственная надпись, сделанная Гавриилом Ивановичем. На одной из них написано: "Дорогой Розе Адамовне Зиновой с великой благодарностью за возвращение в родные пенаты. Г.Горецкий. 8 апреля 1980 года. Минск" . На другой читаем: "Дорогой Розе Адамовне Зиновой – на добрую память о совместной работе и поисках – с большим уважением и наилучшими пожеланиями – от Г.Горецкого. 8 апреля 1980 года. Минск" .

В заключение мне хочется вспомнить заветные мысли и мечты Г.И.Горецкого, которые пока что не все сбылись. Во-первых, мечтал он, чтобы была написана и издана энциклопедия "Геология Беларуси" , во-вторых, чтобы был создан Институт геологии антропогена в масштабах бывшего Союза, в-третьих, чтобы был открыт в Белорусском государственном университете геологический факультет, в-четвёртых, чтобы был создан научный институт охраны природы Беларуси. Пожалуй, самой высокой его мечтой было увидеть родную Беларусь действительно самостоятельной и независимой страной, чтобы её знали в мире, чтобы белорусы жили богато и гордились тем, что они белорусы, берегли и изучали родной язык, на котором так красиво говорил сам Гавриил Иванович.

В.Ф. Винокуров

Как был создан музей валунов[290]

Величественная фигура Гавриила Ивановича незримо присутствует в ежедневной работе Экспериментальной базы ледниковых валунов – части геологического музея Института геологических наук НАН Беларуси. Именно благодаря его усилиям в 1985 г. была создана эта база – уникальный геологический музей под открытым небом, который через четыре года получил статус государственного памятника природы республиканского значения "Парк камней" (1989). Следует заметить, что идея Гавриила Ивановича пришла не вдруг, а вынашивалась на протяжении определённого времени. После каждого полевого сезона он возвращался огорчённым, потому что видел, как исчезают неповторимые создания природы – ледниковые валуны – характерные и выразительные черты белорусского ландшафта. Его огорчение разделяли многие учёные института. Но Гавриил Иванович не ограничивался тем, что просто

[290] Впервые опубликовано: Акадэмік Гаўрыла Гарэцкі. Успаміны, артыкулы, дакументы. Да 100-годдзя з дня нараджэння / Пад рэд. Р.Г.Гарэцкага. Мінск: Тэхналогія, 2000. С 155–160.

горевал – с упорной интеллигентной настойчивостью он доказывал, что необходимо срочно принимать меры для сохранения наиболее ценных экземпляров этих природных созданий, несущих много интересной геологической информации. При поддержке Президиума АН БССР и лично её президента академика Н.А.Борисевича в 1975 г. было принято решение о необходимости создания Экспериментальной базы ледниковых валунов. Дирекция Института организовала специальную группу, в которую вошли Р.В.Шэмпель, Е.П.Мандер, С.Д.Астапова, Е.П.Рунец и другие. Они провели предварительное обследование ряда территорий и обнаружили первые интересные образцы для будущих экспозиций. Затем начала свою деятельность научно-техническая экспедиция по сбору экспонатов. В.Ф.Винокуров – руководитель, Е.П.Рунец, О.И.Зименков и др. Они закончили специальные курсы такелажников и делали не только геологическую работу (находили интересные образцы валунов), но и сами осуществляли их погрузку на автомашины, используя мощные автокраны. Две тысячи сто тридцать четыре валуна размером от 0,7 до 3 метров в длину и весом до 16 тонн были собраны с разных районов страны до начала строительства базы в 1981 г. Группа, которой руководил Гавриил Иванович и в которую входили вышеназванные учёные, а также специалисты из других учреждений – Э.А.Левков, Б.Н.Гурский, В.Ф.Якушко, М.Е.Зусь и другие, разработали концепцию и принципы строительства Экспериментальной базы. Было много вариантов, даже архитектор В.Виноградов выполнил предварительный проектный эскиз. За основу проекта был взят принцип показа уменьшенной копии рельефа территории Беларуси, которую предложили Э.А.Левков и Р.Г.Гарецкий. На заседании указанной группы, а затем и Белорусской антропогеновой комиссии была утверждена концепция строительства музея. Окончательный проект и рабочие чертежи выполнили архитекторы Р.Э.Кнавер, Р.Барановский, Л.Саврова, Т.Власова (Институт Белгорпроект). По этим чертежам строители на месте болота и мусорной свалки создали уникальный природный объект, который имеет большое познавательное значение.

Экспериментальная база ледниковых валунов – это территория под открытым небом площадью 6,5 га, на которой находится экспозиция более 2100 валунов различного состава, формы и размеров, собранных почти со всех уголков страны. Она состоит из шести тематических экспозиций: “Карта” , “Петрографическая коллекция”, “Питающие провинции” , “Форма валунов” , “Камень в жизни человека” и “Аллея валунов” . Главный раздел “Карта” представляет собой масштабное отражение рельефной карты Беларуси с

основными возвышенностями, равнинами, низинами и реками на площади около 4,5 га (модель карты страны), на которой размещено более 500 крупных валунов (их количество в будущем планируется увеличить вдвое). Карта ориентирована по странам света. На ней в виде насыпных холмов отражены основные элементы рельефа Беларуси – возвышенности и гряды. Пешеходные дорожки имитируют главные реки, два небольших искусственных водоёма – озеро Нарочь и Минское море (Заславльское водохранилище). В местах расположения Минска и областных центров посажено по три ели. Карту оконтуривает пешеходная дорожка и посадка из низкорослых кустов. Обычно наибольшие нагромождения валунов приурочены к местам остановки ледниковых потоков, которые оставили после себя возвышенности и гряды, так называемые конечные ледниковые образования. Валунные ассоциации конечных ледниковых образований несут информацию об этих разнообразных ледниковых потоках. В размещении валунов на рукотворной карте сохранён природно-географический принцип, т.е. каждый валун, привезённый из любого уголка Беларуси, получил прописку на карте по своему бывшему адресу. Завалуненными на территории нашей страны стали и равнины, образованные в момент движения ледников. Эти особенности распределения валунного материала показаны для Прибугской и Центрально-Белорусской равнин. Здесь композиции сделаны своеобразными валунными крушнями. Горизонтальный масштаб рукотворной карты равен 1:2500, вертикальный – 1:100. На территорию Беларуси валунный материал принесён ледниковыми потоками с трёх различных центров оледенения: Шведско-Балтийского, Финского и Карельского, что также нашло отражение в составе валунов, размещённых на карте. Ледники неоднократно посещали нашу территорию, причём два последних завершили здесь своё существование. Условные границы их конечного распространения выложены на карте небольшими (в поперечнике 0,5–0,7 м) валунами и разделяют территорию на три большие палеогляциорайона: Поозёрье, Центральнобелорусский и Полесский. Созданная экспозиция представляет собой самую большую модель карты Беларуси, которая позволяет любому посетителю не только окинуть взором всю территорию нашей страны, но и попутешествовать по дорожкам-рекам, увидеть основные черты рельефа и, самое главное, воочию ознакомиться с особенностями состава и строения ледниковых валунов разных районов страны и различных оледенений.

В северо-западном уголке территории парка размещается экспозиция валунов "Питающие провинции" . На площади примерно 0,7 га в центре выровненной площадки создано небольшое U-об-

разное углубление, что соответствует Балтийскому морю с Ботническим и Финским заливами и территории Фенноскандии. Участок условно представляет собой Фенноскандинавскую питающую провинцию, на которой формировались ледники и откуда они захватили каменный материал. Здесь начали размещать так называемые руководящие валуны, для которых точно известны места их бывшей родины и коренного залегания. В этой экспозиции можно будет проследить за всеми особенностями состава пород Шведской, Балтийской, Финской, Карельской питающих провинций.

На юго-восточном участке базы приютилась "Петрографическая коллекция" , она показывает основные многочисленные отличия пород магматического, метаморфического и осадочного происхождения. Экспозиция выполнена в виде круга на площади 0,2 га, который обрамляют и разделяют на четыре сектора пешеходные дорожки, а внутри секторов размещены разные по составу валуны. Замкнутое пространство круга символизирует взаимодействие и взаимозависимость всех пород в природе. За границами круга выставлены валуны, текстура и структура пород которых отражает сложные геологические процессы.

На севере от участка "Петрографическая коллекция" размещена экспозиция "Форма ледниковых валунов" (0,2 га), которая показывает многогранность форм камней, которые создала сама природа.

В южной части размещена коллекция камней, которая соответствует теме "Камень в жизни человека" (0,4 га). В ней – валуны и изделия из них, которые имеют историческое и культурное значение для белорусского народа. Тут можно ознакомиться с камнями-следовиками, каменными крестами, жерновами и камнями со знаками языческих времён.

Вдоль пешеходной дорожки, соединяющей Академгородок с микрорайоном Уручье и размещенной на западе от карты, непрерывной цепью с двух сторон выложены большие валуны-богатыри, которые формируют так называемую аллею валунов (0,5 га).

На Экспериментальной базе ледниковых валунов изучаются закономерности распространения валунов, а также умножаются сведения обо всех наиболее интересных валунах Беларуси. В результате обозначены северо-западные и северные питающие провинции валунного материала, пути движения ледниковых языков, исследованы результаты процессов выветривания поверхностных валунов, фиксируются легенды и предания, связанные с некоторыми камнями. Ведётся паспортизация валунов извержённых, метаморфических и осадочных пород и других геологических образований,

которые являются эталонными или характерными для отдельных регионов, а также имеют ботаническое, историческое или этнографическое значение.

Созданный “Парк камней” (именно такое нынешнее название Экспериментальной базы) пользуется большой популярностью со стороны как специалистов, геологов и географов, так и учебных заведений нашей страны. Многие специалисты, посетившие “Парк камней”, выразили восхищение от увиденного, хотя работы здесь ещё не завершены. Многие отмечали его неповторимость и одновременно подчёркивали, что парк является хорошим примером в деле распространения геологических и краеведческих знаний и культуры вообще. Вот только несколько строк из отзывов гостей: “Особенно сильное впечатление произвела на меня экспозиция валунов на территории в виде карты Беларуси!” – доктор географии Я.Дроздовский из Польши. “Ничего подобного по масштабу и талантливой задумке мы нигде не видели!” – доктора географических наук из России Д.А.Тимофеев, А.Д.Арманд, М.Г.Гросвальд. “Чрезвычайно удачная инициатива Института и работа по созданию уникальной экспозиции валунов” – директор Всесоюзного геологического института из Санкт-Петербурга член-корреспондент РАН А.И.Жамойда. Директор отдела наук о Земле ЮНЕСКО доктор Шабрава считает, что после окончательного оформления “Парка камней” он может быть взят на учёт ЮНЕСКО как памятник природы мирового значения.

“Собрав пришельцев из далёких стран,
Свидетелей иных эпох и катастроф,
Вы смысл придали их существованию,
Служить заставили не только знанью,
Но и любви к природе воспитанью!”

– так написала делегация географов из Московского государственного университета (Москва), Института мерзлотоведения (Якутск), Института геологии (Сыктывкар). Каменной сказкой Беларуси назвала музей учёный секретарь Музейного совета Дальневосточного отделения Российской академии наук М.И.Ефимова. Школьники и студенты Минска – частые гости Парка. Неоднократно приезжали экскурсии из Орши, Вилейки, Вильнюса и др. Заявок на посещение поступает множество. Но мы не удовлетворены сегодняшним состоянием “Парка камней”.

К сожалению, недостаток на протяжении длительного времени финансовых средств не позволил завершить начатое и осуществить запланированное. Например, стоит организовать площадки для отдыха и поставить урны для мусора, обновить информационные

щиты со схемой строения базы и указатели расположения участков и экспонатов на них. Планировалось установить четыре группы скульптур древних животных, обитавших на территории страны во времена межледниковых потеплений: мамонта и овцебыка, шерстистого носорога и длиннорогого оленя и др. Размеры животных планировалось показать натуральные, чтобы посетители воочию увидели свидетелей живой природы ледниковых времён. Было задумано закончить главную аллею и наполнить её информацией про легенды о валунах. Планировалось в отдельных "нишах" установить на крупных валунах барельефы по мотивам народных легенд. Скульптор В.Янушкевич даже сделал ряд замечательных барельефов, но сегодня их можно увидеть только в здании Института. Но я уверен, что дело Парка, его обустройство и расширение экспозиций сдвинется с места, и мы будем иметь то, что мечтал увидеть Гавриил Иванович Горецкий.

Есть ещё одна сторона влияния Гавриила Ивановича: его предложения и научные работы способствовали расширению геологического наследия страны. Сохранение неживой природы в Беларуси имеет короткую историю – Закон об охране природы был принят только в 1961 г., а в 1963 г., были обозначены первые двенадцать геологических памятников природы. Долгое время их определяли не регулярно – ещё в 1985 г. их было только 32.

Процесс расширения геологического наследия значительно ускорился после создания Экспериментальной базы валунов. За время работы научно-технической экспедиции был обнаружен ряд наиболее крупных образцов ледниковых валунов, которые нельзя было перевезти в музей, а на месте им грозила гибель. Геологический музей института для сохранения наиболее интересных природных созданий направил свои силы на обоснование того, чтобы объявить их памятниками природы. В 1994 г. в стране утверждено 108 геологических памятников. Объекты неживой природы имеют большую эстетическую, морфологическую, палеонтологическую, а порой историческую ценность и именно поэтому изучению геологических объектов как перспективных памятников природы стали придавать большое значение. Правительственные организации поддержали проведение таких работ и начали целенаправленно финансировать разработку комплексных схем размещения особо охраняемых геологических и геоморфологических объектов природы. На 1 января 1998 г. в Беларуси охраняется 449 геологических заказников и памятников природы общей площадью 3558 квадратных километров, что составляет только 2% территории страны. Были разработаны основные критерии определения геологических памятников при-

роды. Разнообразие природных процессов, уникальность объекта, которая отражает специфику строения недр и рельефа, научно-познавательное и рекреационное значение служат основой оценки при выборе памятника. На основании этих категорий предложена классификация геологических объектов из 8 типов и 38 видов памятников природы: геоморфологические, стратиграфические, палеонтологические, минерало-петрографические, геофизические, геохимические, гидрологические, тектонические, горно-промышленные и космогенные.

Среди **геоморфологических** памятников природы выделены камовые холмы и террасы; озовые гряды; фрагменты концово-моренного рельефа; карстовые котловины; наиболее высокие точки рельефа изученных районов; вадмы; пинга; краевой флювиогляциальный рельеф, радиальные гряды, сквозные низины, долины прорыва, моргинальные ложбины стоков, сещи. **Стратиграфические и палеонтологические памятники**: обнажения, на которых выделены типичные осадки определённых стратиграфических горизонтов плейстоцена Беларуси, обнажения с выходами на земную поверхность межледниковых и межстадийных отложений с ископаемыми остатками флоры и фауны. **Минерало-петрографические**: ледниковые и осадочные валуны и камлыги, места выхода уникальных и типичных осадочных пород. **Тектонические** – эпицентры исторических землетрясений. **Гидрогеологические памятники** – криницы. Для каждого основного объекта разработан специальный паспорт, где отражены важнейшие показатели и характерные черты. Созданная сеть охраняемых геологических объектов и территорий – это результат кропотливых разработок музея совместно с учёными других лабораторий Института геологических наук, а также Института истории.

Многодневный сбор сведений об эталонах неживой природы позволил создать компьютерную базу Кадастра охраняемых объектов. Материалы этого кадастра обозначили задачи последующих работ по расширению геологического наследия Беларуси. Необходимы в первую очередь специальные исследования на востоке и северо-востоке страны для обнаружения выдающихся геологических и геоморфологических объектов. Со временем вся территория страны должна быть обследована с целью создания научно обоснованной сети охраняемых территорий и объектов геологической ориентации. Тем самым будут предотвращены бесконтрольные потери наиболее ценных природных образований. Другая проблема – определение новых геологических памятников природы (космогенных, горно-исторических и некоторых других), которые бы отражали геологичес-

кое разнообразие нашей природы. Решение этих вопросов позволит расширить геологическое наследие Беларуси и определить подходы для его рационального использования.

В 21 административном районе Брестской, Витебской, Гродненской и Минской областей созданы заказники и памятники природы и собран комплекс данных об их геологическом строении и морфологии. Это позволило сравнить изученные охраняемые природные памятники страны и выделить среди них наиболее выдающиеся. Дело в том, что сегодня в Европе созрела мысль о создании под эгидой ЮНЕСКО общего регионального списка уникальных геологических объектов – неотъемлемой части Списка всемирного природного наследия. Беларусь присоединилась к этой работе через Европейскую Ассоциацию по сохранению геологического наследия ProGEO. Наша страна имеет представительство в консультативном совете ProGEO. Основные характеристики наиболее интересных геологических объектов высказаны на Международном заседании по созданию "Предварительного списка геологических памятников природы – представителей Центральной Европы" (Польша).

Десять самых интересных заказников и памятников природы в разных геоморфологических регионах Беларуси предложено включить в упомянутый Список. Это **Голубые озёра** – ландшафтный геоморфологический и гидрогеологический заказник на северо-востоке страны, который включает поозёрские конечно-моренове гряды и холмы эталонной морфологии с группой озёр в ледниковых ложбинах; **Невда** – ландшафтный и палеонтологический заказник на Новогрудской возвышенности – типичная моргинальная долина стока и выразительная конечно-мореновая гряда среднеплейстоценового возраста и ров, где размещается уникальное по представительству Тимошковичское обнажение муравинских озёрных, озёрно-болотных и торфяных отложений; Принёманское (Жидовщизна) обнажение слоёв озёрных, озёрно-болотных и торфяных отложений александрийского межледниковья во рву на окраине г.Гродно; **Мурава** – стратотипичный разрез отложений муравинского межледниковья во рву коренного берега р.Березины на юг от Борисова; **Оршанские доломиты** – один из трёх выходов девонских доломитов в стране, который находится на берегу р.Днепр; **Камлыга Конгломерата** недалеко от г.Кареличи и три крупных ледниковых гранитных валуна: **Чёртов Камень шумлинский**, который находится недалеко от г.Витебска; **Великий Камень пугачевский** – на севере от г. Щучина, **Камень Портной**, или **Чёртов сенненский**, – на юг от г.Сенно. Эти эталонные обнажения девона и плейстоцена, крупные валуны и выразительные комплексы форм рельефа при-

знаны ведущими европейскими специалистами уникальными для Среднеевропейской равнины.

Таким образом, дело Гавриила Ивановича, который хотел сохранить наиболее выдающиеся памятники природы путём создания Экспериментальной базы ледниковых валунов, осуществилось и продолжается. Я уверен, что он остался бы доволен такими результатами, а в связи со 100-летием со дня рождения Гавриила Ивановича Горецкого, который мы будем отмечать в 2000 г., было бы очень кстати дать Музею имя академика Горецкого.

П.Ф. Калиновский

Умел поддержать и вдохновить[291]

О Гаврииле Ивановиче я узнал в 1969 году во время практики в Крыму. Руководитель нашей студенческой экспедиции Б.Н.Гурский вечерами, когда мы отдыхали на Карадаге после дневных изысканий и хлопот, рассказывал нам о выдающемся геологе, настоящем белорусе, который после долгого отсутствия вернулся в Беларусь и начал геологические исследования. В 1970 году, после окончания природоведческого факультета Минского пединститута, я получил два направления – на работу в г. Ганцевичи Брестской области и в аспирантуру. Борис Николаевич советовал мне поступать в аспирантуру в Лабораторию геохимических проблем к Гавриилу Ивановичу, где уже учился наш выпускник О.И.Зименков, с которым я дружил во время учёбы в пединституте, когда мы занимались в геологическом кружке под руководством нашего преподавателя Л.Н.Вознячука. В августе 1970 г. я начал работать директором средней школы в г. Ганцевичи, а 16 сентября приехал в Минск на встречу с Гавриилом Ивановичем. Беседовали мы в небольшой комнатке на третьем этаже старого корпуса института против Дома печати. Видя моё удивление от таких “апартаментов”, Гавриил Иванович сказал: “Ничего, это временно, скоро у нас будут хорошо оборудованные комнаты” . Он долго расспрашивал меня, откуда мои корни, кто родители, какая у меня семья, чем бы хотел заниматься в аспирантуре, потом сам показал мне кабинеты своего сектора палеогеографии. При встрече с сотрудниками Лаборатории геохимических проблем всем говорил: “Это наш аспирант, он будет изучать ископаемых млекопитающих” . При обсуждении будущих планов я сказал, что

[291] Впервые опубликовано там же. С. 193–200.

предвижу сложности с иностранным языком при поступлении в аспирантуру, потому что в школе и техникуме изучал немецкий, а в институте – французский. Гавриил Иванович с характерным ему оптимизмом отметил, что проблема усовершенствования языка, в дальнейшем решаемая, потому что будет возможность посетить Францию или другие франкоязычные страны.

В октябре 1970 года я сдал экзамены и только 26 ноября (были сложности с увольнением с номенклатурной должности) начал учиться в аспирантуре. Во время учёбы были свои трудности, но поддержка, благожелательность и оптимизм Гавриила Ивановича чувствовались во всём. В первые же дни он передал мне монографию одного из самых известных палеонтологов – В.И. Громова, при этом отметил: "Это Ваша настольная книга. Ваш букварь" . Почти после каждой поездки за пределы республики, особенно во время моей учёбы, Гавриил Иванович привозил мне научные книги по палеонтологии. Одну из них "Материалы по фаунам антропогена СССР" он надписал так: "Дорогому Петрусю Фёдоровичу Калиновскому – для овладения знаниями о фауне млекопитающих – от Г. Горецкого. 18 октября 1971 года. Минск" .

Позже, когда я уже работал, надписи на подаренных книгах стали короче. Например, сборник "Природная обстановка и фауны прошлого" , который он привёз из Киева, Гавриил Иванович надписал – "От Г. Горецкого. 5.IV.76" .

После первых находок, когда появился свой палеонтологический материал, Гавриил Иванович взял меня с собой в Москву, в Геологический институт АН СССР, чтобы познакомить со светилами палеонтологии. Во время знакомства Валерьян Иннокентьевич Громов передал мне оттиски своих статей за 1930 г. о фауне Бердыжской палеолитической стоянки по раскопкам 1926 – 1927 гг. и о фауне городищ Беларуси и Смоленщины с надписью и датой – 22. IV.72 г. Просмотрев кости из Сморгони, что я привёз, Валерьян Иннокентьевич отметил, что материал интересный, там и впредь его нужно собирать. Его удивили остатки ископаемых лошадей, он просто спросил, где я взял остатки "таких захудалых колхозных коней" , чем вызвал интерес и хохот Л.И.Алексеевой и Э.А.Вангенгейм, которые здесь же присутствовали. Одобрение у Гавриила Ивановича получило предложение В.И.Громова показать кости волосатого носорога, по его выражению, "главносорогу" Л.И.Беляевой, работавшей в Палеонтологическом институте. Елизавета Ивановна приняла меня очень доброжелательно, похвалила Гавриила Ивановича за то, что он для комплексного изучения плейстоцена имеет аспиранта, который занимается палеотериофауной. На моё замеча-

ние, что есть трудности с определением мелких суставных костей носорогов (радиальных, интермедиальных, ульнарных) Елизавета Ивановна ответила, что “этого вы и не должны знать, ещё не время”. Вообще насчёт определения остатков В.И.Громов заметил, что и медведя можно научить этому занятию, а главное – уметь делать соответствующую интерпретацию остеологического материала. Эти напутствия и замечания корифеев палеонтологии, с которыми в своё время благодаря Гавриилу Ивановичу мне пришлось встречаться (и не один раз) – одно из подтверждений его дальновидности и благожелательности, характерных для всех его поступков.

Мой первый полевой сезон начался в июне 1971 г. в Калининградской области и Литве. Нашим пунктом сбора вначале был г. Гусев. Сюда собрались Гавриил Иванович, Л.Н.Вознячук, П.И.Дорофеев, Ф.Ю.Величкевич, Т.В.Якубовская, Г.К.Хурсевич, Л.П.Логинова, С.Ф.Зубович, студенты геофака БГУ, которые проходили у нас практику (среди них М.Е.Зусь, Г.И.Литвинюк и др.), а также В.К.Лукашёв с сыном Олегом и В.Ф.Винокуров. Также на своём крытом грузовике приехали московские коллеги – К.В.Никифорова и Н.А.Константинова из Геологического института АН СССР и профессор А.Ф.Якушова с аспирантом А.Додоновым из Московского университета. Тут впервые я увидел Гавриила Ивановича на полевой работе, как он ведёт записи своим мелким каллиграфическим почерком, какими-то знаками и символами. При обсуждении разреза он внимательно слушал мнение всех присутствующих и никогда не забывал обратиться к нам, аспирантам, что мы думаем по этому поводу, каково наше мнение, а если мы ничего не высказывали, подытоживал: “Они с нами согласны” . Главной силой для подготовки расчисток были А.Додонов и я. Гавриил Иванович всегда хвалил нашу работу, но иногда замечал, что нужно копать немного шире и глубже. В дальнейшем нам не хотелось получать такое замечание, и мы старались изо всех сил.

Хорошо запомнилось посещение Паланги. Гавриил Иванович с большим интересом и приподнятым настроением посетил с нами музей янтаря, делился своими впечатлениями. Он вообще любил этот маленький курортный городок и не раз с Ларисой Иосифовной тут отдыхал. Позже я также не однажды приезжал сюда лечиться и всегда вспоминал первое посещение с Гавриилом Ивановичем. Печальную весть, что не стало дорогого мне человека, я получил тут, в Паланге.

Окончив исследования на берегах Балтийского моря, москвичи нас покинули, а остальные поехали в Литву, на известный разрез Даумантай. Тут наш полевой отряд находился продолжительное время.

Гавриил Иванович очень любил по вечерам сидеть у костра, когда обсуждались результаты работы за прошедший день, складывались новые планы. Я жил в одной палатке с Гавриилом Ивановичем и меня всегда удивляло, что сказав "Спокойной ночи", он вскоре засыпал. Вставал очень рано, тихонько, чтоб меня не разбудить, брал с собой электробритву и направлялся в соседнюю хату побриться (так было ежедневно). По поводу бритья у меня с Гаврилой Ивановичем происходили такие разговоры.

Во время полевых работ многие из нас, мужчины (кроме разве что М.А.Вальчика), летом носили бороды, а осенью их "снимали", брились. Гавриил Иванович не любил бородатых, каждый день уже в институте спрашивал: "Ну, так когда вы побреетесь?" Я отвечал, что осенью, после чего он опять уточнял: "В какую?" Так длилось не один год, когда я решил бороду больше не "снимать" , потому что привыкать к осенним холодам было довольно тяжело. На очередной вопрос после возвращения с поля: "Когда?" , я ответил, что делать это не позволяет жена. При встрече с ней (в то время мы жили, как и Горецкие, на ул. Академической) он, как всегда, поинтересовался здоровьем, успехами сыновей, материальным состоянием (хватает ли на жизнь денег или нужна помощь) и между прочим, спросил про мою бороду, после чего этот вопрос окончательно был разрешён.

Начальником нашего полевого отряда в Литве был С.Ф.Зубович. Он вёл хозяйственные дела, за мизерные полевые начисления необходимо было всех накормить, поэтому тайком запрещал студентам есть масло. Гавриил Иванович ничего не знал и очень удивлялся, почему молодые ребята не употребляют масло, а когда узнал суть причины, без свидетелей поговорил с начальником. Он всегда подчёркивал, что сказанное начальником отряда – закон для всех. Это касалось наших переездов, размещения лагеря, распорядка дня, чередования дежурств и т.д. Этих правил, про которые мы услышали тогда от Гаврилы Ивановича, придерживались всегда и в дальнейшем во время полевых работ. Ещё одно важное правило мы усвоили от Гаврилы Ивановича – после снятия лагеря при очередном переезде всё чисто убрать на старом месте. Такую "науку" мы прошли в Даумантае – сняли палатки, казалось, всё чисто убрали, мусор сожгли, место костра прикопали... По распоряжению начальника устроились в автобусе, но услышали вопрос Гавриила Ивановича: "Никто ничего не забыл?" Услышав от нас отрицательный ответ, он вышел из автобуса и стал собирать окурки и недогоревшие спички, при этом каждую очередную "находку" поднимал высоко вверх и спрашивал: "А это чьё?" После этого я ездил на полевые работы более 20 раз подряд и не помню случая, чтобы территория, где размещался наш лагерь, не убиралась даже лучше, чем была вначале.

По дороге из Вильнюса в Минск мы заехали на карьер Сморгонского силикатного комбината. Отсюда были известны остеологические остатки, о которых мне во время знакомства сообщила В.В. Щеглова. Вера Васильевна особого энтузиазма по поводу этих находок не выказывала, отметив, что там можно найти всё – от костей мамонта до остатков современных домашних животных. Так оно и оказалось потом, но Гавриил Иванович подчеркнул, что в такой ситуации, когда в Беларуси пока ещё мало остеологических находок из археологических памятников, материал из Сморгони, хотя и переотложенный, нужно собирать. За более чем четверть века здесь выявлено почти 10000 костей, по которым определено 26 видов млекопитающих, причём остатки некоторых из них (пещерный лев, лошадь Стенона, хазарская лошадь, носорог этрусский, сайгак) найдены на территории Беларуси впервые. Мне приходилось много раз бывать на Сморгонском месторождении, беседовать с рабочими карьера, которые всегда интересовались: "Ну как там ваш академик?" Их очень впечатлил его первый приезд, когда он беседовал с ними на белорусском языке, доходчиво рассказывал о значении найденных костей для геологических исследований. Особенно им запомнился вопрос Гавриила Ивановича: "Где тут у вас находится административное здание?" , потому что для всех испокон это была просто контора.

В том же 1971 г. в августе я был на полевых работах вместе с Гавриилом Ивановичем в Жидовщизне около Гродно. Во время поездки на Нёман к д. Ковальцы при поиске и сборе кремней он мне объяснял, как отличать орудия, нуклеусы, отщепы. При находках остеологического материала, даже неопределимого, подчёркивал, что это основание для дальнейших целенаправленных поисков не только костеносного горизонта, но и поселений человека.

В сентябре того же года вместе с Гавриилом Ивановичем мы (Е.П.Мандер, Б.Н.Гурский, я и студенты-практиканты М.Е.Зусь, Г.И.Литвинюк и др.) поехали изучать керн в Столбцах, Барановичах, Альбертине под Слонимом и Мостах на Нёмане. Гавриил Иванович всё свободное время проводил в лесу – искал боровики, вёл им точный счёт, хотя и не употреблял в пищу, зато очень любил рыбу. Борис Николаевич, заядлый рыбак, при первой же возможности ходил с удочкой на водоёмы. Нам, молодым, он всё время говорил: запоминайте, прислушивайтесь к Гавриилу Ивановичу, ведь такого случая больше, может, и не будет. Так оно и произошло, больше быть с Гавриилом Ивановичем на полевых работах не пришлось. Он придавал особенное значение керну, считал его основой при изучении древних отложений, хотя иной раз и показывал нам недоб-

росовестность буровиков, но при этом отмечал: "И за это спасибо" . Около г. Мосты, где велось тогда бурение, во время нашего приезда все работы остановились – рабочие получили зарплату и отмечали это событие. Б.Н. Гурский, который в своё время работал в Белорусской геолого-гидрогеологической экспедиции и сталкивался с такими явлениями, пояснил, что это надолго, пока не останется ни копейки. Гавриил Иванович только руками разводил и удивлялся: "Неужели это можно выдержать? Лихо ведает что!"

Во время работы в Альбертине Гавриил Иванович говорил, что мы находимся в месте, где при панской Польше до сентября 1939 г. был центр католицизма в Западной Беларуси в противовес Жировичскому монастырю – центру православия. Я всех этих нюансов не знал, хотя и родился здесь, в Слониме, а после окончания семилетки учился в Жировичском техникуме. Гавриил Иванович говорил, что раз есть такая возможность, нужно побывать в монастыре, это всего 10 км от Слонима. И в один из выходных дней мы его посетили. В то время это было мужское учреждение, а Минская духовная семинария, находящаяся здесь, не работала. Монах, ответственный за продажу свечей и духовной литературы, узнав, кто мы и откуда, долго рассказывал нам историю монастыря, показал все строения и монастырские знаменитости. На вопрос Гавриила Ивановича: "Как вы сюда попали?" – сказал, что впервые побывал тут в начале Отечественной войны, когда они отступали на восток, и дал себе клятву, что если останется живым, то обязательно вернётся сюда. После войны бывший старшина из Тамбовщины с многочисленными боевыми наградами, оставив жену и детей, с большими сложностями и трудностями нашёл тут пристанище. Это поразило нас и Гавриила Ивановича, который, вспоминая эту встречу, потом говорил о великой силе данного себе слова. Человек с большим юмором, каким был Борис Николаевич, на прощанье с экскурсоводом-монахом спросил: "Ну а как тут у вас с женским вопросом?" , на что тот ответил: "Да, страсти иногда обуревают" . Когда мы возвращались назад в Альбертин, Гавриил Иванович, вспоминая слова монаха, говорил: "От, холера, это ж надо – "страсти обуревают" .

В те времена на Слонимщине жила моя мама. Выбрав свободный день, я попросил разрешения её проведать. Побыв там немного, вернулся в Альбертин. Около кернохранилища, где мы размещались, никого не было. Оказывается, все поехали следом за мной на своём автобусе. Мы разминулись, потому что они вначале попали в д. Поречье, которая на левом берегу Щары, потом вернулись назад в Слоним и на правом берегу нашли мою деревню Приречье. Позже

от односельчан я узнал, что Гавриил Иванович побывал на нашем подворье (мамы дома не было), осмотрел все постройки, беседовал с крестьянами, с моими свояками. Зная, что мой отец (он умер в 1970 г.) был кузнецом, попросил нашего соседа показать какие-нибудь изделия, созданные былым мастером. Вернувшись из той поездки, Гавриил Иванович констатировал: какая бедная ваша деревенька. Посмотрел бы он на неё теперь... Почти ничего не осталось, только деревенское кладбище расширилось почти вдвое, а фамилия Калиновский вообще исчезла (в то время было 7 семейств с 22 её носителями).

Гавриил Иванович придавал большое значение полевым исследованиям, и я ежегодно по четыре месяца и более вёл поиски остеологических остатков. Особенно он был доволен первыми находками на территории Беларуси костей мелких млекопитающих – грызунов. Это благодаря его усилиям (звонки в автобазу о выделении транспорта, просьбы к дирекции института о финансировании, даже помощь своими средствами) было собрано более 4000 определимых остатков с почти 30 разрезов. После каждой поездки на полевые работы Гавриил Иванович считал своим долгом подробно расспросить обо всём: какого возраста отложения изучали, что нашли, взяли ли образцы для других анализов, как питались, как относилось к нам население тех районов, где мы были, и про многие другие, на первый взгляд необычные, а на самом деле повседневные проблемы, с которыми приходилось сталкиваться.

Так на протяжении трёх месяцев в первый год аспирантуры я прошёл школу полевых исследований Гавриила Ивановича, которая очень понадобилась мне в дальнейшем во время поисков остеологических материалов.

Гавриил Иванович придавал исключительное значение моему участию в совещаниях разного уровня по палеотериофауне, особенно Комитета по изучению мамонтов и мамонтовой фауны в Ленинграде. Он всегда внимательно слушал мои отчёты после поездок. Его интересовали, прежде всего, впечатления, встречи и знакомства с палеонтологами других регионов, какие вопросы мне задавали ...

Однажды, когда я был ещё аспирантом, Гавриил Иванович посоветовал мне поехать в Киев по его приглашению на совещание, которое проводил И.Г.Пидопличко. Приняли меня по этой причине как настоящего академика – поселили одного в двухкомнатный номер лучшей гостиницы Киева “Украина” . Это было всесоюзное совещание антигляциолистов, после возвращения с которого Гавриил Иванович особенно долго расспрашивал меня о личных впечатлениях и взглядах.

С Гавриилом Ивановичем всегда было интересно и полезно встречаться и разговаривать. Казалось, он наперёд уже знает, что ты скажешь, в каком направлении будут высказаны вопросы или просьбы. Со всеми сотрудниками нашего учреждения он разговаривал на родном языке. Особенно мы любили слушать диалог между Гаврилой Ивановичем и В.А. Кузнецовым, диалог двух славянских языков. Это он объяснял просто: человек, живущий и работающий в Беларуси, должен знать язык её коренного населения независимо от национальности. Но если к нам приезжал кто-нибудь из-за пределов Беларуси, то разговор он вёл только на русском языке.

Впечатлял меня его приход на работу. Гавриил Иванович не любил опаздывать, сразу же при входе в здание снимал головной убор. При встрече с кем-нибудь из сотрудников института тепло здоровался с мужчинами рукопожатием, а женщинам, которых хорошо знал, целовал руку. При этом интересовался здоровьем, насущными делами. Потом шёл в свой кабинет, в котором никогда не сидел один (ни в старом, ни в новом здании), клал на стол карманные часы и делал обход лаборатории. Считал своей обязанностью с каждым сотрудником здороваться лично и всегда интересовался состоянием здоровья и проблемами. Если кто-то отсутствовал, спрашивал, что случилось. При невыходе на работу С.Ф.Зубовича, зная причину, нам сообщал так: “Нашего Станислава Францевича опять схватило” , что означало: у него обострился радикулит. В обеденный перерыв шёл домой, а если иногда задерживался, то звонила Лариса Иосифовна и спрашивала: “Где там мой Гавриил Иванович?” Рабочий день обычно оканчивал без задержки и нам советовал не брать “домашнее задание” , потому что дома нужно отдыхать.

Ещё один совет, который часто давал Гавриил Иванович, – делать то, что хочется, правда, осуществить такое пожелание обычно не удавалось.

Как член Учёного Совета Гавриил Иванович считал своей обязанностью присутствовать на его заседаниях, при этом внимательно слушал выступающих, докладчикам задавал вопросы, высказывал свои мысли, обычно поддерживал усилия по разрешению той или иной проблемы. Если же он молчал, сведя брови, – это значило, что, по его мнению, вопрос плохо подготовлен. В таком случае уже в своей лаборатории на вопрос: “Как Вы считаете, Гавриил Иванович?” – мог ответить: “Лихо ведает что” .

В своё время моя семья обменивалась поздравлениями с Ларисой Иосифовной и Гавриилом Ивановичем по поводу Нового года, 8 Марта, дней рождений. Помню одно из первых наших посланий, когда я отправил открытку, а обратного адреса не написал, поду-

мав, ну зачем привлекать к себе внимание? Зная, что мы живём в интернате, Гавриил Иванович прислал нам поздравление по адресу: Минск, интернат Академии наук для малосемейных, которое через длительное время нашло адресата. Обычно открытки подписывал Гавриил Иванович, а позже – Лариса Иосифовна, перечисляя всех членов семьи. Вот одно из последних поздравлений.

“3.I.87

Дорогие Калиновские Ганна Владимировна, Петрусь, Змитрок, Алесик! Поздравляю Вас с началом Нового года. Желаю Вам много счастья, успехов, здоровья и здоровья, радости, новых находок ископаемых животных, ищите.

Петрусь Фёдорович! Когда там срок сдачи статьи в Ваш сборник? Или можно опоздать? Ласково Вас обнимаю.

Ваш Г. Горецкий”

По предложению Гавриила Ивановича я был назначен редактором тематического сборника на белорусском языке, и он готовил статью “Геологическое районирование плейстоцена” (у меня осталась эта рукопись). В то время Гавриил Иванович чувствовал себя плохо, со своей статьёй он не опоздал, но по рукописи видно, что писалась она тяжеловато. Над ней Гавриил Иванович работал, как и над всеми своими публикациями, выверяя каждую строку и каждое предложение. Помню, как я начинал писать сначала научные, а потом популярные статьи. После печатанья на машинке всегда приносил их читать Гавриилу Ивановичу. Это он никогда не откладывал надолго, никогда не передавал прочитанное через кого-то, а сам говорил, что просмотрел статью. Допущенные ошибки или повторы показывал на полях карандашом, по его выражению, “птичками” . Он никогда не перечёркивал предложений или слов, мог сказать, что тут, например, желательно было бы написать немного иначе, а обычно отмечал, что написано хорошо, по стилю логично и последовательно. Всегда обращал внимание на то, использованы ли работы предшественников по обсуждаемому вопросу, а если этого не было, обязательно делал замечание. Помню свои первые попытки подготовить статью по сморгонским находкам. В то время остатки фауны отсюда были и у В.В. Щегловой, но её публикаций о них не было. Гавриил Иванович это знал, и когда я дал ему прочесть подготовленную статью о сморгонской териофауне, то он заметил, что нужно посоветоваться с Верой Васильевной и сослаться на её устные сообщения.

В своё время Гавриил Иванович одобрил мои популярные статьи в газетах и журналах, выступления на радио и телевидении, посоветовал написать книгу для широкого круга читателей об иско-

паемых млекопитающих Беларуси. Такое издание недавно вышло из печати.

Гавриил Иванович никогда не подгонял нас, его аспирантов, с написанием диссертации, а всегда подчёркивал, что защита не должна стать самоцелью, главное, чтобы была хорошая работа. Он считал, что свои диссертации мы должны готовить на собственных материалах, получить сначала известность среди коллег и учёных в определённом направлении исследований. Мы не очень соглашались с этим мнением, но, пройдя школу Гавриила Ивановича, следует признать, что его позиция была чрезвычайно верной. В то же время иногда нас удивляло, как Гавриил Иванович относился к тем исследователям, которые приезжали к нам со своими, довольно слабыми, как нам казалось, диссертационными работами или отчётами. Обычно они получали его поддержку, похвалу и одобрение. Мы, начинающие учёные, не понимали тогда, что это были средства, способы или приёмы нашего дальновидного учителя, на чём формировались наши знания, наши представления, наш кругозор.

Только однажды Гавриил Иванович возмутился работой, которую защищал геолог из Львова. Критические замечания касались, прежде всего, возраста отложений, потому что палеонтологический материал совсем не использовался. Сам Гавриил Иванович в своих выступлениях, в больших и небольших работах прибегал к палеонтологии для всестороннего, комплексного разрешения многих проблем. В своё время наши палеонтологи участвовали в международной программе "Палеоклиматы" , и такого комплексного подхода в освещении этого вопроса не было, пожалуй, ни в одном регионе былого Союза, что очень радовало Гавриила Ивановича.

Его мечтой было иметь в лаборатории специалистов во всех направлениях изучения антропогена, всегда приветствовал и поддерживал публикации, в которых использовались материалы разных методов при исследовании одного и того же разреза. Во время подготовки доклада "Археологические взгляды Г.И.Горецкого" к ежегодным научным чтениям, посвящённым его памяти, я убедился – даже маленький вклад, просто упоминание о какой-нибудь находке для Гавриила Ивановича было серьёзным основанием сослаться на этого исследователя как на первооткрывателя. К сожалению, этого не всегда придерживались его ученики-последователи. Для некоторых из них главное "застолбить" , приписать себе открытие, не обращая внимания на то, что этот объект исследовался вместе с друзьями по работе.

Во время учёбы в аспирантуре и работы научным сотрудником не всегда удавалось найти нужный материал или успешно решить

ту или иную задачу. Гавриил Иванович в таком случае подчёркивал, что отсутствие положительного результата – это тоже результат. И всё же временами охватывало отчаяние, в первую очередь из-за неустроенности, связанной с жильём, с материальными трудностями. Но всегда вспоминалось, что Гавриил Иванович испытал неимоверные, несравнимо большие невзгоды и горе. Это и репрессии, и потеря родных, и на многие годы оторванность от любимой Родины, но имел мужество пережить всё и нас призывал быть оптимистами, хранить верность науке, даже больше, чем в любви. В любой ситуации он умел поддержать, подбодрить, вдохновить, потому что по характеру был доброжелательным, сочувствующим, чутким.

Мне посчастливилось в жизни, что учился у Гавриила Ивановича, работал с ним, слушал его и был почти два десятилетия рядом с этим обаятельным, чарующим, во всех отношениях неповторимым Человеком, великим сыном и патриотом земли белорусской.

Т.В. Якубовская

Уроки и загадки Гавриила Ивановича[292]

О, Беларусь, мая шыпшына,
Зялёны ліст, чырвоны цвет!
У ветры дзікім не загінеш,
Чарнобылем не зарасцеш.
Ул. Дубоўка, 1925 г.

В конце 1969 г. среди сотрудников Главной редакции Белорусской Советской Энциклопедии, где я тогда работала, распространилась новость: знаменитый геолог, академик с первых выборов, Гавриил Иванович Горецкий, в прошлом году вернувшийся в Беларусь и работающий в Лаборатории геохимических проблем АН БССР, набирает аспирантов. Моя тайная студенческая мечта заниматься наукой вновь вспыхнула в душе. При настойчивой поддержке мужа я решилась на разговор с легендарным академиком.

И этот разговор стал первым из многих уроков, которые мы, аспиранты и сотрудники Гавриила Ивановича, имели счастье в течение 20 лет с радостным удивлением, восторгом или стыдом воспринимать и запечетлевать душой и сердцем в своей памяти.

[292] Впервые опубликовано там же. С. 212–218.

Меня глубоко взволновали **вежливость, доброжелательность и уважение,** которыми был проникнут разговор Гавриила Ивановича со мной, совсем незнакомой ему претенденткой на звание его ученицы. Удивила меня и красота белорусской речи, более мягкой и богатой, чем привычная для меня речь в среде энциклопедистов. Эти привлекательные черты знаменитого человека приковывали, не хотелось прекращать разговор, покидать помещение, овеянное его обаянием. Такую приязнь, внимание, способность выслушать и готовность помочь Гавриил Иванович проявлял к людям независимо от их гражданского статуса – от студента-практиканта и начинающего учёного до знаменитых деятелей науки, культуры и литературы. Никто из нас так и не сумел до конца постичь науку доброжелательности Гавриила Ивановича, как и понять загадочные причины редкого упрямого неприятия некоторых исследователей.

Гавриил Иванович придерживался замечательного обычая, рождённого его доброжелательностью и педагогическими взглядами. Каждое утро, в начале рабочего дня, он заходил в кабинеты своих сотрудников, здоровался за руку, расспрашивал про домашние дела, здоровье и обязательно – чем занимаемся на работе, какие у нас трудности, к чему стремимся, какие результаты получаем. Для меня это был ежедневный праздник. В беседах с Учителем вырисовывались очертания диссертации, углублялись мои знания в геологии и палеокарпологии антропогена, обсуждались события политической и культурной жизни страны, расширялся кругозор. Если Гавриил Иванович хвалил спектакль в Белорусском академическом драматическом театре имени Янки Купалы или произведение, опубликованное в журнале "Полымя" или другом издании, мы спешили с ним познакомиться. Помню, я как-то пожаловалась Гавриилу Ивановичу на неточности в опубликованной статье, за которые мне стыдно, так он успокоил меня строками Тютчева "Мысль изречённая есть ложь", после чего мне захотелось выучить наизусть "Silentium" . Почти каждый утренний разговор с Гавриилом Ивановичем давал новый импульс творчеству, подкреплял доброй энергией.

Мы скучали, когда Гавриил Иванович уезжал в Москву на заседание Четвертичной комиссии АН СССР, которую он долгие годы возглавлял, или в "Гидропроект" , где работал консультантом, или по другим делам. Но все сотрудники точно знали, куда и как надолго поехал заведующий лабораторией, когда он вернётся. Мы знали также, над какой статьёй в данный момент работает Гавриил Иванович, какую идею будет развивать в очередном выступлении или докладе. Эта открытость нас тогда не удивляла, мы думали, что так и нужно, что так во всех лабораториях.

Тема второго урока, которую Гавриил Иванович всё время напоминал своим ученикам, называлась **“Над вами чистое небо”** . Это означало истинную свободу творчества и режима рабочего дня для тех, кто проявлял одержимость в научной работе, кто творчески решал научные задачи. Мы имели возможность работать в библиотеке месяцами, появляясь в лаборатории в определённый день, или даже дома, если домашние обстоятельства были трудными. Главным для Гавриила Ивановича были результаты нашей работы. Он не раз говорил, что счастливые догадки и решения могут прийти неожиданно – в дороге, на природе или даже ночью во сне, если человек увлечён какой-то проблемой, всё время о ней думает.

Мы не очень злоупотребляли правилом “чистого неба”, потому что большинство из нас (палеонтологи) были привязаны к микроскопам, да и коллектив в начале 1970-х был молодой, полон творческих замыслов и надежд на успешную жизнь в науке. Было интересно и полезно сотрудничать с коллегами, потому что Гавриил Иванович так организовывал исследования, что один и тот же разрез изучался разными методами. Он был горячим сторонником комплексного метода исследований отложений антропогена (“сопряжённого метода” , по К.К. Маркову).

Сам Гавриил Иванович всегда, с 8.30 до 17.30, целый день был на месте, за своим рабочим столом или в комнатах сотрудников. Он любил работать в людном помещении, где сидели лаборанты и научные сотрудники, иногда 5 – 6 человек. Присутствие Гавриила Ивановича организовывало и дисциплинировало нас, но мы удивлялись, что Учитель очень результативно мог работать в суете, при неизбежных визитах к кому-нибудь из коллег. Зато сколько интересных людей приходило к Гавриилу Ивановичу! И со всеми он нас знакомил! Если же Гавриил Иванович писал статью или книгу, то ежедневно были готовы две страницы рукописи, независимо от временами очень напряжённого распорядка дня.

Когда наступала пора разрабатывать планы на новый год или на пятилетку Гавриил Иванович расспрашивал у каждого, чем бы тот хотел заниматься. В результате этого опроса или независимо от него Гавриил Иванович придумывал тему, которая охватывала круг научных интересов всех сотрудников.

Чистое небо было над нами и когда выбиралась тема диссертации, определялся наш путь в науке. Гавриил Иванович спрашивал, чем каждый собирается заниматься, какую ниву в четвертичной геологии Беларуси хотел бы возделывать. Безусловно, у него были свои планы. Вернувшись на Родину после 38 лет изгнания, он, как и прежде, жаждал приумножать богатство Беларуси не только изу-

чением и открытием сокровищ недр, но и созданием национальной школы исследователей родного края, воспитанием национальной интеллигенции. Свои планы-мечты Гавриил Иванович тактично сплетал с планами каждого из нас.

Гавриил Иванович доверил мне палеокарпологические исследования известного разреза Жидовщизна около города Гродно (Колодежный Ров или Чёрная Балка). Я вскоре поняла, что при этом он сильно рисковал. К тому времени Гавриил Иванович сотрудничал со всеми палеокарпологами России, особенно успешно с выдающимися учёными, его друзьями Петром Алексеевичем Никитиным и Павлом Ивановичем Дорофеевым. А разрез Жидовщизна уже изучался такими знаменитыми геологами и палеоботаниками, как Вл.Шафер, М.М.Цапенко, Н.А.Махнач, Л.Н.Вознячук, Н.И.Кригер, самим Гавриилом Ивановичем, П.И.Дорофеевым и многими другими исследователями и обсуждался во всех сводках по четвертичной геологии Европы. Загадочное, интуитивное доверие, подаренное мне Гавриилом Ивановичем при определении моей научной Айкумены, долгие годы было предметом моей тайной гордости и источником вдохновения, помогало мне старательно трудиться, чтобы оправдать его.

Мне думается, что у Гавриила Ивановича был особый интерес к палеокарпологии и Колодежному Рву, потому что он сам руководил полевыми работами на обнажении, сам закладывал расчистки, предварительно изучив выбросы кротов. Эти зверьки не делали ходов в плотных гиттии и торфе, а будто оконтуривали их, насыпая холмики из “нежных наощупь” песков и алевритов, подстилающих и перекрывающих залежь. Нам тогда казалось, что по оврагу ходит кудесник в шляпе и вызывает подземных жителей на помощь геологам.

В Колодежном Рву начались мои **уроки полевых работ в геологической экспедиции** по методике Гавриила Ивановича. Во-первых, эта работа была коллективной, все участники полевого отряда работали на обнажении или на разрезе скважины, помогая решать задачи, связанные с этим объектом, независимо от того, кто был его хозяином. Самое ответственное – описание разреза. Гавриил Иванович собирал нас, начинающих исследователей, на одном раскопе, который был великолепно расчищен с вскрытием подстилающих и перекрывающих отложений, и начиналось изнурительное действо. Учитель доставал из кармана перочинный ножик, вкладывал его в руки хозяина разреза, и тот должен был этим маленьким ножичком потрогать, порезать, почувствовать породу, подержать и покатать в руках каждый сантиметр по всему разрезу, дать определение ме-

ханического состава, физических свойств, текстур, особенностей залегания, состава включений и их соотношения с породой (in situ ли) и так далее. Все присутствующие поправляли, дополняли и записывали окончательный вариант. Зачастую это делалось без предварительной разбивки отложений на пласты и пачки слоёв, которые вырисовывались позже. Обычно такая работа не прерывалась на обед или отдых. Гавриил Иванович мог целый день стоять в раскопе под палящим солнцем, мы же стремились присесть на аккуратную ступеньку расчистки или на траву около неё. Выносливость Гавриила Ивановича была безграничной, и нам часто было стыдно за свою слабость. Только после детального описания и зарисовки разрез "отдавался" нам для отбора образцов, сначала на палинологический, минералогический и другие анализы, для которых требовался небольшие пробы породы, а потом за дело брались палеокарпологи и фаунисты, которые промывали большие объёмы породы. Все не занятые в это время члены отряда им помогали, а Учитель в этом случае делал обобщающие записи стенографическими знаками в своей полевой книжке.

Во-вторых, Гавриил Иванович был убеждённым сторонником и пропагандистом метода широких расчисток. Обнажения в подмываемых берегах рек, крутых склонах оврагов зачищались как можно шире и на всю высоту, нередко такие расчистки тянулись на 30 – 50 метров и обнажали 10 – 15-метровую толщу. Это и была широкая расчистка. Иногда она создавалась 2 – 3 дня силами всего отряда (человек 7 – 10), в том числе женщин и самого Гавриила Ивановича. Но чаще Учитель следил за выполнением НОТ (научной организации труда), чтобы группы работающих сменялись через определённое, одинаковое время, и, между прочим, делал свои стенографические записи. Расчистка должна была иметь почти зеркальную поверхность на всём протяжении. Если в отряде были археологи, то они доводили её до блеска кисточками. Помню почти трагичческий случай, когда подготовленную таким образом расчистку-"зеркало" на обнажении Красная Горка в Рогачёвском районе за ночь размыл дождь. Мы все были сильно огорчены, потому что времени для восстановления расчистки не оставалось, требовалось скорее отбирать образцы и переезжать на новый объект. Но Гавриил Иванович уже успел определиться со своими взглядами на разрез и описать его, а мы, палеоботаники, делали описание во время отбора проб и промывки породы. Нас немного смущало, что этот случай не ухудшил бодрого настроения Учителя и он никогда не вспоминал эту неудачу.

Ещё много “полевых” правил было у Гавриила Ивановича, о некоторых из них нельзя не напомнить. На новом объекте, пока разбивался лагерь, Учитель исчезал, мы знали, что он делает рекогносцировочный обзор местности. Обычно он возвращался через часдва с куском гиттии или торфа в руках Это значило, что он посетил соседнее или нашёл новое обнажение. В таких походах Гавриил Иванович с коллегами открыл знаменитые разрезы – Нижнинский и Матвеев Рвы, Дворец и другие.

После работы на разрезе, нередко по 12 часов, когда все возвращались усталые и мечтали об ужине, костре и отдыхе, Гавриил Иванович собирался за грибами. Шёл один, в сумерках приносил грибы и объявлял количество найденных боровиков и общее число их. Не помню, от какого моментва вёлся этот счёт, но в 1970 году был найден 2200 гриб и по этому поводу в отряде был торжественный ужин. Интересно, что сам Гавриил Иванович грибов не ел, но пристально следил, чтобы они были тут же почищены и приготовлены на завтрак. Дежурные в такие “грибные” вечера долго возились у костра и не были такими восторженными, как сам грибник.

В начале лета, пока ещё не было грибов, мы были свидетелями другого действа-урока. Переобувшись в специальные тапочки, Гавриил Иванович садился на походную табуреточку у входа в свою палатку, клал на колени дощечку или фанерку, доставал из кармана неизменно чёрную наливную ручку и писал ежедневное письмо домой. Он не делал тайны из текста, и мы все знали, что письмо начинается со слов “Мая дарагая Ларута!” Нас трогало это нежное обращение к жене, которой также было уже 70 лет, и мы удивлялись и завидовали таким искренним и тёплым отношениям.

Когда письмо было положено в конверт и адрес надписан, начинался второй акт вечернего действа. Гавриил Иванович выносил из палатки свои полевые ботинки и шламовый мешочек с ваксой, щёткой и тряпочкой и начинал чистить обувь. Это он делал старательно и сосредоточенно, будто самое важное дело. Когда башмаки начинали блестеть, они отправлялись в палатку, а Гавриил Иванович приближался к костру как раз к выпуску последних известий, звучащих по радио. Слушали новости молча, с очарованием глядя на дивное, притягательное пламя. Потом начинался разговор о работе, подводились итоги дня. Учитель больше спрашивал и слушал, чем говорил сам. Правда, на наши вопросы отвечал и определял программу на следующий день. Изредка у костра звучали белорусские песни, но наш репертуар был небогатый и вскоре кончался. Гавриил Иванович иногда спрашивал, знает ли кто-нибудь ту или иную песню, на что мы чаще отвечали отрицательно. Не сразу мы

узнали, что это песни его матули, от которой было записано более 300 белорусских народных песен.

Гавриил Иванович никогда не говорил с нами о его жизни в неволе за пределами Беларуси, но когда нам пришлось изучать разрез скважины № 58, он долго повторял, что 58 – самое ужасное число на свете, и мы знали, что по статье 58 УК его несправедливо осудили на 10 лет лишения свободы. Знали мы тогда. что арестовывали Гавриила Ивановича четыре раза, что первый арест в 1922 году был для него вдвойне трагичным, потому что стал причиной гибели любимой сестрички Ганульки.

Во время долгих переездов от одного обнажения или кернохранилища к другому Гавриил Иванович любил рассказывать про славных белорусов, что родом из мест, где мы проезжали, или задавать вопросы-загадки, над которыми мы ломали голову несколько дней, а настоящий ответ получали из очередной статьи Учителя. Например, почему Щара и её приток Мышанка в верховьях так согласно текут к югу и, совсем близко не доходя до озера Выгонощанское, вдруг отворачиваются от него на запад, потом на северо-запад и становятся притоками Нёмана, а не Ясельды? Или почему образовались "провисания" к югу частей Белорусской гряды в бассейнах Нёмана и Вилии?

Незабываемыми и недостижимыми для нас были **уроки красноречия и изящной словесности** Гавриила Ивановича. Его выступления на научных совещаниях, в диспутах, на торжественных собраниях и в застолье – это образцы высокого литературного мастерства. Они вызывали неподдельное восхищение и эстетическое удовольствие как от самого лучшего художественного произведения. Воздействие речей было таким могучим, что слушатели чаще всего воспринимали идеи и доказательства Гавриила Ивановича целиком и делались их сторонниками на всю жизнь.

Помню очень сильное впечатление, пережитое нами, его аспирантами и сотрудниками, во время выступления Гавриила Ивановича на IV межведомственном совещании по краевым образованиям в Риге в 1972 году. Его доклад был посвящён ложбинам ледникового выпахивания и размыва и их связи с краевыми ледниковыми образованиями. Главная цель доклада перед аудиторией, в которой господствовала гипотеза речного, аллювиального происхождения всех линейных форм погребённого рельефа, состояла в доказательстве ледниковой природы большинства переуглублений в субчетвертичной поверхности на северо-западе Восточно-Европейской равнины. Нам, кто видел множество разрезов ложбин по скважинам и обнаже-

ниям в Беларуси, казались неоспоримыми следующие доказательства Гаврила Ивановича. В геологическом строении и морфологии ложбин ледникового выпахивания и размыва есть такие отличительные черты, как преобладание ледниковых, флювиогляциальных и гляциоаллювиальных отложений среди заполняющих ложбины; в них отсутствует настоящий аллювий; большинство ложбин имеет V-образный поперечный профиль; высота тальвега ложбин резко изменяется, в нём присутствуют ригели, чередующиеся с глубокими, до минус 150 и более метров, переуглублениями. В совершенстве изучив и разработав палеопотамологию великих антропогеновых прарек Русской равнины, Гавриил Иванович один из первых смог отличить погребённые долины от ледниковых ложбин и стать основателем учения о них. С Рижского совещания идеи ледникового генезиса ложбин и их связи с гляциодислокациями и краевыми образованиями начали быстро распространяться и увлекать молодых исследователей во всём мире.

Сам Гавриил Иванович был очень настойчивым и упрямым в отстаисании своих научных взглядов. Он выслушивал доводы любых оппонентов и в любой форме, но вынудить его изменить свою позицию было почти невозможно. И это понятно, потому что никто из коллег в Беларуси не имел столь богатого опыта изучения четвертичных отложений на огромных просторах Европейской части былого Советского Союза и того богатого фактического материала, который так старательно и аккуратно был им собран и систематизирован. Он сотрудничал почти со всеми известными исследователями антропогена, особенно тесно – с палинологами, палеокарпологами, малакофаунистами и другими палеонтолагами. Придавал большое значение археологическим материалам, которые и сам неустанно собирал. При комплексной интерпретации материалов отдельных исследователей Гавриил Иванович всегда обосновывал совсем новую, неожиданную идею более высокого ранга, чем предлагали отдельные аналитики. Было очень интересно и радостно, если твои скромные исследования ложились в основу теоретических выводов и приобретали фундаменьальное значение.

Стиль научной работы Гавриила Ивановича – тема особого исследования, которая ещё ждёт своего исполнителя. Для нас остались загадочными подходы Учителя к некоторым методам, используемым в четвертичной геологии. Так, он не использовал результаты геофизического изучения скважин (каротаж), доверял при разбивке разрезов лишь керну, независимо от его качества, хотя мы чаще изучали скважины колонкового бурения. Нам казалось, что Гаври-

ил Иванович всегда исходил из убеждения, что в каждой скважине – стопроцентный выход керна и он разложен в ящиках с необычной аккуратностью и осторожностью. Не брал он во внимание и многие результаты абсолютной геохронологии континентальных толщ, с осторожностью относился к математическим методам в геологии, не ждал от них значительного прорыва в теории. Загадочным было для нас и упрямое нежелание проводить в Беларуси большие совещания, он оберегал нас от бесполезной, как он говорил, траты сил и времени на их подготовку. Даже экскурсия XI конгресса INQUA на территории Беларуси проходила вопреки его желанию. Нам же казалось, что у белорусских исследователей большие результаты в изучении опорных разрезов и стратиграфии антропогена, им есть что показать и рассказать. Гавриил Иванович наши суждения не разделял. Зато на важнейшие всесоюзные совещания в Москву, Воронеж, Киев и другие города мы ездили полным составом лаборатории и всегда выступали с докладами.

Но самое сильное воздействие на соратников и на всех, кто был рядом, имела **Любовь Гавриила Ивановича к родной Беларуси, её культурному и историческоиму наследию, стремление возродить и сохранить национальные ценности.** Именно это глубокое чувство придавало Гавриилу Ивановичу силу и мужество в страшных испытаниях, что пришлись на его долю во времена сталинских репрессий. Эта Любовь делала его неутомимым тружеником на ниве белорусской науки, белорусского Возрождения. Он своим примером учил нас этой Любви, показывал нам заветные, святые места, связанные с жизнью и деятельностью Павлюка Багрима, Адама Мицкевича, Франтишка Богушевича, Михала Огинского, Якуба Колоса, Янки Купалы. Во время геологических экспедиций по Беларуси мы вместе с Учителем осматривали остатки строений в Заосье, где, предполагают, родился Адам Мицкевич, ходили по тропинкам Альбути у той кринички "пад елкай разам з хваіною", слушали "Новую зямлю" в исполнении Юзика, который был когда-то "з вузел ростам" , под дубом, посаженным Якубом Колосом, не раз посещали музей Адама Мицкевича и башни замка в Новогрудке, сидели в беседке парка в Тугановичах, поклонялись Камню филоретов... Никто в нашей жизни не дал нам больше, чем Гавриил Иванович, для укрепления чувства Любви к Беларуси, ощущения животворной силы её природы, силы и духа людей, которые жили, живут и будут жить на земле белорусов. И мы поняли, что сила духа Гаврилы Ивановича питалась этой Любовью и желанием видеть Беларусь вольной, богатой и счастливой. Мы поняли, что только Человек, через всю жизнь пронёсший в своём сердце Любовь к родной

земле, способен к свершению великих дел для пользы и процветания своего народа. Только такой Человек может быть настоящим Сыном своей Родины.

Особенно трогательные воспоминания связаны с отношением Гавриила Ивановича к своему брату – Максиму Горецкому, чрезвычайно талантливому, загубленному режимом в расцвете сил. Воскрешение из небытия этого писателя, учёного и педагогического деятеля, современной гордости каждого белоруса, произошло благодаря усилиям академика Г.И.Горецкого и дочки Максима Ивановича – Галины Максимовны. Мы знали далеко не все трудности, преодолеваемые на пути возвращения писателя своему народу, но на триумфальные торжества – празднование 80- и 90-летних юбилеев Максима Горецкого Гавриил Иванович приглашал всех сотрудников. Особое волнение мы испытали на первом юбилее, 18 февраля 1973 года, когда трудно было сдержать слёзы сожаления и радости, когда появилась надежда, что Беларусь не забудет своих лучших сынов, что они будут возвращены её народу.

Гавриил Иванович Горецкий – это Личность, символизирующая две эпохи белорусского Ренесанса – эпоху 1920-х и эпоху 1960 – 1970 годов. Мы, ученики Гавриила Ивановича, счастливы тем, что наша жизнь связана с такой эпохой, и нам выпала завидная доля быть рядом, учиться и работать у выдающегося деятеля науки, одного из лучших сынов своей Родины, Человека высокого интеллекта и богатой, щедрой души.

Пусть светится имя его в веках!

Даты жизни и деятельности Г.И.Горецкого

1900, 10 апреля. В деревне Малая (раньше Меньшая) Богатьковка Мстиславского повета Могилёвской губернии родился Гавриил Иванович Горецкий.

1906 – 1908 Ученик школы грамоты в деревне Большая Богатьковка.

1909 Ученик школы в селе Славное.

1910 – 1911 Ученик Больше-Богатьковского земского училища.

1912 – 1914 Ученик двухклассного училища в Старом Селе и 5-го класса новой школы в деревне Раздел.

1.09.1914 – 20.09.1919 Студент Горецкого землемерно-агрономического училища, г. Горки.

1917 – 1919 Председатель Белорусской секции учеников Горецких сельскохозяйственных школ.

10.01.1918 – 20.05.1918 Служащий экономического отдела Смоленского Совета депутатов, стенографист "Облискомзапа", г. Смоленск.

24.11.1918 – 1.06.1919 Стенографист Президиума Горецкого поветового исполкома, г. Горки.

1.11.1919 – 15.07.1920 Землемер-агроном и инструктор по землеустройству Уфимского губземотдела, г. Уфа.

1919 Корреспондент газеты "Известия" Уфимского губернского революционного комитета.

1919 – 15.07.1920 Студент 2-го курса Уфимского института народного образования.

1920 (до 15.07) Член Президиума Государственного лугового фонда Уфимской губернии.

20.07 – 1.09.1920 Инструктор по социалистическому землеустройству Центрального Народного комиссариата земледелия, г. Москва.

23.08 – 7.09.1920 Поездка в Менск и Вильню к брату Максиму.

09.1920 Посажен в тюрьму на 4 дня в Москве за поездку к брату без разрешения Центрзема.

01.09.1920–19.09.1924 Студент экономического факультета Петровской (Тимирязевской) сельскохозяйственной академии, г. Москва.

1920 Член Президиума, заведующий культурно-просветительским отделом Ассоциации революционного студенчества.

14.11.1920 – 11.1922 Председатель Белорусской культурно-научной ассоциации при Петровской сельскохозяйственной академии.

31.08 – 12.10.1922 Арестован, посажен в тюрьму на Лубянке.

20.12.22 – 21.10.1923 Инструктор Главного выставочного комитета I Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, г. Москва.

1.10.1923 – 1.09.1925 Преподаватель экономической географии Коммунистического университета национальных меньшинств Запада, г. Москва.

30.10.1923 Женился на студентке агрономического факультета Петровской (Тимирязевской) сельскохозяйственной академии Ларисе Иосифовне Парфенович.

1924 – 1928 Сотрудник, аспирант Научно-исследовательского института сельскохозяйственной экономии Тимирязевской сельскохозяйственной академии, г. Москва.

1.10.1925 – 4.03.1927 Доцент, заведующий кафедры сельскохозяйственной экономии и экономической географии, член Правления Белорусской государственной академии сельского хозяйства, г. Горки.

1925 – 1928 Член Института белорусской культуры (с 5.04.1927 – член Президиума и Научного Совета ИБК), г. Менск.

08 – 09.1926 Научная командировка в Польшу и Германию.

15.01.1927 – 27.07.1930 Директор Белорусского научно-исследовательского института сельского и лесного хозяйства имени В.И.Ленина, г. Менск.

08 – 11.1927 Научная командировка в Польшу, Германию и Данию.

1927 –1930 Член Совета Белсельсоюза. Кандидат в члены (с 1929 – член) Центрального Исполнительного Комитета (ЦИК) БССР.

1928 – 1930 Член Президиума Комитета по химизации народного хозяйства БССР при Совете Народных Комиссаров (СНК) БССР.
Член Центрального совета секции научных работников Союза работников просвещения БССР.
Член статистической плановой комиссии при Центральном статистическом управлении БССР.
Член Комиссии перспективного планирования Госплана БССР.
Член Центрального бюро краеведения при Институте белорусской культуры.
Член экономической секции Научного общества при Белорусском государственном университете.

28.12.1928 Утверждён действительным членом (академиком) Белорусской академии наук – БАН (постановление СНК БССР за подписью Н.Голодеда).

1929 Член Академического совета БАН.
Делегат IX Всебелорусского съезда советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.
Член Правления Рабоче-крестьянского радиоуниверситета.
Заведующий кафедрой штандорта БАН.
Член научного совета Главнауки Народного комиссариата просвещения БССР.

1930 Награждён орденом Трудового Красного знамени БССР.

24.07.1930 Арестован в г. Хоста (дом отдыха).

3.12.1930 “Постановление 314. Об исключении из состава действительных членов Белорусской Академии Наук академиков Ластовского В.Ю., Пичеты В.И., Лёсика И.Ю., Некрашевича С.М., Горецкого Г.И., Дубаха А.Д. В связи с выяснением вредительской контрреволюционной деятельности группы академиков Белорусской Академии Наук, деятельность которых была направлена против диктатуры пролетариата и на срыв успешного социалистического строительства. Совет Народных Комисаров БССР постановляет исключить из состава Белорусской Академии Наук академиков … Горецкого Гавриила Ивановича …, лишив их звания академиков, как врагов пролетарской диктатуры.
Председатель Совета Народных Комиссаров БССР Н.Голодед
Руководитель дел М.Калевич”.

30.05.1931 Постановлением Коллегии ОГПУ осуждён (статьи 58-6, 58-7, 58-11) к высшей мере наказания с заменой заключением в концлагерь сроком на 10 лет.

27.09.31 – 19.02.1932 Научный сотрудник Геологической базы Ленинградского геологоразведочного треста на Беломорстрое, пос. Медвежья Гора Карельской АССР.

19.02.1932 – 1.07.1933 Старший инженер-геолог Бюро изысканий Беломорстроя, пос. Медвежья Гора.

1.07.1933 – 8.02.1934 Старший инженер-геолог Горно-геологического отдела Беломорско-Балтийского комбината НКВД, пос. Медвежья Гора.

8.02.1934 –8.02.1937 Районный геолог Кольского района и старший инженер-геолог Туломстроя НКВД, пос. Кола, пос. Мурмаши Мурманской области.

4.10.1934 С применением льгот и зачётов трудовых дней досрочно освобождён из Беломорско-Балтийского исправительно-трудового лагеря ОГПУ.

1936 Член (с 1948 – член Бюро, 1967–21.04.1983 – председатель) советской секции Международной ассоциации по изучению четвертичного периода (INQUA).

8.02. – 18.06.1937 Старший инженер-геолог отдела изысканий Волгостроя, пос. Переборы Рыбинского района Ярославской области.

25.061937 – 8.05.1938 Руководитель геологической группы и старший инженер-геолог Беломорско-Балтийского комбината НКВД – пос. Медвежья Гора.

10 – 12.1937 Арест, пос. Медвежья Гора.

8.05.1938 – 22.06.1939 Арест (осуждён к высшей меры наказания), освобождён в связи с “прекращением дела”, пос. Медвежья Гора.

4.08.1939 – 7.12.1940 Старший (с 15.06.1940 – главный) геолог 1-го района Соликамского гидроузла НКВД, пос. Нижнее Мошево Соликамского района Молотовской области

7.12.1940 – 20.03.1941 Главный геолог объектов Ленинградской области Ленинградского проектного управления Главпромстроя НКВД, г. Боровичи.

20.03 – 1.07.1941 Главный геолог Мстинского инженерно-геологического района Ленинградского проектного управления Главпромстроя НКВД, г. Боровичи.

1.07 – 5.08.1941 Главный геолог 4-го управления военно-полевого строительства Наркомата обороны (НКО) и НКВД, г. Ржев Калининской области.

5.08. – 5.10.1941 Главный геолог 10-го военно-полевого строительства НКО и НКВД, – г. Череповец Вологодской области.

5.10. – 1.11.1941 Главный геолог прорабства изысканий Северо-Западного управления военно-полевого строительства НКО и НКВД, г. Череповец.

1.11.1941 – 1.02.1942 Главный геолог отдела изысканий 2-го управления оборонных работ НКО, г. Череповец.

1.02. – 25.07.1942 Начальник геологического отделения проектно-изыскательского бюро № 11 Гидропроекта Главпромстроя (Главного управления лагерей промышленного строительства) НКВД, пос. Сухой Лог Камышловского района Свердловской области.

25.07.1942 – 8.02.1944 Главный геолог Камско-Чусовского бюро № 12 Гидропроекта Главпромстроя, пос. Чунжино Чусовского района Молотовской области.

8.02.1944 – 22.06.1947 Заместитель главного геолога Бюро инженерной геологии Гидропроекта НКВД и главный геолог экспедиции № 5, пос. Чкаловск, с 20.10.1946 – пос. Городец Горьковской области.

1945 Присуждена учёная степень кандидата геолого-минералогических наук.

1946 Награждён медалью “За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.”.

14.09.1946 Присуждена учёная степень доктора геолого-минералогических наук.

1947 Награждён медалью “За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.”.

22.06.1947 – 1.09.1956 Заместитель главного геолога Сектора геологии Гидропроекта МВД и главный геолог экспедиции № 8, станица Романовская Ростовской области, с 1953 – г. Елабуга Татарской АССР.

1948 Награждён медалью “За оборону Москвы”.

1948 Награждён медалью “За трудовое отличие”.

1948 Член Бюро (с 21.03.1967 до 21.04.1983 – председатель) Комиссии АН СССР по изучению четвертичного периода.

1952 Награждён орденом Трудового Красного Знамени.

30.04.1954 Заседание Президиума Верховного Совета СССР о снятии судимости.

1.09.1956 – 19.12.1962 Заместитель начальника Отдела геологических изысканий, главный геолог Южных объектов Гидропроекта МВД, г. Дедовск Московской области.

26.04.1958 Реабилитирован и “дело за отсутствием состава преступления прекращено”.

19.12.1962 – 1.08.1969 Главный специалист Отдела инженерной геологии Гидропроекта МВД, г. Дедовск Московской области.

1962 Член Учёного совета по защитам диссертаций геологического факультета Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова.

28.09.1965 Восстановлен в звании академика АН БССР.

1966 – 1969 Старший научный сотрудник Лаборатории геохимических проблем АН БССР (по совместительству).

1967 – 1988 Член редколлегии журнала “Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода”.

26.02.1968 Присуждена первая премия Московского общества испытателей природы за монографии “Аллювий великих антропогеновых прарек Русской равнины” и “Формирование долины р. Волги в раннем и среднем антропогене”.

1968 Член редколлегии “Карты четвертичных отложений СССР масштаба 1:2 500 000”.

27.03.1969–12.02.1971 Заведующий Сектором палеогеографии антропогенового периода Лаборатории геохимических проблем АН БССР, г. Минск

1969 – 1975 Член Терминологической комиссии Белорусской Советской Энциклопедии.

1969 – 1973 Главный консультант Гидропроекта.

1969 – 1973 Заместитель академика-секретаря Отделения химических и геологических наук АН БССР.

1969 – 1988 Председатель Белорусской антропогеновой комиссии.

1970 Награждён медалью “За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И.Ленина”.
Награждён Почётной грамотой Верховного Совета БССР.

1971 Награждён орденом Трудового Красного Знамени.

5.11.1971 Присуждена Государственная премия СССР “За работы по палеопотамологии, строению аллювия и истории великих прарек Русской равнины в антропогене”.

12.02.1971–31.07.1985 Заведующий Отделом палеогеографии антропогена (с 1973 – отдел, с 1978) – лаборатория геологии и палеопотамологии антропогена Института геохимии и геофизики АН БССР, г. Минск

1972 Член Редакционного совета Белорусской Советской Энциклопедии.
Присвоено звание “Заслуженный деятель науки БССР”.

1973 – 1975 Член редколлегии Белорусской Советской Энциклопедии.

1975 Почётный член Географического общества СССР.

9.04.1975 Награждён Почётной грамотой Верховного Совета БССР.

7.05.1975 Награждён юбилейной медалью “XXX лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.”.

1978 – 1981 Член редколлегии “Белорусская ССР. Короткая энциклопедия”.

1978 – 1987 Член редколлегии журнала “Инженерная геология”.

03.01.1979 Награждён орденом Октябрьской революции.

27.09.1979 Награждён “Дипломом Почёта Выставки достижений народного хозяйства СССР”.

9.04.1980 Награждён Почётной грамотой Верховного Совета БССР.

1982 Награждён медалью Министерства геологии СССР “За заслуги в разведке недр. В ознаменование 100-летия образования геологической службы”.

1982 Заместитель председателя Оргкомитета XI конгресса Международного союза по изучению четвертичного периода – INQUA – Москва 1–9 августа 1982 г.

08.1982 Почётный член INQUA.

24.11.1982 Награждён золотой медалью ВДНХ СССР.

1983 –1986 Член редколлегии “Энциклопедии природы Беларуси”.

30.07.1984 Награждён медалью “Ветеран труда”.

9.04.1985 Награждён Почётной грамотой Верховного Совета БССР.

7.05.1985 Награждён юбилейной медалью “Сорок лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.”.

31.07.1985–20.11.1988 Консультант Института геохимии и геофизики АН БССР, г. Минск

24.12.1986 Присуждена Государственная премия БССР “За разработку и внедрение научных основ геологии антропогена и геоморфологии в практику геологоразведочных работ в республике”.

1988, 20 ноября В г. Минске скончался Гавриил Иванович Горецкий. Похоронен на Северном кладбище.

Библиография опубликованных трудов Г.И.Горецкого

1917

Белорусское течение и “тоже белорусы” // Вестник Горецкого уездного земства. № 23. 18 авг.

1918

Руска-беларускі слоўнік (разам з М.Гарэцкім). Смаленск. 108 с.

Белорусский спектакль “Манька” // Известия Горецкого уездного исполнительного комитета. № 67. 11 дек.

Интернационализм или космополитизм // Там же. № 69. 16 дек.

Горецкий Совет Профессоюзов и его деятельность // Там же. № 69. 16 дек.

Высшее учебное заведение в г. Горках // Там же. Декабрь.

Западно-Областной Съезд учащихся // Там же. Декабрь.

1919

Беларускі спэктакль // Дзянніца. № 2. 16 студз.

Беларусізацыя школаў Беларускае камуны // Дзянніца. № 3. 30 студз.

Об издательской деятельности Белорусского научно-культурного общества в Москве // Дзянніца. № 3. 30 студз.

Слово и дело // Луч Интернационала. № 13. 1 мая.

По уезду (факты и впечатления) // Там же. 7 мая.

Два мирка // Там же. 30 июня.

1920

Работа на местах (Волземотделы) // Известия Уфимского исполкома. № 29. 8 февр.

Переделы и крестьянское хозяйство // Там же. № 32. 12 февр.

“Углекопы” – драма в 4 действ. М. де-ля Грацие // Там же. № 37 (191). 18 февр.

Луговой фонд // Там же. № 63. 21 марта.

Землеустройство и революция // Там же.

Нужно учесть опыт // Там же.

К улучшению крестьянских хозяйств // Там же.

1921

Маскоўска-беларускі слоўнік. Выд. 2-е (з папраукамі і вялікімі дадаткамі; разам з М.Гарэцкім). Вільня.

Свята памяці М.Багдановіча // Сав. Беларусь. 18 чэрв.

1922

“Младость” в пепельных сумерках / Младость. Дополнение к журналу.

Регрессивность и прогрессивность национальных возрождений // Там же.

Изучение Белоруссии как фактор ее Возрождения // Первый год деятельности Бел. культурно-научн. ассоциации студентов Петровской с.-х. академии. М. С. 7–9.

Вступительное слово на Первом годичном собрании Ассоциации // Там же. С. 4–5.

Белорусская культурно-научная ассоциация // Новая Петровка, № 1, 7.XI. С. 14–15.

З Масквы ў Беларускі Ерузалем (Падарожжа) // Сав. Беларусь. № 45. 5 ліп.

Дзе быць Беларускай Сел.-Гасп. Акадэміі? // Сав. Беларусь.

Беларуская сэкцыя пры Губ. Аддз. Нар. Асьветы Гомельшчыны // Тамсама.

Расейскія камуністы аб беларусах // Тамсама.

Што нам павінен даць Беларускі тэатр? // Тамсама.

Усебеларускі студэнцкі зьезд // Сав. Беларусь. 22 ліп.

На новы шлях // Маладая Беларусь. Менск.

1926

Народны прыбытак Беларусі (нацыянальны даход Беларусі). Мн. 131 с.

Сельская гаспадарка Гомельскай губерні // Сав. будаўніцтва. № 2. С. 84– 109.

Население Гомельской губернии // Матер. по вопросу районирования Западной области Союза. Вып. 1. Гомельская губерния. Менск. С. 1–24. Прил. С. 78–87.

Сельское хозяйство Гомельской губернии // Там же. С. 25–48.

Аб беларусізацыі вышэйшых навучальных устаноў БССР // Асьвета. № 6. С. 4–13.

1927

Экономическое влияние Москвы на организацию сельского хозяйства области (совм. с М.М.Мальшевым и А.А.Рыбниковым). М.; Л.: Моск. рабочий. 125 с.

Асноўныя лініі навукова-даследчай працы па сельскай і лясной гаспадарцы БССР // Сельская і лясная гаспадарка. Кн. 1. № 1. С. 6–10.

Даследчая справа па сельскай і лясной гаспадарцы і краязнаўства // Наш край. № 10.

Выступленне // Працы Акадэмічнае канферэнцыі па рэформе беларускага правапісу і азбукі. Менск. С. 32–34.

Выступленне // Усебеларускі Восьмы з’езд Саветаў рабочых, сялянскіх і чырвонаармейскіх дэпутатаў: Стэнагр. справаздача. Менск. С. 187–190.

1928

Межы Заходняй Беларусі ў Польшчы (Нацыянальны склад насельніцтва Заходняй Беларусі) // Матэр. да геаграфіі і статыстыкі Беларусі. Т. 1. Менск. С. 1–169.

Год працы БНДІ сельскай і лясной гаспадаркі імя У.І.Леніна 26.1.1927– 26.1.1928 і план працы на 1927–1928 гг. // Першы год працы БНДІ імя У.І.Леніна. Менск. С. 4–46.

Выступленне // 3-я сэсія VIII склікaньня. 15–23 верасьня 1928 г. Стэнагр. справаздача. Выд-ва ЦБК БССР. Менск. С. 278–281.

1929

Даследчая справа па сельскай і лясной гаспадарцы БССР. Менск. С. 1–40.

Нацыянальныя асаблівасьці насельніцтва БССР і беларускага насельніцтва СССР паводле перапісу 1926 г. // Полымя. № 5. С. 77–114.

Другі год працы БНДІ імя У.І.Леніна 26.1.1928–26.1.1929 гг. // Справаздача БНДІ за 1928–1929 гг. Менск. С 1–18.

Выступленне // Стэнаграма пасяджэньня СНК БССР 21–23 жніуня 1929 г. Менск. С. 39–44.

Выступленне // IX Усебеларускі з’езд Саветаў. Менск. С. 467–470.

1930

Калектывізацыя сельскай гаспадаркі БССР і перспективы яе спецыялізацыі // Сельская і лясная гаспадарка. Кн. 10. № 2–3. С. 14–24.

Трэці год працы БНДІ імя У.І.Леніна. Менск. –30 с.

Выступленне // 2-я сэсія IX склікaньня 20–26. XI. 1929 г. Стэнагр. справаздача. Выд-ва ЦБК БССР. С. 171-176; 242-244.

1933

Геологическая характеристика Водораздельного канала // За качество. № 11 (1). С. 161–165.

1936

Геологическое строение района Нижне-Туломской ГЭС // Беломорско-Балтийский комбинат. № 3. С. 4–11; № 4. С. 2–9.

1937

Некоторые данные о неолитических стоянках Кольского перешейка // Тр. Сов. секции Междунар. ассоц. по изучению четвертичн. периода. Вып. 3. Москва. С. 107–118.

Новые неолитические стоянки у г. Кеми, в Карелии // Природа. № 12. С. 102–103.

1938

Доледниковая кора выветривания на Кольском полуострове // Природа. № 4. С. 101-102.

Беречь растительность // Сталинская трасса. № 44. 9 мая.

1939

Новый член в ряду геоморфологических образований Кольского полуострова (лушвени-промоины) // Природа. № 12. С. 68–69.

1940

О местонахождении фауны морской регрессии Littorina oceanica на побережье Белого моря // Природа. № 10. С. 81–82.

Новые данные о фауне иольдиевых отложений // Бюл. Комис. по изучению четвертичн. периода АН СССР. № 6–7. С. 146–148.

Неолитические стоянки в районе г. Кеми // Краткие сообщ. и докл. о полевых исследованиях Ин-та истории матер, культуры АН СССР. № 9 С 111–114.

1941

О роли местных географических условий в четвертичной истории (на примере изучения Кольской и Туломской долин на Кольском полуострове) // Проблемы физ. географии. Вып. 10. С. 55–73.

1945

О роли местных географических условий в четвертичной истории (на примере изучения Кольской и Туломской долин на Кольском полуострове) // Автореф. дис... канд. геол.-мин. наук. М.

1946

Неогеновые и четвертичные отложения района Средней Камы между устьем Вишеры и городом Боровском // Автореф. дис... д-ра геол.-мин. наук. М.

1947

Об одном способе палеогеографических реконструкций некоторых элементов пойменного ландшафта// Вопр. геогр. Сб. 33. С. 111–120.

1948

Из наблюдений над молодыми террасами среднего течения р. Чусовой // Тр. Ин-та геогр. АН СССР. Вып. 39. Проблемы геоморфологии. С. 52–70.

Новые стоянки конца неолита и эпохи бронзы на террасах Нижнего Дона и Маныча как геологические документы // Изв. Всесоюз. геогр. о-ва. Т. 80. № 5. С. 535–540.

1949

Карельское межледниковое море // Вопр. геогр. Сб. 12. С. 97–132.

К стратиграфии нижнечетвертичных отложений Пучежско-Балахнинского Поволжья // Бюл. Комис. по изучению четвертичн. периода АН СССР. № 14. С. 45–54.

1951

Доказано ли существование Онежско-Беломорского позднеледникового соединения? // Изв. Всесоюз. геогр. о-ва. Т. 83. Вып. 2. С. 186-193.

1952

Следы палеолита и мезолита в Нижнем Подонье // Сов. археология Т. 16. С. 302–329.

1953

О палеогеографии Приазовья и Западного Приманычья в узунларско-гирканский и буртасский века // Вопр. геогр. Сб. 33. С. 190–221.

1955

О возможностях применения археологического метода при изучении молодых антропогеновых осадков (в условиях Нижнего Придонья и Приманычья). Ч. 1 // Бюл. Комис. по изучению четвертичн. периода АН СССР. № 20. С. 16-38.

О возрастных соотношениях узунларской и карангатской трансгрессий // Бюл. Моск. о-ва испыт. природы. Отд. геол. Т. 30. Вып. 2. С. 13–29.

1956

О нижней границе четвертичного периода // Бюл. Моск. о-ва испыт. природы. Отд. геол. Т. 31. Вып. 4. С. 29–43.

О возрасте древних аллювиальных свит антропогена, погребенных в долинах Волги и Камы // Докл. АН СССР. Т. 110. № 5. С. 825–827.

О гирканском этапе в геологической истории северо-западного Прикаспия // Новости нефтяной техники: Геология. № 6. С. 3–5.

1957

О возможностях применения археологического метода при изучении молодых антропогеновых осадков (в условиях Нижнего Придонья и Приманычья). Ч. 2 // Бюл. Комис. по изучению четвертичн. периода АН СССР. № 21. С. 58-78.

О великих прареках антропогена Русской равнины // Тез. докл. Всесоюз. межвед. совещ. по изучению четвертичн. периода. М. С. 35–36.

О соотношении морских и континентальных осадков Приазовья, Приманычья и Нижнего Придонья // Тр. Комис. по изучению четвертичн. периода АН СССР. Т. 13. Матер. к Всесоюз. совещ. по изучению четвертичн. периода. М. С. 36–54.

1958

Буртасское среднеантропогеновое озеро и проблема колебания уровня Мирового океана в связи с оледенениями // Бюл. Моск. о-ва испыт. природы. Отд. геол. Т. 33. Вып. 2. С. 67–80.

О перигляциальной формации // Бюл. Комис. по изучению четвертичн. периода АН СССР. № 22. С. 3–23.

1959

О возрасте карангатской фазы тирренской трансгрессии // Бюл. Комис. по изучению четвертичн. периода АН СССР. № 23. С. 66–74.

Об уточнении геологических датировок палеолита Русской равнины // Стратиграфическая шкала четвертичных отложений СССР и принципы их корреляции с зарубежными. Тр. Геол. ин-та АН СССР. Вып. 32. М. С. 22–44.

Значение геоморфологии для гидроэнергетического строительства // Мат. II геоморфолог. совещ. М.: Изд-во АН СССР. С. 1–24.

1960

О границе между неогеном и антропогеном // Междунар. геол. конгресс, XXI сессия. Докл. сов. геологов. Хронология и климаты четвертичн. периода. М.: Изд-во АН СССР. С. 19–26.

Геоморфология района сооружений Волго-Дона. Долина Дона // Геология района сооружений Волго-Дона. М.; Л.: Энергоиздат. С. 26–31.

Основные черты геологического строения района сооружений Волго-Дона. Четвертичная система // Геология района сооружений Волго-Дона. М.; Л.: Энергоиздат. С. 45–54.

Аргументация в пользу сохранения ныне принятого в СССР положения нижней границы четвертичной (антропогеновой) системы / Соавт. И.М. Покровская, П.В.Федоров // Бюл. Межвед. стратигр. комитета. 2.

1961

О великих прареках антропогена Русской равнины // Матер. Всесоюз. совещ. по изучению четвертичн. периода. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР. С. 116–121,

Шевченковская гляциоаллювиальная свита на Среднем Днепре// Докл. АН СССР. Т. 136. № 6. С. 1422–1424.

О некоторых нерешенных вопросах в изучении истории антропогеновых фаун Украины // Тез. докл. на II конф. по проблеме “История фаун и среды их обитания”. Киев. С. 3.

О путях решения некоторых спорных вопросов геологических датировок палеолита Русской равнины // Тр. Комис. по изучению четвертичн. периода АН СССР. Т. XVIII. С. 172–183.

Заключительное слово на совещании по стратиграфии и периодизации палеолита // Тр. Комис. по изучению четвертичн. периода АН СССР. Т. XVIII. С. 193–196.

Генетические типы и разновидности отложений перигляциальной формации // Матер, по генезису и литологии четвертичн. отложений. Мн.: Изд-во АН БССР. С. 107–125.

1962

О возрастных и пространственных соотношениях антропогеновых террас р. Кубани // Вопросы стратиграфии и палеогеографии четвертич-

ного периода (антропогена). Тр. Комис. по изучению четвертичн. периода АН СССР. Т. XIX. С. 194–222.

К познанию природы Пучежско-Балахнинских дислокаций (О проявлениях инъективной тектоники на Русской платформе) // Бюл. Моск. о-ва испыт. природы. Отд. геол. Т. 37. Вып. 5. С. 80–100.

К решению вопроса о нижней границе антропогена // Тр. Комис. по изучению четвертичн. периода АН СССР. Т. 20. С. 25–46.

1963

Погребенные почвы, погребенный почвенный делювий и трещины усыхания как стратиграфические документы при инженерно-геологических изысканиях // Тр. Гидропроекта. Сб. 9. М. С. 209–239.

О направлении дальнейших работ по изучению краевых образований и краевых зон равнинных оледенений // Тр. Комис. по изучению четвертичн. периода АН СССР. Т. 21. С. 172–175.

Успаміны пра брата // Полымя. № 2. С. 177–182.

1964

Аллювий великих антропогеновых прарек Русской равнины. Прареки Камского бассейна. М.: Наука. 415 с.

1965

О роли К.К.Маркова в становлении палеогеографии антропогенового периода / Соавторы В.Н.Сукачев, А.А., Богданов и др. // Изв. Всесоюз. геогр. о-ва. Т. 97. Вып. 4. С. 377–379.

1966

Формирование долины р. Волги в раннем и среднем антропогене. Аллювий Пра-Волги. М.: Наука. 412 с.

Об укрупнении гранулометрического состава пород лессовой формации в направлении к речным долинам и понижениям // Современный и четвертичный континентальный литогенез. М.: Наука. С. 120–130.

Горкі і беларускі фальклор // Полымя. № 6. С. 145–155.

1967

О происхождении и возрасте глубоких долинообразных понижений в рельефе постели антропогеновых отложений ледниковых областей // Нижний плейстоцен ледниковых районов Русской равнины. М.: Наука. С. 17–33.

Владимир Николаевич Сукачев / Соавт. В.П.Гричук // Нижний плейстоцен ледниковых районов Русской равнины. М.: Наука. С. 3–7.

Владимир Николаевич Сукачев // Бюл. Комис. по изучению четвертичн. периода АН СССР. № 34. С. 3–7 (коллектив авторов).

1968

О генетических связях краевых ледниковых образований, ложбин ледникового выпахивания и размыва, гляциодислокаций и ледниковых

отторженцев // Тез. докл. III Всесоюз. межвед. совещ. по изучению краевых образований материк. оледенений. Смоленск. С. 3–9.

Генрих Фридрихович Лунгерсгаузен // Бюл. Комис. по изучению четвертичн. периода АН СССР. № 35. С. 198–201 (коллектив авторов).

1969

Sur la Paleopotamologie de l'Antropogene // VIII Congress INQUA. Paris. P. 151.

О комплексном изучении погребенных речных долин и ложбин ледникового выпахивания и размыва как вместилищ полезных ископаемых, их индикаторов и как объектов гидротехнического строительства // Комплексное геолого-геофизико-геохимическое и гидрогеологическое изучение земной коры Белоруссии. Мн.: Наука и техника. С. 40–44.

1970

Аллювиальная летопись великого Пра-Днепра. М.: Наука. – 490 с.

1971

Пра асноўныя напрамкі вывучэння антрапагену Беларусі ў бліжэйшыя гады // Антрапаген Беларусі. Мн.: Навука і тэхніка. С. 235–245.

Генетические типы антропогеновых глинистых отложений Белоруссии // Изучение и использование глин: Матер. IX Пленума Всесоюз. комис. по изучению и использованию глин. Вып. I, секция 2. Мн.: Наука и техника. С. 13–15.

Приветственное слово Г.И.Горецкого // Проблемы периодизации плейстоцена: Матер. симпозиума (Ленинград, 16–19 нояб., 1970). Л. С. 9–10.

Проблемы периодизации, геохронологии и стратиграфии антропогена // Там же. С. 54–60.

О соотношениях ледниковой и мариногляциальной формаций севера Евразии // Проблемы корреляции новейших отложений севера Евразии (Матер. симпозиума. Ленинград, март 1971 г.). Л. С. 156–159.

1972

Об изучении генетических связей краевых ледниковых образований, ложбин ледникового выпахивания и размыва, гляциодислокаций и отторженцев // Краевые образования материк. оледенений. М.: Наука. С. 64–69.

Следует ли снижать в настоящее время границу антропогена? // Междунар. коллоквиум по проблеме "Граница между неогеном и четвертичной системой". Сб. 1. М.: Наука. С. 72–85.

Ложбины ледникового выпахивания и размыва в их связи с краевыми ледниковыми образованиями // Ледниковый морфогенез. Рига: Зинатне. С. 19–39.

О геохимическом изучении антропогеновых отложений бассейна Немана // Применение ландшафтно-геохимических методов исследований в Прибалтике и Белоруссии. Мн.: Наука и техника. С. 42–47.

Ля вытокаў беларускай навукі (да 50-годдзя Інбелкульта) // Звязда. 20 лют.

1973

Об изучении рельефа постели антропогеновых отложений ледниковых областей // Тез. докл. сов. ученых к IX конгрессу ИНКВА (Новая Зеландия, 1973). М. С. 12–13.

Об изучении палеогеографии антропогена Белоруссии // Матер. по палеогеографии и геохимии антропогена Белоруссии: К IX конгрессу ИНКВА (Новая Зеландия, 1973). М. С. 7–16.

О взаимодействии антропогеновых отложений и их субстрата // Матер. по палеогеографии и геохимии антропогена Белоруссии: К IX конгрессу ИНКВА (Новая Зеландия, 1973). Мн.: Наука и техника. С. 17–20.

On study of the topography of the antropogene deposits base in glacial areas // Report of Sowiet Scientists for the IX Congress of INQUA (New Zeland, 1973). Abstracts. P. 23–24.

Типы антропогеновых переуглублений (на примере некоторых районов Неманского бассейна) // Проблемы палеогеографии антропогена Белоруссии. Мн.: Наука и техника. С. 95–127.

Основные принципы и методы разработки стратиграфии антропогена // Тез. докл. к IV Всесоюз. совещ. по изучению четвертичн. периода. Ереван. С. 30–32.

Проблемы изучения погребенных долин и ложбин ледникового выпахивания и размыва на территории Белоруссии // Вопросы геологии Белоруссии. Мн.: Наука и техника. С. 7–12.

1974

Принципы стратиграфического расчленения антропогеновой системы // Докл. на IV Всесоюз. совещ. по изучению четвертичн. периода. Ереван. С. 29–31.

Основные проблемы палеопотамологии антропогена // Бюл. Комис. по изучению четвертичн. периода АН СССР. № 42. С. 3–17.

Геохимические аномалии микроэлементов группы железа в антропогенових отложениях Белорусского Понеманья / Соавт. В.А.Кузнецов, К.П.Мандер, С.Л.Шиманович, С.Г.Дромашко, С.Д.Астапова, Н.В.Зайцева // Вопросы геологии Белоруссии. Мн.: Наука и техника. С. 51–60.

О разновидности локальной морены с песчаными валунами из местных пород // Геология и геохимия антропогена Белоруссии. Мн.: Наука и техника. С. 128-131.

1975

Геалагічная будова і гісторыя геалагічнага развіцця / Сааўт. А.С.Махнач, В.І.Пасюкевіч // БелСЭ. Т. XII. Мн. С. 11–14.

О некоторых проявлениях унаследования в антропогеновых образованиях Белорусского Понеманья // Стратиграфия и палеогеография антропогена. Мн.: Наука и техника. С. 180–200.

Палеапатамалогія // БелСЭ. Т. VIII. Мн. С. 42.

О книге В.С.Яблокова “Перерывы в морском осадконакоплении и палеореки (в рифее – палеозое Русской платформы)” // Литология и полезные ископаемые. № 3. С. 170–172.

Герасим Васильевич Богомолов (к 70-летию со дня рождения д-ра геол.-мин. наук, академика АН БССР) / Сааўт. А.С.Махнач і інш. // Весці АН БССР. Сер. хім. навук. № 1. С. 129–132.

1976

О роли активных ледников при формировании краевых ледниковых образований // Тез. докл. V Всесоюз. совещ. по изучению краевых образований материковых оледенений (6–15 сент. 1976 г.). Киев. С. 8–9.

Об уточнении границ сожского оледенения в южной части Белоруссии // Четвертичный период. Вып. 16. Киев: Наукова думка. С. 25–29.

Палеопотамологический метод корреляции морских и континентальных отложений антропогена // Геология четвертичного периода. Инженерная геология. Проблемы гидрогеологии аридной зоны. Междунар. геол. конгресс, XXV сессия: Докл. сов. геологов. М. С. 42–49.

Предисловие // А.Е.Додонов, Ю.Т.Наместников, А.Ф.Якушова. Новейшая тектоника юго-восточной части Балтийской синеклизы / Под ред. Г.И.Горецкого. М.: Изд-во МГУ. С. 3–6.

След у навуцы // Пясняр мужнасці: Кніга пра П.Глебку. Мн. С. 266–267.

Рэц. на кнігу: Почвы Белорусской ССР // Весці АН БССР. Сер. с.-г. навук. № 4. С. 126-127.

1977

Основные задачи палеопотамологических исследований в СССР // Речные системы и мелиорация, Ч. 1. Новосибирск. С. 3–19.

О критериях определения границы между неогеном и антропогеном // Пограничные горизонты между неогеном и антропогеном. Мн.: Наука и техника. С. 8–55.

Основные принципы и методы разработки стратиграфии антропогена // Геология четвертичного периода (плейстоцен). Ереван: Изд-во АН АрмССР. С. 242–246.

Предисловие // Геология четвертичного периода (плейстоцен). Ереван: Изд-во АН АрмССР. С. 5–6.

О нерешенных вопросах антропогена // Будущее науки: Междунар. ежегодник. Вып. 10. М.: Знание. С. 131–141.

On the formation by plucking of deep grooves of glacial erosion. – Abstracts. X INQUA Congress. Bermingham. P. 172.

К 70-летию академика К.И.Лукашева / Соавт. Г.В.Богомолов, Р.Г.Гарецкий, В.А.Кузнецов, В.И.Лебедев, В.Н.Щербина, В.Е.Бордон // Изв. АН СССР. Сер. геол. № 7. С. 125–128.

1978

Об активном состоянии ледников при формировании краевых ледниковых образований // Краевые образования материковых оледенений: Матер. V Всесоюз. совещ. Киев: Наукова думка. С. 5–13.

Геологические предпосылки формирования вещественного состава и миграции микроэлементов антропогеновой толщи Белорусского Понеманья // Вещественный состав и микроэлементы группы железа антропогеновых отложений Белорусского Понеманья. Мн.: Наука и техника. С. 5–28.

Вступительное слово академика Г.И.Горецкого // Основные морены материковых оледенений: Матер. междунар. симп. М. С. 7–11.

Асноўныя вынікі вывучэння антрапагену Беларусі ў Акадэміі навук БССР//Даследаванні антрапагену Беларусі. Мн.: Навука і тэхніка. С. 7–23.

Рецензия на книгу: А.Ф.Якушова. Геология с элементами геоморфологии // Изв. высш. учеб. заведений: Геология и разведка. № 7. С. 180–181.

Лагчыны ледавіковага выворвання і размыву // Беларуская ССР: Кароткая энцыкл. Т. 2. Мн. С. 361.

Алювій // Беларуская ССР: Кароткая энцыкл. Т. 2. Мн. С. 51.

Геология // Белорусская Советская Социалистическая Республика / Сааўт. А.С.Махнач, В.І.Пасюкевіч, Р.Г.Гарэцкі. Мн. С. 11–16.

Академик Александр Семенович Махнач / Соавт. Б.С.Соколов, В.В.Меннер, АЛ.Яншин, Г.В.Богомолов, Р.Г.Гарецкий, В.А.Кузнецов // Изв. АН СССР. Сер. геол. № 12. С. 137-139.

Александр Семенович Махнач (к 60-летию со дня рождения) / Сааўт. Г.В.Багамолаў, Р.Г.Гарэцкі, М.І.Міцкевіч, У.А.Кузняцоў, Л.А.Дземідовіч, Ю.І.Паўлаў, В.І.Пасюкевіч, І.І.Ур’еў, У.Я.Бардон // Весці АН БССР. Сер. хім. навук. № 6. С. 129–132.

Памяти Николая Николаевича Соколова / Соавт. И.П.Герасимов, А.П. Дедков, А.А.Асеев // Геоморфология. № 4. С. 111–112.

А.И.Москвитин и геология плейстоцена Русской равнины / Соавт. Н.И. Кригер, А.А.Носов // Изв. АН СССР. Сер. геол. № 10. С. 151–153.

1979

Плиоцен Белоруссии // Неоген СССР. М. С. 1–12.

Об изучении особенностей палеопотамологии северных рек СССР // История развития речных долин и проблемы мелиорации земель. Европейская часть СССР. Новосибирск: Наука. С. 5–9.

Валериан Иннокентьевич Громов (1896–1978) // Бюл. Комис. по изучению четвертичн. периода АН СССР. № 49. С. 147–149 (коллектив авторов).

Палеагеаграфічныя арэны антрапагену Беларусі // Новае ў геалогіі антрапагену Беларусі. Мн.: Навука і тэхніка. С. 7–10.

Из личного опыта содружества с палеокарпологами // Сов. палеокарпология (итоги и перспективы). М.: Наука. С. 30–52.

Предисловие // Там же / Соавт. В.П.Гричук. С. 3–4.

Каля вытокаў беларускай савецкай навукі // Весці АН БССР. Сер. грамад. навук. № 1. С. 16–21.

Адказ на пытанне аб задачах далейшага развіцця беларускага мовазнаўства // Беларуская лінгвістыка. Вып. 15. Мн. С. 5–6.

Вобраз Янкі Купалы ў маім успрыманні // Успаміны пра Янку Купалу. Мн. С. 5–20.

1980

Особенности палеопотамологии ледниковых областей (на примере Белорусского Понеманья). Мн.: Наука и техника. – 288 с.

Наш Купала – мой Купала // Літ. і маст., 25 крас.

Потоковая морена в генетической связи с краевыми ледниковыми образованиями // Литология и методы изучения отложений ледникового комплекса: К VI Всесоюз. совещ. по краевым образованиям материковых оледенений. Киев, ИГН. Препринт 80–12. С. 4.

Герасим Васильевич Богомолов (К 75-летию со дня рождения) / Соавт. К.И.Лукашев, Р.Г.Гарецкий и др. // Весці АН БССР. Сер. хім. навук. № 4. С. 128–130.

1981

Десять лет исканий // Геологические исследования кайнозоя Белоруссии. Мн.: Наука и техника. С. 3–10.

"А хто там ідзе" // Голас Радзімы. 22 студз.

Сещи – эталон гляциотектонических дислокаций в районах ископаемых выводных ледников у мест их длительной остановки // Докл. АН БССР. Т. XXV. № 10. С. 925–927.

Герасим Васильевич Богомолов (Некролог) / Соавт. А.С.Махнач, Н.И. Мицкевич и др. // Весці АН БССР. Сер. хім. навук. № 4. С. 129–130.

Путеводитель экскурсии С-5 (Белоруссия) // XI Конгресс ИНКВА / Соавт. Л.Н.Вознячук, Э.А.Левков, Р.А.Зинова и др. М. – 44 с.

Нижнинский Ров на Днепре у г. Шклова Могилевской области // Путеводитель экскурсии С-5 (Белоруссия) // XI конгресс INQUA (Москва, август 1982) / Соавт. Л.Н.Вознячук, Ф.Ю.Величкевич, Я.К.Еловичева, А.Ф. Санько. М. С. 18–25.

1982

Палеопотамологические эскизы Палео-Дона и Пра-Дона. Мн.: Наука и техника. – 248 с.

Палеогеоморфологические методы корреляции раннеплейстоценовых образований // Тез. докл. XI Междунар. геол. конгресса ИНКВА. Т. I. М. С. 75–76.

Палеогеоморфологические методы корреляции раннеплейстоценовых образований // Докл. на XI конгрессе INQUA (Москва, 1982 г.). Мн.: Наука и техника. – 27 с.

Главные результаты изучения ледниковой формации и краевых ледниковых образований Белоруссии в прошедшем десятилетии // Исследования земной коры территории Белоруссии. Мн.: Наука и техника. С. 20–30.

О палеокарпологических исследованиях // Палеокарпологические исследования кайнозоя. Мн.: Наука и техника. С. 119–141.

Антропоген – прошлое, настоящее и будущее Земли и человечества в их неразрывной связи // Стратиграфия и палеогеография антропогена. М. С. 8–16.

Вместе с геологами // Гидротехник. № 13(1158), 13 апр. С.1.

Наш ганаровы акадэмік (да 50-годдзя выбрання М.Горкага ганаровым членам АН БССР) // Літ. і маст. 24 верас. № 38 (3136). С. 3.

Вобраз Янкі Купалы ў маім успрыманні // Успаміны пра Янку Купалу. Мн.: Маст. літ. С. 45–53.

А хто там ідзе? // На мовах свету. Мн.: Маст. літ. С. 105.

Такім яго помню // Беларусь. № 11.

1983

Научное наследие Л.Б.Рухина и белорусская геология // Литология и геохимия кайнозоя Белоруссии / Соавт. А.С.Махнач, Р.Г.Гарецкий, В.А. Кузнецов и др. Мн.: Наука и техника. С. 143–146.

Предисловие редактора // В.Е.Бордон. Талант и интуиция. Мн.: Наука и техника. С. 5–6.

Дарагое імя (Да 90-годдзя з дня нараджэння М.Гарэцкага) // Мастацтва Беларусі. № 3. С. 58–59.

Жанчына вялікага сэрца і мужнасці // Літ. і маст., 18 лістап.

1984

О нецелесообразности включения апшерона в четвертичную (антропогеновую) систему (о книге "Четвертичная система") // Изв. АН СССР. Сер. геол., № 7. С. 64–72.

О наиболее мощных и полных разрезах древних нижнеплейстоценовых отложений // Тез. 27-го Междунар. геол. конгресса. М. Т. IX. Ч, 2. С. 80–81.

Сещи – палеогеографические арены глубоких ледниковых ложбин, выполненные полностью или частично древними моренами (фрагменты ископаемых выводных ледников у мест их длительной остановки) // Возраст и генезис переуглублений на шельфах и история речных долин. М.: Наука. С. 172–175.

Экскурсия 024 – Ледниковые отложения Белоруссии // Междунар. геол. конгресс. XXVII сессия. Белорусская Советская Социалистическая Республика / Соавт. С.Д.Астапова, М.А.Вальчик, Ф.Ю.Величкевич, С.Г.Дромашко, Я.К.Еловичева, Р.А.Зинова, М.Е.Зусь, П.Ф.Калиновекий, В.А.Кузнецов, Э.А.Левков, А.В.Матвеев, А.Ф.Санько, С.Л.Шиманович. Мн.: Наука и техника. С. 39–63 (на рус. и англ. яз.).

Белорусская Советская Социалистическая Республика. Экскурсии: 024 Ледниковые отложения Белоруссии. 13 Белорусский калиеносный бассейн. Сводный путеводитель / Международный геол. конгресс. 27-я сессия / Соавт. Р.Г.Гарецкий, М.С.Кичкина, С.А.Кручек, А.С.Махнач и др. Москва, 1984. Мн.: Наука и техника. – 79 с.

То же: Мн.: Наука и техника.–76 с. (на англ. яз.).

Институт геохимии и геофизики АН БССР – Institute of Geochemistry and Geophysics of the BSSR Academy of Sciences / Соавт. Я.И.Аношко, В.Е. Бордон, Р.Г.Гарецкий и др. Мн.: Наука и техника. – 63 с.

The most thick and complete sections of the obdest loverpleistocene deposits // Abstracts. XXVII Geol. Congr. Vol. IX. Part 2. P. 79–80.

Слова пра брата і настаўніка // Максім Гарэцкі: Успаміны, артыкулы, дакументы. Мн.: Маст. літ. С 6–20.

1985

О радиальных формах краевых ледниковых образований // Докл. АН БССР. Т. XXVII. № 3. С. 250-252.

Основные типы древних палеогеографических арен ледникового плейстоцена // Докл. АН БССР. Т. XXIX. № 4. С. 351–354.

Об истолковании перигляциальных спорово-пыльцевых спектров // Проблемы плейстоцена. Мн.: Наука и техника. С. 56–63.

1986

Об уточнении возраста антропогеновых отложений Белоруссии и Центральной России, принимаемых за древнейшие нижнеплейстоценовые // Палеонтология и ее роль в познании геологического строения территории Белоруссии. Мн.: Наука и техника. С. 19–32.

Узлы синтеза в антропогеновых образованиях Белоруссии // Докл. АН БССР. Т. 30. № 4. С. 355–357.

О наиболее мощных и полных разрезах древнейших нижнеплейстоценовых отложений // Проблемы изучения земной коры Белоруссии и сопредельных территорий. Мн.: Наука и техника. С. 26–30.

1987

Нижнинский Ров (стратотипический разрез шкловского межледниковья Белоруссии) / Соавт. Б.Н.Гурский, Я.К.Еловичева, Ф.Ю.Величкевич, С.Г.Дромашко, В.И.Назаров, С.Ф.Зубович. Мн.: Наука и техника. – 273 с.

1988

О выделении палеогеографических арен в антропогене БССР // Докл. АН БССР. Т. XXXII. № 3. С. 246-247.

1989

Геалагічнае раянаванне плейстацэну // Геалагічныя і палеанталагічныя даследаванні кайназою Беларусі. Мн.: Навука і тэхніка. С. 7–10.

Кароткі успамін пра адчыненне Беларускай акадэміі навук // Літ. і маст. 6 студз.

Памяць аб Купале на Волзе //Літ. і мастацтва. 27 кастр.

1990

Абвяшчэнне БССР // Шляхам гадоў. Мн. С. 167.

1995

Вузлы сінтэзу антрапагену Беларусі // Літасфера. № 2. С. 42–46.

1997

Некалькі сустрэч з Уладзімірам Дубоўкам // Літ. і маст. 11 крас.

1999

Незабываемые встречи с Г.Ф.Мирчинком // Академик Г.Ф.Мирчинк. Знаток истории Земли. Мн.: Беларуская навука. С. 47–51.

Аб прыродна-гістарычным асяродку Мінска // Літ. і маст. 1 кастр. № 39 (4019). С. 16.

2002

Выбранае. Мн.: Беларускі кнігазбор. 544 с.

2003

Воспоминания о П.Н.Чирвинском // Літасфера. № 1(18). С. 150–154.

Академик К.К.Марков – основоположник палеогеографии антропогена СССР // Літасфера. № 2(19). С. 147–149

2008

Брат Максім Гарэцкі: (фрагменты) // Народная воля. № 27. 22 лют.

Работы, вышедшие под редакцией Г.И.Горецкого

Нижний плейстоцен ледниковых районов Русской равнины / Соред. Н.И.Кригер. М.: Наука, 1967. 182 с.

Антрапаген Беларусі / Сарэд. Л.М.Вазнячук, У.А.Кузняцоў, К.І.Лукашоў, Е.П.Мандэр. Мн.: Навука і тэхніка, 1971. – 256 с.

Краевые образования материковых оледенений / Соред. Д.И.Погуляев, С.М.Шик. М.: Наука, 1972. 333 с.

Материалы по палеогеографии и геохимии антропогена Белоруссии к XI Конгрессу INQUA / Соред. Л.Н.Вознячук, В.А.Кузнецов, К.И.Лукашёв, Е.П. Мандер. Новая Зеландия, 1973. Мн.: Навука і тзхніка, 1973. 168 с.

Мандер Е.П. Антропогеновые отложения и развитие рельефа Белоруссии. Мн.: Наука и техника, 1973. – 128 с.

Якубовская Т.В. Палеогеография лихвинского межледниковья Гродненского Понеманья (палеокарпологические исследования). Мн.: Наука и техника, 1976. 300 с.

Додонов А.Е., Наместников Ю.Г., Якушова А.Ф. Новейшая тектоника юго-восточной части Балтийской синеклизы. М.: Изд-во МГУ, 1976. 196 с.

Геология четвертичного периода (плейстоцен) / Соред. А.Т.Асланян, Б.Г.Векилов, И.К.Иванова, К.И.Карапетян, Н.Б.Клопотовская, Н.В.Пашалы, Ю.В.Саадян, Д.В.Церетели, Г.В.Чубарян. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1977. 355 с.

Советская палеокарпология (итоги и перспективы) / Соред. В.П.Гричук, В.И.Громов, И.К.Иванова, Н.И.Кригер, К.В.Никифорова, И.И.Плюснин, Е.В.Шанцер. М.: Наука, 1979. 168 с.

Хурсевич Г.К., Логинова Л.П. Ископаемая диатомовая флора Белоруссии. Мн.: Наука и техника, 1980. 122 с.

Путеводитель экскурсии С-5. Белоруссия. XI Конгресс ИНКВА. Москва, август 1982 г. / Соред. Р.А.Зинова. М., 1981. 44 с.

Московский ледниковый покров Восточной Европы / Соред. Н.С.Чеботарева, С.М.Шик. М.: Наука, 1982. 237 с.

Зинова Р.А. Плиоцен севера Центрального Казахстана: Матер. для корреляции разрезов Белоруссии и Казахстана. Мн.: Наука и техника, 1982. 149 с.

Якубовская Т.В. Очерк неогена и раннего антропогена Понеманья. Мн.: Наука и техника, 1984. 160 с.

Палеогеография кайнозоя Белоруссии. Мн.: Наука и техника, 1989. – 175 с.

Величкевич Ф.Ю. Позднеплиоценовая флора Дворца на Днепре. Мн.: Наука и техника, 1990. 140 с.

Литература о Г.И.Горецком

Адамовіч Алесь. Браму скарбау сваіх адчыняю... Мн.: Выд-ва БДУ, 1980. – 224 с.

Азгур Заір. Водсвет дабрыні і розуму // Літ. і маст. 1979. № 41. С 8–9.

Азгур Заир. Излучение ума и доброты // То, что помнится... Кн. 2. – Мн.: Беларусь, 1984. С. 14–30.

Акадэмік Гаўрыла Гарэцкі. Успаміны, артыкулы, дакументы. Да 100-годдзя з дня нараджэння. Пад рэд. Р.Г.Гарэцкага. Мн.: Тэхналогія. 2000. 420 с.

Аношка Ядвіга. Прыклад апантанасці ў навуцы і высакародства // XVIII Гарэцкія чытанні. Мн. 2010. С. 6–11.

Аношка Ядвіга. Гаўрыла Іванавіч Гарэцкі і яго навуковая і грамадска-культурная дзейснасць (агляд дакладаў Гарэцкіх чытанняў) // XIX Гарэцкія чытанні. Мн. 2011. С. 21–27.

Антонава Таццяна. Адкрывальнікі новых шляхоў (З роду Гарэцкіх) // Голас Радзімы. 1986. 3 крас. № 14 (1948). С. 6.

Антонава Т.А. Адкрывальнікі новых шляхоў... // Як галіны моцнага дрэва. Мн., 1986. С. 9-18.

Анциферов Н.П. Из дум о былом. Воспоминания. М.: Феникс, 1992. Культурная инициатива. – 512 с.

Ахметава Алена. Гаўрыла Іванавіч Гарэцкі на старонках школьных падручнікаў // XIII Гарэцкія чытанні. Мн. 2006. С. 35–38.

Бабинец А.Е., Еськов Б.Г., Кухтий СВ. Геологическая летопись Днепра // Геологич. журн. Т. XXXII. Вып. 4. 1972. С. 152–153.

Багамолаў Г.В., Лукашоў К.І., Махнач А.С., Кузняцоў У.А., Махнач Н.А., Астапава С.Д., Вазнячук Л.М., Драмашка С.Г., Зінава Р.А., Хурсевіч Т.К., Шымановіч С.Л., Якубоўская Т.В. Гаўрыла Іванавіч Гарэцкі (Да 80-годдзя з дня нараджэння) // Весці АН БССР. Сер. хім. навук. 1980. № 2. С. 129–130.

Баргдановіч Ірына. Духоўная пабрацімства: Гаўрыла Гарэцкі і Уладзімір Дубоўка // XIII Гарэцкія чытанні. Мн. 2006.С. 38–46.

Бібліяграфія навуковых прац акадэміка АН БССР Г.І.Гарэцкага (Да 80-годдзя з дня нараджэння). Мн.: Навука і тэхніка, 1980. – 24 с.

Бірукоў В.Б. Тайны старажытнага возера (Выкапнёвыя азёры на тэрыторыі Беларусі). Гутарка з заг. аддзела геалогіі і палеапатамалогіі

антрапагену Інстытута геахіміі і геафізікі АН БССР Г.І. Гарэцкім // Мінск. праўда. 1974. 14 чэрв.

Бордон В. Многоликий антропоген // Сов. Белоруссия. 1986. 4 нояб. № 253 (16836). С 3.

Брыль Янка. Пасля лемантара // Літ. і маст. 1981. 2 студз.

Бусько Віталь. Хацелася Радзіме памагчы ... // Полымя. 1998. № 10. С. 210-221.

Веклич М.Ф. Г.И.Горецкий и палеопотамалогия // Літасфера. 1999. № 10–11. С. 29–35.

Велічкевіч Ф.Ю., Каліноўскі П.Ф. Гаўрыла Іванавіч Гарэцкі (1990–1988) // Геалагічныя і палеапатамалагічныя даследаванні кайназою Беларусі. Мн.: Навука і тэхніка, 1989. С 3–6.

Величкевич Ф.Ю., Зинова Р.А. Человек-легенда (к 100-летию со дня рождения Г.И.Горецкого) // Бюлл. Комис. по изучению четвертич. периода. № 64. 2001. С. 96–100.

Вінакураў В. Памяць застаецца (Аб адкрыцці мемарыяльнай дошкі Гарэцкаму Г.І. на будынку Ін-та геахіміі і геафізікі АН БССР) // Навіны Беларускай акадэміі. 1990. 7 снеж. С 5; тое ж: В память о Г.Горецком // Веч. Минск. 1990. 10 дек.

Виноградов К.М. Прареки Русской равнины // Наука сегодня: Справочник лектора. М.: Знание, 1973. Вып. 1. С. 176–178.

Гавриил Иванович Горецкий (1900–1988) // Бюл. Комис. по изучению четвертичн. периода. 1990, № 59. С. 170–173.

Гаранін Лявонцій. XXI век: актуальные проблемы развития белорусской литературы в свете творческого наследия братьев Максима и Гавриила Горецких // XVII Гарэцкія чытанні. Мн. 2009.С. 58–66.

Гарэцкая Галіна. Дзядзька Гурык // Літ. і маст. 1988. 2 снеж. № 48 (3458). С 8-9.

Гарэцкая Галіна. Дзядзька Гурык // Полымя. 1993. № 1. С. 160–182.

Гарэцкі Гаўрыла Іванавіч // БелСЭ. Т. 3. Мн., 1970. С. 344.

Гарэцкі Гаўрыла Іванавіч // Энцыкл. прыроды Беларуси. Т. 1. Мн., 1983. С. 572–573.

Гарэцкі Гаўрыла Іванавіч //Янка Купала: Энцыкл. даведнік. Мн.: БелСЭ, 1986. С. 151-152.

Гарэцкі Гаўрыла Іванавіч // Этнаграфія Беларусі. Мн.: БелСЭ, 1989. С. 145–146.

Гарэцкі Гаўрыла Іванавіч // Археалогія і нумізматыка Беларусі: Энцыкл. Мн.: БелЭН, 1993. С. 168.

Гарэцкі Гаўрыла Іванавіч // Энцыкл. гісторыі Беларусі. Т. 2. Мн., 1994. С. 493–494.

Гарэцкі Гаўрыла Іванавіч // Беларусь: Энцыкл. даведнік. Мн.: БелЭН, 1995. С. 213.

Гарэцкі Гаўрыла Іванавіч // Беларуская энцыкл. 1997. Т. 5. С. 80–81.

Горецкий Гавриил Иванович // Горная энцикл. М., 1986. Т. 2. С. 86.

Горецкий Гавриил Иванович // Репрессированные геологи: Биогр. матер. СПб., 1992. С. 43–44.

Горецкий Г.И. // Деятели Белорусской науки (персоналия). Библиогр. указатель. 1974–1990. Мн., 1992. С. 118–121.

Горецкий Гавриил Иванович // Возвращенные имена: Сотрудники АН Беларуси, пострадавшие в период сталинских репрессий. Мн.: Наука и техника, 1992. С. 33–34.

Горецкий Гавриил Иванович // Репрессированные геологи: Биогр. матер. М.; СПб., 1995. С. 52–53.

Горецкий Гавриил Иванович // Национальная академия наук Беларуси. Персональный состав. Мн., 1998. С. 46–47.

Горецкий Гавриил Иванович // Национальная академия наук Беларуси. Персональный состав. Мн., 1999. С. 46–47.

Горецкий Гавриил Иванович // Национальная академия наук Беларуси. Персональный состав. Мн., 2003. С. 51–52.

Горецкий Гавриил Иванович // Национальная академия наук Беларуси. Персональный состав. Мн., 2008. С. 58–59.

Гаўрыла Іванавіч Гарэцкі (1900–2010) (Да 110-годдзя з дня нараджэння) // Літасфера. 2010. № 1(32). С. 154–156.

Гарэцкі Радзім. Першы арышт // Літ. і маст. 1993. 27 жн.; 3 верас.

Гарэцкі Радзім. Лёс і даты жыцця братоў Гарэцкіх // Кліуленд: Полацак, 1994. № 2(32). С. 22–25.

Гарэцкі Радзім. Максім і Гаўрыла Гарэцкія – духоўнае адзінства // Гарэцкія чьгганні. Матэр. дакл. і паведамленняў першых міжнар. чытанняў. Мінск, 23-24 крас. 1996 г. Мн., 1997. С. 29–36.

Гарэцкі Радзім. Сустрэліся ў назве... // Шляхам адраджэння. Мн.: Бел. кнігазбор, 1997. С. 198–201.

Гарэцкі Радзім. Браты Гарэцкія і тэатр // Тэатральнае мастацтва. 1997. № 12.

Гарэцкі Радзім. Арышт другі // Полымя. 1997. № 1. С. 90–108; № 2. С. 83–173.

Гарэцкі Радзім. Ахвярую сваім “Я” ... (Максім і Гаўрыла Гарэцкія). Мн.: Беларуская навука, 1998. – 287 с.

Гарэцкі Радзім. Акадэмік Гаўрыла Іванавіч Гарэцкі (да 100-годдзя з дня нараджэння) // Вестник Фонда фундаментальных исследований. Мн., 2000. С. 75–80.

Гарэцкі Радзім. “Зімы ў паэтаў не бывае” . Уладзімір Дубоўка і браты Гаўрыла і Максім Гарэцкія // ЛіМ. 14 ліпеня 2000. С. 7, 14–15.

Гарэцкі Радзім. Мой Тата // Полымя. 2000. № 3. С. 221–270.

Гарэцкі Радзім. Дваццатае стагоддзе сям’і Гарэцкіх. Інтэр’ю Марыі Эйсмант // Народная воля. 2000. 30 снежня. С. 1–3.

Гарэцкі Радзім. Беларускія і рускія геолагі: І.Д.Чэрскі і Г.І.Гарэцкі – паралелі гісторыі і лёсу // Гісторыя, культуралогія, мастацтвазнаўства: Матэр. III Міжнар. кангрэса. 2001. беларусістаў “Беларуская культура ў дыялогу цывілізацый” (Мінск, 21–25 мая, 4–7 снеж. 2000 г.). Мн.: “Беларускі кнігазбор” , 2001. С. 131–135.

Гарэцкі Радзім. Гаўрыла Гарэцкі – прадстаўнік беларускай інтэлігенцыі 20-х гадоў // Беларусь у XX стагоддзі. Вып. 1. Мн. 2002. С. 32–40.

Гарэцкі Радзім. Г.І.Гарэцкі – дырэктар БелНДІ сельскай і лясной гаспадаркі імя У.І.Леніна пры СНК БССР // Гарэцкія чытанні. Мн. 2002. С. 31–34.

Гарэцкі Радзім. Гаўрыла Гарэцкі і беларусізацыя 20-х гадоў // Гарэцкія чытанні. Мн. 2002. С. 140–146.

Гарэцкі Радзім. Браты Гаўрыла і Максім Гарэцкія і Уладзімір Дубоўка // Гарэцкія чытанні. Мн. 2002. С. 259–269.

Гарэцкі Радзім. У край “шчаслівага” дзяцінства // Народная воля. 27 лютага 2003.

Гарэцкі Радзім. Якуб Колас і браты Гарэцкія // Роднае слова. 2004. № 5. С. 79–81.

Гарэцкі Радзім. Янка Купала і браты Гарэцкія // Роднае слова. 2004. № 7. С. 96–99.

Гарэцкі Радзім. Гаўрыла Гарэцкі: “Нішто не адарве мяне ад Беларусі…” : 105 гадоў з дня нараджэння славутага навукоўца // Народная воля. 2005. 12 крас. № 68. С. 2.

Гарэцкі Радзім. Браты Гарэцкія і беларускія паэтэссы – аўтаркі нацыянальных гімнаў // XII Гарэцкія чытанні (Мінск, 4 траўня 2004 г.). Даклады Мн. 2005. С. 5–13.

Гарэцкі Радзім. Беларускія нацдэмаўкі // Тэрмапілы, № 10. 2006. С. 184–198.

Гарэцкі Радзім. Еўфрасіння Багацькаўская – маці братоў Гарэцкіх // Роднае слова. 2006. № 2. С. 101–106.

Гарэцкі Радзім. Сяброўства творцаў: Браты Максім і Гаўрыла Гарэцкія і беларускія паэткі – Канстанцыя Буйло і Наталля Арсеннева // Роднае слова. 2006. С. 100–104.

Гарэцкі Радзім. Купала, Колас і браты Гарэцкія // Народная воля. 13 ліпеня 2007.

Гарэцкі Радзім. Гаўрыла Гарэцкі і родная мова. // Роднае слова. 2007. № 7. С. 83–88.

Гарэцкі Радзім. Бальшавіцкія рэпрэсіі супрацоўнікаў Беларускай акадэміі навук // Репрессивная политика советской власти в Беларуси. Вып. 2. Мн. 2007. С. 112–119.

Гарэцкі Радзім. Украінскія матывы Гаўрылы Гарэцкага // XVI Гарэцкія чытанні. Мн. 2008. С.33–60.

Гарэцкі Радзім. Масква Гарэцкіх // Скарыніч. Вып.7. М.: Советский писатель. 2008. С. 32–46.

Гарэцкі Радзім. Браты Гарэцкія. Мн.: Медысонт, 2008. 344 с.

Гарэцкі Радзім. Акадэмік Гаўрыла Гарэцкі і Україна. Мн.: Тэхналогія. 2009. – 98 с.

Гарэцкі Радзім. Манаграфію прысвячаю… // XVII Гарэцкія чытанні. Мн. 2009. С. 14–28.

Гарэцкі Радзім. Любоў у жыцці братоў Гарэцкіх // XVIII Гарэцкія чытанні. Мн. 2010. С. 18–25.

Гарэцкі Радзім. Выданне навуковай спадчыны Гаўрылы Гарэцкага // XIX Гарэцкія чытанні. Мн. 2011. С. 16–27.

Гарецкий Р.Г. Лесная наука в Белорусском научно-исследовательском институте сельского и лесного хозяйства имени В.И.Ленина при СНК БССР // Лесной науке в Беларуси – 75 лет. Гомель, 1997. С. 208–210.

Гесь А. “Усякі іншы шлях лічу памылковым і шкодным” : Беларусі-

зацыя Сельгасакадэміі, год 1925-ы // Настаўн. газета: Айчына: асветн. дадатак № 5. 1995. 25 лют.

Гілевіч Ніл. Акадэміку Г.І.Гарэцкаму да дня 80-годдзя // Беларусь. 1981. № 2. С. 17.

Гожик П.Ф., Чугунный Ю.Г. Вклад Г.И.Горецкого в развитие четвертичной геологии Украины // Літасфера. 1999. № 10–11. С. 6–11.

Голуб Тэрэза. Сіла і моц "роднага карэння" . Максім і Гаўрыла Гарэцкія // XVII Гарэцкія чытанні. Мн. 2009. С.54–58.

Горелик Е. Первооткрыватели земных сокровищ // Сов. Белоруссия. 1975. 10 апр. № 84 (13360).

Горелик Е. За отсутствием состава преступления... (История без "белых пятен") // Веч. Минск. 1988. 8 июля. С. 3.

Гурскі Барыс. Слова пра настаўніка // Літ. і маст. 1989. 20 студз. С. 13.

Гурскі Барыс. Мой настаўнік: Старонкі ўспамінаў // Літ. і маст. 1990. 6 крас. № 14 (3528). С. 15.

Гурскі Б. Успамін пра настаўніка (Да 90-годдзя з дня нараджэння акадэміка Г.І.Гарэцкага) // Сав. настаўнік. 1990. 4 крас. № 12 (659). С. 3.

Гурский Б.Н. Проблемы генезиса четвертичных (антропогеновых) отложений в трудах Г.И.Горецкого // Літасфера. 1999. № 10–11. С. 12–18.

Дмитрук Игорь, Суханов Александр. Каменные пришельцы встретились в Уручье. Памяти академика Гавриила Ивановича Горецкого (1900–1988). 10 апреля с.г. ему исполнилось бы 105 лет // Вокруг света. Киев, апрель 2005. С. 6–21.

Дубоўка Уладзімір. Спагадае хто? // Строма. Вільня, 1923. С 23.

Дубоўка Уладзімір. Цаля за цаляй // Наля. М.: Цэнтр. выд-ва, 1927. С. 40.

Замятин Д. Н. Научные школы и исследовательские программы в области экономического районирования России и СССР (1870–1941 гг.) // Изв. Рус. геогр. об-ва. Т. 129. Вып. 3. 1997. С. 27-33.

Запартыка Ганна. Ліставанне беларускіх дзеячоў з Гаўрылам Гарэцкім як крыніца па гісторыі спасціжэння спадчыны Максіма Гарэцкага // XIII Гарэцкія чытанні. Мн. 2006. С. 73–78.

Зінава Р.А. Г.І. Гарэцкі – сын зямлі беларускай (Да 100-годдзя здня нараджэння) // Літасфера. 2000. № 12. С. 155–160.

Зінава Роза. Акадэмік Г.Гарэцкі – самаадданы сын Беларусі // Матэр. дакладаў і паведамленняў на Сёмых, Восьмых, Дзевятых, Дзесятых чытаннях. Мн.: Хата. 2002. С. 39–44.

Зінава Роза. Г.І.Гарэцкі – стваральнік беларускай навуковай школы антрапагену (да 100-годдзя з дня нараджэння – 10.04.1900 г.) // Там же. С. 173–177.

Зінава Роза, Велічкевіч Фелікс. Чалавек-легенда // Родная прырода. 1990. № 2. С. 10.

Зінава Роза. Незабыўныя сустрэчы з Гаўрылам і Ларысай Гарэцкімі // XIV Гарэцкія чытанні. Мн. 2007. С.76–82.

Зінава Роза. "Якое шчасце жыць і працаваць на Беларусі" (да 20-й гадавіны з дня смерці акадэміка Г.И.Гарэцкага. – 20.11.1988 г.) // XVII Гарэцкія чытанні. Мн. 2009.С.117–124.

Зінава Роза. Думкі пра нядзейсненае // XVIII Гарэцкія чытанні. Мн. 2010. С. 11–17.

Зінава Роза. Выбранае са спадчыны акадэміка Гаўрылы Гарэцкага // XIX Гарэцкія чытанні. Мн. 2011. С. 145–155.

Зубовіч С. Майму настаўніку Гаўрылу Іванавічу Гарэцкаму // Сав. настаўнік. 1988. 1 чэрв. № 19 (595). С. 4.

Иванова С. Вровень с веком // Сов. Белоруссия. 1985. 10 апр. № 83 (16366).

Из письма академика Г.И.Горецкого сокурснику Д.Ф.Новикову по землемерно-агрономическому училищу 11.XI.1956 г. // Сов. студент. 1980. 18 дек. № 36 (1414). С. 2.

Илькевич Н.Н. Академик Гавриил Горецкий: первое столкновение с ГПУ: К истории высылки за границу отечественной интеллигенции в 1922 году. Смоленск: Посох, 1998. – 88 с.

Іофе Э. Жыццё у навуцы. ГІ.Гарэцкаму – 75 гадоу // Мінск. праўда. 1975. 11 крас. № 71 (6261).

Іофе Э. Чалавек цікавай біяграфіі // Беларусь. 1975. № 8. С. 29.

Іофе Эмануіл. Шчодры талент // Родная прырода. 1980. № 3. С. 27.

Іофе Э. Шчодры талент (Людзі беларускай навукі) // Чырв. змена. 1980. 8 крас. № 67 (10798). С. 3.

Иоффе Э. Не сломили сталинские застенки // Человек и экономика. 1990. № 7. С. 42-43.

Іофе Э. Адзін з 86. Сёння – 90 гадоў з дня нараджэння Г.І.Гарэцкага // Звязда. 1990. 10 крас. № 84 (21312). С. 4.

Іофе Эмануіл. Я – беларус упарты, настойлівы: З гісторыі беларускай інтэлігенцыі // Навіны Бел. акадзміі. 1992. № 29–30. С. 4.

Іофе Эмануіл. Шчодры талентам і душою // Полымя. 1993. № 9. С. 202–208.

Іофе Эмануіл. Адзін з 86: Да 95-годдзя з дня нараджэння Гаўрылы Гарэцкага // Настаўн. газета. 1995. 8 крас. С. 4.

Іофе Э.Р. Шчодры талентам і душой (Да 95-годдзя з дня нараджэння Г.І.Гарэцкага) // Адукацыя і выхаванне. 1995. № 4 (40). С. 114–118.

Каліноўскі П.Ф. Археалагічныя погляды Г.І.Гарэцкага // Навуковая спадчына геолагаў і географаў зямлі беларускай. Мн.: Інстытут геал. навук АН Беларусі. 1996. С. 46–51.

Каліноўскі П. Слынны сын зямлі беларускай: 100 год з дня нараджэння Г.І.Гарэцкага // Народная воля, № 68. 13 красавік 2000.

Карабанаў Аляксандр. Акадэмік Гаўрыла Гарэцкі // XII Гарэцкія чытанні. Мн. 2005. С. 47–50.

Камарова Т. Рэкі яго жыцця: Людзі савецкай навукі // Звязда. 1975. 10 крас. № 84 (16807).

Карпышев Е., Федотов А. С высокой наградой! // Гидротехник. 1971. № 46 (671). С. 2.

Кісялёў В. Леднікі і прырода Беларусі // Вяч. Мінск. 1986. 19 ліст. № 266 (5770). С. 3.

Кригер Н.И. О жизни и научной деятельности Г.И.Горецкого // Бюл. Комис. по изучению четвертичн. периода. 1970. № 37. С. 3–13.

Кужельный С.С. Отец и сын // Признание. Мн.: Беларусь, 1981. С. 64–74.

Кузнецов В., Дромашко С. Широта и многогранность дарований // За передовую науку. 1980. 9 апр. № 14 (23). С. 6.

Кузняцоў В., Зінава Р. Назаўжды з лёсам народа (АН БССР: час і людзі) // За передовую науку. 1985. 29 марта. С. 6.

Кузнецов В.А., Величкевич Ф.Ю., Махнач А.А., Зинова Р.А. Гавриил Иванович Горецкий (1900-1988) // Изв. АН СССР. Сер. геол. 1989. № 12. С. 130– 132.

Купревич В.Ф. Академия наук Белорусской ССР: Очерк истории и деятельности. Мн.: Наука и техника, 1968. С. 194–195.

Лeвановіч Леанід. Сям'я Гарэцкіх – як сімвал беларускасці // Матэр. дакладаў і паведамленняў на Сёмых, Восьмых, Дзевятых, Дзесятых чытаннях. Мн.: Хата. 2002. С. 193–197.

Левін Раальд. Беларускае летазлічэнне Гаўрылы Гарэцкага // Навіны АН Беларусі. 1997. № 31. С. 2.

Ліс Арсень. Зямных таямніц ключы // Полымя. 1980. № 4. С. 203–210.

Ліс Арсень. Браты Гарэцкія // Полымя. 1989. № 1. С. 138–163; № 2. С. 121–135.

Лис Дарья. Гавриил Горецкий. Письмо жене в ожидании расстрела… // Свободные новости плюс. Среда № 15(356). 14.4 –21.4.2010.

Ліштван І.І., Камароў У.С., Кузняцоў У.А., Гарэцкі Р.Г., Махнач А.С, Велічкевіч Ф.Ю., Зінава Р.А. Гаўрыла Іванавіч Гарзцкі // Весці АН БССР. Сер. хім. навук. 1989. № 2. С. 119–121.

Лужанін Максім. Духоўная апантанасць// Літ. і маст. 1991. 17 мая. С. 14– 15.

Лукашоў К.І., Багамолаў Г.В., Махнач А.С. і інш. Гаўрыла Іванавіч Гарэцкі: Да 70-годцзя з дня нараджэння // Весці АН БССР. Сер. хім. навук. 1970. № 2. С. 128–131.

Лукашоў К.І., Багамолаў Г.В., Махнач А.С. і інш. Гаўрыла Іванавіч Гарэцкі: Да 75-годдзя з дня нараджэння // Весці АН БССР. Сер. хім. навук. 1975. № 2. С. 125–129.

Ляўковіч Мая. Гаўрыла Іванавіч Гарэцкі. Роздум перад партрэтам юбіляра // XVIII Гарэцкія чытанні. Мн. 2010. С. 31–39.

Макарэвіч Сяргей. Андрэй Сухі – сведка станаўлення асобаў Максіма і Гаўрылы Гарэцкіх // XV Гарэцкія чытанні. Мн. 2008. С. 86–88.

Мальдзіс Адам. Волат: Памяцi Г.І.Гарэцкага // Літ. і маст. 1988. 28 ліст. № 47.

Марачкіна Ірына. Місія Гарэцкага. Да 105-х угодкаў з дня нараджэння // Новы час. № 2(43), красавік 2005.

Махнач А. Если это – "враги народа" , то кто тогда его друзья? // Навіны Бел. акадэміі. 1990. 16 ліст. С. 1, 4; 23 ліст. С. 4–5.

Мельнікава Зоя. "Мой Гайавата, мой сынуля родны…" Гаўрыла Іванавіч і Леанід Гарэцкія // Матэр. Дакладаў і паведамленняў на Сёмых, Восьмых, Дзевятых, Дзесятых чытаннях. Мн.: Хата. 2002. С. 285–289.

Мельнічук І.В. Академік Г.І. Горецький як палеогеограф – дослідник четвертинних вікладів Східнеєвропеїської рівнини. До 100-річчя від дня

народження академіка Г.І. Горецького // Вісник. Географія. Вип. 46. “Київ. ун-т” . 2000. С. 77–78.

Меннер В.В., Никифорова К.В. Ровесник века // Изв. АН СССР. Сер. геол. 1976. № 5. С. 149–152.

Молочко Елена. Академики // Народная газета. 1997. 22–24 февр.

Монкевич К., Бордон В. Уверенно, энергично (фундаментальные исследования) // За передовую науку. 1984. 16 марта.

Молявко Г.И., Франчук В.П., Куличенко В.Г. Горецкий Гавриил Иванович // Геологи, географы: Библиогр. справочник. Киев, 1985. С. 85–86.

Муха Т. Сістэма Гарэцкага: Лаурэаты Дзяржаунай прэміі // Звязда. 1971. 14 снеж. № 290 (15798). С. 4.

Мушынскі Міхась. Адраджэнская праблематыка ў працах Гаўрылы Іванавіча Гарэцкага 20-х гадоў // Матэр. дакладаў і паведамленняў на Сёмых, Восьмых, Дзевятых, Дзесятых чытаннях. Мн.: Хата. 2002. С. 338–344.

Мушынскі Міхась. Святло, якое выпраменьваюць вялікія таленты: Максім і Гаўрыла Гарэцкія, успрыманне іх спадчыны ў кантэксце гістарычнага часу // XI Гарэцкія чытанні. Мн. 2004. С. 25–31.

Мушынскі Міхась. Сённяшні дзень беларускага гарэцказнаўства: роздум над старонкамі зборніка “Гарэцкія чытанні” (2002) // XII Гарэцкія чытанні. Мн. 2005. С. 13–22.

Мушынскі Міхась. Эпісталярый Г.І.Гарэцкага як праява непаўторнасці яго асобы чалавека, вучонага, грамадзяніна // XIII Гарэцкія чытанні. Мн. 2006. С. 21–34.

Мушынскі Міхась. Браты Максім і Гаўрыла Гарэцкія і іх асяроддзе. Асвятленне гэтай тэмы ў дакладах на I– XIV канферэнцыях. // XV Гарэцкія чытанні. Мн. 2008. С.25–41.

Мушынскі Міхась. Падзвіжнік з Малой Багацькаўкі. Жыццёвы і творчы шлях Максіма Гарэцкага. Мн.: Беларуская навука. 2008. – 510 с.

Мушынскі Міхась. Запавет слугаваньня Бацькаўшчыне: Максім і Гаўрыла Гарэцкія ў кантэксьце гістарычнага часу // Дзеяслоў, № 8. 2004. С. 193–205.

Нагорны Міхась. Гаўрыла Іванавіч – мой духоўны настаўнік // XIII Гарэцкія чытанні. Мн. 2006. С. 114–116.

Наркевіч У. Талент быць чалавекам // Звязда. 1980. 10 крас. № 83 (18315). С. 4.

Национальная академия наук Беларуси. 1929–1999. Мн.: Беларуская навука, 1998. – 225 с.

Нарушэвіч Канстанцін, Скалабан Віталь. Гаўрыла Гарэцкі ў часе Вялікай Айчынай вайны: “Мы з Вамі будзем працаваць у Беларусі…” // XIII Гарэцкія чытанні. Мн. 2006. С. 117–124.

Неутомимый исследователь // Гидротехник. 1960. 30 апр.

Никитин П.А. О палеокарпологических исследованиях: Из писем П.А. Никитина к Г.И.Горецкому / Подг. Г.И.Горецким // Палеокарпологические исследования кайнозоя. Мн.: Наука и техника, 1982. С. 119–141.

Никитенко П.Г., Бусько В.Н. Они были первыми академиками-экономистами Беларуси. Мн.: Изд-во “Право и экономика” . 2001. С. 32–45.

Новиков Д.Р. Одержимый мечтой // Сов. студент. 1980. 18 дек. № 36 (1414). С. 2.

О награждении тов. Горецкого Г. И. Почетной грамотой Верховного Совета БССР: Указ Президиума Верховного Совета БССР 9 апреля 1985 г. // Собр. законов... 1985. № 11. С. 157; Веч. Минск. 1985. 10 апр.; За передовую науку. 1985. 19 апр. С. 4.

Об увековечении памяти академика АН БССР Горецкого Г.И.: Пост. Сов. Министров БССР 10 марта 1989 г. // Собр. законов ... 1989. № 8. С. 146.

О премиях Моск. Об-ва испытателей природы... Е.В.Шанцер. Рец. на кн. Г.И. Горецкого "Аллювий великих антропогеновых прарек Русской равнины. Прареки Камского бассейна" . М.: Наука, 1964 и "Формирование долины р.Волги в раннем и среднем антропогене. Аллювий Пра-Волги" . М.: Наука, 1966. Бюл. МОИП. Отд. геол. 1968. Вып. 4. Т. 43. С. 109–112.

О составе Сов. секции ИНКВА // Бюл. Комис. по изучению четвертичн. периода. 1968. № 35. С. 207.

Падары людзям сэрца: Да 80-годдзя акадэміка АН БССР Г.І.Гарэцкага (БелТА) // Магілеўская праўда. 1980. 10 крас.

Піросжнік І.І., Аношка В.С., Якушка В.П. Акадэмік Гаўрыла Іванавіч Гарэцкі (да 100-годдзя з дня нараджэння) // Вестник Бел. гос. ун-та. Серия 2. Химия. Биология. География. № 1 /2000, февр. Мн. 2000. С. 89.

Подзвіг геолага (Удастоена Дзяржаўнай прэміі СССР) // Сцяг Леніна. 1972. 25 сак. № 37 (3996). С. 2.

Подзвіг беларускага геолага (БелТА) // Святло кастрычніка. 1972. 23 лют. № 23 (4518). С. 4. Тое ж. // Чырв. Кастрычнік. 1972. 15 крас. № 46 (3454). С. 4.

Попов Г.И. Рец. на статью Г.И.Горецкого "О возрастных соотношениях осадков узунларской и карангатской трансгрессий" // Бюл. Моск. об-ва испыт. природы. Отд. геол. 1956. Т. 31. Вып. 4. С. 77–79.

Прареки Русской равнины // Наука сегодня: Справочник лектора. Вып.1. М.: Знание, 1973. С. 176–178.

Роланд Борис. "Красота и истина вечны" – с этой мыслью жил всемирно известный белорусский ученый геолог (Земляки: имена и судьбы) // Знамя юности. 1990. 8 апр. № 68 (11352). С. 3.

Роланд Барыс. Галоўнае – трымацца праўды // Маладосць. № 1, студзень 2001. С. 200–213.

Савіцкая Ірына. Спосабы намінацыі ў "Маскоўска-беларускім слоўніку" братоў Гарэцкіх (1920) // Матэр. Дакладаў і паведамленняў на Сёмых, Восьмых, Дзевятых, Дзесятых чытаннях. Мн.: Хата. 2002. С. 303–308.

Сакалоў Я.Я., Балуеў В.Г., Борыс В.І., Дземянцей М.І., Еўтух У.Г., Ігруноў М.С., Кебіч В.Ф. і інш. (усяго 41 подпіс). Гаўрыла Іванавіч Гарэцкі // Звязда. 1988. 23 ліст. С. 3.

Саримов Р. Бродячие камни // Вокруг света. 1976. № 11. С. 31–33.

Сачанка Святлана. Прыслоўі ў "Маскоўска-беларускім слоўніку" братоў Гарэцкіх. XVII Гарэцкія чытанні. Мн. 2009.С. 160–175.

Сачанка Святлана. Сінонімы з "Маскоўска-беларускага слоўніка" братоў Гарэцкіх // XIX Гарэцкія чытанні. Мн. 2011. С. 224–231.

С высокой наградой // Гидротехник. 1971. 19 нояб.

Скарбы жыцця // Полымя. 1993. № 2. С. 30.

Скалабан Віталь, Токараў Мікалай. Браты Гарэцкія і Інбелкульт. Новыя матэрыялы // XVIII Гарэцкія чытанні. Мн. 2010. С. 25–31.

Содаль Уладзімір. Гарэцкія з Малой Багацькаўкі // Голас Радзімы. 1979. 11 студз. № 2 (1572). С. 6–7.

Соколов Е.Е., Балуев В.Г., Борис В.И., Дементей Н.И., Евтух В.Г., Игрунов Н.С, Кебич В.Ф. и др. Гавриил Иванович Горецкий // Веч. Минск. 1988. 23 нояб.

Соколов Н.Н. Г.И.Горецкий. Формирование Волги в раннем и среднем антропогене (Аллювий Пра-Волги). М.: Наука, 1966. 410 с. // Изв. Всесоюз. геогр. об-ва. Сент.– окт. 1969. Т. 101. Вып. 5. С. 481.

Старейшина // За передовую науку. 1983. 15 апр. № 15 (166). С 4.

100 гадоў з дня нараджэння Гаўрылы Гарэцкага // Наша слова. № 14(957). 7 красавіка 2010.

Токараў М.У. Годна насіў званне акадэміка // Беларускі гістарычны часопіс. 2003. № 9(53). Снежань. С. 38–41.

Указ Президиума Верховного Совета БССР: О награждении Горецкого Г.И. Почетной грамотой Верховного Совета Белорусской ССР 9 апреля 1985 г. //Сов. Белоруссия. 1985. 10 апр. № 83 (16366). С. 1.

Федоров П.В. О статье Г.И.Горецкого "О палеогеографии Приазовья и Западного Приманычья в узунларско-гирканский и буртасский века" (1953) // Вопр. географии. М., 1956. Вып. 36. С. 250–254.

Чушев Сергей. Расскажите, камни... // Метро (Минск). 1998. 19 нояб. № 21. С. 1–3.

Шиманович С.Л., Астапова С.Д. О деятельности Белорусской комиссии по изучению антропогенового периода // Бюл. Комис. по изучению четвертичн. периода АН СССР. 1979. № 49. С. 158–161.

Шиманович С.Л., Кузнецов В.А. Открытие Г.И.Горецким ложбин ледникового выпахивания и размыва как вместилищ полезных ископаемых // Навуковая спадчына геолагаў і географаў зямлі беларускай. Мн.: Інстытут геал. навук АН Беларусі. 1996. С. 52–55.

Юрчанка Г. Кастрычнікам закліканы (Сыны твае, Мсціслаўшчына!) // Святло Кастрычніка. 1978. 16 мая. № 59 (5284). С. 4.

Якубоўская Тацяна. Мары Гаўрылы Гарэцкага аб Беларусі // XIII Гарэцкія чытанні. Мн. 2006. С. 140–149.

Якубоўская Тацяна. Чалавек магутнага духу // Народная воля. 27–29 красавіка 2010.

110 гадоў з дня нараджэння Гаўрылы Гарэцкага // Наша слова. № 14(957). 7 красавіка 2010.

Янушкевіч Язеп. "Гадуйце сваіх Насовічаў…" Credo Гаўрылы Гарэцкага // Матэр. дакладаў і паведамленняў на Сёмых, Восьмых, Дзевятых, Дзесятых чытаннях. Мн.: Хата. 2002. С. 315–316.

Я.С. Волат // Беларусь. № 10. 2000. С. 46.

Список ископаемых растений и животных, названных в честь Г.И.Горецкого

Melosira goretskyi Tscher. – Черемисинова Е.А. Новые виды диатомовых из олигоценовых отложений Украины // Матер. Отд. споровых растений Ботан. ин-та. 1956. № 11.

Eunotia goretskyi Chursevicz sp. nov., Eunotia *goretskyi* var. *flexuosa* Chursevicz var. nov. – Хурсевич Г.К. Новые диатомовые исследования плиоценовых отложений Палео-Немана // Докл. АН БССР. 1978. Т. 22. № 5. С. 447 – 450.

Myrica goretskyi Dorof. –Дорофеев П.И. О плиоценовой флоре Белоруссии // Нижний плейстоцен ледниковых районов Русской равнины. М.: Наука, 1967. С. 92-110.

Caulinia goretskyi Dorof. –Дорофеев П.И. К систематике ископаемых наяд подрода Caulinia (Willd.) Aschers // Бот. журнал. 1973. Т. 58. № 3. С. 392. *Caldesia goretskyi* Dorof. –Дорофеев П.И. О третичных *Caldesia* Белоруссии //Докл. АН БССР. 1977. Т. 21. № 2. С. 176–178.

Stratiotes goretskyi Wieliczk. //Величкевич Ф.Ю. Плейстоценовые флоры ледниковых областей Восточно-Европейской равнины. Мн.: Наука и техника, 1982. С. 172.

Brasenia goretskyi Dorof. –Дорофеев П.И. К систематике и истории рода Brasenia (Cabombaceae) // Бот. журнал. 1984. Т. 69. № 2. С. 137–149.

Sparganium goretskyi Dorof. –Дорофеев П.И. О плиоценовой флоре дер. Дворец на Днепре // Проблемы палеоботаники. Л., 1986. С. 44–71,

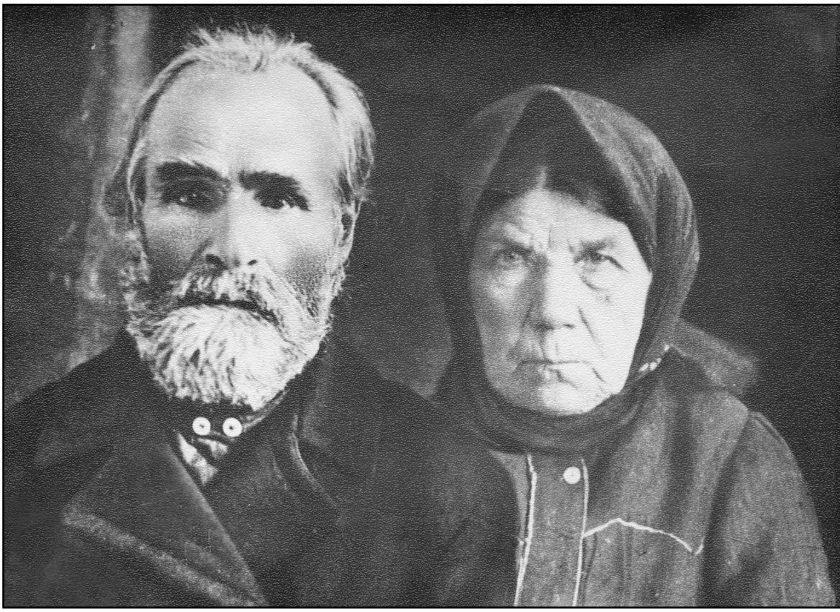
Potamogeton goretskyi Dorof. –Дорофеев П.И. Ископаемые *Potamogeton*. Л.: Наука, 1986. С. 36.

Decodon goretskyi T.V.Jakub. –Якубовская Т. В. Новый вид *Decodon* из раннечетвертичной флоры на юге Белоруссии // Докл. АН БССР. 1989. Т. 33. № 11. С. 1028–1031.

Azolla goretskyi Ryl. sp. nov. – Махнач Н.А., Рылова Т.Б. Расчленение плиоценовых отложений в стратотипическом разрезе у д. Лозы Новогрудского района Гродненской области (по данным спорово-пыльцевого анализа) // О границе между неогеном и антропогеном. Мн.: Наука и техника, 1977. С. 136–196.

Candona goretskyi Zubovitsch sp. nov. – Негадаев-Никонов К. Н., Зубович С.Ф. Сравнительная характеристика комплексов остракод среднего плейстоцена Молдавии и лихвинского стратотипа европейской части РСФСР // Изв. АН МССР. Серия биол. и хим. наук. 1973. № 5. С. 65–66, рис. 1, 2.

Фотоальбом

Отец Иван Кузьмич Горецкий (1856–1945) и мать Ефросинья Михайловна Попова-Горецкая (1864–1935).

Дом в Малой Богатьковке, где с 1924 года жила семья Горецких. Перед домом Г.И.Горецкий. Фото Р.Гарецкого, 1961 г. В середине 60-х годов дом сгорел.

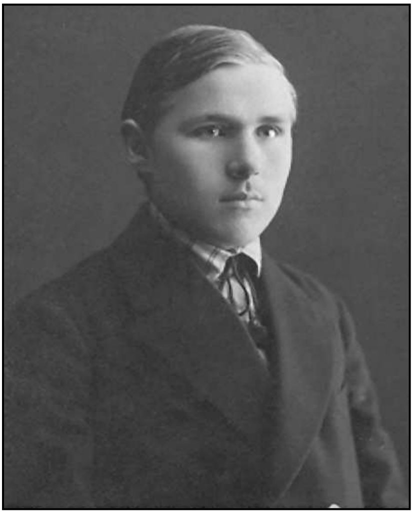
Братья Иван и Максим Горецкие в армии. 1916 г.

Гавриил Горецкий – студент Гори-Горецкого землемерно-агрономического училища с братом Порфиром, мобилизованным в армию. Горки, 1917 г.

Гавриил Горецкий (стоит слева) с родителями. 1918 г.

Г.И.Горецкий. 1919 г.

Сестра Анна Горецкая. 1919 г.

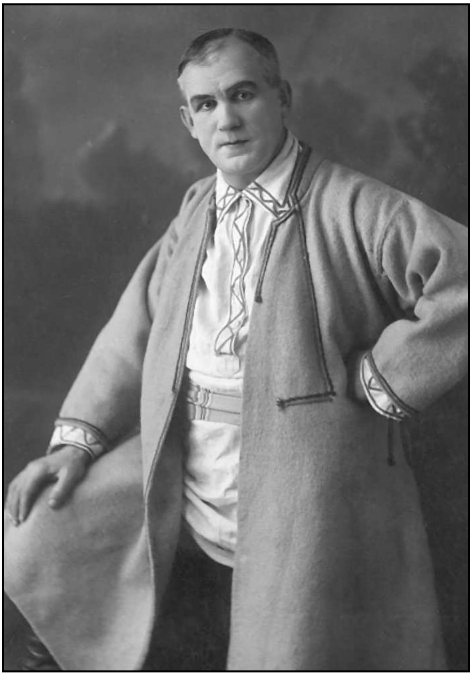
Студенты Гори-Горецкого землемерно-агрономического училища. Г.Горецкий сидит, стоят (слева направо) Н.Лайков, Б.Бойко. 1919 г.

Студенты Гори-Горецкого землемерно-агрономического училища. Г.Горецкий стоит справа, сидят (слева направо) С.Журик, М.Гончарик. 1919 г.

Группа артистов-любителей Белорусской секции Культпросвета Союза учеников Горецких сельскохозяйственных учебных заведений. Г.Горецкий – в центре (2-й ряд, четвёртый справа), М.Гончарик – 3-й ряд, второй слева. Горки, 1919 г.

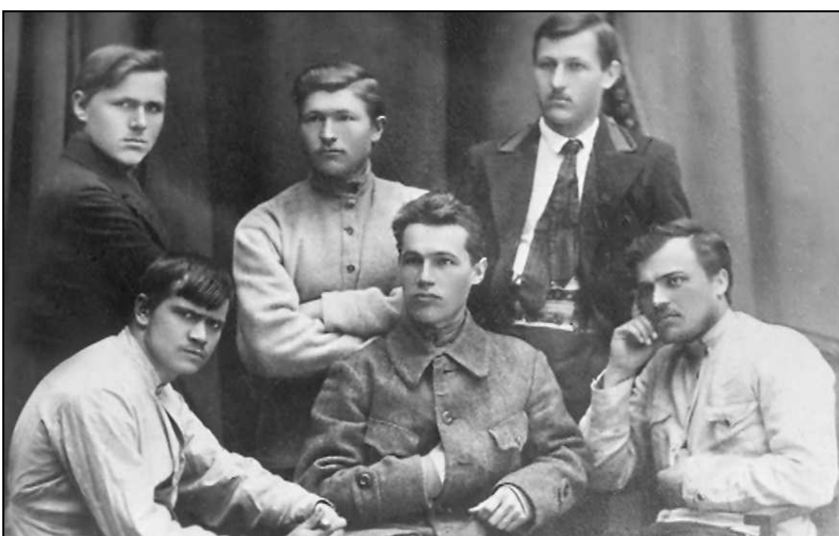
Владислав Иосифович Голубок (1882–1937) – актёр, режиссёр, драматург, народный артист БССР, один из основателей белорусского театра. На обороте фото подпись: “Г.Горецкому на память – Голубок”.

Г.Горецкий – инструктор-ревизор по землеустройству Уфимского губземотдела. Уфа, 1920 г.

Порфир, Анна и Гавриил Горецкие. Горки, 1921.

Студенты Петровской сельскохозяйственной академии.

Стоят (слева направо) – Г.И.Горецкий, И.И.Ухин, Моржеедов; сидят – П.Хоцкий, О.Опря, Н.Лайков. Москва, 1921 г.

Г.И.Горецкий – студент Петровской сельскохозяйственной академии. Москва, 1923 г.

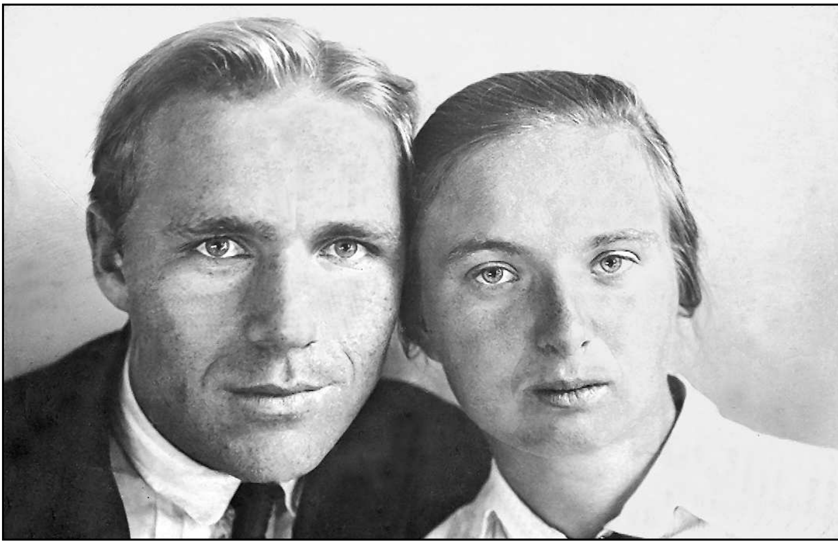
Максим Горецкий с женой Леонилой Устиновной Чернявской-Горецкой и детьми Леонидом и Галиной. Минск, 1923 г.

Г.И.Горецкий и Лариса Иосифовна Парфенович – студенты Петровской сельскохозяйственной академии в год женитьбы. Москва, 1923 г.

Мать Ефросинья Михайловна и брат Максим приехали в Москву навестить Гавриила и Ларису Горецких и повидать их первенца Всеслава. Москва, 1924 г.

Г.И.Горецкий с женой. Москва, 1925 г.

Родители Ларисы Парфенович-Горецкой – Мария Михайловна и Иосиф Иванович с внуком Всеславом. Москва, 1925 г.

Г.И.Горецкий и Степан Михайлович Некрашевич – члены Инбелкульта. Менск, 1926 г.

Г.И.Горецкий около могилы Алеся Горуна в Кракове. 1926 г.

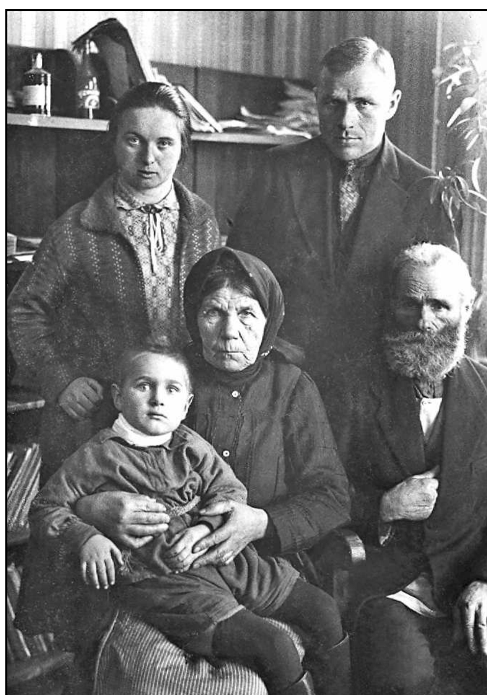
Чаянов Александр Васильевич (1888-1937) – профессор Петровской (Тимирязевской) сельскохозяйственной академии, директор Научно-исследовательского института сельскохозяйственной экономии.

Белорусская делегация в Дании (Г.И.Горецкий второй слева). Копенгаген, сентябрь 1927 г.

Максим и Гавриил Горецкие. Горки, 1926 г.

Гавриил и Лариса Горецкие с родителями братьев Горецких и сыном Всеславом. Менск, 1927 г.

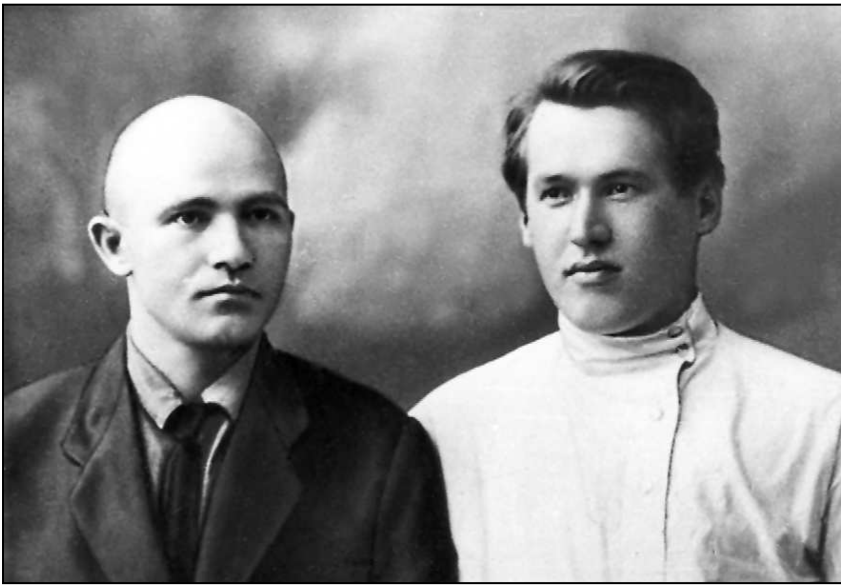
Хор белорусской песни в Белорусской сельскохозяйственной академии. В центре – Леонила Устиновна Чернявская-Горецкая и Лариса Иосифовна Парфенович-Горецкая. Горки, 1927 г.

Владимир Николаевич Дубовка – белорусский поэт и друг братьев Горецких. На обороте фото надпись: “Гаўрылу Гарэцкаму ад Уладзіка”. Москва, 1927 г.

Максим Иванович Горецкий. Менск, 1928 г.

М.И.Горецкий и В.Н.Дубовка. Москва, 1928 г.

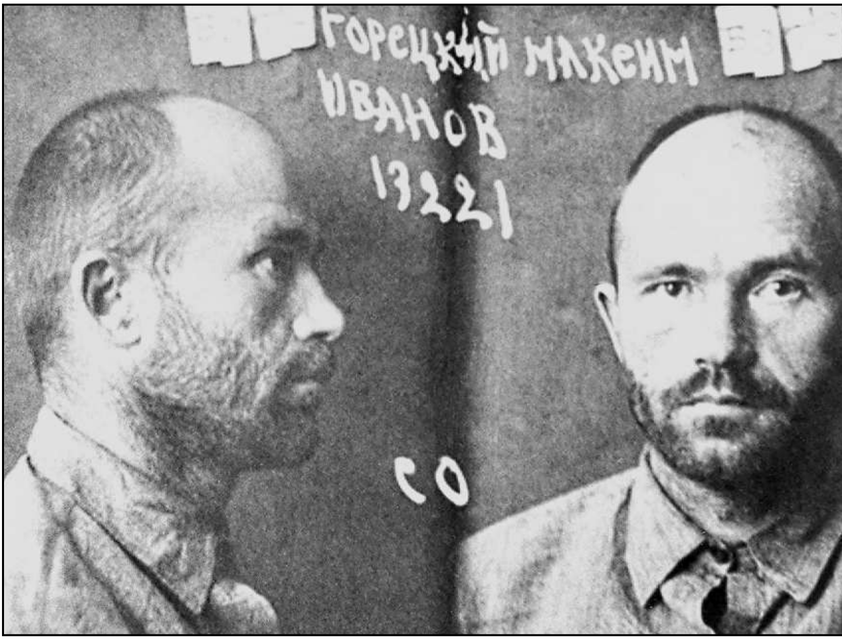
Г.И.Горецкий с женой и сыном Всеславом. Менск, 1928 г.

Г.И.Горецкий – директор Белорусского научно-исследовательского института сельского и лесного хозяйства, академик Белорусской академии наук. Менск, 1930.

Л.И.Горецкая перед рождением младшего сына. Менск, ноябрь 1928 г.

М.И.Горецкий – заключённый. Менск, 1930 г.

Г.И.Горецкий – заключённый. Менск, 1930 г.

Л.И.Горецкая с сыновьями Всеславом и Радимом без арестованного мужа. Менск, 1930 г.

Г.И.Горецкий. Мурманск, 1936 г.

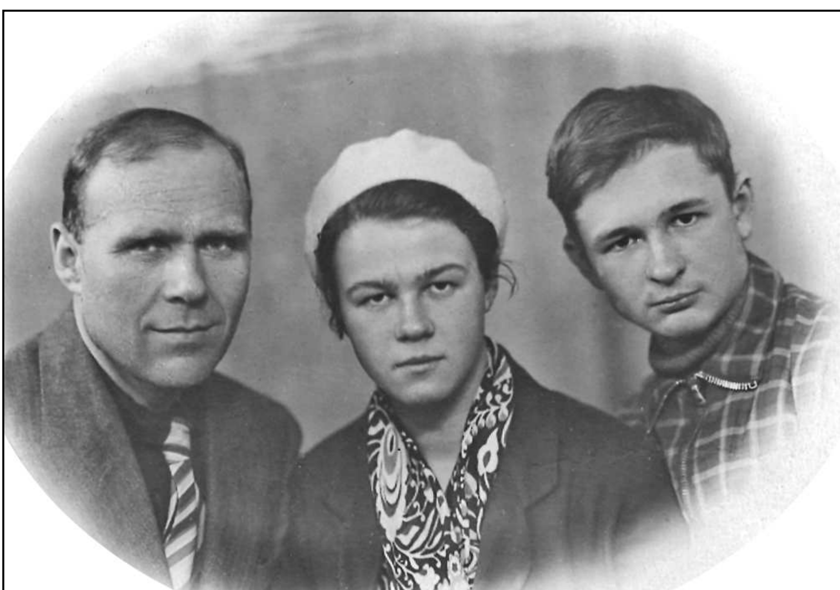
Г.И.Горецкий с сыновьями. Посёлок Мурмаши (Мурманской обл.), 1936 г.

Г.И.Горецкий с сыном Всеславом (слева) и племянником Леонидом, сыном Максима Горецкого. Посёлок Медвежья Гора (Карелия), 1937 г.

Гавриил и Лариса Горецкие с отцом Ларисы Иосифом Ивановичем Парфеновичем, сыном Всеславом (слева) и племянником Леонидом (справа). Посёлок Медвежья Гора (Карелия), 1938 г.

Г.И.Горецкий с племянниками Галиной и Леонидом (дети М.И.Горецкого). Ленинград, 1940 г.

Мирчинк Георгий Фёдорович (1889–1942), академик АН БССР.

Пётр Николаевич Чирвинский – профессор, геолог (сидит) – и Михаил Александрович Громыко – белорусский геолог и писатель. Кировск, Хибины (Мурманская обл.), 1940 г.

**Первые академики Белорусской академии наук –
специалисты в области наук о Земле**

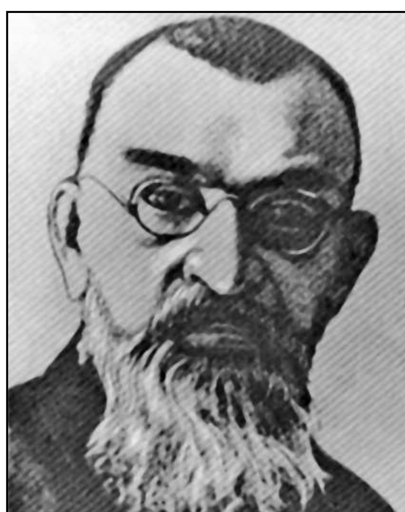
Яков Никитович Афанасьев
(1877–1937)
Почвовед, геолог;
расстрелян

Николай Фёдорович Блиодухо
(1878–1935)
Геолог

Алексей Иванович Кайгородов
(1881–1950)
Климатолог, геофизик

Павел Аполлонович Тутковский
(1858–1930)
Геолог

Первые академики Белорусской академии наук (1928 г.), арестованные и исключённые из состава действительных членов БАН в 1930 году

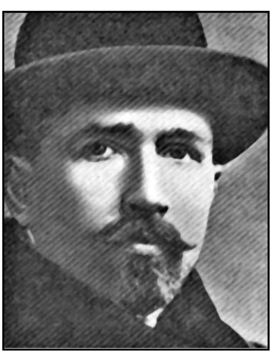
Вацлав Устинович Ластовский
(1883–1938)
Писатель, политический и общественный деятель, расстрелян

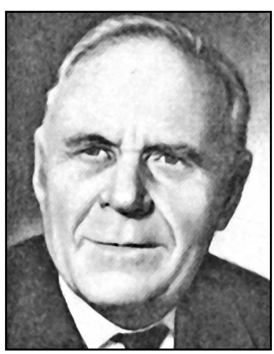
Владимир Иванович Пичета
(1878–1947)
Историк, ректор Белорусского гос. университета

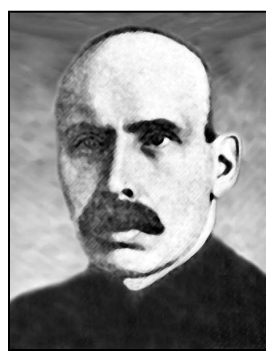
Иосиф Юрьевич Лёсик
(1883–1940)
Языковед, писатель, политический и общественный деятель, умер в тюрьме

Степан Михайлович Некрашевич
(1883–1937)
Языковед, председатель Инбелкульта, расстрелян

Гавриил Иванович Горецкий
(1900–1988)
Эконом-географ

Александр Давыдович Дубах
(1883–1942)
Специалист в области мелиорации и гидрологии

Марков Константин Константинович (1905–1980), академик, декан географического факультета МГУ.

Жук Сергей Яковлевич (1898–1957).

Г.И.Горецкий. Соликамск, 1940 г.

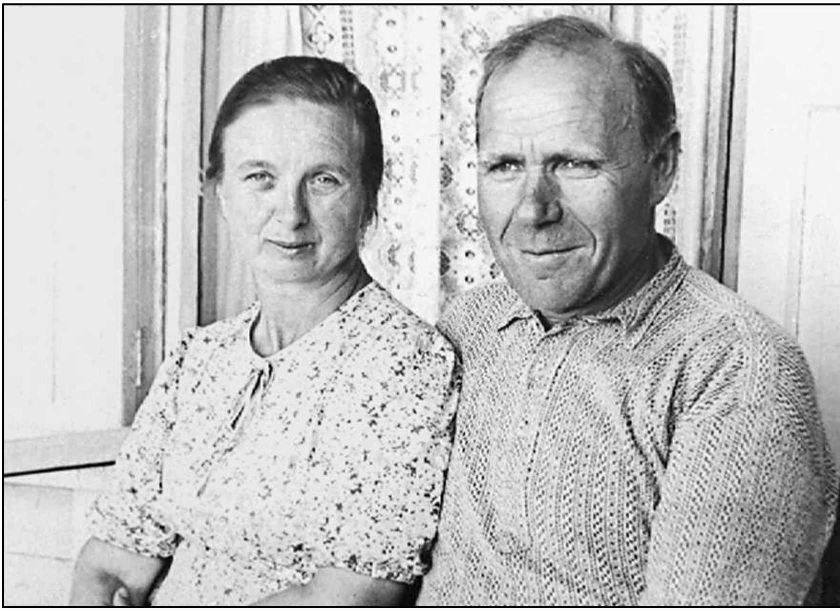
Александр Митрофанович Гуреев – один из ведущих специалистов геологической службы “Гидропроекта”. 1945 г.

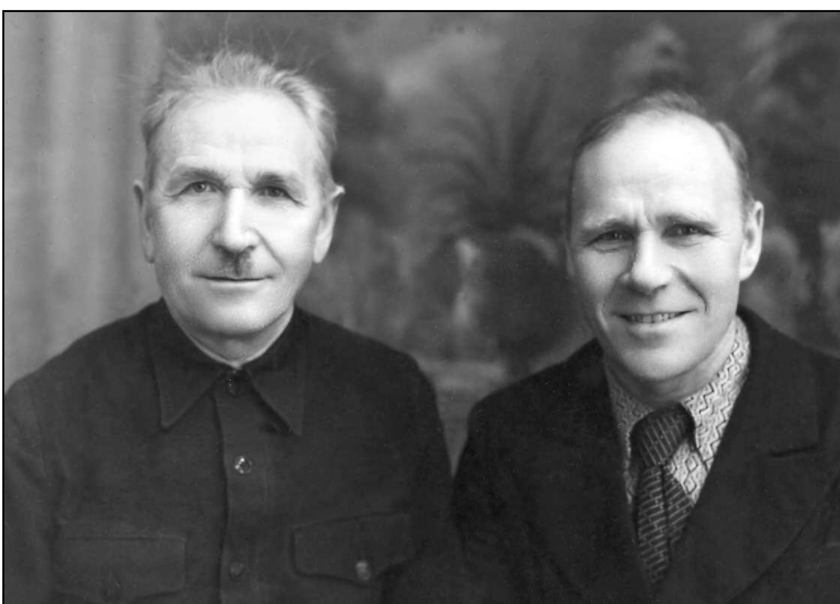
Никодим Сергеевич Симонов – один из ведущих гидротехников “Гидропроекта”. 1945 г.

Рухин Лев Борисович (1912-1959), профессор Ленинградского университета.

Лариса и Гавриил Горецкие. Станица Романовская на Дону (Ростовская область), 1948 г.

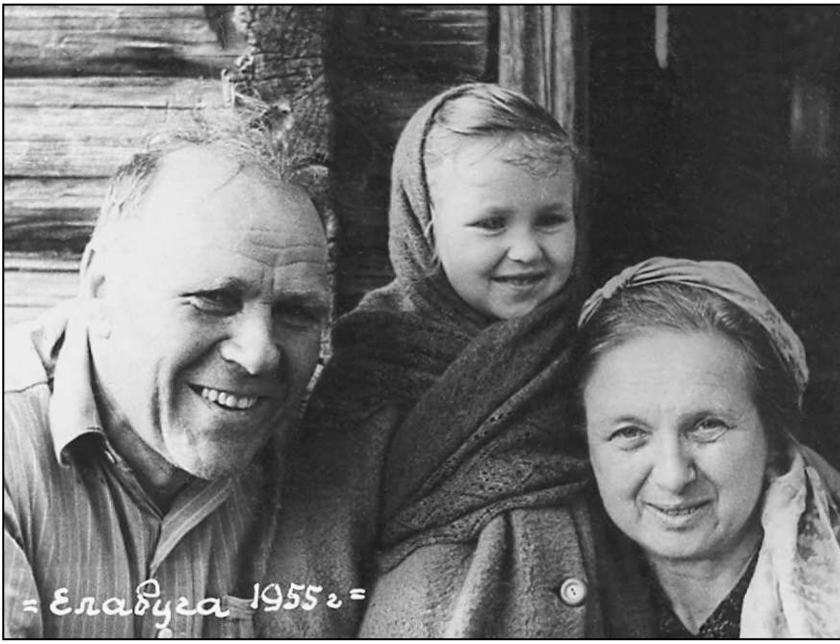
Порфир и Гавриил Горецкие. Могилёв, 1950 г.

Сотрудники экспедиции № 8 Гидропроекта, награждённые в связи с завершением строительства Цимлянской ГЭС. Г.И.Горецкий – главный геолог (второй ряд слева); Дмитрий Петрович Кондратьев – начальник экспедиции (рядом правее); Кирилл Иванович Смирнов – главный инженер-гидротехник, впоследствии главный инженер Асуанской ГЭС, Герой Социалистического Труда (в центре); Талгат Салимович Кавеев – заместитель главного геолога (последний ряд слева). Станица Романовская, 1953 г.

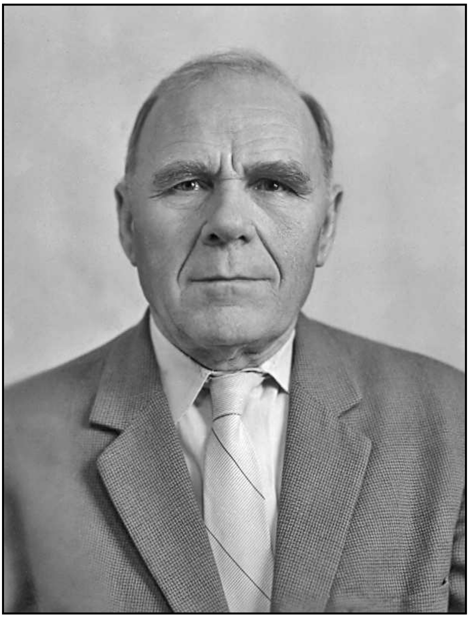
Г.И.Горецкий (в центре) на строительстве Куйбышевской ГЭС. Жигулёвск, 1954 г.

Гавриил и Лариса Горецкие с внучкой Алёнкой. Елабуга, 1955 г.

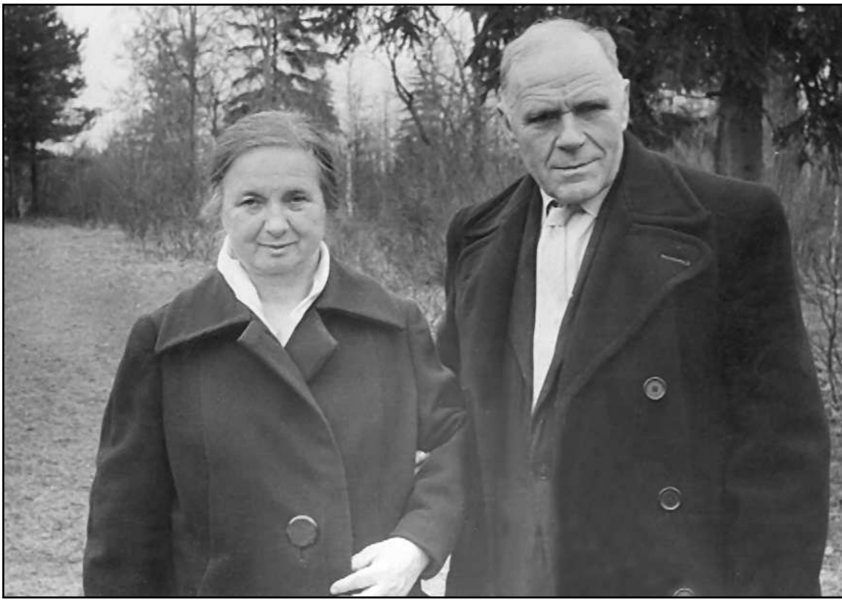
Г.И. и Л.И. Горецкие с друзьями юности: (слева направо) профессор Даниил Иванович Погуляев и академик АН БССР Павел Прокофьевич Роговой. Киев, 1955 г.

Г.И.Горецкий. Дедовск (Московская область), 1962 г.

Г.И.Горецкий с друзьями юности: академик ВАСХНИЛ Самуил Георгиевич Колеснев и Андрей Сухой. Москва, 1964 г.

Л.И. и Г.И. Горецкие. Дедовск (Московская область), 1965 г.

Г.И.Горецкий с внуком Кириллом. Дедовск (Московская обл.), 1967 г.

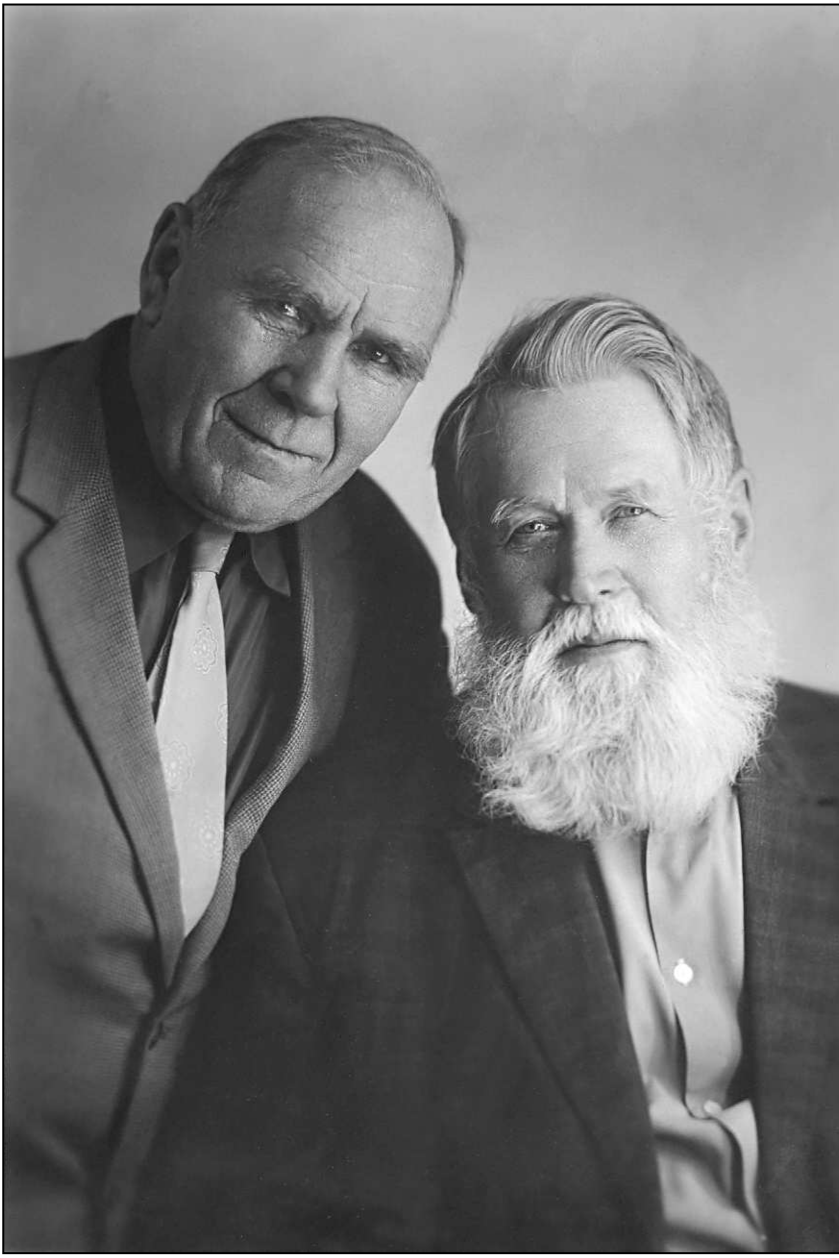

Всесоюзное совещание по краевым ледниковым образованиям антропогена. Геологическая экскурсия около пос. Мякинино (Подмосковье). Г.И.Горецкий и академик Владимир Николаевич Сукачёв (в центре) среди геологов. 1968 г.

Г.И.Горецкий с палеокарпологами: (справа налево) Павлом Ивановичем Дорофеевым и Вадимом Петровичем Никитиным. Калининград, 1968 г.

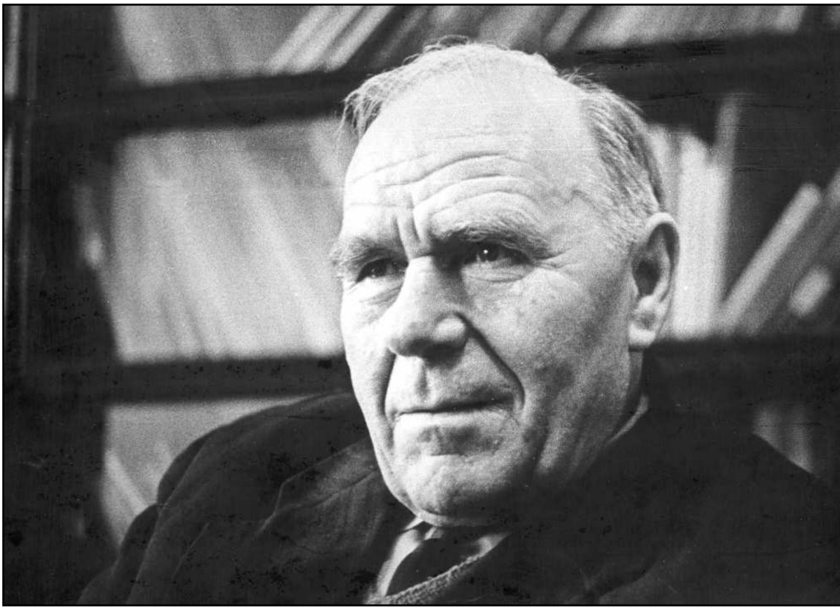
Всесоюзное совещание по краевым ледниковым образованиям антропогена. В центре первого ряда профессор Валерьян Иннокентьевич Громов, справа от него – Ксения Владимировна Никифорова и Г.И.Горецкий. Тирасполь, 1969 г.

Г.И.Горецкий с другом юности – белорусским поэтом Владимиром Николаевичем Дубовкой. Москва, 1970 г.

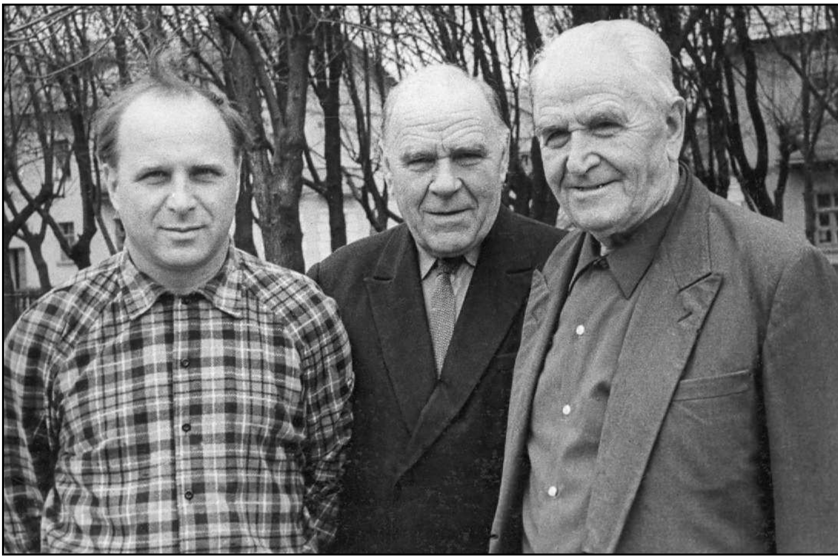
Г.И.Горецкий поздравляет академика Александра Леонидовича Яншина с его 60-летием. Председательствует академик А.В.Пейве. Москва, ГИН АН СССР, 1971 г.

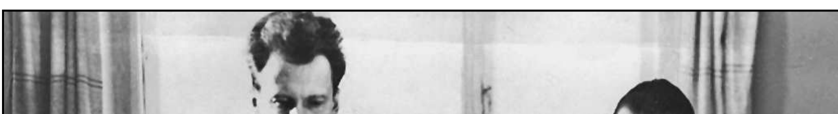
Г.И.Горецкий. Минск, 1971 г.

Г.И.Горецкий в перерыве между изучением и описанием обнажений в долине р. Нёман. 1974 г.

Г.И.Горецкий с братом Порфиром и сыном Радимом.
Могилёв, 1974 г.

Г.И.Горецкий (в центре) с академиками АН БССР Г.В.Богомоловым (слева) и К.И.Лукашёвым (справа) и членами-корреспондентами (стоят) В.К.Лукашёвым и В.А.Кузнецовым. Минск, 1974 г.

Г.И.Горецкий с профессором Александрой Фёдоровной Якушовой. Москва, МГУ, 1975 г.

Г.И.Горецкий с Леонидом Николаевичем Вознячуком на семинаре по истории геологического изучения Беларуси. Минск, 1976 г.

V Всесоюзное совещание по краевым ледниковым образованиям (Днепр, остров близ г. Канева), проведенное под научным руководством Г.И.Горецкого. Заключительное заседание. 1976 г.

Г.И.Горецкий с академиком Андреем Алексеевичем Трофимуком, его женой Алимой Тауфиковной и Р.Г.Гарецким у входа в Институт геохимии и геофизики АН БССР. Минск, 1979 г.

Президент АН БССР академик Н.А.Борисевич поздравляет Г.И.Горецкого с 80-летием. Минск, 1980 г.

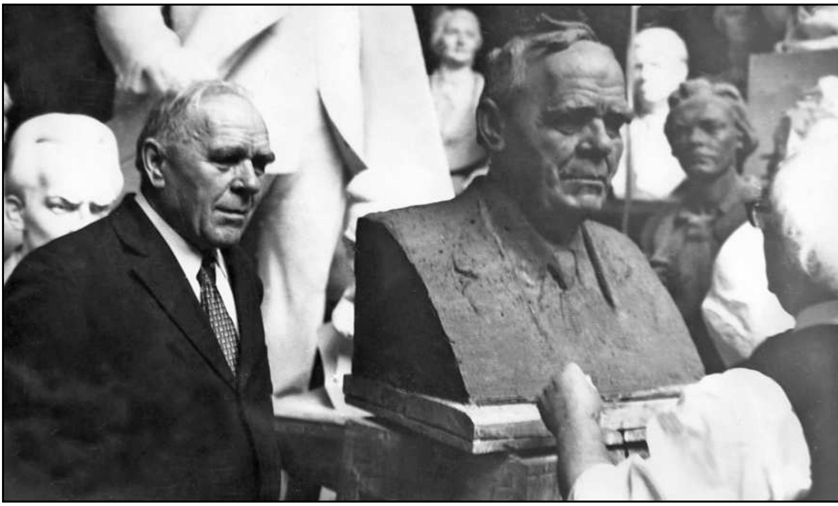
Г.И.Горецкий с сотрудниками лаборатории геологии и палеопотамологии антропогена. Сидят (слева направо): В.В.Межуева, Я.К.Еловичева, Н.А.Махнач, С.Г.Дромашко, Л.П.Логинова, Р.А.Зинова, Т.Я.Якубовская; стоят: С.Ф.Зубович, Г.К.Хурсевич, М.А.Вальчик, А.И.Коптева, Н.М.Явид, С.Л.Шиманович, Т.Б.Рылова, Н.И.Егорова, Л.А.Казак, Г.М.Жердецкая, М.Е.Зусь, В.Л.Шалабода, К.Л.Махнач, С.Д.Астапова, А.Ф.Санько, Ф.Ю.Величкевич, С.А.Феденя, М.Б.Шевякова, В.М.Феденя. Минск, 1980 г.

На VI Всесоюзном совещании по краевым образованиям межледниковых оледенений. Львов, 1980 г.

В гостях у Горецких. Сидят (слева направо): народный писатель Беларуси Янка Брыль, Галина Горецкая, Вера Адамович, Нина Брыль; стоят: член-корреспондент АН БССР, писатель Алесь Адамович, Г.И.Горецкий, В.Г.Горецкий. Минск, 1981 г.

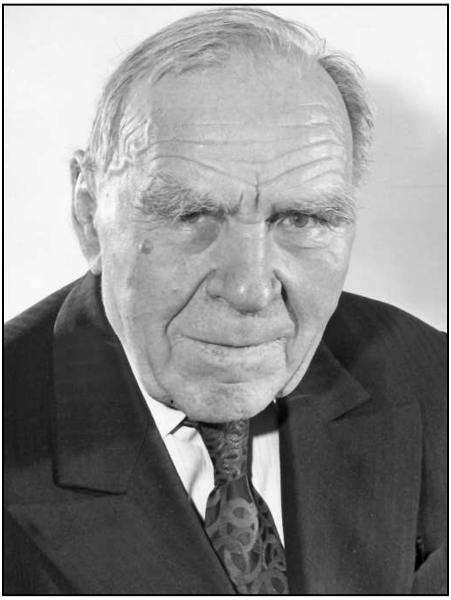
В мастерской народного художника СССР и БССР скульптора Заира Азгура. Минск, 1981 г.

С сыном Якуба Коласа Даниилом Константиновичем Мицкевичем и скульптором Заиром Исааковичем Азгуром – автором памятника Якуба Коласа на одноимённой площади в день 90-летия писателя. Минск, 1982 г.

Выступление Г.И.Горецкого на XI конгрессе Международного союза по изучению четвертичного периода. Москва, 1982 г.

Г.И.Горецкий. Минск,
1985 г.

С профессором Олегом Григорьевичем Сорохтиным на совещании “Геодинамический анализ закономерностей формирования и размещения месторождений полезных ископаемых”. Минск, 1985 г.

Торжественное заседание в здании Президиума НАН Беларуси, посвящённое 100-летию академика Г.И.Горецкого. В президиуме (слева направо): академик И.И.Лиштван, поэт А.И.Вертинский, народный писатель Беларуси Янка Брыль, народный поэт Беларуси Нил Гилевич, Всеслав Горецкий, Радим Гарецкий, член-корреспондент НАН Украины (позднее академик) П.Ф.Гожик, президент НАН Беларуси академик А.П.Войтович, писатель и почётный член НАН Беларуси В.В.Зуёнок, почётный президент НАН Беларуси академик Н.А.Борисевич, академик А.В.Матвеев, профессор А.Гайгалас (Литва), академик А.А.Махнач, профессор Л.Маркс (Польша).

Дом-музей Максима Горецкого в Малой Богатьковке. Слева направо: Радим Гарецкий, Галина Горецкая – дочь Максима Горецкого, Лидия Шнарская – жена внука Ивана Горецкого, Алеся Бабарека – дочь писателя, критика Адама Бабареки.

Мемориальная доска на здании Института геохимии и геофизики НАН Беларуси (автор Алесь Шатерник).

Памятник Г.И.Горецкому на Северном кладбище (автор Валерьян Янушкевич).

Участники V Горецких читаний возле памятника Максиму Горецкому. Минск, 1996 г.

Указатель имён

О г л а в л е н и е

Научно-биографическое издание

Гарецкий Радим Гаврилович
Оноприенко Валентин Иванович

Гавриил Иванович ГОРЕЦКИЙ 1900 – 1988

В авторской редакции

Компьютерный набор – Н.Р.Рудковская, В.И.Оноприенко

Компьютерная верстка, дизайн, обложка – Н.И.Жабиной

Подписан в печать 28.03.2012 г.
Формат 60х90 1/16. Гарнитура Таймс
Услов. печ. л. 34,26. Учет.-изд. л. 37,11.
Тираж 300 экзем. Зак. № 44.

ГП "Информационно-аналитическое агентство"
ул. Еспланадна 4-6, г. Киев, 01601, Украина
тел/факс 287-03-79, 289-77-62
E-mail: iaa@dstati.kiev.ua